

11369.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
по Отдѣленію Этнографіи.

т. XXX.

~~9.4.96~~

ПЕЧОРСКІЯ БЫЛИНЫ.

Записалъ Н. Ончуковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Н. Соколова и В. Пасторъ, Фонтанка 58.

1904.

10718

11369.
Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
по Отдѣленію Этнографіи.

т. XXX.

24865

ПЕЧОРСКІЯ БЫЛИНЫ.

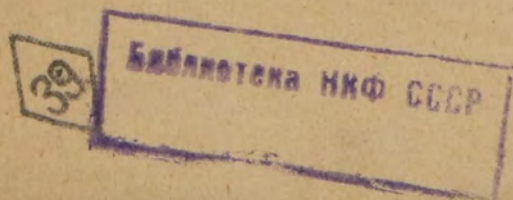
Записаль Н. Ончуковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Н. Соколова и В. Пасторъ, Фонтанка 58.

1904.

К

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества.

62846

Издано подь редакціей члена-сотрудника Общества Н. Е. Ончукова.

Отъ собирателя.

Только благодаря поддержкѣ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ удалось мнѣ съѣздить на Печору и записать „Печорскія былины“. Поэтому, выпуская въ свѣтъ эту книгу, долгомъ своимъ считаю принести глубокую благодарность обоимъ этимъ ученымъ учрежденіемъ. Въ особенности глубоко, глубоко благодаренъ я предсѣдателю Отдѣленія Этнографіи академику *Владимиру Ивановичу Ламанскому*, который кромѣ того, что всегда способствовалъ моимъ лѣтнимъ поѣздкамъ, но и вообще первый направилъ меня на занятія этнографіей. Глубокую благодарность я долженъ выразить также академику *Алексѣю Александровичу Шахматову*, также принимавшему живое участіе въ моихъ поѣздкахъ и никогда не оставлявшего меня своими совѣтами. Много благодарить я долженъ *Василію Ильича Чернышева*, не только взявшагося, во время печатанія книги, по корректурнымъ листамъ, изслѣдовать языкъ Печорскихъ былинъ, но и раздѣлившаго со мной утомительный трудъ чтенія корректуръ первыхъ 12-ти листовъ текста былинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Отъ собирателя	—
II. Былинная поэзія на Печорѣ <i>Н. Ощужова</i>	I
III. Замѣтка о языкѣ Печорскихъ былинъ <i>В. Чернышева</i>	XXXVI

А. Старины Устьцылемской волости.

(А. селенія по рѣкѣ Пижемѣ).

I. Деревня Чуркина.

1. Чуркина Ѳедосья Емельяновна.

1. Застава Богатырская (Илья Муромецъ и Сокольникъ).	5
2. Илья Муромецъ въ опалѣ	16
3. Олеша Поповичъ и сестра братьевъ Долгополыхъ	22
4. Васька Игнатьевъ	26
5. Скопинъ	33

II. Село Замежное (Замегъ).

2. Осташовъ Анкудинъ Ефимовичъ.

6. Бой Ильи Муромца съ сыномъ	37
7. Бой Добрыни и Дуная	41
8. Соловей Будимировичъ	45
9. Фатѣнко	47
10. Садокъ	50
11. Василій Буслаевичъ	52
12. Князь Долгорукой и ключникъ	57
13. Небылица	59

VI

3. Чупрова Устинья Филипповна.

14. Бутманъ Колыбановичъ и царь Петръ Алексѣевичъ	59
15. Царь Александръ II.	62

4. Тарасъ.

16. Бутманъ	64
-----------------------	----

III. Деревня Аврамовская.

5. Чупровъ Василій Аврамовичъ.

17. Васька Игнатьевъ	66
--------------------------------	----

IV. Деревня Боровая.

6. Осташова Анна Денисовна.

18. Василій Игнатьевъ	69
---------------------------------	----

(В. селенія по Печорѣ).

V. Село Устьцыльма.

7. Позднѣвъ Петръ Радіоновичъ.

19. Первая поѣздка Ильи Муромца	78
20. Илья Муромецъ, голи кабацкіе и Угарище.	89
21. Рожденіе Добрыни, первые годы жизни, бой съ Маринкой . . .	97
22. Иванъ Гостиновичъ.	102
23. Ставѣрь Годиновичъ.	113
24. Дюкъ Степановичъ	123
25. Чурило и невѣрная жена	130
26. Маево побокше	132
27. Солѡмонъ-премудрый и Васька Окуловъ.	142
28. Васька Буслаевъ.	151
29. Пародія	155
30. Стенька Разинъ	155
31. Донскіе казаки	156

32. Подъ городомъ подъ Архангельскомъ	157
33. Добрый молодецъ и разбойники	157
34. Смерть Александра I.	158

8. *Рочевъ Егоръ Ивановичъ.*

35. Добрыня и Маринка	159
36. Данило Староилевичъ	161
37. Димитрій Бранской и племянники короля Лимбала	169
38. Пародія	175

9. *Чупровъ Григорій Ивановичъ.*

39. Михайло Казаринецъ	177
40. Егорій, Катерина и мать.	180
41. Небылица про льдину и корабль	181
42. Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ	182
43. Александръ I.	183
44. Пожаръ въ Ярославлѣ.	183

10. *Дуркинъ Димитрій Карповичъ.*

45. Дунай Ивановичъ	185
46. Фатѣнко	192
47. Калики пѣрехожіе	196
48. Василій Буслаевъ	204
49. Иванъ Грозный	204
50. Лука Даниловичъ	209
51. Данило Борисовичъ	213
52. Князь Долгоруковъ	218

11. *Дуркинъ Игнатій Михайловичъ.*

53. Илья Муромецъ	221
54. Дмитрій Бранской	230
55. Садко	233

12. *Торопова Екатерина Федоровна.*

56. Голубиная книга	235
-------------------------------	-----

VIII

13. Чупровъ Алексѣй Васильевичъ.

57. Потыкъ	237
58. Вдова и разбойники	245

VI. Деревня Рощинскій ручей.

59. Добрыня и змѣя	247
60. Скопинъ	251

VII. Деревня Уегъ.

15. Вокуевъ Анисимъ Федоровичъ.

61. Святогоръ	256
62. Илья Муромецъ и голи	257
63. Никита Романовичъ, рожденіе и дѣтство Добрыни	258
64. Алеша Поповичъ, Екимъ и Тугаринъ	260
65. Василій Казимировичъ	263
66. Лука Даниловичъ, змѣя и Настасья Салтановна	269
67. Небылица про льдину	274
68. Отрывокъ	275

VIII. Деревня Верхнее Бугаево.

16. Шишоловъ Василій Дорофеевичъ.

69. Чурило и невѣрная жена	276
70. Садко	278

IX. Село Среднее Бугаево.

17. Шимолова Марія Кузьмовна.

71. Лука Даниловичъ, змѣя и Настасья Салтановна	279
---	-----

Б. Старины Пустозерской волости.

Х. Село Великая Виска.

18. Шальковъ Николай Петровичъ.

72. Потапъ Артамоновичъ	285
-----------------------------------	-----

73. Гремить Мануйловичъ, Идолъ Жидойловичъ и Анна, племянница Владимира князя	292
74. Василий Буслаевъ	297
75. Садко	301
76. Данилко Денисьевичъ	305
77. Кострюкъ	307
78. Голубиная книга	308
79. Небылица про Щуку изъ Бѣлаго озера	311

19. *Дитятевъ Алексѣй Ивановичъ.*

80. Иванъ Горденовъ	313
81. Скопинъ	321

20. *Безумовъ Степанъ Алексѣевичъ.*

82. Горе	325
--------------------	-----

21. *Дитятева Прасковья Ивановна.*

83. Небылица	329
------------------------	-----

XI. Деревня Бѣдовая.

22. *Марковъ Павелъ Григорьевичъ.*

84. Вольга Всеславьевичъ	331
85. Олеша Поповичъ, Екимъ-паробокъ и Тугаринъ	333
86. Дунай	338
87. Василий Игнатьевъ	344
88. Василий Буслаевъ въ Новгородѣ	346
89. Василий Буслаевъ въ Иерусалимъ ѣздилъ	351
90. Садко	358
91. Кострюкъ	363
92. Царь Иванъ Васильевичъ	370

XII. Деревня Пылевецъ.

23. *Хабаровъ Степанъ Федоровичъ.*

93. Михайло Карамышевъ	394
94. Василий Буслаевъ	396

XIII. Село Куя.

24. Шевелева Парасковья Ивановна.

95. Олеша Поповичъ женится	289
--------------------------------------	-----

XIV. Деревня Нарыга.

25. Никоновъ Василій Артамоновичъ.

96. Потапъ Ивановичъ 12-ти лѣтъ	394
97. Василій Буслаевъ	396
98. Кострюкъ	397
99. Князь Гагаринъ	400
100. 14-е декабря 1825 г.	401
101. Жена разбойника	401
— Словарь мѣстныхъ словъ	403
— Указатель именъ	416

Былинная поэзія на Печорѣ *).

I.

Лѣтомъ 1901 г. мнѣ пришлось побывать на низовой Печорѣ. Зная, что два года назадъ г. Марковъ записалъ свои „Бѣломорскія былины“ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, а А. Д. Григорьевъ — въ Поморьѣ, я естественно поинтересовался нѣтъ-ли былинъ и на Печорѣ, хотя наличность ихъ тамъ однимъ изъ прежнихъ изслѣдователей-этнографовъ и отрицалась.

При первыхъ-же разспросахъ на мѣстѣ, тотчасъ выяснилось, что на Печорѣ, даже въ такомъ бойкомъ мѣстѣ ея какъ Усть-Цыльма — мѣсто центральное, больше похожее на городъ — существуютъ „старины“; которыя поются стариками.

Захотѣлось непременно выяснить, что это за старины такія? провѣрить не былины-ли это? А если былины, насколько въ качественномъ и количественномъ отношеніи онѣ сохранились? Сдѣлать все это было очень не трудно при большомъ добродушіи и довѣрчивости усть-цыльмовъ, хотя они всѣ поголовно старообрядцы. Въ первый-же свободный день, въ воскресенье, три старика явились ко мнѣ на квартиру и когда стали пѣть старины, сомнѣнія не было, что это былины. Что былинъ еще очень много на Печорѣ, въ этомъ меня увѣрили на первый-же разъ. Старики говорили шутя „всѣ старины тебѣ не переписать у насъ — бумаги у тебя не хватитъ“.

Однако въ то лѣто я успѣлъ записать только *семь былинъ*. Этому единственной причиной былъ поздній мой пріѣздъ на Печору. Въ Усть-Цыльму я

*1 Статья эта уже была начечатана въ 3—4 вып. «Жив. Стар.» за 1902 г. Въ настоящ. изложеніи она переработана и значительно сокращена.

попалъ къ Петрову дню, когда кончалась бывающая всю весну въ Усть-Цыльмѣ ярмарка, сплывали внизъ по рѣкѣ съ караванами чердынцы, поспѣвала трава на пожняхъ, раскинутыхъ по берегамъ Печоры и ея притоковъ или въ лѣсныхъ рощистяхъ, а по Печорѣ начала большими массами „идти вверхъ семга“. И всѣ усть-цылѣмы, какъ и всѣ остальные печорцы, семьями въ полномъ составѣ, со старухами и ребятишками, иногда даже съ животными (лошадей и собакъ берутъ съ собой на пожни, коровъ отправляютъ со старухами за Печору, въ лѣсныя избушки на подножный кормъ), заколачивая дома отправляются изъ селеній—часть на пожни, часть на рыбныя ловли.

Привезенныя изъ лѣтней поѣздки 1901 года семь былинъ были напечатаны въ „Извѣстіяхъ Отд. русск. языка и словесности И. Академіи Наукъ“, а весной 1902 года Географическое Общество и 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ дали мнѣ средства, чтобы еще разъ съѣздить на Печору уже нарочно за былинами. Чтобы поѣздка была наиболѣе плодотворной, а запись былинъ возможно большей, нужно было пріѣхать на Печору въ такое время, когда мѣстные крестьяне совсѣмъ свободны отъ работъ. Въ этомъ отношеніи о Печорѣ нужно сказать то же, что говорится вообще о русскомъ Сѣверѣ: свободное для крестьянъ время это отъ Пасхи до Петрова дня; печорцы пріѣзжаютъ тогда съ промысловъ рыбы, возвращаются съ звѣриной ловли, вслѣдствіе распутицы не занимаются извозомъ. Всѣ тогда дома, всѣ свободны; тогда происходитъ наибольшее количество свадебъ —кладъ для этнографа,—а когда пройдетъ Печора и пріѣдутъ „съ верховъ“ каютчики-чердынцы, въ Усть-Цыльмѣ „на горкѣ“ каждый вечеръ собираются хоро-воды. Въ Усть-Цыльмѣ во время ярмарки перебивается постепенно вся раскинутая на огромномъ пространствѣ волость, такъ что не выѣзжая изъ этого села можно перевидать жителей всѣхъ, иногда отдаленнѣйшихъ селеній. Совершенно свободного для печорцевъ времени, пожалуй, меньше—отъ Пасхи до вскрытія Печоры,

т. е. время „распуты“ такъ какъ по вскрытіи рѣки часть крестьянъ сейчасъ-же начинаетъ ловить рыбу и кончаетъ это занятіе глубокой осенью, когда рѣка встанетъ. Принимая все это во вниманіе и научный къ тому-же горькимъ опытомъ лѣта 1901 года, въ 1902 г. я рѣшилъ ѣхать на Печору по зимнему пути на лошадяхъ. Но и тутъ нужно было разсчитать время такъ, чтобы пріѣхать не позже, не раньше, такъ какъ во второмъ случаѣ я рисковалъ долго прожить на Печорѣ безъ дѣла; и это непременно-бы случилось, если-бы я пріѣхалъ на Печору еще въ Великомъ посту, особенно на его послѣднихъ недѣляхъ: печорцы-старообрядцы, да и печорцы-православные, обычно очень религіозно настроенные, едва-ли-бы стали мнѣ пѣть что нибудь свѣтское въ это время. По крайней мѣрѣ, я встрѣтилъ послѣ въ Усть-Цыльмѣ старинщика, не согласившагося пѣть мнѣ даже на пасхальной недѣлѣ, а послѣ праздниковъ пѣвшаго только по воскресеньямъ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 2-го апрѣля, 5-го былъ я въ Архангельскѣ, 6-го уже выѣхалъ, по самому послѣднему пути, на лошадяхъ на Печору. Мнѣ предстояло сдѣлать въ саняхъ около 800 верстъ, а время стояло самое неблагоприятное для этого: немилосердно для ранней на сѣверѣ весны палило солнце, быстро таялъ снѣгъ и быстро портились дороги, по которымъ ѣхать становилось едва возможно, а такъ какъ большая половина зимняго тракта на Печору идетъ рѣками (С. Двина, Пинега, Мезень, Цыльма), то и небезопасно: ледяной покровъ рѣкъ вездѣ освободился отъ снѣга и посинѣлъ, появились большія забереги, у самыхъ краевъ дороги зловѣще темнѣли полыньи... Сильно разбитый, сдѣлавъ въ шесть дней 800 верстъ, 12 апрѣля пріѣхалъ я на Печеру въ Усть-Цыльму, а со второго дня Пасхи могъ уже приняться за работу. Знакомствъ заводить мнѣ было не нужно: въ Усть-Цыльмѣ жили старинщики, не использованные мною еще въ прошлый мой пріѣздъ на Печору. Всю пасхальную недѣлю я записывалъ былины въ Усть-Цыльмѣ и къ концу ея, когда старинщики отчасти

поистожились, а отчасти поутомились, въ Фомино воскресенье, 21 апрѣля выѣхалъ въ селенія на рѣкѣ Пижмѣ. И выѣхалъ все еще по зимнему пути: на самыхъ послѣднихъ дняхъ страстной недѣли погода внезапно измѣнилась, подулъ вѣтеръ съ океана, выпала „перенѣва“, и свѣтлый праздникъ печорцы встрѣтили, какъ рождество, въ совикахъ и малицахъ. Съѣздить въ селенія, раскиданныя по рѣкѣ Пижмѣ, по зимней дорогѣ было очень выгодно: путь во всѣ деревни укорочался на половину и втрое сокращалось время. Побывавъ во всѣхъ деревняхъ Пижмы, кромѣ трехъ отдаленнѣйшихъ, съ небольшимъ „жиломъ“ гдѣ навѣрняка, говорили мнѣ, нѣтъ былинь, 26 апрѣля я пріѣхалъ обратно въ Усть-Цыльму, гдѣ и сталъ переживать распуту, ждать вскрытія Печоры. Ждать этого „событія“ на Печорѣ, мѣняющаго совершенно ея зимнюю фیزیономію, пришлось очень долго. Вычислано, что Печера въ среднемъ вскрывается 5-го мая, рѣдко она вскрывается въ самомъ концѣ апрѣля, а въ тотъ годъ въ Усть-Цыльмѣ Печора тронулась 14 мая, а ледъ пошелъ 16 мая. Въ Пустозерскѣ и др. селеніяхъ низовья, Печора тронулась 26—28 мая! Все время распуты я уже ни шагу не могъ сдѣлать изъ Усть-Цыльмы, такъ какъ гораздо раньше Печоры вскрылись маленькіе, впадающіе въ нее ручьи и рѣчки и обратясь въ стремительные бурурны отрѣзали путь даже въ ближайшія къ Усть-Цыльмѣ деревни: мостовъ вѣдь на Печерѣ не полагается, а если таковыя и есть кой гдѣ, то при отсутствіи на Печорѣ земства, дорожное дѣло находится тамъ совсѣмъ въ плачевномъ состояніи. Въ отношеніи записи новыхъ былинь все время распуты было для меня потеряно, такъ какъ усть-цылемскіе старинщики были мной всѣ использованы. Когда Печора совсѣмъ очистилась ото льда, и пришелъ первый пароходъ, я уѣхалъ изъ Усть-Цыльмы и уже все время вплоть до 4-го іюля—дня моего выѣзда съ Печеры обратно—провелъ въ разъѣздахъ, то на пароходѣ, то въ лодкѣ, то на лошадахъ, а случалось, что ходилъ и пѣшкомъ.

Двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ — Усть-

цылемская и Пустозерская, располагаются по берегамъ Печоры приблизительно на 325—330 верстахъ; Усть-Цылемская волость — кромѣ того еще по рр. Цыльмѣ, Пижмѣ и Нерицѣ, а Пустозерская — по одному селенію на рѣчкахъ Сулѣ (д. Сула) и Куѣ (выс. Порсондуй). Если къ линіи, по которой селенія обѣихъ русскихъ волостей распластались по Печорѣ, причислить линіи поселеній по рр. Цыльмѣ, Пижмѣ, Нерицѣ, Куѣ и Сулѣ, то получимъ цифру до 1.000 верстъ; конечно объѣхать всѣ селенія до одного обѣихъ русскихъ волостей было-бы очень трудно, а въ нѣкоторыя селенія попасть лѣтомъ прямо-таки невозможно, *) да въ этомъ я не видѣлъ и необходимости для моей цѣли: навѣрное извѣстно, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ старинъ.

Сообщеніе по рѣкѣ Печорѣ, конечно, стало безусловно доступнѣе въ послѣднія десять лѣтъ, но все-же оно еще очень далеко, напр., даже отъ любого глухого земскаго уѣзда въ Россіи. Дѣло въ томъ, что Печора совсѣмъ еще не знаетъ телѣжныхъ дорогъ, если исключить двѣ станціи (Пылевецъ-Пустозерскъ=24 в. и Пустозерскъ-Тельвиска=20 в.). Лѣтомъ ѣздить исключительно въ лодкахъ или, въ послѣднее время, на пароходѣ. Но почтовый пароходъ дѣлаетъ рейсъ въ 10 дней — во-первыхъ, во-вторыхъ, переѣздки изъ мелкихъ селеній въ таковыя-же или изъ мелкихъ въ крупныя и обратно, по прежнему, приходится совершать на очень большихъ печорскихъ лодкахъ, внизъ по водѣ на веслахъ, вверхъ — бичевой, если нѣтъ попутнаго

*) Напр., дер. Омелина на р. Цыльмѣ, мѣсто бывшаго Цылемскаго старообрядческаго скита (закрытъ, если судить по бумагѣ Пинежскаго духовнаго правл. отъ 20 Апр. 1851 г., хранящейся въ архивѣ Устьцылемскаго собора — въ 1851 году), весьма интересная для посѣщенія, находится въ 250 в. отъ Усть-Цыльмы. Ъхать туда лѣтомъ нужно въ лодкахъ, на шестикахъ, 200 верстъ по совершенно незаселенной мѣстности. Земскіе ямщики туда, конечно, не повезутъ, вольнонаемные также едва-ли, а если-бы какой нибудь охотникъ и согласился проѣхать 500 в. въ лодкѣ — возьметъ очень дорого. Омелинцы, правда, приѣзжаютъ разъ въ годъ въ Усть-Цыльму за хлѣбомъ, во время приѣзда на Печору чердынцевъ, но они едва-ли согласятся везти къ себѣ посторонняго человѣка, а если и увезутъ впередъ, никакъ нельзя будетъ возвратиться обратно. Омелиной очень заинтересованъ былъ противураскольничій миссіонеръ, живущій въ Устьцыльмѣ, и все-таки въ цѣляхъ шесть лѣтъ онъ не былъ тамъ ни разу, да такъ съ Печоры и уѣхалъ.

вѣтра. Какъ только поднимается сильный вѣтеръ, такъ ѣзда по Печорѣ въ лодкахъ становится невозможной, и мнѣ не разъ приходилось подчиняться капризамъ этой сѣверной красавицы. Когда на Печорѣ поднимется сильный вѣтеръ, а это бываетъ очень часто, не только не особенно заинтересованные земскіе ямщики никуда не повезутъ васъ, но и сами печорцы въ самую горячую для нихъ рабочую пору также никуда не ѣздятъ въ лодкахъ. Въ Великой Вискѣ я видѣлъ трехъ печорцевъ, которые чуть не плакали отъ досады, сидя совершенно безъ всякаго дѣла въ Вискѣ дня четыре, а выѣхать домой не могли, хотя деревня и была всего въ 9 верстахъ. Ёхать въ вѣтеръ нельзя—все равно „прижметъ“ къ берегу, гдѣ и придется сидѣть, пока вѣтеръ не стихнетъ. Бываетъ часто, что, выѣхавъ въ хорошую погоду, но застигнутые въ пути вѣтромъ, путешественники робинзонствуютъ гдѣ нибудь на пустынномъ берегу Печоры недѣлю и больше.

Совершенно безпрепятственно мои работы по записи былинь могли происходить только во время распуты, когда всѣ крестьяне были дома, но въ распуту я успѣлъ обследовать подробно только село Усть-Цыльму и селеніе по рѣкѣ Пижмѣ. По вскрытіи Печоры, когда я поѣхалъ въ Пустозерскую волость, многихъ изъ хорошихъ сказателей я уже не засталъ дома. Такъ два раза проѣзжая мимо дер. Абрамовской, я справлялся объ очень хорошемъ будто-бы старинщикѣ—Иванѣ Ивановичѣ Горенкѣ, но оба раза не заставалъ его дома. Пробовалъ я съѣздить на рыбную тоню и тамъ поработать. Но условія работы на тоняхъ крайне неблагопріятны, можно сказать, невозможны. Записывалъ былины я, напр., у костра, между двухъ лодокъ: если сидѣть близко у костра—тепло, но дымъ невыносимо ѣстъ глаза; сѣсть отъ костра дальше, нѣтъ дыму, но руки коченѣютъ отъ пронизывающаго съ океана вѣтра. Вѣтеръ рветъ листы бумаги, валитъ чернильницу, сыплетъ песокъ въ глаза, и того и гляди, пойдетъ дождь. Ко всему этому нужно прибавить, что человѣкъ 20—30 рыболововъ

толпятся около и своими разговорами, замѣчаніями, вопросами дѣлають работу въ конецъ невозможной. Плохо записавъ двѣ былины и получивъ насморкъ, отъ дальнѣйшихъ попытокъ записывать былины на тоняхъ я отказался. Но съ грѣхомъ пополамъ записи еще можно дѣлать до Петрова дня. Этотъ праздникъ — послѣдній день, въ которой печорцы свободны. Теперь-же поспѣваетъ трава на пожняхъ, нужно косить; появляется въ рѣкѣ семга, нужно торопиться ловить ее: болѣе или менѣе богатая добыча семги — болѣе или менѣе сытый годъ для Печорца. Это въ Усть-Цыльмѣ. Въ Пустозерской волости многіе съ очищеніемъ Печорской губы ото льда, а съ Петрова дня всѣ безусловно заняты: или тоже ловятъ семгу или отправляются въ Печорскую губу на рыбный и звѣриный промыселъ. Вообще въ обѣихъ волостяхъ съ Петрова дня не до пѣнія старинъ.

II.

Низовую Печору въ этнографическомъ смыслѣ можно подраздѣлить на три группы: 1) на русскихъ, 2) зырянъ-ижемцевъ и 3) самоѣдовъ. Мое вниманіе привлекали, конечно, только двѣ русскія волости на Низовой Печорѣ — Усть-Цылемская и Пустозерская. Самоѣды и кочевые, и осѣдлые русскихъ былинъ совсѣмъ не знаютъ *); зыряне-ижемцы старинъ почти не знаютъ, большинство даже не понимаетъ, что значитъ старина или былина. Но въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ и ижемцы старины знаютъ.

*) Академикъ Озерецковскій говоритъ про «достопамятныя древности самоѣдскія земли въ Мезенскомъ округѣ»: «Народныя преданія, сверхъ сего правила ихъ вѣры заключаются въ старинахъ (сюдовопць) и въ сказкахъ (вада). Старины поютъ голосомъ, а сказки рассказываютъ просто; въ чемъ заключается исторія сего народа. Увеселительныя пѣсни (хынопць) поютъ и слагаютъ и мужчины и женщины». Путешествія акад. Ивана Лепехина, т. IV, стр. 204. Знающіе по самѣдски пустозеры отзывались о самоѣдахъ, какъ прекрасныхъ сказателяхъ своихъ старинъ, а также сказокъ. Отъ устьцылема А. Чупрова я записалъ прекрасную русскую сказку, которую онъ выучилъ отъ самоѣда.

Мнѣ называли въ селѣ Сизябскѣ старика, поющаго „пѣсни про богатырей“—Илью Муромца и др. Видѣть лично мнѣ этого старика не удалось. Нѣсколько такихъ стариковъ живутъ еще по разнымъ селеніямъ въ Ижемскомъ краѣ на Печорѣ; отъ нѣкоторыхъ я лично слышалъ, что они знаютъ старины. Г. Истомина въ 1890 году удалось записать „среди зырянъ Усть-Кожвинской волости нѣсколько былинь, распѣваемыхъ ими на ломанномъ русскомъ языкѣ“. Это заставило г. Истомина предположить, что „былины... заимствованы зырянами отъ русскихъ сосѣдей ихъ—усть-цылемовъ“. Но когда поиски г. Истомина былинь у усть-цылемовъ не увѣнчались успѣхомъ, вопросъ о томъ, „откуда зырянами заимствованы русскія былины, остался для него (г. Истомина) не выясненнымъ“ *).

Теперь можно съ большою вѣроятностью предположить, что зыряне-ижемцы дѣйствительно заимствовали свои былины отъ своихъ сосѣдей русскихъ. Предположить это можно тѣмъ больше, что зыряне почти не имѣютъ своей поэзіи; покрайней мѣрѣ въ настоящее время они пробавляются исключительно русскими пѣснями. Но съ другой стороны, для меня большимъ сомнѣніемъ является, что весь свой пѣсенный обиходъ ижемцы заимствовали отъ своихъ сосѣдей т. е. усть-цылемовъ и пустозеровъ. Я нѣсколько разъ слышалъ, какъ поютъ ижемцы, и между ихъ пѣніемъ и пѣніемъ ближайшихъ къ нимъ усть-цылемовъ—большая разница, разница въ напѣвахъ, въ содержаніи, въ языкѣ. Пѣсни ижемцевъ—это или старинныя пѣсни среднихъ губерній Россіи („Ахъ вы сѣни“, „Я вечеръ молода“, „Снѣжки бѣлы и пушисты“), поющіяся здѣсь такими-же напѣвами, какъ и тамъ, или это совсѣмъ и не народныя, а модныя пѣсни, стихотворенія изъ книгъ, романсы, перешедшіе изъ полуинтеллигентныхъ слоевъ сначала въ мѣщанство, а потомъ и въ крестьянство: „Хазъ-Булатъ удалой“, „Глядя на лучъ румяннаго заката“, „По

*) «Извѣст. Имп. Р. Геогр. Общ.» томъ XXVI, стр. 433—434.

синимъ волнамъ океана“, самоновѣйшая знаменитая „Разлука“ и др. „Ваньку Ключника“ ижемцы поютъ пѣсней, своимъ текстомъ совпадающей съ текстомъ подъ нынѣшними лубочными картинами и несомнѣнно оттуда взятой, въ Усть-Цылемской волости про „ключника“ поютъ старину, опредѣленно связывая его съ именемъ князя Долгорукова, а дѣйствіе приурочивая къ Москвѣ. Что заимствованія пѣсенъ ижемцами отъ усть-цылемовъ едва-ли были очень ужъ обильны, — за это-же говорить и старая вражда между тѣми и другими. Покойному С. В. Максиму въ 1856 году такъ рассказывалъ объ этомъ одинъ усть-цылемъ: „Ижемцы—наши супостаты, супротивники мы съ ними, *изъ старины во враждѣ* и дирались, крѣпко-на-крѣпко дирались прежде, до смертоноснаго побитія дирались. Теперь вотъ только нѣшто поулаживаемся промежъ себя-то, миримся кое-какъ. Да и то нѣтъ“... *). Едва-ли такая „до смертоноснаго побитія“ исконная вражда служила благопріятнымъ условіемъ для поэтическихъ заимствованій. Но откуда-же такимъ образомъ заимствовали свои старины ижемцы? Зыряне-ижемцы, выходцы съ рѣки Вычегды, Яренскаго у., Вологодской губерніи, могли, во первыхъ, оттуда, со своей родины, принести на Ижму былины. Затѣмъ, ижемцы, издавна отличаясь торговыми наклонностями, могли перенять старины гдѣ-нибудь при своихъ торговыхъ странствіяхъ. Но всего вѣроятнѣе мнѣ кажется слѣдующее предположеніе. Въ церковной лѣтописи ижемской церкви написано: „По устнымъ преданіямъ старожилловъ первые обитатели (Ижмы) были выходцы новгородскіе, что между прочимъ подтверждается и фамильями: Ануфріевы, Истомины, Рочевы. Затѣмъ къ этимъ выходцамъ поселились изъ Вологодской губ., Яренскаго у., деревни Глотовой-слободы два-три семейства. Эти послѣднія были зыряне, отъ которыхъ на Ижмѣ — ижемско-зырянское нарѣчіе, смѣсь русскаго языка съ зырянскимъ“. Церковный лѣтописецъ

*) «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 56, 57.

(священникъ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка), говоря о выходцахъ новгородскихъ, какъ первыхъ посельщикахъ Ижмы, не говоритъ только, откуда новгородцы взялись на Ижму. Зато очень опредѣленно объ этомъ говоритъ академикъ Озерецковскій въ 1772 году: „Первые поселяне (Ижмы) были зыряне... Потомъ въ разныя времена присовокупились къ нимъ многія руссiйскія семьи, вышедшія изъ *Усть-Цылемской слободки*“ *). „Населеніе Ижмы, говорится въ Геогр. Слов. состоитъ изъ зырянъ, вышедшихъ изъ Вологодской губерніи, самоѣдовъ и русскихъ, говорящихъ по зырянски. Есть преданіе, что на Ижму выселились бояре отъ преслѣдованія Ивана Грознаго **). Наконецъ у Ижемскаго старожила—дьякона Сизябской церкви Петра Истомина я записалъ слѣдующее: „Первый житель поселился въ 1567 г. изъ Волог. г., Яренской округи, деревни Глотовой, изъ слободки зырянинъ, по имени неизвѣстно. Отъ него зырянскій языкъ остался въ селеніи Ижма навсегда. Къ нему пріѣхали изъ Усть-Цылемской слободки пять братьевъ Чупровыхъ, изъ новгородцевъ поселились Рочевы, еще есть поколѣніе одно изъ чудскихъ жителей, что нынѣ записаны крестьяне Поповы“. Эти данныя, основанныя на преданіяхъ, имѣютъ подъ собой уже и чисто реальную почву: зыряне-ижемцы разительно по моему отличаются отъ зырянъ Вологодской губерніи своимъ типомъ: они высоки, стройны, въ громадномъ большинствѣ бѣлокуры, съ голубыми глазами, и если-бы не языкъ ижемцевъ, въ большинствѣ совершенно нельзя было-бы отличить ихъ отъ потомковъ новгородцевъ — усть-цылемовъ. Вотъ не предки-ли русскихъ засельщиковъ Ижмы, выходцы изъ Усть-Цыльмы и занесли къ зырянамъ русскія былины? Это во первыхъ. Во вторыхъ, ижемцы, всегда разъѣзжая по торговымъ дѣламъ, сами могли научиться пѣть былины на Мезени, Пинегѣ и др. мѣ-

*) «Путешествіе академика Ивана Лепехина въ 1772 году» часть IV, стр. 282, 283. О выходцахъ въ Ижму и въ Устьцыльму упоминаетъ и Максимовъ «Годъ на Сѣверѣ» т. 2, стр. 148.

**) «Геогр. стат. словарь Россійск. Им.» т. 2, стр. 309.

стахъ. Въ третьихъ, въ Ижму, въ свою очередь всегда прѣзжали купцы изъ разныхъ мѣстъ. Озерцовскій такъ говоритъ объ этомъ: „Для покупки мягкой рухляди прѣзжаютъ къ нимъ (ижемцамъ) изъ Яренска, Мезени, Пинеги и изъ Архангельска, а иногда изъ Москвы и съ Вологды торговые люди“ *).

III.

Печорскія былины я считаю нужнымъ раздѣлить на 1) старины Усть-Цылемской волости и 2) на старины Пустозерской волости, а первыя еще, кромѣ того, на старины Пижемскія и Припечорскія. Сначала скажу о причинѣ раздѣленія старинъ по волостямъ. Однѣ и тѣ-же былины поются въ той и другой волости различно, и это относится иногда къ былинамъ распространеннѣйшимъ, напр. женитьба Дуная. Кромѣ того, нѣкоторыя былины извѣстны только въ той или другой волости: такъ въ Усть-Цылемской волости совсѣмъ не знаютъ распространенную—бой Васьки Буслаева съ новгородцами. Не знаютъ еще въ Усть-Цылемской волости былинъ Пустозерской: Вольгу, Потапа Артамоновича, Идолища и племянницу Владиміра, Ивана Горденовича, Кострюка, Горе, небылицу про щуку изъ Бѣлаго озера. Зато и въ Пустозерской волости не знаютъ былинъ Усть-Цылемскихъ: Данила Староилевича, Дмитрія Бранского, Бутмана Колыбановича, Луку Даниловича, князя Долгорукова. Нѣкоторая разница въ содержаніи одинаковыхъ старинъ и незнаніе старинщиками одной волости старинъ другой будутъ вполне понятны, если вспомнить, какъ населялись эти двѣ рядомъ лежащія по одной рѣкѣ волости.

Первый засельникъ Усть-Цылемской волости былъ новгородецъ Ивашка Ластко, съ товарищемъ Власкомъ, основавшій слободу Усть-Цыльму въ 1542 г.**). Къ новгородцамъ мало по малу стали приходить при-

*) «Пут. ак. Ив. Лепехина» Т. IV, стр. 284.

**) С. Максимовъ. «Годъ на сѣверѣ», т. 2 стр. 23—24.

шельцы съ Мезени, Пинеги, Кевролы, Двины и др. рѣкъ, гонимые тяготой жизни со старыхъ мѣстъ и искавшіе вольности на новинѣ. Все это были, нужно думать, или прямые новгородцы или потомки ихъ, изъ только-что отошедшей къ Москвѣ Двинской земли. Все населеніе слободки было, повидимому, изъ представителей чистой „земли“, т. е. земледѣльческаго сословія, — крестьянъ.

Совершенно не то мы видимъ въ Пустозерской волости. Такъ сказать, завязью волости былъ Пустозерскій воинный острогъ. „Острогъ былъ устроенъ въ 1499 году князьями Курбскимъ, Ушатовымъ, Заболоцкимъ, для сбора ясака съ восточныхъ самоѣдовъ *). Слѣдовательно волость Пустозерская заселилась служилыми людьми Московскаго государства, прямыми потомками которыхъ и являются нынѣшніе пустозеры. Первые русскіе засельники волости были военные люди: „здѣсь имѣли мѣстопробываніе воеводы“ **). Затѣмъ, „Городокъ (Пустозерскъ), со временъ самой отдаленной старины русской, служилъ мѣстомъ ссылки многихъ боярскихъ фамилій, подпавшимъ подъ царскую опалу ***). Изъ лицъ опальныхъ, кромѣ многихъ малоизвѣстныхъ въ исторіи, въ Пустозерскѣ бывали лица съ крупными историческими именами: не считая протопопа Аввакума, сгорѣвшаго здѣсь со своими товарищами на кострѣ за свою идею, въ Пустозерскѣ семь лѣтъ (съ 1676—1682) выжилъ бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, двадцать лѣтъ прожилъ (съ 1691 по 1710 г.) князь Василій Васильевичъ Голицынъ; въ началѣ же 18 вѣка жилъ здѣсь князь Семенъ Щербатовъ. Эти опальные лица пріѣзжали въ Пустозерскъ не безъ провожатыхъ и не безъ челяди; такъ бояринъ Матвѣевъ жилъ здѣсь съ сыномъ Андреемъ, а при нихъ были: учитель сына, священникъ и 30 человѣкъ слугъ. Вотъ какимъ пришлымъ элементомъ пополнялись быстро вымиравшіе въ

*) «Геогр. Стат. словарь Рос. Имп.» т. IV стр. 248—249. П. И. Семенова.

**) П. И. Семеновъ. Геогр. словарь.

***) С. Максимовъ «Годъ на сѣверѣ», т. 2, стр. 59.

суровомъ краю первые русскіе засельники. И всѣ бы они, первые засельники, вѣроятно вымерли, если бы, смѣшиваясь съ самоѣдами и зырянами *), не приспособились такимъ образомъ къ суровому краю и не образовали въ теченіе времени какъ бы особаго пустозерскаго типа, послѣ чего они окрѣпли, стали плодиться и расселяться по волости. Конечно инородцы, входившіе въ кровныя связи съ русскими, не могли не подпасть подъ полное ихъ культурное и и религіозное вліяніе и въ совершенствѣ усваивали языкъ, религію, обычаи и преданія, но и русскіе, обильною волною воспринявшіе инородческую кровь, не могли, сохранивъ свой духовный обликъ, не попортить свой внѣшній типъ, внесеніемъ въ него инородческихъ чертъ. Выхватите изъ толпы пустозеровъ и усть-цылемовъ по одному рядовому и сразу-же бросится въ глаза большая разница: усть-цылемъ вообще выше средняго роста, строень, силенъ, бѣлокуръ, непременно съ голубыми глазами, обладаетъ громкимъ голосомъ, подвиженъ, веселъ, словоохотливъ, добродушенъ; пустозерь всегда ниже средняго или низкаго роста, черноволосъ, смуглъ, глаза непременно черные, съ какимъ-то особенно лаковымъ, неглубокимъ блескомъ, какой вы часто увидите и у самоѣдовъ. Пустозерь говоритъ тихимъ голосомъ, не откровененъ, себѣ на умъ, склоненъ къ низкопоклонству и лести.

И вотъ „земля“ одной волости и „служилое сословіе“ другой отразились, казалось мнѣ, и въ былинахъ обѣихъ волостей. Усть-цылемъ поетъ старицу увѣренный, что все, что въ ней изложено, было. Но, потомокъ новгородцевъ, — онъ не отличаетъ одного царя отъ другого, а въ сущности не ясно представляетъ себѣ эту власть. Идеалы его въ былинахъ не государственные и политическіе, а чисто нравственные, общечеловѣческіе. Совсѣмъ не то пустозерь. Онъ твердо знаетъ, что значить царь, и не спутаетъ его ни съ кѣмъ. Пустозерь не запутается и въ хроноло-

*) До сихъ поръ указываютъ пустозеры на кр-нѣ Дитятевыхъ и Безумовыхъ, какъ произошедшихъ отъ чуди.

гii: не споетъ положимъ, что Костюкъ былъ въ Кіевѣ у Владиміра, или что Васька Буслаевъ жилъ въ Москвѣ. Передъ былиной онъ разскажетъ преданіе, а послѣ ея еще что нибудь дополнить и объяснить. Его очень интересуеъ судьба государства, царей, политическое положеніе дѣлъ и старины изъ цикла историческихъ пѣсенъ онъ особенно знаетъ и любитъ, а своевольный Васька Буслаевъ, сомнительно, пользуется-ли его сочувствіемъ. Устьцылемъ-старообрядецъ съ головой ушедшій въ религію или точнѣе въ мелкое исполненіе ея обрядовыхъ предначертаній, совсѣмъ не знаетъ даже мѣстную исторію раскола, остается какъ-то безучастенъ къ ней. Но мнѣ попадались старинщики-пустозеры, напр., Павелъ Марковъ изъ Бѣдовой или Василій Никоновъ изъ Нарыги, которые разсказывали объ Иванѣ Грозномъ такъ, какъ будто царь этотъ жилъ лѣтъ 30 назадъ, на ихъ памяти *).

Выше я говорилъ, что старины Усть-Цылемской волости можно еще подраздѣлить на старины жителей, живущихъ въ селеніяхъ по рѣкѣ Пижемъ и на ста-

*) Выше я говорилъ предположительно, что предки нынѣшнихъ пустозеровъ—московскіе служилые люди, смѣшавшіеся въ послѣдствіи съ мѣстными инородцами. Мой старинщикъ изъ Бѣдовой П. Марковъ упорно передавалъ мнѣ мѣстное преданіе, что пустозеры—новгородцы, бѣжавшіе изъ Великаго Новгорода во время извѣстныхъ казней Ивана Грознаго. Марковъ отрицалъ даже, что его родная деревня Бѣдовая—выселокъ изъ Пустозерскаго острога. Онъ утверждалъ, что Бѣдовая, да и нѣкоторыя другія деревни заселились непосредственно выходцами изъ Россіи. Для подтвержденія его разсказа нѣтъ данныхъ, кромѣ преданій, передаваемыхъ, правда, очень упорно и не мнѣ одному. Преданіе въ этомъ-же смыслѣ записано уже Озерецковскимъ: «Жители сей волости (Пустозерской), по объявленію ихъ, происходятъ отъ чуди и изъ новгородцевъ, поселившихся, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ». („Путешеств. акад. И. Лепехина“ Т. IV стр. 277). О новгородскомъ происхожденіи пустозеровъ говорилъ и покойный В. Н. Латкинъ въ своемъ „Дневникѣ путешествія по Печорѣ: „заселеніе здѣсь началось позже (12 вѣка) и, вѣроятно, тоже выходцами изъ Новгорода; сюда шли селиться... по выгоде промысловъ и для мѣны съ кочевыми народами; или оставляли берега родного Волхова во время разгрома новгородскаго“ (стр. 59)... „У пустозеровъ передается преданіе, что они потомки выходцевъ изъ Новгорода; и дѣйствительно, эти люди сохранили типъ сѣверныхъ славянъ: ихъ обычаи и домашній бытъ рѣзко отличаютъ ихъ отъ типа и обычаевъ сосѣднихъ усть-цылемцевъ и ижемцевъ; и не трудно замѣтить путешественнику, что послѣдніе не родные имъ по отчизнѣ“ (стр. 60). Послѣднимъ своимъ замѣчаніемъ Латкинъ, конечно, разрушаетъ все то, что онъ воздвигъ для доказательства, что пустозеры—новгородцы, такъ какъ уже внѣ всякихъ сомнѣній, что усть-цылемцы-то именно и есть новгородцы, и если жители двухъ волостей рѣзко отличаются

рины припечорскихъ селеній. Между тѣми и другими старинами нѣтъ разницы въ ихъ содержаніи, и только одного Бутмана Колыбановича, котораго почему-то особенно любятъ пижемцы, не знаютъ припечорцы. Разница между старинами той и другой мѣстности, во первыхъ, въ *напѣвахъ*, во вторыхъ — немного въ *говорѣ*. Разница въ напѣвахъ между пижемцами и остальными усть-цылемами (т. е. жителями всей волости) да пожалуй, и всѣми русскими печорцами — велика. Дѣло въ томъ, что на Пижмѣ цѣлыхъ 114 лѣтъ *) существовалъ старообрядческій Великопоженскій скитъ. Скитъ этотъ почти сто лѣтъ былъ единственнымъ просвѣтительнымъ мѣстомъ на Печорѣ, и въ немъ не только учили грамотѣ и получали полемическія познанія старообрядцы, но тутъ же учились они и пѣть для нуждъ богослуженія, которое въ скиту свершалось благолѣпно. Теперь даже, 60 лѣтъ спустя послѣ закрытія скита, деревни Скитская и Замогильникъ, образовавшіяся на его мѣстѣ извѣстны своимъ пѣніемъ, которое тамъ по традиціи передается отъ отцовъ и дѣдовъ. Лучшіе старообрядческіе пѣвцы и справщики службъ на Печорѣ и теперь живутъ въ Замогильникѣ и Скитской; лучшіе, чѣмъ гдѣ либо въ Печорскомъ краѣ пѣвицы живутъ не только въ этихъ двухъ образовавшихся на мѣстѣ скита деревушкахъ, а и по всей рѣкѣ Пижмѣ, по всѣмъ ея деревнямъ. Если Пижма и теперь несетъ славу центра печорскаго старообрядства (на разстояніи ста верстъ живутъ 5 наставниковъ, одинъ изъ которыхъ, древній старецъ — исповѣдникъ чутъ ли не всей волости, а

по типу другъ отъ друга, это значить только, что они имѣютъ не одинъ корень происхожденія. Нельзя также никакъ сблизать усть-цылемцевъ и ижемцевъ: послѣдніе зыряне, хотя, вѣроятно, и не безъ сильной струи русской крови. Противорѣчитъ ему и названіе всѣхъ жителей Пустозерской волости — *пустозерами*, что значить, что всѣ они вышли когда-то изъ городка Пустозерска. Совершенно также всѣ жители усть-цылемской волости называются — *усть-цылемами*, и уже навѣрно извѣстно, что всѣ они дѣйствительно потомки усть-цылемовъ.

Н. О.

*) Основанъ приблизительно въ 1730 г. выходцами съ Мезени, въ 1744 г. сгорѣлъ, но возобновился опять и закрытъ начальствомъ въ 1841 г. „Живая Стар.“ 1901 г., вып. 3-4 Н. Е. Ончуковъ: „О расколѣ на низовой Печорѣ“, стр. 441.

другой ѣздить съ требами въ предѣлы Вологодской губерні), то пижемскія дѣвицы слывутъ лучшими пѣвицами на всей Печорѣ. Онѣ такъ хорошо поютъ въ сравненіи со всѣми остальными печорками, что какъ только пижемки пріѣзжаютъ во время ярмарки въ Усть-Цыльму и являются на горкѣ, усть-цылемки отходятъ прочь, уступая имъ первенство въ умѣніи пѣть пѣсни. Удивительно чистыми пріятными голосами, но какими-то особенными, скорѣе пѣсенными мотивами поютъ пижемцы, все равно и старики и молодые,—былины, знаютъ которыя здѣсь почти въ каждой деревнѣ. Разница въ говорѣ между пижемцами и остальными усть-цылемами и припечерцами зависитъ, вѣроятно, отъ того, что пижемцы на половину, если не болше, мезенцы родомъ, не столь отдаленнаго выхода. Рѣчь ихъ совсѣмъ не пѣвуча, какъ у устьцылемовъ, въ ней меньше цеканья, она болше литературна, и это послѣднее можетъ быть потому, что обладательница просвѣщеннаго скита—Пижма, не мало привнесла въ свою рѣчь отъ книгъ.

Выше было сказано, что Пустозерская волость не знаетъ нѣкоторыхъ старинъ Усть-Цылемской волости и наоборотъ. Является вопросъ: неужели за время четырехъ столѣтій двѣ, съ русскимъ населеніемъ рядомъ лежащія волости, не могли обмѣняться старинами? Но, во первыхъ, мы не знаемъ—когда старины попали на Печору, а во вторыхъ, дѣйствительно, двѣ сосѣднія волости мало сносились между собою, и на это были особыя причины. Дѣло въ томъ, что обѣ волости только въ послѣднее время, какихъ нибудь 40 лѣтъ, т. е. тогда, когда уже былинный эпосъ сталъ падать на Печорѣ—стали почти сходитьсь селеніями, раньше-же они были довольно далеки другъ отъ друга *), а такъ какъ сотни двѣ верстъ разстоя-

*) Озерецковскій въ 1772 г. говоритъ: „Домовъ въ самой Усть-Цыльмѣ 120, да въ приписанныхъ къ ней *четырехъ деревняхъ*—20“. „Путешествіе академика Ивана Лепехина“. Т. IV, стр. 280. Конечно, всѣ четыре деревни Устьцыл. волости были вблизи слободки Усть-Цыльмы, никакъ не дальше 20 верстъ, если не меньше, слѣдовательно, до перваго селенія пустозерской волости, Великой Виски, въ концѣ 18 вѣка было отъ Усть-Цылемской волости 200 верстъ.

62846
 нія приходилось по такой большой и беспокойной рѣкѣ, какъ Печора, то ничего нѣтъ удивительнаго, что сношенія были и не часты. Но главная причина незначительныхъ сношеній между пустозерами и усть-цылемами была таже, что и между послѣдними и ижемцами-зырянами, о чемъ уже было говорено выше. Причина эта была вражда изъ-за рыбныхъ угодій на Печорѣ. Въ 1856 году старикъ, бесѣдовавшій съ С. В. Максимовымъ, такъ говорилъ ему: „И теперь дѣло съ пустозерами не можетъ рѣшиться:—загребали Печорушку всю, почестъ; выселки свои понадѣлали у насъ чуть не подъ самымъ носомъ. Тако дѣло!..“*). О томъ-же говоритъ и г. Истомина: „граница между двумя сосѣдними волостями (Пустозерской и Усть-Цылемской) до сихъ поръ точно не установлена: размежеваніе не произведено, и эта неопредѣленность вызываетъ большія недоразумѣнія. Столкнувшись на какомъ-нибудь угодыи и усть-цылемы и пустозеры убѣжденно считаютъ его своей территоріей; поднимается споръ, который и рѣшается въ пользу сильнаго, нерѣдко послѣ жестокой драки“ **). Мнѣ лично, самый старый въ Усть-Цыльмѣ человѣкъ Лазарь, долго и много рассказывалъ, какъ онъ лѣтъ сорокъ тому назадъ ходилъ выборнымъ, чтобы хлопатать передъ пріѣхавшимъ на Печору „землемѣромъ“ о выгодахъ своего общества въ спорѣ двухъ волостей о границахъ. Усть-цылемы дѣйствовали навѣрняка: собирали денегъ съ каждаго домохозяина и вручали ихъ Лазарю на взятки „землемѣру“. Но пустозеры были богаче усть-цылемовъ, и деньгами нельзя было ничего сдѣлать. Тогда дальновидный Лазарь познакомился „съ супругой землемѣра“ и подарилъ ей какую-то особенно дорогую и диковинную шаль. Успѣхъ былъ полный, и дѣло выиграли усть-цылемы. Послѣ торжества одной волости надъ другой взаимныя столкновѣнія, конечно, не прекратились, и до сихъ поръ еще усть-цылемы и пустозеры не особенно-то дружатъ. До сихъ поръ на тоняхъ рѣдко вмѣстѣ ловятъ

*) „Годъ на сѣверѣ“; т. 2, стр. 36—37.

**) „Предв. Отчетъ о поѣздкѣ въ Печорскій край“ стр. 17.

семгу пустозеры и усть-цылемы, а встрѣчаясь, часто ссорятся, а то и дерутся.

Можно только затронуть вопросъ: какъ попали старины на Печору? Если считать былины-старины произведеніемъ профессиональных пѣвцовъ древней Руси—скомороховъ и отчасти каликъ, то слѣды ихъ найдутся и въ печерскихъ старинахъ, о чемъ ниже. Но очень трудно и предположить даже, чтобы калики и особенно скоморохи пробирались въ такую глушь и дичь, какъ Печора. Другое дѣло, если произведенія, перенятые отъ нихъ, заносились на Печору посредственно. Если Пустозерскъ служилъ мѣстомъ ссылки боярамъ, иногда знатнымъ, иногда даже временщикомъ, и если жили они на Печорѣ не безъ своихъ людей, то что же удивительнаго, что изъ 30 человѣкъ челяди, жившей въ Пустозерскѣ съ бояриномъ Артамономъ Матвѣевымъ, было нѣсколько знаточковъ старинъ? Можно допустить даже, что Матвѣевъ, отправляясь въ ссылку, нарочно взялъ съ собой побольше людей, могущихъ утѣшить и развеселить его въ „суровой странѣ льда и ночи“. То же можно сказать и про Голицына, и про Щербатова, и прочихъ неизвѣстныхъ невольныхъ жителей Москвы въ Пустозерскѣ. Челядь, знавшая старины, могла быть и у воеводъ пустозерскихъ, у надсмотрщиковъ за ссыльными и другихъ служилыхъ людей такъ или иначе имѣвшихъ дѣло съ Пустозерскомъ. Былъ и еще путь, по которому старины могли очень легко переходить на Печору, и трудно рѣшить, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Этотъ второй путь—торговья сношенія съ Пустозерскомъ. Озерецовскій писалъ въ 1772 году: „Для покупки мягкой рухляди бывають въ Пустозерскѣ изъ разныхъ городовъ купцы, а больше изъ Архангельска, Холмогоръ, Пинеги и Мезени, также съ Вологды, а временемъ изъ Москвы. Они пріѣзжаютъ туда обыкновенно въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, а отъѣзжаютъ передъ Рождествомъ“^{*)}. Такимъ образомъ по два мѣсяца жилали здѣсь архангельскіе, вологодскіе и московскіе купцы,

^{*)} „Путешествіе академика Ивана Лепехина“. Т. IV, стр. 277.

и все это время, конечно, уже не такъ были завалены дѣломъ, чтобы не оставалось времени и для забавы—для пѣнія и слушанія старинъ. Латкинъ свидѣтельствуешь, что „по сохранившемуся списку съ указа даннаго пустозерской воеводской канцеляріи видно, что въ 1574 году въ здѣшній край (въ пустозерскую волость) приходили Двиняне, Устюжане и Пенежане промыслять моржей и окулъ“ *)... Приходя сюда, они не могли не сталкиваться съ пустозерами и могли передавать имъ старины. Наконецъ, сами пустозеры прежде „производили дѣятельную торговлю съ Березовымъ на Оби“ **). А въ Сибири тоже знаютъ старины.

Вотъ пути, по которымъ могли попадать старины въ Пустозерскую волость.

Но если усть-цылемы жили во враждѣ съ пустозерами и не отъ нихъ заимствовали свои старины, то откуда? Тотъ-же Озерецовскій на свой вопросъ: „пріѣзжаютъ-ли въ Усть-Цыльму иногородцы за мягкою рухлядью и изъ которыхъ мѣстъ?“ отвѣчаетъ: „Въ Усть-Цыльму пріѣзжаютъ все тѣ же, какіе и въ Пустозерскъ“ ***). Но тогда почему усть-цылемы переняли не всѣ старины, какія переняли пустозеры и наоборотъ? Въ отвѣтъ на это можно предположить, что въ выборѣ старинъ отъ заѣзжихъ купцовъ у жителей той и другой волости руководило чувство симпатіи къ тому или иному герою старины и чувство вкуса, такъ что не понравившійся, напр., „Кострюкъ“ усть-цылемами и не запоминался. Кромѣ того, усть-цылемы, кромѣ продажи продуктовъ своего промысла пріѣзжимъ купцамъ, также сами вели еще торговлю съ городомъ Пинегой и съ зырянскимъ краемъ на р. Вашкѣ, Вологодской губерніи; тамъ они также могли встрѣчаться съ русскими изъ другихъ городовъ. Торговля эта была бѣлой рыбой, которую усть-цылемы добывали осенью на озерахъ и въ замороженномъ видѣ цѣлыми обозами отправляли на Никольскую ярмарку въ Пинегу и въ

*) „Дневникъ Путеш. по Печорѣ“, стр. 37, ч. II.

**) Тамъ же, стр. 58.

***) «Путеш. акад. Ив. Лепех. т. IV стр. 281.

зырянскій край. Дорога въ городъ Пинегу шла 150—200 верстъ по мезенскимъ селеніямъ, а мезенцы—извѣстные старинщики. Кромѣ того, сами мезенцы-старообрядцы, переселившись въ 1730 году на Печору, могли занести туда и старины. Была и еще возможность занесенія старинъ въ Усть-Цылемскую волость: Великопоженскій скитъ, за 100 слишкомъ лѣтъ своей жизни, не переставая, сносился съ другими центрами старообрядческаго міра. Особенно часты и обильны были сношенія скита на великихъ Пожняхъ съ знаменитыми Выгорецкими скитами *), въ Олонецкой губерніи, которую В. Θ. Миллеръ не даромъ называлъ „Исландіей русскаго эпоса“.

IV.

Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, какъ сохранялись и передавались былины на Печорѣ можно уже, выйдя изъ области гаданій съ большою вѣроятностью утверждать слѣдующее. Конечно, на Печорѣ не было профессиональных пѣвцовъ мѣстныхъ, такъ же совершенно, какъ ихъ не было и на всемъ Сѣверѣ, т. е. не было лицъ, пѣніемъ старинъ снискивавшихъ себѣ пропитаніе. И это потому главнымъ образомъ, что на Печорѣ и особенно въ Усть-Цылемской волости, чисто крестьянской, вообще не было какихъ нибудь сословныхъ различій, исключая развѣ нѣкоторыхъ имущественныхъ — тамъ всѣ равны. Однако слѣды пѣвцовъ-профессионаловъ найдутся и въ печорскихъ старинахъ. Правда ихъ очень не много. Петръ Поздѣвъ три изъ 11-ти спѣтыхъ мнѣ старинъ (Илья и Угарище, Чурило и невѣрная жена и Васька Окуловъ) оканчивалъ такъ:

Кабы бросилъ тулово во чисто поле,
Тамъ чернымъ-то воронамъ на воскурканье,
Онъ сѣрымъ-то волкамъ на востарзаніе,
Тамъ какъ синему морю на утишенье,

*) Въ дер. Скитской я нашелъ портреты двухъ выгорецкихъ столповъ благочестія: Симеона Діонисьевича (Денисова) и Петра Ироконьевича; нашелъ списки посланій витіеватаго поморскаго характера, обрывки рукописей поморскаго письма и пр.

Кабы всё намъ молодцамъ на послуханье,

Кабы старымъ старухамъ да на долгой вѣкъ.

Если все вышеприведенное м. б. показываетъ на приемъ кончатъ такъ подходящія старины профессиональными пѣвцами, — такимъ образомъ даютъ они понять слушателямъ о концѣ старины, то предпослѣдній стихъ говорить, что пѣли старины молодцы, приемъ м. б. заимствованный отъ скомороховъ; а послѣдній стихъ не говоритъ-ли, что пѣвцы, эти, по крайней мѣрѣ, на Печорѣ, были старухи, при окончаніи своей работы полусхотливо желающія себѣ долгой жизни. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, пѣвцы, какъ-бы обращаясь къ слушателямъ, называютъ ихъ „братцами“.

Страшная глушь Печоры, ея отрѣзанность отъ всей остальной Россіи и расколъ служили главными причинами, что старины до сихъ поръ удержались на Печорѣ. Заброшенная въ суровомъ климатѣ за полярнымъ кругомъ, недалеко отъ Ледовитаго океана, совершенно въ сторонѣ отъ жизни всей остальной Россіи, Печора до самаго послѣдняго времени жила укладомъ жизни и духовными интересами, по крайней мѣрѣ, конца XVII вѣка. Въ области религіозной пытливость печорцевъ не простерлась дальше споровъ между собой и съ миссіонерами о мелкой обрядности, о буквы св. писанія; огромное движеніе народныхъ массъ въ Россіи въ религіозной области въ сторону раціонализма совсѣмъ не коснулось печорцевъ, осталось для нихъ непонятнымъ и чуждымъ*). Даже въ костюмахъ Печора сохранила парчевые боярскіе наряды, въ центрѣ Россіи хранящіеся только въ музеяхъ. И въ области духа—въ поэзіи, Печора оставалась вѣрна своимъ, застывшимъ во всемъ остальномъ, формахъ, и пробавлялась Богъ вѣсть когда сложенной былинной, невольно приспо-

*) Мнѣ завѣдомо извѣстно, что на Верхнюю Печору, въ Чердынскій уѣздъ, Пермск. губ., проникали въ качествѣ рабочихъ на заводъ Бердышъ не то штундисты, не то баптисты. Но ихъ не поняли, и они не имѣли успѣха. Про ученіе ихъ одинъ старообрядецъ рассказывалъ мнѣ, какъ о крайней степени нравственнаго паденія, чуть не безумія.

собляя ее къ мѣстнымъ условіямъ и, по своему, многое въ ней понимая. Печорецъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, даже не задается вопросомъ—правда-ли все то, о чемъ поется въ старинахъ? Для большинства все удивительное и необыкновенное въ старинахъ вполне допустимо. Да и безъ вѣры въ чудесное, необыкновенное, о чемъ рассказываютъ старины, онѣ конечно потеряли-бы всякій интересъ и, м. б. давно забылись-бы. Нужно только видѣть, съ какимъ живымъ одушевленіемъ и вниманіемъ слушаютъ печорцы старины, подчеркиваютъ особенно нравящіеся имъ мѣста, объясняютъ по своему темныя или совсѣмъ непонятныя. Чудесное въ былинахъ для печорца совсѣмъ, впрочемъ, и не представляется чѣмъ-то особеннымъ. Этимъ чудеснымъ полна его дѣйствительная жизнь, міръ, его окружающій полонъ чудесъ и необъяснимостей: въ рѣкахъ и особенно озерахъ обитаютъ водяные, въ лѣсу—лѣшіе, въ собственномъ дому, за печкой, хозяйничаетъ домовою, вокругъ—оборотни, вѣдьмы, шишки, колдуны, которые—разсерди ихъ—и нынче обратятъ въ гнѣбного тура.

Для усвоенія сотенъ и тысячъ стиховъ есть благопріятныя условія, это—большой досугъ, являющійся не какъ лѣнь или отсутствіе работы, а большой досугъ даже на самомъ важномъ дѣлѣ. Этотъ досугъ на работѣ невольно является, напр., у усть-цылемовъ на рыбной ловлѣ, производимой два раза въ годъ, лѣтомъ и осенью, причемъ оба раза ловля значительно разнится, а въ зависимости отъ этого разнится и досугъ. Лѣтомъ усть-цылемы ловятъ семгу, для чего хозяевъ по 20 по 30 и даже больше скопляются на особыхъ мѣстахъ Печоры, „тоняхъ“, гдѣ идетъ вверхъ по рѣкѣ рыба. Ловятъ семгу большимъ неводомъ, причемъ закидываютъ, соблюдая строго очередь, и если ловъ происходитъ на хорошей тонѣ, и собралось положимъ до 50 хозяевъ, то каждый ловецъ, закинувъ неводъ разъ, очереди долженъ ждать, когда закинутъ остальные слѣдующіе за нимъ 49 человѣкъ. Такимъ образомъ получается

большой промежутокъ совершенно свободнаго времени, и этотъ невольный досугъ у каждаго домохозяина тѣмъ больше, чѣмъ больше на тонѣ народу. Вотъ въ это-то свободное время, достигающее иногда полусутокъ, а иногда даже и больше, и поются старины. Но ловля лѣтомъ семги слишкомъ важное дѣло: отъ величины улова зависитъ весь годъ жизни усть-цылема. Время лова семги поэтому горячее, напряженное, нервное; часто оно сопровождается ссорами, иногда даже драками изъ-за очереди; часто тутъ не до старинъ. Особенно не до старинъ тогда, когда ловля происходитъ на неважной тонѣ и гдѣ, слѣдовательно, ловить немного народу, иногда такъ немного, что свободнаго времени чуть-чуть хватаетъ на отдыхъ. — Совершенно другой характеръ носить ловля рыбы осенью, на такъ называемыхъ *осеновьяхъ*. *Осеновья*—это ловля бѣлой рыбы осенью или вначалѣ зимы на озерахъ. На осеновья уѣзжаютъ обыкновенно артелями въ 6 — 7 — 10 человѣкъ. Уѣзжаютъ съ запасами провизіи за много верстъ отъ двора, за 100—150 и больше, гдѣ и проводятъ осеннюю распуту, а по первому снѣгу возвращаются домой. День на Печорѣ осенью и особенно зимой очень коротокъ и, проработавъ часовъ 5—6, при наступившей темнотѣ всѣ принуждены на невольный отдыхъ. Работы кончаютъ въ 5, въ 4 часа дня, а спать еще рано, разговаривать не о чемъ, дѣлиться не чѣмъ; всѣ знаютъ о каждомъ порознь всю подноготную. Вотъ тутъ-то и выступаютъ на сцену сказочники и старинщики, которыхъ, говорили мнѣ, нарочно старается, всѣми мѣрами залучить въ артель составляющій ее староста. Въ хорошемъ старинщикѣ на осеновья такая потребность, что старинщики пользуются нѣкоторыми преимуществами въ совершенно равноправной артели, гдѣ и староста, хлопотами котораго артель собирается, а иногда и держится, имѣетъ только нравственное, а не матеріальное преимущество; старинщики-же въ артели, повторяю, пользуются и послѣднимъ. Старинщику, напр., не поручаютъ особенно трудную часть работы, и они дѣлаютъ въ артели то,

что обыкновенно исполняют малолѣтніе и подростки, если таковые есть въ артели, пользующіеся однако совершенно одинаковымъ паемъ съ остальными членами артели; при раздѣлѣ добычи старинщику, особенно угодившему своими стараніями артели, возможно, что дается и до нѣкоторой степени лучшая часть добычи; объ частыхъ угощеніяхъ старинщиковъ особенными любителями старинъ въ артели я уже не говорю: старинщика возможно чаще стараются угостить „алабышами“, а алабыши старинщику, не въ примѣръ прочимъ, особенно жирно мажутъ масломъ, чтобы голосъ былъ звонче и катился масляниѣе, а старинщикъ охотнѣе и лучше пѣлъ старины.

Къ этому можно добавить, что и вообще старинщики пользуются на Низовой Печорѣ уваженіемъ среди сельчанъ; ихъ считаютъ особенно развитыми, надѣленными какой то особенной способностью, даромъ, которымъ, пожалуй, можно и гордиться, и фраза: „о, онъ сказитель!“ служить большой похвалой. И только „молодяжникъ“ въ большихъ центрахъ, напр., въ Усть-Цыльмѣ, похожей больше на городъ, относится иногда какъ бы скептически къ старинщикамъ. Но скептицизмъ этотъ въ данномъ случаѣ особенный, не искренній, и зависитъ, во 1-хъ, просто отъ свойства русскаго человѣка надъ всѣмъ слегка посмѣяться, особенно когда дѣло происходитъ въ компаніи, а во 2-хъ, тутъ, пожалуй, сказывается зависть, къ заработку и угощеніямъ, которые получали отъ меня старинщики за свою работу, а также зависть и къ исключительному вниманію къ старинщикамъ пріѣхавшаго изъ Петербурга человѣка. Что нѣсколько насмѣшливое отношеніе къ старинщикамъ отъ молодежи не искренне даже и въ Усть-Цыльмѣ, видно хотя бы изъ того уже, что въ той же Усть-Цыльмѣ мнѣ предлагали пѣть старины два молодые парня, желая заработать на „половинчикъ“. Вездѣ по другимъ всѣмъ мѣстамъ Печоры къ старинщикамъ относятся съ большимъ почтеніемъ, ихъ знаетъ непременно каждый въ своемъ селеніи, а иногда слава ихъ гремитъ на всю Печору. Правда эта слава не всегда совпадаетъ съ

дѣйствительною цѣнностью старинщика, и мнѣ не разъ приходилось разочаровываться въ старинщикахъ, о которыхъ наговорено было слишкомъ уже много. Но какъ бы то ни было, подъѣзжая зимой по тайболѣ къ Усть-Цыльмѣ я еще за три станціи отъ нея занесъ въ записную книжку имена нѣсколькихъ извѣстныхъ сказителей, а въ томъ числѣ и И. И. Горенку, хотя деревня, гдѣ онъ живетъ, была отъ станціи по крайней мѣрѣ въ 250 верстахъ. Стоитъ пріѣхать только даже въ такое огромное село какъ Усть-Цыльма, какъ почти первый встрѣченный расскажетъ вамъ, кто поетъ въ селѣ старины. Поэтому мнѣ мало понятно — какимъ образомъ прежніе путешественники на Печору ничего не слыхали о старинахъ. Если путешественники позапрошлаго столѣтія академики Лепехинъ и Озерецковскій и путешественникъ 40 годовъ XIX вѣка В. Н. Латкинъ, какъ ѣздившій на Печору не съ этнографическими цѣлями, могли еще не спросить про старины, то ужъ совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ о старинахъ не слыхали этнографы — С. В. Максимовъ и Ѳ. М. Истоминъ, и особенно послѣдній, даже сознательно интересовавшійся былинами на Печорѣ*). Неуспѣхъ г. Истомина можно объяснить развѣ только, такъ сказать, методомъ его изслѣдованій: „желаніе ознакомиться съ возможно большимъ числомъ населенныхъ пунктовъ, — писалъ онъ, — вынуждало меня почти все время тратить на разъѣзды... Болѣе или менѣе продолжительныхъ остановокъ столь необходимыхъ для полнаго этнографическаго изслѣдованія края, въ особенности для составленія значительнаго собранія памятниковъ народнаго творчества, такихъ остановокъ въ нынѣшнюю поѣздку на долю мою почти не выпадало“.

Много значить, конечно, и личное умѣнье cadaго изслѣдователя входить въ сношенія съ народомъ;

*) «Однимъ изъ крайне интересовавшихъ меня вопросовъ въ нынѣшнюю поѣздку, былъ вопросъ о былинахъ. Названныхъ въ прошломъ году знатоковъ я вторично не засталъ дома, а разспросы мои о старинахъ, которыя они знаютъ убѣдили меня что это не былины, а рассказы и записи объ устьцылемской старинѣ... Дальнѣйшіе мои поиски былины не увѣнчались успѣхомъ». «Предвар. отчетъ о поѣзд. на Печору», стр. 3.

огромное значеніе имѣеть и тотъ методъ, съ какимъ приступать къ распросамъ о старинахъ, особенно среди старообрядцевъ. А между прочимъ, онъ такъ простъ и еще 30 лѣтъ тому назадъ изложенъ въ двухъ словахъ А. Ө. Гильфердингомъ: „Программа на случай встрѣчи со старообрядцами, говоритъ Гильфердингъ, *) была у меня готова: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, а когда зайдетъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ“.

Большой новостью мои открытія десятковъ былинь на Печорѣ были всей печорской бюрократической интеллигенціи: учителямъ, священникамъ, чиновникамъ, между которыми есть цѣлыхъ два — дѣйствительныхъ члена Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи... Никто и не подозрѣвалъ о существованіи былинь на Печорѣ, не подозрѣвалъ потому, конечно, что работая годы, иногда десятки лѣтъ среди народа, просвѣщая, уча, руководя имъ, эта интеллигенція очень повинна именно въ неисполненіи вышевыписанной программы Гильфердинга; служа десятки лѣтъ народу, интеллигенція эта, къ сожалѣнію, въ большинствѣ совершенно чужда народу; это какія-то двѣ отдѣльныя націи, другъ другу чуждые, другъ друга совсѣмъ не понимающіе, если только не враждующіе. Такъ и живутъ, обыкновенно, выказывая, съ одной стороны, — недостижимое превосходство и иногда прямое презрѣніе, съ другой, — приниженность изъ сознанія безсилія и пугливую скрытность...

Въ извѣстности старинщиковъ на всей Печорѣ нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что старины поются главнымъ образомъ на рыбныхъ ловляхъ, гдѣ скопляются иногда представители чуть-ли не всей волости. Извѣстность старинщиковъ на Печорѣ, впрочемъ, и не предста-

*) «Сборникъ II Отд. II. Ак. Наукъ», т. 59 стр. 12.

вляеть чего-то особеннаго: нечего удивляться тому, что какого нибудь хорошаго сказителя знаютъ на Печорѣ, если собиратель „Бѣломорскихъ былинь“ г. Марковъ, бывшій въ Зимней Золотицѣ, записалъ имена и фамилы особенно извѣстныхъ старинщиковъ на Мезени.

Относительно того, гдѣ старины больше сохранились—въ глухихъ-ли деревняхъ или въ селеніяхъ многолюдныхъ, казалось - бы, можно утвердительно сказать, что въ глухихъ мѣстахъ. Однако это не совсѣмъ такъ. Маленькія глухія деревушки, вдали отъ центровъ жизни, съ ихъ культурными нововведеніями, школами и пр., конечно, имѣютъ больше шансовъ для сохраненія старинъ, но это только говоря вообще. Въ частности-же можетъ быть и иначе. Все зависитъ отъ того, какъ старо каждое отдѣльное маленькое глухое селеніе, и живутъ-ли въ немъ старики. Если селеніе старинное, и въ немъ живутъ старики, навѣрное можно сказать, что въ немъ поютъ и старины, и что среди молодого поколѣнія есть будущіе старинщики; но если глухое селеніе—недавній выселокъ, старинщиковъ въ немъ обыкновенно не бываетъ; но это опять-таки въ томъ только случаѣ, если на новое мѣсто не выселились и старики. Такъ что, установя общее правило, что въ молодыхъ поселкахъ старинщиковъ нѣтъ, въ видѣ исключенія можно наткнуться на такой выселокъ, образовавшійся, можно сказать, вчера, а въ немъ живетъ прекрасный старинщикъ. Теперь возьмемъ центръ низовой Печоры—Усть-Цыльму. Это совсѣмъ почти городъ: двѣ церкви, двѣ школы, полицейское управленіе, казначейство, почта, телеграфъ, больница, квартиры крестьянскаго чиновника, мирового судьи, податного инспектора и пр.; въ ней всегда много пріѣзжихъ, лѣтомъ постоянная горка, зимой общественныя игры молодежи на улицахъ—вообще всѣ условія, способствующія быстрѣйшему вымиранію и полному забвенію усть-цылемами старинъ. И однако это не такъ: въ Усть-Цыльмѣ я записалъ старины отъ 9 человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ старинщиковъ тамъ и еще больше.

Почему это? Причина та, что живущіе почти въ городѣ усть-цылемы поголовно всѣ, такъ-же, какъ и жители всѣхъ самыхъ маленькихъ и глухихъ селеній, заняты рыбной ловлей, являющейся для нихъ пока преобладающимъ промысломъ. И если Усть-Цыльма преобразуется въ настоящій городъ, усть-цылемы обратятся въ мѣщанъ, старины въ ней все будутъ держаться, какъ напр., въ городѣ Мезени, и удержатся онѣ до тѣхъ поръ, пока усть-цылемы съ рыбной ловли не перейдутъ на какое нибудь другое домашнее дѣло. Такъ сказать бюрократичность Усть-Цыльмы, можно сказать совсѣмъ пока не отвлекаетъ ея жителей отъ ихъ исконнаго дѣла; даже женская прислуга у чиновниковъ въ Усть-Цыльмѣ почти поголовно не мѣстная, а отчасти съ Ижмы, отчасти съ Мезени, а то и изъ Архангельска.

Несомнѣнно только одно, что населенность, бойкость и обиліе чиновниковъ въ Усть-Цыльмѣ ведетъ къ тому, что усть-цылемки-женщины уже не знаютъ старинъ. Въ самой Усть-Цыльмѣ отъ женщинъ мнѣ не пришлось записать ни одной старины, и только двѣ женщины пѣли мнѣ стихи. Совсѣмъ не то, напр. на рѣкѣ Пижмѣ, гдѣ изъ 7 пѣвшихъ мнѣ лицъ четыре были женщины. И этому объясненіе одно: усть-цылемы почти не поютъ старинъ дома, а только на рыбной ловлѣ. Дома имъ есть *иди* и *какъ* провести время: лѣтомъ, во время пріѣзда чердынцевъ, каждый день горка, тутъ-же гдѣ нибудь игра въ мячъ, въ которой принимаютъ участіе и взрослые; играютъ также въ городки, борются, часто происходятъ драки, что тоже привлекаетъ много зрителей. Все это ведетъ къ тому, что дома, въ селѣ, нѣтъ ни времени, ни охоты пѣть старины, а дѣвицамъ не у кого старинамъ учиться. Да если-бы старики дома и пѣли старины, всякая дѣвушка, конечно, предпочла-бы пѣнію стариковъ горку, гдѣ она является активной участницей пѣсенъ, игръ и пр. На рыболовныхъ-же тоняхъ, гдѣ главнымъ образомъ поются старины, усть-цылемки не бываютъ. Совсѣмъ не то въ глухихъ деревняхъ, напр. на рѣкѣ Пижмѣ. Тамъ есть деревни въ 4—5—10

дворовъ, расположенныя на крутомъ берегу рѣки. Нѣтъ тамъ ни хороводовъ, ни горокъ, ни игръ, такъ какъ ко всему этому располагаетъ, и все это возможно только при большомъ количествѣ молодежи; а на Пижмѣ въ деревняхъ часто бываетъ, что есть въ одной деревнѣ дѣвушки, а парней нѣтъ: частью переженились, частью въ солдаты ушли, а то еще не подросли. Или такъ случается: въ деревнѣ 2—3 парня и одна дѣвушка — какой-же тутъ хороводъ! Нечего дѣлать, не на что смотрѣть въ свободное время и старикамъ, и вотъ они собираются въ одну избу и поютъ старины, вся деревня слушаетъ, а болѣе воспріимчивые, какъ парни, такъ и дѣвицы, перенимаютъ. Вотъ почему нѣтъ старинщицъ въ бойкомъ и огромномъ селѣ Усть-Цыльмѣ и есть они въ маленькихъ и глухихъ деревняхъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ селѣ Бугаевѣ я уже опять нашелъ старинщицу, но все-же въ селеніяхъ Усть-Цыльмской волости, расположенныхъ по Печорѣ, женщины знаютъ гораздо меньше старины, чѣмъ на рѣкѣ Пижмѣ. Въ Пустозерской волости женщины знаютъ старины мало, но все-же мнѣ пришлось встрѣтить лично трехъ старинщицъ и объ одной замѣчательной старинщицѣ (въ с. Куѣ) слышать. Незнаніе пустозерками старинъ, я думаю, зависитъ отъ того, что положеніе женщины въ Пустозерской волости рѣзко отличается отъ того-же въ Усть-Цылемской, гдѣ женщина совсѣмъ чувствуетъ себя свободной *). Не то въ Пустозерской волости. Собираясь въ гости въ какойнибудь домъ, женщины-пустозерки всегда держатся въ сторонѣ отъ мужчинъ, если есть отдѣльная изба, сидятъ въ ней, если нѣтъ, стараются помѣститься хоть въ особой комнатѣ **)—условія для заучиванія старинъ, конечно, неблагоприятныя.

Заучиваются старины, вообще говоря, въ дѣтскомъ

*) „Живая Старина“ вып. 3—4 за 1901 г. См. мою статью: „О расколѣ на Низовой Печорѣ“.

**) Это строгое разобщеніе половъ, можетъ быть, еще одинъ лишній признакъ того, что пустозеры — потомки московскихъ служилыхъ людей. Древняя Русь, нравы которой долѣе всѣхъ носилъ Новгородъ, едва ли знала то, что явилось послѣ татарскаго ига въ Москвѣ.

или юношескомъ возрастѣ, когда умственная воспримчивость гораздо сильнѣе, но изъ этого общаго правила есть разительныя исключенія. Приведу примѣры: старинщикъ Петръ Поздѣевъ, спѣвшій мнѣ старинъ больше, чѣмъ кто либо, такъ заинтересовался моей работой, что приходилъ ко мнѣ и тогда, когда старины пѣли другіе. Однажды у меня пѣлъ Д. Дуркинъ старину о Лукѣ и змѣѣ, а Петръ Поздѣевъ былъ тутъ, и старина ему очень понравилась. Увидавшись со мной черезъ нѣсколько дней, онъ со смѣхомъ заявилъ мнѣ, не хочу ли я отъ него прослушать новую старину „о Лукѣ и змѣѣ“. Оказывается, что онъ, прослушавши разъ, запомнилъ старину, а когда ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, попробовалъ спѣть и спѣлъ всю отъ начала до конца. П. Поздѣеву 65 лѣтъ! Когда я былъ въ деревнѣ Чуркиной на Пижемѣ, ямщикъ мой указалъ мнѣ на Петра Агѣева, знающаго какую-то очень ужъ складную старину, такую, какую ямщикъ не слыхалъ больше нигдѣ. Пошелъ я къ Агѣеву и попросилъ спѣть. Тотъ долго отпѣкивался, а потомъ, когда согласился, сказалъ, что старину онъ не поетъ, а „читаетъ, какъ по книжкѣ“. Дѣлать нечего, я согласился и на это. Тогда Агѣевъ взялъ деревянную покрывку съ горшка, легъ на кровать и, глядя въ покрывку, какъ въ книжку, безъ запинки отбарабанилъ мнѣ лермонтовскую пѣсню про купца Калашникова. Онъ зналъ ее такъ твердо, что заинтересовалъ одного священника, тотъ слѣдилъ за нимъ по книгѣ и не нашелъ ни одного пропуска. Пѣсню 40—45 лѣтній Агѣевъ запомнилъ недавно, когда его грамотный братъ, солдатъ, читалъ раза два по книжкѣ.

Поются старины на Печорѣ многими, но учатся старинѣ не отъ многихъ, а только отъ лучшихъ пѣвцовъ. На Пижемѣ, напр., всѣ, пѣвшіе мнѣ старины, ссылались или на Васю Малаго (д. Аврамовская) или на умершую уже тетку Катю. Иногда этотъ знатокъ старинъ служить учителемъ цѣлаго поколѣнія и цѣлой кучки деревень, не связанныхъ между собою никакимъ родствомъ. Передаются старины, такъ сказать, и по наслѣдству, отъ отца, дѣда и пр., и, въ свою

очередь, нынѣшніе старинщики передають старины своимъ дѣтямъ. Такъ у Петра Поздѣва старинщикомъ былъ отецъ и вотъ изъ четырехъ его сыновей двое — Петръ и Семенъ поють старины. У Петра Поздѣва есть дѣти, изъ которыхъ сынъ Иванъ, служащій сельскимъ писаремъ, знаетъ старины. У Григорія Чупрова, по его словамъ, отецъ былъ замѣчательный старинщикъ, а сынъ Григорія, 15 лѣтній подростокъ Иванъ, грамотный, и, можетъ быть, будущій начетчикъ, знаетъ много сказокъ, интересуется и старинами, но не заучиваетъ ихъ, предпочитая читать по книгамъ. Сынъ Димитрія Дуркина перенялъ нѣкоторыя отцовскія старины.

Относительно того — падаетъ-ли былинная поэзія на Печорѣ? — можно сказать утвердительно: да, падаетъ. Еще и теперь печорская рѣчь такъ сказать пропитана старинами, и выраженія изъ нихъ, ввидѣ поговорокъ и пословицъ, можно слышать постоянно. Вотъ на улицѣ разговариваютъ парни о своихъ дѣлахъ, и одинъ изъ нихъ говоритъ: „Поди-ко съ нимъ свяжись: онъ схватитъ за руку — рука прочь, схватитъ за ногу — нога долой“. А вотъ на сельскомъ сходѣ, когда нужно было высказаться о чемъ-то, а всѣ молчали, одинъ мужичекъ сказалъ: „у насъ, когда дѣла коснется — меньшій хоронится за средняго, средній за большаго, а и отъ большаго отвѣту нѣтъ“. — „Ты дари намъ чо-ли — сказалъ одинъ усть-цылемъ мѣстному богачу, который просилъ услужить, — дари намъ, такъ мы тебѣ будемъ помогать“, а тутъ-же бывшая его жена добавила: „Кунью шубу въ пятьсотъ рублей“. Даже маленькій сынишка священника часто говоритъ: А пойду я, мама, „вонъ на улицу“. Недавно еще составлялись и распѣвались цѣлыя пародіи старинъ, гдѣ дѣйствующими лицами выставались мѣстные крестьяне.

И все-таки старинная поэзія на Печорѣ падаетъ не смотря на все это. Объ этомъ говорятъ въ одинъ голосъ уже сами старинщики. Какъ только станешь спрашивать про старины, такъ всѣ и говорятъ: „Вотъ пріѣхалъ-бы ты лѣтъ 10—15 назадъ, когда былъ

живъ (такой-то). Вотъ онъ тебѣ-бы напѣлъ! А мы што“...

О паденіи былинной поэзіи говорятъ и мои личные наблюденія. Есть еще и теперь прекрасные старинщики и старинщицы (Авдотья Чуркина, Анисимъ Вокуевъ, Степанъ Хабаровъ, Павелъ Марковъ), но и они уже отчасти устарѣли, а отчасти, можетъ быть, не встрѣчая прежняго сочувствія и прежняго спроса на свое искусство, много забыли; Чуркина много уже путаетъ, а двѣ старины спѣла совсѣмъ плохо. О большинствѣ-же нечего и говорить: путаютъ, перевираютъ, извращаютъ старины сильно. Таковъ, напри- мѣръ, хотя-бы спѣвшій мнѣ больше всѣхъ Петръ Поздѣевъ. Всѣ старины онъ поетъ однимъ „ясакомъ“ (напѣвъ), что хорошій былинщикъ никогда не позво- литъ, да и не сумѣетъ; все происходитъ у него въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ, куда онъ отнесъ даже и князя Долгорукова съ ключникомъ; во всѣ стари- ны вносятъ однообразные факты, фразы и цѣлыя дѣй- ствія, и не помня подлинныхъ слышанныхъ отъ ста- риковъ выраженій, привноситъ много своего, отражая, особенно въ разговорахъ, строй современной въ Усть- Цыльмѣ рѣчи. Болѣе древнія старины знаютъ плохо: такъ про Вольгу я записалъ только отрывокъ, про Свя- тогора, никто не сумѣлъ мнѣ спѣть. У многихъ ста- ринъ не знаютъ нынѣ конца, нѣкоторыя старины поютъ не сначала. Такъ, записывая Ваську Игнать- ева, я только на третій разъ записалъ и конецъ; конецъ Данилы Староильевича я записалъ въ 4-й разъ; Бутмана Колыбановича, записавъ четыре раза, я такъ и не записалъ всего; Скопина въ Усть-Цылем- ской волости, мнѣ долго не могли спѣть сначала, всѣ начинали:

„Много Скопинъ по землямъ бывалъ,
Много Скопинъ городовъ видалъ“...

То-есть, начинали съ середины рѣчи Скопина на пирѣ у князя. То, что всѣ старинщики Усть-Цылем- ской волости начинать старину непременно съ этихъ словъ, показываетъ, что старина заучена отъ одного

усть-цылема, въ свою очередь, слышавшаго старину гдѣ-нибудь не сначала.

Итакъ былинная поэзія на Печорѣ, несомнѣнно, падаетъ и падать будетъ все больше больше съ каждымъ годомъ, такъ какъ съ каждымъ, можно сказать, годомъ развивается промышленно низовая Печора. По Печорѣ ходятъ теперь пароходы; Въ Усть-Цыльмѣ теперь телеграфъ и почта, проведенъ трактъ на Архангельскъ, а лѣтомъ совершаютъ свои рейсы и морскіе пароходы. Три года, уже какъ на Печорѣ работаютъ шведы, вырубая лѣсъ для отправки за границу; около устьевъ Печоры построили они лѣсопильный заводъ, занимающій много рабочихъ рукъ. Выросталъ другой такой-же заводъ въ то лѣто, когда я былъ на Печорѣ, а на р. Ухтѣ, притокѣ Ижмы, говорятъ, шли подготовительныя работы для добычи давно извѣстной тамъ нефти. И вотъ, когда Печора покроется заводами, которые съ занятіемъ, въ качествѣ рабочихъ, мѣстныхъ крестьянъ будутъ привлекать и полчища „бродячей руси“ изъ центровъ Россіи, это нашествіе, въ концѣ концовъ, свалить старую культуру Печоры, а съ ея упадкомъ постепенно исчезнуть и былины. И Печора имѣетъ всѣ данныя на то, чтобы съ развитіемъ на ней промышленности скоро перенять чужое и совсѣмъ обезличиться: у ней нѣтъ поддерживающаго старину элемента—на Печорѣ земледѣліе почти не имѣетъ значенія, и промыслы здѣсь,—единственный хлѣбъ насущный. Получится то-же, что я наблюдалъ на примѣръ, на р. Вишерѣ, въ Чердынскомъ уѣздѣ. Черезъ 15 лѣтъ послѣ постройки перваго въ уѣздѣ—Кутимскаго горнаго завода, населеніе совершенно измѣнило свой характеръ и изъ нѣскольکو грубоватыхъ, но строго честныхъ, съ патріархальными нравами лѣсныхъ и рыбныхъ промышленниковъ превратилось въ дерзкихъ и наглыхъ подсобныхъ рабочихъ горнаго завода и спилось. Можетъ быть, это и неизбежно, какъ одна изъ стадій промышленнаго роста страны, но это грустно.

V.

Долженъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу настоящей книги. Какія былины на Печорѣ сохранились? Въ какомъ видѣ онѣ сохранись? Вотъ тѣ два вопроса, которые были мной поставлены, когда я приступалъ къ записыванію печорскихъ былинъ. Для этого я рѣшилъ, такъ сказать, переписать по содержанію все обращающіяся на Печорѣ былины и по одному разу хотя-бы и такія, которыя уже извѣстны въ массѣ пересказовъ, записывая малоизвѣстныя и совсѣмъ неизвѣстныя въ большемъ количествѣ разнорѣчій. Намѣреваясь переписать все печорскія былины, я руководился тѣмъ, что былины у насъ—родъ народнаго творчества, наиболѣе быстро исчезающій изъ народнаго обихода и сохраненіе ихъ по отдѣльнымъ областямъ, какою несомнѣнно является Печора, вслѣдствіе ея полной почти изолированности отъ остальной Россіи, во всякомъ случаѣ, интересно. Въ былинахъ, извѣстныхъ въ десяткахъ пересказовъ, въ этомъ глухомъ краю я думалъ найти такіе эпизоды, штрихи, намеки, какихъ нѣтъ еще въ уже существующихъ сборникахъ былинъ, а вѣдь и самыя незначительныя намеки очень иногда цѣнны при изученіи былинъ. И я не ошибся: даже въ извѣстнѣйшей былинѣ о Василиѣ Буслаевѣ я записалъ на Печорѣ нѣчто такое, чего нѣтъ пока еще въ извѣстныхъ о немъ былинахъ, хотя, съ другой стороны, мнѣ пришлось записать не мало былинъ, гораздо худшаго качества, чѣмъ таковыя-же въ сборникахъ Гильфердинга. не говоря уже о классическомъ Киршѣ. Но если принять во вниманіе, что отъ записей былинъ «Сборника Кирши Данилова» насъ отдѣляетъ, по крайнѣй мѣрѣ, полтора-два лѣта, а отъ времени, когда записывалъ А. О. Гильфердингъ все-таки 30 съ лишкомъ, то худшее качество многихъ былинъ будетъ понятно.

У приѣма записывать старины все впередъ и впередъ по содержанію были конечно, и свои недостатки: мнѣ не пришлось вначалѣ разбирать качество пѣвцовъ, а затѣмъ, когда большая часть былевого обихода низовой Печоры была уже записана, иногда у лучшихъ старинщиковъ, за

неимѣніемъ времени мнѣ пришлось записывать только то, чего у меня пока еще не было, хотя-бы старины, уже записанныя у меня, эти послѣдніе старинщики и знали лучше. Задачу: какія старины существуютъ на Печорѣ, сдается, я выполнялъ. Мнѣ хотя и не удалось видѣть всѣхъ печорскихъ старинщиковъ, но и тѣ 25 лицъ, отъ которыхъ я записывалъ старины, нужно думать, знаютъ хотя-бы по наслышкѣ, кто какіе поетъ старины.

Сказителей старинъ, которыхъ мнѣ не пришлось видѣть, я тщательно переписалъ и списокъ ихъ, состоящій изъ 38 лицъ, интересующіеся найдутъ напечатаннымъ въ «Живой Старинѣ» за 1902 г. 3—4 вып. стр. 367—368 или въ отдѣльномъ оттискѣ моей статьи «Былинная поэзія на Печорѣ» стр. 10—11.

Долженъ сказать, что былины этого сборника за №№ 19, 24, 26, 28, 45, 47 и 57, составляющія записи, сдѣланныя во время моей первой поѣздки на Печору, были напечатаны въ «Извѣстіяхъ Отд. русск. язык. и слов. Академіи Наукъ» за 1902 г. т. VII, кн. 3, а №№ 14, 34, 41, 43, 51, 66, 79 и 100 въ тѣхъ-же «Извѣстіяхъ» за 1903 г. т. VIII, кн. 3; здѣсь я счелъ ихъ нужнымъ перепечатать, чтобы сборникъ этотъ представилъ весь былевой обиходъ низовой Печоры.

Называя выпускаемую книгу «Печерскіе былины», я, конечно, не причисляю къ былинамъ въ строгомъ смыслѣ вошедшія въ сборникъ и называемыя на Печорѣ «старинками» и «былинками»—историческія пѣсни и пѣсни былевые, но я думаю, что не такъ ужъ важно, если присутствіе ихъ въ книгѣ и не отразится на ея заглавіи, которое иначе пришлось бы очень удлинить. Кромѣ того историческія и былевые пѣсни составляютъ очень незначительную часть сборника, между тѣмъ присутствіе ихъ въ книгѣ дастъ читателю сразу представленіе о томъ, что нашелъ я на низовой Печорѣ въ отношеніи эпоса.

Н. Ончуковъ.

Замѣтки о языкѣ „печорскихъ былинь“.

Я читалъ корректуры былинь, записанныхъ на Печорѣ Н. Е. Ончуковымъ, съ цѣлью познакомиться съ тѣмъ живымъ языкомъ, на которомъ они поются. Хотя авторъ записей прилагалъ всѣ усилія, чтобы передать точно звуки живой рѣчи — какъ это слѣдуетъ дѣлать при записи всякихъ произведеній народной словесности — тѣмъ не менѣе въ его письмѣ, какъ въ орфографіи всякаго образованнаго человѣка, есть такія стороны, которыя должны возбудить у читателя-филолога вопросъ: что значитъ это написаніе? произношеніе или орфографическое начертаніе? нѣтъ ли тутъ ошибки (описки или опечатки) и дѣйствительно-ли такъ говорятъ? Я находился въ исключительно выгодномъ положеніи: имѣлъ возможность получать разъясненія на подобные вопросы отъ самого Н. Е. Ончукова, который многое помнилъ и многое отмѣчалъ въ своихъ черновыхъ записяхъ подчеркиваніемъ. Въ этомъ и заключается смыслъ моего участія въ настоящемъ изданіи.

Я выписалъ и сгруппировалъ примѣры особенностей языка (сколько успѣлъ отмѣтить во время печатанія книги по корректурамъ всего текста), чтобы дать первое представленіе о говорѣ пѣвцовъ. Примѣры взяты такіе, которые привлекли мое вниманіе: или типическіе или казавшіеся мнѣ болѣе всего важными. Тѣмъ лицамъ, которыя пожелали-бы болѣе подробно изучить языкъ записанныхъ Н. Е. Ончуковымъ былинь, я могу рекомендовать его книгу, какъ трудъ исполненный очень внимательно и добросовѣстно. При этомъ я не отношу на счетъ записыванія или записывателя немногихъ темныхъ или прямо искаженныхъ мѣстъ въ «печорскихъ былинахъ», считая небольшую порчу текста, переходящаго изъ устъ въ уста въ теченіе долгаго времени, вполне естественнымъ явленіемъ.

Въ былинахъ нерѣдки случаи употребленія рядомъ двухъ разныхъ формъ одного и того же слова. Это не нужно считать неточностью. Собиратель былинъ указываетъ на подобные варианты, какъ на сознательный стилистическій приемъ: мы съ своей стороны считаемъ это наблюдение интереснымъ и важнымъ.

Оговоримъ предварительно случаи, въ которыхъ Н. Е. Ончуковъ не передавалъ произношенія, сохраняя принятую орфографію: это сочетаніе ж и ш съ и (жиръ, шить и подобн.), ч съ а и у (часто, Чурило), сохраненіе звонкихъ согласныхъ передъ глухими и въ концѣ словъ (лавка, дубъ), употребленіе лишнихъ буквъ азбуки (ъ, ь, ѣ, і, ѳ) и нѣкот. др.

Цифра при словахъ означаетъ страницу текста. Когда уже вся моя работа была исполнена, оказалось, что съ 276 страницы послѣдняя корректура переверстывалась: поэтому у меня должны встрѣтиться нѣкоторыя неточности въ обозначеніи страницъ, которыя отмѣчались по предпослѣднимъ листамъ.

Звукъ *а* вмѣсто *о* находимъ въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ: 1) калпакъ 38 (и: колпакъ 289), валовъ 211, Авдотей 166 при Овдотью 168; 2) послѣ *ж*, *ш* на мѣстѣ *е*: пшаной 104, жанихъ 193, жаню 362, жалѣзныи 182 (и: залѣзную *) 117), жаребъци 109, жаребъцей 107, жамчюгомъ 153 (и: замчугъ *) 184, несчатнымъ 382, ключавоей 320, причятниковъ 374, также и *о*: жоной 294, жонѣ 276, жоребятъ 311, жониха 272.

Чередованіе *а* и *о* въ глаголахъ типа клонить—кланять очень рѣдки: покланяется 242. Обыкновенно *а* вытѣснено звукомъ *о*.

Особые случаи: камянной 97, мѣдвѣдѣмъ 173, сѣрцо (сердце) 340.

Любопытно, что нѣкоторые пѣвцы акаютъ въ пѣніи, напр. Дитятевъ (стр. 312), Поздѣвъ (165, 171 и мн. др. страницы) и иные. Ср. предисловіе стр. XVIII и др. Н. Е. Ончуковъ замѣтилъ однажды, что печорскіе старообрядцы и при богослуженіи нѣкоторыя слова поютъ на *а*.

*) А послѣ *з*, вѣроятно, явилось по вліянію первыхъ формъ съ *ж*.

Звукъ о видимъ во многихъ, преимущественно заимствованныхъ словахъ, на мѣстѣ орфографическаго а: Ондронъ 310, Онтоньева монастыря 346, Гогаринъ 400, колачикъ 187, колачѣмъ 265, Тороканъ (соб. имя) 144, работа (обыкновенно), кормана 79,—ъ 256, софьянъ 152, тотариновъ 55, понафиду 208, кобаки 64, уножа припои серебряны 335, шолыга 336, пою 379; на мѣстѣ е въ словѣ два 108, доржить 297; послѣ ж, ш, ч, мягкихъ согласныхъ и j на мѣстѣ е: можоть 112, 178, дорожоньку 223, жона 362, чоловічскимъ 104; ёго 108, чотыри 333, полѣ 97, 107, подорожное 81, синѣе, морѣ 359, коренѣмъ 80, управителѣмъ 213, самовольствуётъ 219, фдѣтъ 223 и т. под.; на мѣстѣ ѣ въ: вѣдрами 218 (сравн. вѣдрами Покров. у. Владим. губ.), чолуетъ 317.

Особые случаи: Небѣснаго 310, юзолочикъ (узелочикъ) 246. Древнее въ: топерь 367, робята (много случаевъ).

Звукъ е часто является на мѣстѣ а послѣ j и мягкихъ согласныхъ во всѣхъ положеніяхъ относительно ударенія: езыкъ 25, тежкихъ 34, ёгленетце 39, стрѣлетъ 99, хозеиномъ 85, взель 106, поеса родит. п. 70 и мн. др. т. подобн.

Е на мѣстѣ древняго ь: пехнулъ 96.

Е на мѣстѣ и: лесицы 332, улечу 339.

Е не фонетическое на мѣстѣ и въ не за ни: негдѣ (нигдѣ) 201, не какую я не чую невзгодушку не надѣ собой, не надѣ хозеиномъ 85 и т. п.; также въ: вѣселицу 400.

Звукъ и является замѣстителемъ древняго ѣ въ корнѣ слова только въ ись 135, поись 96, 132, найстисе 370, симью 390, винчи (вѣнцы) 391, одіало 278; въ окончаніяхъ дательнаго-предложнаго падежа: на цареви-то ходитъ большомъ кабаки 59, въ чистомъ поли 49, во городи 89, ко Почѣвъ рѣки 70, на вині 74, во сти 102, на горі 166 и мн. др. т. п. Какое и въ: на кони 163 и подобн.: древнее или изъ ѣ рѣшить трудно.

Въ: одолила 92 и также можетъ быть древнее; срав. дрема долить (Пушкинъ).

И видимъ также на мѣстѣ е въ въ мѣстоименіяхъ 1-2-го лица и возвратномъ: миня 211, тибя 211, сибѣ 57, тибѣ 76, 114, нидѣлю 360, въ прилагательныхъ на енькій: хроминькой 53 и т. п., въ существительныхъ на енька: Васинька 76, въ мѣстоименіи іе 341, 352, въ глаголахъ перваго спряженія: можыте 54, хвастайте 169, расколыбаите 171 и др.

т. п.; въ словахъ: типерь 376, рибятамъ 214, также на мѣстѣ а послѣ мягкой согласной: десить 159. Всѣ случаи, повидимому, передъ слѣдующей мягкой согласной; передъ твердой у насъ отмѣченъ одинъ случай: тисовую 148 (при: тесовую 276) и мн. др. стран.

Вѣроятно, по смѣшенію префиксовъ: притяжолыя 293, приогромная 311, прибогатуя 321, Присвята 345.

И сохраняется въ: поимали 202.

Звукъ *ы* является вмѣсто и въ началѣ словъ: ы на то 92, ы бы пой миня 104, ы ти кони побѣжали 107, ыщэ 106 и подобн. Во всѣхъ отмѣченныхъ случаяхъ ы находится послѣ предыдущаго слова, оканчивающагося на гласную и при томъ въ началѣ фразы. Поэтому его никакъ нельзя объяснить сочетаніями, какъ далыя (далъ и я), нѣтыще (нѣтъ ище); но, вѣроятно: ы вынута изъ такихъ сочетаній. При томъ подобное произношеніе могло возникнуть только при окончательной потерѣ *j* передъ и.

На мѣстѣ о: солнычны 282; выздымалъ 308 и др.; сысполилось 341 (ы въ послѣднемъ словѣ изъ ой, какъ въ народн.: пымали).

Звукъ *у* на мѣстѣ о: яблуки 212, суреди 317, суредили 317, буярина 390, буёвую 269.

Ю на мѣстѣ е: очюнь 326.

Согласные звуки. Очень часты случаи мѣны *ц* и *ч* (цоканье и чеканье).

Звукъ *ц* нерѣдко произносится мягко: отця 35, цяра 34, боцьки 60 и мн. др. Наоборотъ, *ч* можно услышать и твердое: чысто полё 97, 107. Иногда, повидимому, *ч* въ произношеніи распадается на свои элементы тш: роботшиимъ 117. Тоже бываетъ и съ *ц*: привяжетса 311, вырвитса 381. Ж и ш тверды въ говорахъ пѣвцовъ. Щ звучитъ то какъ шч, при чемъ *ч* иногда твердо, то какъ двойное твердое шш: ищэ 52 и др. (читайте: ишчэ), шчо 222 (сравн. що 223), крешшоную 80, тащыте 92. Двойное ж въ говорахъ твердо: вожжы, приѣжжаетъ и подобн. Вмѣсто группы ждж, жж иногда видимъ жд: заѣждаетъ 35, приѣждятъ 164 и подобн. Русское ж: межу 105, промежу 365, прежъ 368, пробуждется 73.

Спорадическіе случаи мѣны согласныхъ: благо (младого) 57, бладь (младъ) 98, бладеня (младеня,

младенца) 180; охабоцьку 44 и др. (звонкій вмѣсто глухого между двумя гласными, паропокъ 260; ковда 55; дакъ (такъ) 51 и др. (вѣроятно, старое колебаніе между д и т въ этомъ словѣ; сравните великор. да и малоросс. та); зеребчикъ (жеребчикъ) 178; чажолую 242; охвота 375 и др.

Вмѣсто ки видимъ ти въ словахъ: титъ-рыба 310, на трѣхъ подтитышахъ 310.

Мягкое г, судя по произношенію собирателя былинъ, запомнившего мѣстное произношеніе, повидимому, обращается въ j: Вольію Всеславьевича 332, Вольіина матушка 332, Вольіи Всеславьевичу 332.

Группы согласныхъ. Очень часто сочетаніе дн замѣняется нн (50, 59 и мн. др. стран.); отсюда, вѣроятно, гриня (гридня) во многихъ мѣстахъ. Употребленіе рядомъ того и другого рода сочетаній приводитъ къ ихъ смѣшенію, такъ что дн, повидимому, появляется на мѣстѣ древняго нн: * плямядница, откуда здѣшнее племяденка 170.

Околенку 327 указываетъ на диссимиляцію звуковъ нн.

На мѣстѣ бм—мм: оммылось 74 и подобн.; вв на мѣстѣ бв: овваживать 249; на мѣстѣ бн—мн: надомно 149; на мѣстѣ мн—вн: вного 51, 210, вногіе 52; на мѣстѣ чн—сн: Путятисьну 47, Микулисна 116.

Щ на мѣстѣ тч, ч въ окончаніяхъ прилагательныхъ: круписьчатой 74, крупищатой 187, кирпичаты 65 и др., (ср. кирпичатой 321), ременщатъ 50, 137, ремещатъ 327, 346.

Мѣстоименіе что звучитъ: що 223, шчо 222, чо 111, чѣ 383, штѣ-бы (чтобы) 143, што 289, 351.

Перестановка согласныхъ: гнѣлкою 126.

Твердость согласныхъ: конечнаго губного: церковъ 51, кровъ 60, карабъ 53, два голуба 99, голубовъ 99; твердость р: товарищи 67 и др. (часто въ разныхъ формахъ этого слова), прычиненъ 204, попрыща 206, заскрыпѣли 217, крыку 288, крычить 324; другіе случаи: воскресѣнская 50, сэрцо 289 и др., середъ лѣта 153 (также относится къ «середъ», какъ «задъ» къ «задь»), передѣ (впередѣ) 340, попозадѣ 340, Владыміра 289, водыця 290, сыза бобра 295, Давыдъ 309, зори утренны 309, осѣнною ночью 345, княгиня (часто), государыня 344.

Мягкость согласныхъ: обрюшился (обрушился) 128, 159; лёжился 43 (мягкость изъ: «лягу», «ляжешь»); боръ-

цами, борьцовъ 267; руська 56, морьска вода 210, Подобьскую 242; стольнѣй 53, колокольняго 53 и др. подобн.; только 62, Вольгя 331, церквю 342, сильніе богатыри 294, карабельною 296, вольнѣй 310, больня 327; назадъ 340.

Въ Пустозерской волости смягчаются сочетанія ка, ко, ку, ху послѣ мягкой согласной: дорожинькя 352, сколькѣ 292, Васинькю 301, хорошинькѣй 297, десяточкѣмъ 315, звѣркѣмъ 328 (чит.: звѣркѣмъ), березонькѣй 326, черькѣвъ 364, горькя 369, церкѣвныя 345 (чит.: церькѣвныя), прекраснинькѣму 366, маленькѣго 366 и т. п.; даже: Потанюшкя 354; верхю 361 (чит.: верьхю), верхъ-ѣтъ 400 (чит.: верьхъ-отъ), верхѣвишна 310 (читайте: верьхѣвишна).

Вставка и пропускъ звуковъ. 1. Часто приставляется j; во Ястрахани 151, на юходъ 36, не ёгленетце 39 и мн. др., ету 91, екой 112;

в вмѣсто отпавшаго г: восударына 69, восударевой 207, восударевомъ 59, Восподѹ-Богу 198; въ срединѣ слова между гласными: каравульныя 71.

Этамъ (тамъ) 298; карабель 296, мысль 290, казеню 371, ледина 274; здря 20, заздрѣль 341, здрилъ 354, во ѡгробы 327, въ долину 308, пондравилися 194, строку 194; конинную 341; сохраненіе старой группы: обвѣщалися (обѣщались) 80, откуда: овѣщайся 279, оввозами 288 (съ ассимиляціей).

Полногласіе: околъ черева 57.

2. Отпаденіе и выпаденіе: ужли 355, Сусъ Христосъ 355, ны (оны) 398; в въ началѣ словъ: здорожали 50, ставаль 53, сѣ (все) 89 и др. подобн.; другіе случаи: нынь (часто), почесень пиръ 60, овернула туромъ 101; нецѣ (ничего) 89, нечо 302, отшанула (отшатнула) 387; косъ 289, кресъ 41, ѣсъ 288, чесью, радосью 296, супружесво 293 и др. подобн., здраствуй 299, сонцо 310, расгилатися 327, 351, вѣшво (вѣжество) 332 вѣска (вѣстка) 371.

Удареніе; дадите 80, сидите 23, перѣкопы 291, перѣсочу 291, перѣнесу 291.

Склоненіе существительныхъ. Обращаютъ на себя вниманіе формы: изъ корени 350, пламѣ 106, времѣ 205; бладенеца 323, мѣда 348, ото сну 325, удару род. п. 347; родит. пад. на мѣстѣ дател.-предл.: ко стрѣлы 75, мужъ жены давать 100, по силы 133, во первой вины 126 и др.

т. п.; на конь сяли 315, на камню 303; не въ любѣ 334, къ матерѣ 395; на Василю 353; лѣсы 83; веселышка 305, бояришка 323, ручища, ножища 89 и т. п. правильно по среднему роду; дружбей-товарищевъ 57, друзей 300, мѣсецей 98, купцей 102, отцей 192; ногамъ (ногами) цѣститъ 121: хвастать кони добрыма 114, помѣнелись зланы перси 251; богатырьми 138, съ гусьми, съ лебедьми 149, плецьми, глазьми 316, биевыма палицьми 181, своима рукамы 221; вмѣстяхъ 193; вочью, позавочью 292; слезовъ 310.

Собирательныя формы въ значеніи множеств. числа: увидѣли каменьѣ превысокія 56, сырыя тутъ дубѣе расшаталися 226—единственного числа: сыроѣ-то дубѣе расшаталосе, сухоѣ-то пенѣе поломалосе 288, прутьѣ, лисьѣ серебряное 327, прутьѣмъ, лисьѣмъ по земли да растилатися 327, не нашли то луды, нынѣ не каменья 360.

Прилагательныя: на конюшенѣ дворъ 112, добра коня 34, добру коню 34; имен. ед. на ой, ей: удалой 287, турей 74 и т. п.; родитель. падежъ на ого, аго: лютого 35, змѣинога 35, виноватого 35, сердечного 35, добраго 75, ходячаго 75, средняго 52 и подоб.; рядомъ на ово, ова: турецково 212, сладкова 74; по смѣшенію окончаній съ согласными г и в получилось: бѣлаярога 190 вм. бѣлаярово, Светогорога 332 вм. Светогорова; отъ земли отъ невѣрныя 190, ноги правыя 241; дружинишку хороброю 386, отъ великою хмелинки 392; кошочки подводной 51, сбури лошадиной 74, къ заставѣ великой 84, кобылой водовозной 101 и др. подобн. формы на оей вм. ей;

именит.-винит. множ. на ыя, ыи, ые: столики дубовыя 253, голи кабацкія 257, двери подвальнія 258, сходенки дубовыя 266, якоря карабельнія 266, уста сахарныи 276, перины пуховыи 276, очи ясныи 278, горы высокіи 281, степи Сарочинскіи 281, моря синіи 281, сады зеленныи 282, могучіе плеча 267, сапожки софьянныя 277, и мн. др. т. п.; сильни заставы 223, сильни богатыри 340, людей робочіихъ 53, ко теремамъ высокіемъ 322, горючими слезми 358 часто формы творитель наго множественнаго на има; съ новыма городами 97, многима народами 112 и т. п., съ хорошимя людьми 397, купецъ богатя 50, отецъ духовныя 50, король литовскій 169 и подоб.

Христовому 302, Скопинова матушка 322, государевому 366, войскому 273.

Стяженные формы: во ножны, во ручны (желѣза), во заплечныи 351, харчево и годово, нашо денежно (жалованье) 400.

Сравнительная степь на яе: чудные 275.

Склоненіе мѣстоименій и числительныхъ представляетъ нѣсколько замѣчательныхъ особенностей: у мня 48, у тя 48, у ся 90; тѣ (тебѣ) 91, сѣ (себѣ) 261, минѣ (мнѣ) 103; еѣ род. п. 49, ей (еѣ) 68, собя 250, ю вин. п. 136, нѣтъ ею краше 115 (здѣсь вин. п. вмѣсто родительнаго); кимъ 97, чимъ 114, затимъ 79; этѣ 220, 223, этоя 178, ты бояра 115, ти монастыри 80, тихъ 102, вси стороны 87; съ имѣ 91, со всимѣ 188, сумками своимѣ 203; не пропей своя (своего) разума 163, мою (моему) горюшку 184; обѣма руки 74; трюхъ сажень 134; третѣй прутикъ 248, третѣе 261. Полтретѣяста 363. Стяженіе въ: тако 194, котора 225. Мнѣ-кова 313, мнѣ-ка-ва 320, 347.

Глаголы. Замѣчательны формы: берекчи, стѣрекчи 140; искати 282; лежилса 341, легѣшь (ляжешь) 56, сѣкѣтъ 337; увидялъ 161; чтитъ (читаетъ) 345, сочтѣтъ 212; подѣте-ко 220, положтетко 357; сидячи 113; отрехнувшие 281; чѣлоиваль (цѣловываль) 219, выплюивать 335; сѣли (сѣли) 315; сѣду (сяду) 334; нагонилъ 339.

Часто стяженіе гласныхъ: знашь 72, имѣшь 57, шатать 53, сдѣламъ 51 и т. п.

Возвратн. залогъ на ся, се, са, сѣ: иматисе 83, сошолса 89, оправитсѣ 92 и подоб.

Сохранились старыя сложныя формы прошедшаго времени: Да е винныя цѣры да мнѣ доносили 48, прошло е 98, видѣли э, е 105, было ѣ 181 и др. подобн.; Онъ тащилъ его бы скоро вонъ на улицу, Онъ вытаскивалъ бы скоро на круто крыльцо 132 и подобн. Это бы проникло и въ формы настоящаго времени: Какъ становятъ бы нонъ скоро дубовой столъ, Какъ на столъ бы носятъ всяки кушанья 135 и т. п.

Формы совершеннаго вида въ значеніи продолженнаго дѣйствія: купилъ 304, откинѣтъ 325, скажотъ 365 и др. т. п.

Членъ имѣетъ формы: отъ (пирѣ-отъ 52, столѣ-отъ 52 и т. п.), та, ту (княгину-ту 46), то (жилѣ-то 58, говоритѣ-то 58 и т. п.), ты (столы-ты 113), ти (болота-ти 170, ворота-ти 182), тѣ (всѣ-тѣ сходенки дубовыя 296).

Родъ. Много случаевъ, когда сказуемое прошедшаго времени стоитъ при подлежащемъ женскаго рода: корова задавилосе 96, собака волочилосе 96, смерть случилосе 99, 132, 192, накатилося вдругъ тутъ туча темная, навалилося бы тутъ орда невѣрная 136, старушка раскачалосе 160, Марина спугалосе 194, княгиня разгорѣлосе 200 и др. подобн.

Въ первыхъ друкъ примѣрахъ средній родъ объяснить нетрудно: «корова», «собака» подмѣнили старыя «коровище», «собачище». Въ другихъ примѣрахъ это объясненіе не примѣнимо.

Согласованіе въ родѣ по формѣ: Зоветъ тогда слуга вѣрная... Соловей на то ей (т. е., слугѣ) отвѣтъ держалъ 87, калика пошла 90 и т. п.

Особыя слова или образованія: ко стремени лошадиной 85, другой ступень 146, бѣлой куроать 278, ужъ сварили они ужину 217, пшану 290 и мн. др., харчу хлѣбного 314, числа смѣту нѣтъ 340, дитѣ будетъ намъ не кормилицо 80, лучишко подорожное 81.

Пусть не дѣржитъ Василей всё сто рублей 300.

Число. При словахъ «народъ», «дружина» сказуемое во множест. числѣ: народъ остановилисе 149, народъ не глядеть 150, пошли-то дружина на черленъ карапъ 357.

Употребленіе падежей представляетъ слѣдующія отличія: 1) форма именит. въ оборотахъ, какъ пить цѣра 34, кровавить сабля 82 и др. подоб.; ты намъ больше не надобно 67, мнѣ не надо твоя золота казна, мнѣ не надо твои люди робочіе 53; 2) винит.: при мимо: мимо княгиню 220; вмѣсто соплеталисе 180 и др.; данъ не плачивалъ 362. 3) родител. множ. числа при предлогѣ по: закопать молодца по грудей въ землю 197, нога по колѣнъ бѣла 108, по локоть *) 100 (срав. сорока локоть 117), отсѣкъ по плечъ голову 293); родит.: княгиню-ту дарилъ да хрущатой камки 46, я радъ службы служить, службы служить, да головы сложить 296, пиръ о полупира, столъ о полустола 307, есъ-ле борцовъ поборотисе 307, цего видѣли 344.

Особыя слова: ле (ли) 36, 48, 288 (въ началѣ фразы ле—ле) и мн. др., але (али) 65, 114, 220 и др. (сравн. такой

*) Изъ подобныхъ формъ, можетъ быть, произошло и наше: покаместъ въ которомъ ка изъ вин. падежа.

же союзъ въ славянскихъ языкахъ: болгарскомъ, чешскомъ, словацкомъ), есле 183, оже 164, ожъ 65, 69 и др., коло (около) 158, 167, ту 29, 30, до вмѣсто къ: веземъ ее до князя Владимира 191, долонь 307, щанъ (чанъ) 347, дочи (дочь) 193, вопрыща (вепря) 165, любы: перстянки эти ему въ любы придуть (понравятся) 125, кура 47, курия 48, трупѣ (трупъ) 49, жѣребы (жеребья) 361, на радощахъ 374, одинакого (одинокого) 374; перстянки 125, перстяночки 124, перщаточка 152, рота 399, свободой 247 (слободой), бари-вался 120, волховать 159, книгу волховную 159, порозного 261, мотри (смотри) 149, робити 214, сробити 214.

На Волхову-рѣку 349, изъ Волховой-рѣки 350.

В. Чернышевъ.

А. СТАРИНЫ УСТЬЦЫЛЕМСКОЙ ВОЛОСТИ.

(А. СЕЛЕНІЯ ПО РѢКѢ ПИЖМѢ).

І. ДЕРЕВНЯ ЧУРКИНА.

І. Ѳеодосья Емельяновна Чуркина.

Это 55 лѣтняя, высокая, здоровая, со слѣдами былой красоты женщина, хозяйка самаго зажиточнаго дома въ деревушкѣ въ десятокъ домовъ. Родомъ Ѳеодосья Емельяновна изъ деревни Авраамовской, на Пижмѣ-же, гдѣ жила до послѣдняго времени ея родной дядя—Василій Авраамовичъ Чупровъ, попросту Вася Малый, отъ котораго Ѳ. Е. и „поняла“ старины. Знала она старины очень хорошо и знала ихъ много, но въ послѣднія 10—15 лѣтъ за недосугомъ—у ней большое хозяйство и полонъ домъ народа—начала забывать. Однако и теперь я долженъ ее поставить въ рядъ лучшихъ сказателей, слышанныхъ мною на Печорѣ. Ѳ. Е. грамотна, читаетъ священныя книги и потому въ ея былинахъ попадаются часто книжныя обороты, а въ ея рѣчи вообще не такъ много мѣстнаго элемента, она приближается къ книжной. Чуркина чрезвычайно дѣлательна по хозяйству,—ни одну минуту она не сидитъ безъ дѣла, а если можно дѣлаетъ два-три вразъ. Обладая яснымъ умомъ, она сейчасъ-же поняла и повѣрила—зачѣмъ мнѣ ея старины, но и тотчасъ же постаралась извлечь изъ этого возможно больше пользы: всю жизнь безъ передышки пріобрѣтаетъ въ домъ—ея идеаль, въ проведеніи котораго она иногда показываетъ себя не-

симпатичной. Отвергнувъ, какъ совершенно вздорное, предостереженіе сосѣдокъ, что „какъ-бы отъ пѣнія ею старины не было худа“, *Θ. Е.* безпокоилась только о томъ сначала—заплачено-ли будетъ ей за труды. Моихъ увѣреній, что трудъ будетъ оплаченъ, показалось мало, и во время пѣнія первой старины она раза четыре останавливалась и говорила: „Вотъ я пою, пою, а будетъ-ли толкъ какой мнѣ?—„Будетъ, будетъ, *Θ. Е.*, успокою я ее, пойте только“. Она успокоится, а черезъ полчаса опять: „Да ты дашь-ле мнѣ што? Не даромъ-ле я убиваюсь?“ Пришлось предложить плату впередъ и установить таксу за каждую спѣтую былинку, при чемъ я попросилъ, чтобы плату назначила она сама,—интересно было, какъ дорого оцѣнить свой трудъ эта, совсѣмъ въ видѣ исключенія встрѣтившаяся старинщица. Плата, къ моему удивленію, назначена была совсѣмъ грошовая. Когда деньги очутились въ рукахъ *Θ. Е.* успокоилась и безъ остановокъ уже пѣла мнѣ, въ тоже время прядя шерсть и няньчась съ ребенкомъ, отъ чего было, конечно, и ей, и мнѣ не мало помѣхи. Знаетъ *Θ. Е.* старины кромѣ записанныхъ мною у ней: женитьбу Владиміра (Дунай), „Маево“ побоище, сорокъ каликъ, Данила Староильевича, князя Долгорукова; знаетъ разговоръ также „разговоръ птицъ“, который прежде пѣла съ тетрадки, теперь затерявшейся. Старины № 1 и 3 *Θ. Е.* хорошо знаетъ и спѣла прекрасно, про Скопина знаетъ уже хуже; при пѣніи этой старины она часто плакала, невольнo сравнивая Скопина съ роднымъ своимъ, самымъ младшимъ сыномъ, служащимъ въ солдатахъ въ Петербургѣ. Въ старинахъ про Ваську Игнатьева и про Илью Муромца въ опалѣ, *Θ. Е.* много, мнѣ кажется, прибавляла отъ себя, по кр. м. передавала своими словами то, что не знала, какъ поется.

Застава Богатырская.

(Илья Муромецъ и Сокольникъ).

- Кабы жили на заставы богатыри,
 Недалёко отъ города—за двѣнадцать верстъ,
 Кабы жили они да тутъ петнацеть лѣтъ;
 Кабы трицеть-то ихъ было да со богатырёмъ;
5. Не видали не конного, не пѣшого,
 Не прохожого они тутъ, не проѣжжого,
 Да не сѣрой тутъ волкъ не прорыскиваль,
 Не ясенъ соколъ не пролѣтываль,
 Да не руськой богатырь не проѣжживаль.
10. Кабы трицеть-то было богатырей со богатырёмъ:
 Атаманомъ-то—старъ-казакъ Илья Муромецъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 Подутѣманьёмъ Самсонъ да Колыбановичъ,
 Да Добрыня-то Микитичъ жилъ во писаряхъ,
15. Да Олеша-то Поповичъ жилъ во поварахъ,
 Да и Мишка Торопанишко жилъ во конюхахъ;
 Да и жилъ тутъ Василей сынъ Буслаевичъ,
 Да и жилъ тутъ Васинька Игнатъевичъ,
 Да и жилъ тутъ Дюкъ да сынъ Степановичъ,
20. Да и жилъ тутъ Пермь да сынъ Васильевичъ,
 Да и жилъ Родивонъ да Превысокіе,
 Да и жилъ тутъ Микита да Преширокіе,
 Да и жилъ тутъ Потанюшка Хроминькой,
 Затѣмъ Пѣтыкъ-Михайло сынъ Ивановичъ,
25. Затѣмъ жилъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
 Да и былъ тутъ Чурило блады Пленковичъ,

- Да и былъ тутъ Скопинъ сынъ Ивановичъ,
Тутъ и жили два брата два родимые,
Да Лука, да Матвѣй дѣти Петровыя.... *)
30. На зацинѣ-то было свѣтла деницька,
На зори-то тутъ было да нонѣце на утренной,
На восходѣ-то было да красна солнышка,
Тутъ ставаётъ старой да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ ставаётъ да сынъ Ивановичъ,
35. Умывается онъ да ключевой водой,
Утирается онъ да бѣлымъ полотномъ,
А ставаётъ да онъ нонь передъ Господомъ,
А молитсе онъ да Господу-Богу,
А крестъ-отъ кладётъ да по писанному,
40. А поклонъ-отъ ведётъ да какъ вѣдь водитсе,
А молитву творить поину Иисову,
Самъ надѣрнулъ сапожки да на босу-ногу,
Да и кунью шубейку да на одно плечѣ,
Да пуховъ-де колпакъ да на одно ухо.
45. Да и бралъ онъ нынѣ трубочку подзорную,
Да выходитъ старой да вонъ на улицу,
Да и зрѣлъ онъ, смотрѣлъ на вси стороны,
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону восточную,—
Да и стоитъ-то-де нашъ тамъ стольнѣ-Кіевъ-градъ;
50. Да смотрѣлъ онъ подъ сторону подъ лѣтнюю,—
Да стоятъ тамъ луга да тамъ зелѣныи;
Да гледѣлъ онъ подъ сторону подъ западну,—
Да стоятъ тамъ да лѣсы тѣмныи;
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону подъ сѣверну,—
55. Да стоятъ-то-де тамъ да ледены горы;
Да смотрѣлъ онъ подъ сторону въ полуночю,—
Да стоитъ-то-де нашо да синѣ морѣ,
Да и стоитъ-то-де нашо тамъ чисто полѣ,
Сорочинско-де словно наше Кулигово;
60. Въ копотѣ-то тамъ, въ туманѣ не знай звѣрь бѣжитъ,
Не знай звѣрь тамъ бѣжитъ, не знай соколъ летитъ,
Да Буянъ-ле славной островъ тамъ шатайтсе,
Да Саратовы-ле горы да знаменуютсе,

*) Больше богатырей О. Е. вспомнить не могла, какъ не старалась, но сказала, что прежде помнила всѣхъ.

- А богатырь-ле тамъ ѣдѣтъ, да потѣшается:
65. Попередито его да бѣжить сѣрой волкъ,
Позади-то его бѣжить черной вожлокъ,
На правомъ-то плечѣ знать воробей сидитъ,
На лѣвомъ-то плечѣ да знать бѣлой кречетъ,
Во лѣвой-то рукѣ да держитъ тугой лукъ,
70. Во правой-то рукѣ стрѣлу калѣную,
Да калѣную стрѣлочку, перѣную,
Не того-же орла да сизокрылого,
Да того-же орла да сизокамьского,
Не того-же орла, которой на дубу сидитъ,
75. Да того-же орла, которой на синѣмъ мори,
Да гнѣздо-то онъ вѣтъ да на сѣрой камень.
Да подвѣрхъ богатырь стрѣлоцѣку подстрѣливать,
Да и на полѣ онъ стрѣлоцѣку не уранивать,
На полѣтѣ онъ стрѣлоцѣку подхватывать.
80. Подѣбждятъ онъ нынѣ ко бѣлу шатру,
Да и пишотъ нонѣ самъ да скору грамотку,
На правомъ-то колѣнѣ держитъ бумажецѣку,
На лѣвомъ-то колѣнѣ держитъ чернильничу,
Во правой-то рукѣ да держитъ перышко,
85. Самъ пишотъ ерлыкѣ да скору грамотку,
Да подмѣтывалъ ерлыкѣ да скору грамотку,
Да къ тому-же шатру да къ бѣлобархатному.
Да берѣтъ-то старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Да и то у него тутъ написано,
90. Да и то у него тутъ напечатано:
«Да и ѣду я нонѣ да въ стольнѣй-Кіевъ-градъ,
«Я громѣтъ-шурмовать да въ стольнѣ-Кіевъ-градъ,
«Я соборны больши церкви я на дымъ спущу,
«Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
95. «Я печятны больши книги да во грезѣ стопчу,
«Чудны образы-иконы на поплавъ воды,
«Самого я князя да въ котлѣ сварю,
«Да саму я княгиню да за себя возьму».
Да заходитъ тутъ старъ тутъ во бѣлой шатѣрь:
100. «Охъ вы ой есь вы дружинишка хоробрая!
Вы хоробрая дружина, да заговорная!
Ужъ вамъ долго-ле спать, да нынѣ пора ставать.
Выходилъ я, старѣй, вонъ на уличу,

- Да и зрѣлъ я, смотрѣлъ на вси стороны,
105. Да смотрѣлъ я подъ сторону восточную,—
Да и стоитъ-то-де нашъ тамъ стольнѣ-Кіевъ-градъ...» *)
Тутъ скакали нынѣ всѣ руськіе богатыри,
Говоритъ-то-де старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Да кого-же намъ послать нынѣ за богатырёмъ?»
110. Да послать намъ Самсона да Колыбанова,—
Да и тотъ вѣдь—онъ роду-то сонливого,
За невидъ потерять свою буйну голову;
Да послать намъ Дуная сына Иванова,—
Да и тотъ, онъ вѣдь роду-ту заплывчива,
115. За невидъ потерять свою буйну голову;
Да послать намъ Олѣшиньку Поповица,—
Да и тотъ, онъ вѣдь роду-ту хвасливого,
Потерѣетъ свою буйну голову;
Да послать-то намъ вѣдь Мишку да Торопанишка,—
120. Да и тотъ, онъ вѣдь роду торопливого,
Потерѣетъ свою буйну голову;
Да послать-то намъ два брата, два родимыя,
Да Луку де, Матвѣя, дѣтей Петровицей,—
Да такого онъ роду-то вѣдь вольнѣго,
125. Они вольнѣго роду-ту, смирѣного,
Потеряютъ свои да буйны головы;
Да послать-то намъ Добрынюшку Микитица,
Да и тотъ онъ вѣдь роду, онъ вѣдь вѣжлива,
Онъ вѣжлива роду-ту, очеслива,
130. Да умѣетъ со молодцомъ соѣхатсе,
Да умѣетъ онъ со молодцомъ розѣхатсе,
Да имѣетъ онъ вѣдь молодцу и честь воздать.»
Да уцюло тутъ вѣдь ухо богатырскоѣ,
Да завидѣло око да молодецькоѣ,
135. Да и сталъ тутъ Добрынюшка сряжатисе,
Да и сталъ тутъ Добрынюшка сподоблетисе;
Побѣжалъ нынѣ Добрыня на конюшенъ дворъ,
Да и бралъ онъ коня да всё семи чѣпей,
Да семи онъ чѣпей, да семи розъвезей,
140. Да и клалъ на коня да плотны-плѣтъницьки,

*) Разсказъ И. Муромца, что онъ видѣлъ, составляющій букввальное повтореніе предыдущаго въ 49 стихахъ (отъ стиха 50 до 99)—выпускается.

- Да на плотницьки клалъ да мяжки войлоцьки,
Да на войлоцьки сѣдѣлышко черкальское,
Да двѣнадцать онъ вяжотъ подпругъ шолковыхъ,
Да тринадцету вяжотъ черезхребѣтную,
145. Черезъ ту-же онъ степъ да лошадиную,
Да не ради басы да молодецъкоей,
Ради крѣпости вяжотъ богатырьской;
Тутъ онъ призналъ онъ-де шапоцьку курцявую,
Онъ простилсе со всѣми руськими богатырьми,
150. Да не видно поѣздки да молодецъкоей,
Только видно какъ Добрыня на коня скочилъ,
На коня онъ скочилъ, да въ стремяна ступилъ,
Стремяна-те ступилъ, да онъ коня стегнулъ;
Хоробра была поѣздка да молодецкая,
155. Хороша была побѣжка лошадиная,
Во чистомъ то полѣ видно курива стоитъ,
У коня изъ ушей да дымъ столбомъ валитъ,
Да изъ глазъ у коня искры сыплютсе,
Изъ нозрей у коня пламѣ мѣчетсе,
160. Да и сива-де грива да разстиляется,
Да и хвостъ-то трубой да завивается.
Наѣжжаётъ богатырь на чистомъ поли,
Заревѣлъ тутъ Добрыня да во первой законъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь дакъ нынѣ на пускъ держу,
165. Ты невѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшь».
А и ѣдѣтъ тотаринъ да не ёгленетсе;
Заревѣлъ-то Добрынюшка во второй законъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь дакъ нынѣ на пускъ держу,
Ты невѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшь».
170. А и ѣдѣтъ тотаринъ да не ёгленетсе;
Да и тутъ-де Добрынюшка ругатце сталъ:
«Ужъ ты гадина, ѣдѣшь, да перегадина!
Ты сорока, ты лѣтишь, да бѣлобокая!
Да ворона ты лѣтишь да пустопѣрая,
175. Пустопѣра ворона да позагуменью!
Не воротишь на заставу каравульнюю,
Ты ужъ насъ молодцовъ видно нечѣмъ считаешь?..»
А и тутъ-де тотаринъ да поворотъ даётъ,
Да снималъ онъ Добрыньку да со добра коня,
180. Да и далъ онъ на ж... по отяпышу,

- Да прибавилъ на ж . . . по алыбышу,
Посадилъ онъ назадъ его на добра коня:
«Да поѣдь ты, скажи стару казаку,—
«Кабы што-де старой тобой замѣняется?»
185. «Самому ему со мной ище дѣлать нечево». Да поѣхалъ Добрыня да одва живъ сидить,
Тутъ ѣдетъ Добрынюшка Никитиевичъ,
Да къ тому-же къ своему да ко бѣлу шатру,
Да встрѣцаетъ его да нынѣ старъ-казакъ,
190. Кабы старъ-де казакъ да Илья Муромецъ:
«Охъ ты ой еси Добрынюшка Никитицъ бладь!
Ужъ ты што-же ты ѣдешь не по старому?
Не по старому ты ѣдешь, да не по прежнему?
Повеся ты доржишь да буйну голову,
200. Потопя ты дѣржишь да очи ясныи». Говорить-то Добрынюшка Никитицъ бладь:
— Наѣжжалъ я тотарина на чистомъ поли,
Зарѣвѣлъ я ему да ровно два роза,
Да и ѣдетъ тотаринъ, да не ѣгленется;
205. Кабы тутъ-де-ка я ровно ругатсе стальъ,
Да и тутъ-де тотаринъ да поворотъ даѣтъ,
Да сымаль онъ меня да со добра коня,
Да и даль онъ на ж . . . да по отяпышу,
Да прибавилъ онъ еще онъ по алыбышу,
210. Да и самъ онъ говоритъ да таковы рѣци:
«Да и што-де старой тобой замѣняется?»
«Самому ему со мной да дѣлать нечего!»—
Да и тутъ-де старому да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
215. Могущи его плеча да расходилисе,
Ретиво его сердце разгорѣцилосе,
Кабы ровно-неровно—бурто въ котли кишитъ.
«Охъ вы ой еси руськіе богатыри!
Вы сѣдлайте, уздайте да коня доброго,
220. Вы кладите всю сбруню да лошадинную,
Вы кладите всю приправу да богатырьскую». Тутъ сѣдлали-уздали да коня доброго,
Да не видно поѣздки да молодецкойей,
Только видно какъ старой нынѣ на коня скочилъ,
225. На коня онъ скочилъ, да въ стремяна ступилъ,

- Да и прижнялъ онъ свой да нонъ пуховъ колпакъ:
«Вы прощайте дружинушка хоробрая!
Не успѣте вы да штей котла сварить,—
Привезу головѹ да молодецькую».
230. Во чистомъ поли, видно, курива стоитъ,
У коня изъ ушей да дымъ столбомъ валить,
Да изъ глазъ у коня искры сыплютсе,
Изъ нозрей у коня пламѣ мечетсе,
Да и сива де грива да ростилаетсе,
235. Да и хвостъ-отъ трубой да завиваетсе.
Наѣжжаётъ татарина на чистомъ поли,
Отъ того-же отъ города отъ Кіева,
Да и столько де мѣста—да за три поприща,
Заревѣлъ тутъ старой да во первой законъ:
240. «Ужъ я вѣрной богатырь, дакъ я на пускъ держу,
Ты не вѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшь.»
А и ѣдѣтъ тотаринъ да не ѣгленетсе;
Да и тутъ старой заревѣлъ во второй законъ:
«Ужъ я вѣрной богатырь дакъ я на пускъ держу,
245. Ты не вѣрной богатырь дакъ поворотъ даёшь».
Да и тутъ-де тотаринъ да не огленетсе;
Да и тутъ-де старой кабы ругатсе сталъ:
«Ужъ ты гадина, ѣдѣшь, да перегадина!
Ты сорока ты лѣтишь, да бѣлобокая!
250. Ты ворона ты лѣтишь да пустоперая!
Пустопера ворона да по загуменью,
Не воротишь на заставу каравульную,
Ты ужъ насъ молодцовъ видно нечѣмъ считаешь».
Кабы тутъ-де тотаринъ поворотъ даётъ,
255. Отпустилъ тотаринъ да нынѣ сѣра волка,
Отпустилъ-то тотаринъ да черна вожлока,
Да съ права онъ плеча да онъ воробышка,
Да съ лѣва-то плеча да бѣла кречета.
«Побѣжите, полетите вы нынѣ проць отъ меня,
260. Вы ищите сибѣ хозяйна поласкове,
Со старымъ намъ съѣждаться да намъ не брататься,
Со старымъ намъ съѣжжатця—дакъ чья Божья помочь».
Вотъ не двѣ горы вмѣсто да столканулисе,
Два богатыря вмѣсто да тутъ соѣхалисе,
265. Да хватали они сабелки нынѣ вострыи,

- Да и сѣклись, рубились да чѣлы сутоцьки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Вострыя сабельки ихъ да изломалисе,
Изломалисе сабельки, исщербилисе;
270. Да бросили тотъ бой да на сыру землю,
Да хватали-то палицы боѣвыя,
Колотились, дрались да чѣлы суточки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Да боѣвыя палицы загорѣлисе,
275. Загорѣлисе палицы распоѣлисе;
Да бросали тотъ бой на сыру землю,
Да хватали копѣйця да бурзомецькин,
Да и тыкались, кололись да чѣлы сутоцьки,
Да не ранились они, да не кровавились,
280. По насадеѣ копѣйця да изломалисе,
Изломалисе они, да извихнулисе;
Да бросили тотъ бой да на сыру землю,
Да скакали они нонь да со добрыхъ коней,
Да хватались они на руконашецьку.
285. По старому по безчесью да по великому,
Подоспѣло его слово похвальнѣе,
Да лѣва его нога да окольздилося,
А права-то нога и подломилося,
Да и падалъ старой тутъ на сыру землю,
290. Да и ровно-неровно бутто сырой дубъ,
Да заскакивалъ сокольникъ на бѣлы груди,
Да и розорвалъ лату да онъ булатную,
Да и вытащилъ чинжалище, укладенъ ножъ.
Да и хочеть пороть да груди бѣлыя,
295. Да и хочеть смотрѣть да ретиво серце.
Кабы тутъ-де старой да нынѣ расплакался:
«Охъ ты ой есть Пресвята Мать Богородица!
Ты пошто этта меня нынѣ повыдала?
Я за вѣру стоялъ да Христовую,
300. Я за церкви стоялъ да за соборныя».
Вдругъ не вѣтру полоска да перепахнула,—
Вдвое-втрое у старого да силы прибыло,
Да свиснулъ онъ сокольника со бѣлыхъ грудей,
Да заскакивалъ ему да на черны груди,
305. Да и розорвалъ лату да всё булатную,

- Да и вытащилъ чинжалище, укладенъ ножъ,
Да и ткнулъ онъ ему до во черны груди,—
Да въ плечи-то рука и застояласе;
Тутъ и сталъ-де старой нынѣе выпрашивать:
310. «Да какой ты удалой да доброй молодецъ?»
У поганого сердце-то заплывчиво:
— Да когда я у те былъ да на бѣлыхъ грудяхъ,
Я не спрашивалъ не роду ты, не племени.—
Да и ткнулъ старой да во второй наконъ,—
315. Да въ локти-то рука да застоялосе;
Да и сталъ-де старой да опеть спрашивать:
«Да какой-ты удалой да доброй молодецъ?»
Говорить-то сокольникъ да таковы рѣци:
«Да когда я у те былъ на бѣлыхъ грудяхъ,
320. Я не спрашивалъ не роду ты, не племени,
Ты ище сталъ роды у мня выпрашивать.—
Кабы тутъ-де старому да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе,
Да и ткнулъ старой да во третей наконъ,—
325. Въ завѣдѣ-то рука да застояласе,
Да и сталъ-то старой тутъ выпрашивать:
«Ой ты ой еси удалой доброй молодецъ!
Да скажись ты мнѣ нонѣе пожалуйста:
Да какой-ты земли, какой вотчины?
330. Да какого ты моря, коя города?
Да какого ты роду, коя племени?
Да и какъ ты молодца именѣмъ зовутъ?
Да и какъ прозываютъ по отечестви?»
Говорить-то сокольникъ да таковы рѣци:
335. — Отъ того-же я отъ камешка отъ Латыря,
Да отъ той-же я дѣвченки да златыгорки,
Она зла полениця да преудалая,
Да сама она была ище одноокая.—
Да скакаль-то старой нонѣ на рѣзвы ноги,
340. Прижималъ онъ его да ко бѣлой груди,
Ко бѣлой де груди, да къ ретиву сердцю,
Чѣловалъ его въ уста да нынѣ сахарныи:
«Уже ты чадо-ле, чадо да моѣ милое!
Ты дитя-ле моѣ, дитя моѣ сердцецной!
345. Да сѣзжались съ твоей да мы вѣдъ матерью,

- Да на томъ-же мы вѣдь на чистомъ поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
Да не ранились мы, да не кровавились,
Сотворили мы съ ей любовь тѣлесную,
350. Да тѣлесную любовь, да мы сердечную,
Да и тутъ мы вѣдь, чадо, тебя прижили;
Да поѣдь ты нынѣ къ своей матери,
Привези ей ты нынѣ въ Стольно-Кіевъ-градъ,
Да и будешь у меня ты первой богатырь,
355. Да не будѣтъ тебѣ у насъ поединщиковъ».
Да и тутъ молодцы нынѣ разѣхались,
Да и ѣдѣтъ сокольникъ ко свою двору,
Ко свою двору, къ высокоу терему,
Да встрѣцать его матушка родимая.
360. «Ужъ ты цядо-ле, цядо мое милое!
Ужъ дитя ты моё, дитя сердечнѣе!
Ужъ ты штоже нынѣ ѣдешь да не постарому?
Да и конь-то бѣжить не по прежному?
Повеся ты доржишь да буйну голову,
365. Потопа ты доржишь да оци ясныя,
Потопа ты ихъ дѣржишь да въ мать сыру землю».
Говорить-то сокольникъ да таковы рѣци:
— Ужъ я былъ-же нынѣ-ныньце да во чистомъ поли,
Ужъ я видѣлъ стару коровушку Базыкову,
370. Онъ тебя зовѣтъ блядкой, меня выбледкомъ».
Говорить-то старуха да таковы рѣци:
«Не пустымъ-де старой да похваляется,—
Да съѣжжались мы съ имъ да на чистомъ поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
375. Да не ранились мы да не кровавились,
Сотворили мы съ имъ любовь тѣлесную,
Да тѣлесную любовь, да мы сердечную,
Да и тутъ мы вѣдь, чадо, тебя прижили».
А и тутъ-де сокольнику за бѣду стало,
380. За великую досаду показалосе,
Да хваталъ онъ матушку за черны кудри,
Да и вызнялъ онъ ей выше могущихъ плечь,
Опустилъ онъ ей да о кирпичатъ полъ,
Да и тутъ-де старухѣ да смерть случилосе.
385. У поганого серыцѣ-то заплывчиво,

- Да заплывчиво серьцѣ-то, разрывчиво,
Да подумамъ онъ думу да промежду собой,
Да сказалъ онъ нынѣ слово да нынѣ самъ сибѣ:
«Да убилъ я топеря да родну матушку,
390. Да убью я, поѣду, да стара-казака,
Онъ спитъ нынѣ съ устатку да нонѣ съ великого».
Да поѣхалъ сокольникъ въ стольнѣ-Кіевъ-градъ,
Непиваючи онъ, да неѣдаючи,
Не сыпалъ-де онъ нынѣе плотного сну,
395. Да розорвана лата да нынѣ булатная,
Да цвѣтно его платѣ да всё истрѣпано.
Приворачивалъ онъ на заставу каравульную,
Некого тутъ на заставы не случилось,
Не случилось-де нынѣ, не пригодилось,
400. Да и спитъ-то одинъ старой во бѣломъ шатру,
Да храпитъ-то старой, какъ порогъ шумитъ;
Да соскакивалъ сокольникъ да со добра коня,
Да заскакивалъ сакольникъ да нынѣ во бѣль-шатѣрь,
Да хваталъ онъ копейцѣ да бурзомецкое,
405. Да и ткнулъ онъ старому да во бѣлы груди;
По старому-то по счастью да по великому,
Пригодилсе-ле тутъ да золотъ-чуденъ-крестъ,—
По насадки копейцо да извихнулось;
Да и тутъ-де старой да пробужаитсе,
410. Отъ великаго сну да просыпаитсе,
Да скакалъ-де старой тутъ на рѣзвы ноги,
Да хваталъ онъ сокольника за черны кудри,
Да и вызнялъ его выше могуцихъ плецъ,
Опустилъ онъ его да о кирпичать полъ,
415. Да и тутъ-де сокольнику смерть случилось;
Да и вытащилъ старой его вонъ на улицу,
Да и руки и ноги его онъ оторвалъ,
Розсвисталъ онъ его да почисту полю,
Да и тулово свезалъ да ко добру коню,
420. Да сорокамъ,-воронамъ да на расклѣванье,
Да сѣрымъ-де волкамъ да на ростѣрзанье.
-

2.

Илья Муромецъ въ опалѣ *)

- Подарилъ-то де солнышко Владимиръ-князь,
Какъ тому-же Ильѣ да стару-казаку,
А дарилъ ему шубейку о петъсотъ рублей,
Говорилъ-ту-де тутъ да нынѣ старъ-казакъ:
5. «А не мнѣ были подароцьки направлены,
А направлены Дунаю сыну Ивановичу, **)
А минѣ видно-де нынѣ да пригодилисе».
Ужъ услышали тутъ думныя бояра нынѣ,
Они писали ерлыки да скоры грамоты,
10. Доносили князю они Владимиру:
«А обхулилъ твои да старъ подароцьки,
Говорилъ будто старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ужъ я цѣ, думаю, мнѣ князь дарить станѣтъ,
«Онъ и шубку дарить мнѣ, будто у меня шубокъ нѣтъ».
15. Тутъ призвалъ нынѣ солнышко Владимиръ князь,
Какъ тово-же вѣдъ нынѣ да стара-казака,
Кабы тутъ-де-ка старъ да на онѣръ пошолъ,
Кабы думныхъ бояръ да приказалъ притти,
Они сложились троима да всѣ отвѣтили:
20. «Говорилъ-то-де это еще старъ-казакъ,
Онъ вполнѣ говорилъ, да всѣ мы слышали».
Говоритъ-то тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Говорилъ-же то я да не совсѣмъ-же такъ,
Они ложно доносятъ показанье-то,
25. Они съ клятвой на старѣ да пригибаютъ-же.
Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Говорилъ-то вѣдъ я да промежу собой:

*) Эту старину Ѳ. Чуркина помнила очень плохо, только въ общихъ чертахъ, и только на усиленную мою просьбу согласилась ее пропѣть, при чемъ, когда пѣла, часто путалась и останавливалась, чтобы припомнить. При сравненіи этой старины съ предыдущей и послѣдующей разница въ обработкѣ содержанія видна сразу. По всему видно было, что старина припоминалась во время пѣнія, а не передавалось слышанное и усвоенное ранѣе. Н. О.

**) Старина эта, говорила мнѣ Ѳ. Ч. пѣлась стариками непосредственно послѣ старины о женитьбѣ Дуная. Послѣ смерти Дуная Ильѣ М. досталась его шуба, изъ-за которой все и началось. Н. О.

- «А не мнѣ были подароцьки направлены,
«А направлены Дунаю сыну Иванову,
30. «Уже мнѣ, молодцу, видно пригодились».—
Нечему тутъ Владимиръ-князь не варуётъ:
«Послѣ дѣла-то вѣдь всякъ-же отпираетца».
Онъ позволилъ ископать нынѣ глубока погребъ,
Засадилъ-ту-де стара нынѣ казака.
35. Тутъ вѣдь нынѣ богатыри прогнѣвились,
Говорятъ тутъ вси руськіи богатыри:
«Засадишь ты нынѣ нашего предводителя,
Мы ужъ всѣ нынѣ розойдѣмся и розѣдемся,
У тя пусто станетъ стоитъ стольно-Кіевъ-градъ».
40. Говорить-ту ему тутъ молода жона,
Кабы та-же княгиня да мать Апраксія:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
На кого-же ты вѣдь нынѣ да понадѣшсе?
У тя думны бояра да знать измѣнщики,—
45. Когда не будётъ у тя надѣжды великой,
Они тогды-же пуще измѣнять-же».
Нечѣму-же тутъ князь нынѣ не варуётъ.
Тутъ и выскоцилъ старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Побѣжалъ онъ по городу по Кіеву,
50. Забѣгалъ-же нынѣ онъ на царевъ кабакъ,
Онъ и выпнулъ тамъ двери всѣ подвальнія,
Онъ тутъ выкатилъ три боцьки сороковоцьки,
Да крычалъ-де старой да зычнымъ голосомъ:
«Охъ вы ой еси да руськіи богатыри!
55. Ужъ вы вси-же хресьяна да православныи!
Ужъ вы вси-де нынѣ голи да кабацкіи!
Вы тащите-ткосъ мни мѣру да своеруцную,
Своеруцную мѣру, да поварёноцькой,
Ужъ вы пейте вина да сколько хотите,
60. Поминайте меня да добра молодца».
Тутъ не крыкъ-ле стоитъ, да какъ не стонъ стонѣтъ,
Спровожаютъ тутъ удала добра молодца,
Говорить-то де тутъ да нынѣ старъ-казакъ:
«Ужъ я могъ-бы-де не сѣсь нынѣ въ глубока погребъ,
65. Ужъ я могъ-бы побѣдить да нынѣ весь городъ,—
Повинуюся закону да государеву;
Я сидѣлъ прежъ безъ ногъ да ровно тридцетъ лѣтъ,

- Нынѣ опять видно минѣ да бывать Богъ судить».
Засадил тут удала добра молодца,
70. Какъ захлупили плитой его желѣзной-же,
Загребли его матушкой сырой землѣй.
Тутъ и вси-же народъ да разѣзжаются,
Разѣзжаются вони, да разбѣгаются;
Ужъ разѣхались вси руськи нынѣ богатыри,
75. Они прогнѣвались на князя на Владимира,
Да на думныхъ-то бояръ да толстобрюхихъ.
Какъ-то нынѣ княгиня да роздумалась,
А роздумала въ уми да промежу собой,
Ископала она нынѣ тайной подкопъ,
80. Какъ къ тому-же-ле къ старому казаку,
А снесла она ему нынѣ ременщатъ стулъ,
А снесла она свѣци да воску ярова,
Да снесла она книги старопечатныи,
Забавлялся шобы да нынѣ старъ-казакъ,
85. Шобы съ великой тоски смерть не случилось;
А кормила-поила его тридцетъ лѣтъ.
Ужъ прошло нынѣ поры да это времени,
Миновало промежъ тѣмъ ищѣ тридцетъ лѣтъ,
90. Тутъ сажались нынѣ бояра толстобрюхѣ,
Какъ за ти-же за столы да за дубовыи,
Они писали ерлыки, да скору грамотку,
Посылали вси по дальнимъ сторонущамъ,
Посылали они Ковшею Безсмѣртному:
95. «Нынѣ ужъ вси разошлись руськи богатыри,
Какъ пустой стоитъ у насъ стольно-Кіевъ-градъ,
Онъ пустой состоитъ да нынѣ тридцетъ лѣтъ».
Скоро скажется исторья, долго дѣлится,
Какъ прѣхалъ Ковшей да во чисто полѣ,
100. Нагонилъ нынѣ силушки премножество:
Попередитъ его да сорокъ тысящей,
По праву его, собаки, да сорокъ тысящей,
По лѣву руку, собаки, да сорокъ тысящей,
Позади его да числа-смету нѣтъ.
105. Онъ писалъ ерлыки да скору грамоту,
Выбиралъ онъ тотарина какой лучше всѣхъ,
Отсылалъ съ имъ ерлыкъ да скору грамоту.
Да цитать-де князь Владимиръ скору грамоту,

- Говорить онъ своей да молодой жоны,
110. Какъ своей онъ супругѣ да обручальноей:
«Охъ ты ой есь княгина да мать Апраксія!
Ты позволъ мнѣ придумать думу крѣпкую:
Кабы просить Ковшей у меня поединщиковъ,
А кого-же намъ послать будѣтъ поединщикомъ?»
115. Говорить-то его да молода жона:
— На кого-же ты надѣю прежъ оставалса-же?
У тя есь думны бояра, да при сибѣ живутъ,
Ты подитко има нынѣ замѣнейся-же.—
Говорить-то тутъ князь да таковы рѣци:
120. «Ты не дѣльнѣ минѣ да говоришъ нынѣ,
Ахъ ты ой есь Опросинья, да дочь Семеновна!
Молодая княгина да обручалья,
Ты вѣдь востра баба, да всё догадлива,
Та скажи-тко, скажи мнѣ пожалуста,—
125. Да кого-же намъ послать намъ поединщикомъ?»
Говорить тутъ княгина да мать Опраксія:
— Мнѣ ночесъ што-то мало спалось—много видѣлось:
Будто живъ въ погребу да сидитъ старъ-казакъ.—
Говорить тутъ-де солнышко Владимиръ князь:
130. «Кабы была при сибѣ да сабля вострая,
Я срубилъ-бы у тебя буйну голову—
Ужъ прошло нынѣ время ровно трицетъ лѣтъ,
Ужъ какой нынѣ этамъ живой нынѣ старъ-ка-
закъ?»
- Говорить ту княгина да мать Апраксія:
135. — Я не знаю къ чему да сѣдни видѣлось,
Будто живъ сидитъ въ погребу будто старъ-казакъ».
Говорить-то-де солнышко Владимиръ князь:
«Какъ ты прежъ будто дѣльнѣ што-ле баяла,
А ужъ нынѣ сочиняшъ таку бездѣличу:
140. Ужъ и много продолжалось да поры времени,
Ужъ прошло-де топере ровно тридцетъ лѣтъ,
А какой ужъ нынѣ живой да есь старъ-казакъ?»
Говорить ему княгина да мать Апраксія:
— Мнѣ вѣдь зря-то нынѣ сонъ вного не видитсе,
Што приснитсе мнѣ ночью, то и сбыдетсе.
145. Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
Ты некого не посылай, некому не приказывай,

- Ужъ нынѣ вѣдь народъ да всё невѣрной здѣсь,
Ты изволь посмотриѣть, сходить въ глубока погребъ,
Онъ и вѣбыль не живой-ле въ погребу сидитъ.—
150. Какъ на то-де нынѣ князь да не ѣтслушалса,
Онъ надѣрнулъ сапожки да на босу ногу,
Онъ и куною-де шубу да на одно плечѣ,
Свой пуховъ-де колпакъ да на одно ухо,
Побѣжалъ ту-де князь да скоро-наскоро,
155. Ухватилъ онъ лопатоцку жалѣзную,
Онъ раскидывалъ пески да всё макарѣевски,
Отопружилъ онъ плиту да все желѣзную.
Ужъ и живъ-то сидитъ да нынѣ старъ-казакъ,
Онъ и зритъ-ле, гледитъ да нынѣ въ гумажной лисъ,
160. Переметывать листики ербовыя,
Закрывалъ-то тутъ-де солнышко Владимиръ князь:
«Ужъ и звыше ума цюдо состоялосье!»
Заревѣлъ тутъ и солнышко Владимиръ-князь:
«Ты изволь-ко Илья да ище Муромецъ,
170. Ты и вытти нынѣ къ намъ на бѣлой свѣтъ,
Ты ужъ больнѣ большой да строкъ нынѣ высидѣлъ».
А сидитъ-ту старой да не огленетсе.
Побѣжалъ тутъ назадъ домой Владимиръ князь,
Онъ рассказывать своѣй да молодой жоны:
175. «Ужъ и заболь-же не здря да сонъ привидѣлса,
Ищѣ живъ-де сидитъ да у насъ старъ-казакъ.
Ужъ ты ой есь княгина мать Апраксія!
Ты скатайся-тко, сходи, да ты сама позови».
Побѣжала тутъ княгина да мать Апраксія,
180. Ужъ какъ кликнула княгина да во первой наконъ:
«Поизыть-ко, пожалуй, доброй молодецъ,
Разгони-ткосъ ты кручину да съ ретива сердца,
Ты не ради князя да ты Владимира,
Ужъ ты ради-же вѣры да ты Христовоей,
185. Послужи-тко-же ты да вѣрой правоей».
Кабы тутъ-де старой да нынѣ выскакивалъ,
Бутто бѣлой тутъ куропать выпархивалъ;
Онъ ступилъ по земли да нынѣ три ступья,
А слышалъ его да нынѣ доброй конъ,
190. Онъ и сорвалъ всѣ цѣпи да нынѣ желѣзныи,
Онъ розорвалъ всѣ пунки шелковыи,

- Закрычалъ-де вѣдь, заржалъ да зычнымъ голосомъ,
Прибѣжалъ онъ къ Ильѣ да къ стару казаку,
Какъ Илья-то де плачѣтъ, конь не поддавайтсе, *)
195. Ужъ какъ ровно-де пули слезы катятсе.
Говорить-то-де тутъ да нынѣ старъ-казакъ:
«Ужъ ты здравствуй-ко княгина да мать Апраксія!
Ужъ жива-ле моя сбруня да лошадиная,
Ужъ жива-ле моя приправа да богатырская **)?..
- 200 Ухватилъ ту-де старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Кабы ту-же нынѣ палицу буѣвую,
Онъ свиснулъ эту палицу доброй молодець,
Улетѣла эта палица подверхъ изъ виду,
Ужъ и пала она на матушку сыру землю,
205. Подрожала нынѣ матушка сыра земля;
Ужъ уцюли нынѣ всѣ руськіи богатыри:
«Ищѣ есь нынѣ въ Кіевѣ сильнѣй бѣгатырь,
Подавать нынѣ знакъ намъ добрымъ молодцамъ». ***)
— «Ужъ ты ой есь слуга нашъ да старъ-казакъ!
210. Извини ты пожалуй, да не прогнѣвайся,
Какъ пособить вамъ Богъ да Царь Небесной Свѣтъ,
Состоить какъ сохранныи стольнѣ-Кіевъ-градъ,
Вы обратно опеть, да не гостите тутъ».

Дальше Ѳ. Чуркина разсказала: «Илья Муромецъ встрѣтился съ другими богатырями въ поле и побилъ Ковшея Безсмѣртнаго. Стали послѣ этого богатыри думать—куда нынѣ ѣхати? А княгина это увидѣла, прилетѣла (т. е. прибѣжала) сама за богатырьми и закланялась, зазвала ихъ въ Кіевъ. Богатыри посовѣтовали между собой и опять поѣхали къ князю Владимиру; тутъ они и стали снова жить».

*) Т. е. и конь не уступаетъ, тоже плачетъ.

**) «Тутъ слуги принесли все, что нужно», сказала Ѳ. Чуркина и зашла дальше.

***) «Поѣхалъ Илья Муромецъ въ поле драться съ Ковшеемъ, княгина ему и говорить, извиняется», сказала Ѳ. Чуркина и зашла дальше.

3.

Олеша Поповичъ и сестра братьевъ Долгополыхъ.

- А во стольнѣмъ во городѣ во Кіевѣ,
Вотъ у ласкова князя да у Владимира,
Тутъ и было пированье-столованье,
Тутъ про руськихъ могущихъ про богатырей,
5. Вотъ про думныхъ-то бояръ да толстобрюхихъ,
Вотъ про дальнихъ-то кушцей гостей торговыхъ,
Да про злыхъ-де поленицъ да преудалыхъ,
Да про всѣхъ-де хресьянъ да православныхъ,
Да про чесныхъ-де жонъ да про купеческихъ.
15. Кабы день-отъ у насъ идѣтъ нынѣ ко вечеру,
Кабы солнышко катитсе ко западу,
А столы-те стоятъ у насъ полустоломъ,
Да и пиръ-отъ идѣтъ у насъ полупиромъ;
Кабы вси-ле на пиру да напивалисе,
10. Кабы вси-то на чесномъ да пьяны веселы,
Да и вси-ле на пиру нынѣ приросхвастались,
Кабы вси-то-де тутъ да прирозляпались;
Какъ иной-отъ-де хвастать своей силою,
А иной-отъ-де хвастать своей смѣткою,
20. А иной-отъ-де хвастать золотой казной,
А иной-отъ-де хвастать чистымъ серебромъ,
А иной-отъ-де хвастать скатнымъ жемцюгомъ,
А иной-отъ-де домомъ, высокимъ теремомъ,
А иной-отъ-де хвастать нынѣ добрымъ конѣмъ,
25. Ужъ какъ умной-отъ хвастать старой матерью,
Кабы глупой-отъ хвастать молодой женой.
Кабы князь-отъ сталъ по полу похаживать,
Кабы съ ножки на ножку переступывать,
А сапогъ о сапогъ самъ поколачивать,
30. А гвоздѣкъ о гвоздѣкъ да самъ пощалкивать,
А бѣлыми-ти руками да самъ розмахивать,
А злачными-ти перснями да принабрякивать,
А буйной головой да самъ прикачивать,
А жолтыми-ти кудрями да принатряхивать,
35. А ясными-ти оцями да прирозглядывать,
Тихо-смирную рѣць самъ выговаривать;

- Кабы вси-ту-де тутъ нонь приумолкнули,
Кабы вси-ту-де тутъ нонь приудрогнули:
«Охъ вы ой есь два брата родимыя,
40. Вы Лука-де Матвѣй дѣти Петровичи!
Ужъ вы што сидите будто не веселы?
Повѣся вы держите да буйны головы,
Потопя вы дѣржите да очи ясные,
Потопя вы держите да въ мать сыру землю.
45. Развѣ пиръ-отъ-ле для васъ да всё нечесенъ былъ?
Да поднощычки для васъ были не вѣжливы,
А не вѣжливы были, да не ёчесливы?
Ужъ какъ винны-то стаканы да не доходили,
Але пивны-то цяры да не доносили?
50. Золота-ле казна у васъ потратилась?
Але добры-ти кони да приуѣжжены?»
Говорять два брата, два родимыи:
— Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
Ужъ пиръ-отъ для насъ право чесенъ былъ,
55. А поднощычки для насъ да были вѣжливы,
Ужъ какъ вѣжливы были и очесливы,
Кабы винны стаканы да намъ доносили,
Кабы пивныя-ти цяры да къ намъ доходили,
Золотая казна у насъ да не потратилась,
60. Какъ и добрыхъ намъ коней не заѣздити,
Какъ скаченъ намъ жемцюгъ да всё не выслуга,
Кабы чистоё серебро не похвальба,
Кабы есть у насъ дума да въ ретивомъ серцѣ:
Кабы есть у насъ сестра да всё родимая,
65. Кабы та-же Анастасья да дочь Петровична,
А не хто про ей неznать, право не вѣдаетъ,
За семима-те стѣнами да городовыми,
За семима-ти дверьми да за жолѣзными,
За семима-те замками да за нѣмецкими.—
70. А уцюло тутъ вѣдъ ухо да богатырьскоё,
А завидяло око да молодецькоё,
Тутъ ставаётъ удалой да доброй молодець,
Изъ того-же изъ угла да изъ передняго,
Изъ того-же порядку да богатырьскаго,
75. Изъ за того-же изъ за стола середняго,
Какъ со той-же со лавки, да съ дубовой доски,

- Молодые Алёшенька Поповицъ младъ;
Онъ выходитъ на сѣреду кирпицать полъ,
Становилсе ко князю да ко Владимиру:
80. «Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь-ко, позволь мнѣ слово вымолвить,
Не позволишь-ле за слово ты сказнить меня,
Ты сказнить, засудить, да голову сложить,
Голову-де сложить, да ты подъ мецъ склонить».
85. Говорить-то де тутъ нынѣ Владимиръ князь:
— Говори ты, Олѣша, да не упадывай,
Не единого ты слова да не уранивай.—
Говорить тутъ Олѣшинька Поповицъ младъ:
«Охъ вы ой есь два брата, два родимыи!
90. Вы Лука-де, Матвѣй дѣти Петровици!
Ужъ я знаю про вашу сестру родимую,—
А видалъ я, видалъ, да на руки сыпалъ,
На руки я сыпалъ, уста чѣлбивалъ».
Говорятъ-то два брата, два родимыи:
95. — Не пустымъ-ле ты Олѣша да похваляишсе?—
Говорить тутъ Олѣшинька Поповицъ младъ:
«Охъ вы ой еси два брата, два родимыя!
Вы бѣжите-ко нынѣ да вонъ на улицу,
Вы бѣжите-тко скорѣ да ко свою двору,
100. Ко свою вы двору, къ высокоу терему,
Закатайте вы комъ да снѣгу бѣлого,
Ужъ вы бросьте-ткось въ окошечко косявчато,
Припадите вы ухомъ да ко окошечку,—
Ужъ какъ чѣ ваша сестра тутъ говорить станѣтъ».
105. А на то-де робята не ѣтслушались,
Побѣжали они да вонъ на улицу,
Прибѣжали они да ко свою двору,
Закатали они комъ да снѣгу бѣлого,
Они бросили Настасѣ да во окошечко,
110. Какъ припали они ухомъ да ко окошечку,
Говорить тутъ Настасья да доць Петровицъна:
«Охъ ты ой еси Олѣшинька Поповицъ младъ!
Ужъ ты што рано идѣшь да съ весела пиру?
Развѣ пиръ-отъ-ле для те право не чесенъ былъ?
115. Развѣ поднощычки тебѣ были не вѣжливы?
А не вѣжливы были да не очесливы?»

- Кабы тутъ-де робятамъ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
А хоцють они вести ей во чисто полѣ. *)
120. Кабы тутъ-де Олѣшинькѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе.
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь мнѣ позволь, сходить посвататься,
Ты позволь мнѣ позвать да стара-казака,
125. Ты позволь мнѣ—Добрынюшку Никитиця,
А робята-ти вѣдь роду-ту вѣдь вольнѣго,
Ужъ какъ вольнѣго роду-ту смирѣного».
Ужъ позволилъ имъ солнышко Владимиръ-князь,
Побѣжали тутъ робята скоро-наскоро,
130. Они чеснымъ порядкомъ да стали свататься.
Подошли тутъ и руськи да три богатыря,
А заходятъ во гриню да во столовую,
Они Богу-ту молятся по ючѣному,
Они крестъ-отъ кладутъ да по писанному,
135. Какъ молитву говорятъ полну Исусову,
Кабы кланяются да на вси стороны,
А Луки да Матвѣю на особицу:
«Мы пришли нынѣ, робята, къ вамъ посвататься,
Кабы съ чеснымъ порядкомъ, съ весела пиру,
140. А не можно-ле какъ да дѣло сдѣлать?
А не можно-ле отдать сестра родимая?»
Говоритъ тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Не про насъ была пословица положена,
А и намъ, молодцамъ, да пригодилася:
145. «Кабы въ первой вины да, бывать, Богъ простить,
А въ другой-то вины да можно вамъ простить,
А третья-то вина не надлежитъ ищѣ».
Подавалъ тутъ онъ вѣдь цяру зелена вина,
Не великую, не малу—полтора ведра,
150. Да припалнивалъ мѣду тутъ да сладкого,
На закуску калачъ да бѣлъ крупичатой;
Подавають они цяру да обѣмá рукми,
Поблишешинько они къ имá да придвигаются,

*) Дальше О. Чуркина знала старину уже не такъ твердо и шѣла не совсѣмъ увѣренно.

- Понижешенько они имъ да покланяются,
155. А берутъ-то-де царю единой рукой,
А какъ пьютъ-ту-де царю къ едину духу,
Кабы сами они за царой да выговариваютъ:
«А оммыло-де нашо да ретиво серце,
Звеселило у насъ да буйну голову».
160. Веселымъ-де пиркомъ, да они свадебкой,
Какъ повидали сестру свою родимую,
За того-же Олѣшиньку Поповиця.
-

4.

Васька Игнатьевъ.

- Пролежала, просвистала да быстра рѣченька,
По прозванію-ту рѣченька Смородина,
Она усьѣмъ-то пала въ Волгу матушку;
Волга матушка рѣка да подъ Казань она пошла,
5. Подъ Казань она пошла, пошла подъ Вастрahanь,
Она усьѣмъ-то пала да во синѣ морѣ.
По синю-то морю да тутъ карабъ бѣжитъ,
Баско-хорошо карабъ да изукрашеной,
Кабы носъ-де, корма да подзолочена;
10. Мѣсто глазъ-то его да было врѣзано,
Какъ по чѣлому камню да самоцвѣтному;
Мѣсто рѣсницъ-то его было приклеено,
Какъ по цѣлому бобру да по осистому;
Мѣсто бровей-то его было прибivano,
15. Какъ по чѣлой лисичѣ да бурнастоей;
Мѣсто ушей-то его было привязано,
Какъ по цѣлому волку да по рысучему;
Мѣсто хвоста-то его было повѣшено,
Какъ по цѣлому звѣрю да по заморскому.
20. А карабъ-отъ бѣжитъ да какъ соколъ летитъ,
А и рыщетъ карабъ по звѣриному,
Кабы хоботы-то мецѣтъ по змѣиному,
Да не флюгаръ на деревѣ шатайтсе,
Будто лютая змѣя да извивается.
25. Да бѣжали, выбѣгали два гнѣды тура,

- Да на стрѣцію имъ туриця, да родна матушка:
«Ужъ вы здраствуйте туры, да дѣти малыя!»
— Ужъ ты здрастуй туриця, родна матушка!—
«Ужъ вы гдѣ-же туры да были-побыли?»
30. — Ужъ и были мы вѣдь, матушка, во¹ Шахавѣ,
Да погулели, сударына, во Ляховѣ,
Сарочинско чисто полѣ да впоперѣкъ прошли,
Стольной Кіевъ мы градъ да изъ конца въ конецъ,
Некакого мы вѣдь цюда-та не видѣли,
35. Только видѣли чудышко не малое,
Да не малое чудо, да превеликое:
Да серѣдка мы ноци, да середь тѣмной,
Да серѣдка мы ноценьки осѣнной,
Отворилисе ворота, да городовыя,
40. Выходила дѣвиця да младо-красная,
Да въ одной она рубашецкѣ безъ пояса,
Да въ однихъ она чеблѣтахъ безъ цюлоциковъ,
Выносила она книгу да лисъ евангелъе,
Забродила она да во Пучевъ рѣку,
45. Забродила она да по коленъ въ воды,
Да ищѣ того поглубже—дакъ до горлышка,
Становилась ко камешку ко сѣрому,
Да и клала она книгу да на сѣрой камень,
Да стояла она тутъ отъ зари до зари,
50. Да читала она книгу отъ доски до доски,
Да и сколько читала, вдвое плакала.—
Говорила имъ матушка родимая:
«Охъ вы ой еси туры да златорогія!
Не дѣвиця выходила, да Богородиця,
55. Она цюетъ надъ городомъ незгодушку,
Она цюетъ на Кіевомъ великую:
Да и Скурла-де царь да подымантъсе,
Да со тѣмъ-же со сватушкомъ со Куршакомъ,
Да со тимъ-же со зетелкомъ со Миршакомъ,
60. Нагонилъ онъ въ чисто поле силы множество:
Попереди-то его да сорокъ тысячей,
По праву его, собаки, да сорокъ тысячей,
По лѣву руку, собаки, сорокъ тысячей,
Позади-то его да числа-смѣту нѣтъ;
65. Поселился онъ тутъ да нынѣ въ чистомъ полѣ,

- Хорошо-де собака да шатры выставилъ,
Хорошо онъ, татаринъ, да верхи выкрасилъ,
Да и самъ онъ тутъ по силушки похаживать,
Да и самъ онъ тутъ силушку разглядывать,
70. Да садилса-де Скурла да за дубовой столъ,
Онъ писалъ ерлыки, да скору грамотку,
Выбиралъ онъ тотарина какой больше всѣхъ,
Выбиралъ онъ тотарина какой толще всѣхъ,
Да и выбралъ такого да превеликаго,
75. Да и туша-то его да всё коса сажень,
Да коса-де сажень, сажень печатная,
Да и плеча-то его дакъ махова сажень,
Головище у его сильнѣй пивной котѣль,
Да ушища у его какъ царски блюдища,
80. А глазищи его какъ пивны чашища,
А ручища его какъ сильны граблища,
А ножища у его какъ сильны кичижища,
А и самъ онъ ему тутъ наговаривать:
«Да и ѣдъ ты черезъ пашенки посѣенны,
85. «Черезъ тѣ-же мелки да переулоцьки,
«Черезъ стѣны тѣ ѣдъ да городовыя,
«У воротъ ты не спрашивай приворотниковъ,
«У дверей ты не спрашивай придверниковъ,
«Да и ставъ ты коня серѣдка улицы,
90. «Не привязывай коня ты, не приказывай.
«Заходи ты во гриню во столовую,
«Ужъ ты Богу не молись, да ты челомъ не бей,
«Ты челомъ не бей, не кому не кланейся,
«Ужъ ты выложъ ерлыкъ да на дубовой столъ;
95. «Какъ ты выложишь ерлыкъ, дакъ такъ и вонъ поди,
«Такъ и вонъ поди, скорѣ назадъ гони.»
Тутъ подходитъ солнышко Владимиръ-князь,
Да читатъ онъ ерлыкъ да скору грамоту,
Да и то у собаки написано,
100. Да и то у собаки напечатано:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дашъ городъ добромъ, дакъ я добромъ возьму,
Ты не дашъ городъ добромъ, дакъ я боёмъ возьму,
Я великой-ле дракой, да кроволитьицёмъ:
105. Я соборны больши церкви да вси на дымъ спущу,

- Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги во грезе стопчу,
Чудны образы иконы да на полавъ воды,
Самого я князя да въ котлѣ сварю,
110. Да саму я княгину да за себя возьму».
Говоритъ-же тутъ солнышко Владимиръ-князь:
«Охъ ты ой еси княгина да мать Опраксія!
Ужъ ты дума моя да была крѣпкая,
Ужъ ты слово моё да было тайное,
115. Ужъ ты вострая баба, да всё догадлива,
Пособи-ко ты мнѣ да думу думати,
Да скажи-тко мнѣ да ты пожалуста:
Да кого-же намъ послать нынѣ поединщикомъ?»
Говоритъ тутъ княгина да мать Опраксія:
120. — Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты сходи-тко, ты поди да на царевъ кабакъ,
Кабы нѣтъ-ли тамъ какого руського богатыря.—
А на то-де нынѣ князь да не отслышалса,
Побѣжалъ нынѣ Владимиръ да на царевъ кабакъ,
125. Да и стрѣтилась ему первая застава,
Да и сталъ тутъ-де князь нынѣце выпрашивать:
«Кабы хто-ле есь гулять на царевомъ кабакѣ,
Да на томъ-же кружалѣ да восударевомъ?»
Говоритъ ему первая подсушинка:
130. — Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты не съ нами думу думаешь—съ боярами.—
Побѣжалъ-де нынѣце князь да онъ опять впередъ,
Кабы стрѣтилась ему серенняя подсушинка,
Да и сталъ тутъ князь нынѣце выпрашивать:
135. «Кабы хто-же есь гулять на царевомъ кабакѣ?
Да на томъ-же кружалѣ да восударевомъ?»
Говоритъ ему серенняя подсушинка:
— Ты не съ нами думу думаешь, съ боярами.—
Да пошолъ тутъ князь нынѣце опять впередъ,
140. Да и стрѣтилась послѣдняя подсушинка,
Да и сталъ тутъ-де князь нынѣце выпрашивать:
«Ужъ и нѣтъ-ли кого на царевомъ большомъ кабакѣ?»
Говоритъ ему послѣдняя подсушинка:
— Кабы есть ту да Васинька Игнатьевицъ,
145. Онъ пропилсе, промоталсе да всё до нитоцьки,

Не креста у его нѣтъ, не пояса,
Онъ вѣдь спитъ ту на печькѣ, да на муравленкѣ,
Да подъ тѣмъ-же подъ краснымъ подъ трубнымъ
окномъ,

Наступаютъ ему да третьи сутоцьки.—

150. Побѣжалъ тутъ князь нынѣ опять впередъ,
Да приходитъ-то князь да на царевъ кабакъ,
Да добрался до Васиньки Игнатъевича,
Да Василей-отъ спитъ, да какъ порогъ шумитъ,
Да и сталъ тутъ князь его побуживать,
155. Да и сталъ онъ тутъ его покликивать:
«Охъ ты ой еси Васинька Игнатъевичъ!
Тибѣ долго-же спать, да все пора ставать».
Да и будить его да во первой наконъ,
Да и будить его да во второй наконъ,
160. Да и будить его да во третьей наконъ,
Да и тутъ-де Василей да пробужаитсе,
Отъ великого сна да просыпаетце,
Говоритъ ту-де князь да таковы рѣци:
«Охъ ты ой еси Василей сынъ Игнатъевичъ!
165. Приходи ты во гриню да во столовую,
Пособи ты минѣ да думу думати».
Говоритъ-то Василей сынъ Игнатъевичъ:
— Не креста у меня нѣту, да нынѣ не поеса,
Да пропилса я, промоталса, да весь до ниточки.—
170. Да и скоро-де князь-отъ крестъ-отъ выкупилъ.
Говоритъ ту-де Васинька Игнатъевичъ:
«Ты поди ты домой да я вѣдь самъ приду».
Да пошолъ-де тутъ князь да нынѣ домой назадъ,
Да стрѣщаютъ они да добра молодца,
175. Да того-же они Василья сына Игнатъева,
Да садили его да за дубовой столъ,
Подносили-де цяру да зелена вина,
Не велику не малу да полтара ведра.
Да завидѣли тутъ думныя бояра толстобрюхѣ,
180. А и это имъ порато да за бѣду стало:
«А кака эка чесь сѣдни Васинькѣ Игнатъеву?»
А и тутъ нецѣ князь говорить не смѣтъ,
Говоритъ-то Васинька Игнатъевичъ:
— Да ещо-ли я вамъ, Васинька, понадобится?—

185. Говорятъ-то бояра да толстобрюхиі:
«Тибѣ сказано вѣдь, Васинька, отказано!»
Да спросилъ тутъ Васька да во второй законъ:
— Да ищѣ-ле я, Васинька, понадобитсяъ?—
Говорятъ-то бояра толстобрюхиі:
190. «Тебѣ сказано вѣдь, Васинька, отказано».
Повторилъ тутъ Васька во третей законъ:
— Не ищѣ-ле вамъ вѣдь Васинька понадобитсяъ?—
Говорятъ ту бояра да толстобрюхиі:
«Тибѣ сказано вѣдь, Васинька, отказано».
195. А и князь-отъ ничего говорить ни смѣтъ.
Кабы тутъ-де вѣдь Васинькѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
Тутъ сѣдлалъ онъ, уздалъ да коня доброго,
Тутъ не видно поѣздки молодецкой,
200. Только видно Василій на коня скочилъ,
На коня-то скочилъ, да онъ коня стегнулъ,
Какъ пріѣхалъ тутъ-де Васинька Игнатьевичъ:
«Какъ и ѣду-ле я съ вами*) въ стольно-Кіевъ-градъ,
Я громѣтъ-шурмовать да стольно-Кіевъ-градъ,
205. Мы повыбѣмъ-де всю силу да самолучшую,
Ужъ мы тѣхъ-же бояръ да толстобрюхиіхъ,
Только тотъ съ вами залогъ да я положу нынъ:
Штобы оставить князя да со княгиною,
Да и царьской дворечъ, да церкви Божіи».
210. Состоялася война да тутъ великая,
Кабы быють по всему да какъ по городу,
А князя дворечъ да оставайтце.
Говоритъ ту-де Скурла да таково слово:
«А не ложъ-ле ты это да придумалъ-же?»
215. Заскочилъ-то Василей во гриню во столовую,
Да хваталъ онъ столешенку кедровую,
Да вызнѣлъ ей нынѣ выше могущихъ плечъ,
Да змолился ему да тутъ Владимиръ-князь:
«Ты оставъ на покаянне грѣхомъ тяжкіимъ,
220. Не убей-же ты во гринѣ князя Владимира».
Опустились у Василья да руки бѣлыя,
Кабы выскоцилъ Василей да вонъ на улицу,

*) съ татарами.

- Да хваталъ онъ вѣдь трубоцьку да говорливую,
Заревѣлъ, завопѣлъ зычнымъ голосомъ:
225. «Да пора намъ надошла да нынь шабашити.
Тутъ бросали всю нынѣ орудію,
Кабы стали совѣтъ они совѣтовать,
Кабы стали они да думу думати,
Кабы стали дѣлать да золоту казну,
230. Да и Васиеньку стали да тутъ обдѣливать.
Говорить тутъ одинъ да изъ тотарь ище:
«Охъ ты ой еси нынь да ты-ле Скурла царь!
У бою у насъ Василей да всѣхъ вѣдь больше былъ,
У дѣлу нынѣ сталъ да онъ вѣдь меньше всѣхъ».
235. Говорить ту-де нынь да ищѣ Скурла царь:
— У мя есь ищѣ сабелька не кровавлена,
Надѣлю по Васильевой по шеѣ я.—
А и это нынь Василью да за бѣду стало,
За великую досаду да показалосе:
240. «У меня есь-же вѣдь сабелька запасная,
Надѣлю я по Скурлатыной по шеюшкѣ».
Да хваталъ онъ и сабельку нынь вострую,
Да на ту руку махнѣтъ—тутъ и улица,
На другу руку махнѣтъ—переулоцекъ,
245. Да и сколько онъ бьетъ, вдвое конемъ топчѣтъ,
Да и бился онъ тутъ да трои сутоцьки,
Не одного изъ нихъ да не помиловалъ,
Да и всѣхъ нарушилъ да до единого.
Тутъ подходитъ-то солнышко Владимиръ-князь:
250. «Охъ ты ой еси Василей да сынъ Игнатьевичъ!
Заходи-тко ты во гриню да во столовую,
Да садись-ко ты нынь да за дубовой столъ,
Хлѣба-соли ты ись, да нынѣ квасу пить,
Бывать хочетса тибѣ и опохмелитсе,
255. Бывать хочетсе тибѣ и опочинутце».

Тутъ Ѳ. Чуркина рассказала словами: «Заходилъ Василей во гриню во столовую, мылъ руки бѣлыя, простилсе (извинилсѣ) князю Владимиру—расплакалса: неладно надѣлалъ. Тутъ посадилъ его князь и стали пировать—помирились».

5.

Скопинъ.

- ...«Да и много Скопинъ да по землямъ бывалъ, *)
Кабы много Скопинъ городовъ биралъ,
Да не взявши отъ города не отъѣжживалъ,
Не боялся Скопинъ да двадцети полковъ,
5. Двѣдцети пети полковъ, да полковъ тысячныхъ;
Да Малютина князя во служенье бралъ,
Да Малюту Скурлатьевну во служаноцьки,
Чашки-ложки, я, мыть, да повареноцьки».
Да и это Малюты да за бѣду стало,
10. За великую досаду показалося,
Побѣжала Малюта да дочь Скурлатьевна:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты повѣрь, ты повѣрь мнѣ золоты ключи,
Ты повѣрь, ты повѣрь мнѣ кованы ларьци,
15. Ты позволь мнѣ сходить да во темны погребы,
Ты позволь мнѣ налить цяру зелена вина,
Да вчера мы вѣдъ съ кумушкоомъ кумилисе,
Да сегодни вѣдъ хресника проздравить надъ».
Говорить-то вѣдъ солнышко Владимиръ-князь:
20. — Охъ ты ой еси Малюта дочь Скурлатьевна!
Да повѣрены тебѣ золоты ключи,
Да повѣрены тебѣ да темны погребы.—
Побѣжала Малюта дочь Скурлатьевна,
Наливала она цяру зелена вина,
25. Наливала не малу, да полтора ведра,
Да положила она тутъ зелья лютого,
Да положила она сала змѣинога,
Да подноситъ Скопину сыну Ивановичу,
Поближешинько она да придвигайтсе,
30. Понизешинько она да покланяйтсе:
«Охъ ты ой есь Скопинъ да сынъ Ивановичъ!
Ужъ ты выкушай цяру да зелена вина».

*) Только съ этихъ словъ знаетъ Ѳ. Чуркина старину про Скопина, также какъ и многіе другіе сказатели Устьцѣлемской волости. Въ Пустозерской волости эту старину знаютъ сначала.

- По краямъ-то у цяры да ровно ключъ кипить,
По середѣ у цяры ровно огонь горить.
35. Да беретъ-то Скопинъ цяру единой рукой,
Да и самъ-де за цярой выговаривать:
«Охъ вы ой есь, дружинунка хоробрая!
Вы хоробрая дружина да заговорная!
Ужъ вы руськіе могущіе богатыри!
40. Ужъ какъ пить мнѣ-ка цяра—живому не быть,
А не пить мнѣ-ка цяра дакъ виновату быть.
Ужъ я выпью какъ цяру да зелена вина,
Вы тащьте меня да вонъ на улицу,
Посадите меня вы на добра коня,
45. Привезите меня да ко добру коню,
Спроводите коня да ко свою двору,
Пусть и знать про меня да родна матушка».
Кабы выпилъ Скопинъ цяру зелена вина,—
Покатилася съ плечъ буйна головушка,
50. Да свалилася она да на широку грудь,
Кабы ниже она стала могущихъ плечь.
Тутъ увидѣли руськіе богатыри,
Потащили его да вонъ на улицу,
Посадили его да на добра коня,
55. Привезали его да ко добру коню,
Спроводили коня да ко свою двору,
Ко свою двору, високу терему.
Какъ увидѣла матушка родимая,
Какъ и ѣдетъ Скопинъ да сынъ Ивановичъ,
60. Да выскакивала она да на красно крыльцо,
Да стрѣцала она сына сердечного:
«Охъ ты ой есь Скопинъ да сынъ Ивановичъ!
Да дитя ты мое, дитя родимое,
Да ты цядо мое, цядо мое сердечное,
65. Ужъ ты што-же нынѣ ѣдешъ да не по старому,
Не по старому ты ѣдешъ, да не по прежнему,
Повѣся ты держишь да буйну голову,
Потопя ты держишь да оци ясныя,
Потопя ты ихъ держишь да въ мать сыру землю».
70. Говоритъ то Скопинъ да сынъ Ивановичъ:
— Охъ ты ой еси матушка родимая!
Матера ты Омельфа Тимофеевна!

- Ужъ я былъ у князя да на чесномъ пиру,
Прибездечистилъ молоду да дочь Скурлатьевну,
75. Воспромолвилъ-же я да нынъ такую рѣчь:
«Ужъ я много Скопинъ по землямъ бывалъ,
«Ужъ я много Скопинъ да городовъ биралъ,
«Да не взявши отъ города не отъѣжживалъ,
«Не боялся Скопинъ да двадцети полковъ,
80. «Двадцети пети полковъ, да полковъ тысячныхъ,
«Да Малютина-князя во служенье бралъ,
«Да Малюту Скурлатьевну во служаноцьки.»
Подавала она мнѣ цяру зелена вина,
Не великую не малу, да полтара ведра,
85. Да положила она тутъ зелья лютого,
Да положила она тутъ сала змѣиного,
Да и выпилъ я цяру да зелена вина.
Охъ ты ой еси матушка родимая!
Да бѣжи ты скорѣ нынъ по попа-отця,
90. По попа-де, отця, да по духовного,
У меня есь на душѣ да три тяжелыхъ грѣха».
Розорвала тутъ матушка родимая,
Да и вси тутъ, всѣ пуинки шолковыя,
Да снимала она его со добра коня,
95. Побѣждала старуха да скоро-наскоро,
Привела она попа-отця духовного,
Да сказаль онъ ему да три тяжелыхъ грѣха,
Да заключилса у его тутъ говорунъ-языкъ.
Кабы тутъ-де старухи да за бѣду стало,
100. За великую досаду да показалосе,
Заскакивала она да на добра коня,
Да гонила она да въ стольной-Кіевъ-градъ,
У воротъ она не спрашивать приворотничковъ,
У дверей она не спрашивать придверничковъ,
105. Забѣждаетъ она на улицу широкую,
Да въ крылечко клюкой стала поколачивать:
«Да подай-ко, подай, князь, виноватого,
Ужъ и худо потребилъ дитя сердечного,
Какъ того-же Скопина сына Иванова:
110. Наливала Малюта цяру зелена вина,
Не велику не малу, полтора ведра,
Да положила она тутъ зелья лютого,

- Да положила она сала змѣиного».
- А и тутъ Малюта нынѣ на юходѣ ушла.
115. А сядилъ тутъ солнышко да за дубовой столѣ,
Онѣ писалъ ерлыки да скоры грамоты,
Разсылалъ онѣ по городу по Кіеву,
Розыскать Малюту дочь Скурлатьевну.
А на то-де старуха была догадлива,
120. А сама-де старуха въ сугонѣ поѣхала,
Да выдернула она нынѣ сырой дубѣ,
Уколотила она Малюту доцѣ Скурлатьевну. *)
А увидѣла старуха да стара-матера,
Какъ слетѣлись-де нынѣ два ворона,
125. А одинѣ-то-ле воронѣ да царя бѣлого,
А другой отѣ-де воронѣ да царя черного,
Они бьются-дерутся, пуще ратятся,
Ни которой другого побѣдить не могутъ нынѣ.
А змолился-ле воронѣ да царя бѣлого:
130. «Помоги-ты мнѣ старушка, да стара бабушка,
Потребити мнѣ вѣдѣ ворона, мнѣ вѣдѣ черного,
Ужѣ я сдѣлаю тебѣ добро великое».
Да натегивала старуха нынѣ тугой лукѣ,
Зарежала-то стрѣлоцѣку калѣную,
135. Да подстрѣлила ворона невѣрного.
Да слеталъ нынѣ воронѣ по живу воду,
Да и отдалъ старухѣ, да старой бабушкѣ;
Помазала она сына нынѣ любимого,
Помазала она его во первой наконѣ,
140. Помазала она его во другой наконѣ,
Да плеснула она ему на бѣло личо,
Стрепенулса Скопинѣ да сынѣ Ивановичѣ;
Кабы тутѣ-де Скопинѣ да пробужаитсе,
Отѣ великого сну да просыпаитсе;
Да скакалъ-то Скопинѣ на рѣзвы ноги:
145. «Ужѣ я долго-де спалѣ, да всеѣ пора ставать».

*) Отсюда, сказала мнѣ Ѳ. Чуркина, она пѣла старицу въ первый разѣ, но какъ поютъ другіе, прежде слыхала.

II. СЕЛО ЗАМЕЖНОЕ (ЗАМЕГЪ).

2. Анкудинъ Ефимовичъ Осташевъ.

Высокій, здоровый, плечистый старикъ 78 лѣтъ, уроженецъ Замега и старообрядецъ по рожденію, но въ видѣ рѣдкаго исключенія въ этихъ мѣстахъ—утратившій вѣру отцовъ. 20 лѣтъ безъ перерыва „Анкуха“, какъ зовутъ его на Печерѣ, находится при православной церкви въ его деревнѣ; сначала онъ служилъ въ ней сторожемъ, теперь и старостой, и сторожемъ вмѣстѣ. Отъ раскола постепенно онъ отсталъ, и теперь каждый годъ исповѣдуется и причащается. Прежде службы при церкви 20 лѣтъ кряду ходилъ по Печорѣ съ чердынскими судами отъ Балбанскаго носу до Якши и обратно (тысячи три верстъ!). Ходилъ сначала въ бичевникахъ, *шійкой*—переднимъ бурлакомъ, затѣмъ лопманомъ. Во время своихъ странствованій видѣлъ много всякаго народа, причѣмъ было, конечно не до соблюденія обрядностей раскола. Это-то и подготовило его переходъ въ православіе—чрезвычайно рѣдкій случай на Печорѣ, повторяю. Отчасти во время своихъ странствій, отчасти дома онъ научился и старинамъ, нѣкоторыя слышалъ въ Пустозерскѣ. Онъ очень добродушенъ, сейчасъ-же согласился пѣть, только совсѣмъ не могъ пѣть безъ водки, къ которой сильно приверженъ, опять-таки отъ временъ бурлачества-же. Всѣ его старины очень коротки, онъ много изъ нихъ выпускаетъ, невольно, конечно, хотя поетъ очень гладко,—стариннымъ „ясакомъ“.

6.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

Да стояли-де на заставы богатыри,
Да ни много ёни—петнаццеть лѣтъ;
Але старъ-то казакъ былъ на бѣльшани,
А Добрынюшка Микитичъ былъ во писаряхъ,

5. Да и Васи́нька Буслаевъ быть во кашникахъ,
Да два брата Долгополыи во конюхахъ.
Да ни хто-ко туды нонь не прохаживаль,
Кабы черной-ле воронъ да не пролетываль.
Да ставаютъ ёни ютромъ ранешинько;
10. Да ставаль старъ-казакъ утромъ ранёшинько,
Надеваль онъ сапожки да на босу ногу,
Свою кунью-ту шубу на одно плечё,
Свой пуховъ-де калпакъ да на одно ухо,
Кабы бралъ-то-ле трубоцьку подзорную,
15. Выходиль-де вѣдь онъ да на юлицу,
Заходилъ онъ на рели да превысокія,
Онъ смотрѣль-ле теперь да во чисто полё.
Не гора-ле въ чистомъ полѣ знаменуется,
Не богатырь-ле ѣздитъ да потѣшаетца,
20. Подъ правой-то ногой дакъ бѣжитъ сѣрой волкъ,
Подъ лѣвой-то ногой дакъ молодой выжлокъ,
На правомъ-то плечѣ сидитъ ясень соколъ,
На лѣвомъ-то плечѣ сидитъ бѣлой кречеть;
Калену-ле онъ стрѣлоцьку пострѣливать,
25. Да и на полѣ-де стрѣлку да не юранивать.
Слѣзываль-то старой дакъ на сыру землю,
Онъ увидѣль ярлыкъ дакъ скору грамоту,
Онъ взяль-де ярлыкъ да скору грамотку,
Заходилъ-то старой да во бѣлой шатѣрь,
30. Говориль-то старъ-казакъ да Илья Муромецъ:
«Охъ вы ой еси дружинюшка хоробряя!
Ашъ вамъ полно-ко спать, да пора ставать,
Отъ великого сну да пробужатисе,
Отъ великой хмелины да просыпатисе.
35. Ты ставай-ко Добрынюшка Микитиць бладъ,
Ты считай-ко ярлыкъ, да скору грамоту».
Да ставаетъ Добрынюшка Микитиць бладъ,
Ключевой-де водой да умываетца,
Полотёнышкомъ самъ да утирается,
40. Онъ берётъ-де ярлыкъ да скору грамоту,
Отъ цитаётъ, дѣтина, да усмѣхается:
«Ужъ у старой собаки да голову срублю,
«Я Добрынюшку Микитиця возму въ писари,
«Я и Ваську Буслаева во кашники,

45. «Да два брата Долгополыхъ возьму въ конюхи». Кабы тутъ-де старому да за бѣду стало, За великую досаду да показалосе, Онъ уздалъ-де сѣдлалъ да коня доброго, Онъ поѣхалъ за сокольникомъ въ чисто полѣ,
50. Онъ наѣхалъ на сокольника въ чистомъ полѣ, Закрывалъ тутъ старой дакъ зычнымъ голосомъ: «Ахъ ты ой еси ворона да пустоѣрая! Да куда нонѣце лѣтишь, да куды путь держишь? За невидъ ты потеряешь буйну голову».
55. Да на то нонѣце сокольникъ не ѣгленетце; Закрывалъ тутъ старой да во второй законъ: «Ужъ ты ой еси ворона пустоѣрая! Ты куда нонѣце летишь, да куды путь держишь? За невидъ ты потеряешь буйну голову».
60. А оттуль-же сокольникъ да поворотъ даѣтъ, Да съѣжжались со старымъ, да они встрѣтились, А ударилъ сокольникъ да Илью Муромца, Онъ не вышалъ едва изъ сѣдлышка; Оттуль-же ѣни дакъ разѣжжались,
65. Какъ съѣхались они да во второй законъ, Какъ ударилъ старъ-казакъ да сокольничка, Тутъ вѣдъ вышибъ его изъ сѣдлышка; А скакали тутъ ѣни да на сыру землю, Какъ хватались они дратця въ рукопашную,
70. Они бились какъ, дрались да двои сутоцьки. Какъ каки-то-ле тяжки грѣхи попутали, Какъ права нога стара-казака да окатилосе, Да лѣва его нога да подломилосе. Какъ садился сокольникъ да на бѣлы груди,
75. Онъ вымалъ-то чинжалище булатенъ-ножъ, Онъ хотѣлъ-то пороть да груди бѣлыя, Въ заведи его рука да застоялосе; Замахнулса сокольникъ да во второй законъ, Да въ локтю его рука да застоялося.
80. Тутъ змолилса, старой дакъ Господу Богу: «Охъ ты ой есь Присвета Матерь Богородица! Я стоялъ нонѣце за вѣру за христовую, Я стоялъ нонѣце за церкви православныя, Я стоялъ-де за иконы да за цюдныя,

85. Ты повыдала поганому едолищу». У стара-казака да силы прибыло; Онъ не бѣлъ-то-ле куропать выпархивалъ, Кабы старъ-де казакъ ноньце выскакивалъ, Онъ бросалъ-то сокольника на сыру землю,
90. Онъ садилса къ ему да на бѣлы груди: «Охъ ты ой еси удалой да доброй молодець! Ты коей нонь земли, коей вотчины? Коего ты отца, да коей матери? Кабы какъ тебя, дѣтина, да именёмъ зовуть?»
95. Говорить-то сокольникъ да таково слово: — Когда былъ я у тя дакъ на бѣлыхъ грудяхъ, Я не спрашивалъ ни имени, ни вотчины, Я хотѣлъ нонь пороть твои бѣлы груди, Ты пори ноньце мои, право, бѣлы груди.—
100. Говорить ему старой да во второй наконь: «Охъ ты ой еси удалой доброй молодець! Ты коей ноньце земли, да коей вотчины? Коего-же ты отца, да коей матери?» — Отъ того-же я отъ камѣшка отъ Латыря,
105. Да отъ той-же я отъ матушки Златыгорки, Какъ зовуть меня, право, сокольникомъ.— Говорить ему старой да Илья Муромецъ: «Охъ ты ой еси удалой доброй молодець! Ты вѣдь будешь нынѣ мнѣ да не поклѣпной сынъ:
110. Мы дрались съ твоей матушкой родимоей, Мы дрались-ле съ ею да ровно три года, Мы одинъ-ле другого да нынѣ не ранили, Мы не ранили одинъ, дакъ не кровавили, Ужъ мы сдѣлали любовь съ ею сердцецную,
115. Да сердцецную любовь, да нынѣ тѣлесную.» Говорилъ-ле старъ-казакъ Илья Муромецъ: «Ты зачѣмъ-же вѣдь выѣхалъ во чисто поле? Молодѣшинѣкъ выѣхалъ, зеленѣшинѣкъ, Кабы выѣхалъ-ле ты да лѣтъ семнацети,
120. Дакъ и небыло-бы тебѣ въ поли поединщика.» Кабы тутъ-же ёни да распростилисе, Какъ поѣхалъ сокольникъ да онъ назадъ домой. Приѣзжжаетъ онъ къ своей матушкѣ родимоей, Говорить своей матушкѣ родимоей:

125. «Ужъ какъ стара собака да похваляетца:
Будто ты ему топере да ноньце суща блядь,
А какъ я ему да ноньце выбледокъ?»
Говорить ему матушка родимая:
— Не пустыми вѣдь старой-отъ похваляетца,
130. Ты вѣдь будѣшь ему да не поклѣпной сынъ.—
Кабы тутъ-же сокольнику за бѣду стало,
За велику-ле досаду показалосе,
Онъ убилъ свою матушку родимую.
Онъ поѣхалъ топере да во чисто полѣ,
135. Ко тому-же шатру да Ильи Муромцю,
Онъ и бралъ-то копейцо бурзомецкое.
Какъ о ту ноньце пору, да какъ о то время,
Кабы старъ-казака спить, дакъ порогъ шумить,
Кабы ткнуть-де сокольникъ Илью Муромца,
140. Да попалъ-де ему, право, въ чуденъ кресъ.
Кабы тутъ-де старой да пробуждается,
Онъ выскакивалъ старой дакъ изъ бѣла шатру,
Онъ хваталъ-ле сокольника за черны кудри,
Да бросалъ-же его ноньце о сыру землю,
145. Да срубилъ-же ему да буйну голову.

7.

Бой Добрыни и Дуная.

- Ай да первая поѣзка да молодецкая.
Хоробра была поѣзка да молодецкая,
Да не видѣли побѣжку да лошадиную,
Только видѣли въ чистомъ поли курива стоитъ,
5. Курива-ли стоитъ, дакъ дымъ столбомъ валить;
Выѣжжалъ-ле тутъ Добрыня на чисто полѣ,
Онъ бралъ-то-ле трубоцьку подзорную,
Осмотрѣлъ на четыре да на дальни стороны,
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону подъ западну:
10. Тамъ стоятъ-де топере да лѣсы темныя;
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону подъ сѣверну,
Тамъ стоятъ-де топере да леденны горы;
Онъ смотрѣлъ-де подъ сторону восточную,

- Тамъ стоитъ дакъ и нашъ да стольнѣй Кіевъ-
градъ;
15. Онъ смотрѣль-де подѣ сторону подѣ лѣтнюю,
Онъ завидѣль въ чистомъ полѣ черной шатѣръ,
Онъ черной-де шатѣръ, да чернobarхатной.
Думучись-то Добрынюшка роздумалсе:
«Какъ у нашего царя было у бѣлого,
20. У нашихъ-то руськихъ богатырей,
Кабы были-ле шатры бѣлополотнены,
Тутъ стоитъ нонѣце черной, да чернobarхатной».
Пріѣждяль тутъ Добрыня ко черну шатру,
Привезаль онъ коня да ко сыру дубу,
25. Заходилъ-то Добрыня да во черной шатѣръ,
Розоставлены столы тутъ бѣлодубовыя,
Розоставлены вѣдра да зелена вина,
Розоставлены бадьи да съ медомъ сладкіимъ,
Розоставлена посуда да все хрустальняя,
30. Тутъ лежалъ-де ярлыкъ, да скоро грамота:
«А кабы кто нонѣце въ моёмъ шатру попьѣтъ-
поѣсъ,
«Какъ попьѣтъ-де поѣсъ, право, покушаетъ,
«Не уѣхать живому изъ чиста поля».
А оттуль-же Добрыня да поворотъ даѣтъ,
35. Онъ поѣхаль назадъ да въ стольнѣй Кіевъ-градъ,
Доѣжжалъ-то Добрыня до Несей рѣки,
Онъ поилъ-де коня да во Несей рѣки,
Думучись-то Добрынюшка роздумалса:
«Я пріѣду теперь да въ стольнѣй Кіевъ-градъ,
40. Кабы стануть богатыри да спрашивать,
Кабы стануть-же руськіе вывѣдывать,
Ужъ я што имъ скажу, што повѣдаю?
То не чesъ мнѣ хвала молодецкая».
Какъ оттуль-же Добрыня поворотъ даѣтъ,
45. Пріѣждяль-то Добрыня да ко черну шатру,
Привезаль онъ коня да ко сыру дубу,
Заходилъ тутъ Добрыня да во черной шатѣръ,
Онъ напилса, наѣлся, тутъ накушался,
Приломаль онъ тутъ посудушку хрустальною,
50. Приломаль онъ-де вѣдра зеленымъ виномъ,
Приломаль онъ бадьи да съ мѣдомъ сладкіимъ,

- Розрывалъ онъ тутъ да весь черной шатёръ,
Розбросалъ онъ шатёръ да почисту полю.
Онъ лёжился тутъ спать да на сыру землю.
55. Какъ о ту-же о пору, о то времицько,
Пріѣзжалъ тутъ Дунай да изъ чиста поля,
Онъ завидѣлъ свой шатёръ не постарому:
Вся приломана посудушка хрустальная,
Всѣ приломаны вѣдра съ зеленымъ виномъ,
60. Всѣ приломаны бадьи съ медомъ сладкіимъ,
Весь розорванной его да черной шатёръ,
Какъ увидѣлъ онъ Добрыню на сырой землѣ,
Вынималъ-де онъ сабельку булатную,
Онъ хотѣлъ-то срубить да буйну голову,
65. Думучись-то-ле самъ дакъ призадумалсе:
«Какъ сонно́го-то губить, дакъ ровно мёртвого,
То не честь будѣтъ хвала да молодецкая,
А не выслуга будетъ да богатырская».
Розбудилъ онъ Добрынюшку Микитица,
70. Хваталисе они дратца на рукопашецъку,
Они билисе, дрались да трои сутоцьки.
Какъ о ту нынѣ о пору, да о то время,
Кабы старъ-ле казакъ да Илья Муромецъ,
Выѣзжалъ старъ-казакъ да во чисто полѣ,
75. Какъ со тѣмъ-же Олѣшинькой Поповицомъ,
Говоритъ старъ-казакъ дакъ Илья Муромецъ:
«Ой ты ой есь Олѣшинька Поповицъ братъ!
Слѣзываетъ ты тепериця со добра коня,
Припадай-ко къ землѣ да юхомъ правымъ,
80. Не стуцить-ле-де-ка матушка сыра земля,
Не дерутца-ле гдѣ руськіе богатыри;
Кабы два нонѣе руськихъ, дакъ помирить надо,
Кабы два нонѣе невѣрныхъ дакъ прогонить надо,
Кабы руськой съ невѣрнымъ, дакъ пособить надо».
85. Припадалъ-то Олѣша да ухомъ правымъ:
— Какъ не гдѣ нонѣ не стуцить да мать сыра
земля.—
- Какъ скакалъ-то старой да со добра коня,
Припадалъ онъ ко матушкѣ сырой землѣ,
Тамъ стуцить-ле вѣдь матушка сыра земля,
90. Да подъ той-же сторонущкой восточной;

Какъ прямой-то дорогой ѣхатъ мѣсяцы,
Выѣзикаль-то старъ-казакъ да ровно въ три часа.
Закричалъ старъ-казакъ да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы ой еси удалы добры молодцы!

100. Вы объ цѣмъ деритесь, дакъ объ цѣмъ ратитесь?
Развѣ на земли-то стало да нынѣ юзко вамъ?
Кабы дó-неба-то стало да нонѣце низко вамъ?»
Они то нонѣце дерутса, не варуютъ,
Они пуще дерутса, пуще ратятса,
105. Да скакаль-де старой дакъ со добра коня,
Онъ хваталь-де обѣхъ нонѣце въ охабоцьку:
«Охъ вы ой еси удалы да добры молодцы!
Вы объ цѣмъ нынѣ деритесь, да объ цѣмъ рати-
тесь?»

Кабы сталъ ему Дунай нонѣце высказывать:

110. — Я вѣдь за морѣмъ нонѣце жилъ, да за синіимъ,
Я за синіимъ жилъ за Варальскіимъ,
У того-же я Семёна Лиховитого,
Я вѣдь три года жилъ да ровно въ конюхахъ,
Да и три года жилъ да право въ стольникахъ,
115. Да и три года жилъ я въ поннощычкахъ,
Да прошло-же тому время ровно девять лѣтъ,
Я вѣдь выжилъ всю посудушку хрустальною,
Я выжилъ-ле вѣдра да зеленымъ виномъ,
Я выжилъ-ле бадьи да съ мѣдомъ сладкіимъ,
120. Да я выжилъ-ле столы бѣлодубовыя,
Да и выжилъ шатѣрь да чернобархатной.
Захотѣлось мнѣ-ка ѣхатъ во свою землю,
Во свою-ле землю, нонѣце на родину,
Я поѣхалъ нонѣ топерѣ да во свою землю,
125. Выѣждяль я топерѣ да на чисто полѣ,
Я поставилъ свой шатѣрь да на чисто полѣ,
Розоставилъ я столы бѣлодубовыя,
Розоставилъ я вѣдра да зеленымъ виномъ,
Розоставилъ я бадьи да съ мѣдомъ сладкіимъ;
130. Захотѣлось мнѣ-ка съѣздить за ѣхвотою,
Написалъ я ерлыкъ да скору грамоту:
«Кабы хто нынѣце въ моёмъ шатрѣ попьѣтъ-поѣсь,
«Какъ попьѣтъ-де поѣсь, право покушаетъ,
«Не уѣхатъ живому изъ чиста поля».

135. Говорить имъ старъ-казакъ да Илья Муромецъ:
— Тѣ спасибо нонь Дунай да сынъ Ивановичъ,
Не оставляшъ свой шатѣрь безъ угрозъ ты молодец-
кіихъ,
Тѣ спасибо-ле Добрынюшка Микитичъ младъ,
Не боишься ты угрозъ да молодецкіихъ.—

8.

Соловей Будимировичъ.

- Пролегала-ле, просвигала-ле мать быстра рѣка,
По прозванью-ле рѣдинька Смородина,
Она усьемъ-ле пала да въ Волгу матушку.
Кабы Волга-то матушка подъ Казань ушла,
5. Да еще того подальше, да нонь подъ Вастрahanъ,
Кабы усьемъ-то пала да во синѣ морѣ.
По синѣму-то морю бѣжить черленъ карабль,
Баско-хорошо карабликъ да изукрашенъ былъ,
Кабы весь-то карабликъ да по звѣриному,
10. Да на мѣсто ёцей-то было врѣзано,
По тому-же по камню да самочвѣтному;
Да на мѣсто бровей было прибivano,
Да по черной лисичѣ да по бурнавчетой;
Да на мѣсто юшей было прибivano,
15. Да по красной лисичѣ да по берёзовкѣ;
Да на мѣсто-то хвоста было прибivano,
Да по сѣрому волку да по рысучему;
Есь построенной въ караблицьки черной чердакъ,
Въ чердаки-то-ле кроватоцька тисовая,
20. Кабы построена кроватоцька да слоновыхъ костей,
Кабы ноги у кровати да зубовыхъ костей,
На кроватоцькѣ перинушка пуховая,
Кабы кладено зголовицо косящато (такъ!),
Одіяло тутъ лежить да черныхъ соболей.
25. Тутъ лежалъ-ле, Соловей да Будимировичъ,
Онъ лежалъ-ле, бѣжалъ да за синѣ море,
Онъ во ту-же во землю да во Литовскую,
Ко тому-же королю земли Литовскоей,

- Кабы свататься на Яннушкѣ Путятишны.
30. Да не флигуръ-отъ на деревци шатайтсе,
Какъ не люта-ле змѣя дакъ извивается,
Прибѣгалъ-то Соловей да за синё море,
Забѣгалъ онъ во тихія во гавани,
Опускалъ-де онъ парусы полотнены,
35. Да металъ-же вѣдъ якори булатныя,
Онъ клалъ-де вѣдъ сходни да коньцемъ на землю,
Кабы тутъ-же Соловей да снаряжайтса,
Кабы тутъ-же Соловей да сподобляйтсе,
Какъ берётъ онъ подароцьки не малыя;
40. Кабы бралъ-то подароцёкъ лисиць пару,
А другой-отъ нонь подароцёкъ—куницъ пару,
Кабы сорокъ сороковъ дакъ—черныхъ соболей,
А княгины-то бралъ дакъ хрущатой камки,
Хрущатой камки право сорокъ аршинъ.
45. Тутъ пошоль-ле Соловей да Будимировиць,
Впереди-то-ле Соловьёшка сукно стелять,
Позади-то-ле Соловьё во трубу вертятъ,
Онъ дарилъ-то царя да нонь подароцькомъ,
Кабы первой-отъ подарокъ—куницъ пару,
50. А другой-ле подарокъ да лисиць пару,
Кабы сорокъ сороковъ да чѣрныхъ соболей,
Да княгину-ту дарилъ да хрущатой камки.
Кабы тѣ ему (князю) подарки да приглянулися,
Кабы тѣ ему подарки да прилюбилися,
55. Говоритъ ему король земли Литовскія:
«Ахъ ты ой еси удалой да добрый молодець,
Ты торгуй-ко моей земли безъ пошрины.»
Говоритъ ему Соловей да Будимировичъ:
— Я не торгъ торговать, да не товаръ продавать,
60. Я пріѣхалъ посвататся на Яннушкѣ,
Какъ на той-же на Яннушкѣ Путятишной.—
Да оттуль-же Соловей да поворотъ даётъ,
Какъ идётъ то Соловей да на черлень карабъ,
Приказалъ-то своимъ людямъ робочіимъ:
65. «Розснстите вы карабъ да по хорошему».
Какъ стоялъ тутъ Соловей да цѣлы сутки,
Увидала тутъ-ле Яннушка черлень карапъ,
Заходила тутъ-ле Яннушка на черлень карапъ,

- Увидалъ ее Соловей да Будимировичъ:
70. «Я хотѣлъ-де нонь по Яннушку посла послать,
Я хотѣлъ по Путятисьну вѣдь самъ бѣжать,
Какъ тепере-ле Яннушка сама пришла,
Какъ сама ёна пришла, да прикатилася;
Охъ вы ой еси мои люди робочіе!
75. Вы вымайте-ко якори булатныя,
Подымайте-ко парусы полотнены,
Мы побѣжимъ-ко тепере во свою землю,
Во свою-же землю, ноньце на родину».

9.

Фатѣнко.

- Ай во стольнѣмъ во городѣ во Кіѣвѣ,
Кабы было-ле пированьѣ-столованьѣ,
Да про многія князи, да про богатырей;
Тутъ сидѣли-то двѣ жоны, дакъ двѣ боярони,
5. Какъ одна-то была Маринка Чусова вдова,
А друга была Овдотья да дочь Облудишна,
Они пили-то, ѣли, потѣшались,
Промежду они собой дакъ проклаждались;
Наливала тутъ Овдотья да зелена вина,
10. Подавала-ле Маринки да Чусовой вдовѣ,
Какъ сама она за чарой да слово молвила:
«Ищѣ што-же намъ людъми дакъ засылатисе,
Ищѣ што-же намъ людъми дакъ замѣнетисе,—
У меня-то вѣдь есть дакъ бладъ-ясень-соколъ,
15. Бладъ-ясень-соколъ, да сынъ Фатенушко,
У тебя-де вѣдь есть да право бѣла-лебедь,
Не можнó-ле какъ вѣдь намъ да нынѣце родъ
свести».
- На ётмахъ Маринка цяру ту отводила:
Какъ сама ёна за цярой да слово молвила:
20. — Кабы есть у тя кура-то подслѣпая,
Какъ по городу ходитъ да всё юродуетъ,
Кабы звали у его отца-та цюдищѣмъ,
Прозовутъ нынѣце его право верблюдѣмъ».

- Кабы тутъ-же Евдотьѣ да за бѣду стало,
25. За велику ей досаду показалосе,
Да ставала Овдотья да со чесна пиру,
Да пошла она тепереце назадъ домой,
Повѣся-ле идѣтъ дакъ буйной головой,
Потопя-ле дѣржитъ дакъ да очи ясныя,
30. Очи ясныя держитъ дакъ въ мать сыру землю.
Увидалъ-де ее дакъ бладь-ясенъ соколъ,
Бладъ-ясенъ-то соколъ да сынъ Фатенушко,
Онъ встрѣцетъ свою мать родимую:
«Ахъ ты ой еси матушка родимая!
35. Ужъ ты давеця пошла дакъ ѣчунъ весела,
Кабы нонѣце идѣшь очюнь не весела:
Разѣ мѣсто тебѣ было не по разуму?
Разѣ стольнички у тебя были не вѣжливы?
Да поднощички были не очесливы?
40. Разѣ винны-то цяры да не доносили?
Але пивные стаканы да не доносили?»
Говоритъ ему матушка родимая:
— Кабы мѣсто-то мнѣ было по разуму,
Кабы стольнички были у меня вѣжливы,
45. Да поднощички были у меня очесливы,
А и пивны-ти стаканы да мнѣ доносили,
Да е винныя цяры да мнѣ доносили:
Мы сидѣли двѣ жоны, дакъ двѣ боярони,
Наливала я цяру дакъ зелена вина,
50. Подавала я Маринки Чусовой вдовы,
Какъ сама-ле я за цярой да слово молвила:
«Какъ у меня-ле нонѣце есь да бладь-ясенъ-соколъ,
«Бладъ-ясенъ-соколъ да сынъ Фатенушко,
«Какъ у тя-ле есь право бѣла-лебедь,
55. «Не можно-ле намъ тепереце да родъ свести?»
На ѣтмахъ она цяру ту отводила,
Да сама она за цярой да слово молвила:
«Кабы есь у тя куря-то подслѣпая,
«Какъ по городу ходитъ да все юродуѣтъ,
60. «Она кой день зерно найдѣтъ—сыта живетъ,
«Она кой день не найдѣтъ—на то голодна,
«Кабы звали-ле отца да нонѣце цюдищемъ,
«Прозовутъ-ле его нонѣце верблюдищемъ.»

- Кабы тутъ-ле Фатенку за бѣду стало,
65. За велику-ле досаду да показалось,
Онъ юздалъ-де, сѣдлалъ да коня доброго,
Онъ двѣнадцеть-де подпругъ лошадиныхъ,
Онъ тринадцету клалъ черезхребетницу,
Какъ не для ради басы, да ради крѣпости,
70. Не оставилъ бы его да конь въ чистомъ поли.
Приѣзжалъ онъ къ Маринкину ко терему,
Закрывалъ тутъ Фатенко да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ ты ой еси Маринка да Чусова вдова!
Ужъ ты дай мнѣ-ка въ поли да поединщика,
75. Ты не дашъ мнѣ-ка въ поли да поединщицъка,
Я вѣдь скрою твой теремъ да по ёкошечкамъ.»
У Маринки-то было да нынѣ деветъ сыновъ,
Какъ деветъ-де сыновъ да ясныхъ соколовъ,
Говорила имъ Маринка да яснымъ соколамъ:
80. — Охъ вы ой еси мои да ясны соколы!
Вы пойдите за Фатенкомъ да во чисто поле.—
Говорятъ-ле еѣ да ясны соколы:
«Мы не ѣдемъ за Фатенкомъ во чисто поле,
Какъ Фатенкова смерть да ёчунъ страшная.»
85. Говоритъ-то Маринка да яснымъ соколамъ:
— Я бы лучше носила да нынѣ деветъ камней,
А не тѣхъ-бы носила да я деветъ сыновъ,
Я бы бросила камни да во синѣ-морѣ,
Кабы сдѣлалась кошоцька подводная,
90. Да подводная кошоцька розбойная,
Да розбила-бы Фатенка да на синѣмъ мори».
Да нехто не поѣхалъ да во чисто полѣ,
Приѣзжалъ-то Фатенко да изъ чиста поля,
Закрывалъ-то Фатенко да зычнымъ голосомъ:
95. «Охъ ты ой еси Маринка да Чусова вдова!
Выходи-ко ты теперь да вонъ на юлицу.»
Акъ не вышла она да вонъ на юлицу,
Онъ вѣдь скрылъ у ей теремъ да по ёкошечкамъ,
Да вытаскивалъ Маринку да вонъ на улицу,
100. На одну-ле ногу сталъ, да другу оторвалъ,
Да остатки трупѣ да жеребчу за хвостъ.

10.

Садокъ.

- Есь устроена въ Новѣ-гради мать-божья-черковь,
Со всыма она со чудныма иконами,
Со всыма она со попами да со духовныма.
Какъ на ту-же на славу да на великую,
5. Собиралисе народу да много множество,
Собиралисе купци гости торговыя,
Собиралисе попы ѣтцы духовныя,
Кабы былъ тутъ садокъ купецъ богатяя,
Какъ служили тутъ ёбенню да воскресэнскую.
10. Отходила-ле ёбедня да воскресэнская,
Выходилъ-ле народъ да вонъ на юлицу,
Оставалисе купци гости торговыя,
Оставалисе попы отцы духовныя,
Говорить тутъ Садокъ купецъ богатяя:
15. «Я въ Новѣ-градѣ товары да всѣ повыкуплю,
Да на матушку на Волховъ да всѣ повывожу,
Кабы тридцеть-ле караблей понагужу».
Говорить ему попъ отецъ духовныя:
— Тѣ въ Новѣ-градѣ товары всѣ не выкупить,
20. Да на матушку на Волховъ да всѣ не вывозить.—
Говорить ему Садокъ купецъ богатяя:
«Ужъ я бьюсь нонь съ тобой да о великъ закладъ,
Да не ё сто рублей, да не ё тысяцѣ,
Ужъ я бьюсь о своей да буйной головы».
25. Они билися съ попомъ да ё великъ закладъ,
Да не ё сто рублей да не ё тысяцѣ,
Они билися о своихъ буйныхъ головункахъ.
Выходилъ-ле тутъ народъ да вонъ на юлицу,
Выходили купцы гости торговые,
30. Выходили попы отцы духовные,
Какъ пошолъ-ле какъ попъ, да онъ домой пришолъ,
Онъ садился-ле дома да на ременщатъ стулъ,
Онъ писалъ ерлыки да скоры грамоты,
Штобы скоро нынъ везли товаръ во Новъ-Городъ,
35. Да скоро нынъ везутъ товаръ во Новъ-Городъ,
Здорожали товары да во Новѣ-Градѣ.

- Начинаетъ нынѣ Садокъ право товаръ купить,
Кабы бралъ-то Садокъ дакъ право день поры,
Кабы бралъ-то Садокъ дакъ и другой поры,
40 Кабы бралъ-то Садокъ дакъ всю недѣлюшку,
Въ Новѣ-Градѣ товару да вного множество.
Какъ пошелъ-де Садокъ въ мать-божью-церковъ,
А просилъ ю святитель золотой казны,
Обѣщалса онъ построить да мать-божью-церковъ,
45. Со всѣма де со чюдныма со иконами,
Со всѣма со попами да со духовныма.
У Садка-ле казны да вдвое прибыло,
Начиналъ-де Садокъ нонѣце товаръ купить,
Онъ и бралъ-де Садокъ да право день поры,
50. Онъ и бралъ-де Садокъ да всю недѣлюшку,
Онъ повыкупилъ товары въ Новѣ-Городѣ,
Онъ на матушку на Волховъ да повывозилъ,
Кабы тридцеть-ли кораблей да всѣ понагрузилъ.
Побѣжалъ тутъ Садокъ да за синѣ-морѣ,
55. Выбѣгалъ тутъ Садокъ да на синѣ-морѣ.
Середито-ле моря да право синего,
Становилса у Садка право черленъ карабъ,
Говорить тутъ Садокъ купецъ богатя:
«Охъ вы ой еси мои люди робочіе,
60. Вы возьмите-ко щупалы предолгія,
Вы бросьте-ко щупалы въ синѣ морѣ,
А нѣту-ле кошочьки подводной».
Кабы брали ёни щупалы предолгія,
Да бросали они щупалы въ синѣ море,
65. Дакъ нѣту вѣдъ кошочьки подводной,
Да подводной вѣдъ тутъ кошочьки розбойной.
Говорилъ тутъ Садокъ купецъ богатя:
«Ахъ вы ой еси мои люди робочіе!
Ужъ вы дѣлайте-ко жеребьи калиновы».
70. Ёни дѣлали вѣдъ жеребьи калиновы,
Да метали ёни жеребьи калиновы,
Да кому-же идти да во синѣ-морѣ;
Какъ повыпалъ нонѣце жеребей самому Садку,
Говорить-то Садокъ купецъ богатя:
75. «Кабы намъ-ле эти жеребьи не жеребьи,
Ужъ мы сдѣламъ-ко жеребьи малиновы».

- Они сдѣлали вѣдь жеребьи малиновы,
Да бросили они жеребьи въ синё море,
Да повыпалъ-ле жеребей самому Садку,
80. Змолилсе Садокъ да Господу Богу:
«Обѣщалса я построить да мать-божью-черьковъ
Со всѣма-ле я чудныма иконами».
Какъ наклалъ-то-ле Садокъ да золотой казны,
Онъ спускалъ-то казну да во синё море:
85. «Понеси-ко, ты, Микола, да золоту казну!»
Какъ положилъ Садокъ да на синё море,
Понесло его сундукъ да по синю морю,
Побѣжалъ-ле его да право черлень карабъ.

11.

Василій Буслаевъ *).

- Ай во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
Какъ было пированье-столованье,
Какъ про вногіе князи, всё про бояра,
Какъ про злыхъ поленичъ да преюдалыхъ;
5. Кабы день-отъ идѣтъ право ко вечеру,
Кабы солнышко катится ко западу,
Кабы пиръ-отъ идѣтъ о полупира,
Кабы столъ-отъ идетъ о полустола,
Княженеческая радость полурадости,
10. Кабы солнышко по горенкѣ похаживаетъ,
Тихосмирную рѣчь да выговариваетъ:
«Ахъ вы ой еси удалы добры молодцы!
Ищѣ хто вы мнѣ сослужите нонь служобку?
А не малую вѣдь службу, не великую,—
15. Кабы съѣздить во ту землю во невѣрную,
Какъ свезти королю да нынче пошлину».
Какъ большой-отъ хронитце за средняго,
Кабы средней хранитце за меньшого,

*) Представляя изъ себя по дѣйствию, въ главномъ, Василя Казимирова былина эта имѣетъ въ началѣ, а также и весь конецъ Василя Буслаева; послѣднимъ-же именемъ все время величалъ А. Осташевъ и героя былины. Н. О.

- Какъ отъ меньшого нонь право отвѣту нѣтъ.
20. Изъ того стола изъ середняго,
Изъ того порядку изъ передняго,
Тутъ ставаль дѣтина на рѣзвы ноги,
Говорилъ-ле тутъ да таково слово:
«Ужъ я радъ за царя да нонь службу служить,
25. Кабы службу-ле служить—головы сложить».
Говорить ему солнышко Владимиръ-князь:
— Тебѣ много-ле надо людей робочіихъ?
Тебѣ много-ле надо черныхъ караблей?—
Говорить ему Васиенька Буслаевичъ:
30. «Мнѣ не надо твоя да золота казна,
Мнѣ не надо твои люди робочіе,
Только надо мнѣ право черлень карабъ,
Да надо два брата, два названья,
Одного-же Потанюшку-ту хромого,
35. Да другого Микитушку Широкова.»
Кабы скоро тутъ робята снарезаютца,
Кабы скоро они да сподобляютца.
Какъ походятъ робята на черлень карабъ,
Вотъ заходятъ они да на черлень карабъ,
40. Вотъ прощаются на четыре дальни стороны,
Какъ князю со княгиной на ёсобицу:
«Вы прощайте-ко право люди добрыя!
Не бывать вѣдь намъ будѣть да на светой Руси,
Не видать намъ будетъ да стольнѣй-Кіевъ-градъ,
45. Не слыхать намъ вѣдь звону колокольнаго,
Не слыхать намъ пѣтья-четья церковного».
Кабы скоро тутъ робята сподобляютца,
Кабы Васиенька сталъ право ко парусу,
А Микитушка сталъ право ко якорю,
50. А Потанюшка хроминькой ко вороту,
Побѣждали тутъ робята за синѣ морѣ.
Выбѣгали они да за быстрой субой,
Кабы начело ихъ право покачивать,
А покачивать начело, пошатывать,
55. Какъ Микита широкой подъ уножъ упаль,
Кабы Васиенька Буслаевичъ на уножъ паль,
Какъ Потанюшка хроминькой кормой шатать,
Какъ кормой-де шатать, парусъ поправляивать.

- Перебѣжали робята за быстрой субой,
60. Забѣгали во тихія во гавани,
Опускали-де парусы полотнены,
А метали-де якоря булатные,
Кабы клали-де сходни коньцемъ на землю.
Кабы тутъ-де робята снарезаются,
65. Кабы скоро робята сподобляются,
Какъ берутъ-ле тепере да золоту казну,
Золоту-ле казну да ноньце пошлину,
Какъ пошли они ко царишшу ко Батуишшу,
Понесли ему золоту казну нонь пошлину,
70. Какъ скоро идутъ они ко городу,
Какъ приходятъ къ палатамъ бѣлокаменнымъ,
Какъ скоро идутъ да на круто крыльцо,
Кабы скоро въ палаты бѣлокаменны,
Говоритъ-то вѣдь Васинька Буслаевичъ:
75. «Охъ ты гой есь царишшо Абатуишшо!
Ты примай-ко отъ насъ да золоту казну,
Золоту-де казну да ноньце пошлину.»
Говоритъ имъ царишшо нонь Батуишшо:
— Какъ сослужите вы службу я приму казну,
80. Не сослужите службы—головы срублю;
Кабы есь у меня въ полѣ триццеть три колышка,
Какъ на всѣхъ-то на колышкахъ по головушкѣ,
А на трехъ-то-ле колышкахъ нѣтъ головушекъ,—
Я повѣшу ваши буйные головушки.
85. Кабы есь у мя въ поли право три бойца,
Кабы можете побороть—я казны возьму,
Какъ неможите побороть—головы срублю.
Говоритъ ему Васинька Буслаевичъ:
«Я надѣюсь на спаса Вседержителя,
90. На другого на брата на названого,
На тово-же Потанюшку на хромова».
Тутъ походятъ робята во чисто полѣ,
Какъ ко тѣмъ-же борьцамъ да преюдалыемъ,
Какъ Потанюшка-то хроминькой прихрамывать,
95. На ѣдну-ту ногу нониця припадывать,
Говоритъ-то Потанюшка-то хроминькой:
«Ужъ ты какъ мнѣ прикажешъ нонь боротися—
Со всѣма-ле мнѣ вдругъ, ле по единому?»

Говорить ему Василей Буслаевичъ:

100. — Ковда есь у тя юдаця молодецкая,
Ты бери ихъ всѣхъ трехъ до единого». —
Какъ берётъ его Потанюшка-то хроминькой,
Какъ одного-то бралъ во праву руку,
Какъ другого-то бралъ во лѣву руку,
105. А вѣдь третьего бралъ право въ охабоцьку,
Подымалъ онъ вѣдь ихъ выше головы,
Опускалъ онъ о матушку сыру землю,
Кабы тутъ вѣдь имъ всѣмъ да смерть случилось.
Закрывалъ тутъ-де Васька зычнымъ голосомъ:
110. «Охъ ты ой есь царишно, ты Батуишно!
Ты примай-ко отъ насъ да золоту казну.»
Говорить имъ царишно нонъ Батуишно:
— Вы сослужите ище службу—я приму казну:
Кабы есь у мя въ поли право тугой лукъ,
115. Какъ которымъ стрѣляла дочь любимая,
Кабы можете владѣть дакъ я приму казну.—
Говорить ему Васинька Буслаевичъ:
«Я надѣюсь на Спаса Вседоржителя,
На другова на брата на названова,
120. На тово-же Микитушку Широкова».
Кабы скоро несутъ да право тугой лукъ,
Подъ одинъ-отъ конечъ тридцетъ тотариновъ,
Подъ другой-отъ конечъ тридцетъ тотариновъ,
А тетивку несутъ тридцетъ тотариновъ,
125. Калену стрѣлу несутъ тридцетъ тотариновъ.
Какъ приходитъ Микита ко тугу луку,
Онъ берётъ-то вѣдь лукъ во лѣву руку,
А тетивку берётъ да во праву руку,
Прижималъ онъ колѣномъ право правымъ,
130. Полетѣли отъ лука мелки дребезги.
Какъ отгуль они пошли да ко Батуишшу,
Закрывалъ тутъ-де Васька зычнымъ голосомъ:
«Ты примай-ко ётъ насъ да золоту казну.»
Говорить имъ царишно нонъ Батуишно:
135. — Я наложу нонъ вамъ да еще службоцьку:
Кабы есь у мя дочь любимая,
Какъ горазна играть да въ мелки шахматы.—
Какъ сажалися играть да въ мелки шахматы,

- Какъ со тою со царскою со дочерью,
140. Кабы разъ Васька ступилъ, да другой ступилъ,
Какъ третьей ступилъ—ей больше некуда;
Закрычалъ тутъ-де Васька зычнымъ голосомъ:
«Ужъ ты ой еси царишшо, ты Батуишшо!
Ты примай-ко ётъ насъ золоту казну»,
145. Ты не примешъ казну—у тя голову сорву.»
Говорить имъ царишшо нонъ Батуишшо:
— Охъ вы ой еси удалы добры молодцы!
Я приму отъ васъ топере золоту казну.—
Они дали ему да золоту казну,
150. Какъ пошли ёни робята на черленъ карабъ,
Обирали они сходенки дубовыя,
Повымали якоря новы-булатныя,
Подымали паруса-бѣлополѣтнены,
Побѣждали робята во свою землю.
155. Побѣждали тутъ робята по синю морю,
А увидѣли каменьё превысокія,
Кабы сдумали робята тутъ потѣшитсе,
Приворѣтили робята ко крутой горы,
Заходили тутъ робята на круту гору,
160. Тутъ лежитъ косъ-глава да человѣческа,
Поколотилъ-то вѣдь Васиенька Буслаевичъ:
«Охъ ты ой косъ-глава человѣческа!
Кабы руська глава дакъ схоронить надо,
Какъ погана глава дакъ мы погалимсе,
165. Ты зачѣмъ-же лежишь креста по лѣву руку?»
Говорить косъ глава человѣческа:
— Охъ ты ой есь ты Васиенька Буслаевичъ!
Ты вѣдь самъ нонѣце легѣшь креста по лѣву руку.—
Кабы стали робята-та поскакивать,
170. Какъ поскакивать стали съ камня на камень,
Какъ выскакивалъ Васиенька побольше всѣхъ,
Кабы стали скакать да задомъ наперѣдъ...

Тутъ, оставивъ пѣть, А. Осташевъ досказалъ словами:
«скочилъ съ заду на передъ, палъ на камешокъ, разломалъ
свою буйну головушку, чѣ больше? Больше не знаю».

12.

Князь Долгорукой и ключникъ.

- Кабы жилъ-ле тутъ да Долгорукой князь.
Онъ держалъ при сибѣ да блады ключника,
Онъ держалъ-ле его да ровно трицеть лѣтъ,
Онъ и пилъ-де и ѣлъ да съ одного стола,
5. Да повѣрена ему вся золота казна,
Золота-ле казна да княженеческа,
Да повѣрены ему нонъ золоты ключи,
Золоты-ле ключи да кованы ларьци.
Онъ по часту-ле ходилъ да на царевъ кабакъ,
10. Онъ по вногу-ле пьетъ да зелена вина,
Онъ не чашками пьетъ, да не братынями,
Онъ-де вѣдрами пьетъ, дакъ полувѣдрами,
Онъ откатывать боцьки да сороковоцьки,
Да на ту-же на площадь да на широкую,
15. Да на ту-же дорогу да прямоѣжжую.
Онъ поилъ-ле дружбей-товарищевъ,
Онъ поилъ-ле голей да все кабацкихъ,
Изъ ума-то-ле дѣтина да выпивается,
Изъ рѣчей самъ дѣтина да вышибается:
20. «Я живу у князя да ровно тридцеть лѣтъ,
Мнѣ повѣрена теперь да золота казна,
Мнѣ повѣрены теперь золоты ключи,
Золоты-ле ключи, да кованы ларьци,
Я со княземъ-то живу да равно трицеть лѣтъ,
25. Со княгиной я живу да равно три года,
У княгины на колѣняхъ да вного сиживалъ,
Ужъ я въ пазухи руки да вного дярживалъ,
Я пониже-ле пупа, да околъ чѣрева».
А услышали бояра да толстобрюхѣ,
30. Доносили-ле князю да Долгорукому,
«Охъ ты ой еси ты нашъ да Долгорукой князь!
Не имѣешь ты не сына, да не дочери,
Да имѣешь ты при сибѣ бладога ключника,
Онъ по часту-ле ходитъ да на царевъ кабакъ,
35. Онъ по вногс-ле пьетъ да зелена вина,
Изъ ума-то-ле дѣтина да выпивается,

Изъ рѣчей-то дѣтина вышибается:

«Я живу-ле у князя да ровно тридцеть лѣтъ,
«Со княгиней я живу да ровно три года,

40. «У княгини на колѣняхъ да вного сиживаль,
«Ужъ я въ пазухи руки да вного дярживаль,
«Я пониже-ле пупа, да околь черева».

Говорить-то-ле имъ да Долгорукой князь:

— Охъ вы ой еси мои люди придворныя!

45. Вы подите-ко, ведите младого ключника.—

Привели-ле къ ему младого ключника,

Допросилъ-ле его да Долгорукой князь,

Говорить-ле ему да млады ключничекъ:

«Я живу-ле у тебя да ровно трицеть лѣтъ,

50. Со княгиной я живу да ровно три года».

Говорить то теперь да Долгорукой князь:

— Ужъ вы ой еси мои люди придворныя!

Вы состройте-ко рели да превысокія.—

Какъ и сдѣлали ѣни рели превысокія,

55. Кабы дѣлали петелку пеньковую,

Повели они да млада ключника.

Повели-ле тутъ тепере да млада ключника,

Говорить-то-ле имъ да млада ключничекъ:

«Вы позвольте-ко пропѣть да ноньце пѣсенку,

60. Да не первую пѣсенку, послѣднюю».

А запѣлъ-де ѣнъ пѣсенку послѣднюю:

«Ужъ я жилъ-то у князя да ровно тридцеть лѣтъ,

Со княгиной-то я жилъ да ровно три года,

У княгини на колѣняхъ да вного сиживаль».

65. Привели его ко релямъ да превысокімъ,

Запихали какъ буйну-главу во петелки,

Доброй молодець во петелки качается,

А княгиня въ терему право кончается,

Какъ сама она тепере да приговаривать:

70. «А куда ноньце летить да младъ-ясень-соколъ,

Да туда-же ты лети право бѣла-лебедь».

13.

Небылица.

- Ай во славномъ во городѣ во Кашинѣ,
Да было побоище престрашное:
Какъ дралися невѣстушки съ золовками,
Какъ большими боями всё мутовками,
5. Зарежали горшки да ёни пушками,
Да стрѣляли изъ за каменной стѣны, изъ за жорнова.
-

3. Устинья Филипповна Чупрова.

Невысокая, тщедушная, но разбитная, словоохотливая жена лѣсника, спѣла мнѣ лучше чѣмъ всѣ другіе странную старину про Бутмана, стихъ мученіе Егорья и пѣсню про Александра II-го. Объ ея мужѣ, Афонасьѣ въ Устпыльмѣ я слышался какъ о замѣчательномъ сказителѣ, но встрѣтился съ нимъ въ недобрую для его минуту: послѣ воскресенья онъ сильно страдалъ похмѣльемъ. Къ сожалѣнію—говоря чуть не про всякого старинщика, мнѣ приходится говорить и о водкѣ—такъ она страшно въѣлась въ каждую пору народной жизни. Афанасій впрочемъ разуверилъ меня, что онъ знаетъ старины, про него «наплели»: онъ хорошо знаетъ пѣсни. Жена его кромѣ Бутмана, также не знаетъ больше старинъ.

14.

Бутманъ Колыбановичъ и царь Петръ
Алексѣевичъ.

- Какъ про бѣннаго сказать, да про бѣлого,
Про удалого сказать, доронна молодца.—
Онъ и ходить-де удалой доброй молодецъ,
На цареви-то ходитъ большомъ кабаки,
5. На кружалѣ онъ ходитъ восударевомъ,

- Онъ и пьетъ вного дѣтина зелена вина,
Онъ не царюю пьетъ, самъ не стаканами,
Онъ откатывать боцьки сороковоцьки,
Во хмелю-ту самъ дѣтина выпиваетца,
10. Изъ рѣцей-то Бутманъ сынъ вышибается:
«Ужъ я силушкою ноньце царя сильне,
Ужъ я смѣтоцькою царя посмѣливе».
Пригожались у царя люди придворныя,
Какъ придворныя люди—губернаторы,
15. Губернаторы, люди толстобрюхіе;
Они скоро пошли, царю доносили:
«Ужъ ты ой еси надѣжа православной царь,
Ты со ярости Пѣтъ сынъ Алексѣевичъ!
У тя ходитъ на цареви большомъ кабаки,
20. На кружалѣ-то ходитъ восударевомъ,
Молодой сынъ Бутманъ да Колыбановичъ,
Онъ и пьетъ вного дѣтина зелено вино,
Онъ не царюю пьетъ, да не стаканами,
Онъ откатывать боцьки сороковоцьки,
25. Во хмелю-ту дѣтина выпиваетца,
Изъ рѣцей-то Бутманъ сынъ похваляется:
«Ужъ я силушкою ноньце царя сильне,
«Ужъ я смѣтоцькою царя посмѣтливе».
Какъ гореця его *) кровъ да расгорѣлосе,
30. Могущи его плеча да расходилисе,
Не увидѣлъ-бы надѣжа свѣту бѣлого,
Онъ послалъ-бы трехъ слугъ да немилосливыхъ,
Немилостивыхъ слугъ, да не жалосливыхъ:
«Какъ сковать его, связать, да такъ ко мнѣ тащить».
35. Какъ пошли они палачи всё буйтныя (такъ!),
Подошли они Бутману, низко кланялись:
«Ужъ ты ой еси Бутманъ сынъ Калыбановичъ!
Ты пойдемъ ко царю да на почесенъ пиръ,
Пировать-столовать, да ѣства кушати».
40. — Вы постой-те-ко, робята, поманитесь-же,
Ужъ я выпью-же царю зелена вина,
Я не малую царю полтора ведра.—
Ужъ берётъ-то онъ царю единой рукой,

*) царя.

Выпиветъ онъ цяру единымъ духомъ.

45. — Не окатила эта цяра ретиво серцо,
Не звеселила эта царя буйну голову,
Мы тыпереця пойдёмъ да на почесенъ пирь.—
Подошли они ко гринямъ богатырьскіимъ,
Какъ во тѣ-же полаты бѣлы-каменны,
50. Онъ ставалъ передъ царя да на рѣзвы ноги,
Какъ на тѣ-же колѣнки богатырьскіе:
«Ужъ ты ой еси надѣжа православной царь,
Ты со яросью Петръ Алексѣевичъ!
Ты за што меня зо вешъ, да за што требуешъ?
55. Уже што-же я тибѣ ноньце надѣлалъ такъ?
Уже што я тибѣ да напрокуцилъ такъ?»
Говорить-то надѣжа православной царь:
— Ужъ ты ой еси Бутманъ сынъ Колыбановичъ!
Ужъ ты ходишъ на церовомъ большомъ кабаки,
60. На кружалѣ ты ходишъ восударевомъ,
Ужъ ты пѣшъ-же Бутманъ да зелено вино,
Во хмелю ты, дѣтина, выпиваишсе,
Во рѣцяхъ ты дѣтина шибовать живѣшъ:
«Ужъ я силушкою буду царя сильне,
65. «Ужъ я смѣтоцькою царя посмѣтливе».
Засажу я тебя въ стѣны каменны,
Я замкну тебя въ замки окованы,
Я ссѣку-де, срублю у тебя буйну голову.—
Говорить-же Бутманъ сынъ Колыбановичъ:
70. — «Ты попомни-ко, надѣжа, самъ подумай-ко,
Когда былъ ты, надѣжа, во чужой земли,
Ужъ ты былъ во земли да во поганой-же,
Какъ во той во ёрды, да во проклятой-же,
Тебя хто-же оттуль тогды повыкунилъ?
75. Тебя хто-же оттуль тогды повыручилъ?
Тебя хто-же оттуль тогды на свѣтъ спустилъ?»
— Не пустымъ ты, дѣтина, похваляишсе!
Ужъ я много тибѣ дамъ да золотой казны,
Города тибѣ дамъ да съ пригородками,
80. Я села тибѣ дамъ да со деревнями.—
«Мнѣ не надо твоя да золота казна,
Мнѣ не надо города ' пригородками,
Мнѣ больши твои сѣла со деревнями,

- Только дай мнѣ-ка пить вина безденежно,
85. Какъ безденежно вина, да безкопеечно». Царь писалъ ерлыки, да скоры грамоты, Разсылалъ ерлыки на четыре стороны, Штобы пить ему вино безденежно, Какъ безденежно, Бутману, безкопеечно.
90. Тутъ зашолъ-де Бутманъ да во новой кабакъ, Онъ и взялъ-ле онъ боцку подъ праву руку, Онъ топнулъ-де въ полъ да какъ правой ногой, Какъ разсыпалась печь, печь кирпичная, Какъ пошолъ-де Бутманъ вонъ на улицу.
95. «Ужъ вы ой еси голи всѣ кабачкія! У кого у васъ болятъ нынѣ буйны головы, Выходите за мной да вонъ на улицу».

Устинья Чупрова дальше старины не помнитъ, но сказала, что конецъ тутъ близко. Я списывалъ эту старину отъ четырехъ лицъ и никто какъ слѣдуетъ не могъ допѣть ее до конца. *Анна Максимова Поздњева*, изъ села За-межного-же, досказала конецъ старины словами такъ: «Бѣлой (А. П. не разу не назвала героя Бутманомъ) пошолъ въ кабакъ, а тамъ его не спустили, онъ топнулъ ногой дверь и она разлетѣлась на четыре жеребья. Пошолъ, взялъ сороковку (бочку сорока-ведерную) и вышелъ пить съ товарищами. Допилъ до того, что опохмелиться у *Васи* стало не на што».

15.

Царь Александръ II.

- Время тяжкое приходитъ—
Французъ съ туркой воевалъ,
Съ Оглицяниной кумился,
Не могли Россію взять.
5. Не въ показанное время
Царя требуютъ въ сеноть;
Царь не долго снарежался,
На емскихъ царь отъѣзжалъ,
Да не кому царь не сказалъ,
10. Только вѣску брату далъ:

- «Пріѣзжай, братъ, поскорѣ,
Попровѣдай, братъ, меня,
Придаютъ мнѣ скору смѣртку,
Похоронятъ, братъ, меня».
15. Братъ по горницѣ идѣтъ,
Во рукахъ книгу несѣтъ,
Книга страшна и порушна—
Алексанъ пошолъ назадъ,
Во колѣсоньку сѣдился,
20. Ко сеноту подѣзжалъ,
Ко сеноту подѣзжалъ,
Чесовымъ чesъ воздавалъ:
— Ужъ вы здравствуйте, робята,
Сенаторскіе стражи!
25. Не видали-ли, робята,
Не прошелъ-ли ефицеръ?»
Они другъ на друга зглянутъ,
Говорятъ, что не прошелъ.
Одинъ мальчикъ чернобровой
30. Чернымъ глазикомъ повѣлъ,
Ефицеръ въ сенотъ зашолъ.

Лѣтомъ 1903 года, въ Поморьѣ, я записалъ эту пѣсню
въ болѣе полномъ видѣ. Оканчивается пѣсня, записанная
въ Поморьѣ, такъ:

- ...Во коляску братъ сѣдился,
20. Ко сеноту подѣзжалъ,
Да пуховую шляпу снялъ,
Да чесовымъ чesъ воздавалъ:
Ужъ вы здравствуйте робята,
Сенаторская стража:
25. Не видали-ли робята,
Не прошелъ-ли офицеръ?
Они другъ на друга взглянутъ,
Говорятъ, что не прошелъ.
Одинъ парень чернобровой,
30. Чёрнымъ глазикомъ повѣлъ:
«Государь въ сенотъ зашолъ».
А Костя саблю обнажалъ,
Да чесовымъ головки снялъ,

- Да единого съ собой взять;
35. Трои двери проломалъ,
Да до четвертыхъ доступалъ;
Да онъ четверты проломалъ,
Да на колѣняхъ царь стоитъ,
Передъ нимъ полковникъ ходитъ:
40. — Поскорѣй царь подпишисъ,
Да не долга твоя жисъ». Сенаторы всѣ стоятъ,
Да царю смертію грозятъ.
-

4. Тарасъ.

Въ Устцыльмѣ еще я наслышался объ Тарасѣ (фамилью его я забылъ записать), какъ объ очень хорошемъ сказателѣ, но когда познакомился съ нимъ, Тарасъ сказалъ, что старинъ не знаетъ совсѣмъ, а знаетъ только пѣсни. Спѣлъ онъ мнѣ только про Бутмана и то потому, что на Пижмѣ это что-то среднее между былиной и пѣсней: поютъ Бутмама совсѣмъ особымъ, приближающимся къ пѣсенному, напѣвомъ. Но и Бутмана зналъ Тарасъ нетвердо. Вообще слава сказателей не всегда соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительному качеству.

16.

Бутманъ и царь Петръ.

- Во печали намъ жить не небъ кручину быть,
На дому надо ходить не набъ куражиться.
Какъ про бѣннаго сказать, будто про бѣглого,
Про юдалого сказать, дородня молодца.
5. Онъ и ходитъ на царевомъ большомъ кабаки....
Въ концѣ Тарасъ пѣлъ старину такъ:
.... Онъ заходитъ Бутманъ да во царевъ кабакъ,
Тутъ лежитъ Васька на печкѣ на муравленкѣ,
Безъ креста лежитъ Васинька безъ пояса,
Онъ пропиль-де всю сбруню лошадиную,
10. Онъ-де пропиль-де Васинька лошадь добрую,

- Онъ-де пропиль-де палицу буёвую,
Онъ-де пропиль копейцо бурзомецкое,
Онъ-де пропиль-де Васинька свой тугой лукъ,
Онъ-де пропиль колчанъ каленыхъ стрѣлочекъ,
10. Опохмелиться у Васьки видно не на што,
Со похмельица у Васьки голова болитъ,
Говорить-то Бутманъ сынъ Колыбановичъ:
«Ожъ вы ой есь воры чумаки, да чѣловальники!
Ожъ вы дайте мнѣ пить вино безденежно,
15. Мнѣ безденежно пить, безкопеечно».
Не даютъ ему пить вино безденежно,
Онъ топнулъ-де, Бутманъ, ноньце правой ногой,
Кабы печи кирпичаты розсыпались,
Какъ хрустальня посуда розломалосе,
20. Але боцьки съ виномъ да розкатилисе;
Онъ берётъ одну боцьку сороковоцьку,
Онъ берётъ эту боцьку самъ подъ пазуху,
Онъ выносить эту боцьку вонъ на улицу:
«Ожъ вы ой еси вы голи всѣ кабацкіи!
25. Вы подите ко мнѣ да опохмелю васъ».
Какъ ставаётъ-де Васинька съ муравленки,
Онъ подходитъ-де къ Бутману Колыбанову;
Они пили-то, ѣли трои сутоцьки,
Они выпили одну да сороковоцьку,
30. Онъ*) и пнулъ эту боцьку правой ногой,
Розлетѣлась эта боцька на три жеребья:
— Изъ порозной-то посуды нонъ не пьютъ, не
ѣдятъ**).
- ... Онъ заходитъ-то Бутманъ да во царевъ кабакъ:
«Ужъ вы ой еси воры, чумаки да чѣловальники!
35. Вы отдайте намъ съ Васькой коня доброго,
Вы отдайте всю сбрую лошадиную,
Вы отдайте доспѣхи богатырскія.»
Ему отдали, Бутману, коня доброго,
Ему отдали всю сбрую лошадиную,
40. Ему отдали доспѣхи богатырскія.
Какъ поѣхали они съ Васинькой во чисто полѣ,

*) Бутманъ.

**) Три раза выносили по бочкѣ Бутманъ и пировали они 9 сутокъ.

Они ѣдутъ по полю потѣшаются,
Какъ своими стрѣлами забавляются.

III. ДЕРЕВНЯ АВРАМОВСКАЯ.

5. Василій Аврамовичъ Чупровъ.

Это тотъ самый *Вася Малый*, на котораго всѣ указывали мнѣ какъ на лучшаго знатока былинь на Пижмѣ; О. Чуркина, напр., его ученица. Родомъ В. А. изъ дер. Аврамовской, на Пижмѣ, но теперь живетъ въ селѣ Верхнемъ Бугаевѣ, читаетъ по покойникамъ, служить часы и вообще исполняетъ роль старообрядческаго наставника. Онъ очень старъ, ему 78 лѣтъ, и много старинъ онъ перезабылъ, а что помнитъ, помнить плохо. Отрывокъ старины про Ваську Игнатьева спѣлъ очень охотно хотя и наставникъ; въ немъ нѣтъ угрюмости замкнутости, обыкновенно наставникамъ присущей. Прозвище ему „Малый“, а онъ великъ ростомъ, съ громадной черной бородой; очень добродушенъ, непрочь потолковать о многомъ и выпить.

17.

Васька Игнатьевъ.

(Отрывокъ).

- «Полети-ко ты стрѣлочка калёная,
Повыше ты дерева шарового,
Пониже ты облака ходечого,
Не падай не на гору, не на воду,
5. Пади-тко ты Скурлы во черенъ шатѣрь,
Тому-же-ле Киршику во правой глазъ,
Да выйди ты стрѣлоцька лѣвымъ ухомъ». Онъ подёрнулъ тетивочку шолковую,
Полетѣла-то стрѣлоцька калёная,
10. Повыше она дерева шарового,
Пониже она облака ходяцяго,
Не падала не на воду не на землю,

- Да пала-ле Скурлы нонь во чернъ шатѣрь,
Тому-же-ле Киршику во правой глазъ,
15. Да вышла-ле стрѣлоцька лѣвымъ ухомъ.
Да и тутъ-же-ле Скурла зволиновалисе,
Подходятъ ко городу ко Кіеву,
Да просятъ они да виноватого.
Говорять-то бояра толстобрюхіе:
20. «Кабы кто бѣду загрѣзилъ, тотъ догрезивай».
Пойдетъ-то-ле Васинька воротитце,
Воротитце Васинька поклонитце,
Говорить-то Василей сынъ Игнатѣвичъ:
«Ужъ вы ой еси бояра толстобрюхіе!
25. Еще-ли я вамъ, Васинька, понадобитсяъ?»
Говорять-то бояра толстобрюхіе:
— Тебѣ сказано, Васинька, отказано,
Тебѣ сказано: ты намъ больше не надобно.—
Пошолъ-то-ле Васинька во чисто полѣ,
30. Ко тому-ле ко Скурлы сыну Смородову:
«Охъ ты ой еси Скурла царь Смородовичъ!
Прощай ты меня да во первой вины,
Принимай ты меня во товарыщи,
Громѣть-шурмовать да стольнѣй Кіевъ-градъ,
35. Оставить только князя со княгиною,
Оставить-же церкви соборныя,
Оставить-же царевы большіи кабаки».
Простилъ его Скурла во первой вины,
Да принялъ его да во товарыщи,
40. Громѣть-шурмовать да стольнѣй Кіевъ-градъ.
Пошли-то они да въ стольно-Кіевъ-градъ,
Да увидѣли бояра толстобрюхіе:
«Да не чудо-ле, братцы, не диво-ле,
Да Васька Игнатѣвъ передомъ идѣтъ!»
45. Приходятъ къ воротамъ городовымъ,
Да зыкнулъ-ле Васинька Игнатѣвичъ,
Да зыкнулъ онъ палицей буевой,—
Улетѣли ворота во чисто полѣ.
Завалила сила въ стольно-Кіевъ-градъ,
50. Громѣли-шурмовали стольно-Кіевъ-градъ,
Да худшую силу въ пень повысѣкли,
Да лучшую силу во полонъ взяли,

- Да оставили только князя со княгиною,
Оставили только церкви соборныя,
55. Оставили царевы большіе кабаки,
Да выгнали силу на чисто полё.
Да сталь-то тутъ Скурла нонъ животъ дѣлить,
Да дѣлить животъ онъ на три пая.
Да былъ у его нонѣце малой сынъ,
60. Говорить-ле ему да таковы рѣци:
«Охъ ты Скурла царь да сынъ Смородовичъ!
Кабы у бою, у драки Васька первой былъ,
Кабы у дѣлу, у пая Ваську обдѣливать».
Говорить-то-ле Скурла сынъ Смородовичъ:
65. — Да есь у меня сабелька-то новая,
Да новая-та сабелька, не точена,
Не точена сабелька, некровавлена,
Поправлю нонъ по шеи я по Васиной.—
Да тутъ-то-ле Васьки за бѣду стало,
70. За великую досаду показалосе,
Хваталъ-то-ле Васинька саблю вострую,
Окровавилъ всё по шеѣ по Скурловой;
Хваталъ онъ тотарина какой побольше всѣхъ,
Побольше, потолще, поедрене всѣхъ,
75. Хваталъ онъ его да за рѣзвы ноги,
Да сталъ онъ по силушки похаживать,
Да сталъ онъ по силушки помахивать,
Куды онъ махнетъ, да тутъ и улица,
А назадъ поворотить—переулеча,
80 Да самъ онъ ему да приговаривать:
«Ты тонокъ на жилахъ—не вырвешсе,
Ты сухъ на костяхъ да не изломишсе.»
Онъ билса, пласталса трои суточки,
Не пиваючись, Васька, не ѣдаючись,
85 Онъ всѣхъ ихъ убилъ да до единого,
Оставилъ только силу полоненую,
Воротилъ ей назадъ да въ стольно-Кіевъ-градъ.
А пошолъ-то онъ во гриню во столовую,
Ко тому-же ко князю ко Владимиру,
90 Хваталъ онъ столесенку дубовую,
Хотѣлъ онъ убить князя Владимира.
Солнышко князь нонъ подъ столъ упалъ:

- «Охъ ты ой еси Васинька Игнатъевичъ!
Бери ты города съ пригородками,
95 Бери ты села со деревнями,
Оставъ только меня нынѣ живого».
Говорить-то-ле Васинька Игнатъевичъ:
— Мнѣ не надо города съ пригородками,
Мнѣ не надо села со деревнями,
100 Только дай мнѣ-ка, Васинькѣ, такой позволъ:
Штобы пить мнѣ вино нонѣ безденежно,
Штобы пить мнѣ вино нонѣ безкопеешно.—
Да давалъ ему князь нонѣ такой позволъ:
Штобы пить ему вино да вѣкъ безденежно.

VI. ДЕРЕВНЯ БОРОВАЯ.

6. Анна Денисовна Осташева.

Старуха 62 лѣтъ, живетъ въ Боровой; была выдана замужъ въ Устьцыльму, за родню моего старинщика Петра Поздѣева, но овдовѣла и теперь опять живетъ на родинѣ. Скрытна, боязлива, послѣ долгихъ упрашиваній согласилась пѣть; хоть и очень бѣдна, но долго отказывалась отъ гонорара; пѣла хорошо, знала старину твердо.

18.

Василій Игнатъевъ.

- Не по матушки было по Невы рѣки,
Тутъ плыли, вышывали два гнѣды тура,
Кабы встрѣцю имъ матушка родимая:
«Ужъ вы здравствуйте, туры, да дѣти малыя!»
5. — Ужъ ты здравствуй, матушка родимая!
Кабы ты-же турица златорогая!—
«Ужъ вы гдѣ-же туры, да были-спобыли?
Вы чего-же туры да много видѣли?»
— Ожъ мы были-то, матушка, во Шаховѣ,
10. Ужъ мы были восударына, во Ляховѣ,

- Сорочинско славно полё поперекъ прошли,
А Куликово поле съ угла на уголъ,
Стольнѣ-Кіевъ-де градъ да изъ конца въ конецъ;
Не какого цюдышко не видѣли,
15. Только видѣли цюдышко не малое,
Какъ не малое цюдо привеликое:
Выходила тутъ дѣвица младо-красная,
Да въ одной она рубашоцькѣ безъ пояса,
Да въ однихъ она цюлоцькахъ безъ башмациковъ,
20. Приходила она да ко Почёвъ рѣки,
Да брала она книгу, да лисъ евангельё,
Приходила она да ко Почёвъ рѣки,
Забродила она да по колѣнъ въ воду,
А ище того поглубже выше поеса,
25. А ище того поглубже до бѣлыхъ грудей;
Становилась ко камешку ко сѣрому,
Она клала-то книгу на сѣръ-горючь камень,
А стояла она да отъ зари до зари,
А читала она книгу отъ доски до доски,
30. Она сколько читала, вдвое плакала.—
«Охъ вы, глупые туры, да дѣти малыи!
Охъ вы глупыи туры да неразумныи!
Не дѣвица выходила да младо-красная,
Присвята Госпожа Мати-Богородиця.
35. Она цюетъ надъ городомъ незгодушку,
Она цюетъ надъ Кіевомъ великую:
Кабы Скурла-де царь до подымается,
Скурлыта-де-ка царь да сынъ Смородовичъ,
Со любимымъ со сватушкомъ со Коршакомъ,
40. Со любимымъ со зятёмъ со Коньшакомъ,
Со любимымъ племенникомъ со Киршакомъ;
Объявилъ онъ, собака, да силы множество,
Впереди его, собаки, сорокъ тысецей,
По праву руку, собаки, сорокъ тысецей,
45. По лѣву руку, собаки, сорокъ тысецей,
Позади его, собаки, да числа смѣту нѣтъ.
Выѣжжалъ онъ, собака, на чисто полё,
Хорошо онъ, собака, да шатры выстроилъ,
Баско-хорошо, собака, да верхи выкрасилъ,
50. Во шатры-де, собака, да столы выставилъ,

- Онъ писалъ-де ерлыкъ да скору грамотку,
Выбиралъ онъ тотарина самолучшаго,
Кой получше, побольше, попроворне всѣхъ,
Кабы самъ онъ тотарину наговаривать:
55. «Ты поѣдь-ко удалой доброй молодець,
«Черезъ заставы ѣдь да каравульныя,
«Черезъ стѣны ты ѣдь да городовыя,
«У воротъ ты не спрашивай приворотниковъ,
«У дверей ты не спрашивай придверниковъ,
60. «Станови ты коня да середь улича,
«Не приказана коня, да не привязана,
«Заходи ты ко князю ко Владимиру,
«Заходи ты во гриню во столовую,
«Ты положъ-ко ерлыкъ да на дубовой столъ,
65. «Ты положъ-ко ерлыкъ, да скоро вонъ поди.»
Какъ увидѣлъ-то солнышко Владимиръ-князь,
Онъ увидѣлъ ерлыкъ да скору-грамотку,
Говорить-то тутъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ ты ой есь Добрынюшка Никитичъ сынъ!
70. Ты цитай-ко ерлыкъ да скору-грамотку.»
Какъ цитать-бы Добрынька усмѣхаетця:
«Какъ даютъ городъ добромъ, дакъ я добромъ возьму;
«Не даютъ городъ добромъ дакъ я боёмъ возьму,
«Какъ боёмъ-де возьму, да кроволитьичомъ,
75. «Самого-то князя я подъ мечъ склоню,
«Какъ Опраксію княгиню да за собявозьму,
«Какъ соборны ихны черкви всѣ на дымъ спущу».
Кабы это-де князю да за бѣду стало,
За досаду показалось за великую,
80. Кабы сталь-то тутъ солнышко снарежатисе,
Кабы кунію-ту шубу на одно плечо,
А пуховъ-де колпакъ да на одно ухо,
Онъ пошелъ по городу по Кіеву,
Кабы стрѣчу ему бѣлая подсушина:
85. «Ужъ ты здраствуй-де, бѣлая подсушина!»
— Ужъ ты здраствуй-ко, солнышко Владимиръ-
князь!
- Ужъ ты што-же идёшь да не по старому?
Повеса ты дѣржишь да буйну голову,
Потопя-де дѣржишь да очи ясныи.—

90. «Охъ ты ой еси, бѣольшая подсушина!
Какъ есь у меня надъ городомъ незгодушка,
Кабы есь у меня надъ Кіевомъ великая,
Ты не знашь-ле наѣжжого богатыря?»
— Ужъ ты батюшко, солнышко Владимиръ-князь!
95. Ты не съ нами думу думаешь, съ боярами,
Могутъ они тебѣ способствовать». —
А оттоль-де-ка солнышко впередъ пошолъ.
Кабы встрѣту ему средня подсушина:
«Ужъ ты здраствуй-ко, средня подсушина!»
100. — Ужъ ты здраствуй-ко, солнышко Владимиръ-
князь!
Ужъ ты что-же идѣшь да не по старому?
Повеся да дѣржишь буйну голову,
Потопя-де дѣржишь да очи ясныя?—
«Охъ ты ой есь, средняя подсушина!»
105. Кабы есь у мня надъ городомъ незгодушка,
Кабы есь у мня надъ Кіевомъ великая,
Ты не знашь-ле наѣжжого богатыря?»
— Ужъ ты солнышко, батюшко Владимиръ-князь!
Ты не съ нами думу думаешь, съ боярами,
110. Могутъ они тебѣ способствовать.—
А оттуль-де-ка солнышко впередъ пошолъ.
Кабы встрѣту ему меньшая подсушина:
«Ужъ ты здраствуй ты, меньшая подсушина!»
— Ужъ ты здраствуй ко, солнышко Владимиръ-
князь!
115. Ужъ ты што-же идѣшь не по старому?
Повеся ты идѣшь да буйну голову,
Потопя ты идѣшь да очи ясныи.—
«Охъ ты ой еси, меньшая подсушина!
Кабы есь у мня на городомъ незгодушка,
120. Кабы есь у мня надъ Кіевомъ великая,
Ты не знашь-ле наѣжжого богатыря?»
— Охъ ты солнышко, батюшко Владимиръ-князь!
Ты поди-ко по городу по Кіеву,
На царевы ты зайди да больши кабаки,
125. На кружала ты зайди да восударевы;
Какъ на той-же на пецкѣ на муравленѣхъ,
Тутъ лежитъ-де удалой доброй молодецъ;

- Не креста у его нѣту, не поеса,
Не рубашоцьки нѣтъ на ёмъ полотненой,
130. Подъ одной онъ лежитъ да рогозиною,
Кабы всё на винѣ у ёго пропито,
Во царевомъ кабаки да всё заложено,
Онъ и спитъ нынѣ тутъ да трои сутоцьки.—
Какъ оттуль-де-ка солнышко впередъ пошолъ,
135. Онъ идѣтъ-то по городу по Кіеву,
Онъ заходитъ на царевы да больши кабаки,
На кружала заходитъ восударевы,
Онъ и смотритъ на печьку да на муравленку,
Онъ увидѣлъ удала да добра-молодца:
140. «Охъ ты ой есь удалой доброй-молодецъ,
Молодой ты Василей сынъ Игнатьевичъ!
Тебѣ полно-ле спать да нынѣ пора ставать,
Отъ великаго хмелю да просыпаться,
Ужъ ставай ты Василей сынъ Игнатьевичъ,
145. Послужи-ко ты мнѣ да вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою ты мнѣ, да неизмѣною».
А на то-де Василей да не ослышался,
Кабы кличѣтъ-то солнышко во второй законъ:
«Охъ ты ой есь удалой доброй-молодецъ,
150. Молодой ты Василей сынъ Игнатьевичъ!
Тебѣ полно-ле спать, да нынѣ пора ставать,
Отъ великаго хмелю да просыпаться,
Ужъ ставай-ко, Василей сынъ Игнатьевичъ,
Послужи-ко ты мнѣ да вѣрой-правдою,
155. Вѣрой-правдой ты мнѣ, да неизмѣною.»
Какъ на то-де Василей не ослышелся,
Кабы кличѣтъ-то солнышко во третей законъ:
«Охъ ты ой есь удалой доброй-молодецъ,
Молодой ты Василей сынъ Игнатьевичъ!
160. Тебѣ полно-ле спать, да нонѣ пора ставать,
Отъ великаго хмелю да просыпаться,
Ты ставай-ко, Василей сынъ Игнатьевичъ,
Послужи-ко ты мнѣ да вѣрой правдою,
Вѣрой-правдой ты мнѣ, да не измѣною».
165. А топерѣ Василей розбужаитсе,
Отъ великаго хмелю просыпайтсе,
Говорить-то Василей Игнатьевичъ:

- «Ужъ я радъ-бы служить, хотъ голову сложить,
Какъ болитъ-то моя буйна голова.»
170. Наливаётъ князь цяру зелена вина,
Не большую не малу въ полтара ведра,
Кабы турей-де рогъ да мёду сладкова,
На закуску колаць да бѣль-круписьчатой,
Подаваётъ-то солнышко обѣма рукми,
175. А берётъ бы Василей единой рукой,
Кабы пьётъ-то Василей къ едину духу,
А за цярой-то Васька приговаривать:
«Не оммылось у Васьки да ретиво сердце,
Не звеселилась моя да буйна головушка».
180. А беретъ-де-ка солнышко во второй наконъ,
Наливаетъ-де цяру зелена вина,
Не большую не малу полтара ведра,
Кабы турей-де рогъ да мёду сладкого,
На закуску колаць да бѣль-круписьчатой,
А беретъ бы Василей единой рукой,
185. Кабы пьётъ-то Василей къ едину духу,
А за цярой-то Васька приговаривать:
«Не оммылось у Васи ретиво сердце,
Не звеселилась у Васи буйна головушка».
- Наливаётъ Солнышко во третей наконъ,
190. Подаваётъ-то Солнышко обѣма рукми,
А беретъ-то Василей единой рукой,
Кабы пьётъ-то Василей къ едину духу,
А за цярой-то Васька приговаривать:
«Какъ оммылось у Васьки да ретиво сердце,
195. Звеселилась моя да буйна головушка,
Бы могу нынѣ служить да вѣрой правдою,—
Не креста-то у меня нѣтъ, не поеса,
Не рубашечки нѣтъ у меня полѣтненой,
Кабы нѣту-то у мня да коня доброго,
200. Кабы нѣту у мня сѣруни лошадиноей,
Кабы нѣту у мня приправы молодецкоей,
Кабы нѣту у мня туга лука,
Кабы нѣтъ у мня стрѣлоцьки каленой,
Ужъ и нѣтъ у мня палицы буёвоей,
205. Кабы нѣтъ у мня копейчо бурзومهцькое,
Кабы всё на вини да у мня пропито,

- Во царевомъ кабаки да всё заложоно».
Какъ пошолъ тутъ солнышко Владимиръ-князь,
Онъ пошолъ къ чумакамъ, да чѣловальникамъ:
210. «Охъ вы ой есь чумаки, да чѣловальники!
Отдавайте всё Васинокѣ безденежно».
Кабы отдали всё Васинокѣ безденежно,
Кабы сталъ-то Василей снаряжатисе,
Кабы сталъ-то Василей сподоблетисе,
215. Какъ сѣдлалъ онъ, уздалъ да коня доброго,
Какъ садился Василей да на добра коня,
Какъ тугой-отъ-де лукъ да принатѣгивалъ,
Калену свою стрѣлку принаправливалъ,
Кабы самъ ко стрѣлы да приговаривалъ:
220. «Полети-ко ты стрѣлоцка калѣная,
А повыше ты дерева шарового,
А пониже ты облака ходячаго,
Залети-ко ты стрѣлка во чисто полѣ,
Залети-ко Скурлы ты да глазомъ правымъ,
225. Ужъ ты выйди-ко стрѣлка ухомъ лѣвымъ.»
Какъ садился Василей на добра коня,
Погонилъ-де Василей во чисто полѣ,
Кабы сива-то грива да растилаетсѣ,
Кабы хвостъ-де трубой да завиваетсѣ,
230. Кабы изъ роту коня да пламя мечетсѣ,
Изъ нозрей у коня да искры сыплютсѣ,
Изъ ушей у коня да дымъ столбомъ валить.
Пригонилъ-то Василей во чисто полѣ,
Какъ прѣхалъ онъ на заставу татарскую,
235. Выбиралъ онъ тотарина самолучшаго,
Какъ получше, побольше, потолще всѣхъ,
А схватилъ онъ тотарина за рѣзвы ноги,
Кабы сталъ онъ тотариномъ помахивать,
На праву руку махнѣтъ дакъ чѣла улиця,
240. На лѣву руку махнѣтъ—съ переулками:
«Хоть ты тонокъ на жилахъ—не сорвешсѣ,
Хошь и сухъ на косыи да не изломишсѣ».
Онъ и всю тутъ силушку повыкрошилъ,
Онъ и добрымъ конѣмъ да всѣхъ повытопталъ,
245. Какъ поѣхалъ онъ ко князю ко Владимиру,
Прѣбжжати онъ ко князю ко Владимиру.

- Какъ заходитъ во гриню да во столовую,
Какъ садить его Солнышко за дубовой столъ,
Какъ поить-то его да зеленымъ виномъ,
250. Какъ поить-то его трои сутоцьки.
Собиралисе всѣ бояре толстобрюхіе,
Собиралисе ко князю ко Владимиру,
Какъ по полу Солнышко похаживать,
Тихосмирную рѣчь да выговаривать:
255. «Охъ ты ой еси удалой доброй молодець,
Молодой ты Василей сынъ Игнатъевичъ!
А цего-же тибѣ да нынѣ надобно?
Ты бери-ко города да съ пригородками,
Ты бери-ко села да со деревнями.»
260. Говорить-то Василей сынъ Игнатъевичъ:
— Мнѣ не надо города да съ пригородками,
Мнѣ не надо села да со деревнями,
Ты дозволь-ко-ся мнѣ цего мнѣ надобно:
Я куды-де пойду, да куды поѣду,
265. Мнѣ-бы пити-де вино вездѣ безденежно». —
Говорятъ на то бояра толстобрюхіе:
«Кабы намъ боле Васинька не надобно,
А топере у насъ Васинька отказано». —
Говорить-то Василей таковы рѣци:
270. — Ужъ ты, Солнышко, батюшка Владимиръ-князь!
А ищѣ-ле я вамъ Васинька понадобитсяъ? —
Говорятъ-то бояра во второй законъ:
«Кабы намъ болѣ Васинька не надобно,
А топере у насъ Васинька отказано». —
275. Говорить-то Василей таковы рѣци:
— А ищѣ-ле я вамъ Васинька понадобитсяъ? —
Говорятъ-то бояра во третей законъ:
«Кабы намъ боле Васинька не надобно,
А топере у насъ Васинька отказано». —
280. Какъ скоцилъ-то Василей на рѣзвы ноги,
Онъ схватилъ-то столесенки кедровыи,
Онъ убилъ всѣхъ бояръ да толстобрюхіихъ.
-

(6. СЕЛЕНІЯ ПО ПЕЧОРѢ).

V. СЕЛО УСТЬЦЫЛЬМА.

7. Петръ Родіоновичъ Поздѣевъ.

Это низкорослый, коренастый старикъ 65 лѣтъ. Онъ лысъ, лицо его обрамлено серебряной окладистой бородой, а глаза удивительно узкіе и какъ-то косо, по-инородчески, разставленные. Живетъ очень бѣдно, хотя кромѣ рыболовства и пашни въ ничтожныхъ размѣрахъ, какъ и всѣ устьцылемы, занимается еще чеботарствомъ. Но окостенѣлые, намерзшіеся за жизнь пальцы уже плохо его слушаютъ и Поздѣевъ можетъ брать только грубую работу: подбивать подметки и пр. Семья его состоитъ изъ жены, двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ которыхъ двѣ давно уже замужемъ и только третья, дѣвица, живетъ при немъ. Два сына, оба холостые, по бѣдности-же не живутъ дома: одинъ служитъ писаремъ въ одномъ изъ сельскихъ обществъ Пустозерской волости, другой работаетъ на шведской лѣсопилкѣ. Весь родъ Поздѣевыхъ старинщики: отецъ Петра былъ, говорятъ, прекраснымъ старинщикомъ, и я не отъ одного изъ пѣвшихъ мнѣ сказителей слышалъ, что это отъ Родіона Поздѣева научились они старинамъ. У Петра есть въ Устьцыльмѣ два брата и, кажется, оба старинщики. Сынъ Петра—Иванъ, сельскій писарь, списалъ мнѣ начало 10-ти старинъ и своихъ собственныхъ, и дяди Семена. Старины знаетъ, но не поетъ, а стихи и поетъ и жена Петра, Акси́нья, отъ которой я списалъ: Егорія и Александру, Алексѣя Человѣка-Божія, смерть Александра I-го и нѣсколько пѣсенъ и сказокъ. Младшая дочь Петра, грамотная Аграфена 22 лѣтъ—будущая начетчица и исправительница требъ: она и теперь ходитъ читать по покойникамъ псалтырь, учится пѣть панихидки и пр. Замужъ вѣроятно она не выйдетъ. Петръ Поздѣевъ спѣлъ мнѣ больше чѣмъ кто нибудь на Печорѣ старинъ; кромѣ напечатанныхъ здѣсь, онъ знаетъ еще: Князя Долгору-

кова, сорокъ каликъ, женитьбу Владимира, Потыка и др. Правда, старины онъ поетъ плоховато, гораздо хуже, чѣмъ Ѳ. Чуркина, Вокуевъ, Марковъ и др. Всѣ старины поетъ Поздѣевъ чуть-ли не однимъ „ясакомъ“, чего хорошій старинщикъ никогда не позволить себѣ да и несумѣетъ. Все происходитъ у него въ Кіевѣ при князѣ Владимірѣ, куда онъ отнесъ и старину про Долгорукова съ ключникомъ; во всѣ старины вносить однообразные факты, фразы и цѣлыя дѣйствія и, не помня подлинныхъ, слышанныхъ отъ стариковъ выраженій, привноситъ много своего, отражая, особенно въ разговорахъ, строй современной въ Устьцыльмѣ рѣчи. Объ его исключительной памяти уже была рѣчь въ статьѣ. Петръ Поздѣевъ такъ привыкъ ко мнѣ въ два лѣта, такъ заинтересовался моей работой, что не только самъ очень охотно пѣлъ мнѣ все, что зналъ, но и очень любопытствовалъ, какъ это дѣлаютъ другіе: иногда въ будни, а въ праздники всегда приходилъ онъ ко мнѣ послушать чужихъ старинъ.

19.

Первая поѣздка Ильи Муромца.

- Во томъ во городѣ во Муромѣ,
Во томъ селѣ да Карачаговѣ,
Жилъ тутъ Иванъ сынъ Тимоѣичъ.
У того Ивана Тимоѣича,
5. Было у него единое чадо,
Единое чадо, да единѣнное;
Оно хворо было у него, нездоровое,
И жилъ онъ у него въ посторонной хрѣминѣ,—
Онъ тридцать лѣтъ тутъ безъ ногъ сидѣлъ,
10. И не видѣлъ свѣту бѣлого, вольного.
Во тридцатомъ году, да во послѣднии нни,
Среди-то было да ночьки темныя,
Приходила ему сиротинушка убогая,
Просила милѣстыну его ради Христа.
15. Говорить-же ей удалой доброй молодець:

- «Ужъ ты ой еси сиротинушка убогая,
Не могу я стать, милостыни подать,
Не то—тебѣ подать, радъ самъ принять».
Эта сиротинушка убогая,
20. Вынимать ковригу дару божьяго,
Изъ кормана вымать скланной ножичекъ,
И стала эту ковригу порѣшивать,
Да и стала его мазать да ноги рѣзвые,
Разъ она помазала ноги рѣзвые,
25. Другой разъ помазала ноги рѣзвые.
Затимъ она помазала очи ясныя,
И сталъ тогда молодецъ да на рѣзвы ноги.
Ище его мазала да очи ясныя,
И увидѣлъ тогда молодецъ да вольной бѣлой свѣтъ;
30. И эта сиротина да тутъ потерялася.
Молодецъ тутъ слезно расплакался:
«Это чудо-ле, братцы, не диво-ле,
Что же надо мной это сдѣлалось,
Что надо мной состоялося?
35. Уродъ-ле приходилъ, меня уродовалъ,
Але во снѣ мнѣ-ка это привидѣлось?
Приходилъ винно Микола мнѣ светитель».
Учулъ онъ въ сибѣ удачу молодецкую,
Учулъ силу богатырскую;
40. Сталъ онъ тутъ похаживать,
Приходилъ ко дверямъ ко широкимъ,
Двери были плотно замкнуты,
Навѣшаны были замки вѣсучіе;
Топнулъ дѣтинушка двери широкіе—
45. Разорвались замки вѣсучіе.
И вышелъ онъ вонъ на улицу
И пошелъ по своему широку двору,
Ко своему къ отцу-къ матушкѣ.
Отца-матушки дома не случилось,
50. Ушли они чистить поле чистое,
Подъ ту подъ пашню хлѣборонную;
Онъ пошелъ имъ помогать поле чистити.
Съ отцемъ, матушкой дѣтинушка поздоровался,
На него тогда они взрадовались.
55. И сталъ имъ помогать поле чистити,

- И сталъ дубья рвать со коренѣмъ,
Говорить его тогда мать родимая,
Говорить хозяину Ивану Тимоѣенчу:
«Винно дитѣ будетъ намъ не кормилицо,
60. Станетъ ѣздить винно по полю по чистому». Немного помогаль имъ молодець поле чистити,
Какъ сталъ у нихъ просить благословеньица,
Да съѣздить, сходить да въ стольной Кіевъ градъ:
«Посмотрѣть мнѣ князя Владимира,
65. Посмотрѣть всѣхъ русскихъ богатырей». И просить ихъ, падать во рѣзвы ноги;
Не даютъ они ему благословеньица;
И падать имъ дѣтинушка во второй законъ,
Съ буйной главы до сырой земли;
70. Не даютъ они благословеньица;
Падать имъ дѣтинушка во третей законъ:
«Дадите пойду и не дадите пойду». Тогда дали ему родители благословеньице
Съ буйной главы, до сырой земли,
75. И стали они тогда ему наказывать:
«Когда ты было у насъ хворо-нездоровое,
Много объ тебѣ мы обвѣщалися:
Когда будешь ты у насъ живой-здоровой,
Когда будешь ѣздить по полю по чистому,
80. Не проливай ты напрасно крови человѣческой. Стоять тогда за вѣру за крещеную,
За ти монастыри за причестныи,
За ти за церкви да за Божіи,
За ти младенцы троедѣнныи». 85. И все это они ему наказывали,
И все это ему наговаривали.
Тогда же его отецъ батюшко,
Тотъ Иванъ сынъ Тимоѣевичъ,
Повель тогда его на конюшенъ дворъ,
90. Отдавать ему коня добраго. Привель онъ дѣтинушку на конюшенъ дворъ,
Отворилъ двери тамъ широкіи,
Стоить тамъ да право доброй конь;
Конь стоитъ наубѣль-бѣлой,
95. Хвостъ-грива научернь-черна,

- Научерть-черна, какъ у чѣрна ворона;
Конь стоялъ на семи цѣпяхъ,
На семи цѣпяхъ, на семи развезяхъ.
Накладывалъ на него дѣтинушка узду чекмянную,
100. Разорвалъ онъ всѣ цѣпи желѣзные,
Выводилъ коня вонъ на улицу,
Накинулъ на него руку правую,
Конь засѣлъ въ землю по щѣточекъ.
Не сѣдлалъ онъ коня добраго,
105. А заскочилъ прямо на добра коня,
Побѣждалъ его нончи доброй конь.
Доѣзжать дѣтинушка до рѣки до Медвѣжины,
Напоилъ водой чистою коня добраго
И пріѣхалъ назадъ къ своему широку двору.
110. И сталъ онъ тогда заводить всѣ приправы себѣ
молодецкіе,
Сбруню себѣ богатырскую.
Пошелъ онъ сперва къ кузнецу, ко мастеру,
Сковалъ сперва палицу боевую,
По вѣсу тянетъ палица девяносто пудъ.
115. Потомъ сковалъ себѣ саблю булатную,
По вѣсу тянетъ сабля двадцать пять пудовъ.
Сковалъ копейцо буржумецкое,
По вѣсу тянетъ копейцо десять пудовъ.
И завелъ себѣ лучишко подорожное,
120. Тридцать три стрѣлочки каленыи,
Каленыя, стрѣлочки, перѣныи,
Перѣныя; перышка были орлинскіе,
Не простого орла, Сикамскаго.
Сталъ тогда молодець снаряжаться,
125. Сталъ онъ тогда сподоблятися,
Сталъ уздать сѣдлать коня добраго;
И сталъ онъ сперва на коня класть плотны-плотнички,
На плотнички мяжки войлочки,
А затимъ сѣдлышко черкальчато;
130. Подстѣгивалъ онъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ,
Ище бралъ черезхребетницу
Черезъ степь лошадинную,
Не простого шолку—земли греческой,
И сталъ класть всю приправу молодецкую,
135. На сѣдлышко черкальчато;

- И сталъ тогда залогъ закладывать:
«Не слѣзовать чтобы мнѣ со добра коня».
И другой залогъ сталъ закладывать:
«Не кровавить чтобы сабля вострая».
140. Третьей залогъ сталъ закладывать:
«Не вымать изъ нѣлучья тугой лучекъ».
Не видѣли тогда поѣздки молодецкой,
Побѣжки лошадиной,
Только и видѣли какъ молодецъ на коня вскочилъ,
145. Да въ стремена ступилъ.
Винно въ поли курива стоитъ,
Курива стоитъ, да дымъ столбомъ валить.
Прѣѣзжать молодецъ къ ростанямъ широкимъ,
На ростаняхъ-то лежитъ да сѣръ-горючъ камень,
150. На камешкѣ подписи есть подписаны
И подрѣзи есть подрѣзаны:
«Есть тутъ три дорожечки широкіи въ стольной
Кіевъ-градъ,—
Енно́й дорогой ѣхать три мѣсеча,
Другой дорогой ѣхать два мѣсеча,
155. Есть третья дорога прямоѣзжая,
Ѣхать той дорогой полмѣсеча;
Енной дорогой ѣхать—женату быть,
Другой дорогой ѣхать—богату быть,
Третьей дорогой ѣхать—живому не быть».
160. Стоитъ молодецъ да призадумался:
«На что же мнѣ женату быть?
На старость женату—чужа корысть;
На что мнѣ на старость богатство?
Есть у меня богатство;
165. Поѣду я лучше по дорогѣ прямоѣзжой, гдѣ живу не
быть,—
На полѣ старому смерть не писана».
Поѣхалъ молодецъ по той дорогѣ прямоѣзжой,
Есть на ней три заставы великія:
Первая на ней застава великая—
170. Есть на ней болота дыбучіе, грязи черныя.
Росла дорожка та прямоѣзжая ровно тридцать лѣтъ,
Никто по ней не проѣзживалъ,
Ясный соколъ не пролетывалъ.

Тогда сталъ доброй молодець первой залогъ разру-
шивать,—

175. Слѣзаваетъ со добра коня,
Лѣвой-то рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ, мосты моститъ,
Мосты моститъ все калиновы,
Перекладины кладетъ дубовые.
180. Промостилъ тогда грязи черныя, болота дыбучіе,
И проѣхалъ доброй молодець заставу великую.
Заскочилъ тогда на добра коня
И поѣхалъ въ стольной Кіевъ-градъ.
И здорово ѣдетъ поле чистое,
185. Здорово ѣдетъ лѣсы темныя,
И доѣзжаетъ до заставы великія.
Живутъ тутъ мужички да Новотокмяны,
Не пропускаютъ они ни коннаго ни пѣшаго,
Не удала добра молодца,
190. Всѣхъ они бьютъ и грабятъ.
Увидѣли они удала добра молодца
И ладятъ его бить и грабити;
За его стали хвататисе;
За его стали иматисе;
195. Онъ сидитъ на добромъ конѣ не трехнется
И говоритъ имъ таково слово:
«За что вы меня хотите бить и грабить?
Бить вамъ меня не за что,
Взять у меня нечего;
200. Только есть у меня право доброй конѣ,
Конѣ стоитъ у меня восемьсотъ рублей;
Еще есть у меня шуба кунья,
Она стоитъ у меня семьсотъ рублей;
Ище есть у меня чудень-крестъ серебряной,
205. Крестъ-отъ стоитъ у меня пятьсотъ рублей».
Тутъ робята стали за него пуще хвататися,
Пуще стали иматися,
По пяти, по десяти и по двадцати пяти со стороны
хватаются.
- Сталъ тогда молодець разрушивать другой залогъ:
210. Вымалъ изъ за нѣлучья тугой лучекъ,
Изъ кармана вымалъ тетивку шелковую,

- Изъ кольчужины вымалъ калену стрѣлу,
Принатегивалъ тогда право тугый лукъ,
Принаправливалъ калену стрѣлу,
215. Хочетъ стрѣлить въ землю матушку,
Самъ онъ стрѣлкѣ приговаривать:
«Лети моя калена стрѣла въ землю матушку,
Рой землю матушку до пояса,
Оборви у робятушокъ ноги резвые».
220. Полетѣла его калена стрѣла въ землю матушку,
Рыла землю матушку до пояса;
Тогда всѣ мужички уstraшилися,
Какъ овсяны мѣшки повалилися.
Поѣхалъ тогда молодець въ стольной Кіевъ-градъ.
225. Здраво онъ ѣдетъ поле чистое, лѣсы темные,
Подѣзжаетъ къ заставѣ великой,
Эта застава великая—заселился тутъ Соловей Рахматовичъ.
- У той дороженьки широкой,
Свито-вѣто у него гнѣздо на семи дубахъ
230. И на семи пагубкахъ;
Сидѣлъ Соловей Рахматовичъ ровно тридцать лѣтъ,
Не пропускалъ не конного, не пѣшого, ни удала добра-
молодца,
Не пролетныи ясны сокола,
Убивалъ своимъ свистомъ за двѣнадцать верстъ.
235. Приѣзжаетъ удалой доброй молодець,
Услыхалъ его Соловей Рахматовичъ,
Засвистѣлъ Соловей по соловьиному,
У Старого конь учулъ—палъ на окарачъ;
Бьетъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,
240. Самъ коню приговаривать:
«Охъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ,
Не слыхалъ винно ты въ полѣ волчьяго воя, воронаго
граяня,
Што падашь на окарачъ».
- Сталъ тутъ молодець принатегивать тугой лукъ,
245. Принаправливалъ калену стрѣлу,
Самъ ко стрѣлкѣ приговаривалъ:
«Ты лети-же моя калена стрѣла,
Повыше лети лѣсу темнаго,

- Пониже облака ходячаго,
250. Не падай не на воду не на землю,
Пади Соловьёю во правой глазъ».
Повалился Соловей со вѣта гнѣзда,
Тутъ молодець коня подганивалъ,
Соловьёя на землю не уранивалъ,
255. На подлетикѣ его и подхватывалъ,
Бралъ себѣ въ сѣдлышко черкальчето
И поѣхалъ въ стольной Кіевъ-градъ.
У стараго конь сталъ подпинатися
И сталъ конь подпиратися.
260. Билъ онъ коня по крутымъ ребрамъ,
Билъ и приговаривалъ:
«Охъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ,
Винно чуешь каку-ле невзгодушку
Надъ собой-ле, надъ хозеиномъ?»
265. И сказалъ ему конь языкомъ руськіимъ человѣческимъ:
— Не какую я не чую невзгодушку
Не надъ собой, не надъ хозеиномъ,
Не могу нести васъ—два богатыря.—
Тогда встаетъ удалой доброй молодець,
270. Сымаетъ Соловьёя съ сѣдельца черкальчета,
Приковывалъ его ко стремени лошадиной,
И поѣхалъ впередъ въ стольной Кіевъ-градъ.
Ѣдетъ къ Соловьёю къ широку двору,
У Соловьёя было три дочери,
275. Поленицы пріудалыя.
Увидали сначала Соловьёя его дочери:
«Ужъ ты ой еси матушка родимая!
Ѣдетъ у насъ отецъ, мужика везетъ,
Мужикъ у стремени поскакивать».
280. Тогда бросилась жена ко окошечку косящату,
Посмотрѣла изъ трубки подзорныя:
— Охъ вы глупы дочери, неразумныи!
Мужикъ-отъ ѣдетъ, отца ведетъ.—
На то были дочери догадливы,
285. Побѣжали скоро вонъ на улицу,
Заскочили на ворота на широкіе,
Затенули подворотничку тяжелую,
Хочутъ спустить ее на удала добра молодца.

- Увидалъ ихъ Соловей Рахматовичъ:
290. «Ужъ вы ой еси дочери родимые!
Не сердите вы удала добра молодца,
Просите меня на выкупку,
Давайте ему золотой казны».
Соскочили дочери родимые,
295. Добра молодцу низко кланяются,
Даваютъ ему золотой казны.
Говорить удалой доброй молодецъ:
«Не надо мнѣ ваша золота казна,
Отмыкайте лучше всѣ погреба глубокіе,
300. Отмыкайте подвалы широкіе,
Не сидятъ-ле у васъ удалы добры молодцы».
На то онѣ ему отвѣтъ держать.
Не вѣритъ старой, домогается,
Говорятъ ему тогда дочери:
305. — Не можемъ отомкнуть, ключи потеряны.—
На то молодецъ осержается,
Приходитъ къ подваламъ широкимъ, дверямъ желѣз-
нымъ, замкамъ вѣсучимъ,
Стопталъ всѣ двери желѣзные, замки вѣсучіе,
Сидятъ тамъ удалы добры молодцы;
310. Выпускалъ ихъ на вольной бѣлой свѣтъ,
А затимъ схватилъ саблю вострую
И срубилъ у дочерей буйны головы.
Сѣлъ тогда молодецъ на добра коня
И ѣдетъ впередъ въ стольной Кіевъ-градъ,
315. Оставляетъ добро Соловьиное,
Всѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ:
«Живите вы, удалы добры молодцы,
И всѣмъ Соловьинымъ добромъ пользуйтесь».
Ѣдетъ здраво поле чистое,
320. Ѣдетъ здраво лѣсы темные,
Приѣзжаетъ тогда въ стольной Кіевъ-градъ,
Приѣзжаетъ къ воротамъ городовымъ,
У дверей не спрашивать приворотниковъ,
У воротъ приворотниковъ,
325. Ѣдетъ прямо черезъ стѣну городовую,
Черезъ ту башню наугольную,
Подѣзжать ко гриднѣ княженевской.

- О ту пору у князя у Владимира,
Завелся почесень пирь.
330. Слѣзавать молодець со добра коня,
Вязѣть коня къ дубову столбу, золоту кольчу,
Заходитъ во гриню княженевскую,
Княженевскую гриню, во столовую;
Богу въ уголь добрый молодець молится
335. И кланяется во вси стороны,
Князю и княгинѣ на особицу.
Сидять на пиру у князя бояры толстобрюхѣ и русь-
кіе богатыри,
Промежду собой разговариваютъ:
«Надо ѣхать дорога чистити;
340. Заросла дорога прямоѣзжая,
Заселился на ней Соловей Рахматовичъ,
Тридцать лѣтъ не пропускать ни коннаго ни пѣшаго,
Ни проѣзжа удала добра молодца».
Сидитъ удалой доброй молодець, рѣчи выслушивать
345. И говоритъ имъ таково слово:
— Что вы сидите, толкуете,
Привезенъ у меня Соловей Рахматовичъ,
Прикованъ у стремени лошадиной.—
Не вѣрятъ ему гости князевы.
350. Говоритъ имъ удалой доброй молодець:
«Посылайте смотрѣть слугу вѣрную».
Посылалъ князь слугу вѣрную вонъ на улицу;
Побѣжала скоро слуга вѣрная,
Посмотрѣла коня добраго,
355. А у коня лежитъ собачище.
Пришла и сказала слуга вѣрная:
«Лежитъ у коня добра-молдца кака-ле собачища».
Посылалъ князь слугу вѣрную
Звать собачищу въ гриню княженевскую.
360. Зоветъ тогда слуга вѣрная:
«Ой еси Соловей Рахматовичъ,
Пожалуйте во гриню княженевскую».
Соловей на то ей отвѣтъ держаль:
— Не ваше я пью и кушаю, не васъ и слушаю,
365. Старого я ѣмъ, пью, кушаю, его и слушаю.—
Посылать тогда князь удала добра молодца;

- Зоветь доброй молодець Соловья Рахматовича во
гриню княженевскую,
Говорять ему гости княжески:
«Заставь посвистѣть Соловья Рахматовича,
370. Мы послушаемъ его, потѣшимся».
Спросилъ ихъ удалой доброй молодець:
— Какъ вамъ засвистѣть—во весь свистъ, але въ
полусвиста?—
Отвѣчали ему: «Пусть свиститъ во весь свистъ».
Говорить удалой доброй молодець:
375. — Свисни имъ, Соловей Рахматовичъ, однако въ полу-
свиста.—
Свиснулъ Соловей полусвистомъ:
Задрожала гриня княженевская,
Столы расшатались, яства проливались,
Бояре всѣ удристались,
380. Князя и княгину старой во рукахъ держать.
Вывелъ тогда Соловья Рахматовича на широкой дворъ.
Стали тогда садить добра молодца за широкой столъ,
Низко кланяться, стали спрашивать:
«Откуль ты, какой, молодешинѣкъ, зеленѣшинѣкъ?»
385. Коего-ле ты отца, да коей матери?
Кабы какъ те молодца именемъ зовутъ?»
Онъ-де сталъ тутъ имъ да все рассказывать:
— А того я села да Карачагова,
Изъ того изъ города изъ Муромъ,
390. Какъ имени Ивана сына Тимоѣевича.—
Ужъ какъ тутъ сидятъ всѣ на честномъ пиру:
«Ужъ мы какъ его удала добра-молодца назовемъ
нонъ по имени?
Кабы быть-же Илья, больше Муромецъ».

Эта старина записана съ пересказа, а не съ голоса, только
самый конецъ, отъ словъ: «откуль ты, какой» и пр., былъ
спѣтъ.

20.

Илья Муромецъ, голи кабацкіе и Угарище.

- Кабы шла калика перехожая,
Отъ того отъ города отъ Кіёва,
Ай на стрѣцю-ту калики доброй молодець,
О, сошолса онъ съ каликой, поздоровались,
5. Говорить на то удалой доброй молодець:
«Ты ужъ ой еси калика перехожая!
Ты ёткуль-ле нонь идёшь, да куды путь дёржишь?»
Ужъ на то ему калика нонь отвѣтъ доржить:
— Я иду ноньце изъ города изъ Кіёва,
10. Я пошла ноньце собирать ищѣ милóстыню. —
Говорить на то удалой доброй молодець:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!
У васъ 'сѣ-ле нонь во городи по старому?
И во Кіёви у васъ всё-ле нонь по прежному?»
15. Говорить на то ему калика, отвѣтъ доржить:
— И во городи у насъ да не по старому,
И во Кіёви у насъ да не по прежному:
Заселилось вѣдь ко Князю ко Владимиру,
Кабы то ищѣ Идолищо поганое,
20. Какъ не малоё-то Идолищо поганое—
Вышинѹ-де какъ Идолищо-то трѣхъ сажень,
Онъ-де трѣхъ сажень, да онъ печатныхъ;
Ширину-де Идолищо коса сажень,
И коса-гдѣ (такъ!) сажень да и печатная;
25. Голова то у ёго сильѣй пивной котѣль,
Кабы ушища у его какъ царски блюдища,
Кабы глазища у его какъ сильни чашища,
Кабы ручища у его какъ будто граблища,
Ужъ-бы ножища у его сильни кичинища.
30. Заселилса онъ ко князю ко Владимиру,
Какъ во ту его во гриню княженевскую,
Межъ князёмъ онъ сидить, да межъ княгиною,
У княгины-то держить да руки въ пазухи,
Онъ пониже опускать руки—околь черева;
35. Кабы князь-отъ тутъ сидить нецѣ говорить не смѣтъ.—
Ка' сказала ему калика перехожая,

- Ужъ тому-де ка' удалу добру молодцу,
Говорить на то удалой доброй молодець:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!
40. Ты ёмменимсе со мной ты платъёмъ чвѣтнымъ.»
Говорить на то калика перехожая:
— Ужъ ты ой еси удалой доброй молодець!
У тебя-де нонь да платъичо хорошее,
У меня-то-де платъичо калическо,
45. Всѣ изношено у меня платъё, все изорвано.—
Ужъ на то де молодець не соглашается,
Говорилъ ёнъ калики во второй наконъ:
«Ужъ ты ой еси калика перехожая!
А ёммѣнимся со мной ты платъёмъ чвѣтнымъ».
50. Ужъ на то ёпеть калика вновь отвѣтъ доржить:
— Ужъ ты ой еси удалой доброй молодець!
Ужъ на цѣ ты-ле нонь да обзадорилса?
У мня платъё на сибѣ да всѣ изношено.—
Говорить тутъ молодець да во третьей наконъ:
55. «Ужъ ты ой еси калика перехожая!
Ужъ оммѣнимсе съ тобой мы платъёмъ чвѣтнымъ».
Ужъ на то ноньце калика соглашалася,
Скиныватъ она ' себя платъё калическо,
Молодечъ-отъ скидыва платъё хорошее,
60. Онъ ростѣгивать у ся всѣ ноньце пѣнзыри,
Скиныватъ онъ ' себя платъё хорошее,
Отдавать свое платъицо калики-же,
Онъ берѣтъ ю калики платъё калическо,
Надѣвалъ на себя платъё калическо,
65. А калика надѣлъ платъё молодечкоё.
Они тутъ ноньце съ каликой распростилисе,
И калика оттуль ноньце впередъ пошла,
Молодецъ-отъ-де пошолъ да ' стольнѣй Кіѣвъ-градъ.
А идѣтъ молодець да ' стольнѣй Кіѣвъ-градъ,
70. Онъ заходитъ тогда да въ стольнѣй Кіѣвъ-градъ,
Онъ проходитъ ко цареву большу кабаку,
Ко тому-де кружалу восудареву,
Онъ становилса подъ окошечко кабачкоё,
Гдѣ живутъ-же чумаки да чѣловальники;
75. Становилса подъ окошечко касявчато,
Онъ крычалъ-де своимъ да зычнымъ голосомъ:

- «Ужъ вы ой есь чумаки-люди, чѣловальники!
Вы ужъ мѣрейте вина мнѣ на петъсотъ рублей,
Я какъ шолъ со той дорожки, я со дальнѣей,
80. Со того устатку со великого,
Кабы выпить я-де хоцю зелена вина,
Ужъ какъ вѣрьте мнѣ вина вы на петъсотъ рублей,
Обзадорюсь молодечъ—куплю на тысячю».
Ужъ глядятъ тутъ чумаки да чѣловальники,
85. Какъ сквозъ то-де окошечко косявчето,
Дакъ сквозъ ту-де околенку хрустальную,
Говорятъ де чумаки ему, отвѣтъ держатъ:
— Ужъ ты ой еси калика перехожая!
На тибѣ-то винно платъицо калическо,
90. Всѣ изношено у тя платъѣ, всѣ изорвано,
Мы не вѣримъ тѣ вина и на петъ денежокъ.—
И оттуль калика ноньце процъ пошолъ,
Онъ зашолъ калика на большой кабакъ,
Тутъ сидятъ 'сѣ-ле, пьютъ голи кабацкія,
95. Онъ зашолъ-де, съ имѣ да поздоровалса:
«Ужъ вы здраствуйте вы голи 'сѣ кабацкія!»
Говорятъ на то-де голи-то кабацкія:
— Ужъ ты здраствуй удалой доброй-молодецъ.—
Говоритъ на то удалой доброй молодецъ:
100. «Юшъ вы ой еси вы голи всѣ кабацкія!
Вы не можете-ли какъ-ле ноньце сложитьсе,
Э, не можете-ли сложитьсе по гривenkѣ,
Опохмелить меня удала-добра-молодца,
Да съ того мнѣ-ка съ устатку со великого,
105. Э, со той со дорожоцьки со дальнѣей».
И на то были-де голи 'сѣ догадливы,
Они сложились какъ 'сѣ-ле тутъ по гривenки,
Они взяли кабы тутъ нонъ зелена вина,
И не много не мало—полтара ведра,
110. Подавають тутъ удалу-добру-молодцу,
Онъ берѣтъ ету цару единой рукой,
Онъ де пѣтъ ноньце цару къ едину духу,
Онъ за цярою самъ рѣцъ выговаривать:
«Окатило у молодца нонъ ретивó серцо,
115. Не звеселило у молодца буйну голову».
Онъ растегивалъ ю ся нонъ всѣ и панцыри,

- Скиныватъ онъ съ себя да ноньце чуденъ кресъ,
Ожъ-бы чуденъ-отъ кресъ да былъ серебряной,
По вѣсѹ тенѣтъ кресъ его полтара пуда;
120. Отдаватъ-де тутъ голямъ да 'сѣ кабацкіимъ,
Онъ де самъ говоритъ тутъ таково слово:
«Ужъ вы ой еси вы голи 'сѣ кабацкія!
Вы тащите мой-ле нонъ да право чуденъ кресъ,
Ы тащите кресъ во лавоцькѹ торговую,
125. Вы заложте мой кресъ да во петъсотъ рублей».
Ы на то были-де голи 'сѣ проворныя,
Потацили они-де скоро нонъ серебрянъ кресъ,
И заложили нонъ кресъ его въ петъсотъ рублей,
Притацили ему денежокъ петъсотъ рублей,
130. Отдавають-де удалу добру молодцу.
Онъ какъ взялъ тутъ денежки петъсотъ рублей,
Онъ какъ сталъ тутъ пить да зелена вина,
Онъ бы сколько самъ пьетъ, вдвое голей поить;
Онъ тутъ пилъ молодець время трои суточки,
135. Одолила тутъ его тягось тяжолая,
Забрала его хмелинушка великая,
Заходилъ ёнъ тутъ на печьку на муравленку,
Онъ какъ заспалъ, захрапѣлъ тутъ доброй молодець;
Онъ тутъ спитъ и тутъ храпитъ, будто порогъ шумить.
140. Какъ на то-ле чумаки-воры чѣловальники,
Они стали молодца ноньце побуживать,
Кабы стали молодца нонъ потрясати нонъ,
Ужъ бы сами говорятъ ему таково слово:
«Тебѣ полно-же нонъ спать, пара ставать,
145. А пара-де ставать, пара оправитсѣ».
Его разъ они будили и другой будятъ,
И третьей-отъ разъ и шишко потрясають его;
Кабы тутъ молодець да пробужаитсѣ,
Онъ соскакивалъ со печки со муравленки,
150. Онъ схватилъ тутъ чумака да за черны кудри,
Онъ здымалъ его повыше буйной головы,
Опускалъ чумака и о кирпичать полъ,
Кабы тутъ чумаку и смерть случиласѣ.
Онъ и самъ говорилъ и таково слово:
155. «Богатырское сердце зло заплывчиво,
И заплывчиво сердѣ, и неуымчиво,

- Какъ бѣду-ту я dospѣлъ дакъ набѣ друга dospѣтъ».
Онъ выскакивалъ-бы скоро вонъ на улицу,
Пробѣгалъ-де ' подвалу-ту кабацькому,
160. Какъ ко тимъ-де ко дверямъ да ко широкѣмъ,
Кабы двери ти да нонѣе плотно заперты,
Они заперты-де плотно, нынѣе замкнуты,
И навѣшаны замки де 'сѣ вѣсучія;
Онъ ростворилъ 'сѣ тутъ двери 'сѣ подвальнія,
165. Пробѣгалъ-де ко подвалу-ту кабацькому,
Тамъ лежать 'сѣ какъ боцьки сороковоцьки,
Ужъ лежать ищѣ боцьки ' зеленымъ виномъ.
Онъ какъ бралъ енну боцьку подъ праву руку,
Онъ другу-ту-ле берѣтъ боцьку подъ лѣву руку,
170. И третью-ту-ле онъ боцецьку пинкомъ пинать;
Онъ вытаскивалъ на площадь на кабацькую,
Онъ растуливалъ тутъ боцьку сороковоцьку,
И ужъ самъ тутъ говорилъ да таково слово:
«Охъ вы ой еси вы голи 'сѣ кабацькія!
175. Вы несите свою мѣру—повареноцьку,
Ужъ вы пейте вина у васъ сколько моць берѣтъ,
Мы не будѣмъ-же во городи виноваты-же».
Кабы пьютъ кабы голи все кабацькія.
Кабы послѣ того, да послѣ этого,
180. Ужъ пошолъ тутъ цюмачѣкъ да цѣловальникъ-же,
Онъ пошолъ нонъ ко князю ко Владимиру,
Онъ пошолъ къ нему съ объявкой, жалобѣй ищѣ;
Онъ приходитъ нонъ ко князю ко Владимиру,
Онъ какъ князю-ту-бы началъ все рассказывать,
185. Какъ-бы спѣрва, сначала, какъ нынѣ дѣлосъ,
Говоритъ чумакъ нонѣе таковы слова:
«Ужъ ты ей еси солнышко Владимиръ-князь!
У насъ што-же нонѣе какъ ищѣ содѣлосъ,
Въ кабаки-то-ле нонъ да состоялосе:
190. Приходила намъ калика ко окошечку,
Ко тому-де окошечку кабацькому,
Какъ ревѣтъ у насъ калика подъ окошечкомъ,
И просила у насъ да зелена вина,
И просила вина да на петъсотъ рублей,
195. Говорила калика ищѣ таково слово:
«Ёбзадорюсь я когда—куплю на тысяцю!»

- Мы ювидѣли што на ей платѣе калическо,
Мы сказали ей калики перехожоей:
«Што какъ не по цѣ тебѣ дакъ нонѣе вѣрити,
200. На тибѣ-то винно платицо калическо,
Мы не вѣримъ тѣ вина и на петъ денежокъ».
Заходила тутъ калика на большой кабакъ,
Тутъ сидятъ ' кабаки голи кабацкія,
Ужъ зашла она съ голѣми поздоровалась,
205. Говорила имъ калика таковы слова:
«Ужъ вы ой еси вы голи 'сѣ кабацкія!
«Вы сложитесь-ко всѣ нонѣе по гривенки,
«Вы возьмите-ко-бы нонѣ да зелена вина,
«Опохмельте меня удала молодца,
210. «И со той меня со дальноей дорожечки,
«Со того миня съ устатку со великого».
Ужъ на то были де голи 'сѣ догадливы,
Они сложились какъ 'сѣ скоро по гривенки,
Они взяли тутъ ему да зелена вина,
215. Ужъ не мало не много полтара ведра,
Подавають тутъ удалому добру молодцу,
Онъ берѣтъ эту цяру единой рукой,
Онъ-бы пѣтъ эту цяру къ едину духу,
Ищо самъ тутъ говоритъ да таково слово:
220. «Окатило у мня молодца да ретиво серцо,
«Не звеселило у мня молодца буйну голову».
Скинываль онъ съ себя да нонѣе чуденъ кресъ,
Отдаваль де тутъ голямъ 'сѣ кабацкіимъ:
«Вы заложте мой кресъ да во петъсотъ рублей».
225. Заложили голи кресъ нонѣ во петъсотъ рублей,
Какъ-де сталъ пить молодець да зелено вино,
Онъ-бы сколько самъ пѣтъ, вдвое голей поить;
Онъ тутъ пилъ молодець да трои суточки,
Забрала его хмелинушка великая,
230. Заходилъ онъ тутъ на печку на муравленку,
Онъ какъ заспалъ, храпѣлъ тутъ доброй молодець.
Ужъ мы стали, чумаки, его побуживать,
Кабы стали молодца нонѣ потресати-же,
Пробудилсе тутъ удалой доброй молодець;
235. Онъ соскакиваль со печки со муравленки,
Онъ схватилъ тутъ чумака да за черны кудри,

- Онъ здымалъ его выше буйной головы,
Опускалъ чумака о кирпищеть полъ,
Кабы тутъ чумаку да смерть случиласе,
240. Онъ зревѣлъ молодець да таково слово:
«Какъ бѣду-ту я dospѣлъ дакъ набѣ друга dospѣтъ!»
Онъ выскакивалъ-бы скоро вонъ на улицу,
Подбѣгалъ ко подвалу ко кабацкому,
Онъ топнулъ какъ тутъ двери сѣ подвальнія,
245. Розломилъ, розорвалъ замки вѣсучія,
Ростворилъ 'сѣ тутъ двери 'сѣ подвальнія,
Пробѣгалъ-де ко подвалу ко кабацкому,
Тамъ лежатъ 'сѣ какъ боцѣки сороковоцѣки,
Онъ какъ бралъ енну боцку по праву руку,
250. Онъ другу-ту-ле бралъ подѣ лѣву руку,
А третью-ту онъ-де боцецѣку пинкомъ пиналъ,
Онъ вытаскивалъ на площадь на кабацкую,
И ужъ самъ тутъ говорилъ да таково слово:
«Ужъ вы ой еси вы голи всё кабацкія,
255. «Ужъ вы пейте вино да сколько моцъ берѣтъ,
Мы не будѣмъ-де во городи виноватые».
Кабы князь-отъ говорить тутъ таково слово:
— Ужъ я што-же нонѣце могу ищѣ дѣлати?
У миня у самого да на дому бѣда.—
260. Ужъ не много тутъ-де время миновалосе,
Какъ приходитъ тутъ удалой доброй молодець,
Ко тому ищѣ ко князю ко Владимиру,
Онъ заходитъ нонѣ во гриню княженевскую,
Онъ какъ Богу-ту-ле тутъ да нынѣце молитсе,
265. Онъ де кресѣ-де кладѣтъ да по писанному,
И поклонѣ-отъ онъ ведѣтъ да по ученому,
И молитву творить 'сѣ полну Исусову,
На вси стороны онъ нонѣ де покланяетсѣ,
И князю-ту сѣ княгиной на особину;
270. Какъ сидитъ тутъ Угарищю поганой,
А тому-де онъ Угарищу челомъ не бѣтъ,
Онъ челомъ ему не бѣтъ, да головы не гнѣтъ.
Какъ Угаринѣ-отъ сидитъ на его зглядывать,
Кабы зглядывать сидитъ, на его звораживать.
275. Молодець-отъ становилса подѣ окошечко,
И подѣ хóрошо, подѣ красно, подѣ трубно окно;

- Принесли ноньце Угарищу попить-поисъ,
Принесли сперва коврижку дару божьяго,
Онъ на ножъ ей воткнулъ—совсемъ чѣлкомъ пѣхнулъ,
280. 'Шоки на щоку коврижку перемѣтывалъ,
Ужъ енной щокон-де короцьку вываливалъ.
Какъ сидитъ-ле тамъ удалой доброй молодечъ,
Какъ подъ хорошимъ, подъ краснымъ, подъ трубнымъ
окномъ,
Говоритъ-же молодечъ да таково слово:
285. «Ужъ ты помнишь-ле князь, да паметуешь-ле?
Кабы прежде ю васъ да ищэ дѣялось:
У попа-то у ѣтца было духовного,
Какъ была у попа корова, волочилосе,
Алавиной-де корова задавилосе,
290. Кабы этому Угарищу-же то будѣтъ». .
А Угаринъ-отъ сидитъ, на его зглядывать,
Онъ-бы зглядывать на его сидитъ, зворачивать.
Принесли ищэ Югарищу поганому,
Принесли ему лебѣдоцьку не кушену
295. И не кушену лебѣдочку не рушену,
Онъ на ножъ ей воткнулъ, совсѣмъ чѣлкомъ пѣхнулъ,
'Шоки на щоку лебѣдку переметывать,
Ужъ енной щокон косьѣ ищэ вываливать.
Тамъ сидитъ-де удалой доброй молодець,
300. Говоритъ опетъ-де ѣнъ да токово слово:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты помнишь-ле, князь, да паметуешь-ле?
Какъ у васъ-то во городи прежде было-же:
Какъ худа-де собака волочилосе,
305. По сметьямъ собака-та шаталосе,
Какъ собака-та и косяю задавилосе,
Кабы этому Угарину-же то будѣтъ». .
И Угаринъ нонь сидитъ на его зглядывать,
Кабы зглядывать сидитъ, на его зворачивать;
310. Онъ и тутъ ноньце Угаринъ осержается,
Онъ схватилъ свой Югаринъ нонь булатенъ ножъ,
Онъ какъ бросилъ нонь въ удала-добра-молодца,
Онъ какъ бросилъ ножъ ему да въ груди бѣлыя;
Молодецъ-отъ былъ на то да былъ ухватчивой:
315. Онъ схватилъ ноньце ножицѣкъ за черешокъ,

- Онъ до ся ноньце ножикъ не допускавалъ,
Говорилъ тутъ молодецъ да таково слово:
«Ужъ ты ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ты велишь мнѣ-ле кровавить свою гриню-же?»
320. Говорить на то солнышко Владимиръ-князь:
— Я не знаю-ле какъ вамъ нонъ присовѣтовать.—
Онъ сымаётъ, молодецъ, ' себя пуховъ колпакъ,
Онъ завёртывалъ колпакъ да на три югла-же,
Онъ какъ бросилъ колпакомъ ноньце въ Угарища,
325. И во ти-де его да груди чёрныя,
Повалился тутъ Югаринъ вонъ на юлицу
И со всёмъ-ле съ простѣнкомъ межоконнымъ;
А на то былъ молодецъ опеть ухватчивой,
Онъ на улицу-де скоро нонъ выскакивалъ,
330. Кабы на полъ-де Югарища не уранивалъ,
На подлетикъ его да нонъ подхватывалъ,
На енну его ногу ступилъ, другу оторвалъ,
Кабы бросилъ его тулово во чысто полѣ,
Тамъ чернымъ-то воронамъ на воскурканьѣ,
335. Онъ сѣрымъ-то волкамъ да на востарзаньѣ,
Тамъ какъ синѣму всему морю на утишаньѣ,
Кабы всимъ намъ молодцамъ да на послуханьѣ,
Кабы старымъ старухамъ да на долгой вѣкъ.

21.

Рожденіе Добрыни, первые годы жизни, бой
съ Маринкой.

- А да жилъ-то-ле Микитушка Романовичъ;
Ище жилъ-то-ле Микита девеносто лѣтъ
И не съ кимъ-то, жилъ, Микитушка не спаривалъ,
Онъ съ Новыма-ле городами не говаривалъ,
5. А съ каменной-то жилъ Москвой не перечилса;
Онъ состарился, Микита-ле, приставилса.
А ёсталась у Микиты молода жона,
Молода его жона, нончи любя семья,
Ой осталася она у ёго беременна.
10. Ажъ не много-ле прошло да поры-времени,

- И исполнилось-ле тутъ время сорокъ недѣль,
А сорокъ ноньце недѣль, деветъ мѣсецей,
Родила она себѣ да чада милого,
Родила она себѣ сына любимого.
15. Собира́ла она поповъ, отцовъ-духовныхъ,
Какъ крестить-де-ка своего чада милого,
Собрались тутъ попы, отцы духовныя,
Какъ крестить его у ей да цяда милого;
А ему-то ноньце имя нарѣкали-же,
20. Какъ еѣ ноньце молитву-ту давали-же,
Ай какъ дали ему-де имя ноньце Добрынюшко,
А Добрыня-де дали ноньце Микитицъ блатъ.
А ростѣтъ у ей Добрынюшка Микитицъ-же,
Кабы онъ ноньце ростѣтъ кабы-ле годъ поры,
25. А ище онъ нонь ростѣтъ два года-же,
Кабы выросъ ей Добрынюшка шести годовъ;
А она стала его учить нонь въ хитру грамоту,—
Ище хто-ли-бо учитци годъ поры,
А Добрыня столь вычитца полгода-же;
30. А-ле хто-бы ноньци учитци два года-же,
А Добрыня столь вычитца въ годъ поры.
Научился тутъ Добрыня въ хитру грамоту,
Онъ востро ищѣ читать, не запинаятце,
Научился онъ писать перомъ орлинскимъ,
35. Его варово-ле-де ходитъ рука правая.
Ай кабы тутъ его-ле да родна матушка
Отдавать его-ле князю да нонь Владимиру,
Отдавать его она да во служеньицо.
Ожъ какъ берѣтъ-де его князь да во служеньицо,
40. Онъ-де взялъ его Добрыню себѣ прислугою:
Онъ кабы три года у князя жилъ онъ въ конюхахъ,
Онъ-де три года-же жилъ онъ въ приворотникахъ,
Онъ-бы три года у князя жилъ во стольникахъ,
Онъ три года жилъ у князя въ писаряхъ.
45. Ожъ какъ прошло е'ту-де время нонь двѣнадцать лѣтъ,
Кабы сталъ просить Добрыня у князя у Владимира,
А просить у его сталъ благословеньицо:
«Ужъ ты ой еси ты князь да нонь Владимиръ-же!
Ужъ ты дай мнѣ-ка-ле нонь благословеньицо,
50. Я не хаживалъ по городу по Кееву,

- Я по тѣмъ ноньце по юлочкамъ широкѣимъ,
И по тимъ-де по заюлочкамъ Маринкинымъ,
Не видалъ я ю Маринки нонь высокъ теремъ».
А какъ далъ ноньце-ле князь благословеньицо,
55. А какъ далъ-де-ка-ле тугой лукъ со стрѣлкою.
Онъ пошолъ ноньце по городу по Кееву,
Онъ по тимъ еще по юлочкамъ широкѣимъ,
И по тимъ по заюлкамъ по Маринкинымъ,
Онъ идѣтъ ноньце-ка стрѣлоцъку пострѣливать,
60. На подлѣтикѣ ѣнъ стрѣлоцъку подхватывать,
Онъ какъ на полъ нончи стрѣлку не уранивалъ;
Онъ идѣтъ нонь по заюлкамъ по Маринкинымъ,
Онъ увидѣлъ ю Маринишки высокъ теремъ,
Ожъ на теремѣ у ей сидятъ на жолубахъ,
65. А на жолубахъ сидятъ два голуба;
И какъ тугой нончи лукъ онъ принатеивалъ,
Калену-де-ка стрѣлу онъ принаправливалъ,
Онъ какъ хочѣтъ ей стрѣлетъ-де этихъ голубовъ,
Его правая нога да прокатилосе,
70. Ищѣ лѣвая нога да подопнуласе,
У туга лука-де мѣтоцъки побилисе,
Полетѣла гдѣ его нонь калена стрѣла,
Полетѣла она Маринки во высокъ теремъ,
А во то-де во окошечко косявчато,
75. Розломала-де околѣнку хрустальную,
Пролетѣла-де его нонь калена стрѣла,
А во ту-де-ка во горѣнку Маринкину,
Ожъ спорола она у ей завѣсу камчатую,
Кабы падала его нонь калѣна стрѣла,
80. Какъ къ тому ищѣ къ Маринкину милу другу,
Какъ къ тому ищѣ Змѣю, Змѣю Горыцъкому,
Ищѣ пала она да во чѣрны груди,
Какъ порола его да груди чѣрныя,
Ищѣ тутъ-де-ка Змѣю да смерть случилосе.
85. Какъ выскакивала Маринка вонъ на юличу,
На своѣ ноньце она да на круто крыльцо,
Ужъ подходитъ тутъ Добрынюшка Микитичъ-бладъ,
Онъ какъ проситъ у Маринки да калену стрѣлу:
«Ужъ ты ой еси Маринка зла-люта-гроза!
90. Ты отдай-же ты мою да калену стрѣлу».

- Ужъ ты ой еси Добрынюшка Микитичъ-блатъ!
Ты застрѣлилъ моего нонци мила друга,
Ты возьми-де меня да за себя замужъ,
Я отдамъ тогда тѣбѣ да калену стрѣлу.—
95. Говорить на то Добрынюшка Микитичъ-блатъ:
«Не возьму я тебя да за себя замужъ,
Ты отдай-же ты мою да калену стрѣлу».
Говорить нонци Маринка-та люта гроза:
— Ты возьми меня Добрыня за себя замужъ,
100. Я отдамъ тогда тебѣ да калену стрѣлу.—
Говорить на то Добрынюшка Микитичъ-блатъ:
«Я возьму когда тебя да за себя замужъ,
Ужъ ты стерпишь-ле три поученьица тяжелые,
А которы-ле поученья мужъ жены давать?
105. Ищѣ перво поученьицо тяжелое—
Ты съ тотариномъ жила нонь, обнималасе,—
По-локоть у тебя отсѣку руки бѣлыя;
А друго-то поученьицо тяжелое—
Ты съ тотариномъ жила да оплеталасе,—
110. По-колѣнъ у тя отсѣку да ноги рѣзвыя;
И третьѣ-то поученьицо тяжелое—
Ты съ тотариномъ жила да цѣловаласе,—
Какъ отрѣзать у тя нонь да губы бѣлыя;
Ты отдай лучше мою ты калену стрѣлу».
115. А ёттуй нонци Маринка да не ёслышалася,
А пошолъ нонци Добрынюшка отъ терему.
Кабы эта нонь Маринка была волшебница,
А брала она съ собой книгу волшебную,
А брала она съ собой да складной ножичёкъ,
120. А спускалася она скоро да съ крута крыльця,
У Добрыни-то 'читала девети слѣдовъ
И какъ 'сякой слѣдъ ножомъ она перечертила,
Обернула она Добрыню туромъ поганимъ.
Какъ побѣжалъ-де этотъ туръ да во чисто полѣ,
125. Тамъ какъ было у Маринки-то деветъ туровъ,
Кабы этотъ побѣжалъ ноньце десятой туръ.
Кабы была-то нончи бабушка задворенка,
Какъ были ноньце у бабушки двѣ дѣвушки,
Они были въ лѣсу брали сладки ягоды,
130. Тамъ увидали у Маринки нонь деветъ туровъ,

- Ище ходитъ у Маринки нонь десятой туръ,
Ужъ десятой-отъ-ле туръ, да надъ турами туръ,
Околъ дѣвушекъ тотъ туръ да нонь похаживать,
А какъ катятця у его тура горяци слёзы.
135. А какъ эти ноньци маленьки двѣ дѣвушки,
Какъ пришли они бабушки задворенки;
Говорять-ле эти маленьки-ле дѣвушки,
Кабы сказываютъ-ле бабушки задворенки;
«Ищѣ прежде у Маринки было деветь туровъ,
140. Кабы нонци у ей да сталъ десятой туръ,
Околъ насъ-де, околъ дѣвушокъ похаживать,
Только катятця у ёго да горяци слёзы».
Какъ на то была нонь бабушка догадлива,
Надѣвала она шубейку на одно плечо,
145. Кабы брала она съ собой книжку волшебную,
Какъ брала она съ собой клюку подпорную,
Побѣжала она Маринки злой лютой грозы,
Прибѣгала она Маринки да 'высокъ теремъ,
Какъ клюкой у ее да печь нонь поколачивать,
150. Какъ сама она Маринки выговаривать:
«Ужъ ты ой еси Маринка зла-люта-гроза!
Ты зачѣмъ у меня овернула да млады-хресничка?
Овернула у мня туромъ его поганыимъ,
Отверни у мня назадъ да млады-хресничка
155. И того у мня Добрынюшку Микитича,
Я-же, не отвернешь ты моего ищѣ хресничка—
Оверну я тя кобылой водовозной
И на весь городъ на тебѣ стануть воду возить».
Э-жъ какъ клюкой ей стала печь поколачивать,
160. Какъ дрожить у ей теремъ да весь высокой-же,
А сама еще какъ тутъ ей приговаривать:
«Не отвернёшь ты моёго ноньце хресничка,
Оверну я тебя сукой волочажной,
За тобой стануть кыцьки нонь волочитисе».
165. А какъ тутъ ищѣ Маринка зла-люта-гроза
Побоялася старушецьки задворенки,
Отвернула она назадъ ноньце Добрынюшку.
-

22.

Иванъ Гостинovichъ.

- Во стольнѣмъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владимира,
Было пированье-столованье,
На многихъ на князей, на бояровъ,
5. На многихъ купцевъ, людей торговыхъ,
И на тихъ-же мѣщанъ да пригородныхъ,
И на тихъ-же хресьянъ да православныхъ,
И на тихъ-же на руськихъ богатырей.
Онъ какъ пиръ-отъ снаредилъ князь, пировать стали
10. И столы-те розоставили, столовать стали;
Ищѣ всѣ тутъ на пиру всѣ напивалисе,
Ищѣ всѣ тутъ на чесномъ да наѣдалисе.
Какъ выходитъ-то солнышко Владимиръ-князь,
Онъ выходитъ-де тутъ да ко столу ищѣ,
15. Онъ подходитъ ко всѣмъ-ли людямъ добрымъ,
Говорить тутъ-ле солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ вы ой еси хресьяна православные!
Ужъ вы ой еси мѣщана пригородные!
Ажъ вы ой еси купцы люди торговья!
20. Ажъ вы ой еси-де руськи всѣ богатыри!
У васъ есъ-ле у кого да кони добрыя?
Кабы битце со мной нонъ ѣ великъ закладъ,
А не во сти рублей, да не во тысящи,
Ѣ своей молодецькой буйной головѣ:
25. Кабы съѣздить отъ города отъ Кіева,
До того нынѣ до городи Чернигова,
Ищѣ съѣздить-бы нонъ да кабы взадъ впередъ,
Межъ ённою межъ обѣннѣй межъ заютреннѣй;
Кабы мѣста-ле тутъ да нонъ не много-же,
30. Ищѣ три девеноста ровно мѣрныхъ вѣрствъ».
Кабы всѣ тутъ на пиру сидятъ приомолкнули,
А какъ всѣ на чесномъ да приюдрогнули,
Кабы меньшей хорониться за сренняго,
Кабы среннѣй хорониться за большого,
35. Какъ отъ большого князю нонъ отвѣту нѣтъ.
Какъ изъ за того изъ за стола перенняго,

- Со хорошей со ловки съ дубовой доски,
И ставаётъ тутъ удалой доброй молодець,
По прозванью-ту Иванъ да сынъ Гостиновичъ;
40. Поблизешинько онъ ко князю придвигайтесе,
Понижешинько онъ князю покланяйтесе,
Ищэ самъ тутъ говоритъ онъ таково слово:
«Ищэ ой есь ты солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь мнѣ-ка нонь да слово вымолвить,
45. Не позволь ты мнѣ за слово головы сказнить,
Головы-ли сказнить, скоро повѣсити,
И не выслать-бы штобы миня въ ссылки дальнія,—
Я бы бьюсь нонь съ тобой да о великъ закладъ,
Я не во сти рублей бьюсь, не во тысеци,
50. О своей молодецкой буйной головы».
Кабы князь-отъ кладетъ да ноньце сто рублей,
Онъ-де сто рублей кладётъ отъ ся, со тысяцей;
Какъ ударились они тутъ о великъ закладъ,
О Иванѣ поручились руськи богатыри,
55. О князи-то поручилисе бояра всё.
Какъ ударилсэ Иванъ тутъ о великъ закладъ,
Онъ пошоль-де со князя со чесна пира,
Какъ идётъ онъ къ своему широку двору,
Повѣся онъ доржить да буйну голову,
60. Потопя-де очи ясны въ мать-сыру-землю;
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
Онъ заходитъ къ своему коню доброму,
Онъ заходитъ ко коню да на конюшенъ дворъ,
Онъ де падаётъ коню-то во праву ногу,
65. Ищэ самъ тутъ говоритъ онъ таково слово:
«Ужъ ты малинкой мой бурушко, косматинькой!
Я ударилсэ вѣдь съ княземъ ё великъ закладъ,
Я не во сти рублей, да не во тысеци,
О своей я молодецкой буйной головы,—
70. Ищэ съѣздить отъ города отъ Кіева,
До того съѣздить до города Чернигова,
Межъ онною обѣнней, межъ заютренней,
Ищэ съѣздить-бы нонь да кабы задъ-вперёдъ,
Ищэ мѣста-ле тутъ да нони множество,
75. А-бы три девеноста ровно мѣрныхъ вѣрсь».
Говоритъ тутъ его да право доброй конь,

- Ищэ руськіимъ языкомъ чоловѣческимъ:
— Ожъ ты ой есь Иванъ да сынъ Гостиневичъ!
Ты проси поди у князя время строцьного,
85. А ты строцьного времицька уроцьного,
А-бы на три-ни, на трои сутоцьки;
Кабы дасъ тибѣ князь да время строцьного,
Ищэ строцьного времицька, уроцьного,
Ищэ на три-де ни, на трои суточки,
90. Ты поставъ тогда на полсти меня на пуховыя,
Ты корми миня пшаной да бѣлояровой,
Ты корми-де миня да ищэ дó сыта,
Ы бы пой миня, бурушка, ты дó-пьяна,
Проминай миня, бурушка, по трёмъ зорямъ,
95. Э по тремъ-ле зорямъ да по вечерніимъ.—
А пошолъ тутъ Иванъ да сынъ Гостиневичъ,
Онъ просити сталъ у князя время строцьного,
Ищэ строцьного времицька уроцьного,
Кабы на три-де ни, на трои сутоцьки.
100. Какъ даватъ ему князь да время строцьного,
А шэ на три-де ни, на трои сутоцьки.
И пошолъ тутъ Иванъ да сынъ Гостиневичъ,
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
105. Онъ приходитъ къ своему коню доброму,
Онъ какъ ставитъ нонъ коня да своя доброго,
Онъ-де ставитъ на полсти на пуховыя,
Онъ насыпалъ-ле пшаны да бѣлояровой,
Онъ кормилъ ноньце бурушка-ле до сыта,
Онъ поилъ-де-ка бурушка нонъ дó-пьяна,
110. Проминалъ его бурушка по трёмъ зорямъ,
Э по трёмъ-де зорямъ, да по вечерніимъ.
Ужъ приходитъ ему да время строцьное,
Ищэ строцьное времицько уроцьное,
Кабы сталъ тутъ Иванъ нонъ снаряжатисе,
115. Кабы сталъ-де Иванъ нонъ сподоблетисе,
Онъ уздалъ-де, сѣдлалъ да коня доброго,
Онъ накладывалъ на коня узду точмянную,
Онъ-де клалъ на коня да плотны-плотнички,
Ай на плотнички кладётъ мяеки войлочки,
120. Э затѣмъ кладётъ сѣдлышко черкальское,
Онъ двѣнадцеть подстѣгивалъ подпругъ шолковыхъ,

- Онъ тринадцету берётъ черезхребётницу,
Черезъ сильную степь да лошадинную,
Онъ не ради-то басы, да ради крѣпости,
125. Не ёставиль штобы доброй конь въ чистомъ полѣ.
Онъ тогда снарядиль да коня доброго,
Онъ пошоль-де тогда ко Божьей церкви,
Онъ какъ самъ ноньце идётъ, съ собой коня ведётъ,
Онъ приходитъ тогда да ко Божьей церкви,
130. Онъ заходитъ тогда да во Божью черьковъ,
Собралисе попы, отцы духовныя,
Какъ служить хотять заутреню воскресеньскую;
Э, тогда Иванъ пошоль скоро изъ божьей церкви,
Онъ приходитъ къ своему коню доброму,
135. Ожъ какъ видѣли молодца какъ на коня скочиль,
На коня-де скочиль, какъ въ стремена ступиль,
Ужъ не видѣли поѣздки молодецкоей,
Э тяжелой е побѣжки лошадиноей,
Только винно тамъ въ поли курева стоитъ,
140. Курева тамъ стоитъ да дымъ столбомъ валить,
Его скацётъ-ле конь, да право доброй конь,
Онъ-де съ горы-де-бы скацётъ ноньце на гору,
Онъ съ укатистой-де скацётъ на увалисту,
Онъ-де горы-де, удóлы межу ногъ берётъ,
145. По поднебесью летить, какъ ясенъ соколъ;
Пріѣжжаётъ ко городу Чернигову,
Пріѣжжаётъ-де ёнъ да ко божьей черькви,
Онъ соскакивалъ-де скоро со добра коня,
Какъ не вяжетъ коня, да не приказывать,
150. Онъ заскакивалъ-де скоро во божью черьковъ,
Какъ служатъ попы отцы духовныя,
Они служатъ-де заутреню воскрисеньскую,
Онъ-де Богу-ту, Иванъ, да онъ не молитьсе,
Онъ проходитъ къ попамъ, отцамъ духовнымъ,
155. Говорить тутъ Иванъ да таково слово:
«Ужъ вы ой еси попы, отцы духовныя!
Вы пишите мнѣ ерлыкъ, да скору грамоту.»
И на то его попы скоро не ослышелись,
Написали ему ерлыкъ, да скору грамоту.
160. И оттудъ-де Иванъ скоро поворотъ даётъ,
Онъ выходитъ-де скоро вонъ на юлицу,

- Онъ приходитъ-де скоро къ коню доброму,
Онъ какъ скачетъ-де скоро на добра коня,
Опетъ скачѣтъ его да ноньце доброй конь,
165. Онъ-де съ горь-де ноньце скачѣтъ ноньце на гору,
Онъ съ укатистой-то скачѣтъ на увалисту,
Ыщѣ горы-удолы промежъ ногъ берѣтъ,
По поднебесью летитъ онъ какъ ясенъ соколъ,
Пріѣжжать-де ко городу ко Кіеву.
170. А ѣжжаетъ онъ тутъ да ко божьей черькви,
Онъ соскакивалъ тутъ скоро со добра коня,
Какъ оставилъ онъ коня да не привязана,
Ищѣ конь-отъ у его стоитъ шатайтъсе,
Изъ ноздрей-де у коня да пламѣ огненно,
175. Изъ ушей у коня да дымъ столбомъ валитъ;
Онъ заходитъ тутъ-бы скоро во божью церковь,
Тутъ ставають-де попы, отцы духовныя,
Какъ служить хотятъ обѣнню воскресеньскую,
Тутъ Иванъ простоялъ нонь у обѣдни-же,
180. У обѣнни простоялъ у воскресеньской;
Отслужили тутъ попы, отцы духовныя,
А-бы тутъ они обѣнню воскресеньскую,
И пошли они тутъ всѣ да изъ божьей черькви,
И Иванъ-отъ пошолъ тутъ изъ божьей черькви.
185. Онъ приходитъ къ своему коню доброму,
Онъ берѣтъ-де коня да за шолковъ поводъ,
Онъ идѣтъ-де къ своему широку двору,
Онъ заводитъ коня тутъ на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ его на полсти на пуховыя,
190. Онъ насыпалъ ему пшены да бѣлояровой,
Онъ пошолъ тогда ко князю ко Владимиру,
И проситъ-де у князя деньги выѣзны,
Кабы выѣзны-то денѣжки, нонь выгонны.
Онъ пришолъ ноньце ко князю ко Владимиру,
195. Говоритъ-же тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты ой есъ ты солнышко Владимиръ-князь,
Ты ужъ дай мнѣ-ка нонь да деньги выѣзны,
Ищѣ выѣзны мнѣ денѣжки, нонь выгонны,
Ты ужъ сто рублей мнѣ дай ноньце со тысяцей».
200. Кабы князю-ту-ле тутъ нонь забѣду стало,
За великую досаду показалосе,

- Говорить на то-де солнышко Владимиръ князь:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Я накинѹ на тебя службу тяжолѹю:
205. Я какъ выпущу на твоего коня доброго,
Я какъ выпущу на его да триста жаревей,
Ужъ какъ пусъ у тя бурушка нонъ рѹстолочать,
Ище пусъ у тя малого нонъ рѹзволочать.—
Говорить ищѹ солнышко Владимиръ-князь:
210. — Ты какъ выпусти своего коня доброго,
Ищѹ выпусти его да во чисто полѹ.—
Э, пошолъ тутъ Иванъ нонъ запечалилсе,
Запечалилса Иванъ, да закручинилса,
Повѣся-де доржить онъ буйну голову,
215. Потопя-де оци ясны въ мать сыру-землю,
Онъ приходитъ ко своему широку двору,
Онъ приходитъ ко своѹму коню доброму,
Онъ-де падаетъ коню да во праву ногу,
А жѹ самъ-же говоритъ тутъ таково слово:
220. «Ужъ ты милянкой мой бурушко, косматинькой!
Я посленни-жѹ винно съ тобой нонѹци прощаюсе:
Выпускаѹтъ на тебя да князь Владимиръ-же,
Во чисто онъ полѹ да триста жаревей,
Ищѹ самъ тутъ говоритъ да таково слово:
225. «Ищѹ пусть у тебя бурушка тутъ рѹстолочать,
«Ищѹ пусть у тебя бурушка нонъ рѹзволочать».
Кабы бурой-отъ-ле конъ да говорилъ ищѹ,
Онъ какъ руськимъ языкомъ человѣческимъ:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
230. Кабы эта мнѹ не служба нонѹце—службишко,
Кабы служба-то-ле мнѹ всё впереди будѹтъ.—
Выпускать тогда Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ своего-ле нонъ да коня доброго,
Побѣжалъ его нонъ да право доброй конъ,
235. Побѣжалъ онъ, бѣжитъ конъ во чисто полѹ,
Кабы князь-отъ выпускалъ тамъ триста жаревей,
Ы ти кони побѣжали во чисто полѹ,
Прибѣгали-ле они да къ коню доброму,
Они стали тутъ какъ бурушка покусывать,
240. Они стали нонѹце малого полеживать,
Кабы бурой-отъ конъ тутъ осержаетъсе,

- Онъ-де бѣтъ правой ногой мать-сыру-землю,
Подрожала тутъ-то матушка-сыра-земля,
Кабы въ поли-то-де дубѣ росшаталися,
245. И вершинами они вмѣсто соплеталисе,
И въ озерахъ вода-ти сколыбаласе,
Ищѣ кони-ти эти вси устрашилисе,
Какъ овсяны-ле мѣшки да повалилисе,
Кабы конюхи у князя одва живы стоятъ.
250. Прибѣгаётъ тогда нонѣе доброй конь,
Ко тому-то Ивану широку двору,
Запускать Иванъ коня да на конюшенъ дворъ,
Онъ-бы ставить на полсти на пуховыя,
Онъ насыпалъ опетъ пшаны ему бѣлояровой,
255. И тогда Иванъ пошолъ ко князю Владимиру,
И просить опетъ у ёго да деньги выѣзны,
Ище выѣзны какъ денѣжки, нонъ выгонны.
Онъ приходитъ нонъ ко князю ко Владимиру,
Говоритъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
260. «Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка деньги выѣзны,
Ажъ тѣ сто рублей, нонъ со тысецей».
А-бы князю тутъ Владимиру за бѣду стало,
За великую досаду показалосе:
265. — Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Я накину на тебя службу тяжолую,
Ищѣ выпущу въ чисто полѣ тридцетъ жаребъцей,
Кабы пусъ у тя нонъ бурушка нонъ ростолочать,
Ищѣ пусъ у тя бурушка нонъ розволочать.—
270. А пошолъ опять Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Запечалился Иванъ тутъ закручинилсѣ,
Повѣся идѣтъ, дѣржитъ буйну голову,
Потопя-де ёчи ясны въ мать сыру землю,
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
275. Онъ опетъ падать бурку во праву ногу:
«Ожъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой:
Ю тя правая нога да по колѣнъ бѣла,
У тя лѣвая нога бѣла по щѣточку,
Я послѣдни-жъ винно съ тобой нонъ прощаюсе,
280. Выпускать на тя нонъ князь тридцетъ жаребъцей,
Ищѣ самъ-же говоритъ да таково слово:

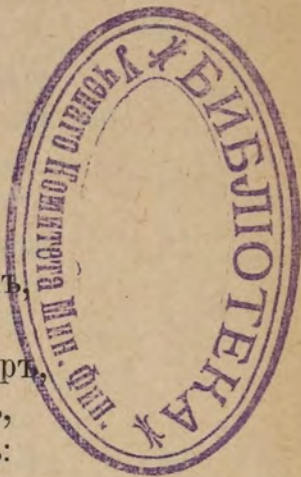
- «Кабы пусть у тя бурушка нонь ростолочать,
Ищэ пусь у тя малого нонь розволачатъ».
Говорить-же его да ноньце доброй конь,
285. Ищэ руськимъ языкомъ человѣческимъ:
— Кабы эта мнѣ не служба, ищэ службишко,
Кабы служба-то вся ищэ впереди будѣтъ.—
А бы тутъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ какъ выпустилъ своего коня доброго,
290. Побѣжалъ его конь нонь во чисто полѣ,
Кабы князь-отъ выпускать да тридцетъ жаревъцей,
Прибѣгали жаревъцы да къ коню доброму,
Они стали тутъ какъ бурушка покусывать,
Ищэ стали они бурушка полегивать,
295. Ищэ бурой-отъ конь тутъ осержается,
Онъ какъ бьетъ-де правой ногой мать сыру землю,
Подрожала тутъ какъ матушка сыра земля,
И какъ въ поли-то дубѣ разшаталися,
И вершинами какъ вмѣсто соплеталися,
300. И въ озерехъ-то вода сѣ сколыбалася,
Кабы кони-ти ети юстрашилися,
Какъ овсяны-ле мѣшки всѣ повалилися,
Ищэ конюхи у князя едва живы стоятъ.
Прибѣгаѣтъ у Ивана нынѣ доброй конь,
305. Запускать-ле Иванъ коня на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ опеть на полсти на пуховыя,
Онъ насыпалъ пшаны да бѣлояровой,
Онъ пошолъ тогда ко князю ко Владимиру:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ князь!
310. Ужъ ты дай мнѣ денѣжки нынѣ выѣзны,
Кабы выѣзны денѣжки, нонь выгонны,
Ищэ сто рублей нонѣ, со тысяцей».
Ищэ князю-ту опеть тутъ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
315. Говорить тутъ-де солнышко Владимиръ князь:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Я ищэ на тебя наложу службу тяжолую:
Ищэ есь у мя нонь да три жаревъця,
Ищэ выпущу я ихъ на твоего коня.—
320. Какъ пошолъ-де тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Пуще старого Иванъ да закручинился,

- Пуще старого Иванъ да запечалился,
Повѣся идѣть доржить да буйну голову,
Потопя-де ёчи ясны въ мать сыру землю,
325. Онъ не видитъ идѣть пути дорожочки,
Онъ приходитъ къ своему широку двору,
Онъ приходитъ къ коню да на конюшенъ дворъ,
Опетъ падать-де коню да во праву ногу:
«Ужъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой!»
330. Я посленни-жъ винно съ тобой прощаюсе,
Выпускать на тя-де князь ноньце три жаревья». —
Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиничъ!
Ужъ я знаю этихъ нонъ да какъ три жеребья:
Ужъ одинъ-отъ-ле конь мнѣ-ка названой братъ,
335. И названной-отъ мнѣ братъ ноньце при старости,
А другой-отъ ноньце конь да синѣгривой-же,
А третей-отъ-ле конь да полонёной былъ. —
А какъ выпустилъ Иванъ да коня доброго,
Побѣжалъ его конь да во чисто полѣ;
340. Кабы князь-отъ выпустилъ три жаревья,
Прибѣгали-де ёни да къ коню доброму,
Опетъ стали они бурушка покусывать,
Опетъ стали они малого полѣгивать;
Ноньце бурой-отъ-ле конь да осержантъсе,
345. Онъ какъ бѣтъ-ле правой ногой сыру землю,
Подрожала-де тутъ матушка сыра земля,
Кабы въ поли опетъ дубѣ росшаталися,
И вершинами-то вмѣсто соплеталися,
Какъ въ озѣрахъ вода да сколыбаласе,
350. Кабы кони-то эти юстрашилися,
Полонёно-ётъ-конь въ полонъ убѣжалъ,
Синѣгривого коня бралъ за хребетъничу,
Онъ бросалъ его о матушку сыру землю,
Да-бы тутъ-же коню конечъ случилса-же;
355. А названъ-отъ ему братъ да ноньце бурушко
Покорилсѣ онъ брату ноньце меньшому:
«Ужъ я ноньце какъ, братъ, ищѣ при старости,
Ты какъ ноньци въ самомъ рѣзу, въ самомъ корпусу,
Ужъ я быти надъ тобой да ноньце меньшей братъ,
360. Ищѣ быть ты надо мной да ищѣ старшой братъ».
Прибѣгать опетъ къ Ивану ноньце доброй конь,

- Запускать Иванъ коня да на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ его на полсти на пуховыя,
И насыпалъ опеть пшаны да бѣлояровой,
365. И пошолъ онъ нынѣ Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
Онъ приходитъ ко князю ко Владимиру,
Говоритъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!»
370. Ужъ ты дай мнѣ-же деньги выѣзны,
Ищѣ выѣзны какъ денѣжки, нонѣ выгонны,
Ищѣ сто рублей, да нонѣце со тысецей».
Ѣдетъ князю-ту-ле тутъ да за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
375. Говоритъ на то солнышко Владимиръ-князь:
— Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Ожъ какой-же у ты нонѣ доброй конь,
Посмотрѣть мнѣ-ка его надо въ чистомъ поли,
А не можно-ле поймать его въ чистомъ поли.—
380. Говоритъ-же всё солнышко Владимиръ-князь:
— Ты какъ выпусти коня нонѣци въ чисто полѣ,
Соберу-же я удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Какъ имати-де твоего коня доброго;
Я направлю нонѣ аркановъ много шолковыхъ.—
385. Какъ пошолъ-де какъ Иванъ да запечалился,
Запечалился Иванъ, да закручинился,
Повѣся идѣтъ доржить да буйну голову,
Потопя-де оци ясны въ мать сыру землю,
Онъ не видитъ идѣтъ пути дорожоцьки,
390. Онъ приходитъ ко своему широку двору,
Опеть падать-де коню да во праву ногу,
Говоритъ тутъ Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ужъ ты малинькой мой бурушко, косматинькой!
Я посленни-жъ винно съ тобой нонѣ прощаюсе:
395. Кабы князь-отъ хочетъ имати тебя въ чистомъ поли,
Надъ тобой-де я не знаю чо стануть дѣлати,
Собирать онъ имальниковъ много множество».
Говоритъ нонѣ его да право доброй конь,
Ужъ какъ руськимъ языкомъ человѣческимъ:
400. — Ужъ ты ой еси Иванъ да сынъ Гостиновичъ!
Ты приди-же нонѣ какъ тутъ да во чисто полѣ,

- Ты надѣнь на себя да шубу куньюю,
Кабы гдѣ миня имати стануть въ чистомъ поли,
Кабы много аркановъ тамъ е шолковыхъ,
405. А возмуть меня вокругъ да доброго коня,
Я увижу тогда тебя Иванъ Гостиниовиць,
Мимо ты я побѣжу да ноньце доброй конь,
Затени изъ рукава свою руку правую,
Я схвацую-де у ты ноньце у шубоцьки,
410. Я схвацую-де у тебя да ноньце правой рукавъ,
Оторву-де у ты, у шубы куньей,
И тогда-же какъ князь да устрашитце-же:
«И какой-же екой у него доброй конь?
Онъ не знатъ-де своего нонь хозяина,
415. Онъ какъ оторвалъ у шубы рукавъ правой-же.—
Ужъ какъ выпустилъ Иванъ да коня доброго,
Побѣжалъ ноньце конь его во чисто поле,
Кабы самъ сталъ Иванъ тутъ снарежатисе,
Надѣвалъ на себя онъ шубу куньюю,
420. Кабы князь-отъ тамъ пошолъ да во чисто полѣ,
Онъ со многима народами, съ арканами,
Тамъ увидѣли коня, ходитъ въ чистомъ поли,
Обходить стали вокругъ да коня доброго,
Ищѣ конь тамъ-ле въ поли нонь похаживать,
425. И они ноньце коня стали приганивать,
Кабы бурой-отъ-ле конь да сталъ побѣгивать,
Онъ своёго сталъ хозяина посматривать;
Ювидалъ онъ своего тутъ хозяина,
Онъ схватилъ-де его да ноньце шубоцьку,
430. Да схваталъ-де-ка шубу—ныньце всю стащилъ,
Онъ оторвалъ у шубы-нонь правой рукавъ.
Кабы князь-отъ нонь какъ тутъ да устранился-же:
«Какъ какой-же у его экой право доброй конь!
Онъ не знаётъ-де своего-де хозяина,
435. Онъ одва-ле не убилъ ноньце хозяина,
Ужъ пойдемте-же народъ, да вся камисея,
Онъ какъ можотъ-ле насъ да всѣхъ убити этта».
Кабы всѣ они ушли да изъ чиста поля,
У Ивана прибѣжалъ да нынѣ доброй конь,
440. Запускаетъ онъ коня да на конюшенъ дворъ,
Онъ поставилъ коня на полсти на пуховыя,

- Онъ насыпалъ пшаны да бѣлояровой,
Тогда пошолъ Иванъ ко князю ко Владимиру;
Онъ приходитъ ко князю ко Владимиру,
445. Говоритъ-же Иванъ да сынъ Гостиновичъ:
«Ожъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ отдай-же мнѣ ты да деньги выѣзны,
Кабы выѣзны денѣжки, нонъ выгонны,
Кабы сто-де рублей, да нонъ со тысяцѣй».
450. Э тогда да нонѣце князю дѣлать нечего,
Отдавать ему сто рублей со тысяцѣй.
И пошолъ нонѣце Иванъ да сынъ Гостиновичъ,
Онъ къ своему идѣтъ да широку двору,
Онъ приходитъ къ коню да на конюшенъ дворъ.
455. Какъ коню-то онъ сталъ да нонѣце сказывать,
Онъ-де сказывать коню сталъ, да рассказывать:
«Ужъ ты ой еси-ле мой да право доброй конь!
Тѣ спасибо-же-ле конь, да мой ты бурушко!
Сослужилъ ты какъ бурушко всѣ службы тяжолые,
460. Получилъ я отъ князя деньги выѣзны,
Кабы выѣзны-же денѣжки-де, выгонны,
Ужъ я сто рублей всего со тысяцѣй».

23.

Ставеръ Годиновичъ.

- Ай во стольномъ-де во городѣ во Кіевѣ,
Какъ у ласкова у князя у Владимира,
Ищѣ было тутъ пирѣванье-столѣванье
И на многихъ всё на князей, на бѣяровъ,
5. И на многихъ купцевъ, людей торговыхъ,
И на многихъ мѣщанъ сѣ пригородныхъ,
И на тѣхъ всё руськихъ богатырей,
И на всѣхъ на кресьянъ православныхъ,
А какъ пиръ-отъ снарядилъ, пировать стали,
10. И столы-ты-ле розоставили, столовать стали;
Ай какъ вси они на пиру сидя напиваются,
Ищѣ всѣ тутъ на чесномъ сидячи наѣдаются,
Эхъ хмѣльнѣшеньки всѣ стали, да веселѣшиньки,

- И какъ всѣ тутъ на пиру сидятъ приросхвастались:
15. Ай какъ иной-отъ кабы хвастать золотой казной,
Ай иной-отъ хвастать удачей молодецкой,
Какъ иной-отъ-де-бы хвастать кони добрыма,
А кабы глупой-отъ сидитъ, хвастать молодой жоной,
Ищэ умной, сидитъ, хвастать онъ старымъ отцомъ,
20. Онъ старымъ-де ка' отцемъ, да старой матушкой.
Ай выходитъ тутъ какъ солнышко Владимиръ-князь:
Онъ подходитъ-де къ удалу добру молодцу,
Ко тому-де ко Ставру сыну Годинову,
Говоритъ тутъ-ле-то солнышко Владимиръ-князь:
25. «Ужъ ты ой еси Ставѣръ да сынъ Годиновичъ!
Ты-же што-же нынѣ сидишь не чимъ не хвастаешь?
Тибѣ пиръ-отъ винно былъ мой не по разуму?
Кабы поднощички мои были не вѣжливы?
А не вѣжливы какъ были, не очесливы?
30. Тебѣ винны винно цяры да не доносили?
Кабы пивны стаканы да не доносили?
Але мѣстицко тибѣ было не по разуму?»
Говоритъ на то Ставѣръ да сынъ Годиновичъ:
— Ужъ ты ой еси, ты солнышко Владимиръ-князь!
35. Мнѣ-ка пиръ-отъ былъ-ле твой да мнѣ по разуму,
Поднощички твои да были-ле вѣжливы,
А 'ще вѣжливы-ле были, да нонѣ очесливы,
Кабы винныма-ле цярами доносили,
Кабы пивныма стаканами доносили,
40. Ищэ мѣстицко-то было мнѣ по разуму.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Ожъ вы ой еси мои да вы поднощички!
Наливайте вы нонѣ царю зелена вина,
Не велику-ле не малу—полтора ведра,
45. Подавайте вы удалу да добру молодцу
И тому ищэ Ставру сыну Годинову».
И на то были поднощички проворныя:
Наливали они нонѣ царю да зелена вина,
Не велику-ле не малу да полтора ведра,
50. Ой подавають тутъ удалу добру молодцу,
А тому ищэ Ставру сыну Годинову;
Онъ берѣтъ ищэ нонѣци царю единой рукой,
Ищэ пѣтъ кабы да царю къ едину духу,

- Онъ какъ сталъ тутъ-ле Ставѣрь тутъ на рѣзвы ноги,
55. Ищэ по полу Ставѣрь да сталъ похаживать,
А кабы кунью свою-ле шубу сталъ поволачивать,
Ищэ къ шубоцьки-ле сталъ нонь приговаривать:
«Ищэ шуба-ле ты моя, да шуба куньяя!
Ты дарѣна мнѣ отъ князя отъ Владимира,
60. Ты въ любѣ мнѣ-ка пришла, да я ' чести доржу».
И говоритъ ищэ Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ:
«Ужъ я радъ ему князю служить еще,
Я за шубоцьку служить—радъ головы сложить:
Ищэ подруци Богъ на поли тотарина,
65. Ищэ Коцея царя сына Трипѣтова».
Онъ какъ сталъ-ле тутъ Ставѣрь ноньце похвастьвать:
«Я живу ноньце Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ,
У мня золота ищэ казна, живу, не тощытса,
У мня добры живутъ кони не ѣздятса,
70. Добры молодцы живутъ у мня не старятса,
У мня цвѣтно-то-ле платицѣ не носитце,
Ай на ножечкахъ сапожочки не топчутце;
Ищэ есь у мня-ле нонь да молода жона,
Ищэ та-ле да Василиса дочь Микулицьна,
75. Ищэ нѣтъ ея-ле краше да по всей земли,
Ищэ нѣтъ ей храбрѣе да по всей вотчины,
Ищэ кромѣ-де княгини да мать Апраксѣи».
А о ту ищэ пору-ле, да о то время,
Погодилисѣ у князя у Владимира,
80. Ищэ ты-те ищэ бояра да толстобрюхѣ,
Какъ пошли они ко князю да ноньце нажалилисѣ,
На того ищэ Ставра сына Гоудинова;
Говорятъ ищэ бояра да толстобрюхѣ:
«Ужъ ты ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
85. Какъ сидѣлъ у тя-ле нонь да чесномъ пиру,
Какъ сидѣлъ у тя Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ,
Ищэ тотъ ноньци Ставѣрь да сынъ Гоудиновичъ,
Онъ какъ сперва-де сидѣлъ не чимъ не хвасталъ-же,
Ищэ послѣ-де пиру, да нонь послѣ стола,
90. Кабы налили ему да цяру зелена вина,
Не велику-де не малу полтора ведра,
Онъ какъ вышилъ эту цяру да зелена вина,
Онъ ставалъ ноньце Ставѣрь да на рѣзвы ноги,

- Онъ какъ по полу Ставѣрь да сталъ похаживать,
95. Онъ какъ кунью свою шубу сталъ поволачивать:
Ищѣ шубоцьки-ле сталъ онъ приговаривать:
«Ужъ-ле шуба-ты моя, да шуба куньяя!
«Дарена ты мнѣ отъ князя отъ Владимира,
«Ты въ любви мнѣ-ка пришла, да въ чести доржу—
100. «Подруци мнѣ-ка Богъ на поли тотарина
И того мнѣ-ка князя ищѣ Владимира!
Ищѣ хвастаетъ своей онъ молодой женой:
«Ищѣ есь у меня-ле нонь да молода жона,
«Кабы та-де Василиса да дочь Микулисна,
105. «Кабы нѣтъ еѣ-де краше да нонь по всѣй земли!
«А княгину-ту твою зовѣтъ сиротиною,
«Сиротиною зовѣтъ еѣ, бездомовою».
А кабы тутъ ноньце солнышко Владимиръ-князь,
Призывать ноньце Ставра сына Годинова:
110. «Ужъ ты ой еси Ставѣрь да сынъ Годиновичъ!
Ищѣ што-же Ставѣрь да нынѣ хвастаешь?
Говоришь ищѣ нонь да таковы слова:
«Я живу-де ка' Ставѣрь да сынъ Годиновичъ,
«Золота у мя казна живу не тощитса»... *)
115. «Ищѣ какъ у тя нонь коницьки не ѣздятса?»
Говорить на то Ставѣрь да сынъ Годиновичъ:
— Хоть изъѣздятса у мя да кони добрые,
Я продамъ этихъ мѣщанамъ пригороднымъ,
Я куплю-де кабы коней лучше старыхъ.—
120. Говорить на то солнышко Владимиръ князь:
«Ищѣ какъ у тя золота казна не тощитсе?»
Говорить на то Ставѣрь да сынъ Годиновичъ:
— Хоть истощитце у мя-ле золота казна,
Наживу-ле то казны-ле больше старово.—
125. Да говоритъ ищѣ солнышко Владимиръ князь:
«Ищѣ какъ у тя добры молодцы живутъ не старятца?»
Говорить на то Ставѣрь да сынъ Годиновичъ:
— Хоть состарятца у мя, живутъ, добры молодцы,
Я найму-де молодцовъ да лучше старыхъ.—
130. Говорить опять на то солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ какъ у тебя цвѣтно платицо не носитца?»

*) Повтореніе того, чѣмъ хвасталъ Ставеръ и что на него наговорили бояре—
выпускается. Н. О.

- Хоть износитца у мня платьё чвѣтноё,
Я продамъ это нонь мѣщанамъ пригороднымъ,
Заведу я ищѣ платьицо лучше старого.—
Говорить опетъ солнышко Владимиръ-князь:
135. «Кабы-ле какъ у тя сапожки не топчутце?»
Да говоритъ на то Ставѣрь да сынъ Годиновичъ:
— Хоть истопчутце у мня ёти сапожоцьки,
Я продамъ ёти сапожки мѣщанамъ пригороднымъ.—
«Ище какъ это ты хвасташь молодой женой,
140. А какъ нѣтъ ее, говоришь, краше по всей земли,
А по всей ноньци земли по всей вотчины;
Какъ княгину-ту мою зовѣшь сиротиною,
Сиротиною зовешь ты еѣ бездомовою?»
Говорить на то Ставѣрь да сынъ Годиновичъ:
145. — Ужъ я ёки-ти-ле рѣци да не говариваль.—
Говорить на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Ище говоришь-ле ты да таково слово:
«Подруци Богъ мнѣ-ка на поли тотарина,
«Какъ того ищѣ князя, князя Владимира».
150. Говорить на то Ставѣрь да сынъ Годиновичъ:
— Я какъ эти-ти-ле рѣци да не говариваль.—
Отпирайтце Ставѣрь да сынъ Годиновичъ,
А бы князю-ту-ле тутъ нонь за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
155. Онъ приказываль своимъ людямъ роботшіимъ,
Еще выкопать въ чистомъ полѣ глубокъ погребъ,
Посадить хоцѣтъ Ставра сына Годинова.
А на то его скоро люди робочіе,
Какъ пошли они скоро нонь во чисто полѣ,
160. Кабы выкопали они ноньци глубокъ погребъ,
А не великъ не малъ—глубину сорока локоть,
А посадили тутъ Ставра сына Годинова,
Накатали на его плиту залѣзную,
Не велику-ле не малу—девеносто пудъ,
165. А засыпали его тутъ хрѹщомъ-каменьёмъ.
Ай какъ услыхала-ле тамъ какъ Ставрова молода жона,
Она стала тутъ-ле нонѣ снаряжатисе,
Какъ постригла она свои нонь русы волосы,
Назвала себѣ нонче имя—нонь Василей-же,
170. А Василюмъ звалась да сынъ Ивановичъ;

- А берётъ она подароцьки хорошія,
Подарить хоцётъ князю ноньце Владимиру,
Выкупать хоцётъ Ставра сына Годинова;
Какъ брала она ноньце сорокъ ноньце лисичь ищэ,
175. Кабы сорокъ-де куницъ, сорокъ черныхъ соболей,
И брала она сорокъ бѣлыхъ кречетовъ;
Ищэ стала она тутъ да снаряжатисе,
Поѣжжать-де нонь, да ноньце ѣхати,
Ко тому ищэ ко князю ко Владимиру.
180. Приѣждаетъ нонь Василей сынъ Ивановичъ,
Ко тому ищэ ко князю ко Владимиру,
И ко той ноньце ко гринѣ княженевской,
А какъ ставить нонь коня да ' дубову столбу,
А какъ вяжотъ нонь коня да къ золоту кольцу,
185. А заходитъ онъ во гриню княженевскую,
О' де Богу-ту-де нонь да ищэ молитсе,
На вси стороны еѣ нонь покланяйтсе,
Какъ князю-то со княгиной на ёсобицу.
Говорить тутъ на то-ле солнышко Владимиръ-князь:
190. «Приходи-же ты удалой доброй молодець!
И не знамъ тебя-де какъ нонь именѣмъ зовутъ,
А не знамъ какъ величаютъ по отечеству,
Ты коихъ-же ты родовъ, да коихъ городовъ?
А ты коѣй ищэ земли, коѣй орды?»
195. Говорить на то удалой доброй молодець:
— Я какъ посланъ отъ Ставровой молодой жоны,
Выкупати-де Ставра сына Годинова,
А зовутъ меня Василей сынъ Ивановичъ.—
Говорить на то солнышко Владимиръ-князь:
200. «Кабы-ле дати мнѣ Ставра—не видать Ставра,
А не дать мнѣ-ка Ставра, дакъ прогнѣвить посла,
Прогнѣвить-де ка' Василея Ивановича».
Ищэ по полу онъ Василей сынъ Ивановичъ,
Онъ какъ по полу-ле нонь ищэ похаживать,
205. Онъ такія-де рѣци выговаривать:
— Ожъ ты ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра сына Годинова».
Говорить ноньци княгина да мать Апраксія:
«Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
210. Ищэ этотъ-ле Василей сынъ Ивановичъ—

- Кабы это-де Ставрова молода жона:
Она по полу, винно, ходитъ частенько ступать,
А на лавоцьку садитця она колѣньча жмётъ,
А колѣньци она жмётъ да куну-куну берегётъ».
215. Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
— Ужъ ты глупая баба, не разумная!
У тя волосъ-де дологъ, умъ коротинькой.
А пошто суда прїѣдтъ Ставрова молода жона?
А коле Ставрова-де жона, можно спровѣдати:
220. Мы накинёмъ-де-ле ей службу тяжолую.—
А какъ подходитъ опеть Василей Ивановичъ,
Говоритъ опеть Василей сынъ Ивановичъ:
«Ёжъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Ты ютдай мнѣ-ка Ставра сына Годинова».
225. Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
— Я накину на тебя службу тяжолую:
Со моима съ игроками поиграть сперва,
Какъ во ти ещё во пѣшецьки, во шахматы;
Какъ обыграшь ты моихъ-ле игроковъ ище,
230. Я отдамъ тогда тиѣ Ставра, отдамъ безденежно.—
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
«Я бы зналъ-ле ваши замыслы княженецкія,
Я бы бралъ съ собой людей нонѣце уцѣнныхъ,
Какъ маленько съ измалѣшка я, Васька, игрывалъ».
235. Принесли нонѣци-де пѣшецьки точѣныя,
Принесли-де ка' дощоцьку да подзолочену,
Ой какъ стали они играть въ пѣшки-ле, шахматы,
Говорятъ онѣ игроки нонѣ княженецкія:
«Ты ходи-же нонѣ юдалой доброй молодець,
240. Ищѣ ты-ле Василей сынъ Ивановичъ».
— Какъ которой накликать, тотъ наперѣдъ ступать.—
А какъ идуть нонѣ игроки нонѣ княженецкія,
Какъ ступили они во пѣшецьки, во шахматы,
Какъ ступилъ нонѣце Василей сынъ Ивановичъ,
245. А другой-де разъ ступилъ, да имъ ходу не далъ,
А во третей разъ ступилъ, дакъ ихъ съ доски сгонилъ.
Онѣ подходитъ нонѣ Василей сынъ Ивановичъ,
Ко тому ищѣ ко князю ко Владимиру,
Говоритъ тогда Василей сынъ Ивановичъ:
250. «Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!

- Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра сына Годинова,
Ищѣ дай мнѣ Ставра ноньце безденежно».
А говоритъ на то-ле-то княгина мать Апраксія:
— Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
255. Кабы этотъ-ле не Василей сынъ Ивановичъ,
Ищѣ надо быти Ставрова да молода жона.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Охъ ты глупая ты баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ де дологъ, умъ коротинькой:
260. А пошто суда прїѣдѣтъ Ставрова жона?
Кабы Ставрова-де жона—можно спровѣдати,
Какъ накинута на еѣ службу тяжелую».
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
— Ужъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
265. Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра нончи безденежно.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ ты ой еси Василей сынъ Ивановичъ!
Я накину-ле на тебя службу тяжелую:
Со моима-ле со борьцами да поборотисе—
270. Кабы-ле бросишь-ле да моихъ да нонъ борьцей ищѣ,
Я отдамъ тебѣ Ставра тогда безденежно».
Говоритъ на то Василей сынъ Ивановичъ:
— Я-бы зналъ ваши замыслы княженецкія,
Я-бы бралъ такихъ людей, борьцей учёныхъ.
275. Да, пожалуй, сѣзмалѣшка Васька баривалса.—
Выпускаѣтъ ноньце князь борьцей учёныхъ,
Какъ боротисе съ Василеѣмъ нонъ Ивановичѣмъ,
Кабы-ле вышли борьци, ноньци три молодця,
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
280. «Ожъ ты ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты какъ велишь съ борьцами да нонъ боротисе:
По единому-ле брати, со всима-ле вдругъ?»
Говоритъ на то ёму солнышко Владимиръ-князь:
— Ужъ ты самъ-ле знашь, Василей сынъ Ивановичъ;
285. Ужъ ты какъ ты-ле да нонъ да ты борись съ има.—
Онъ-бы ходитъ нонъ Василей-отъ Ивановичъ,
Онъ ёдного нонъ берѣтъ да подъ праву руку,
А другого-то берѣтъ подъ лѣву руку,
А третьёго-то берѣтъ да во серѣдоцьку,
290. Онъ какъ всѣхъ ихъ нонче трѣхъ, да всѣхъ ихъ
бросилъ-же.

- Онъ приходитъ нонь Василей-отъ Ивановичъ
Ко тому ищѣ ко князю да ко Владимиру,
Онъ какъ по полу Василей-отъ похаживать,
Онъ такіе-ли онъ рѣци выговаривать:
295. «Ожъ ты ой еси ты, солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра нонѣ безденежно».
Говоритъ опеть княгина да мать Апраксія:
— Кабы этотъ не Василей сынъ Ивановичъ,
Кабы-ле надо бы' Ставровой молодой жоны:
300. Кабы по полу она ходитъ ногамъ цястить,
А на лавоцьку садитце она колѣнцы-ле жмѣтъ,
А колѣнцы-ле жмѣтъ, куну́ берегѣтъ.—
Говоритъ на то-де солнышко Владимиръ-князь:
«Ожъ ты глупая-ле баба, не разумная!
305. У тя волосъ-отъ де дологъ, умъ коротинькой,
Коле Ставрова-де жона—можно спровѣдати,
Какъ накинута-де ' ее службу тяжелую».
А приходитъ нонь Василей-отъ Ивановичъ,
Говоритъ опеть князю-ле таково слово:
310. — Ужъ ты дай мнѣ-ка Ставра нонче безденежно.—
Говоритъ нонѣ де солнышко Владимиръ-князь:
«Я накину на тебя службу тяжелую:
Со моима-ле стрѣльцами пострѣлетисе.
Отнести нынѣ во чисто полѣ дубовой столбъ,
315. Законать-ле столбъ да въ землю матушку,
Тамъ повѣсите кольчужину серебряну,
Какъ стрѣлѣтъ нонѣ сквозь кольчужину серебряну;
Какъ прострѣлишь ты своей нонче каленой стрѣлой,
Я отдамъ тогда Ставра тебѣ безденежно».
320. Ой какъ говоритъ на то Василей-отъ Ивановичъ:
— Я бы зналъ-де ваши замыслы княженецкія,
Я бы бралъ такихъ людей да нонь учёныхъ.
А, пожалуй, я съизмалѣшка, Васька, стрѣливалъ.—
Отнесли-ле тамъ-ле скоро да нонь дубовой столбъ,
325. Да положили кольчужину серебряну,
Привели тутъ стрѣльцы да добрыхъ молодцовъ;
Говорятъ на то стрѣльцы да княженецкія:
«Ты стрѣлей-же нонь Василей сынъ Ивановичъ!»
Говоритъ на то Василей сынъ Ивановичъ:
330. — А которой накликать, тотъ напередъ ступать.—

- Какъ его-то-ле стрѣльчи нонь, княженевскіе,
Какъ стрѣлили сквозь кольчужину серебряну,
Ажъ которой нонче стрѣлить—онъ не дострѣлить;
А которой-де-ле стрѣлить—онъ перестрѣлить;
335. А пришло ноньци Василью время стрѣлити,
Къ бы стрѣлилъ нонь Василей каленой стрѣлой,
Пролетѣла его-ле нонь да калена стрѣла,
Ищѣ сквозь-де нонь кольчужину серебряну.
Онъ приходитъ тогда ' князю нонь Владимиру,
340. Ищѣ тотъ ноньце Василей отъ Ивановицъ:
«Ищѣ ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дай мнѣ нонь Ставра сына Годинова,
Ищѣ дай мнѣ-ка Ставра нончи безденежно».
Ожъ на то нончи солнышко Владимиръ-князь,
345. Онъ приказывалъ своимъ людямъ робочимъ,
Отвести ему нончи ему глубоку погребъ.
Онъ приходитъ нонь Василей-отъ Ивановицъ,
Какъ къ тому ищѣ глубокому ко погребу,
Размѣталъ ёнъ, разбросалъ онъ хрущѣ-каменьё,
350. Какъ нашолъ онъ ту плиту нончи залѣзную,
Откопалъ онъ своей нончи правой ногой,
Какъ подсунулъ-де свою, свою праву ногу,
Какъ подъ ту-де подъ плиту, плиту залѣзную,
Кабы поннялъ-ле плиту своей правой ногой,
355. Кабы пнулъ-ле-то плиту да во чисто полѣ;
Говоритъ на то Василей-отъ Ивановицъ:
«Выходи-же ты, Ставѣръ да сынъ Годиновичъ!
Изъ того-ле ты глубокого изъ погреба».
Услыхалъ-ле тамъ Ставѣръ да сынъ Годиновичъ,
360. Онъ выскакивалъ-ле скоро нонь изъ погреба,
Кабы вылетѣлъ изъ погреба кабы-ле куроать,
Онъ-де сколько-де сидѣлъ нонь во погребу,
Онъ какъ вылетѣлъ-де вдвое выше погреба.
И тогда нонче Василей-отъ Ивановицъ,
365. А пошли они ко князю ко Владимиру,
Э тогда они-де съ княземъ и прощалисе;
Ожъ поѣхали они тогда домой ищѣ.
Кабы ѣдутъ нонь Ставѣръ да сынъ Годиновичъ,
А какъ съ тимъ ѣдутъ съ Василей сынъ-Ивановицёмъ
370. Кабы здраво они ѣдутъ по чисту полю,

- Ищэ здраво они ѣдутъ лѣсы темныя,
А какъ пріѣхали они нонь во чисто полѣ,
А какъ ставили шатѣрь бѣль-полотненой,
Говорить нончи Василей сынъ Ивановичъ:
375. «Ожъ ты ой еси Ставѣрь да сынъ Годиневичъ!
Ужъ ты силой-ту меня сильней ищэ,
Кабы смѣткой-то тебя да я-ле смѣтисте.
Ожъ какъ прежде у насъ съ тобой нонь пригожалося:
У тя есь шалаболка позолочена,
380. У меня-ле есть кольчужина серебряна».

24.

Дюкъ Степановичъ.

- Изъ той изъ Нижной Малой Галицы,
Изъ той Корелочки да изъ богатоей,
Выѣзжалъ то на добромъ конѣ на троелѣточкѣ;
Молодой Дюкъ да сынъ Степановичъ,
5. Выѣзжалъ на горы на высокія,
На ти на шолони окатисты.
Онъ смотрѣлъ, глядѣлъ на вси на дальны стороны
Изъ той изъ трубочки подзорной.
Сперва смотрѣлъ подъ сторону подъ сѣверну,—
10. Видны стоятъ тамъ ледяны горы;
Послѣ смотрѣлъ подъ сторону восточную,—
Тамъ видно стоятъ да лѣса темныя;
Послѣ смотрѣлъ подъ сторону подъ лѣтнюю,—
Тамъ видно стоятъ да поля чистыя,
15. Видно стоитъ тамъ стольной Кіевъ-градъ;
Затимъ смотрѣлъ подъ сторону подъ западну,—
Тамъ видно стоятъ да моря синіе,
Тамъ плавають гуси лебеди,
На тихихъ вѣшнихъ заводяхъ.
20. Оттуль молодой да поворотъ даетъ,
Пріѣзжать назадъ во Нижну Малу Галицу,
Во Корелочку да во богатую,
Ко той ко матушкѣ ко родимоей,
Честной вдовѣ Омельфѣ Тимоѣевнѣ.
25. Паль Дюкъ тогда матушкѣ во рѣзвы ноги,

Просить у ней благословленьица съѣздить въ Кіевъ-градъ.

Не давать ему мать благословленьица.
Онъ и падать ей да во второй законъ,
Говорить самъ таково слово:

30. «Ой еси матушка родимая!
Дай мнѣ-ка благословленьице отъ буйной главы до
сырой земли,

Съѣздить въ Кіевъ-градъ,
Посмотрѣть князя Владимира».
Не даетъ ему матушка благословленьица.

35. Падать Дюкъ да во третей законъ
И говорить ей таково слово:
«Ужъ ты дашъ поѣду и не дашъ поѣду».
Говорить ему Омельфа Тимоѣевна:
— Ужъ ты ой еси дитяtko родимое,

40. Молодой Дюкъ да сынъ Степановичъ!
Молодешинѣкъ ты, зеленѣшинекъ.—
Но дала ему благословленьицо отъ буйной главы до
сырой земли;

Сталъ тутъ молодецъ снаряжаться,
Сталъ сподоблятися ѣхать въ стольной Кіевъ-градъ.

45. Говорить ему матушка родимая,
Чесна вдова Омельфа Тимоѣевна:
«Когда ты приѣдешь въ стольной Кіевъ-градъ,
И будешь на честномъ пиру—
Княженевски пиры злы омманчивы;

50. Дамъ тебѣ я перстѣночки барановы,
Подари ты старому казаку Ильѣ Муромцу».
Говорить ей молодой Дюкъ да сынъ Степановичъ:
— Какъ узнаю я Илью Муромца?—
Говорить ему Омельфа Тимоѣевна:

55. «Когда приѣдешь ты въ стольной Кіевъ-градъ,
Ко той ко гринѣ княженевской,
Всѣ уйдутъ во божью церковь.
Приѣзжай и ты ко божьей церкви
И заходи во божью церковь,
60. Крестъ клади по писаному,
Поклонъ по ученому,
Поклонись на вси четыре стороны,

- Подойди на право крылосо;
Служать тутъ обенню воскресенскую;
65. Простой ты службу воскресенскую,
Подойди къ дверямъ церковнымъ,
Пойдетъ народъ изъ божьей церкви,
Сперва пойдутъ мѣшшана пригородныи,
Затѣмъ пойдутъ хрестьяна православныи,
70. Затимъ купцы, люди торговые,
И тогда пойдутъ руськіе богатыри,
Позади всѣхъ идетъ старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Перстянки эти ему въ любви придутъ;
Тогда, куда онъ поидетъ,
75. Туда тебя за собой поведетъ».
Простился съ матерью родимоей
Молодая Дюкъ да сынъ Степановичъ,
Поѣхалъ тогда въ стольной Кіевъ-градъ.
Ѣдетъ здраво поле чистое,
80. Здраво Ѣдетъ лѣсы темныи,
Приѣзжать тогда въ стольной Кіевъ-градъ,
Приѣзжать ко гринѣ княженевской.
Князь ушолъ во божью церковь,
А за нимъ всѣ русскіе богатыри.
85. Приѣзжать Дюкъ ко божьей церкви,
Слѣзавать со добра коня,
Вяжетъ коня къ дубову столбу,
И заходитъ тогда во божью церкву.
Богу тогда онъ да молится,
90. Поклонъ кладетъ по писаному,
Крестъ по ученому,
На вси стороны покланяется,
Приходитъ на право крылосо,
Слушать обѣдню воскресенскую.
95. Потѣснилъ онъ на правомъ крылосѣ
Чурила млада Пленковича;
Не стерпливой на то Чурило былъ,
Говоритъ тогда Чурило Пленковичъ:
«Что это за такой за балбанъ пришолъ,
100. Со всѣмъ сучьемъ необтесанной?»
Говоритъ ему Дюкъ сынъ Степановичъ:
— Не то нынче поютъ, да не то слушаютъ,

- Говорить на это Чурило млады Пленковичъ:
— Что это за такой богачъ пришелъ?
145. Надъ тобой надъ княземъ гость ломается,
Надъ божьимъ даромъ изгиляется.
Подходить Чурило къ Дюку Степановичу:
— Давай ударимся объ великъ закладъ,
Которой котораго платьемъ цвѣтнымъ перещепать.—
150. Говорить на это Дюкъ Степановичъ:
«У тебя дѣло домашнее,
У меня дѣло заѣзжее,—
Дай сроку на суточки,
Съѣздить по платью цвѣтное».
155. Давать ему Чурило время срочнаго на суточки,
Ударились во великъ закладъ,
Не во сто рублей, не во тысячи,
О своихъ да буйныхъ головахъ.
О Чурилѣ поручаются бояры толстобрюхѣ,
160. О Дюкѣ—старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Писалъ тутъ Дюкъ Степановичъ
Ярлыкъ скору-грамоту
Къ своей родимой матушкѣ.
Честной вдовѣ Омельфѣ Тимофѣевнѣ,
165. Чтобы послала матушка родимая
То платью чвѣтное,
Которое оболочало трижды въ годъ.
И пошолъ Дюкъ на улицу ко добру коню,
Кладетъ ярлыкъ въ сѣдлышко черкальчето,
170. И отправляетъ во Нижню Малу Галичу.
Побѣжалъ его добрый конь во Нижню Малу Галичу;
Увидала его Мамельфа Тимофеевна черезъ окошечко
хрустальное,
Прочитывала ярлыкъ скору грамоту,
И вложила платью самоцвѣтное въ сѣдлышко
черкальчето,
175. И отправила коня назадъ въ стольный Кіевъ-градъ.
Наредились тогда оба боярина,
И хочутъ идти во божью церковь,
У обѣихъ платью у нихъ хорошее,—
Провелъ рукой правой Дюкъ Степановичъ по бѣлымъ
грудямъ,
180. По тѣмъ по пуговкамъ вальсяжнимъ

- И заревѣли его пугови вальжніе,
Всѣми разными голосами,
Какъ во чистомъ полѣ сѣры волки завояли.
Провелъ и Чурило Пленковичъ по бѣлымъ грудямъ,
185. Но не заревѣли у него пугови.
Пошли они ко князю Владимиру,
И говоритъ Дюкъ сынъ Степановичъ:
«Ужъ ты ой еси, старъ-казакъ Илья Муромецъ!
Что я стану съ Чурилой дѣлати?»
190. Говоритъ тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Во первой вины Богъ проститъ.—
Говоритъ тутъ Чурило Пленковичъ:
«Давай ударимся объ великъ закладъ,
Не во сто рублей, не во тысячу,
195. О своихъ-ле буйныхъ головахъ:
Давай скакать черезъ Нѣпръ-рѣку?»
Ударились объ великъ закладъ,
Садились они на добрыхъ коней,
Говоритъ Чурило млады Пленковичъ:
200. «Скачи ты первой, Дюкъ Степановичъ».
Говоритъ Дюкъ Степановичъ:
— Которой накликать, тотъ напередъ ступать.—
Погонилъ Чурило и середка рѣки конь его обрюшился.
Разгонился тогда и Дюкъ Степановичъ,
205. Схватилъ Чурило за желты кудри
И вытащилъ на берегъ съ его конемъ.
Говоритъ Дюкъ Степановичъ:
«Ой ты, ой еси старъ-казакъ Илья Муромецъ!
Что я нынчи надъ Чурилой стану дѣлати?»
210. Говоритъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Во первой то вины его Богъ простилъ,
Во второй вины ты прости.—
Чурило былъ роду заплывчива:
«Давай ударимся еще о великъ закладъ?»
215. Поручилися о Чурилѣ князья и бояры,
А о Дюкѣ старъ-казакъ Илья Муромецъ.
Пошелъ Чурило млады Пленковичъ,
Во тѣ во лавочки торговыя,
Купить чернилъ на пятьсотъ рублей
220. И бумаги на тысячу,

- Собрали писарей и пошли описывать животы.
Писали, писали, описали бумагу, чернила,
Поѣжжаютъ они во Нижню Малу Галичу
И видятъ, что будто огонь горитъ,
225. А это Дюковъ высокъ теремъ стоитъ, лучи мечетъ.
Ходитъ у крута крыльца работница,
Слѣзаваютъ они со добрыхъ коней
И работницѣ низко кланяются:
«Здравствуй ты, Омельфа Тимофеевна!»
230. Говоритъ имъ работница:
— Я не Омельфа Тимофеевна, я ее служаночка,
Омельфа Тимофеевна во божьей церкви;
Когда она пойдетъ изъ божьей церкви,
Впереди ее идутъ сукно стелѣть,
235. Позади трубу вертятъ,
Подлѣ бокъ идутъ куфарочки,
На ней платъе не погнется.—
Заходятъ эти писаря въ высокъ теремъ,
Затимъ повелъ ихъ Дюкъ на конюшенъ дворъ,
240. Писать заводы лошадиные.
Писали они заводы лошадиные,
Издержали бумаги на пятьсотъ рублей, чернилъ на
тысечу;
Заходили они тогда да во высокъ теремъ,
Принесли имъ братынечку позолочену,
245. А у ней, братынечки, семьдесятъ семь рожковъ,
Изъ каждаго рожка бѣжатъ напитки разные.
Не могли ей дать цѣны оцѣнщики.
Говоритъ тогда Омельфа Тимофеевна:
«Заложить пуцай солнышко Владимиръ-князь
стольной Кіевъ градъ
250. И тогда пріѣдетъ животы мои описывать».
Возвратились тогда писаря и оцѣнщики въ стольной
Кіевъ-градъ;
Говоритъ тогда Ильѣ Муромцу Дюкъ Степановичъ:
«Что я буду надъ Чурилою теперь дѣлати?»
— Ой ты, ой еси Дюкъ Степановичъ!
255. Пусть онъ будетъ меньшей братъ, а ты старшой,
А впредъ не хвастаетъ.—

25.

Чурило и невѣрная жена.

- Ай выпадала пороха снѣгу бѣлого,
И не во пору порошиця, не во время,
Ай да середи лѣта о Петрова дни.
А по той порохѣ снѣгу бѣлоей,
5. А не бѣлинькой-то заюшко проскакиваль,
А не сѣръ-горносталь ту' пропрядываль,
Ко тому е ко двору, ко Перматину,
Да проскакиваль тутъ да ко круту крыльчу.
Онъ заскакиваль-ле тутъ да на круто крыльчо,
10. Онъ стучить-де ка' громить да въ золото кольцо.
Ай услыхала Перматина молода жона,
Во той-ле ка' она да во теплой лѣжни,
Ай выходила-де она да ' занню горничу,
Да изъ занней-то горничу въ новы сѣни,
15. Приходила ко дверямъ нонь ко широкиимъ,
Отворила она ворота, двери на пету,
А брала она Чурило за бѣлы руки,
Чѣловала его въ уста ищѣ сахарныя,
Да вела она Чурило по новымъ сѣнямъ,
20. Ихъ новыхъ-то сѣней да въ занню горничу,
Да изъ занней-то горничу въ теплу лѣжню.
Ай кабы зажилъ тутъ Чурило по домашному:
Онъ рукавоцьки-перстяноцьки кладѣтъ ище,
Онъ кладѣтъ ихъ ище да онъ на грядочьку,
25. Онъ пуховъ-ле кошацькѣ вѣситъ на спичку-же,
Онъ зелѣнь кафтанъ вѣшатъ на грядочьку,
Ай сапожки кладѣтъ ноньце подъ лавочьку,
Самъ ложилса нонь Чурило на кроваточьку.
Услыхала у Перматы нонь служаночька,
30. Кабы та-де нонь дѣвушка-чернавушка,
Говорить ноньце дѣвушка-чернавушка:
«Я пойду-ле Перматы сыну Иванову
Какъ ушолъ нонь Пермата да во божью церковь».
Говорить тутъ Чурило блады Пленковичъ:
35. — Ожъ ты ой есь ты дѣвушка-чернавушка!
Ты не сказывай Перматы сыну Иванову,

- Я куплю тибѣ платоцикѣ на головушку,
Заплачу я за платоцикѣ нонѣ пети рублей.—
Ужѣ на то нонѣце дѣвка не здавайтце:
40. «Эй, я скажу-де Пермьтѣ сыну Иванову».
Говоритѣ на то Чурило млады Пленковичѣ:
— Ёжѣ ты ой еси дѣвушка-черनावушка!
Ты не сказывай Пермьтѣ сыну Иванову,
Я куплю тибѣ въ косу да нонѣце лентоцьку,
45. Заплачу нонѣце за лентоцьку десети рублей.—
Какѣ на то нонѣце дѣвка не здавайтце:
«Я пойду-де-бы нонѣ да во Божью церковь,
Я скажу-де Пермьтѣ сыну Иванову».
Говоритѣ на то Чурило млады Пленковичѣ:
50. — Ёжѣ ты ой еси дѣвушка-черनावушка!
Ты не сказывай Пермьтѣ сыну Иванову,
Я куплю тибѣ нонѣце шубеецьку,
Заплачу я за шубейку двадцетѣ пять рублей.—
Ужѣ на то ище дѣвка не здавайтце.
55. Побѣжала она ка' дѣвушка, надѣрнулася,
Прибѣжала она скоро въ Божью церкву,
Тамѣ какѣ служатѣ нонѣ обѣдню воскресеньскую,
Подходила къ Пермьтѣ сыну Иванову,
Говоритѣ тутѣ дѣвушка черनावушка:
60. «Ужѣ ты ой еси Пермьта да сынѣ Ивановичѣ!
Заскочилѣ-де конѣ въ твои да въ зелены сады,
Ёнѣ какѣ вытопталѣ твои всѣ зелены сады».
Ожѣ на то былѣ Пермьта да былѣ догадливой,
Онѣ какѣ скоро пошолѣ нонѣ изѣ Божьей церкви,
65. Онѣ какѣ скоро-бы идѣтъ да къ широку двору,
Онѣ да скоро заходитѣ да на круто крыльцо,
Онѣ и скоро идѣтъ да по новымѣ сѣнямѣ,
Изѣ новыхѣ-то-ле сѣней да въ занню горницу,
Какѣ изѣ занней-то онѣ горничѣ во теплу лёжню,
70. Какѣ увидѣлѣ онѣ Чурила млады Пленковича,
Какѣ живѣтъ тутѣ у него Чурило по домашнему.
Говоритѣ тутѣ Пермьта да сынѣ Ивановичѣ:
«Кабы прежде тебѣ да было сказано,
Ужѣ доселѣ тибѣ было ище наказано,
75. Не ходи ты въ мои да въ зелены сады,
Не топчи ты мою да шолкову траву».

- Говорить на то Чурило да блады Пленковичъ:
— Ужъ я эки-ти ли рѣчи не слыхалъ у тя.—
Ой какъ тутъ-ле Пермята да сынъ Ивановичъ,
80. Онъ схватилъ ноньце Чурила за черны кудри,
Онъ тащилъ его-бы скоро да вонъ на улицу,
Онъ вытаскивалъ-бы скоро на круто крыльцо,
Да бросалъ онъ Чурила со крута крыльця,
Ужъ какъ тутъ ноньце Чурилѣ смерть случилось.
85. Ёнъ заходитъ Пермята да во теплу лежню,
Говорить его-ле нонъ да молода жона:
«Не зайдѣтъ боле другижды красно солнышко».
Ёнъ схваталъ ей, Пермята, да зачерны кудри,
Онъ вытаскивалъ ей скоро вонъ на улицу,
90. Какъ спускался-бы онъ да со крута крыльця,
На одну ногу ступилъ ей, другу оторвалъ,
Кабы бросилъ онъ ей да во чисто полѣ,
Тамъ чернымъ-де воронамъ да на воскурканьё
Онъ сѣрымъ-де ка' волкамъ да на ростарзаньё,
95. Ужъ какъ синему-ле морю на утишеньё,
Кабы намъ всѣмъ, молодцамъ, на послыханьё,
Кабы старымъ-ле старухамъ на долгой вѣкъ.

26.

„Маево“ побоище.

- А и бѣжала калика перехожая,
А отъ того отъ моря отъ студеного,
Алатыря-камешка, Алатыря.
Она по три дни бѣжить, по три ночи,
5. Не пиваючи бѣжить, не ѣдаючи.
Прибѣгала ко маткѣ Елесей рѣки,
Захотѣла калика тутъ попить и поисъ,
Она попить-поисъ и тутъ огня добыть,
Огня добыть, платье повесушить.
10. Не юспѣла калика опочиниться,
Накатается вдругъ туча тѣмная,
А бы тѣмна туча, туча грозная—
Навалилося ёрда невѣрная,

- Прибѣгала собака—Кудреванко-царь;
15. Онъ со тимъ со зетемъ, со Киршикомъ,
Онъ со тимъ со сыномъ со Миршикомъ.
У его, собаки, силы множество,
Прибѣгала ко маткѣ Елесей рѣки.
Онъ мосты мостилъ тутъ калиновы,
20. Перекладины кладетъ все дубовыя,
Переносится, собака, перевозится,
Черезъ ту-де матушку Елесей рѣку.
Становился на поле Куликово,
Заставливалъ шатры онъ чернобѣрхатны;
25. Ётъ того-де отъ пару лошадиного,
Отъ того, ётъ духу человѣческа,
А и поблѣкло красно солнышко,
Помертвѣлъ батюшко свѣтѣлъ мѣсецъ,
А и потерялися-ле тутъ да звѣзды частыя,
30. Звѣзды частыя, да зори ясныя.
А и ёго ле у собаки силы множество,
По праву его руку сорокъ тысячей,
По лѣву-ту руку сорокъ тысячей,
Переди собаки сорокъ тысячей,
35. Позади его да числа-смѣту нѣтъ.
Онъ кабы самъ ёнъ, собака, заговоршыкъ злой,
Ёнъ кабы сталъ по силы поѣзживатьъ,
Кабы сталъ онъ силу заговаривать:
Не брала чтобы силу сабля вострая,
40. Не ломила бы палица буѣвая,
Не кололо-бы копейцо бурзомѣцкое.
Онъ какъ ѣздилъ по силы да трои суточки,
Онъ какъ бы всю силу заговаривалъ;
Пріѣзжать тогда-де ёнъ да во чернѡй шатѣрь,
45. Во чернѡй шатѣрь да чернобѣрхатной;
Онъ садился тогда да на ремещать стулъ,
Бралъ чернила тогда да со гумагою,
Онъ писалъ тутъ ерлыкъ, скору грамоту,
Онъ писалъ-де нонѣ да въ стольный Кіевъ-градъ,
50. Ко тому ко князю, ко Владимиру;
Онъ просилъ у князя виноватого,
Виноватого да поединщика.
Написалъ ёнъ ерлыкъ, ой скору грамоту,

- Онъ говоритъ, собака, Кудреванко царь,
55. Говорилъ онъ своей силы арміи:
«Изъ васъ бываль-ли кто на святой Руси?
А по руському кто говариваль,
По нѣмецькому протолмачиваль?»
Приходило тутъ Тугарище поганое,
60. Говоритъ Тугарище поганое:
— Я бываль-де смала на святой Руси,
А маленько я по руському говариваль,
По нѣмецькому протолмачиваль.—
А кабы это нонѣ Тугарище поганое,
65. Голова Югарища нонѣ пивной котель,
Кабы юшища да царски блюдища,
Кабы глазища да сильны чашища,
Кабы ручища да сильны граблища,
Кабы ножища да сильны кичинища,
70. Вышину-де самъ какъ трюхъ сажень,
Шириной Югарище—коса сажень,
Коса сажень да нонѣ печатная.
Кабы это калика все увидѣла,
Она все калика услышала,
75. А её оттуль—опять впередъ пошла;
А идетъ калика въ стольный Кіевъ градъ,
Приходила калика въ стольный Кіевъ градъ,
Ужъ ко той ко гринѣ княженевской;
Какъ становилась подъ окошечко косящато,
80. Какъ на то на мѣсто на калическо;
Какъ просить тутъ милостыню ради Христа,
Какъ крычить она зычнымъ голосомъ.
А какъ въ ту пору было, о то время,
У того у князя, у Владимера,
85. Погодился удалой доброй молодець,
Кабы старъ-казакъ, да Илья Муромецъ.
Онъ глядѣль-де старъ да вонъ на юлицу,
Кабы въ ту околеньку хрустальную,
Увидалъ калику перехожую.
90. Говоритъ тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ужъ ты ой еси солнышко, Владимиръ-князь,
Ты пойди скоренько вонъ на юлицу,
Ты на юлицу, да на круто крыльцо,

- Ты зови калику перехожую,
95. Ты зови калику, низко кланейся,
Кабы эта калика да не плоха была». Ужъ и тутъ бы князь скоро не ослышался,
Побѣжалъ онъ скоро вонъ на улицу,
Выбѣгалъ-де скоро на круто крыльцо,
100. Онъ спускался скоро со крута крыльца,
Кабы тутъ каликѣ да низко кланялся,
Говорилъ тутъ князь ей таково слово:
«Ты пожалуй-ко калика перехожая,
Ты ко мнѣ ко князю ко Владимиру,
105. Ужъ во ту во гриню княженевскую,
Ище хлѣба ись, да перевару пить,
А затимъ у меня, у князя, чего Богъ послалъ». Кабы скоро тутъ калика нонъ идетъ ище,
Какъ во ту во гриню княженевскую,
110. Заходила тутъ во гриню княженевскую,
Она Богу-ту нонъче молилася,
Кабы крестъ кладетъ все по писаному,
А поклонъ кладетъ все по ученому,
А молитву творить полну Сусову,
115. На вси стороны калика покланяется,
Какъ князю со княгиной на особицу.
Говорить тутъ старой таково слово:
«Приходи-де ты калика перехожая». И говоритъ тутъ старой таково слово:
120. «Ужъ ты ой есь солнышко Владимиръ-князь!
Ты сади нончи калику за дубовой столъ,
И попить и поись, нонъ покушати». На то нонъче князь да не ослышался.
Какъ становятъ бы нонъ скоро дубовой столъ,
125. Какъ на столъ бы носить всяки кушанья.
И говоритъ тутъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ты садись-ко калика за дубовой столъ,
Кабы хлѣба ись, да перевару пить,
А затимъ отъ князя чего Богъ послалъ». 130. А и бы тутъ нонъче калика перехожая,
Какъ садится скоро за дубовой столъ,
Попить-поись, хлѣба покушати.
А бы садилось калика перехожая,

- Кабы пить да исъ, хлѣба кушати.
135. А и какъ пила-де, ѣла она до́ сыта,
А ходила скоро изъ за стола еще,
А изъ стола-де скоро да дубового,
Кабы Богу ту помолилося,
На вси стороны она поклонилосе,
140. И какъ спасибо она нонь дала ище,
А садилосе на лавочку брусчатую.
Ужъ какъ подходить удалой доброй молодець,
Кабы старъ-казакъ, нонь Илья Муромецъ,
Ёнъ бы сталъ ю ей нонь все выпрашивать,
145. Ёнъ бы сталъ у ей все выпытывать:
«Ты откуль-же калика перехожая,
Ты откуль идешь, куда путь держишь?
Ты чего, дорогой шла, нонь видѣла,
Ты чего, дорогой шла, нонь слышала?»
150. Ужъ какъ тутъ ему калика нонь отвѣтъ держить:
— Я иду калика перехожая,
Отъ того-де отъ моря, отъ студеного,
Съ Алатыря-камешка, отъ Латыря;
Я бѣжала калика перехожая,
155. Я бы по три дни бѣжала, по три ночи,
Не пиваючи бѣжала, не ѣдаючи,
Прибѣжала я ко матки Елесей рѣки,
Захотѣла тутъ калика нонь попить-поисъ,
И попить-поисъ, да тутъ огня добыть,
160. Ужъ огня добыть, платье повисушить.
Не юспѣла я, калика, опочиниться
Накатилосе вдругъ тутъ туча темная,
А темна туча, туча грозная,
Навалилося бы тутъ орда невѣрная,
165. Прибѣгалъ тутъ собака Кудреванко царь,
Прибѣгалъ ко матки Елесей рѣки;
Онъ какъ чрезъ ту-де Елесей рѣку,
Онъ мосты мостилъ все калиновы,
Перекладыны кладетъ да все дубовые.
170. Переноситце собака перевозитце,
Черезъ ту-де ноньче матку Елесей рѣку;
Становился на поле Куликово,
Заставливалъ шатры онъ чернобѣрхатны.

- У его-ле у собаки силы множество:
175. По праву руку сорокъ тысячей,
По лѣву руку сорокъ тысячей,
Переди собаки сорокъ тысячей,
Позади его да числа-смѣту нѣтъ;
Отъ того-ле отъ пару лошадиного,
180. Ётъ того, ётъ духу человѣческа,
Ой поблѣкло красно солнышко,
Помертвѣлъ батюшко свѣтель мѣсець.
И какъ сталъ онъ, собака, по силы поѣжживать,
Кабы сталъ онъ силу заговаривать,
185. Не брала чтобы силу сабля вострая,
Не ломила бы палица буювая,
Не кололо-бы копейцо бурзомецкое;
Онъ какъ ѣздилъ по силы да трои суточки,
Пріѣжжать тогда-де онъ во черной шатеръ,
190. Во черной шатеръ, да чернобѣрхатной,
Онъ садился тогда да на ремещать стуль,
Бралъ чернильницу онъ да съ гумагою,
Онъ писалъ тутъ ерлыкъ, скору грамоту,
Онъ писалъ-де нонче въ стольной Кіевъ-градъ,
195. Ко Владимиру ко князю, ко солнышку,
Онъ просилъ у князя виноватого,
Виноватого да поединщика.
Написалъ ерлыкъ онъ, скору грамоту,
Говорить-де собака Кудреванко-царь,
200. Говорить онъ своей силы-арміи:
«Изъ васъ бывалъ-ле кто на святой Руси?
А по руському кто говаривалъ,
По нѣмецкому протолмачивалъ?»
Приходило тутъ Тугарище поганое,
205. Говорило Тугарище поганое:
— Я бывалъ-де смала на святой Руси,
И маленько-де по руському говаривалъ,
По нѣмецкому протолмачивалъ.—
А у этого Тугарища поганого,
210. Голова Тугарища съ пивной котель,
А юшища да царски блюдища,
А глазища да сильны чашища,
Какъ ручища да сильны граблища,

- Какъ ножища да сильны кичинища,
215. Вышиной Тугарище, онъ трюхъ сажонъ
Шириной Югарище коса сажень,
Коса сажень да нонъ печатная.
Кабы все ёна имъ рассказала-же,
Кабы все ёно имъ развѣдала,
220. Ище тутъ нонъ калика стала прощатися,
Какъ бы тутъ калика опять впередъ пошла.
А кабы немного время миновалосе,
Ужъ немного время прокатилосе,
Приѣзжаетъ Идолище поганое,
225. Ко тому ко князю, ко Владимиру,
И заходитъ онъ во гриню княженевскую.
Онъ-де Богу тутъ онъ не молитце,
Онъ кладетъ ерлыкъ на дубовой столъ
И оттуль-де онъ поворотъ даетъ.
230. Выходило Идолище вонъ на улицу,
Онъ какъ поднадывалъ своимъ плечомъ правымъ,
Какъ подъ ту подъ гриню княженевскую,
Задрожала гриня княженевская;
Тутъ уѣхалъ онъ, идолище поганое.
235. Кабы послѣ того было, послѣ этого,
Ужъ погодилсе у князя у Владимира
Кабы старъ-казакъ, да Илья Муромецъ.
Говоритъ тутъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ ты старъ-казакъ, Илья Муромецъ!»
240. Мы какъ, што мы станемъ нонче дѣлати?»
Ой говоритъ тутъ старой таково слово:
— Ужъ какъ дѣлать-то намъ пришло нечего,
Собирать видно всѣхъ русскихъ богатырей.—
Говоритъ тутъ-де солнышко Владимиръ-князь:
245. «Мы кого-же нонъ пошлемъ да за богатырьми?»
Говоритъ тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Какъ послать намъ надо за богатырьми,
Какъ того Добрынюшку Микитича:
Ой Добрыня Микитичъ роду вѣжлива,
250. Онъ-де вѣжлива роду, самъ очеслива,
Онъ умѣтъ съ богатырьми и съѣхаться,
Онъ умѣтъ съ има ище разѣхаться.—
Какъ бы тутъ нончи Добрыня скоро снаряжаются,

- Онъ и скоро, Добрыня, сподобляится,
255. Онъ пошелъ бы скоро вонъ на юлицу,
Онъ пошелъ къ своему широку двору,
Онъ уздать-сѣдлатъ своего коня доброго.
Какъ поѣхалъ Добрыня Микитичъ-братъ
Собирать всѣхъ русскихъ богатырей;
260. Онъ какъ ѣздилъ Добрыня трои сутоки,
Не пиваючи съѣздилъ, не ѣдаючи,
И здоху коню не даваючи;
Какъ приѣхалъ тутъ Добрыня въ стольной Кіевъ-градъ,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
265. И какъ собралъ всѣхъ русскихъ богатырей.
Собралися всѣ, да ѣни съѣхались,
Ужъ не много и не мало тутъ было богатырей,
Собралися всѣ ко князю ко Владимиру.
Говорятъ бы всѣ руськи богатыри:
270. «Ужъ ты ой еси старъ-казакъ Илья Муромецъ!
Ужъ мы, что мы станемъ нонѣче дѣлать?»
Говоритъ имъ старой таково слово:
— Ужъ какъ дѣлать-то-ле намъ да пришло нечего,
Надо ѣхать видно во чистое поле.—
275. И говоритъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
— Ужъ вы ой еси руськи богатыри!
Надо намъ итти во Божію церковь,
Во Божью церковь, Богу молиться,
Помолится Спасу Вседержителю,
280. А затимъ и Миколу-то святителю,
А затимъ присветой Матерь-Богородицѣ,
Ой помолится, благословится.—
Кабы тутъ робята нонѣ вонъ пошли,
Приходили всѣ робята ко добрымъ конямъ,
285. Какъ садилися робята на добрыхъ коней,
И не видѣли ихъ поѣздки богатырской,
Какъ тяжелой побѣжки лошадиной,
Только видѣли—робята вскочили,
На кони скóчили, въ стремя стúпили,—
290. Только видно въ полѣ курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ валить.
И когда ѣдутъ они по полю по чистому,
Говоритъ-бы тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:

- «Ужъ вы ой еси руськи богатыри!
295. Намъ поставить надо во чисто поле,
Во чисто поле намъ бѣлой шатерь».
Кабы они, робята, становилисе,
Ужъ поставили нонче во чисто поле,
Кабы бѣль-шатерь, да бѣлобархатной,
300. Говорить тутъ старой таково слово:
«Мы кого-же нонче оставимъ во бѣломъ шатру,
Берекчи-ле, стерекчи золоту казну,
Золоту ище казну богатырьскую?»
Говорить на то юдалой доброй молодець,
305. Кабы тотъ Олѣшинька Поповичъ братъ,
Говорить Олѣша таково слово;
— Намъ оставить надо во бѣломъ шатру,
Какъ старого казака да Илью Муромца.—
Говорить тутъ старой таково слово:
310. «Не въ умѣ-же ты, Ёлеша, слово вымолвилъ,—
Когда загромятъ нончи палицы боевые,
Забренчатъ-ле сабельки булатныя,
Не усидѣтъ мнѣ старому во бѣломъ шатру.
Намъ оставить надо во бѣломъ шатру,
315. Какъ того Добрынюшку Микитича,—
Онъ какъ ѣздилъ, собиралъ руськихъ богатырей,
Собиралъ, ѣздилъ трои сутки,
Не пиваючи ѣздилъ, не ѣдаючи
И добру коню здоху не даваючи,
320. Какъ себѣ спокою не имѣючи.»
Ой какъ оставили Добрынюшку Микитича,
Какъ выходили они изъ бѣла шатра,
И садились тогда на добрыхъ коней,
И поѣхали нонъ по полю чыстому;
325. А какъ увидѣли тутъ силу нонъ невѣрную,
Говорить тутъ старъ-казакъ Илья Муромецъ:
«Ужъ вы ой еси руськи богатыри!
Вы иной ѣдьте по праву руку,
Вы иной ѣдьте по лѣву руку,
330. Самъ я ѣду середкой, самой матицей».
Ужъ поѣхали на ту на силу на армію,
Не здоровались робята не крестовались,
Они стали палицами помахивать,

- Какъ впередъ махнуть—лежить юлица,
335. Поперекъ махнуть—переулками.
Они били тутъ, ломили трои суточки,
Не пиваючись, да не ѣдаючи,
Какъ себѣ спокою не имѣючи,
Они били тутъ-де ихъ да до одинаго.
340. Тогда собиралися робята ко бѣлу шатру,
Собиралися, да всѣ съѣхались,
Заходили всѣ робята во бѣлой шатеръ,
Говорить тутъ старъ-козакъ Илья Муромецъ:
«Нонѣ всѣ-ли пріѣхали богатыри?»
345. — У насъ нѣтъ двухъ брата Долгополые,
Лука, Матвѣй дѣти Петровскіе.—
Говорить тутъ старъ-козакъ Илья Муромецъ:
«Видно нѣту ихъ въ живыхъ нонѣ на семъ свѣтѣ».
А какъ немного время миновалось,
350. Какъ пріѣхали два брата Долгополые,
Какъ пріѣхали они ко бѣлу шатру,
Взаходили тутъ они во бѣлой шатеръ,
Говорить тутъ старой таково слово:
«Ужъ вы ой еси два брата Долгополые!
355. Не считали мы васъ живыми на семъ свѣтѣ».
Говорятъ тутъ два брата Долгополые,
Какъ Лука, Матвѣй дѣти Петровскіе:
— А бы кто насъ можетъ побѣдить нонѣче?
Кабы было золото кольцо въ землѣ,
360. Поворотили бы мы мать землю,
Какъ была бы нонѣче на небо лѣстница,
Мы пресѣкли бы всю силу небесную.—
Говорить имъ старой таково слово:
«Ужъ вы ой еси два брата Долгополые!
365. Кабы эти ваши слова богопротивные».
Не юспѣли тутъ братья попить-поискъ,
Кабы эта сила вся возстала-же:
Какъ котораго сѣкли на двое,
Изъ того-де стало нонѣче двое-же.
370. А котораго сѣкли на трое,
Изъ того-де стало нонѣче трое-же,
Кабы прибыло-же силы множество,
Кабы вдвое, втрое, нонѣчи впятеро,

- И кабы эта ноньче сила, нонь невѣрная,
375. Находити имъ стала на бѣлой шатеръ.
Кабы тутъ всѣ робята зволновалисе,
Выходили кабы они изъ бѣла шатра,
Какъ садились они скоро на добрыхъ коней;
Опять они стали по силы нонь поѣзживать,
380. Кабы стали силу нонь помахивать,
Какъ впередъ махнуть—лежить улица,
Поворотъ даютъ—переулками.
Они били, рубили шестеры суточки,
Не пиваючи, да не ѣдаючи,
385. На учасъ здоху не имѣючи;
Кабы били они ихъ до единого,
Не оставили ихъ не единого.
Тутъ тогда это стало покоище,
Кабы Маево стало побоище.

Конецъ былины былъ мнѣ рассказанъ на словахъ, такъ какъ старинщикъ больше не могъ пѣть. Когда послѣ битвы богатыри собрались въ шатеръ, то увидѣли, что опять нѣтъ двухъ братьевъ Долгополыхъ. Поѣхали искать ихъ и нашли,—они окаменѣли. Увидя это, Илья Муромецъ сказалъ: «Чѣмъ они похвалились, тѣмъ и подавились».

27.

Солóманъ Премудрый и Васька Окуловъ.

- Ай да за моремъ-ле, моремъ нонь за синѣимъ,
Ай у Васьки царя было Окулова.
И завѣлса у Васиньки почесенъ пиръ,
И на многихъ-ле князей, сѣ на бояровъ,
5. И на многихъ купцевъ, людей торговыхъ,
И на тихъ-же мѣщанъ да пригородныхъ,
И на тихъ-же кресьянъ да православныхъ;
Онъ какъ пиръ-отъ снаредилъ, Васька, пировать стали.
И кабы пиръ-отъ нонь идѣтъ ище ко вечеру,
10. Красно солнышко катитцѣ ко западу,
Ищѣ пиръ-отъ идѣтъ да о полупира,
Кнежоневская радость въ полурадости;

- Ужъ выходитъ-ле Васинька прикрасной-царь,
Онъ выходитъ на сѣреду-кирпищать-поль,
15. Онъ-же по полу-то Васинька похаживать,
Кабы съ ножиньки на ножку переступывать,
Ёнъ сапогъ-де о сапогъ да поколачивать,
Онъ берщатыми-ти скобками побрякивать,
Онъ бѣлыми-ти руками прирозмахивать,
20. Онъ злачными-ти перснями принабрякивать,
Онъ есныма-ти оцями прирозглядывать,
Онъ буйной-то головой да принакачивать,
Онъ желтыма-ти кудрями принатряхивать,
Тихо-смирную рѣць самъ выговаривать:
25. «Ужъ вы ой еси какъ всѣ люди православныя!
Ужъ вы ой еси купцы, люди торговыя!
Ужъ вы ой еси мѣщана пригородныя!
Ужъ вы всѣ вы сидите нонѣце споженены,
А за васъ всѣ красны дѣвушки повыданы,
30. Ужъ единъ-то я, Васинька, холость хожу,
Я холость, Васька, хожу, да не жонать живу,
Вы не знаите-ли хто мнѣ полюбовницу?
И не знаите-ли хто мнѣ супротивницу?
Э не знаите-ли хто мнѣ молоду жону?
35. И така-бы мнѣ была да молода жона:
И статнѣмъ была статна, да полно возрастомъ,
Волосѣмъ была руса, штѣ-бы лицомъ бѣла,
А бы рѣць у ей, говѣря тихо-смирная,
И походецька у ей штобы упавая,
40. И поглагоцька у ей была умыльная,
Што-бы было кого назвать княгиною,
Што-бы было отъ кого да князю цара пить,
На ей штобы была рубашка тонка бѣлая,
Кабы сквозь еѣ рубашку тѣло видѣти,
45. Ищѣ сквозь-бы-ле тѣло кости видѣти,
И какъ всякія суставы чоловѣчески,
Ужъ изъ кости-ле-бы въ косъ мозгъ переливаются,
Какъ скаченой-ле жемчугъ перекаатитсе». —
Ище всѣ тутъ на пиру да приумолкнули,
50. Кабы всѣ на томъ чесномъ да приудрогнули,
Ищѣ большо-ѣтъ хоронитсе за среньяго,
Ищѣ среньяй хоронитсе за меньшого,

- Ужъ отъ меньшого-де князю нонь отвѣту нѣтъ.
Изъ за того изъ за стола переньнѣго,
55. Тамъ ставаѣтъ-де удалой доброй молодець,
По прозванью-то Тороканъ да сынъ Заморянинъ,
Онъ поближешенько-то князю придвигантсе,
Понижешенько онъ князю покланяйтце,
Говорить тутъ Тороканъ да таковы слова:
60. — Ужъ ты ой еси ты солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь-ле мнѣ-ка нонь да слово вымолвить,
Не позволь-ле миня за слово головы сказнить,
Головы гдѣ сказнить, скоро повѣсити,
И не выслать миня штобы въ ссылки дальнія.—
65. Говорить на то солнышко Владимиръ-князь:
«Говори-же, Тороканъ, ты не юпадывай,
Не одинаго словецъка не ютаивай».
Говорить-же тутъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ:
— Я бы съ мала-то бывалъ да нонѣ за морѣмъ,
70. Ищѣ за морѣмъ бывалъ да я за синѣмъ,
А видалъ-де ка' за морѣмъ за синѣмъ,
У Соломона царя видалъ премудрого,
Кабы есь у его нонь молода жона,
Какъ статномъ-ле та статна, да полна возрастомъ,
75. Волосомъ-де руса, ищѣ личомъ бѣла,
У ей рѣци-де, говоря тихосмирная,
И походецька у ей была упавая,
И поглагоцька у ей была умыльная,
Хоть на ей-де рубашка тонка бѣлая,
80. Кабы сквозь ее рубашку тѣло видѣти,
Ищѣ сякія суставы чоловѣчески,
Изъ кости-ле въ кость мозгъ переливантце,
Какъ скаченной жемцюгъ перекатайтсе;
Ищѣ можно ту назвать да нонь княгиною,
85. Ищѣ можно отъ ей да князю цюру пить».
Говорить на то Васинька прикрасной царь:
«Ужъ какъ можно у жива мужа жена отнять?»
Говорить тутъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ:
— У жива мужа жена отнять—не твоя печаль,
90. Снареди-ко ты три карабля черленныя,
Ужъ со всякими товарами заморскими,
Побѣжу я какъ тогда да за синѣ морѣ.—

- Онъ даватъ-де ему да дозволенъичо.
Нагрузилъ ёнъ три карабля черленя,
95. Онъ со всякими товарами заморскими,
Побѣгать сталъ Тороканъ да за синё морё;
Кабы сходенки ёни нонъце повибрали,
Кабы якори заморьски всѣ повызнели,
Подымали тонки парусы полотнены,
100. Кабы далъ имъ Богъ нонъ тишины пособной,
Ужъ бѣжали они тутъ за синё морё,
Ко тому-де ко царю да ко Солóману.
Прибѣгали ко царю да ко Солóману,
Какъ походить Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
105. Онъ походить ко царю нонъце ко Солóману,
Онъ поносить какъ подароцьки хорошія,
Торговать штобы безденежно, безошлинно.
Какъ Солóмана-то въ домѣ не случилось,
Онъ уѣхалъ Солóманъ къ морю синёму,
110. Онъ на тихіе уѣхалъ онъ на галани,
Онъ стрѣлётъ тамъ гусей, да бѣлыхъ лебедей,
Побивати сѣрыхъ малинькихъ утянышковъ,
Ужъ крыластыхъ, пернастыхъ, перелётныхъ,
И гонять ищѣ лисичъ, да бѣлыхъ заечей.
115. Тутъ приходитъ Тороканъ къ царю къ Солóману,
Тутъ-де стрѣцаетъ-де Солóмана молода жона,
Говоритъ она-ле тутъ да таково слово:
«Приходи-же ты, пожалуй, небывалой гось!»
Отдавать онъ ей подароцьки хорошія,
120. Ищѣ самъ тутъ говоритъ да таково слово:
— Торговать што-бы-ле намъ безданно-безошлино.—
Принимать она подароцьки хорошія,
И садитъ его за столы да за дубовыя:
«И садись-ле ты удалой доброй молодець,
125. И какъ хлѣба у меня ись, да перевару пить,
А затимъ-де у меня да чего Богъ послалъ».
Онъ сядилъ Тороканъ да за дубовой столъ,
Онъ и пилъ тутъ и ѣлъ да цего Богъ послалъ;
Какъ подавать она ему да сяки кушанья,
130. Подавать она ему цяры зелена вина,
Ужъ какъ ему-то подавать, да сама-то пьётъ;
Они пили, пировали проклаждались,

- Тутъ какъ сталъ онъ походить да на черлѣнъ карабъ,
Онъ какъ тутъ еѣ зовѣтъ ѣнъ на черлѣнъ карабъ:
135. «Я у тя-де погостилъ, дакъ ты ко мнѣ пойдѣмъ,
И заѣмно погости у мня на карабли».
Онъ пошолъ-де Тороканъ да на черлѣнъ карабъ,
Онъ приходитъ ко своимъ людямъ робочимъ,
Говоритъ имъ Тороканъ да таково слово:
140. «Ужъ вы ой еси мои люди робочія!
Какъ увидите-ле съ черного вы съ карабля,
Какъ идѣтъ-ле Соломана молода жона,
Вы встрѣчайте еѣ нонъ, низко кланяйтесь;
Кабы ступить-де ѣна какъ на черлѣнъ карабъ,
145. Подавайте вы ей цару зелена вина,
На другой-же она ступень да нонъце ступить-же,
Вы другу ей подавайте нонъце цару-же,
Вы ведите ей тогда да во черлѣнъ карабъ,
Какъ зайдѣтъ она тогда да во черлѣнъ карабъ,
150. Вы здымайте тогда якори заморскія,
Вы вытегивайте сходенки дубовыя,
Подымайте тонки парусы полотнены.
Онъ зашолъ Тороканъ да во черлѣнъ карабъ,
Какъ увидѣли его люди робочія,
155. И идетъ-де скоро Соломанова молода жона,
И заходитъ-де ѣна да на черлѣнъ карабъ,
Ужъ подавають они цару зелена вина;
На другой разъ ступила на черлѣнъ карабъ,
И другу ей подавають нонъце цару-же,
160. Проводили ей-де нонъце во черлѣнъ карабъ;
Тамъ стрѣцаетъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Онъ садилъ тогда-де ей да за дубовой столъ,
И какъ пити-де ка' ись, да нонъце кушати,
И какъ всяки тутъ питъя-ѣствы наставлены,
165. Наливать ей, подавать онъ цару зелена вина,
И самъ подавать, и самъ тутъ пѣтъ;
Тутъ его-то-ле люди нонъ робочіе,
Выздымали ѣни якори заморскія,
И затегивали сходенки дубовыя,
170. Подымали тонки парусы полотнены,
Побѣжали они какъ тутъ нонъ за синѣ морѣ.
Прохватиласть тутъ нонъце Соломана молода жона,

- Выходила-де ёна да на черленъ карабъ,
Ожъ карабль-отъ бѣжитъ да среди моря,
175. Она тутъ-же какъ нонъ да звыла-сплакала:
«Ужъ ты што-же Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Ты куда-же меня везёшь нонъ за синё морё?
За себя-ле ты везешь, ле за пріятеля?»
Говоритъ тутъ Тороканъ да таково слово:
180. — Я везу тебя-ле нонъ да за пріятеля,
Я за Ваську царя ноньце Окулова,
У насъ жити-то добро, дакъ служить легко:
У насъ среды-то, пѣтничі не постують,
И великі чатверги у насъ нечѣмъ зовутъ.—
185. Прибѣгали они къ Васинькѣ Окулову,
И пошолъ тутъ Тороканъ да сынъ Заморенинъ,
Онъ ведётъ-де Солóмана молоду жону,
Кабы Васинька-то тутъ да зрадовалса-же,
Веселымъ они пиркомъ да скорой свадебкой.—
190. А пріѣхалъ тамъ Соломанъ изъ чиста поля,
Онъ навёзъ-де гусей, да бѣлыхъ лебедей,
Нагонялъ-де лисичъ, да бѣлыхъ заечей,
Онъ въ уми-то своёмъ да нонци думаетъ:
«Кабы гдѣ-же миня не встрѣцятъ да молода жона?»
195. Одолило винно ей ноньце богатство,
Забрала винно ей хворось нонъ тяжолая».
Выходила тутъ его ноньце служаноцька:
— У тя нѣту ноньце дома молодой жоны,
Прибѣгалъ Тороканъ, да онъ изъ за моря,
200. Онъ увёзъ-де твою да молоду жону.—
Говоритъ на то нонъ ищѣ Солóманъ чарь:
«Я бы не думалъ ноньце ѣхать за синё морё,
По свою-ту-ле нонъ да молоду жону,
Кабы 'сякъ миня назовётъ да «потеряй-жона».
205. Онъ какъ сталъ тутъ Солóманъ снарезатисе,
Снаредилъ 'сѣ три карабля черленія,
Онъ берётъ ноньце людей ноньце робоціихъ,
Онъ берётъ съ собою дружину всё хоробрую,
Хоробру-де дружину, заговорную,
210. Побѣждалъ тутъ Солóманъ за синё морё;
Прибѣгалъ-да ка' за морё за синёе,
Онъ ко Васинькѣ царю ноньце Окулову,

- Какъ походить самъ единъ ноньце со карабля,
Онъ товарыщамъ своимъ ноньце наказывать:
215. «Какъ вы слушайте-же нонь да понимайте-же:
Заиграю я когда да нонь во турей рогъ,
Вы тогда, вы робята, снаряжайтесь-же;
Какъ другой разъ заиграю я во турей рогъ,
Вы сходите тогда со черного со карабля;
220. Какъ третей разъ заиграю я во турей рогъ,
И тогда меня заставляйте вы живого-же».
Онъ пошолъ тогда ' царю Васькѣ Окулову,
Онъ заходить ему во гриню кнежоневскую,
Кабы Васьки-царя дома не случилось,
225. Какъ онна сидитъ Солóманова молода жона;
Онъ немного посидѣлъ, да поздоровался,
Какъ идѣтъ ноньце Васинька прикрасной-царь,
Говоритъ тутъ Солóманъ таково слово:
«Ужъ куда-же нонь отъ него я дѣваюсь?»
230. Говоритъ на то его-же молода жона:
— Ты ложись нонь на кроватоцьку тисовую,
Я накину на тебя ноньце перинушку.—
И сама она садилась на перинушку,
Какъ зашолъ тутъ-то Васинька прикрасной-царь,
235. Говоритъ ему Солóманова молода жона:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной-царь!
Кабы былъ ноньце-ле этта нонь Солóманъ-царь,
Ужъ-бы што ноньце надъ имъ да сталъ ты дѣлати?»
— Я бы взялъ-де со спицьки саблю вострую,
240. Я срубилъ-бы ноньце прямо буйну голову.—
Соскоцила она-бы скоро со кроватоцьки,
Ужъ отдёрнула перинушку пуховую,
Тутъ лежитъ-де Солóманъ-царь премудрыя;
Ужъ хватаетъ Васька со спицьки саблю вострую,
245. Онъ срубить хочѣтъ-де прямо буйну голову;
Говоритъ-же тутъ Соломанъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной-царь!
Ужъ какъ насъ-де царей да не казнять ищѣ,
Ужъ какъ насъ-де царей да ноньце вѣшаютъ».
250. Ужъ назадъ-де повѣсилъ Васька саблю вострую,
Онъ приказывать въ полѣ сдѣлать релю высокую.
Кабы скоро его люди-робочіе релю сдѣлали,

- И пришли они, сказали Васьки Окулову,
И вести-де кабы хотятъ царя Соломана;
255. А собралось народу много множество.
Повели-де Соломана во чисто полѣ,
Говорить тутъ Соломанъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной-царь!
Ужъ какъ дай мнѣ заиграть ноньце во турей рогъ,
260. Мнѣ проститьце-ле нонь да съ гусьми, съ лебедьми». Говорить ноньце Соломанова молода жона:
— Ужъ Соломанъ-отъ, мотри, дакъ онъ хитѣрь-мудѣрь,
Онъ какъ выйдетъ своей да хитрой мудросью.—
Говорить на то Васинька прикрасной-царь:
265. «Ты играй-же нонь ищѣ Соломанъ-царь,
Ты хоть сколько играй, да сколько моцъ берѣтъ». Заигралъ во первой наконъ ноньце въ турей рогъ,
Кабы весь тутъ народъ остановилисе,
Онъ игралъ сколько надомно во турей рогъ,
270. Кабы тутъ опеть впередъ да повели его. Говорить опеть Солóманова молода жона:
«И какой еси ты Васинька прикрасной-царь!
Ты казни нынѣ Солóмана скоро-наскоро,
Не то Соломанъ выйдетъ хитросью и мудросью». 275. Говорить на то Васинька прикрасной царь:
— Ужъ ты глупая баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ-де дологъ, умъ коротинькой,
Какъ Соломанъ-отъ-ле ноньце—онъ у насъ въ рукахъ.—
И Соломанъ-отъ говоритъ ноньце таково слово:
280. «Ужъ онно-то колесо да ищѣ катитце,
А друго-то колесо да не останитсе». Говорить на то Васинька таково слово:
— Какъ сказали-де ' Солóмана—«хитѣрь-мудѣрь»,
Не нашолъ я Солóмана дицѣ-де всѣхъ:
285. Да куда-же колесо друго останитьсе
И докуль-же какъ ось да не отóтритсе?—
Говорить на то ищѣ ноньце Соломанъ царь:
«Ужъ вы ой еси люди православныя!
У кого-ле васъ, у васъ есь отчи-мáтери,
290. У кого-ле у васъ есь дѣти малыя,
Воротитесь вы назадъ да вы домой ищѣ:
У Солóмана-то смерть будѣтъ страховитая».

- А народъ-де на то да не глядятъ ищѣ;
Говоритъ ищѣ Соломанъ таково слово:
295. «Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной царь!
Ужъ ты дай мнѣ заиграть ищѣ во турей рогъ,
У меня были во чистомъ поли пріятели,
И съ има-бы мнѣ ка' нонь ищѣ проститисе».
Говоритъ на то Васинька Окуловичъ:
300. — Да ты играй-же Соломанъ царь премудрыя,
Ты играй-же сколько тебѣ хочетца.—
Говоритъ на то Соломана молода жона:
«Ты скорѣ его казни, скорѣ нонь вѣшай-же,
И Соломанъ-отъ уйдѣтъ хитросью-мудросью».
305. Говоритъ на то Васинька таково слово:
— Ужъ ты глупая баба, не разумная!
У тя волосъ-отъ дологъ—умъ коротинькой,
Онъ куда отъ насъ уидѣтъ ноньце Соломанъ царь?
А Соломанъ-отъ-ле ноньце у насъ въ рукахъ.—
310. Какъ ведутъ опеть Соломана по чисту полю,
И ведутъ ноньце ко рѣли ко высокоюй,
И ко той-де ко плахѣ ко дубовой,
Говоритъ ищѣ Соломанъ таково слово:
«Ужъ ты ой еси Васинька прикрасной царь!
315. Ты ужъ дай мнѣ-ка заиграть нонь во турей рогъ,
Мнѣ проститсѣ въ послѣднихъ съ людьми добрыма,
Мнѣ простисѣ ищѣ нонь со бѣлымъ-свѣтомъ».
Говоритъ на то-ле Васька таково слово:
— Ты играй-же-ле сколько у тя моць берѣтъ.—
320. Онъ игралъ-де Соломанъ нонь во турей рогъ,
Ожъ накрыли тутъ его да гуси-лебеди:
Набѣжала его дружинишка хоробрая,
Хоробра-де дружина, заговорная
И схватили они Васиньку царя ищѣ,
325. Какъ повѣсили-де Васиньку во петелку,
И какъ въ петелку его нонь во шолковую;
Торокана-то повѣсили нонь во петелку,
И во ту его во петелку пеньковую;
Какъ Соломана-то жону да нонь не вѣшали,
330. Онъ-де бралъ-де бы ей за жолты кудри,
Онъ бросалъ ей о матушку сыру-землю,
Ищѣ тутъ ноньце ей да смерть случилосе.

- А Соломанъ-отъ-де взялъ ей за праву руку,
На енну ногу ступилъ да другу оторвалъ,
335. Кабы бросилъ-де ей да во чисто полѣ,
Ужъ чернымъ-то воронамъ 'сѣмъ на воскурканьѣ,
Ужъ сѣрымъ-то волкамъ на востарзаньѣ,
Ищѣ синѣму морю на утишеньѣ,
Ищѣ вамъ 'сѣмъ молодцамъ да на послыханьѣ,
340. Кабы старымъ старухамъ нонъ на долгой вѣкъ.

28.

Васька Буслаевъ.

- Жилъ-то Васенька Буслаевичъ,
Жилъ во Новомъ славномъ городѣ,
Здумалъ Васинька съѣздить въ Ерусалимъ градъ.
Сталъ онъ просить у матушки благословленьица,
5. Съ буйной главы да до сырой земли.
Какъ не бѣлая береза изгибается,
Не шелковая листьѣя растилается,
Васинька матушкѣ поклоняется,
Подалъ онъ ей во первой наконъ,
10. Говорить ему матушка родимая:
«Ужъ ты ой еси чадо милое!
Негдѣ ты не бывалъ и нечѣ не видалъ».
И не давать ему благословленьица.
Падать ей Васинька во второй наконъ:
15. — Ужъ ты ой еси матушка родимая,
Честна вдова Омельфа Тимоѣевна!
Съ молоду у меня, Васьки, было бито-граблено,
На стары нни мнѣ надо душа спасти,
Душѣ спасти, грѣхи свести.—
20. Говорить ему матушка родимая:
«Много тамъ народу ѣздило,
Да назадъ въ живы не пріѣхало».
Говорить тутъ Васинька Буслаевичъ:
— Себѣ бы ты спала, себѣ видѣла.—
25. Говорить ему матушка родимая:
«Я себѣ спала, да тибѣ видѣла».
Падать ей Васинька во третій наконъ:

- Ужъ ты дашь поѣду и не дашь поѣду:
Съ молоду у меня было бито, граблено,
30. На стары нни надо душа спасти, грѣхи свести.—
Даетъ тогда ему благословеньице:
«Поѣдешъ ты по матушкѣ Волховѣ,
Есть тамъ три заставы великія:
Перва застава—живутъ мужички да Новотокмяна,
35. Бьютъ, хватаютъ они удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Не пропускаютъ не конныхъ, не пѣшихъ,
Тѣ станичники да коробичники.
Другая застава есть великая—
Субой быстѣрь, да валъ густой.
40. Третья есть застава великая—
На горахъ стоятъ Кресты Евангельски».
Сталь тутъ Васиенька снаряжаться,
Сталь Васиенька сподоблятися.
Дѣлать онъ сибѣ карабликъ чернинькой,
45. Легкой стружочикъ.
Хорошо стружекъ да изукрашенъ былъ:
Придѣлываль онъ къ караблику на мѣсто правезу
По сѣру волку рысучему,
Вмѣсто очей врѣзываль по камешку самоцвѣтному,
50. Вмѣсто рѣсницъ—по сѣду бобру осистому,
Вмѣсто бровей—по той лисицѣ по Почорской;
Хорошо-добре надцадикъ изукрашиваль,
Весѣлышка были въ надцадикѣ кленовые,
Дерѣвца были кедровые,
55. Дороги-зѣмы были шелковы,
Паруса были тонка полотнены.
Сдѣланъ былъ въ карабликѣ муравленъ чердакъ,
Построена была тамъ кроваточка слоновыхъ костей,
Слоновыхъ костей, зубья рыбьяго,
60. Исподбивана хрущатой камкой,
Исподбивана золотымъ гвоздѣмъ;
На кроваточкѣ перинушка пуховая,
На перинушкѣ подушечки шелковыя,
Наволоки на нихъ хрущатой камки,
65. Одѣяло на кровати черныхъ соболей,
А покрывка его—дорога сукна.
Сталь тутъ Васиенька снаряжаться,

- Сталъ себѣ брать дружиночку хорóбрую,
Хорóбру дружину, заговорную.
70. Во первѣхъ онъ бралъ Потаньку Хроминького,
Хроминького, да нездоровинького,
Во другѣхъ-то бралъ Никитушку высокого,
Во третьѣхъ бралъ Оому широкого.
И сталъ онъ походить на черлѣнь карабъ.
75. Далъ имъ Богъ тишины пособныя,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побѣжали по Волховѣ быстрѣ-рѣкѣ.
Прибѣгають ко первой заставѣ,
Живутъ тутъ мужички Новотокмены,
80. Хватають удалыхъ добрыхъ молодцевъ,—
Пробѣжали заставу великую.
Прибѣгають къ другой заставѣ великой,—
Ходить тутъ субой быстѣрь и валь густой.
Микитушка высокой у руля стоялъ,
85. Оома широкій околъ паруса,
Потанюшка на носу стоялъ.
Стало тутъ корабликъ помѣтывать, побрасывать,
Микитушка палъ на черлѣнь карапъ,
Оома широкій тоже палъ,
90. Потанюшка хроминькѣй поскакивать.
Пробѣжали ту заставу великую,
Прочухарились Оома и Микитушка.
Подбѣгають къ горамъ высокимъ, Крестамъ
Евангельскимъ,
Говоритъ тутъ Васинька Буслаевичъ:
95. «Есть тутъ у меня положеньице положено».
Приворотили его люди робочіе,
Пошелъ Васинька ко Крестамъ Евангельскимъ,
Помолился и исполнилъ свое положеньице,
И пошелъ—поворотъ назадъ.
100. Увидѣлъ-же Васинька: лежитъ голова человѣческа,
Онъ стросью голову поколачивалъ,
Самъ у головы спрашивалъ:
«Ой ты, ой еси голова мертвецкая!
Если ты руська глава, я тебя погребу,
105. А невѣрна глава, такъ прокляну».
Говоритъ голова руськимъ языкомъ, человѣческимъ:

- Я невѣрна глава,—я лежу по лѣву руку крестовъ,
А ты будешь лежать по праву руку.—
Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:
110. «Ты сибѣ бы спала, да сибѣ видѣла».
Говорить голова человѣческа:
— Я сибѣ спала, да Васькѣ видѣла.—
Плюнулъ Васька ей, да оттуль прочь пошелъ.
Приходитъ онъ на черлѣнь корабль,
115. Побѣжали впередъ въ Ерусалимъ градъ.
Далъ имъ Богъ тишины пособныя,
Прибѣжали въ Ерусалимъ градъ,
Пошелъ Васинька ко гробницѣ Господней,
Положеніе обвѣщено положить.
120. Помолился онъ Господу Богу,
Забрала его жара,
Задумалъ онъ въ Ёрдань-рѣкѣ покупатися.
Говорятъ тутъ Васинькѣ Буслаеву:
«У насъ въ Ёрдань-рѣки не купаются, обливаются».
125. Не послушалъ онъ, покупался во Ёрдань-рѣки.
Затѣмъ пошелъ Васинька на черлѣнь корабль,
Убирали тутъ сходеньки дубовыя,
Якоря заморскіе и давали поворотъ назадъ.
Бѣжатъ по матушки по Волховѣ,
130. Ко горамъ высокимъ, Крестамъ Евангельскимъ,
Видитъ Васинька лежить у крестовъ сѣрь-горючъ-
камень.
- Говорить тутъ Васинька Буслаевичъ:
«Приворотимъ къ горамъ высокимъ,
Посмотримъ, какой лежитъ тутъ камешекъ».
135. Приворотили его люди рабочіе,
Васинька коло камешка похаживать,
Стросью камешекъ поколачивать,
Говорить таково слово:
«Давайте черезъ камешекъ скакать».
140. Стали напередъ глазами скакать его товарищи.
Говорить тутъ Васинька Буслаевичъ:
«Не честь-хвала напередъ глазами скакать,
Давайте лучше назадъ глазами скакать».
Стали они назадъ глазами скакать,
145. И всѣ они скочили и перескочили.

Сталь и Васинька назадъ глазами скакать,
Скочилъ назадъ глазами
И середка камешка обрюшился.
И тутъ ему смерть случилася.

29.

Пародія.

- Не у вора у Васьки у Захарова,
Не ушито было, не уѣдено,
Не баско-хóрошо было не изношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.
5. Походить Васинька на царевъ кабакъ,
Поносить шапоцьку пуховъ калпакъ,
Большими-те тюнеми онъ принахланывать,
Слѣпыми-те глазами онъ да прироспилькивать;
Приходитъ Васинька да на царевъ кабакъ,
10. Отдавать шапоцьку пуховъ калпакъ,
Просить за шапоцьку петъсотъ рублей,
А даютъ ему петъ копеечекъ.
-

30.

Стенька Разинъ.

- Ай да во славномъ-то во Казани, ой во Ястрахани,
Проявился тутъ, да просвѣтилса чужъ-незнаемъ-
человѣкъ,
Ай да баско-де, хорошо-де онъ по городу похаживаетъ,
Ай да чернobarхатной на ёмъ кафтанъ, да на
роspашоцьку доржалъ,
5. Ай да изорванцятъ-то новой кушачёкъ да по бѣлымъ
грудямъ да везалъ,
Ай да съ бурзументомъ его черна шляпа на жолтыхъ
его кудряхъ,
Ай да новобраны его перщаточки, ай да на бѣлыхъ
рукахъ держалъ,

- Ай да што зеленъ-то сафьянъ его сапожки, ай да на
рѣзвыхъ его ногахъ.
- Ай да баско-хорошо-де ёнъ по городу спохаживаётъ,
10. Ай да не штофамъ, онъ не ефицерамъ онъ не кланяйтсе,
Онъ гражданьскому-то губернатору онъ челомъ ему
не бьетъ.
- Какъ увидѣлъ его да губернаторъ со своего со крыльця,
Онъ да началь-почаль его губернаторъ зычно
спрашивати:
«Ты откуль-же, какой-же ты дѣтинушка, незнаемъ-
человѣкъ?»
15. Ой да ты казанецъ, ты-ле нонъ резаецъ, ты-ле
астраханецъ?
- А да отвѣчаетъ ему дѣтинушка, незнаёмъ-человѣкъ:
— Не казанецъ я-то, не резанецъ, я не астраханецъ,
Я со матушки-то я со Камы, Сеньки Разина сынокъ.
Ой да по утру-то ранымъ-ранёшинько хотѣлъ батько
спобывать,
20. Ой да ты умѣй тогда гостя встрѣцетъ, умѣй потчовати.—
Ай да какъ за эти-ти его словеса да посадили молодца,
Ай да што во сáди-то, во посáди, въ бѣлокаменну
тюрьму.
- Ай да што сидить-то молодечъ да не печалуютсе:
Ай да што по ютру-ту ранымъ раненько плывётъ
шлюпоцька сверху,
25. Ай да на кормы-то сидить хозяинъ, ой да Сенька
Разинъ атаманъ.

31.

Донскіе казаки.

- Вдоль по крутинькому по красному бережоцьку,
Што по жёлтому сыпучему песочку,
Туды ходили, гуляли добры молодцы,
Добры молодцы, робята—донски ка́заки,
5. Што донскія, да гребенскія, да запорожныя;
Они клели-заклинали славной-тихой Донъ:
«Ты не дай-же Богъ, Микола да на тихомъ Дону,

На тихомъ Дону середь лѣта о Перова дни да пересохнути,
Ты не дай-же Богъ, Никола во крещенскія морозы
перемёрзнути».

10. На тихомъ Дону потонуло да три карабля,
Какъ первой-отъ карабъ да съ краснымъ золотомъ,
А другой-отъ карабъ да съ чистымъ серебромъ,
А третьей-отъ карабъ да ' скатнымъ жамчюгомъ.
Мнѣ не жалко-то добру-молодцу да три карабля,
15. Только жалко-то мнѣ, молодцу, да три молодца,
Добры-молодцы, робята, да донски казаки,
Что донскіе, гребенскія, да запорожныя.

32.

Подъ городомъ подъ Архангельскомъ.

- Ай подъ городомъ было подъ Архангельскимъ,
Да тутъ за стѣной было городской,
Тутъ стояла изба-ле новая, караульная.
Во этой избѣ новой караульней,
5. Восемьсотъ-то сидѣло добрыхъ молодцовъ,
Енна дѣвушка межъ има да замѣшалася;
Во игры-то играть была она горазная,
Во игры играть, да мелки шахматы.
Она билась-то съ има да о великъ закладъ,
10. Не сти рублей билась, не о тысящи,
О трѣхъ карабляхъ билась она, о черленныхъ.
Обыграла-то она удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Обыграла три карабля черленны:
Какъ первой-отъ карабъ да съ краснымъ золотомъ,
15. Другой-отъ карабъ да съ чистымъ серебромъ,
Третьей-отъ карабъ да ' скатнымъ жамчюгомъ,
Обыграла она удалыхъ добрыхъ молодцовъ.

33.

Добрый молодецъ и разбойники.

Не путѣмъ шолъ доброй-молodeцъ не дорогой,
Приворачивалъ ко кустышку ко ракитову,

- Што подъ кустышкомъ разбойнички сидятъ, дѣлть
дѣлать,
Они дѣлть дѣлать, разбойнички, золоту казну,
5. Золоту казну, разбойнички, монастырьскую,
А того они монастыря сѣ селеньского,
Што того ищѣ Миколы всё светителя.
Ужъ прошалъ у ихъ доброй-молодецъ—имъ во товарищы,
Не примають доброго молодца во товарищи;
10. Ужъ прошалъ у ихъ доброй молодецъ таковъ паю,
Не даютъ добру молодцу таковъ паю;
Ужъ пошолъ тутъ доброй молодецъ слѣзно расплакался.

34.

Смерть Александра I-го *).

- Кабы тутъ-же было да на светой Руси,
На светой-то Руси, да въ каменной Москвы,
У Ивана-то было у Великаго,
Ю Миколы-то было у святителя,
5. Во божьей-то церкви было соборной,
Ю обѣнни-то было ю Микольской:
Тутъ ударили-же да въ большой колоколь,
Штобы слышно-то было нынѣ по всей земли,
Нынѣ по всей-то земли, по всей ярмін,
10. По любезной по нашей коновардін,
А по всимъ городамъ, нынѣ по всѣмъ селамъ,—
Нашъ приставилса какъ да благовѣрной чарь,
Благовѣрной-отъ чарь Олексанъ Павловичъ,
Онъ приставилса какъ да на синемъ мори,
15. На тёплой-де воды, на лѣтной заводи,
А на лѣтной-то тихой, на чѣрномъ карабли.

*) «Старинку» эту сѣла Ксенія Поздѣева, жена П. Р. Поздѣева.

8. Егоръ Ивановичъ Рочевъ.

Крѣпкій здоровый человѣкъ 61 года; очень гладко и складно, стариннымъ ясакомъ поетъ старины. Пѣть согласился неохотно, послѣ долгихъ упрашиваній. Кромѣ напечатанныхъ здѣсь, знаетъ старины: Дюкъ, Соломанъ и Васька Окуловъ, бой Ильи съ сыномъ. Имѣлъ я дѣло съ нимъ очень мало, спѣшно и болѣе подробныхъ свѣдѣній о немъ не имѣю.

35.

Добрыня и Маринка.

- А жила-была старушка тутъ-де старая,
Кабы были у ей ищо двѣ дѣвушки;
А пошли они-де брать да въ лѣсъ какъ ягоды,
А впередъ-отъ-де шли лѣсами тѣмными,
5. А назадъ пошли черезъ чисто-полѣ.
А идутъ-де они черезъ чисто-полѣ,
А увидѣли бѣжатъ нынѣ гнѣды туры,
А гнѣды-де туры да златорогіе.
Какъ домой тутъ пришли да эти дѣвушки,
10. Они стали старушкѣ какъ рассказывать:
«Охъ ты ой-де старушка нынѣ старая!
Мы ходили-де, брали сладки ягодки,
А назадъ-гу пошли черезъ чисто-полѣ,
А увидѣли бѣжатъ нонѣ гнѣды туры,
15. А гнѣды-де туры да златорогія;
Прежъ вѣдь бѣгало у Маринки-то девять туровъ,
Нынѣ бѣжитъ у Маринки-то десить туровъ,
А десять-отъ намъ туръ да придвигаитце,
А изъ глазъ-то бѣжатъ да горюци слѣзы».
20. Какъ на то была старушка какъ догадлива,
А хватала свою книгу волховную,
А смотрѣла, волховала въ книги волховной,
Говорить-то сама да таково слово:

- «А воровка Маринка-та лиха гроза,
25. Овернула моего блада-хресника,
А того-де Микитушку Добрынюшку».
А хватала она шубу худящую,
А накинывала она вѣдь на онно плечѣ,
Какъ хватала она ' сабой клюку-посохъ,
30. Побѣжала старушка вдоль по городу,
Съ боку на бокъ старушка раскачалосе,
А у шубы-де клинѣ разлеталисе.
Прибѣжала къ Маринкѣ нонь лихой грозы,
Заходила она да въ избу нижнюю,
35. Забивалась на печьку на муравленку,
А какъ стала въ печь клюкой поколачивать,
А сама изъ рѣщей да выговаривать:
«Охъ воровка ты, Маринка, вѣдь лиха гроза!
Ты зачѣмъ ёвернула моего хресника,
40. Ты того-же Микитушку Добрынюшку?
Отверни-косъ моего блада-хресника;
Не отвернёшь моего ище хресника,
Оверну тебя кобылой водовозной,
Какъ вѣдь стануть на весь городъ воду возить».
45. Какъ на то-же Маринка не ослышалась.
Какъ другой-де разъ печь стала поколачивать:
«Отверни-косъ моего блада-хресника,
Не отвернешь моего ище хресника,
Оверну те я сукой волочавою,
50. Какъ вѣдь стануть за тобой псы бѣгать зѣвсѣ нынь,
Какъ вѣдь тѣ-же вси псы городовыя».
Услыхала тутъ Маринка-та люта гроза,
Выходила она да на середку полъ,
Какъ вѣдь стала ' старушкой розговаривать:
55. — Я за то овернула твоего хресника,
Онъ застрѣлилъ у меня друга любимого.—
Какъ вѣдь призвали Никитушку Романова,
А какъ стали его ище допрашивать:
«Ты за цѣ-де застрѣлилъ друга любимого?»
60. Отвѣчатъ имъ Микитушка Романовичъ:
— Я вѣдь десять лѣтъ жилъ ище въ кучерахъ,
Да я тридцеть я лѣтъ сидѣлъ во писаряхъ,
Мнѣ сижаноцька эта какъ прискуцилась,

- Я какъ бралъ-де ' сабой да ище тугой лукъ,
65. Я какъ бралъ-де ' сабой да калену стрѣлу,
Я пошолъ-де съ имъ да вдоль по городу,
Я иду-ле нынъ да вдоль по городу,
Я увидялъ какъ сидятъ у ей да сизы голубы,
Я какъ сталъ стрѣлетъ да сизыхъ голубовъ,
70. Я какъ стрѣлилъ-де нынъ да сизыхъ голубовъ,
А подмѣтоцька у стрѣлочки подбилося,
Полетѣла какъ стрѣлка ниже жолоба,
Залетѣла во окошечко косявчето,
Какъ въ окошечкѣ сидѣлъ у ей любимой другъ,
75. Залетѣла-де стрѣлка въ буйну голову,
Какъ вѣдь тутъ-же ему да смерть случилася.—

36.

Данило Староильевичъ *).

- У ласкова князя у Владимира,
Кабы было пированье-столованье,
А на руськихъ на могущихъ на богатырей,
А на злыхъ паленицъ да преюдалыхъ,
5. А на тихъ на хресьянъ да православныхъ,
А на тихъ на бояръ на толстобрюхихъ;
А какъ пиръ-отъ идѣтъ у ихъ полунира,
А какъ столъ-отъ идѣтъ у ихъ полуста,
Кабы день-отъ идѣтъ у ихъ ко вечеру,
10. А бы солнышко катитсе ко западу;
Кабы всѣ-де сидятъ да на чесномъ пиру,
Кабы всѣ-де сидятъ да пьяны веселы,
Кабы всѣ-де сидятъ да веселѣшиньки,
Кабы солнышко-батюшко ' полухмеля
15. Какъ полу-де-хмеля сталъ, полуразума,
А по свѣтлой гринькѣ сталъ похаживать,
А ясныма-то оцями сталъ поваживать,
Тихо-смирную рѣчь сталъ выговаривать:

*) Эту же старину спѣлъ еще, а конецъ просто рассказалъ—Онисимъ Вокуевъ. Изъ его старины, что нѣтъ въ печатаемой, я буду приводить въ примѣчаніяхъ.

- «Вы вѣдь 'сѣ сидите у меня на чесномъ пиру,
20. Вы вѣдь 'сѣ сидите да пьяны-веселы,
Кабы всѣ сидите да веселѣшиньки,
А бы всѣ сидите у меня поженены,
А за всѣхъ за васъ красны дѣвушки повыданы,
Я единъ-то-ле князь изъ васъ холость хожу,
25. Я холость-де хожу, какъ не жонать живу;
Кабы хто-же изъ васъ мнѣ знатъ супружницу,
Кабы хто-же изъ васъ мнѣ знатъ полюбовницу,
А статнымъ-бы статну, возрастомъ полну,
Возрастомъ-бы полну, кабы личомъ бѣлу,
30. А личомъ-бы бѣлу, кабы волосомъ русу,
Кабы сквозь-де рубашку тѣло видетче,
Кабы всяки-ти суставы чоловѣчески,
Да изъ ихъ-де, изъ ихъ удалыхъ молодцовъ».
А ставаетъ удалой доброй-молодечъ,
35. А ставаетъ-де онъ да на рѣзвы ноги,
Говорить-то-ле самъ да таково слово:
«Ты позволь-ко-се, солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь-ко-ле мнѣ да слово вымолвить,
Не позволь меня сказнить, скоро повѣсити».
40. Говорить-то-ле солнышко Владимиръ-князь:
— Говори-ко, молодечъ, да не юпадывай,
Не единого словечка не ютаивай — *).
«Я вѣдь знаю тибѣ нынѣ супружницу,
Я вѣдь знаю тибѣ нынѣ полюбовницу,
45. Кабы есь-ле Данилка молода жона,
Какъ статнымъ она статна, ище возрастомъ полна,
Возрастомъ она полна, кабы личомъ бѣла,
Кабы сквозь ей рубашку тѣло видетче,
Какъ изъ кости-ле въ кость мозгъ переливайтче,
50. Акъ скаченъ-де жомчугъ перекатайтсе,
А вѣдь та-ле тибѣ нынѣ супружница,
А какъ та-же тибѣ да полюбовнича».
Говорить-то-ле солнышко Владимиръ-князь:
— А можнó-ле у жива мужа жону отнетъ?—

*) А. Вокуевъ: Такъ говори, какъ въ трубу труби».

— Есть у насъ въ чистомъ поли шатерь стоитъ,
А живетъ тутъ Данилко Староильевичъ...

55. Говорить-то Визя да сынъ Лазурьевичъ:
«Охъ ты ой еси солнышко Владимиръ-князь!
Созавемъ-ко мы Данилка да на почесень пиръ,
Подъ порогомъ ты-ле стрѣтъ да чарой винной,
Ты подашь-же ему да чару винную,
60. Ты за чарой ему да слово вымолви:
«У меня всѣмъ-то молодцамъ служба явлена,
«А тибѣ-де, Данилушко, надмѣчена:
«Тибѣ съѣздить-сходить да за синѣ морѣ,
«Тамъ за славны-ти Буяны, да славны острова,
65. «Тамъ подика-та звѣрища, тамъ по вопрыща,
«Привести-то ка' его ище не ранена,
«А не ранена привести да не кровавлена.
«Какъ оттуль-ли тамъ Данилку не прѣхати,
«Уведѣмъ мы тогда его молоду жону».
70. Посылають тутъ нынѣ князь да за Данилушкомъ,
А того-де Визю сына Лазурьева *).
Какъ походить тутъ Визя да по Данилушка,
А походить-де онъ да скоро-наскоро,
Какъ завѣтъ-де Данилка на почесень пиръ,
75. Говорить ему Данилка какъ отвѣтъ доржить:
«Впереди меня-де не звалъ на почесень пиръ,
Дле цего меня завѣтъ ищо послѣ пиру?
Не худо-ле въ уми да ище думаетъ?»
Говорить ему вѣдь нынѣ да молода жона:
80. — Ты не ходи-ко-ся, Данилушко, на почесень пиръ,
Не на добро тебя зовутъ вѣдь на остаточкахъ.—
Говорить тутъ Визя да сынъ Лазурьевичъ:
«А не велѣлъ тебя оставлять да ище солнышко».
Какъ тутъ сталъ тутъ Данилушко сряжатисе,
85. Какъ тутъ сталъ тутъ Данилушко сподоблетисе,
Унимать его, Данилка, молода жона **),
Унимать его, Данилка, крѣпко на крѣпко.
Какъ не послушалъ Данилко молоду жону,
А сряжаитце Данилко, сподобляитце,
90. Поѣзжатъ-де Данилко на добромъ кони,

*) А. В. пѣлъ: А послали ту Олешиньку Поповица.

**) А. В.: «Ты не пей-ко-ся у князи да зелена вина,
Не пропей-косъ ты, Данилко, своя разума,
Поберегись-ко ты Данилко да доброй молодець.

- А поѣхалъ Данилко на почесенъ пиръ;
Пріѣждять ко князю ко Владимиру,
А слѣзывать-де Данилко со добра коня,
А привязывать Данилко къ дубову столбу,
95. А привязывать Данилко ко мѣдну кольчу,
А заходитъ во гринюшки во столовыи,
А какъ молитча Богу, Господу Богу;
Какъ стрѣчаетъ его князь да съ чесью, съ радосью,
Какъ подтаскивать чару зелена вина,
100. Подавать ему цяру зелена вина,
Какъ оговариватця Данилко Староильичъ-блатъ:
«У кого эта цяра нынѣ въ рукахъ право,
У кого-де въ рукахъ, да нынѣ тому въ устахъ».
Какъ на то-ле-де князь да былъ лукавъ-вилавъ,
105. Отвѣчаетъ-де князь да таково слово:
— А тебѣ эта цяра нынѣ слѣдуетъ.—
Какъ берётъ тогда Данилко цяру винную,
А какъ пьетъ-то-ле ей да къ едину духу,
Говорить-то-ле князь да таково слово:
110. «У мя всѣмъ-то молодцамъ служба явлена,
А тебѣ-же, Данилушко, надмѣчена:
Кабы съѣздитъ тамъ, сходить да на Буянъ островъ,
А по дика тамъ звѣрища ище попрыща,
Привести тебѣ звѣря нынѣ не ранена,
115. А не ранена привести, не кровавлена».
Какъ отгуль-де Данилко поворотъ даётъ,
А пошоль-де Данилко вонъ на уличу,
А отвязывать своего коня доброго,
А садитця на своего коня доброго,
120. Онъ поѣхалъ ' своему нову терему,
А какъ ѣдетъ по дорожкѣ прямоѣждеей,
Какъ повѣся-то доржить да буйну голову,
Потупя-де доржить да очи ясныя,
А сидитъ его нынѣ да молода жона,
125. Какъ сидитъ она въ окошечки косявчатомъ,
А увидѣла-де ѣдетъ къ ней Данилушко,
А выскакивала на крылечушко косявцято,
А стрѣцать-де Данилка Староильевича,
А сама-де ему да слово молвила:
130. «Оже ой еси Данилушко Староильичъ-бладъ!

- Уже што-же ты ѣдѣшь не по старому,
Оже што-же ты ѣдѣшь не по прежнему,
Повѣся-де доржишь да буйну голову,
Потупя-де доржишь да оци ясныя,
135. Але мѣсто тебѣ было не по разуму,
Але цыры тебѣ да не доходили?»
Отвѣчатъ тутъ Данилко Староильичъ-бладъ:
— Охъ ты ой еси, моя да молода жона!
Миня звалъ-де-ле князь да на почесенъ пиръ,
140. Подъ порогомъ меня встрѣтили царой винной,
А какъ молвили мнѣ слово тяжелое,
А накиннули мнѣ служебку немалую,
Мнѣ вѣдь съѣздить-сходить да на Буянъ островъ,
Да по дика тамъ звѣрища, тамъ по вопрыща,
145. Привести его велятъ мнѣ-ка неранена,
А неранена велятъ, да некроавлена,
Какъ оттуль-то мнѣ живому не пріѣхати.—
Говорить-то ему да молода жона:
«Ты не слухашъ меня ище молоду жону,
150. Ты гледишь на Визю да на Лазурьева».
Какъ вѣдь сталъ тутъ Данилушко срежатися,
Какъ вѣдь сталъ тутъ Данилушко сподоблетися,
Научать его нынѣ, Данилка, молода жона:
«Ты поѣдешъ-ле нынѣ да на Буянъ островъ,
Ты возьми-ко ' сабой нынѣце шолковъ арканъ,
155. Ты возьми-ко съ собой да пудовой молотъ,
Ты возми-ко съ сабой песька безхвостого,
Ты возми-ко ' сабой суцьку тарявую,
Ты попадѣшь, бывать, да на Буянъ островъ,
Ты поѣдѣшь по острову великому,
160. Ты увидишь стоитъ да звѣря вопрыща,
Ты спусти наперѣдъ песика безхвостого, *)
Ты затѣмъ-же спусти суцьку тарявую,
А какъ пѣсикъ его станетъ кругомъ обскакивать,
Какъ вѣдь суцька-то станѣтъ его облаивать,
165. Какъ на то-де-ле звѣрь да тутъ ослышитсе,

*) А. В. пѣль: Приказала она взять шолковъ арканъ,
Приказала она взять хлѣбцы подорожныя,
Приказала она взять Бѣлку-собачку.

- Тутъ направь-ко-де нынь да свой шолковъ арканъ,
Подъѣждяй къ ему нынь да ты скорешинько,
Ты накинывай его своимъ арканомъ-же,
Ты захватывай за шею лошадиную,
170. Ты гони-ко-де тутъ да по чисту полю,
Ты вѣдь хлопай ему молотомъ вѣдь мезъ ушей,
Обуцитьце тогды звѣрь, да онъ смирѣнь будетъ,
Ты веди-де тогды его домой право». Какъ поѣхалъ тутъ Данилко ' свою сторону,
175. Какъ повѣлъ де ' сабой да звѣря вопрыща,
Какъ вѣдь ѣдѣтъ по дорожкѣ прямоѣзжеей,
Какъ ѣдѣтъ, какъ гледить да по дороженькѣ,
А какъ видить: на дороги стоитъ заѣзда,
Какъ стоятъ-де-ле видить тридцеть три молодца;
180. Кабы взято съ сабой у его тридцеть двѣ стрѣлоцки,
Онъ кладетъ эти стрѣлоцки ноньце въ тугой лукъ,
Онъ спускать эти стрѣлоцки въ этихъ молодцовъ,
Онъ убилъ вѣдь всѣхъ тридцеть два молодца,
А остался Визя изъ ихъ-де молодець,
185. Онъ на уходъ-де пошолъ, отъ его ушолъ,
Онъ запрятался край дорожки прямоѣзжеей.
Онъ-де ѣдѣтъ, Данилко, не опасайтца,
Онъ выскакивать удалой доброй молодець,
Онъ спускать ему стрѣлой ище каленоей,
190. Онъ спускать ищо ему да въ буйну голову,
Какъ вѣдь тутъ-же Данилку да смерть случилось.
Обирать Визя его ище добра коня,
Онъ поводитъ его со звѣремъ вопрыщемъ,
Пріѣзжать онъ ко князю ко Владимиру,
195. Какъ вѣдь спрашивать у его ноньце Владимиръ-князь:
«Ты откуль-ле, Визя, взялъ ныньце коня его,
Ты откуль-де ты взялъ да звѣря вопрыща?»
— Я увидѣлъ, я, стоитъ да ище доброй конь,
На дорогѣ стоитъ да прямоѣзжеей,
200. Онъ стоитъ-де со звѣремъ со всѣмъ съ вопрыщомъ,
Какъ вѣдь нѣту тутъ Данилка у его право.—
Посылать тутъ вѣдь князь да за Авдотьей нынь,
Посылать-то за Авдотьей дочь Микулисной,
Какъ походить-то Визя да сынъ Лазуревичъ,
205. Какъ пришолъ-де Визя да къ его молодой жоны:

- «А зовѣтъ-де тебя нынѣ Владимиръ-князь».
Отвѣчатъ ему Авдотья доць Микулисна:
— Охъ ты, охъ есь ты воръ-же, Визя да ты Лазурьевичъ!
Погубилъ-де ты нынѣ Данилушка,
210. Погубилъ зачѣмъ ищѣ тридцать два молодца?
У васъ не то вѣдь въ уми да было думано.
Мы сходились когда да мы съ Данилушкой,
Мы сходились когда со Староильчомъ,
А больша-де у насъ заповѣдь клажона:
215. А которой-де помрѣтъ, дакъ тутъ другой лягѣтъ.—
Какъ надѣвала платьѣ она худящее,
А хватала себѣ въ руки копейчо какъ,
Побѣжала по дорожкѣ прямоѣжжоей,
Добѣжала до Данилка Староильча,
220. Какъ вѣдь ткнула тупымъ кончѣмъ въ сыру землю,
Говорила она да таково слово:
«Не достанься я вамъ ищѣ нынѣ куркати».
Какъ вѣдь пала она грудью на востро копьѣ,
Какъ вѣдь тутъ ей ищѣ да смерть случилосе.
225. Какъ оттуль-де Визя нынѣ пошолъ ищѣ,
Какъ пошолъ онъ ко князю ко Владимиру,
Какъ пришолъ онъ ко князю ко Владимиру,
Какъ вѣдь сталъ его спрашивать Владимиръ-князь:
«Ты пошто не привѣлъ Данилкову молоду жону?»
230. — Она убѣжала по дорожкѣ прямоѣжжоей,
Какъ нашла-де Данилка Староильча,
А какъ ткнула тупымъ кончѣмъ въ сыру землю,
А какъ пала вѣдь грудью на востро копьѣ.—
Говоритъ-то тутъ солнышко Владимиръ-князь:
235. «Охъ ты ой еси Визя да сынъ Лазурьевичъ!
Погубилъ ты у меня тридцать два молодца,
Погубилъ ты у меня ищѣ Данилка-же,
Погубилъ ты его да молоду жону».
Приказалъ-де сдѣлать релю высокую,
240. Какъ повѣситъ Визю сына Лазурьева,
Какъ разстрѣлилъ его да груди бѣлыя.

Анисимъ Вокуевъ пѣлъ немного, а конецъ разсказалъ такъ:
«Пріѣхалъ Данилко ко синему морю, ко тихой заводи и запря-
талъ онъ своего коня доброго. Бѣльку спустилъ, ходитъ Бѣль-
ка колó синя моря и приманивать гусей, лебедей и малыхъ утя-

нышей и носить хозяину, а Данилко самъ подъ скрытіемъ. Тогда завидѣлъ дикой прыщъ, захотѣлъ онъ отъ собачки отбить гусей и утянышей, тогда сталъ подходить за собачкой, а Данилко направилъ арканъ, подошолъ прыщъ, Данилко изноровился и кинулъ въ него арканомъ; накинულъ, прихватилъ, привезалъ къ сыру дубу. Скакалъ, бился дикой прыщъ, не могъ сорвать шолковъ-арканъ. Тогда подобрался къ нему Данилко, сталъ привязывать ко добру-коню, и ведётъ его за своимъ добрымъ конемъ о синё-морё. А этотъ Вижа снаредилъ свой черленъ карабъ досматривать Данилу и увидалъ Вижа изъ трубы подзорной, что ведётъ Данилко дика прыща. Тогда находитъ корабъ супротивъ его, начали палить, стрѣляютъ въ Данила, а онъ натенулъ свой тугой лукъ и направилъ свою калену стрѣлу, стрѣлили на черленъ карабъ, убили онъ много людей тремя стрѣлками, а больше у его не было. Тогда Данила съ карабля застрѣлили, взяли его добра-коня и дика-прыща, и привели ко князю Владимиру. Послали опетъ Олѣшиньку Поповича по Овдотью дочь Викуличну, Олѣша ей обсказалъ, что ее хотятъ за князя взять. Она поѣхала и говорить Владимиру князю: «покажите мнѣ Данила Староильича, я посмотрю его». Приказалъ князь. Повели ее. Посмотрѣла Овдотья Данилу и всё она усмотрѣла, что не самъ собой померъ, а что побить онъ отъ рукъ человѣческихъ. Схватила востро копье, ткнула она тупымъ концемъ въ землю, на вострой конечъ сама пала бѣлой грудью своей. «Гдѣ лежитъ, говорить, бладъ-есенъ-соколъ, тутъ лежи лебедь-бѣлая—не доставайся князю Владимиру».

Присутствовавшій при разсказѣ Вокуева Г. Чупровъ сказалъ, что онъ слыхалъ, что Владиміръ услыхавъ объ этомъ сказалъ:—«Ладно говорилъ старъ-казакъ: изведите ясна сокола, не поймать бѣла лебедя».

А бывшій тутъ-же И. Булыгинъ добавилъ: «Время тибѣ Важа въ котли кипѣть». Слѣдовательно онъ слыхалъ, что Вижу въ наказаніе сварили.

Ө. Чуркина говорила, что Вижа было убѣжалъ, но его поймали, посадили на ворота и разстрѣляли кислымъ молокомъ. Она-же сдѣлала предположеніе, что Данило Староильевичъ чуть-ли былъ не сынъ «старого», какъ обычно зовутъ на Печерѣ старъ-казака Илью Муромца. Что-то вродѣ того она слыхала отъ стариковъ.

37.

Димитрей Бранской и племянники короля
Лимбала.

- Кабы было у Лимбала у короля,
А какъ было пированье, столованье,
А про руськихъ могучихъ богатырей,
А про тихъ про хресьянъ да православныхъ.
5. Кабы всѣ-де сидять да на чесномъ пиру,
Кабы всѣ-де сидять да пьяны веселы,
Кабы всѣ-де сидять да веселѣшиньки,
А сидять-де у его нынѣ два племянника,
А они-де сидять да призадумались;
10. А какъ 'сѣ-де сидять да приросхвастались:
А иной-отъ-де хвастать золотой казной,
Кабы дикоётъ хвастать молодой жоной,
Кабы умноётъ хвастать старой матерью,
Кабы мудрой-отъ хвастать добрымъ конёмъ,
15. А на то-де-ле Лимбалъ-король сидитъ нынѣ,
А сидитъ-де на лавкѣ на нихъ поглядывать,
А говоритъ-де-ле самъ да таково слово:
«Охъ вы ой еси мои ронны племянники!
Вы-де што сидите бытто призадумались?»
20. Вы-де што сидите не чимъ не хвастаите?
У васъ нѣту-ле нынѣ бутто золотой казны?
У васъ нѣту-ле нынѣ ищѣ добрыхъ коней?
Але нѣту-ле нынѣ своей удачушки?»
Отвѣчаютъ ему ронны племянники:
25. — Охъ ты ой еси, ты нашъ родной дядюшка!
Мы вѣдь вотъ чѣ сидимъ да въ уми думаёмъ:
Мы вѣдь хоцёмъ какъ ѣхать нынѣ ко Митрею,
Посмотрѣть-ле какъ хоцёмъ нынѣ Митрея,
А ужъ дай-ле ты намъ благословеньичо.—
30. Говоритъ-то Лимбалъ король Литовскій:
«Я не дамъ-ле вѣдь вамъ благословеньичо,
Вамъ вѣдь къ Митрею ѣхать нынѣ да не пошто,
Вамъ у Митрея нынѣ да дѣлать нечего:
Я не хуже васъ былъ да въ молоду пору,
35. Я тегалса со Митреемъ вѣдь тридцетъ лѣтъ,
Я не могъ унести верха у Митрея,—

- Какъ на то вѣтъ Митрей былъ хитѣрь-мудѣрь,
Какъ водою онъ ходилъ да рыбой-щукою,
По-поднебесью леталъ да яснымъ соколомъ,
40. По-подземелью ходилъ бѣлымъ горносталѣмъ,
Какъ вѣтъ черныи грязи чѣрнымъ мядвѣдѣмъ,
А дыбучи болота-ти сѣрымъ волкомъ;
Вамъ у Митрея-то нынѣ да дѣлать нечего,
Вамъ вѣдь взять-де у Митрея да нечего;
45. А больша-де у насъ съ нимъ да заповѣдь клаждона:
А штобы некоторой не на которого не находить больше,
Мы которой найдѣмъ, дакъ-по колѣнямъ ногъ,
Мы у того-де по колѣнямъ ноги отрѣзати,
Какъ другой-де найдѣтъ, дакъ глаза выкопать».
50. А отвѣчаютъ на то ему племянники:
— Охъ ты ой есь, ронной нашъ нынѣ дядюшка!
Ты вѣдь дашъ намъ пойдѣмъ, нынѣ не дашъ пойдѣмъ.—
Какъ поѣжжаютъ удалы-добры-молодцы,
Поѣжжаютъ ко Митрею ко Бранскому,
55. Какъ поѣхали ко Митрею ко Бранскому,
А поѣхали по дорожкѣ прямоѣжжеей,
Кабы ѣдутъ они да скоро наскоро.
А какъ ѣдутъ удалы-добры-молодцы,
Подѣжжаютъ ко Митрею ко Бранскому,
60. Какъ пріѣхали ко Митрею ко Бранскому,
А какъ дома-де Митрея не случилось,
Какъ привелася-то-ле дома одна служаноцька,
А случилась у Митрея дома племяннича,
Да случилса у его ище племянничѣкъ,
65. А племяденка была ищѣ шеснатцетъ лѣтъ,
А племянничѣкъ былъ да девети годовъ;
Какъ они-же-ле тутъ да испужалися,
Какъ они-же-ле тутъ да перепалисе,
Какъ испужалась его нынѣ служаноцька,
70. А бросилась она да вонъ на уличу,
А запряталась въ конюшну во дворовую.
А они стали бунтовать, всё какъ банкѣтовать,
А получше-ле стали какъ 'сабѣй какъ клась,
Тутъ его-де сидить да какъ племяденка,
75. А его-де сидить молодой племянничѣкъ,
А сидятъ-де, глядятъ они, поглядываютъ.

- Они склали-де всё да какъ нынѣ обрали,
Запрегли-де коней да ново-Митріевыхъ,
Повезли-де съ сабой да которо лучше,
80. А племяденку какъ эту нынѣ съ сабой берутъ,
А племянничка этого съ сабой берутъ;
Какъ ищѣ была Присвета-Мать-Богородича,
Да топтали ей ' ворота нынѣ, въ грязь право,
Тутъ отправились они да въ свою сторону,
85. Роспустишили тутъ у Митрея, всё розвѣяли,
Разметали всё у Митрея поло-наполо.
А на то было у Митрея у Браньского,
Какъ вѣдь были три ворона кормлѣныи,
Какъ кормлѣныи вороны, приучѣныи,
90. А для случаю-де Митрею—вѣсти сказывать;
Какъ увидѣли эти вороны кормлѣныи,
Какъ увидѣли у Митрея всю неладичку,
Полетѣли вороны да во чисто полѣ,
А искать-де-ле нынѣ да право Митрея;
95. Какъ поднелись-де они да высокохонько,
А увидѣли въ чистомъ поли стоитъ бѣль-шатѣрь;
Прилетѣли эти вороны къ бѣлу-шатру,
А садятся эти вороны на бѣль-шатѣрь,
А другой воронъ садитче нынѣ на матушку,
100. Онъ на матушку садитца на сыру-землю,
А третей воронъ садитца какъ на сырой дубъ.
Какъ прогаивать тутъ воронъ на сыромъ дубу,
А какъ сѣроетъ дубъ да раскачайтце,
А вершинами вмѣсто заплетайтце,
105. Какъ-де Митрей-де Бранской не пробудитце,
Богатырской его сонъ не упомѣститце (такъ!);
Какъ прогаивать-де воронъ нынѣ на матушкѣ,
А на матушкѣ прогаивать сырой-землѣ,
А какъ тутъ-де-ле Митрей не пробудитце,
110. Богатырской его сонъ не упомѣститце;
Какъ прогаивать-де воронъ на бѣломъ шатру,
Какъ шатѣрь весь у Митрея росколыбайтце;
Какъ топереце Митрей да пробужайтце,
Какъ выходитъ-де Митрей да изъ бѣла-шатра,
115. Какъ выходитъ-де онъ да вонъ на уличу,
А глядитъ-де онъ, смотритъ на вси стороны,

- А сидять его-де вороны кормлёныя,
Розсуждать-де-ле Митрей сталъ промежу собой:
«Винно есь у меня дома неладичка,
120. Принесли мнѣ-ка вѣсь винно не малую».
Какъ-де тутъ-де-ле Митрей нынѣ Бранскія
Заревѣль, закрычалъ да тутъ во турей рогъ,
Набѣжалъ-де его да нынѣ доброй конь,
Прибѣжалъ его конь да изъ чиста поля;
125. Какъ ималь-де своего коня доброго,
А ималь-де его да скоро-наскоро,
Онъ сажилса на его нынѣ скорешинько,
Онъ приправу себѣ бралъ да богатырскую,
Отправлялся скоре да въ свою сторону;
130. То поѣхалъ-де Митрей какъ скорешинько,
Выѣжжалъ со полей да на дороженьку,
Выѣжжалъ на дорогу прямоѣжжую,
Онъ поѣхалъ по дорогѣ прямоѣжжоей,
Замѣчать-де-ле сталъ какъ нынѣ ископытъ:
135. «А какъ ѣхали винно мнѣ да непріатели».
Подѣжжжать-де ' своему нову терему,
А гледить-де онъ, смотритъ какъ на свой-де домъ,
А какъ у дому—гледить—всё розвоёвано;
А подѣхалъ тутъ-де Митрей къ своему дому,
140. Какъ слѣзывать тутъ-ле ёнъ да со добра коня,
А завязывать къ ограды ко своей право,
Какъ пошолъ онъ по своей да нынѣ улицѣ,
А увидѣлъ Присвяту-Мать-Богородичу,
А увидѣлъ-де ей—она въ грезѣ лёжитъ;
145. А берётъ ей Присвяту-Мать-Богородичу,
Обтирать-де на ей да грезь великую,
А заносить-де ей да нынѣ въ домъ право,
Какъ стояла она нынѣ, какъ въ томъ мѣсти,
Какъ поставилъ-де ей нынѣ попрежнему,
150. А змолилса-де ей да Господу Богу:
«Присвята ты-ле Мать да Богородича!
Ты постой-ко за вѣру за великую!
А кто-ле надо мной этта нагалилса?
А кто-ле надо мной этта накуражилса?
155. Ты не выдай, Присвята-Мать-Богородича!
А вѣдь вѣрной пріѣжжалъ, нонѣ невѣрной нынѣ?»

- А послѣ того-де Митрей сталъ осматривать,
Обходилъ-де по своему дому доброму,
А затѣмъ-де пошолъ по конюшнямъ дворовымъ,
160. А нашель-де въ лѣсныхъ лежитъ служаноцька.
Вотъ нашолъ онъ свою нынѣ служаноцьку,
А какъ сталъ-де у ей ищѣ выпрашивать:
«А какъ хто-де какъ этта нынѣ былъ-ле здѣсь?»
Отвѣчатъ ему его нынѣ служаноцька:
165. — А какъ были нынѣ здѣся ищѣ два молоцца,
Я незнаю ихъ, они да нынѣ откуль право,
А незнаемы они, бутто невѣдомы,
Какъ увезли-де твою ' сабой право племянничу,
Какъ увезли-де твоего ' сабой право племянника.—
170. Какъ-ле тутъ сталъ Митрей скоро снаряжатисе,
Какъ-ле тутъ сталъ Митрей сподоблетисе,
Какъ вѣдь за има да нынѣ въ сугонъ право,
А берѣтъ съ собой приправу нынѣ всякую,
Какъ поѣхалъ тутъ-ле Митрей скоро наскоро,
175. А какъ гонитца за има ищѣ скорешинько,
Выѣзжатъ на поля ищѣ на чистыи,
А тамъ видно стоитъ ищѣ черной шатѣрь;
Подѣжжатъ-де-ле Митрей какъ близѣшинько,
У шатра-де не хто да не являйтца;
180. Какъ ставаѣтъ-де Митрей на добромъ конѣ,
Какъ спускаѣтъ своего коня доброго,
Какъ овѣртывайтце Митрей чернымъ мѣдвѣдѣмъ,
Онъ какъ сталъ у ихъ гонетъ да коней добрыхъ,
Угонилъ у ихъ коней нынѣ какъ бѣзвѣсти;
185. Прибѣгатъ-де назадъ да скоро наскоро,
Овернулса потомъ Митрей бѣлымъ горносталѣмъ,
Подбѣгатъ онъ-де къ ихному какъ поблажу,
Какъ вѣдь сталъ у воевъ да всё осматривать,
Онъ какъ всё-ле какъ сталъ у ихъ высматривать,
190. Онъ у ружей сталъ спуски зубами выколупывать,
У копѣйчей насадочки сталъ отгрызывать,
Какъ вѣдь сабельки всё да въ лѣсъ нынѣ вытаскалъ;
А потомъ-де-ле Митрей какъ поскакивать,
А подскакивать-ле Митрей какъ ' черну шатру,
195. А потомъ-де-ле Митрей сталъ заглядывать,
Подъ полу сталъ-де Митрей какъ высматривать,

- Какъ вѣтъ што-де въ шатри да ищѣ дѣбитцѣ, —
А сидятъ-де они да потѣшаютцѣ,
Какъ вѣдь въ карты-де сами какъ розыгрываютъ,
200. А его-де-ле племянничка пригорюнилась;
Какъ затѣмъ-де-ле Митрей какъ заскакивать,
А заскакивать-де Митрей нынѣ въ чѣрнѣ шатѣрь,
По шатру тутъ-де Митрей перескакивать;
Увидалъ-де его ронной племянницѣкъ,
205. Говоритъ-то-ле онъ ищѣ своей сестры:
«А сестра ты моя нынѣ родимая!
А не нашъ-ле это дедюшка поскакивать?»
Отвѣчатъ-де она ему таково слово:
— А откуль у насъ будѣтъ нынѣ дядюшка?—
210. Какъ на то-ле ёни *) да какъ удрогнули,
Какъ они-де съ того стали поглядывать,
Какъ они-де съ того стали посматривать,
Какъ сидятъ-де они ищѣ караулятъ нынѣ.
А на то былъ-де Митрей онъ лукавъ-вилавъ,
215. Онъ опеть черезъ шатѣрь опеть проскакивать,
Онъ опеть побѣжалъ да по черну шатру;
Ухватилъ одинъ удалой-доброй-молодецъ,
Ухватилъ-де онъ нынѣ свою шубу,
А накинывать его, бѣла-горносталя,
220. А какъ падатъ на свою шубу, захлупывать;
Какъ на то былъ-де Митрей какъ догадливой:
Рукавомъ-де изъ подъ шубы вонъ вычихивалъ,
А какъ выскочилъ-де онъ да вонъ на улицу,
Овернулса-де онъ да добрымъ молодцомъ.
225. А выскакивали удалы-добры-молодцы,
Какъ бросаютце ко своимъ нынѣ приправамъ какъ,
А у ружей какъ спуски расколупаны,
У копейчей насадки переѣжены,
Какъ вѣдь сабельки-те въ лѣсъ у ихъ упрятаны,
230. Имъ какъ дѣлать-то вѣдь стало да нынѣ нечего.
Какъ вѣдь тутъ-ле вѣдь Митрей право Бранскій:
«Васъ вѣдь хто же ётправилъ ко мнѣ право?
А своимъ-ле умомъ, ле ронной дядюшка?
У насъ больша-де была да заповѣдь клажена,
235. Не находить штобы вашему дядюшкѣ,

*) Племянники Лимбала-короля.

- И штобы мнѣ не находить на вашего дядюшку,—
Вы своимъ-ле умомъ да нынѣ пріѣхали,
Але дядюшка-ле васъ нынѣ ётправиль мнѣ?»
Отвѣчаютъ они ему, отвѣтъ доржатъ:
240. — Мы своимъ-де умомъ да нынѣ здумали».
Онъ схватилъ-де-ле ихъ да за черны кудри,
Онъ отрѣзывать у онного ноги рѣзвыи,
У другого глаза да живкомъ выкопаль.
«Ты безглазой неси, безногой указывай!
245. Вы вѣтъ потѣте-ко къ дяди да съ выслугой».

38.

Пародія *).

- А было у Васьки у Захарова,
Не упито было, не ухожено,
Не баско-хорошо было не уношено,
На царевъ кабакъ да было сношено.
5. Кабы Васинька Захаровъ какъ домой пришолъ,
А принесъ-де-ле онъ да зелена вина,
А какъ по полу сталъ Васька похаживать,
А сухи-де тюни да сталъ растоптывать,
А затѣмъ-де-ле сталъ да выговаривать:
10. «Ужъ вы подѣте-ко, сходите нынѣ по Васиньку,
Ужъ по Васиньку-де нынѣ по Ханавова,
Вы затимъ ищѣ сходите по Онику,
По Онисима, сходите, по Захарова,
Вы сходите по Ераку Большебородого,
15. Вы сходите по Панка да ищѣ русого».
Какъ собрались-де удалы добры молодцы,
Какъ сидѣли они, пили чѣлы суточки.

*) Васька Захаровъ и пр. имена—все Устцылемы-пропоицы, на которыхъ и составлена пародія. Н. О.

9. Григорій Ивановичъ Чупровъ.

Низкорослый, плечистый, съ копной густыхъ волосъ и густой окладистой бородой, вѣчно на сторону, вдобавокъ кривой, Григорій Ивановичъ, по уличному—„Калямичъ“, вѣчно весель, никогда не унываетъ, вѣчно шутить и смѣется, несмотря на свои полсотни лѣтъ.

Г. И. собственно сказочникъ и среди нихъ мнѣ придется поставить его на первое мѣсто по мастерству разсказа, но знаетъ онъ и нѣсколько старинъ, которыя всѣ поетъ однимъ скоморошымъ ясакомъ. Онъ много занимается извозомъ, вездѣ бывалъ, слыхалъ много старинъ, всѣ ихъ знаетъ по содержанію, да еще не въ одномъ вариантѣ; пожалуй споетъ по кусочку изъ любой изъ нихъ, но цѣликомъ знаетъ немного. Сказокъ за то знаетъ Г. И. бездну и длинныхъ и короткихъ, и серьезныхъ, и смѣшныхъ, но съ особою любовью разсказываетъ „про поповъ“. Какъ и всѣ, устьцылемы Г. И. старообрядецъ, но очень терпимъ ко всѣмъ и кой-что въ старообрядествѣ кажется ему и дико. Онъ самъ пришолъ ко мнѣ и предложилъ разсказать сказку, а потомъ уже почти каждый день ходилъ, то разсказывать, то слушать другихъ. Я взялъ его ямщикомъ, когда поѣхалъ, по снѣгу еще, на р. Пижму, и Григорій Ивановичъ оказывалъ мнѣ неопѣнимыя услуги. Всю дорогу онъ безъ всякихъ просьбъ съ моей стороны разсказывалъ сказки и это должно быть было удовольствіе и ему самому. Когда въ деревняхъ по утрамъ я, бывало, еще сплю, а онъ уже обѣгаетъ деревню, узнаетъ, кто поетъ старины, позоветъ сказателей ко мнѣ, уломаетъ, если нужно; узнаетъ, кто старинщики въ другихъ деревняхъ. Помогалъ онъ мнѣ разыскивать и рукописи и все это съ величайшей услужливостью и охотой. Григорій Ивановичъ хотя и небогатый, но хорошій хозяинъ: маленькій домикъ его стоитъ окнами на Печору и весь въ порядкѣ: крыша осмолена, дверь въ сѣни не болтается, вокругъ чистота, все при-

брано и подметено; домовитость и чистота и въ домѣ: полы и стѣны всегда чисты, кадушки и ведра окрашены, все вымыто и блестить. Но былъ и „грѣхъ“ въ жизни Г. И., этого вѣчно смѣющагося, никогда не унывающего человѣка. Въ деревнѣ рассказывали, что онъ „неладно“ жилъ съ женой... Съ новой подругой жизни Г. И. живетъ хорошо, вотъ уже 15 лѣтъ. Водки теперь Г. И. не пьетъ, а потому, вѣрно, и не дерется. Отъ первой жены у него сынъ Иванъ, 17 лѣтъ, грамотный, имѣющій большую склонность къ старообрядчеству и, чуть-ли не будущій начетчикъ. Г. И. извозничаетъ, ловить рыбу, возитъ пассажировъ, поторговываетъ немного, не отказывается вообще ни отъ чего. Онъ долго служилъ по выбору въ должности „землемѣра“, такъ какъ имѣетъ особую склонность къ выкладкамъ разнаго рода: никто лучше его не высчитаетъ число квадратныхъ верстъ въ спорномъ, имѣющемъ неправильную форму участкѣ пашни или покоса, а отъ бездѣлья онъ беретъ за разрѣшеніе диковинныхъ задачъ, удивляя этимъ чуть-ли не всю Печору. Такъ, уложивъ въ вершокъ иголки, вплотную одна къ другой, онъ высчиталъ, сколько ихъ уйдетъ въ версту, а потомъ и до любого мѣста. Желая огоршить кого нибудь, онъ спрашиваетъ: „А ты знаешь сколько уложится иголокъ до Петербурга?“ Самъ онъ это высчиталъ и назвалъ мнѣ какую-то огромную цифру въ билліардахъ, о которыхъ онъ знаетъ, изъ календаря, хотя и неграмотный.

39.

Михайло Казаринецъ.

Матвѣй-то, Лука дѣти Петровици,
Третьей-отъ Михайлушко Козаренецъ.
На родимахъ Михайлушка испортили,
Его отдали къ бабушки задворенки,
5. Да отдали къ бабушкѣ водитисе,
Да водилась съ нимъ бабка до семнадцеть лѣтъ.

- Ковда сполнилось Михайлушку семнадцети лѣтъ,
Да можоть Михайлушко конѣмъ владать,
Ищѣ можоть Михайло во сѣдлѣ сидѣть,
10. Какъ просилъ онъ у бабки благословленьицо,
Какъ сѣздить-то онъ да во чисту полю.
Давала ему бабка благословленьицо,
Посылала Михайла къ отцу къ матери,
Пошолъ какъ Михайло къ отцу къ матери,
15. Просилъ онъ, Михайло, у отца у матери,
Просилъ онъ, Михайло, благословленьицо,
Сѣздить-то онъ да во чисто полѣ,
Давають отецъ, мать благословленьицо,
Посылають Михайла да на конюшенъ дворъ;
20. Вотъ походитъ Михайло на конюшенъ дворъ,
Выводить зеребчика семи цѣпей,
Семи какъ цѣпей, да семи розвезей,
Овернулъ онъ зеребчика кругомъ себя,
Накинулъ на зеребчика руку правую,
25. Не могъ устоять конь на рѣзвыхъ ногахъ,
Ёсѣлъ тутъ зеребчикъ до подбрюхъ въ землю;
Ему ётоя лошадь не по разуму,
Не по тому какъ обычаю молодецкому.
Ёнъ выводитъ зеребчика девети цѣпей,
30. Девети онъ цѣпей, девети розвезей,
Ёвернулъ онъ зеребчика кругомъ себя,
Какъ накинулъ на жеребчика руку правую,
Не могъ устоять конь на рѣзвыхъ ногахъ,
Ёсѣлъ тутъ жеребчикъ до колѣнъ въ землю;
35. Ему ётая лошадь не по разуму,
Не по тому какъ обычью молодецкому.
Да вывелъ жеребчикъ о двѣнадцать цѣпей,
Какъ двѣнадцати цѣпей, двѣнадцати розвезей,
Овернулъ онъ жеребчика кругомъ себя,
40. Да накинулъ на жеребчика руку правую,
Не могъ устоетъ конь на рѣзвыхъ ногахъ,
Осѣлъ тутъ жеребчикъ до щетоцекъ;
Ему ётая лошадь какъ по разуму,
По тому какъ обычью молодецкому.
45. Онъ сѣдлалъ-ле, юздалъ да коня доброго,
Онъ двѣнадцать цѣпей да черезъ степь металъ,

- Онъ тринадцать подпругъ да самъ подстегиваль,
Черезъ ту какъ хребетницу лошадинную,
Вотъ не ради басы самъ, ради крѣпости,
50. Не оставилъ штобы доброй конь въ чистомъ поли;
Тутъ не видѣли поѣздки да молодецкой,
Тяжелою побѣжки да лошадиной,
Только видѣли саженье молодецкое,
Въ стремяна онъ ступилъ, да на коня скочилъ,
55. Въ стремяна онъ ступилъ—курива стоитъ,
На коня онъ скочилъ, дакъ дымъ столбомъ валить.
Какъ гонить молодець по роздольичу,
Только сивая грива ростилаитце,
Какъ хвостъ-отъ трубой да завиваитце;
60. Ёдутъ-ле въ полѣ да три тотарина,
Везутъ какъ дѣвицу да благо-красную,
Да плачѣтъ дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ-то Миколу да Богу молитце:
«Меня вынеси, Микола, да изъ невѣрной земли!»
65. Какъ первой тотаринъ да уговаривать:
— Не плачь ты, дѣвица, не печалуйся,
У меня есть, дѣвица, да чадо милое,
Возьму я тебя да за его взамужъ.—
Пуще старого дѣвица да уливаитце,
70. Во слезахъ-то Миколу да Богу молитце:
«Ты светитель Микола, да многомилостивъ!
Меня вынеси, дѣвицу, да изъ невѣрной земли».
Какъ другой-отъ тотаринъ да уговаривать:
— Ты не плачь-ко, дѣвица, да не печалуйся,
75. Я возьму какъ тебя да за себя взамужъ».—
Пуще старого дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ то Миколу да Богу молитце:
«Ты светитель Микола, да многомилостивъ!
Меня вынеси, Микола, изъ невѣрной земли».
80. Какъ третей-отъ тотаринъ да наговаривать:
— «Ты не плачь-косъ, дѣвица, да не печалуйсе,
У меня есь-ле дѣвица да сабля вострая,
Не о цюю она шею не кровавлена,
О твою её шею да окровавлю ей.—
85. Пуще старого дѣвица да уливаитце,
Во слезахъ-то Миколѣ да Богу молитца:

«Ты Микола, ты светитель, да многомилостивъ!
Меня вынеси, дѣвицу, изъ невѣрной земли».

Какъ не вѣтру полоска перенахнула,

90. Нагонишь тутъ Михайлушко Козаринецъ,

Онъ одного тотарина конемъ стопталъ,

Ёнъ другого тотарина копѣемъ скололъ,

Да и третьего тотарина саблей смахнулъ,

Онъ-де взялъ-де дѣвицу да блады-красную,

95. Взялъ-то дѣвичу себѣ да на добра коня,

Повѣзь-ле дѣвицу да изъ чиста поля,

Вотъ какъ та нонѣ дѣвича да ему сестра,

Да привѣзь онъ къ своему къ отцу, къ матери.

40.

Егорій, Катерина и Мать.

Ай поѣхалъ Егорей на службу,

Онъ на царскую, на восударску;

Своей матушкѣ да покорился,

Въ рѣзвы ножоньки да поклонился:

5. «Охъ ты матушка моя родима!

Ты напой, накорми мою княгиню,

Молодую жону Катерину».

Его матушка да сожалѣлась,

Парну баенку да истопила,

10. Сѣрь-горюцѣй-ле камень накалила,

Востры ножики да наточила,

Ожъ-бы бѣлыя груди распорола,

Изъ утробы бладея вынимала,

Вотъ во пелены да пеленала,

15. Вотъ во поесы да поесала,

Вотъ во пелены да берщятыя,

Вотъ во поесы да шелковыя,

Вотъ въ синее море бросала;

Вотъ-бы синее морѣ не примаётъ,

20. Да ко бережку-ле прижимаётъ.

Ай да ѣдетъ Егорей-отъ со службы,

Онъ со царской, со государственной,

- Его конь-отъ-ле да задыхатца,
За силименку да запинатца.
25. «У мя есь винно въ доми несчасье,
У мя есь винно въ доми нездоровье».
А прѣхалъ Егорей-отъ со службы,
Ёнъ со царской, со государственной,—
Его матушка лежить неможоть,
30. Молодая жена подъ светыма,
Малы дѣточки да сиротують.
-

41.

Небылица про льдину и карабль.

- Во стольнѣмъ во городѣ во туесѣ,
За сильнѣй стѣной было за жорновомъ,
Серьди было моря ище синѣго,
Была тутъ-де льдина нонь великая,
5. На ей былъ городовоетъ хозяинъ-отъ,
Нековды эта льдина-та не таела.
Серьди лѣта это было ё Петрова дни,
Тогда эта льдина-та растаела,
Потонулъ городовоетъ хозяинъ-отъ,
10. Да не стало во городѣ хозяина,
Да не стало во туесѣ управителя.
Роздралисе невѣски со золовками,
Тима нонь саблями все лопатами,
Тима-ле щиками все юхватами,
15. Буёвыми палицями мутовками,
Питья-ти ле ѣства они въ полонъ взяли,
Пирогы, это-ле шаньги во полонъ взяли,
Прѣсно-то молоко ёни пролили,
Прѣсно-то молоко-то на юходъ ушло.
20. Бѣжитъ какъ караблицокъ изъ за моря,
Не чёрнёной караблицокъ не кочёрненой,
Хорошо былъ карабликъ изукрашеной,
Да носъ-отъ корма да по звѣриному,
Ищѣ хоботы мецѣтъ по змѣиному,
25. На носу-ту стоитъ росматривщикъ,

- На кормы-то сидитъ ищѣ расправщицокъ,
Среди какъ караблицька распорядчицокъ:
Сѣрой-отъ волкъ стоитъ розсматривать,
Да быкъ-отъ сидитъ ищѣ приправливать,
30. Медвѣдь-отъ сидитъ распоряжайтце,
Да заюшко тутъ бицевой бѣжитъ,
Лисичка изъ за кустика выглядывать,
Какъ-бы зайка укрась, какъ бичеву сорвать.

42.

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.

- За Костринскимъ-то было славнымъ городомъ,
За Костринскими было за воротами,
Тамъ стояла-де да темна-тѣмница,
Зла-злодѣюшка да земляна тюрьма
5. И немшоная тюрьма, да непажоная;
Ворота-ти, двери были жалѣзныи,
Ободверенки-ти были укладныи,
Пробойчики были булатные,
Замочикъ-отъ былъ да ровно три-пуда,
10. Ключёкъ-отъ былъ да полтора-пуда;
А сидѣлецъ-отъ былъ да тутъ донской казакъ,
Чернышовъ Захаръ да сынъ Григорьевичъ,
Сеньки Разина былъ племянницёкъ,
Оружейной былъ онъ заговорщичёкъ,
15. Карабельнѣй былъ онъ постановщичекъ.
Во тюрьмы-то сидитъ онъ посиживать,
И во гусельцы самъ возыгрывать,
Таки рѣчи да выговаривать:
«Зла-злодѣйка ты да земляна тюрьма!
20. Ты немшоная, да непажоная,
Надѣлѣ-ле ты мнѣ досталосе?
Але на жеребью ты мнѣ повыпала?
Але изъ роду мнѣ-ка Богъ судья?»
Изъ-за галани тутъ карабъ бѣжалъ,
25. Бѣжалъ карабъ—тутъ Брюнской король,

- Ко тюрмы корабъ приворачивалъ,
У тюрмы король стоялъ выслушивалъ:
— Ой еси ты, донской казакъ,
Чернышовъ ты Захаръ Григорьевичъ!
30. Сколь служилъ ты да царю Бѣлому,
Послужи-ко мнѣ другáстольки.
Есле послужишь, дакъ я и выпущу.—
На то сидѣлецъ тутъ отвѣтъ держалъ:
«Была кабы у меня да сабля вострая,
35. Послужилъ бы я тебѣ да по бѣлой шеѣ».
-

43.

Александръ I.

- Отправлялся Олексантъ нашъ
Во Кандрокъ войско смотрѣть,
Обѣщался Олексантъ нашъ
Къ Рожеству домой прибыть,
5. Всѣ три праздничка проходятъ,
Олександра дома нѣтъ.
Его матушка родная
Слѣзно плакала объ ёмъ,
Молода жона-супруга
10. Сторевалася съ по ёмъ:
День горюетъ, ночь не спитъ,
Да всё въ окошечко гледить.
-

44.

Пожаръ въ Ярославлѣ.

- На крутой горы, да на высокой,
Испостроился да тутъ-де новъ городъ,
Краше Кіева, краше Питера,
Краше матушки славной каменной Москвы,
5. Лучше каменного-то строеньица.

- Что не пылъ въ поли воспылуитса,
Не туманъ съ моря подымается,
Еруславъ городъ загорайтса,
Ай да енны лавочки да оставаются;
10. Въ этой лавочки молодой купечъ,
Молодой купечъ, доброй молодечъ
Ёнъ ходилъ-то-ле вдоль по городу,
Ёнъ крычалъ-то-ле громкимъ голосомъ:
— Вы дружья-ле, братья, пріатели!
15. Еруславскія спобыватели!
Памогите мою горюшку,
Пособите отнять эту лавицу:
Въ этой лавицѣ дорогой товаръ,
Дорогой-ле товаръ да скатной замчугъ,
20. Вотъ скатной замчугъ, красное золото.

10. Димитрій Карповичъ Дуркинъ.

Это съ большимъ самомнѣніемъ, рѣдкимъ въ деревнѣ, высокій, ражій бородачъ 40—45 лѣтъ, очень многоглаголивый, все и вся критикующій, а себя превозносящій. Въ мой первый пріѣздъ на Печору онъ сказалъ мнѣ, что знаетъ 70 старинъ, которыя нынче превратились уже въ 40, но онъ не знаетъ и столько. Старинъ Д. слыхалъ много и, пожалуй, всѣ начнетъ какъ слѣдуетъ пѣть, а затѣмъ ужъ и поидетъ отсебятина. Мнѣ показалось, что онъ кой-что присочинялъ во время самого пѣнія: старины онъ старается пѣть какъ можно дольше и ввести какъ можно больше новыхъ эпизодовъ, чтобы его старина была не такая, какъ у всѣхъ. Д. религіозенъ, много разсуждаетъ про „божественное“; на Пасхѣ онъ, напр., не хотѣлъ мнѣ пѣть старины, потому что — грѣхъ, а послѣ Пасхи пѣлъ только по воскресеньямъ.

45.

Дунай Ивановичъ.

- Во городѣ стольномъ Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
Завелся у князя почесенъ пиръ,
На тѣхъ князей, бояръ толстобрюхихъ,
5. На дальнихъ гостей—купцей торговыхъ,
На честныхъ женъ ихнихъ, на купеческихъ,
На руськихъ могучихъ на богатырей,
На злыхъ паленицъ да преудалыхъ,
На тѣхъ мѣшчанъ да пригородныхъ,
10. Людей посадекіихъ,
На всѣхъ крестьянъ да православныхъ.
Пиръ идетъ у князя о полушира,
Столъ идетъ о полустола,
День идетъ ко вечеру,
15. Солнышко катится ко западу,
Князь-отъ сталъ да пьянешинекъ,
Пьянешинекъ, да веселешинекъ,
По полу сталъ похаживать,
Съ ноги на ногу переступывать,
20. Тихо-смирну рѣчь сталъ князь да выговаривать:
«Всѣ молодцы сидятъ у меня да поженены,
Красны дѣвушки всѣ повыданы,
Одинъ я, солнышко, холость хожу,
Холость хожу, да не женать живу,
25. Не знатъ-ли кто мнѣ полюбовницу,
Полюбовницу да супротивницу?
Мнѣ така нужна: станомъ статна,
Да полна возрастомъ,
Лицомъ бѣла, да волосомъ руса,
30. Рѣчь-говоря—тихо-смирная,
Тихо-смирная, да со умылкою».
Всѣ тогда на пиру пріумолкнули,
Большой-отъ хоронится за среннего,
А сренней за меньшаго,
35. Отъ меньшого большому отвѣту нѣтъ.

- Изъ-за того стола сереннаго,
Со той со лавки дубовой скамьи,
Вставалъ удалой доброй молодець,
По прозванью Дунай да сынъ Ивановичъ;
40. Подходилъ Дунай ко князю Владимиру,
Нижешенько князю покланяется:
— Позволишь-ли мнѣ, князь, слово вымолвить!
Не позволъ за слово казнить-повѣсить,
Але выслать меня да въ ссылки дальныя.—
45. Говорить-то солнышко Владимиръ-князь:
«Говори ты, Дунай, да не упадывай,
Ни единого словечка не утаивай —
Не будешь мной казненъ, не будешь вѣшаной,
Не будешь высланъ въ ссылки дальныя».
50. Говорить тогда Дунай сынъ Ивановичъ:
— Жилъ я за моремъ за синіимъ,
У Сѣмена царя Лиховитого,
Жилъ у него цѣлыхъ три-года.
Есть у Семена три дочери:
55. Большая—Авдотья Семеновна,
Учена она въ хитру грамоту,
Училась она ѣздить-гулять и конемъ владать,
И копьемъ шурмовать;
Втора дочь Анастасія Семеновна,
60. Учена она въ хитру грамоту,
Училась она ткать и прясть, и шелкомъ шить;
Третья—Апросинья дочь Семеновна,
Станомъ статна, полна возрастомъ,
Лицемъ бѣла, волосомъ руса,
65. Рѣчь-говоря тихо-смирная,
Тихо-смирная, со улычкою,
По полу идетъ не трехнется,
Цвѣтно платье на ней не ворохнется,
Сквозь ей рубашку тѣло видѣти,
70. А сквозь ей рубашку тѣло видѣти,
Изъ кости въ кость мозгъ переливаются,
Какъ скаченъ жомчугъ перекатаится,—
Есть кому передъ княземъ стать,
И есть кому честь воздать».
75. Владиміръ князь былъ догадливой,

- Говорить князь да таково слово:
«Ой вы гой еси мои стольнички,
Молодцы мои подносчики!
Наливайте-ко чару зелена вина,
80. Не велику не малу—полтора ведра;
Скоро подносчики не замѣшались,
Наливали чару зелена вина въ полтора ведра,
Прибавляли чашу пива хмельнаго,
Турій рогъ да меду сладкаго,
85. На закуску колачикъ бѣлъ-крупницатой
И поднесъ князь чару Дунаю Ивановичу:
«Ой ты гой еси, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Вышей-выкушай отъ меня князя Владиміра».
Беретъ Дунай чару во праву руку
90. И пьетъ чару къ единому духу.
Говоритъ тогда солнышко Владимиръ-князь:
«Съѣзди, Дунай, посватайся».
Говоритъ ему Дунай да сынъ Ивановичъ:
— Ужъ ты ой еси, солнышко Владимиръ-князь!
95. Дай мнѣ-ка двухъ товарищевъ,
Однаго Добрынюшку Микитича,
Другого Алѣшиньку Поповича.—
На то Владимиръ быть догадливой:
«Ой вы ой еси, мои стольнички, подносчики!
100. Наливайте-ко вы чару зелена вина въ полтора ведра».
На то стольнички не замѣшались,
Наливали чару зелена вина въ полтора ведра,
Подносили-то князь по чарѣ обоимъ богатырямъ.
«Съѣздите, робята, послушайтесь, посватайтесь».
105. Скоро робята сряжаются,
Скорѣ того да отправляются,
Выходили молодцы да всѣ на улицу,
Спровожали ихъ всѣ да люди добрыи,
Говоритъ-то имъ солнышко Владимиръ-князь:
110. «Ужъ вы ой еси, удалы-добры-молодцы!
Поѣжайте-ко вы да всѣ посватайтесь».
Говоритъ тогда Дунай да сынъ Ивановичъ:
— Добромъ отдадутъ—добромъ возмемъ,
А добромъ не отдадутъ, дакъ боѣмъ возмемъ,
115. Великой дракой, кроволитіемъ.—

- Садились молодцы да на добрыхъ коней,
Прощались со всима да людьми добрыми,
Не видно поѣздки молодецкой,
Не видно побѣжки лошадиной.
120. Не много время миновалось,
Не дымъ лишь въ полѣ—курива стоитъ,
Курива стоитъ, да дымъ столбомъ валитъ,
Гонять богатыри да по чисту полю.
Близко-ле, далеко-ле, скоро-ле, долго-ле,
125. Приѣзжали они въ землю во невѣрную,
Къ Семену царю да Лиховитому,
Слѣзали молодцы да со добрыхъ коней,
Привязали коней къ дубову столбу,
Вошли во гриню во столовую,
130. Отворяли во гринѣ двери на пятау,
Запирали двери крѣпко-наплотно—
Подрожжала гриня царская;
Становилися они на середка полъ,
На середка полъ проти матицы;
135. У ихъ-де тамъ Богу не молятся,
На четыре стороны поклонятся.
Встрѣчатъ ихъ Семень да Лиховитый царь,
Говоритъ-то Семень да таково слово:
«Приходи-ко, Дунай да сынъ Ивановичъ,
140. И вы удалы-добры-молодцы,
Садитесь-ко на лавочку брусовую,
Какъ васъ суда вѣтры забросили?»
Отвѣчатъ-то Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ужъ мы ѣдемъ изъ земли изъ руськоей,
145. Посланы мы отъ князя отъ Владимера,
Свататься на твоей меньшой дочери,
Афросинѣ Семеновнѣ.—
Говоритъ имъ Семень Лиховитый-царь:
«Я теперь вамъ не могу сказать—
150. У меня нѣтъ крыла въ домѣ правого,
Авдотьи дочери Семеновны;
Сами знайте, чего хотите, то и дѣлайте».
Говоритъ ему Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ты добромъ отдашь, мы добромъ возьмемъ,
155. А добромъ не отдашь, мы боёмъ возьмемъ,

- Великой дракой кроволитіемъ;
Гдѣ у тебя Афросинья дочь Семеновна?—
Говоритъ Семень да Лиховитой царь:
«Сидитъ она да въ занней горницѣ».
160. Говоритъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
— Лѣзя-ли намъ протти въ занню горницу,
Къ Афросинѣ свѣтъ-Семеновнѣ?»
Зашли они въ занню горницу,
Говоритъ Афросинья дочь Семеновна:
165. «Здравствуй, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Каки тебя сюда вѣтры забросили?»
Говоритъ Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ой ты гой еси, Афросинья дочь Семеновна!
Мы пріѣхали къ вамъ отъ того отъ князя отъ Владимира,
170. Отъ Владимира, красна солнышка,
Посланы мы тебя посвататься,
Посвататься, низко поклоняться;
Если добромъ идешъ, дакъ добромъ возьмемъ,
А добромъ нейдешъ, дакъ и боемъ возьмемъ,
175. Великой дракой кроволитіемъ,
Скроемъ домъ родительской по окошечкамъ.—
Говоритъ Афросинья дочь Семеновна:
«Ведите родителя моего батюшка».
- Пришолъ Семень Лиховитой-царь,
180. Говоритъ она отцу, Семену царю Лиховитому:
«Ужъ ты ой еси, родитель мой, отецъ батюшко!
Пріѣхали сватовшики отъ князя Владимира;
Добромъ пойду, хотятъ добромъ взять,
А добромъ не пойду, боемъ возьмутъ,—
185. Чо станемъ родитель-батюшко съ тобой дѣлати?»
Говоритъ ей родитель, Семень Лиховитой-царь:
«Сряжайся Афросинья Семеновна,
Нѣту у насъ большой сестры, Авдотьи Семеновны».
- Сряжалася Афросинья Семеновна въ платье цвѣтное,
190. Совсѣмъ они направились, направились приготавились,
Спровожаютъ отецъ съ матушкой,
Афросинью дочь Семеновну,
Садилъ Дунаю на добра коня,
Съ Семеномъ тутъ распрощались.
195. Ъдутъ молодцы да по чисту полю;

- Отѣхали отъ земли отъ невѣрные,
Завидѣли на полѣ чистомъ шатеръ стоитъ,
Стоитъ шатеръ да чернobarхотной,
Говорить тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
200. «Ужъ вы ой еси, друзья мои, братья, товарищи!
Возьмите мою красну дѣвушку
Къ себѣ на коня въ сѣдло,
А я съѣзжу самъ до черна шатра,
Что въ шатрѣ тамъ такó дѣется?»
205. Сдалъ онъ дѣвицу своимъ товарищамъ:
«Я скоро съѣзжу ко черну шатру».
Погонилъ молодецъ да по чисту полю.
Пригонилъ-де Дунай да ко черну шатру;
У шатра-то конь стоитъ къ сыру дубу завязаной,
210. Завязаной за шелковые поводы,
Насыпано пшена бѣлoярого.
Слѣзавалъ Дунай да со добра коня,
Спустилъ коня къ пшаной бѣлoяровой;
У дуба кони не поладились,
215. Разлегались кони, раскусались.
Дунай пошолъ во черной шатеръ,
Двери въ шатрѣ были заперты и заложены,
Дунаю это не поглянулося,
Очи ясные его да помутилися,
220. Бѣлы руки его да распросталися,
Рванулъ двери онъ шатровые,
Сорвались всѣ крючки-петельки,
Завидѣлъ онъ—спить паленица разметалася.
Не могъ утерпѣть тогда доброй молодецъ:
225. ,
. ,
Утѣшился удалой доброй молодецъ,—
.
- Проснулася тогда красна дѣвица,
230. Глянула на удала добра молодца:
«Просмѣшникъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Надсмѣялся надо мной да красной дѣвицей,
За это примешь судъ отъ царя и отъ Бога;
Ты засѣялъ мнѣ, можетъ, три отрока,—
235. Куда топерь я дѣваюсь?»

- Говорить Дунай сынъ Ивановичъ:
— Ужъ ты ой еси, Авдотья дочь Семеновна!
Повезу я тебя да въ стольной Кіевъ-градъ;
Мы были у твоего батюшки родителя,
240. Посланы отъ князя отъ Владимира,
Свататься на твоей сестрѣ Афросинѣ Семеновнѣ;
Сосватались мы и веземъ ее до князя Владимира». Авдотья тутъ загорюнилась,
Промежъ себя она взгоревалася, призадумалась,
245. Что попала она во несчастьицо.
Какъ Авдотѣ да дѣлать нечего,
Поѣхала она съ Дунаемъ въ стольной Кіевъ-градъ.
Не могли настичъ на полѣ на чистомъ добрыхъ
молодцовъ,
- Пріѣзжали ко граду ко Кіеву,
250. Пріѣхали въ стольный Кіевъ-градъ,
У князя пиръ идетъ да больше старого.
Заходитъ Дунай во гриню во столовую,
Заводитъ Авдотью дочь Семеновну,
Завидѣлъ солнышко Владимиръ князь,
255. Топеря стали они свадьбу дѣлать:
Старого казака сталъ князь ставить тысяцкимъ,
Дуная Ивановича сталъ—дружкою,
Добрыню Микитича другою,
Скопина Михайла Ивановича бережателемъ.
260. Собрали поповъ, отцевъ духовныхъ,
Весь чинъ церковной,
Повѣнчали князя Владимира.
Женить стали Дунай сынъ Ивановича:
Князя поставили тысяцкимъ,
265. Старого казака бережателемъ,
Добрыню—большой дружкою,
Олѣшу меньшей дружкою,
Повѣнчали Дуная сынъ Ивановича.
Со той со радости великой
270. Завелся пиръ да больше старого;
Пировали столовали много времени,
Напился Дунай до пьянешинька,
Во хмелю-то онъ, дѣтина, несуразенъ былъ,
Изъ рѣчей дѣтина вышибается,

275. Худыма словами онъ да похваляется:
«Охъ ты бледь, Авдотья дочь Семеновна!»
Говорить Авдотья дочь Семеновна:
— Кабы я была въ домъ батюшка родителя,
Я бы съѣздила по твоей шеѣ бѣлой саблей вострою,
280. А топеръ ты надо мной изгиляишся,
Изгиляишся, да искитаишся,
Надо мной надъ красной дѣвицей ломанишся.—
Тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Схватилъ Авдотью за русы косы.
285. Говорить Авдотья дочь Семеновна:
«Ужъ ты ой еси, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Не хватай меня за русы косы,
Я слышу по себѣ—нынѣ беременна,
И засѣяны во моей утробѣ два отрока».
290. Тутъ взялъ Дунай Авдотью выше буйной главы,
Бросилъ ей да о кирпичатъ полъ,
Тутъ Авдотьѣ смерть случилось.
Съ той со ярости съ великой,
Вынималъ онъ чинжалище булатенъ ножъ,
295. Распоролъ у Авдотьи животъ и груди бѣлые,
А когда завидѣлъ во чревѣ двухъ отроковъ,
Не могъ стерпѣть тогда онъ этого,
Разрѣзалъ свои груди былые,
Тутъ Дунаю и смерть случилася.

46.

Фатенко.

- А во городи было да стольнѣмъ Кіевѣ,
А у ласкова князя да у Владимира,
Ужъ завелса у князя нонѣ почесенъ пиръ.
А и пиръ-отъ идѣтъ да о полупира,
5. Але столь-отъ идѣтъ да о полустола,
А Владимиръ князь ходитъ нонѣ въ полухмеля.
Кабы всѣ тутъ на пиру да напивалисе,
Кабы всѣ тутъ на пиру да наѣдалисе,
Кабы всѣ-де сидятъ да пьяны веселы;

10. А за тѣмъ-де столомъ да за середнімъ,
А сидѣли-де у князя на чесномъ пиру,
Кабы двѣ-де вдовы право купчѣвыи,
А сидѣли эти вдовы право поблизу,
Але поблизу сидѣли, да право порядку,
15. При веселой они право при публикѣ,
А одна-де съ другой да розговоръ вели,
Говорила-то Овдотья Блудова-вдова:
«Ужъ ты ой еси, Марина Чусова-вдова!
У меня-ле какъ есь, да сынъ Фатѣнушко,
20. А у тя-то-ле есь да дочи Аннушка—
Ужъ не можно-ле какъ право посвататься?
А посвататься нонь, низко поклоняться?
А не можно-ле какъ да ихъ вмѣстяхъ свести?
А вмѣстяхъ-ле свести, да большой родъ завести?»
25. А Марина-то была да Чусова вдова,
А крута она, рѣна, была спѣсивая,
А сказала Овдотья она на то слово:
— У тя мужа-то вѣдь звали да Блунно-Блуннишшо,
Але сына-то зовутъ да Чунно-Чуннишшо,
30. Какъ слѣпая-де кура ходитъ по улици,
Какой день зерно найдѣтъ, дакъ и сыта живѣтъ.
Але твой-отъ жанихъ, да не жанихъ онъ, намъ,
А моя-то вѣдь дѣвка не невѣста вамъ.—
Оскорбилася Овдотья да Блудова вдова,
35. Ужъ на эти какъ слова да на Маринкины,
Оскорбляла-де она на пиру при публики,
Ужъ ставала Овдотья на рѣзвы ноги,
А князю она Владимиру низко кланялась:
«Тѣ спасибо-де солнышко Владимиръ-князь!
40. Я довольна твоимъ право чеснымъ пиромъ».
Говорилъ ей князь да таково слово:
— Ужъ ты ой есь, Овдотья Блудова-вдова!
Ужъ ты што-же такъ рано походишь со чесна пиру?»
А ушла какъ Овдотья со чесна пиру,
45. А походить она да къ своему двору,
А заходить на своё да на круто крыльцо,
А стрѣчать ей сынъ, да ей Фатѣнушко:
«Ужъ ты ой еси матушка родимая!
Ужъ ты што-же ты рано приходишь со чесна пиру?»

50. Говорить-то Фатенку родна матушка:
— Ужъ сидѣли мы у князя на чесномъ пиру.... *)
А Фатенушку слова эти не пондравились,
Рѣтиво его сердце да загорѣлося,
Очи ясны его да возмутилисе,
55. Говорить-де Фатенко таково слово:
«Ужъ ты ой еси, моя да родна матушка!
А ты дай мнѣ-ка тако благословеньичо:
Я поѣду-де нонь да на добромъ кони,
Ужъ я вызову у Марины да поединщика;
60. У Марины поединщика не окажется,
А защитника у Марины да не отыщется,—
Сворочу я ей домъ да по окошечки,
Уведу я у ней да дочь Аннушку».
А дала ему-де мати благословеньичо.
65. Кабы скоро Фатенушко сряжайтсе,
Але скоро Фатенко сподобляетсе,
Онъ беретъ съ собою приправу молодецкую,
Але сбруню съ собой да богатырскую,
Але съ матушкой Фатенко да нынь прощайтсе.
70. Ужъ поѣхалъ Фатенко нынь ко городу,
Приѣжжатъ онъ къ Марины-да къ Чусовой вдовы,
А скрычалъ-де Фатенко да ярымъ голосомъ,
Ярымъ голосомъ скрычалъ да во всю голову:
«Ужъ ты ой еси, Марина да Чусова вдова!
75. Ты отдашь-ле за миня да дочь Аннушку?
Какъ добромъ-то ты отдашь, дакъ я добромъ возьму,
А добромъ не отдашь дакъ я боёмъ возьму,
А великой-де дракой, да кроволитіемъ,—
Сворочу я твой домъ да по окошецьки,
80. Уведу у тя я да дочь Аннушку».
А Марина-то вѣдь съ тихъ-же словъ спугалосе,
Приходила она да ко окошецьку,
Говорила-ле она да таково слово:
— Ужъ ты дай мнѣ-ка строку да на полсуточѣкъ,
85. Я найду-де съ тобой да поединщика.—
А брала она-де въ руки золоты ключи,
Отмыкала свои да кованы ларьчи,

*) Подробный рассказ совершенно въ тѣхъ же выраженіяхъ—выпускается.

- А брала-де она да золоту казну,
Ужъ не много не мало да сорокъ тысячей.
90. А пошла она Марина да вдоль по городу,
А зашла она-де нынъ да на царевъ кабакъ,
Говорила-де Марина да таково слово:
«Ужъ вы ой еси, робята да добры молодцы!
Я зашла-де искать да поединщика,
95. Накликать-де у мя право Фатенушко;
А не одинъ, хоть не два, да хоть петъсотъ-де васъ».
Але голи-ти они право охотники,
А любители таки они на деньги-ти,
Вынимать она много да золотой казны,
100. Подпоила она да добрыхъ молодцовъ,
А взяла-де съ собой она зелена вина,
Откупила-де боцьку да сороковоцьку,
Повезла эту боцьку да на чисто полё;
Кабы много молодцовъ идётъ, много множество,
105. Кабы вывезла сороковку да тамъ вѣдь на полё.
Кабы много они брали да стеганшпuky,
А съ Фатенкомъ стоятъ хотять поединщыкомъ,
Какъ толпой они на Фатенушка да изурѣзались,
Поплѣнить-де, побить хотять добра молодца.
110. Ужъ Фатенко сидѣлъ да на добромъ кони,
Але прижалъ онъ своего да коня доброго,
Разгонилсе-де онъ да на добромъ кони,
Онъ машотъ-де паличей буювою,
Але топцётъ-де много да конёмъ добрымъ,
115. Онъ куды-де махнётъ дакъ лежить улича,
Въ другу сторону махнётъ дакъ лежать площади;
Онъ прибилъ притопталъ всѣхъ добрыхъ молодцовъ,
А оставилъ едва да такъ на семена.
А поѣхалъ къ Марины да къ нову терему,
120. Закрывалъ кабы онъ да ярымъ голосомъ:
«Ужъ ты ой еси, Марина Чусова вдова!
Ты отдай-де мнѣ да поединщика,
А не то уведу я дочь Аннушку».
У Марины-то вѣдь было деветь дочерей,
125. Ужъ сидѣли у Марины да во гостяхъ они,
Говорила Марина своимъ зятевьямъ:
«Ужъ вы ой еси, мои да деветь зятевѣй!

Помогите вы нынь да моему горю».

Говорятъ-де Марины да деветь зятевей:

130. — Ужъ не можемъ мы съ Фатенкомъ стоеть поедин-
щикомъ,

Отъ Фатенка намъ смерть да будетъ лютая.—

А Маринка-то-ле да осержаласе:

— Ужъ я лучше бы родила да деветь камней,

Але бросила-бы камни во синё морё,

135. Кабы въ мори эти камешки да выросли,

Отросла-бы-де кошка да нынь морска-ле тутъ,

А бѣжали-бы корабельщики по морю,

Набѣжали на эту-бы кошечку,

А розбило-бы этихъ корабельщиковъ,

140. Кабы легче было моёму рѣтиву сердчу».

Кабы тутъ-ле Марина смоталасе,

Не могла она пріискать да поединщика,

Не отыскалось некого у ей защитника.

Ужъ розѣхалса Фатенко на добромъ кони,

145. Своротить у ей хочеть нонь высокъ теремъ;

А во ту пору было, право во то время,

А сидѣли у Марины деветь зятевей,

Выходили они право на улицу,

Извинялись Фатенку, да низко кланелись:

150. «Заходи-де, пожалуй, ты да къ намъ въ гости,

Хлѣба-соли-де ись, да перевару пить,

А затѣмъ-то у насъ да чего Богъ послалъ,

Отдадимъ-де за тя да красну дѣвушку,

Красну дѣвушку за тя, да дочь Аннушку».

47.

Калики перехожія.

Отъ озера было отъ Мыслеева,

Изъ того монастыря Артемьева,

Собирались калики перехожіе,

Перехожи калики, добры молодцы,

5. Сорокъ каликъ со каликою;

Выходили на поле на чистое,

- Але на полѣ калики да становилися,
Клюки-посохи они да порастыкали,
А бершатые-те сумочки развѣшали.
10. Собиралось ихъ каликъ, да добрыхъ молодцовъ,
А сорокъ каликъ да со каликою.
Але клали они да тежолъ залогъ,
А тежолъ-де залогъ, да большу заповѣдь великую:
«А пойдемъ собирать мы милостыню,
15. Ради Христа, Царя Небесного,
А и кто изъ насъ, братцы, заворуется,
Але кто изъ насъ заблудуется,
А и кто изъ насъ пойдетъ за бабьемъ-прелесью,—
Не княземъ судить насъ Владимиромъ,
20. А своимъ судомъ, судомъ калическимъ:
Закопать молодца по грудей въ землю,
Положить у него-де руки по пяты,
Говорокъ-языкъ да вынетъ назадъ теменѣмъ,
Рѣтливое сердцѣ промежъ два плеча,
25. Очы ясные вынетъ да вонъ косичами».
Положили они залогъ, велику заповѣдь,
Помолилися калики, положили за плечи сумочки,
А оттуль они впередъ пошли и ѣтправились.
А идутъ они по полю по чистому,
30. Имъ на встрѣчу ѣдетъ солнышко Владимиръ-князь,
Говорить имъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
А здорово-ле да ясны соколы!
А далеко-ле у васъ нончи путь лежитъ?»
35. Говорятъ князю калики перехожіе:
— Ужъ ты здравствуй, Солнышко Владимиръ-князь!
Мы идемъ нончи отъ озера Мыслеева,
Изъ того монастыря Артемьева,
Ужъ пошли мы до града до Кіева,
40. А проходимъ, бывать, мы до Чернигова,
Попросить милостыню ради Христа, Царя Небеснаго.—
Говорить-то имъ солнышко Владимиръ-князь:
«Ужъ вы ой еси, калики, добры молодцы!
У меня съ собой да не случилось,
45. Не случилось съ собой, не пригодилосе,
А не хлѣбной милостыни, не денежной;

- Ужъ зайдите вы домой да во высокъ теремъ,
Ужъ къ моей, значить, княгини да мать-Апраксiи,
На попутъе она накормитъ всихъ,
50. А кому понадобится съ собой положить».
Кабы тутъ калики распростилися,
Распростились со княземъ со Владимиромъ,
А поѣхалъ-де солнышко Владимиръ-князь,
А пошли-де калики перехожіе.
55. Приходили ко городу ко Кіеву,
А ко власкову ко князю ко Владимиру,
Заходили въ гриню да во столовую,
А молилися они да Восподѣ-Богу,
Але кресты они кладутъ да по писаному,
60. А поклоны-те ведутъ да по ученому,
А молитву творять полну Сусову;
На вси стороны калики да низко кланялись,
Ужъ княгини они да на ѣсобицу.
Говоритъ имъ княгиня да мать-Апраксiя:
65. «Ужъ вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
Приходите-де, пожалуй, да ясны соколы,
Вы откуль-де, каки, да добры молодцы?»
Говорятъ они, калики да перехожіе:
— Ужъ отъ озера-де мы да отъ Мыслеева,
70. Изъ того монастыря Артемьева,
Попросити мы милостыни ради-Христа,
Але ради-Христа, царя Небесного.—
Говоритъ имъ княгиня, мать Апраксiя:
«Не видали-ли вы князя Владимира?»
75. Говорятъ-де калики таково слово:
— Але встрѣтился намъ солнышко Владимиръ-князь,
Але стрѣтился-де князь-отъ намъ на поли,
Ужъ просили мы милостыню ради Христа,
А сказалъ намъ-де князь да таково слово:
80. «У меня съ собой вѣдь здѣсь да не случилось,
«Не случилось съ собой, не пригодилось,
«А не хлѣбной вѣдь нѣтъ, право, не денежной,
«Ужъ вы пойдите-ко ко мнѣ, да въ стольной Кіевъ-
градъ,
«Ужъ зайдите вы ко мнѣ да во высокъ теремъ,
85. «Ужъ къ моей княгинѣ да мать-Апраксiи,

«Напоить она и накормить васъ».

Говорить имъ княгина мать-Апраксія:

«Ужъ садитесь-ко вы всѣ да за дубовой столъ,

Хлѣба-соли-де ись, перевару пить,

90. А затимъ у князя чего Богъ послалъ».

Кабы скоро калики да не ослышались,

Ужъ сажались они да за дубовой столъ,

Хлѣба-соли ись, да перевару пить,

Они пили да ѣли хлѣба, кушали,

95. Але всякихъ да разныхъ, право, кушаньёвъ,

Напились они, наѣлись, да накушались,

Кабы вышли изъ за стола да дубового,

Помолились они да Восподу Богу,

А спасали князя со княгиною.

100. Говорить-то княгина да мать Апраксія:

«Ужъ вы ой еси, калики, да добры молодцы!

У васъ кто собиравъ съ собой милостыню?»

Говорили они калики да перехожіе:

— Собиравъ у насъ удалой доброй молодець,

105. По прозванью красота-Касьянъ да сынъ Степановичъ.—

Говорить-де княгина да мать Апраксія:

«Красота-де-Касьянъ да сынъ Степановичъ!

Ужъ пойдемъ-ко ты да въ кладову со мной,

Положу я тебѣ да милостыню».

110. Повела-де княгина да добра молодца,

Завела молодца да во теплѹ лежнѹ,

Говорила княгина да таково слово:

«Ужъ ты ой еси, да добрый молодець,

Красота-Касьянъ да сынъ Степановичъ!

115. Я хочу тебѣ сказать да таково слово:

Сотворимъ со мной любовь, право, тѣлесную,

А тѣлесную любовь, да восердечную».

Говорить-то Касьянъ да сынъ Степановичъ:

— Ужъ ты ой еси, княгина да мать-Апраксія!

120. Кабы какъ я могу такое дѣло сдѣлать?

Переступить-де законъ, заповѣдь Божию?

А я должонъ принять да тогда судъ большой,

Але судъ большой отъ своей братіи?—

А говоритъ ему княгина да во второй законъ,

125. А на это-де Касьянъ не соглашается.

- А на это еще княгина да насмѣлилась,
Говоритъ Касьяну да во третей законъ;
И на это-де Касьянъ не соглашается.
Ужъ княгина-то она да разгорелосе,
130. Разгорелася она, да осержается,
Говоритъ она Касьяну да таково слово:
«Ужъ давай-ко сюды свою да, право, сумочку,
Положу я тебѣ, право, милостыню».
Понесла-де она его да, право, сумочку,
135. Положила туда чашу царскую,
Безъ которой онъ не пьетъ, не ѣстъ,
А не пьетъ, не ѣстъ, хлѣба не кушаетъ;
А Касьянъ-отъ неznать смотрѣть.
Выходила она въ гриню-де во столовую,
140. Але всѣ тутъ калики да становилися,
Становилися они, Богу молилися,
А спасали князя да со княгиною,
А пошли они калики да молодецкіе.
Ужъ идутъ они-де полемъ чыстымъ,
145. Але долго идутъ, коротко-ле,
А идутъ съ утра день до вечера,
Але смотрять назадъ добры молодцы,
Але сзади за имѣ сугонъ-погонушка,
А погонушка за нима да нонь великая,
150. Кабы гонить-то богатырь по чисту полю...
А бы послѣ было того. послѣ этого,
Кабы послѣ каликъ да переходящихъ,
А прѣхалъ-бы князь изъ чыста поля,
Захотѣлъ онъ князь попить, поить,
155. А попить, поить, хлѣба покушати;
А княгина на столъ стала ставити,
Она ставити стала, право, кушанье,
А хватилася она чаши чарскія,
Говорила она князю да нонь Владимиру:
160. «Ужъ ты ой еси, Владимиръ князь!
Кабы были здѣсь калики переходяіе,
А поила я, кормила хлѣбомъ-солью ихъ,
Кабы съ тихъ-ле вѣдь поръ, не могу я знать,
Потерялася да чаша чарская,
165. Изъ которой-де ты пьешь, да нынче кушаешь,

- Не могу я найти да негдѣ чашечки». Говоритъ тогда-де солнышко Владимиръ князь: — Некого въ сугонъ послать да за каликами, Отыскать ихъ всѣхъ каликъ да перехожіихъ.—
170. Да послалъ онъ Олѣшиньку Поповича.
А Олѣша да ле скоро да онъ сряжается,
Кабы скоро Олѣша да сподобляется,
Усадился Олѣша да на добра коня,
Ужъ погонилъ онъ въ сугонъ за каликами,
175. Онъ наѣхалъ ихъ на поли на чистоемъ.
Ужъ Олѣша ѣнъ былъ роду невѣжлива,
Невѣжлива былъ роду, неучеслива,
Онъ не могъ съ людьми сѣхаться,
По хорошему съ людьми разѣхаться,
180. Нагонилъ онъ каликъ да перехожіихъ,
Закрычалъ онъ, Олѣша, да ярымъ голосомъ,
Ярымъ голосомъ да во всю голову:
«Ужъ вы воры-ле калики перехожіе!
Ужъ вы гдѣ пьете, ѣдите—тутъ и серите,
185. Ужъ покрали вы чашу да, право, царскую». А идутъ-де калики да не ѣсlyшатся,
На Ёлешу-ле ѣни да не ѣгленутся.
Онъ вскрычалъ, Олѣша, да во второй наконъ,
А идутъ они калики да не ослышатся;
190. Онъ вскрычалъ, Олѣша, да во третей наконъ,
Онъ заѣхалъ межъ, да во середочку.
Какъ схватили они у Олѣши добра коня,
Какъ добра коня, да за шелковы повода,
Кабы сняли они Олѣшу со добра коня,
195. Кабы сняли у Олѣши нонъ штаны съ гузна,
А давали они Олѣшѣ да всѣ по тѣпышу,
Прибавляли они всѣ да по алабышу,
Кабы подняли Олѣшу назадъ на добра коня;
Ужъ не можетъ онъ сидѣть да на своемъ гузнѣ,
200. На своемъ гузнѣ, да на конѣ въ сѣдлѣ.
Кабы ѣдетъ Олѣша на добромъ конѣ,
Але конь-отъ бѣжитъ да коровою,
Молодецъ-ле сидитъ да вороною.
А завидѣлъ его солнышко Владимиръ-князь:
205. «Молодецъ, отвѣтилъ, ѣдетъ непостарому,

- Але конь-отъ бѣжитъ да непопрежному».
Выходилъ-то вѣдь ужъ князь да на круто крыльцо,
Говорить-то онъ Олѣшѣ таково слово:
«Ужъ ты чтоже нонь, Олѣшинька поповичъ сынъ!
210. Але ѣдешь ты нонь да непостарому,
Не постарому-де ѣдешь да непопрежному?»
Говорить ему Олѣша да таково слово:
— Я наѣхалъ каликъ на полѣ на чистымъ,
Я съ каликами хорошо да не обѣхался,
215. А не обѣхался съ имѣ, не поздоровался,
Закрывалъ-то-ле я да ярымъ голосомъ:
«Ужъ калики-те не воруютъ»—во первой наконь,
Закричалъ-то вѣдь и я имъ во второй наконь,
А на это-ли калики не ослышаться,
220. Не ослышаться, да не ёглянуться,
Я заѣхалъ-де къ имѣ да во середочку,
Я скрывалъ-то имъ да во третей наконь,
Але тутъ калики воротилися,
Поймали коня да за шолковы повода,
225. А сымали меня да со добра коня,
А стенули у меня они штаны съ гузна,
Але всѣ они-де клали мнѣ по тяпышу,
Але всѣ прибавляли да по алабышу,
Немогу теперь сидѣть я на добромъ конѣ.—
230. Говорить тогда-де солнышко Владимиръ князь:
«Поѣзжай давай, Добрынюшка Микитьевичъ,
Похорошему съ каликами здоровайся».
Але скоро-ле Добрыня нонь срежается,
А скорѣ того Добрыня сподобляется,
235. Ужъ пошелъ-ле Добрыня вонъ на улицу,
А сажился Добрыня на добра коня,
Поѣзжалъ онъ въ сугонъ да за каликами,
А состигъ онъ да на поли на чистоемъ,
А ёбѣхалъ ихъ Добрыня онъ добрыхъ молодцовъ,
240. Слезывалъ Добрыня со добра коня,
Але снялъ онъ поклонъ со буйной главы,
Говорилъ-де Добрыня таково слово:
«Ужъ вы здравствуйте, калики, добры молодцы!
А здорово-де-ле всѣ да ясны соколы!
245. Ужъ я посланной отъ князя отъ Владимира,

- Поискать-де у васъ, да поспровѣдати:
Ужъ вы были у князя у Владимира,
Ужъ вы сумками своимъ да разбросались,
Второпяхъ вы, люди дорожны, не ошиблись-ле,
250. Не попала-ле вамъ чашка царская?
Безъ которой-де чашки царь не пьетъ не ѣстъ».
Але тутъ они калики да становилися,
Свои посохи въ землю поростыкали,
А бершатые-те сумочки развѣшали,
255. Кабы стали они всѣхъ право обыскивать,
Кабы всѣхъ они обыскали нонѣ сорокъ-ле,
Не могли натти-де чашку да право царскую,
А одинъ ище у нихъ да не обысканъ былъ,
Красота-де Касьянъ да сынъ Степановичъ.
260. Ужъ Касьяна-де стали они нонѣ обыскивать,
Ужъ нашли они чашку да право царскую,
Они отдали Добрынюшкѣ Микитичу.
Говорятъ они калики перехожіе:
«Ужъ мы что будемъ надъ Касьяномъ да нончи дѣлати?»
265. Говоритъ имъ Касьянъ да таково слово:
— Ужъ вы ой еси, робята добры молодцы,
Кабы вся наша дружина да заговорная,
Кабы этой я-ле чашки да не причиненъ былъ,
Положила мнѣ княгина, да мать Апраксія;
270. Кабы чо надо мной хочите—дѣлайте.—
Ужъ не вѣрятъ они словамъ да нонѣ Касьяновымъ;
Кабы стали они молодца закапывать,
Положили у его руки подъ пяты,
Закопали-де его да по грудямъ въ землю,
275. Говорокъ-языкъ стали—назадъ теменемъ,
Очи ясные его да вонъ косичами,
Рѣтиво сердце да промежъ два плеча;
Надъ Касьяномъ-те они да надругались,
Не положили они право въ гробницу-ту,
280. Кабы тутъ они его право оставили,
А пошли они впередъ да во Черниговъ градъ.
Они шли кабы времени полсуточекъ,
Але все у нихъ Касьянъ да назади стоитъ,
А пошли они-де нонѣ да въ другу сторону,
285. Але все у нихъ Касьянъ напередъ стоитъ;

И промежъ они собой да становилися,
Клюки-посохи они да поростыкали,
Ужъ бершаты свои сумочки развѣшали,
Толковать они да стали промежъ собой:

290. «Ужъ виноваты мы, робята, нынче сдѣлались,
Говорилъ намъ Касьянъ да отъ всего сердца,
Невиновенъ-де я, да не причиненъ здѣсь,
Надругались мы, да не поладили,
Да не положили въ гробницу да бѣлодубову».

Старина досказана словами такъ: калики воротились
назадъ къ тому мѣсту, гдѣ закопали Касьяна и погребли
его по христіанскому обряду. Послѣ этого видѣніе Касьяна
уже не преслѣдовало каликъ.

48.

Василій Буслаевъ.

(Отрывокъ).

- Прежъ Резань да слободой была,
А теперь Резань да славной городъ сталъ.
Почему это Резань прославилась?
Потому Резань это прославилась,
5. Что хороша она да изпостойлась.
Хто былъ въ городи строителемъ?
Хто былъ управителемъ?
Управителемъ былъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Построилъ Резань да славнымъ городомъ.
10. Здумалъ Василей черленъ карабъ строити *)...

49.

Иванъ Грозный.

Когда воцарился нашъ-ле грозной царь,
Але грозной-ле царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда синѣ-ле море да пріютишилось,

*) Дальше идетъ обычное описаніе поѣздки В. Б. въ Іерусалимъ и потому оно
не приводится.

- Але щука-ле рыба въ глубину ушла.
5. А со той-ле со радости великоюй,
А завелса у царя да нонь почесенъ пиръ.
Але пиръ-отъ идётъ во славу Божію,
Але солнышко катится ко западу,
У ихъ пиръ-отъ идётъ да о полупира,
10. Але столь-отъ идётъ да о полустола,
Але царь-отъ и ходитъ нонь въ полухмеля;
Выходитъ кабы царь на середка полъ,
Говоритъ кабы царь да таковы слова:
«Ужъ когда я воцарился нынъ хозяиномъ,
15. Ужъ я выведу измѣну нынъ изъ Кіева,
Але выведу измѣну изъ Питера,
Изъ самой-ле изъ матки каменной Москвы.»
Кабы всѣ тутъ на пиръ да приюмолкнули,
Але всѣ на чесномъ да приюдрогнули,
20. А большой-отъ хоронится да среднего,
Але средей хоронитсе да меньшого,
Ужъ отъ меньшого большому отвѣту нѣтъ.
А ставаль-де Ѳедоръ на рѣзвы ноги,
Подходилъ онъ-де къ батюшку родителю:
25. «Ужъ ты ой еси, родитель мой-де батюшко,
Але грозной-царь Иванъ да царь Васильевичъ!
Намъ не вывести измѣнушку изъ Кіева и Питера
Изъ самой-де изъ матки да каменной Москвы».
А на то-ле какъ царь да осержаитце,
30. Говоритъ нашъ царь да таковы слова:
— Ужъ вы ой еси, мои-ле строги палачи!
Ужъ берите-ко вы Ѳёдора за бѣлы руки,
А за хороши перстенъки злаченныя,
Ужъ ведите его да во чисто полѣ,
35. А ко той-де нонь плахи ко дубовой,
А ко той-де ко рели ко высокоюй,
'де-ка веситсе петелка шелковая.—
А во ту-же пору было, во то времѣ,
У грознаго-то царя Ивана Васильевича,
40. По прозванью Малюта былъ строгой палачъ,
А строгой-де палачъ, да онъ немилостивой,
Ужъ ставаль-то-ле Малюта на рѣзвы ноги,
Подводилъ то ' Ѳедору царевичу,

Говориль-то Малюта да таково слово:

45. «Кабы царски-то слова назадъ не ворочаютъ,
Если царя кабы намъ да не послушати,
А тогда-де своя голова подставить».
Кабы бралъ онъ Оёдора за бѣлы руки,
А за хороши-де перстеньки злаченны,
50. Ужъ повѣль-то наслѣдника изъ полаты вонъ;
Не несутъ молодца да ноги рѣзвыя,
Только катется изъ глазъ да гарючи слезы.
Ужъ пошоль-де народъ весь изъ полаты вонъ.
Провожать-ле какъ Оёдора царевица;
55. Але Оёдоръ съ народомъ—онъ прощайтсе:
«Ужъ простите-ко, прощайте да люди добрыя!
Ужъ прости-ко, прощай да каменна Москва!
Не живать мнѣ-ка будетъ на бѣломъ свѣти,
Не слыхать мнѣ больше будетъ мнѣ четья-пѣтя,
60. А четья-де пѣтя мнѣ-ка поповского,
Але красного звону да колокольного».
Ужъ ведутъ-де ка' Оёдора нынѣ по полю.
А не близко его да не далеко-ле,
Розстояніе всего да за три попрыща,
65. А идѣтъ за имъ толпа народа великая,
А спровожаютъ-де Оёдора царевица.
Ко его-де ко щасью ко великому,
Кабы ѣздитъ богатырь право по полю,
По прозванью Микита сынъ Романовиць.
70. Ужъ и на поли-де тамъ да народъ стоитъ,
Ужъ народъ-де стоитъ, больша толпа валить,
Поворотиль-де Микита коня доброго,
Ужъ промежъ онъ собой да думу думаетъ,
Думу думать Микита, розговоръ ведѣтъ:
75. «Ужъ кого-ли придавають должно быть казни,
Не могу-ле я застать да право живого,
Але живого застать, отъ смерти избавити».
Прогониль-то Микита скоро на скоро,
Соскочиль онъ, Микита да со добра коня,
80. На краю у народа не чѣ не спрашивать,
Ужъ не спрашивать, не чѣмъ онъ не докучайтсе,
А въ середку Микита да пробираетце,
Могутой своей народъ да онъ розваливать,

- Отъ Микиты народъ весь уклоняйтсе;
85. А пробралса богатырь во середоцьку,
Ужъ завидѣль Микита да сынъ Романовиць,
Ужъ валять кабы Ѳёдора царевица,
А на ту-ле какъ бабу на дубовую,
У палаця-де ' саблей да рука поднята,
90. Отрубить-де хотятъ да буйну голову;
А схватилъ-то Микита да строга палаця,
А схватилъ онъ его да за черны кудри:
«Ужъ-ты воръ-де, Малюта, нонь строгой палачь!
У кого-то отрубить хошь буйну голову?»
95. Говорить-то Малюта тутъ строгой палачь:
— Ужъ я голову рубить хоцю несвоимъ умомъ,
По указу-ле я да восудареву.
По приказу-ле я да ениралову.—
Говорить-то Микита да таково слово:
100. «Ужъ на мѣсто насленника-де Ѳедора,
Положить надо пса да на бабу тутъ,
Отрубить-де у пса да буйну голову,
Окровавить-де надо да саблю вострую,
Принести-де саблю да царю грозному,
105. Царю грозному-де ей на посмотреньичо».
Говорить-то Микита да сынъ Романовичъ:
— «Ужъ вы ой еси, да всѣ да люди добрыя!
Ужъ не хто эту измѣну да вы не сказывайте,
А я самъ ему объявлю право Грозну-царю,
110. Але пиръ намъ-ле будетъ больше старого».
Понесли тогда саблю да самому царю,
Самому-же царю да право Грозному,
Ужъ приносятъ саблю на посмотреньичо.
Ужъ схватилса тогда да нашъ-ле Грозной царь,
115. Кабы тутъ-ле нашъ царь да запечалилса,
Говорилъ нашъ-ле царь да таково слово:
«Ужъ вы ой еси мои да всѣ опричники!
А опричники мои да право царскіи,
А садитесь-ко всѣ на свои занятія,
120. А пишите-ко всѣ скоры естафеты,
Розошлемъ кабы пошты нонь по всей земли,
А по всей восударевой по вотчины,
А по всѣмъ-де церквамъ, по всѣмъ молебнамъ-же,

- Поминать штобы моего нынѣ наслѣнника,
125. А наслѣнника моего, право Ѳѣдора».
А пошолъ-то Иванъ да во Божью церковь,
Кабы собралъ онъ весь чинъ церковной-же,
Кабы пѣтъ панафиду да за покойного.
А стоитъ-де ка' царь на правомъ крылосѣ,
130. Со слезами поминать онъ, со умыльными,
А приходитъ ему да доброй молодець,
По прозванью-ле Микита сынъ Романовичъ,
Але царь-отъ стоитъ уливайтце,
Уливайтце слезами онъ горючима,
135. А Микита стоитъ, да онъ подлѣ царя,
Онъ подлѣ царя стоитъ да умыляйтце.
Ужъ завидѣлъ Микиту право Грозной-царь,
Говорить-то-де царь да таково слово:
«Ужъ кака-ты пришла да за невѣжа-же?»
140. Передъ светыма иконами улыскаишсе—
Кабы люди слезами да уливаются,
Але ты-де стоишъ да усъмихаишсе».
Говорить-то Микита да сынъ Романовицъ:
— Я надъ чѣмъ кабы буду да право плакати?
145. Але пса вѣдъ ужъ мнѣ да оплакивать?—
Уже звѣлъ тутъ-де очи да право Грозной-царь:
«Але што ты говоришъ, да нынѣ каки слова?»
Говоришъ-то Микита самому царю:
— Ужъ отрубили мы у пса да буйну голову,
150. Окровавили-де новую саблю вострую,
Принесли-де тебѣ на посмотреньичо,
Ужъ оставили твоего сына Ѳѣдора.—
Говорить-то-де нашъ да право Грозной-царь:
«Те спасибо, Микита сынъ Романовицъ!»
155. Награжу я наградой тя великою,
Покажи только моего да сына Ѳедора».
Ужъ пошли они тогда да изъ Божьей церкви,
А назадъ домой въ палаты да право царскіе,
Ужъ приводятъ тогда царскаго наслѣдника,
160. А наслѣнникъ отъ смерти нонѣ избавленной,
Кабы тѣмъ-де Микитушкой Романовымъ.
Кабы завидѣлъ его да нынѣ Грозной-царь,
А бы бралъ молодца да за бѣлы руки,

- А за хороши-де перстенъки злаченны,
165. Прижималъ-де его да къ рѣтиву сердцу,
Чѣловалъ его въ уста сахарныи,
Говорилъ-то-ле царь да таковы слова:
«А спасибо-же Микита да сынъ Романовицъ!
Ты избавилъ моего чада милого,
170. Ты избавилъ его отъ смерти напрасной».
А со той кабы радости великой,
Завели они пиръ да больше старого,
Пировать они стали во славу Божию.

50.

Лука Даниловичъ.

- А да жилъ-де Данило да сынъ Борисовичъ,
Але жилъ онъ Данило да право о море.
Въ воскресенье Христово было по утру,
А ставалъ-де Данило по утру рано,
5. Онъ омылся Данило ключевой водой,
Утирался Данило полотенышкомъ,
Розбудилъ онъ своихъ людей дворовыхъ,
А дворовыхъ домочадцей онъ робочихъ,
А сказалъ имъ Данило таково слово:
10. «Я пойду-де какъ нонь да въ черковъ Божию,
Я ко утренѣ нынѣ да воскресеньскойей,
Розбудите вы моего чада милого,
А того-де Луку сына Даниловича,—
Онъ придѣтъ нусь къ обѣдни да воскресеньскойей».
15. А ушолъ-де Данило да сынъ Борисовичъ,
А прошло послѣ время какъ три часа,
Розбудили Луку они Даниловича:
— Кабы твой-отъ-де батюшко родитель-де,
А родитель Данило сынъ Борисовичъ,
20. Онъ велѣлъ тебѣ притти да въ церковъ Божию.—
А омылся Лука да онъ свѣжой водой,
Онъ утѣрса-де бѣлымъ полотенышкомъ,
Онъ срежалса-де въ платъичи хорошой,
А пошолъ-де Лука да вонъ на уличу,

25. Онъ придумалъ дѣтина молодымъ умомъ:
«Я схожу кабы въ поли за охотою».
Кабы взять онъ Лука да право тугой лукъ,
А бы взять онъ тутъ стрѣлочки калены,
А пошолъ онъ-де къ лѣтнымъ-де тихимъ заводямъ,
30. Онъ стрѣлялъ-де гусей тамъ бѣлыхъ лебедей.
Ужъ онъ вышолъ Лука на морски дуга,
Позадорился Лука да за охотою,
Нагонило-де воду да изъ синя моря,
Поняла-де Луку, право, морьска вода,
35. Кабы бродить онъ, Лука, да до колѣнъ воды,
Пролились кабы всѣ да малы заводи;
Але вытти-де Луки да нынѣцѣ непокуль,
Кабы непокуль-де вытти, право, на землю;
Кабы бродить онъ Лука ' воды до пояса,
40. Поднесло-де Луки гнилу колодину,
А колодину гнилу да водоплавную,
Потянулъ кабы вѣтеръ нынѣ со города,
Понесло нынѣце Луку да во синѣ морѣ,
Подхватилъ-де Луку, право, быстѣрь субой,
45. А быстѣрь-бы субой да, право, валъ густой,
А едва-ле такъ Лука да нынѣ спасаетца,
Понесло-де Луку до во синѣ морѣ.
Какъ носило Луку да вногѣ времени,
Много времени носило его по морю,
50. Поднесло-де его до нынѣце подъ горы,
Какъ подъ щельи-де тѣ непроходимыи,
Але вытти Луки на землю непокуль,
Убивать-де валомъ его, захватывать,
А едва-де Лука да онъ спасается.
55. А увидѣлъ Лука да сынъ Даниловичъ,
А змѣя-де нынѣце тутъ надъ нимъ налетывать,
А летать-де змѣя да, право, лютая,
А къ Луки эта змѣя да приближайтца,
Бутто руськи слова да выговаривать:
60. «А светы отцы писали прописалисе,
Старики-то-де сказали просказалисе:
Бутто мнѣ отъ Луки да право смерть принеть,
А топере Лука да у миня въ рукахъ;
Ужъ я здумаю Луку да въ хобота возьму,

65. Ужъ я здумаю Луку да на воды стоплю.
Ужъ змолился Лука да змѣи лютойей:
— Ужъ ты ой еси, змѣя да скоропейная!
Ужъ ты вынеси миня да на сыру землю,
Кабы вного я принялъ, право, холоду,
70. Але вного я принялъ, право, голоду.—
Говорить-то змѣя да, право, лютая:
«А возмѣшь-ле миня да ты въ замужество?
А возмѣшь-де миня да ты въ замужество
Але вынесу тибя я на сыру землю».
75. Ужъ Луки-то-де дѣватсе нынѣ некуда,
Ужъ онъ отдалъ отъ себя рукописаньицо:
«А возьму-де тебя я за себя замужъ».
Забрала его змѣя да ' свои хоботы,
Понесла-де ёна да право на гору,
80. Опустила Луку да она на землю,
Говорить-то змѣя да таково слово:
«Сотворимъ-ко со мной любовь тѣлесную,
А тѣлечню любовь да восердецьную».
Говорить-де Лука да сынъ Даниловичъ:
85. — Я съ тово-де съ устатку со великого
Не могу нынѣ творить любовь тѣлесную,
Отдохнуть-де хочу да со устаточку.—
Какъ, легли они-де нынѣ да, право, на землю,
Какъ прижарило ихъ да краснымъ солнышкомъ,
90. Будто заспалъ Лука да сынъ Даниловичъ,
А змѣя-же легла да потвориласе,
А нашла на ей тягость тутъ великая;
Прызывалъ-де Лука да онъ вѣдь всѣхъ светыхъ,
Отъ змѣи-де штобы ему избавитце,
95. Але сталъ-де Лука да потишешинько,
Потишешинько онъ сталъ да на рѣзвы ноги,
Онъ схватилъ кабы камень да со сырой земли,
Онъ ударилъ змѣю да камнемъ въ голову,
Онъ росшибъ, розломалъ голову вѣдь до мозга,
100. Какъ исчасъ тутъ-де дьяволъ, право, до смерти;
А пошолъ-де Лука да, право, прочь отгуль.
Онъ ужъ близко-ле шолъ, нонѣе далеко-ле,
Онъ нашолъ-то-де нынѣ на скотскихъ пастуховъ,
Пастухи-де вѣдь ходятъ нынѣ валовъ пасутъ,

105. Говорить-де Лука да сынъ Даниловичъ:
«Уже здравствуйте-де нынъ да, право, пастухи!
Вы какво царя, какво хозяина?»
А одинъ-де изъ ихъ да тутъ толмачъ-же былъ,
Онъ толмачъ-де былъ, да нынъ умѣлъ говорить:
110. — Ужъ мы пастухи-ле нонъ право Салтановы,
А Салтана короля, право, турецково.—
Говорить-то Лука да сынъ Даниловичъ:
«А далѣко-ле-де нынъ, право, до города?»
Говорять-де Луки да эти пастухи:
115. — А до города-де только петъ нынъ поприщей.—
Говорить-де Лука да сынъ Даниловичъ:
«Я могу-ле натти, право, вашъ городъ?»
Говорять пастухи эти салтановы:
— А одна-де дорога нонъ до города.—
120. Говорить-то Лука да таково слово:
«Ужъ я какъ подотти могу къ палатамъ нонъ,
А къ палатамъ подотти нынъце царскимъ?»
Говорять-де эти Луки пастухи:
— Подходить ты какъ станѣшь нынъце къ городу,
125. Ты заткни у себя да полу лѣвую,
А сочтять-де тебя да заблудящимъ;
Ты зайди-де въ сады ихны зеленые,
Ты срывай-де вѣдь всяки, право, яблукы.—
Вотъ пошолъ, пошолъ Лука отъ ихъ отправилса,
130. Онъ дошолъ-де какъ близко нонъ до городу,
Онъ пошолъ-де въ сады да во зеленые,
Онъ заткнулъ-де полу да у ся лѣвую,
Ужъ завидѣли его да добра молодца,
Кабы яблукы онъ ѣсъ да наслаждайтсе,
135. Донесли нонъ Салтану нонъ турецкому,
Кабы вывели оттуль да добра молодца,
Завели его ' полаты нынъ во царскіе,
Какъ царя-то вѣдь въ то время не случилось,
Енна Марьюшка дочи нынъ Салтановна,
140. Але стала она его допрашивать:
«Ты откуль-де какой да доброй молодецъ?»
Говорить-де Лука да таково слово:
— Я изъ той-де земли, право изъ Руськоей,
А изъ Руськоей земли изъ Свѣторуськоей,
145. А зовутъ меня Лука да сынъ Даниловичъ,

- Ужъ носило миня да, право, по морю,
Кабы по морю носило вного времени,
Не пиваючись-де я, да не ѣдаючись.—
Говорить кабы да Марьюшка Салтановна:
150. «А бывать, молодецъ, да ты покушать хошь?»
Говорить-то Лука да таково слово:
— Не пиваль я, не ѣдалъ да нынъ десятой день.—
Говорить-то-де Марьюшка Салтановна:
«Ужъ вы ой еси, мои, право, куфароцьки!»
155. Вы несите-ко молодцу, право, покушати,
Кабы разныхъ переваровъ, да нынъ кушаньевъ».
А куфарки-де скоро да не ослышались,
Наносили-де скоро они кушаньевъ.
Але сталъ молодецъ да онъ покушивать,
160. Але пилъ онъ, ѣлъ, да ноньце кушалъ-же;
Забрала его вѣдь тягость тутъ великая,
Говорить-то бы Марьюшка Салтановна:
«А со скуки молодечъ, да отдохнуть не хошь?»
Прилюбилсе-де удалой доброй молодечъ,
165. Кабы Марьюшки, Лука да сынъ Даниловичъ,
Повалила его, молодца, на кроватоцьку.
«Они тутъ засѣли Олешу полувѣренина—Марьюшка была
изъ невѣрныхъ, потому и быть у нихъ «полувѣренинъ».

51.

Данило Борисовичъ.

- Выпадали-де снѣги да, право, на горы;
Кабы эти-де снѣги да испотаели,
Протекли, пробѣжали да ручьи грубыи,
Але выпали-де ручейки на тихой Донъ.
5. На тихомъ-де Дону да на казачькомъ,
Але жилъ-ле Данило да сынъ Борисовичъ,
А Данило-то, да онъ вѣдь атаманомъ былъ,
Атаманомъ онъ былъ, право, управителѣмъ,
А имѣлъ онъ-де шайку петъсотъ молодцовъ.

10. Говорить-де ребятамъ *) добрымъ молодцамъ:
«Ужь вы ой есь донски да наши казаки!
Кабы хто изъ васъ есь да, право, мастера,
Але хто мастера изъ васъ есь плотники,—
Намъ большой-де вѣдь стругъ да надо сробити,
15. А такой-де стружокъ, да невеликъ-немалъ:
А што-бы понёсъ онъ насъ петсотъ человѣкъ,
А петсотъ человѣкъ да донскихъ казаковъ,
А со всей штобы насъ да со орудіей».
А нашлись вѣдь тутъ да вного плотничковъ,
20. Але стали ёни да стругъ вѣдь робити;
Кабы этотъ вѣдь стругъ да ёни сробили,
Онъ ужъ здумалъ, Данило, да сынъ Борисовичъ,
На середку-де онъ да срубу сробити,
Але сробити-де онъ, право, поставити,
25. А поставити-де онъ да муровей-чердакъ,
Отенуть-де чердакъ да чернымъ бархатомъ,
А пробить это чердакъ да золотымъ гвоздёмъ;
Въ чердаки онъ кроватку да здумалъ сробити,
А кроваточку-де онъ право тесовую,
30. Але ноги у кроваточки дубовыи,
Не простого кося—зубья рыбьяго;
На кроватку перину-ле нонъ пуховую,
На перину взголовычо косявчато (такъ!),
Але мяконьки подушечки чижовыи,
35. А подушки, одеяло да соболиное.
А совѣмъ этотъ чердакъ, право, построили,
А совѣмъ этотъ чердакъ да приготовили,
Приказалъ Данило притти всѣмъ на легкой стругъ,
А собрались они петсотъ да добрыхъ молодцовъ,
40. А съ луками, со стрѣлами нонъ съ каленыма,
А зашли они-де всѣ да добры молодцы,
Говорить тогда Данило сынъ Борисовичъ:
«Ужь вы ой еси, ребята добры молодцы!
Я забылъ-де вѣдь дома да тощу мѣнную,
45. Тощу мѣнную-де—палицу буювую».
Говорятъ-де его да добры молодцы:

*) «Ребятѣмъ»—исключительно рѣдкій случай произношенія, обыкновенно «ребятѣмъ».

— Ужъ мы сколько-ро поидеъ да за твоей казной?—

Говоритъ-то Данило да сынъ Борисовичъ

На отвѣтъ:—«Вы потѣте хотъ и петеры».

50. А пошли-де какъ петъ да добрыхъ молодцовъ,
А приходятъ они да ' тощы мѣнной,
Али ' той они палицы бѣвоей,
За одинъ они конечъ да не могли признать,
А назадъ они пошли нонѣ безъ паличи.
55. А приходятъ назадъ они на лѣккой стругъ,
Говорятъ они какъ эти да петъ молодцовъ:
«Ужъ не могли мы поднеть да за одинъ конечъ».
А други кабы выхвастались десетеро:
«Ужъ мы десетеро принесемъ тощу мѣнную».
60. А приходятъ они къ той да тощи мѣнной,
Кабы этой-ле паличи бѣвоей,
За одинъ они конечъ едва пошевеливаютъ,
А другого конча да не могли поднеть,
А назадъ они пришли опетъ порозныи,
65. Не могли принести палицу бѣвую.
У Данила-то ево сына Борисовича,
Кабы былъ подъ рукой слуга вѣрная,
Онъ ужъ шлъ съ нимъ и ѣлъ да съ одного стола,
Але платье носилъ да съ онного плеча,
70. А не больше онъ былъ да лѣтъ семнадцати;
Говоритъ-то Данило да добру молодцу:
«А поди-ко ты по палицу да сбѣгай-же».
Кабы скоро побѣжалъ да доброй молодечъ,
Онъ схватилъ эту тощу да за одинъ конечъ,
75. Потатилъ эту тощу да на правомъ плечи,
Кабы бросилъ-де онъ тощу на лѣккой стругъ;
На тощи вѣдь подпись есъ подписана,
Але подрѣзъ есъ подрѣзана,
Але какимъ она кузнечѣмъ да, право, роблена,
80. Але сколько вѣсу—она описана,
А описана она да шездисятъ пудовъ.
А совсѣмъ они собрались да нынѣ направились,
Ужъ и поплыли они да по тиху Дону,
По тиху-де Дону да по казачкому,
85. Ай хотѣли проплыть они весь тихой Донъ,
А къ тому кабы Шаху да Персичкому.

- На усьморіихватила да ихъ погодушка,
А така-ле ка' шторма да великая,
Але едва, едва они да не погинули,
90. А не смѣли они-де на морѣ выѣхать,
А ' персицкимъ берегамъ они поѣхати,
Воротились они назадъ по тиху Дону,
По тиху Дону, ноньце въ городъ Ростовъ,
Але къ Митрею царю да право Бранскому;
95. А постигла ихъ тутъ да темна ноченька.
Кабы Митрея царя да право Бранского,
Его въ городѣ какъ дома не случилось,
Только была у его право ронна сестра,
А ронна сестра съ малинькимъ насленникомъ.
100. Розорили-де они да весь Бранской городъ,
А сестра-де съ насленникомъ она выбралась;
Какъ серебро, они вѣдь золото все обрали,
Убрались они да сами вѣдь изъ города,
Изъ города убрались они на лёккой стругъ,
105. Кабы по Дону назадъ они поѣхали.
Кабы послѣ того да послѣ этого,
А приѣхалъ-де Митрей царь вѣдь Браницкой,
Але всё розорено его имущество,
Кабы всё розорено да розворовано,
110. Розорено-де всё да надруганось.
Али Митрей-отъ-ле Бранской онъ хитѣрь-мудѣрь,
У его вѣтъ есь науки козачькѣи,
Ужъ казачькѣи науки да молодецкѣи:
Онъ заставилъ затопить печьку муравленку,
115. Але взялъ онъ своё да чернокнижьичо,
Але сталъ онъ книжку эту прочитывать,
Кабы сталъ онъ слова таки выговаривать:
«Ужъ впередъ штобы ходу да имъ вѣдь не было».
Приказалъ онъ поймать коня доброго,
120. А садилса-де Митрей на добра коня,
Кабы взялъ онъ съ собой да право тугой лукъ,
А тугой-де какъ лукъ со тетивочкой,
Але взялъ онъ стрѣлочку калѣную,
А калѣную стрѣлочку перѣночку,
125. А поѣхалъ онъ ' сугонъ да за разбойникомъ,
Онъ настигъ этотъ стругъ, право, по берегу,

- Але стругъ-отъ стоитъ да не у берегу,—
На субой далеко да онъ поставленной;
Онъ направиль-ле свой да право тугой лукъ,
130. Онъ наладиль-де стрѣлочку калѣную,
Але самъ онъ стрѣлы да приговариваль:
«Полети-де ты моя да калена стрѣла!
Пролети ты-де палубу струговую,
Росшиби ты, пробей да муровой чердакъ,
135. Залети ты Данилу да какъ во правой глазъ».
А спустиль онъ стрѣлу да изъ туга лука,
Заскрыпѣли-де у лука туги маклеки,
Какъ не два сѣры волка завояли,
Полетѣла изъ лука да калена стрѣла,
140. Пролетѣла она у струга палубу,
Ужъ пробила, проломила муровой чердакъ,
Залетѣла она Данилу нонъ во правой глазъ.
Заревѣль-де Данилко ярымъ голосомъ:
«Ужъ вы ой еси, ребята добры молодцы!
145. А топере-де мнѣ, право, конечъ пришолъ,
Ужъ вы вывезите миня да на сыру землю».
Повезли-де Данила да на сыру землю,
Какъ осталса Данило да сынъ Борисовичъ;
А поѣхали затимъ они по тиху Дону.
150. Они вѣдь ѣхали-де съ утра да день до вечера,
А постигла-де ихъ да нынѣце тѣмна ночь,
Ужъ сварили они ужины, поужинали,
Ужъ хотятъ они легчи да нынѣ на тѣмну ночь.
Какъ потыхла зоря нонѣце вечерняя,
155. Набѣжалъ у нихъ Данило да сынъ Борисовичъ,
Говорить-то Данило да таково слово:
«Я васъ всѣхъ-де нынѣ съѣмъ, да право, всѣхъ пріѣмъ!»
А на то вѣтъ его слуга вѣрная,
Онъ ухваччивый-де былъ, право увѣрточной,
160. Побѣжалъ онъ-де скоро да на лёккой стругъ,
Онъ схватилъ эту тощу да право мѣнную,
Какъ билса онъ съ имъ, право, во всю нонѣ ночь,
А во всю-де онъ ночь, до самого утра,
А не могъ онъ убить право разбойника;
165. Зачелась какъ зоря да право утренна,
А одинъ-де присталъ да ёдва живъ стоитъ,

- А другой-де отъ свѣту да палъ на землю.
Кабы здумали ёни да добры молоццы,
Кабы въ землю-де яму право выкопать,
170. А въ исподъ его глазами да въ яму бросити;
А зарыли они его жолтымъ пескомъ,
А на верхъ закатили да хрешё-каменьё,
А оттуль-де назадъ домой поѣхали.

52.

Князь Долгоруковъ.

- Во той во матушки каменной Москвы,
Среди было кремля-ле славна города,
Стояла полата бѣлокаменна;
У палаты подѣлоцька брусёная,
5. Але столбики стоятъ тоцёныя,
У столбовъ головки золочёныя.
Во той полаты бѣлокаменной,
Жиль тутъ, былъ да Долгоруковъ князь;
Въ городи былъ онъ управителёмъ;
10. Не было у него не сына, не дочери,
Только съ малыхъ лѣтъ былъ взять приёмышокъ.
Живётъ-то приёмышъ вного времени,
Онъ повырощенной до полна возраста,
Онъ пѣтъ-ле, ѣсъ, да съ одного стола,
15. Але платычо носить съ одного плеча,
А всё ему да предовѣрено,
Предовѣрено и довѣрено,
Вся ему да золота казна,
Золоты ключи и кованы ларьчи
20. Вся казна да Долгоруковска *).
А по часту онъ сталъ ходить на царевъ кабакъ,
Онъ по многу носить сталъ золотой казны,
Онъ не вѣдрами берётъ, не полувѣдрами,
Онъ откатывать всё боцькой сороковоцькой;
25. Онъ выкатывать на площадь на широкую,

*) До 20-го стиха былина записана съ пересказа, дальше съ голоса.

- Онъ поить-де голей, да всё кабацкіихъ;
Але дѣпьяна дѣтина напиваитце,
Съ чумаками у его нонь зашолъ розговоръ,
А зашолъ розговоръ, нынѣ-де вышелъ споръ:
30. «Ужъ вы ой есь, чумаки да чѣловальники!
Вы давно-ле живите, да мало знаите—
Я живу-то-ле у князя Долгорукова,
Я живу-то-ле у князя ровно тридцеть лѣтъ,
А на мѣсто-де сына, мѣсто дочери,
35. Але пью то-ле какъ ѣмъ я съ одного стола,
Але платѣю ношу я съ онного плеча,
Але всё кабы мнѣ нонѣце довѣрено,
Але всё мнѣ-ка нонь да предоставлено,
Кованы-де ларьци да золоты ключи,
40. Золота-де казна вся долгорукова,
Ужъ не знаю у ей да я не прибыли,
Ужъ не знаю у ей да я не убыли;
А живу-де я времени-де тридцеть лѣтъ,
Але три года живу я со княгиною» *).
45. А на то-ле чумаки да чѣловальники,
Они злы кабы были, какъ смышлѣныи,
Кабы эти они рѣчи да всё послушали,
А подслушали эти рѣчи да нынѣ похвальнія,
А похвальнія слова, да непорядочны,
50. Они здумали донести князю Долгорукову.
Ужъ пришли они ко кремлю да славну городу,
Ужъ зашли они ко князю да Долгорукову:
«Ужъ ты ой еси, князь да Долгоруковъ-же!
Мы пришли-де къ тебѣ да безъ доклада нонь, **)
55. Мы пришли объявить тибѣ про ключника,—
Съ позволенья онъ-де ходитъ нонѣце съ вашего,
Але самъ онъ сибѣ да самовольствуётъ?

*) П. Поздѣвъ спѣлъ тутъ такъ:

... «Я живу нонѣце у князя ровно тридцеть лѣтъ,
Со княгиной я-де знаюсь ровно три года;
А съ княгиной я съ одного стола кушиваль,
Я не то што-ле кушиваль—на руки сыпаль,
А не то што на руки сыпаль—въ уста чѣловаль.

**) У П. Поздѣва Долгорукову доносятъ не чѣловальники, а придворные князя.

- Онъ почасту вѣдь ходитъ на царевъ кабакъ,
Онъ по многу-ле берётъ да зелена вина *)...
60. ... Говоритъ-то на то да Долгоруковъ князь:
— Ужъ вы ой еси мои да слуги вѣрныя!
Слуги вѣрныя мои, да неизмѣнныя!
Ужъ вы подьте-ко не одинъ, двоимъ, хоть петерымъ,
Вы найдите моего да млада ключника,
65. Ужъ ведите-ко его да не оставте нынъ.—
Услыхала-де слова эте Долгорукова,
Выходила за имá да на круто крыльчо,
Говорила-то она имъ таково слово:
«Ужъ вы ой еси, ребята да добры молодцы!
70. Ужъ ведите нонь-ле уличей-де заннейей,
Але занней-ле уличей, да не передною».
А пошли-де ребята да слуги вѣрныи,
Ужъ искали они ключника по городу,
А нашли они у царева да больша кабака,
75. Але пьянъ онъ ходитъ, да нынъ пьянѣшинѣкъ,
Кабы взяли они молодца за бѣлы руки,
Да за хороши за персни за злачѣныя,
Повели они молодца нынъ по городу,
Але ключникъ-де има да наговаривать:
80. «Ужъ вы ой еси, ребята да добры молодцы!
Не ведите меня уличей перенною,
Вы ведите меня по занней уличи,
А мимо кабы ту княгину ноньце горничу,
Я послѣднюю спою княгины пѣсенку,
85. Але пѣсенку спою да право жалобно».
Ужъ ведутъ молодца уличей заннейей,
Мимо княгину ведутъ да Долгоруковську,
Онъ запѣлъ вѣдь ключникъ право пѣсенку;
Услыхала-ле княгина право въ горенкѣ,
90. Ётперла-ле она да полъокошечка,
Ужъ слезами-ле княгина да уливается.
Привели кабы ключника на уличу,
Ужъ ко той-ле ко рели ко высокостей,
Ужъ приказывать-де князь да изъ окошечка,
95. Але въ петелку-де ключника повѣсити;

*) Повторяется рассказъ ключника—выпущено,

Але ключникъ во петелкѣ лягайтце,
А княгина-де во тереме кончаитсе:
«Куды полетѣлъ бладѣ-ясенѣ-соколѣ,
Туды-же летѣтъ бѣлой лебеди».

II. Игнатій Михайловичъ Дуркинъ.

Маленькій сѣденькій старичокъ свыше 75 лѣтъ. Пѣлъ у меня всего одинъ день, пѣлъ Илью и Соловья, Садка, Димитрія Бранскаго и нѣсколько стиховъ. Очень былъ польщенъ, что я позвалъ его, слушаю пѣніе, и пою чаемъ. Все время пока пѣлъ—пилъ чай и водку, отпивая маленькими глотками; постоянно останавливался, внося въ пѣніе неидущіе къ дѣлу разговоры.

53.

Илья Муромецъ.

- Какъ во томъ-ле было прежде городъ Муромъ,
Кабы жилъ кабы былъ тутъ нонь старъ казакъ,
Кабы старъ, пишутъ, казакъ Илья Муромецъ;
Онъ сидѣлъ-то на печинькѣ-то тридцать лѣтъ,
5. Не имѣлъ при себѣ онъ какъ вѣдь рукъ-ле, ногъ.
Какъ ушли его нонь отецъ-ле, ноньце матушка,
Онъ осталса на пецькѣ на муравленкѣ,
Какъ пришли-ле тутъ двѣ калеки нонь убогея,
Какъ зашли ноньце къ ему, Богу помолилися,
10. Говорятъ они старому Ильѣ Муромцу:
«Охъ ты ой еси, старыя Илья Муромецъ!
Ты ставай-ко ноньце съ печеньки муравленой».
Говоритъ на то старой имъ, ѣтвѣтъ дѣржитъ:
— Охъ вы ой еси, какъ люди нонь хрещоныя!
15. Я сидю ноньце на пеценъкѣ земляноей право,
Я невного нонь немало, ровно тридцать лѣтъ.—
Говорятъ ему калеки во второй наконъ:
«Ты ѣтвѣдай-ко, ставай ноньце какъ съ пецито-то».
Кабы сталъ ноньце ихъ-ле право слушаться,

20. Онъ змахнулъ ноньце своимъ руками бѣлыма,
Шевелить какъ сталъ ногами ноньце рѣзвыма,
Говорять ему калеки таковы слова:
«Слезывай-ты ноньце съ пецъки землею право».
Онъ какъ сталъ ноньце слезывать, право, со пеценьки,
25. Какъ задѣствовали его руки бѣлыя,
Заслужили какъ его нонь ноги рѣзвыя.
Какъ говорятъ ему калеки нонь прохожіе:
«Ты возьми какъ ведро ноньце водяное,
Ты поди-ко нонь сходи какъ за водой право,
30. Ты на ту какъ нонь на рѣценьку Карчагу-ле,
Принеси-ко ты ведромъ воды, право».
Онъ пошолъ-ле старой нонь за водой, право,
Онъ принёсъ нонь воды, право, ключевой.
А сидятъ-ле тутъ калеки, говорятъ, право,
35. Говорять они старому Ильѣ Муромцу:
«Ты повышей-ко-же ноньце воды сколько хочется».
Говорять тутъ нонь калеки, его спрашиваютъ:
«Ты учуюль-ле нонь въ себѣ, право, цего-сего?»
Говоритъ ноньце старой какъ имъ отвѣтъ дѣржитъ:
40. — Я поцуюль ноньце въ себѣ силу великую.—
Говорять на то ищѣ калики-то:
«Кабы есь у 'тця, у 'тця-ле, нонь у матушки,
Кабы есь нонь у ихъ полѣ посѣяно,
Зашолъ ноньце скотъ да кабы топъцетъ-ле,
45. Ты поди огороди, огороди какъ ноньце Божей даръ».
Какъ юшли-то калеки нонь убогія,
А пошолъ онъ какъ хранить полѣ ётцовское.
Онъ завидѣлъ-ле въ поли ноньци скотъ ходитъ,
Онъ какъ изъ поля скота ноньце выганивалъ,
50. Кабы полѣ-то сырымъ дубьемъ огораживалъ,
Онъ вѣдъ рвалъ тутъ какъ дубьицо съ кореньицомъ,
Онъ оклалъ, огородилъ людямъ на юдивленьицо.
Какъ пришли его отецъ-ле, ронна матушка,
Какъ пришли они, увидѣли свое полѣ,
55. Кабы всё оно какъ дубьями заложено,
Они тутъ какъ-бы сами удивилисе:
«Кабы шчо эки чудеса у насъ сотворилися?»
Зашли они въ комнату свою тёплую,
Какъ ювидѣли старой ихъ сынъ здоровой сталъ,

60. Говорить ноньце старой какъ отцу, матушкѣ:
«Охъ ты ой еси, отецъ-ле нонь родимыя!
Охъ ты ой еси, какъ матушка любимая!
Вы какъ дай ноньце вы мнѣ было благословеньицо,
Я хощу ноньце ѣхать въ стольнѣй Кіевъ-градъ,
65. Я хощу нонь посмотрѣть князя Владимира,
Со его любой со матушкой любимоей».
Кабы дали тутъ ему благословеньицо,
Кабы ѣхати ему на стольнѣй Кіевъ-градъ,
На своемъ-то конѣ-ле право бѣлыѣмъ;
70. Кабы былъ-то ю отца его конь бѣлой весь,
На юбѣлѣ весь какъ бѣлыя куропать,
Его хвостъ былъ-ле, грива наущеръ-черна.
Кабы сталъ ноньце старой тутъ отправлятисе,
Какъ онъ въ ту-ле дорожку старопрежнюю,
75. Старупрежнюю дорожку прямоѣжжую,
На котору поселился кабы Соловей,
Поселился тутъ вѣдъ соловей Рахматовичъ.
Онъ сидитъ вѣдъ кабы самъ-отъ на сырыхъ дубахъ,
На тринадцати сидитъ какъ мелкихъ падубкахъ;
80. Кабы были у его вѣдъ сильни заставы:
Кабы первая застава станичники,
А другая кабы застава граничники,
Кабы третья была застава турзы-урзы,
Какъ турзы эте урзы ёне проклятыя.
85. Какъ поѣхалъ нонь старой-ле въ путь дорожиньку,
Какъ пришли вѣдъ три ростани, три дорожиньки,
Какъ стоитъ-ле тутъ ноньце, право дубовой столбъ,
На столбу-тутъ какъ надписи подписаны,
Кабы подрѣзи кому юказаны:
90. «Кабы въ правое дорожку идти-ѣхати,
Какъ во той-ле дорожинькѣ богату быть;
Какъ ' середнюю дорожку, право, ѣхати,
Во середнѣй-то дорожки живому не быть;
Кабы въ третью-ту дорожку кабы ѣхати,
95. Какъ во третей-то дорожки жонату быть».
Кабы тутъ стоитъ старой-ле нонь роздумалса:
«Кабы що ноньце мнѣ ѣхать въ ту дороженьку,
Во которой мнѣ дороженьки богату быть?»
А ' средню мнѣ-ка ѣхать какъ жонату быть?

100. Кабы лучше я поѣду въ третью дорожоньку,
Во которой дорожкѣ живому не быть».
Онъ поѣхалъ нонь старой-ле въ ту дорожоньку,
Во которой какъ старому живому не быть.
Кабы ѣдѣтъ ближе къ городу ко Кіеву,
105. Приѣзжаётъ онъ ко первой-ле заставѣ,
Тутъ стояли какъ на заставы станичники.
Они близко тутъ старому приближаютца,
Какъ хотятъ они стара-ле бити-грабити,
Какъ хотятъ они старого испохабити.
110. Говоритъ ноньце старой имъ, какъ ѣтвѣтъ дѣржитъ:
«Охъ вы ой еси, удалые добрые молодцы!
Ужъ вы потыте ноньце проць отъ старого,
У старого смерть будѣтъ страховитая».
Какъ на то ноньце станичники не врандуютъ,
115. Кабы ближе всѣ ' старому приближаютца.
Кабы бралъ-ле въ руки палицу жалезную,
Кабы сталь онъ ихъ поганныхъ помахивать,
Какъ туда-то махнѣтъ—лежать улицѣма,
120. На округъ-то поворотить—съ переюлками;
Онъ побилъ ихъ проклятыхъ до единого,
Онъ опеть-же заскакивалъ на добра коня,
Онъ ѣпетъ-же поѣхалъ ноньце къ городу.
Какъ стрѣцаетъ тутъ его другая застава,
125. Тутъ стоятъ-ле на заставы граничники,
Они тоже кабы ближе приближаютца,
Какъ хотятъ они стара-ле бити-грабити,
Какъ хотятъ его стащить-ле со добра коня,
Говоритъ какъ имъ старой нонь таково слово:
130. «Охъ вы ой еси, удалы добрые молодцы!
Вы не бейте какъ меня-ле ноньце старого,
А старого вѣдь нонь бить вамъ незашто,
У старого какъ взять-ле ноньце нечего,
У старого только есь ноньце бѣлой конь,
135. Кабы конь вѣдь наубѣлъ вѣдь бѣлъ,
Кабы хвостъ-ле его, грива на ючернѣ-черна;
Ищѣ есь только при се-ле право чуденѣ кресѣ,
Онъ невного ноньце стоитъ—во петсотъ рублей».
Кабы пуще тутъ прокляты ѣсержаютца,
140. Кабы ближе-ле ' старому приближаютца,

- Какъ на то-ле прежъ старой-отъ былъ догадливой,
Онъ вѣдь бралъ вѣдь въ руки палицу жалѣзную,
Кабы сталь-же ихъ проклятыхъ помахивать,
Онъ впередъ туда махнѣтъ какъ лежать улицѣмы,
145. Онъ прибиль какъ бы всѣхъ тутъ до единого,
А ѣпеть-же заскакивалъ на добра коня,
А ѣпеть-же какъ ѣдетъ какъ ближе къ городу.
Прѣѣзжаѣтъ какъ къ послѣдней нонѣце заставы,
Тутъ стоели какъ на заставы турзы-урзы,
150. Какъ турзы-ле-урзы Богомъ проклятыя,
Какъ-бы ближе-ле ' старому приближаютца,
А хотятъ ищѣ старого бити-грабити,
А хотятъ они стащить его со добра коня.
Говорить-ле имъ старой какъ въ послѣдней разѣ:
155. «Охъ вы ой еси, турзы-урзы проклятыя!
Ужъ вы потѣте нонѣце проць ѣтъ старого,
У кого у васъ какъ есь нонъ молоды жоны,
У кого кабы у васъ есь дѣти малыя».
Какъ на то они проклятыя не врандуютъ,
160. Они ближе-ле къ старому приближаютца,
Какъ старой нонѣце вѣдь крѣпче осержаетца,
Онъ какъ бралъ нонѣце саблю свою вострую,
Кабы сталь тихъ турзовъ нонъ помахивать,
Какъ присѣкъ ихъ всѣхъ нонъ до единого.
165. Онъ ѣпеть-же заскоцилъ какъ на добра коня,
Онъ опеть-же ѣдетъ въ ту дорожоньку,
А котора какъ идѣтъ-ле нонѣце къ Кіеву.
Прѣѣзжаетъ нонъ ко подкопу какъ первому
Какъ глубокой-ле подкопъ тутъ ископанной,
170. Во подкопи-то копыця поставлены,
Какъ завидѣлъ старой тутъ глубокъ подкопъ,
Онъ приправиль своего коня доброго,
Какъ скочить-ле черезъ тотъ глубокъ подкопъ,
Какъ повыскочиль его-ле нонѣце доброй конь.
175. Кабы опеть нонъ какъ ѣдетъ ближе къ городу,
Ко другому-ле подкопу онъ подѣѣхалъ нонъ,
Онъ приправиль-же своѣго коня доброго,
Онъ стегнулъ какъ его нонъ по крутымъ ребрамъ,
Повыскочиль его-ле, право, доброй конь.
180. Онъ опеть-же нонѣце ѣдетъ ближе къ городу,

- Кабы третей подкопъ ноньце вѣдь стрѣтилса;
Онъ вѣдь тутъ старой съ конемъ раздумалса,
Кабы видно этотъ подкопъ-отъ широкой нонь,
Онъ вѣдь тоже нонь стегнулъ какъ коня доброго,
185. Кабы тоже какъ скочилъ-ле его доброй конь;
Онъ немогъ перескочить этого подкова,
Кабы падалъ тутъ старой нонь въ глубокомъ подконе,
Со своимъ-ле со добрымъ онъ конемъ добрымъ;
Какъ во подкопѣ вѣдь были право копыца,
190. Какъ вѣдь копы-ти были тамъ право наставлены,
Проколотся какъ коню были направлены;
По его ноньце старому какъ по щасицу,
Кабы копы-ле вѣдь тутъ нонь роздвигалисе,
Кабы падалъ тутъ старой нонь со добрымъ конемъ,
195. Какъ межъ ти ёни вѣдь копы бурзоменскія.
Кабы нонци тутъ старой-отъ призадумалса:
«Охъ ты ой еси, мой ноньце доброй конь!
Какъ мы какъ ноньце станёмъ выздыматисе?
Мы вѣдь какъ станёмъ такой бѣды избавлятисе?»
200. Кабы былъ-то тутъ у старого арканъ какъ шолковой,
Завезалъ онъ какъ однимъ коньцемъ своего коня
доброего,
А другой-отъ коницёкъ берётъ въ руку правую,
Онъ змахнулса-стрепенулса ноньце въ подкопѣ,
Онъ повыскоцилъ старой ноньце изъ подкова,
205. А на ту-ле нонь вѣдь право на сыру землю;
Потенулъ онъ се арканомъ коня доброго,
Забрала его какъ сила молодецкая,
Онъ повызнялъ коня онъ на сыру землю.
А ёпеть-же заскакивалъ онъ на коня доброго,
210. Какъ опеть ноньце какъ ѣдётъ нонь старой казакъ,
Онъ какъ ѣдётъ вѣдь ближе ' Соловью.
Кабы Соловей сидитъ тамъ на сырыхъ дубахъ,
На тринадцати сидитъ мелкихъ падубкахъ,
Онъ завидѣлъ старого добра-молодца,
215. Засвистѣлъ какъ-бы Соловей по-змѣидному,
Закрычалъ какъ-бы соловей по-звѣриному,
Подрожала ронна матушка сыра-земля,
Какъ-бы сырыя тутъ дубье расшаталиса,
У старого ноньце конь право ёбрюшилса,

220. А припалъ его какъ конь вѣдь на колѣни-то,
Кабы бѣтъ его старой вѣдь по тучнымъ ребрамъ:
«Кабы ой еси, ты нонь-ле право доброй конь!
Не слыхалъ будто вороньяго граянья?
Не слыхалъ вѣдь какъ вороньяго курканья?»
225. Какъ скочилъ вѣдь какъ тутъ конь на рѣзвы ноги,
Какъ тутъ ноньце старой-ле осержаетце,
Натенулъ онъ свой-ле, право, тугой лукъ,
Онъ направилъ какъ-бы стрѣлоцьку калѣную,
А калѣную стрѣлоцьку, перѣную,
230. Онъ направилъ кабы ей, самъ приговариваль:
«Охъ ты ой еси, моя стрѣла калѣная!
Охъ ты ой еси, моя стрѣла перѣная!
Полети-ко моя стрѣлоцька туда, право,
Ты туда-ле ка' стрѣлка, куды я вѣлю,
235. Полети-ко нонь ты Соловьѹ во правой глазъ».
Полетѣла его нонь калена стрѣла,
Какъ не падала она-ле ноньце на горы,
Какъ не падала она ноньце на землю,
Залетѣла, право, Соловьѹ во правой глазъ,
240. Кабы тутѣ нонь Соловей свернулса нонь,
Какъ свернулса ноньце Соловей съ сырыхъ дубовъ;
Какъ старой-отъ былъ вѣдь Богомъ онъ ухватчивой,
Подгонилъ ноньце подъ Соловья Рахматова,
Онъ схватилъ кабы Соловья на полети нонь,
245. Привезалъ его ко степи лошадинной,
Какъ поѣхалъ-то бы ближе то бы ' городу.
Кабы было тутъ у Соловья деветъ дочерей,
Какъ на всѣхъ было взято деветъ зетевьей,
Кабы близко тутъ старой къ нимъ приближается;
250. Какъ завидѣли старого непріятеля,
А хотятъ-бы его, право, побить, право,
А сидитъ тутъ кабы Соловей на добромъ конѣ,
Онъ сидитъ-ле старымъ какъ тутъ привязаной,
Говоритъ онъ какъ своимъ любимымъ зетевьямъ:
255. «Вы не бейте ноньце руського богатыря,
Не сердите кабы нонь его-ле молодца,
Ужъ вы лучше унижайтесь нонь добрымъ концомъ,
Какъ просите нонь: миня онъ не спуститъ-ле».
Кабы были у его ворота широкія,

260. Кабы были тутъ надворотнички тяжелыя,
Кабы кто тутъ заѣдетъ, придавать того,
Говоритъ ищѣ имъ Соловей Рахматовичъ:
«Не сердите вы какъ руського боготыря,
Не спускайте какъ надворотенку тяжелую».
265. Какъ опеть-же поѣхалъ ближе къ городу.
Какъ невного поры время миновалосе,
Пріѣзжаётъ старой какъ ближе къ городу,
Онъ соскакивалъ ' своего коня доброго,
Привезалъ какъ коня доброго къ дубову столбу,
270. Къ дубову-ле ёнъ столбу, золоту кольчу,
Какъ пошолъ ноньце типеря во свѣтлу гриню,
Во свѣтлу-ле эту гриню княженеческу,
Какъ заходитъ онъ во гриню, Богу молитца,
На всѣ стороны какъ самъ тутъ поклоняйтца,
275. А князю-то, княгины на ёсобичу:
«Ужъ ты здравствуешь, нонъ солнышко Владимиръ-князь!
Ожъ ты здравствуешь, нонъ сѣ матушка Опраксія!»
Говоритъ ноньце какъ солнышко, отвѣтъ держить:
— Охъ ты здравствуешь, удалой доброй молодець!
280. Ты ёткуль ноньце ѣдѣшь, куда прависься?
Ты какого-ле отца, какой матушки?
Ище какъ ты молодца имянѣмъ зовутъ?—
«Изъ того ѣду изъ города изъ Мурома,
Изъ того-ле я села-жила Карчагова».
285. — Ищѣ какъ ты молодца нонъ именѣмъ зовутъ?—
«Именѣмъ меня зовутъ-ле-я какъ старъ-казакъ,
Какъ бы старъ-казакъ я, ноньце Илья Муромецъ».
— Уже какъ ты, поколь нонъ ѣхалъ, правилса?—
«Я вѣдь ѣхалъ нонъ дорожкой старопрежней,
290. Старопрежней дорожкой, прямоѣжжоей,
На котору поселилса кабы Соловей,
Поселилса онъ, сабака, убивалъ вного,
Убивалъ онъ, какъ, грабилъ людей добрыхъ,
Онъ поставилъ тутъ заставы великія,
295. Мнѣ какъ Богъ пособилъ—я всѣ проѣхалъ нонъ,
Какъ побилъ я тутъ вѣдь Соловья Рахматова,
А стронилъ какъ его я со сырыхъ дубовъ,
Привязалъ я ко степи лошадиной,
Онъ сидитъ ноньце у мня какъ на добромъ конѣ,

300. На добромъ кони сидить привязаной».
Говорить-ле на то солнышко Владимиръ-князь:
— Охъ ты ой еси, старъ-ле доброй молодець!
Ты садись-ко нонь съ дорожоньки попить-поись,
Ты попить ноньце, поись, хлѣба покушати.—
305. Какъ садилса старой ноньце, попилъ-поѣлъ,
Кабы сталъ его вѣдь солнышко тутъ спрашивать,
Кабы сталъ онъ вѣдь тутъ съ нимъ розговаривать:
«Какъ неможно-ле нонь Соловья завести суда?»
Говорить на то старъ-ле, какъ отвѣтъ дѣржить:
310. — Какъ пошли-тко ты-ле слугъ-ле вѣрныхъ,
Кабы вѣрныхъ ты слугъ-ле, неизменныхъ.—
Какъ пошли эте вѣдь слуги ноньце вѣрныя,
А подходятъ они ближе къ коню доброму,
Какъ завидѣли тутъ Соловья привязана,
315. Ужахнулись они Соловья Рахматова,
Говорять они какъ Соловью Рахматову:
«Охъ ты ой еси, нонь Соловей Рахматовичъ!
Мы какъ посланы отъ стара-ле казака Ильи Муромца,
Мы какъ посланы отвезать тебя нонь, право,
320. Какъ отъ той-ле отъ степи лошадиной».
Говорить кабы имъ Соловей, отвѣтъ дѣржить:
— Я не вашима руками нонь привязаной,
Я не вашима руками коню приказаной,
Кто нонь привязалъ меня къ добру коню,
325. Я того ноньце могу-ле право слушати.—
А зашли эти вѣдь слуги нонь, народъ въ гриню,
Кабы сказываютъ они князю Владимиру:
«Говорилъ вѣдь нонь какъ Соловей Рахматовичъ:
«Я не вашима руками сижу привязаной,
330. «Я не вашима словами сижу приказаной,
«Кабы хто меня привязалъ, того я слушаю».
Говорить ищѣ какъ солнышко ' второй наконъ:
— Охъ ты ой еси, старой-ле Ильи Муромецъ!
Заведи-ко ноньце Соловья въ свѣтлу гриню.—
335. Пошолъ-ле старой нонь ко добру коню,
Кабы сталъ ноньце ёнъ Соловья ётвязывать,
Говорить самъ какъ Соловью Рахматовичу:
«Ты пойдѣмъ ноньце какъ Соловей въ свѣтлу гриню,
340. Ты Владимиру-царю на посмотреньцо,

- А стороннымъ ты людямъ на удивленьицо».
Онъ завёлъ ноньце какъ Соловья Рахматовича,
Говорить на то какъ солнышко Владимиръ-князь:
— Охъ ты ой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
345. Ты позволъ-ко ноньце Соловью засвистѣть, право,
Засвистѣть кабы ему нонь о полусвиста,
Закричать кабы ему нонь о полукрика.—
Говорить-ле тутъ старъ таково слово:
«Какъ велю я засвистѣть ему о полусвиста,
350. Я возьму-ле нонь тебя князя въ руку правую,
А княгиню надо взяти въ руку лѣвую».
Говорить ноньце старой-ле право Соловью:
«Засвисти-ко ноньце Соловей въ полусвииста».
Кабы много тутъ народу собиралосѣ,
355. На удивленіе какъ въ Кіевъ соѣзжались;
Засвистѣлъ онъ ноньце Соловей въ полусвиста,
Подрожала ровно гриня княженеческа,
Кабы князь-отъ, княгина цють не юпали тутъ,
Простонародіе тутъ всѣ какъ ровно заспали.

54.

Дмитрій Бранской.

- Кабы былъ-ле прежде Митрей-ле Бранскія,
Онъ какъ былъ, право, Митрей-отъ хитѣрь-мудѣрь,
Онъ какъ могъ-бы ходити рыбой щукою,
Ищѣ могъ-бы какъ бѣгати сѣрымъ волкомъ,
5. Кабы могъ ище рыскать бѣлымъ горносталѣмъ.
Какъ-бы былъ-ле прежде дядюшка Имбалъ-король,
Кабы были у ёго-ле два племянницъка,
Какъ придумали нонь ѣхать въ Бранской городъ,
Ко тому ёни ко Митрею ко Бранскому,
10. А захотѣли роззорить они Бранской-отъ городъ,
Они просятъ какъ у дядюшки было благословеньица,
Роззорите нынѣ хотятъ славной Бранской городъ;
Они просятъ какъ у дядюшки благословеницо,
Говорить на то имъ дядюшка Имбалъ-король:
15. «Охъ вы ой еси, мои родны племяннички!

- Какъ не дамъ ноньце я вамъ благословеньице;
А какъ билса я прежде ' Митреёмъ ровно тридцеть лѣтъ,
Не могли мы одинъ другого ранити,
Не могли какъ вѣдь мы другъ друга кровавити:
20. Кабы Митреётъ вѣдь нонь право хитѣрь-мудѣрь,
Онъ вѣдь можотъ ходить-ле въ морѣ щукою,
Онъ вѣдь можотъ-ле бѣгати сѣрымъ волкомъ,
Ищѣ можотъ-ле рыскать бѣлымъ горносталѣмъ».
Какъ на то его племянницки не врандуютъ;
25. Кабы стали тутъ два брата снаряжаться,
Кабы стали ѣтиправлятися во Бранской городъ,
А поѣхали они ближе ко городу,
А какъ близко-ле ко городу приближаютца,
Заѣжжаютъ нонь они въ славной Бранской городъ,
30. Кабы Митрея въ городи не случилось,
Какъ уѣхаль ноньце Митрей ко Черну морю,
А стрѣлети тамъ гусей, кабы лебѣдышекъ,
Побивать-ле кабы малыхъ утянышокъ.
Какъ заѣхали они въ славной Бранской городъ,
35. Кабы зажили робята подомашному,
Кабы лучшую вѣдь силу всё повыбили,
Какъ другая тутъ вѣдь сила на юходъ ушла,
Кабы Божіи-те церкви всѣ повыжгали,
Присвятую Богородицю во грезь стоптали.
40. Кабы были у Митрея три ворона,
Какъ три ворона-то были тамъ кормлѣныя,
Полетѣли эти вороны ко Черну морю,
А искать-ле своего какъ хозяина;
Прилетѣли они какъ ко Черну морю,
45. А завидѣли какъ Митреёвъ-ле чернъ шатѣрь,
Какъ сажалисе ти вороны на сыро дубѣ,
Кабы первоётъ воронъ тутъ возграиваль,—
Кабы спитъ-ле тотъ Митрей не пробудитса;
Какъ другой-отъ-ле воронъ тутъ возграиваль,—
50. Кабы тоже Митрей спитъ нонь не пробудитса;
Кабы третей-отъ воронъ тутъ возграиваль,—
Кабы тутъ-ле ноньце Митрей пробужаитса,
Онъ съ тежолымъ-ле со сномъ какъ rozdѣляется,
Онъ какъ вышолъ ноньце Митрей изъ черна шатра,
55. Онъ увидѣлъ своихъ вороновъ кормлѣнныхъ,

- Какъ увидѣлъ еще вороновъ поѣнныхъ,
Кабы самъ-ле тутъ Митрей розговаривать:
«Охъ вы ой еси, мои какъ черны вороны!
Видно есь у меня надъ городомъ незгодушка?
60. Видно есь у мня надъ Бранскимъ великая?»
Онъ какъ скоро заскоцилъ тутъ на добра коня,
Онъ вѣдь скоро погонилъ ближе ко городу,
Пріѣзжая къ ко городу ко Бранскому,
Кабы весь его городъ розвоеваной,
65. Кабы лучшая-ле сила вся повыбита,
А другая-то вѣдь сила на юходъ ушла,
Кабы Божьи-ле церькви всѣ повыжганы,
Присвятая Богородиця въ грезъ стоптана;
Какъ увидѣлъ ноньце Митрей Богородицу,
70. Онъ скочилъ со своего коня доброго,
Онъ какъ взялъ ей-ле во рѣзвы руки,
Говорить кабы-ле ей-ле Богородицѣ:
« Ты пошто ноньце далася кабы поганыимъ?
Ты пошто ищѣ далася ноньце проклятыимъ,
75. Ты даласе кабы имъ да на поругань?»
Онъ поставилъ ей куда какъ ноньце хочетса.
Какъ была-ле у его, право, родна сестра,
Какъ уѣхали два брата Долгополыя (такъ),
Увезли они у Митрея родну сестру,
80. Они выѣхали на полѣ на чистое,
А поставили они-ле тутъ, право, чернъ шатерь.
Засвистѣлъ кабы Митрей нонъ въ городѣ,
Онъ вѣдь подалъ какъ своей силы нонъ голосъ-ле,
Засвистѣлъ кабы Митрей во второй наконъ,
85. Кабы стала его сила приближатисе,
Засвистѣлъ ищѣ Митрей въ третей-ле разъ,
Набѣжала его сила нонъ великая;
Какъ пошли ноньце въ сугонъ они за братьями,
А настигли кабы ихъ вѣдь на поли,
90. Отдыхаютъ они нонъ какъ во черномъ шатрѣ,
Кабы тутъ-же сидитъ его родна сестра,
Какъ сидитъ у одного-ле ноньце вшей ловить.
Кабы Митрява сила приближайтца,
Кабы Митреѣтъ-ле былъ, право, хитѣрь-мудѣрь,
95. Онъ заскакивалъ въ шатѣрь бѣлымъ горносталѣмъ,

- Онъ поскакивать-ле Митрей нонь горносталёмъ,
Какъ у тугихъ луковъ онъ струны выкусаль,
У калёныхъ ихъ вѣдь стрѣль-ле уши выкололъ.
Какъ сидитъ тутъ вѣдь Митрея родна сестра,
100. Какъ увидѣла ноньце право горносталя,
Она думать какъ себѣ нонь такову думу:
«Какъ явился вѣдь нонь, право, какъ родной вѣдь братъ».
Кабы тутъ она сидитъ нонь зрыдоваласе;
Какъ выскакивалъ горносталъ изъ черна шатра,
105. Овернулса какъ горносталъ ноньце Митреёмъ,
Засвистѣлъ кабы Митрей во первой нонь разъ,
Засвистѣлъ кабы Митрей-отъ въ другой-ле разъ,
Кабы стала его сила привлижатисе,
Засвистѣлъ ищѣ Митрей во третей-ле разъ,
110. Какъ успѣла его нонь тутъ сила великая,
Приказаль-ле онъ хватать етихъ двухъ брателковъ.
Какъ схватили етихъ двухъ-ле ноньце брателковъ,
Приказаль онъ какъ своей силы великойей:
«Вы ю одного глаза ноньце ископайте,
115. У другого по колѣнъ ноги отсѣките».
Какъ сроботала его сила великая,
Какъ ' одного глаза ноньце ископала,
У другого по колѣнъ ноги отсѣкла нонь,
Говоритъ на то Митрей ноньце Бранськія:
120. «Ужъ вы потыте какъ назадъ, право, въ свою землю,
Ужъ потыте нонь ко дядюшкѣ ко Имбалу,
А слѣпой—ты неси, глазатой—указывай».
Какъ пришли ноньце они, право, ко дядюшкѣ,
Говоритъ на то имъ дядюшка Имбаль-король:
125. «Вы не слушали старого вамъ наказываньё».

55.

Садко.

Кабы было во городи во Кіевѣ.
Какъ у ласкова князя-та Владимира,
Кабы было пированьё, столованьё.
Кабы вного тутъ съѣзжалось купцей-людей,

5. Какъ купцей людей право торговыхъ,
А садили какъ вѣдь тутъ-то ихъ ноньце за столики,
Угощали ихъ ноньце, цего имъ хоцѣтце.
Кабы всѣ они тутъ напивалися,
Кабы всѣ они тутъ стали пьяноватыѣ;
10. Какъ сидѣль-то Садко купецъ за столикомъ,
Онъ за столикомъ сидѣль какъ за переднеемъ,
Онъ выходитъ Садко ноньце изъ за столика,
Онъ на серѣдку вѣдь полу какъ кирпищата,
Онъ самъ близко къ столу нонь приближайтсе,
15. Онъ вѣдь проситъ себѣ право охотничка:
«Я хоцю кабы съ нимъ ноньце бится-ле,
Я хоцю вѣдь нонь въ Новѣ-Градѣ товары всѣ
повыкупить.
- Я товары какъ тутъ всѣ повыкуплю,
А на матушку на Волгу всѣ повывожу,
20. Тридцеть караблей черленыхъ всѣ повыгружу».
Тутъ выходитъ нонь попъ, отецъ духовныя,
Онъ вѣдь близко-же къ столу самъ приближайтца,
Говоритъ-ле нонь какъ попъ таковы рѣчи:
— Я вѣдь бьюся-ле съ Садкомъ, купцемъ богатыемъ,
25. Кабы бьюся я вѣдь съ нимъ да о великъ залогъ,
Какъ не о стахъ рублей нонь не о тысячахъ,—
О своихъ-ле буйныхъ право головушкахъ.—
По Садки-то поручалисе купцы-люди,
По попи-то поручалисе попы, дьяки,
30. Какъ билися они тутъ о великъ залогъ.
Розошлися какъ съ пиру ѣни, розѣхались,
Какъ Садко-ко забиралъ сибѣ прикатчиковъ,
А купити хоцѣтъ товары во Новѣ-Гради.
Кабы купятъ они-ле, право, день поры.
35. Кабы купятъ они, право, другой поры,
Ище купятъ, право, они недѣлю всю,
Не могли ѣни товары тутъ повыкупить,
У Садка-ле казны нонь мало можетца,
Во Новѣ-Гради товару больше старого;
40. Кабы тутъ ноньце Садко тутъ запечалилса,
Онъ пошолъ нонь Садко какъ во Божью церкву,
Онъ змолилсе тамъ какъ Богородицѣ:
«Охъ ты ой есь, Присвета Мать Богородиця!

Пособи-ко мнѣ въ Новѣ-Гради товары какъ
повыкупить,

45. А на матушку на Волгу всѣ повывозить,
Тридцеть караблей черленыхъ всѣ повыгрузить,
А поставлю я тибѣ нонѣ церковь Божію,
Со всима какъ со иконама тамъ чудныма».
А пошолъ нонѣ Содко какъ изъ Божьей церкви,
50. Они нацали купить право товары-ти,
У Садка-ле казны стало вного вножество,
Во Новѣ-Градѣ товару мало можетца.
Какъ повыкупили Садко нонѣце товары всѣ,
Какъ на матушку на Волгу всѣ повывозить,
55. Тридцеть караблей черленыхъ всѣ повыгрузить.

12. Екатерина Ѳедоровна Торопова.

Очень старая и дряхлая старушка—ей 81 годъ—охотно согласилась мнѣ пѣть и пѣла кромѣ Голубинной книги: стихи: Егорья и Александру и про смерть. Въ молодости знала много старинъ, но теперь позабыла.

56.

Голубинная книга.

- А на ту-де на матушку Саворъ-гору
Выпадала вѣдь книга голубинная.
Не велика-ле книжица, не малая,
Во долготу она была да какъ цѣла сажень,
5. Какъ цѣла-де сажень была печатная,
Во толщину-то-ле книжица три четверти,
Въ ширину-то-ле книжица сорокъ локоть.
А на ту-де на славу на великую,
Собиралисе тутъ, да сокоплелися,
10. Какъ цитать эту книгу голубинную;

- Во первыхъ, тутъ читалъ да какъ Давыдъ-пророкъ,
Во вторыхъ, тутъ читалъ да какъ Исай-пророкъ,
Во третьихъ, тутъ читалъ да какъ Солóманъ-царь.
А хотѣли прочесть да книгу голубинную,
15. А читать они хотѣли кабы три вѣдъ дня,
Прочитать они хотѣли съ доски на доску,
А потомъ процитали да книгу три года,
А читали они да у ей три листа.
Кабы цѣ объ цѣмъ книга была написана?
20. Отъ цего тутъ зацался вольной бѣлой-свѣтъ?
Отъ цего зацалось да сонцо красное?
Отъ цего-де зацался бладъ-мѣсець?
Отъ цего зацались да звѣзды цястыя?
Отъ цего разлились да моря синія?
25. Отъ цего-де пошли да много множесво,
А потимъ по морямъ да какъ по синіимъ,
Расходились по морямъ да какъ морски звѣри,
Во моряхъ поевились какъ больши киты?
На китахъ да земля была основана.
30. И прошло тутъ-ле время, прокатилося,
Узнавать стали народъ да отъ цего-цего:
Отъ цего-де зацалса вольной бѣлой-свѣтъ?
Отъ цего-де зацалось красно-солнышко?
Да зацался бѣлой-свѣтъ отъ Воспода,
35. Красно-солнышко зацалось да изъ оцей Его.
Отъ цего-де зацался бладъ-свѣтель-мѣсець?
Бладъ-свѣтѣль-мѣсець зацалса отъ ушей Его.
Звѣзды цясты зацались да какъ отъ рукъ Его.
Отъ цего зацалась вся поселенная?
40. Какъ отъ Суса Христа да отъ распятого,
Сотворилъ-де Господь да Царь Небѣсной-свѣтъ,
Онъ и небо сотворилъ, онъ и землю всю,
А вси тутъ моря да большосиніи,
А и вси тутъ карабли, морски звѣри,
45. Кабы всё сотворилъ Господь Небѣсной-свѣтъ;
А земля мати основана на трѣхъ китахъ,
Сотворилъ ей Господь да Исусъ Христось.
-

13. Алексѣй Васильевичъ Чупровъ.

Алексѣй Чупровъ—старикъ 70 лѣтъ, знаетъ много сказокъ, которыя рассказываетъ очень складно, почти стихами, но безконечно повторяясь, отчего сказки его выходятъ непомѣрно длинны. Знаетъ онъ и былины, но съ тѣхъ поръ какъ его постигло большое несчастье (онъ ослѣпъ), онъ религіозно настроенъ и ничего не поетъ, кромѣ духовнаго, хотя сказки рассказывалъ мнѣ всякія, иногда очень скабрёзныя. Здѣсь ему принадлежитъ былина про „Потыка“ богатыря и пѣсня. Отъ него-же я записалъ нѣсколько рассказовъ про мѣстную „бывальщину“: про разбойниковъ и пр.

57.

Потыкъ.

- Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя Владимера,
Завелса у князя почесенъ пиръ,
На многихъ князей, на бояровъ,
5. На руськихъ могучихъ богатырѣвъ,
На злыхъ паленицъ преудалыхъ,
На купцей, людей торговыхъ,
На мѣшшанъ пригородныхъ,
Людей посадскіихъ,
10. На лучшихъ хресьянъ православныхъ.
Пиръ идетъ о полупира,
Столъ стоитъ о полустола,
Княженевская радость—полурадость.
Владимеръ князь сталъ пьянешинекъ и веселешинекъ,
15. Выходилъ на середка кирпичать полъ,
Съ ноги на ногу переступывалъ,
Изъ рѣчей самъ выговаривалъ:
«Всѣмъ молодцамъ служба явлена,
Потыку служба надмѣчена:

20. Съѣздить ему въ землю Холщевскую,
Худшую силу въ пенъ повырубить,
Лучшую силу въ полонъ взять,
Красно-золото въ возы склась,
Скатёнъ жёмчугъ гонить телѣгою,
25. Добрыхъ коней табунами гнать,
Молодыхъ дѣвушекъ станицами,
Молодыхъ молодушекъ пленицами,
Старыхъ старухъ гнать коробицами». Сидитъ Пóтыкъ запечалился,
30. Повѣся сидитъ буйну голову,
Потупя очи ясныя во кирпищатъ полъ.
На то Солнышко догадливъ былъ:
Наливаетъ цару зелена-вина,
Не велику не малу—въ полтора ведра,
35. На закуску колачикъ бѣлъ-крупичатой,
Подноситъ удалу добру молодцу:
«Ужъ ты, Потыкъ Михайловичъ!
Прими, выкушай цару зелена-вина». Беретъ Пóтыкъ во праву руку,
40. Пьетъ чару къ едину духу,
За чарой умѣлъ слово вымолвить:
— Сколько радъ я отъ царя служить,
А вдвое радъ я голову сложить.—
Вставалъ Пóтыкъ на рѣзвы ноги,
45. Выходилъ на середка кирпищатъ полъ,
И всѣмъ челомъ билъ, низко кланялся,
А князю со княгиней на особицу.
Выходилъ тогда онъ на улицу,
Ко своему коню доброму;
50. Невинно поѣздки молодецкой,
Только слышно побѣжки лошадиной,
Во чистомъ поли курива стоитъ,
Отъ коня его дымъ столбомъ валить;
Скачетъ его конь съ укатисты на увалистыхъ,
55. Мелкіе рѣвки на ускокъ беретъ,
Черные грѣзи промежъ ногъ держить.
Приганивалъ въ землю Холщевскую,
Не спрашивать у дверей придверниковъ,
У воротъ приворотниковъ,

60. Заѣхалъ въ городъ Холщевской
И сталъ громѣть, шурмовать
И крѣпко воевать.
Худшую силу въ пень повырубилъ,
Лучшую силу во полонъ взялъ,
65. Красно золото въ возы склалъ,
Скатѣнь жѣмчугъ гонить телѣгою,
Добрыхъ коней табунами гналъ,
Молодыхъ дѣвушекъ станицами,
Молодыхъ молодушекъ пленіцами,
70. Старыхъ старухъ коробицами.
Пѣтыкъ Михаило гонить силу по чисту полю,
Приганивать ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сила въ ворота не помѣщается,
75. Пѣтыкъ въ ворота пробивается.
Встрѣчаютъ Потыка сына Михайловича,
Встрѣчатъ народу много множество,
Встрѣчатъ его солнышко Владимиръ-князь,
Со своей княгиной со Апраксіей.
80. «Ужъ ты здравствуй, Потыкъ Михайловичъ!»
— Ужъ ты здравствуй, солнышко Владимиръ-князь,
Со своей княгиной со Апраксіей!—
Со той со радости со великоюй,
Завелся у князя почесень пиръ больше стараго,
85. На многихъ на князей, на бояръ,
На руськихъ могучихъ богатырѣвъ,
На злыхъ паленицъ преудалыхъ,
На купцей людей торговыхъ,
На мѣшчанъ пригородныхъ,
90. Людей посадскіихъ,
На лучшихъ хресъянъ православныхъ.
Пиръ идетъ о полупира,
Столъ стоитъ о полустола,
Княженевская радость—полурадость.
95. И тогда Владимиръ сталъ пьянѣшинѣкъ и веселѣшинѣкъ,
Выходилъ онъ на середка кирпичать полъ,
Съ ноги на ногу переступывалъ,
Изъ рѣчей самъ выговаривалъ:
«Ой ты, ой еси Пѣтыкъ сынъ Михайловичъ!

100. Хочешъ-ли ты пожинитися,
Дамъ тебѣ дѣвицу какъ надобно?
Хошъ бери дѣвушку княженевскую,
Хошъ бери боярскую,
Хошъ бери купеческу,
105. Хошъ бери и поповскую,
Хошъ бери и хресъянскую». Ставѣтъ Потыкъ на рѣзвы ноги,
Выходитъ изъ за стола дубоваго на кирпищатъ полъ,
Тишешинько къ князю подвигается,
110. Нижешенько князю поклоняется:
— Охъ ты, солнышко Владимиръ-князь!
Позволь мнѣ слово вымолвить:
Не надо мнѣ дѣвки княженецкія,
Не надо мнѣ дѣвки боярскія,—
115. Боярски дѣвки злы омманчивы;
Не надо мнѣ дѣвки поповскія,
Не надо мнѣ дѣвки и купеческой,—
Поповскія дѣвки пропируются,
Купечески дѣвки проторгуются,
120. А хресъянскія дѣвки только толчі да молотъ.—
Садится тогда Потыкъ на лавку брусчатую,
Дубовую, за передней столъ.
Пиръ-отъ идетъ у нихъ о полупира,
Столъ идетъ о полустола,
125. Солнышко катится ко западу,
День идетъ ко вечеру.
Бояра толстобрюхіе на Потыка разсердились,
И крѣпко прогнѣвились,
Говорятъ солнышку Владимиръ-князь:
130. «Охъ ты, солнышко Владимиръ-князь!
Всѣмъ намъ служба явлена.
А Потыку службы долго нѣтъ».
На то солнышко догадливъ былъ:
— Всѣмъ молодцамъ служба явлена!
135. А Потыку службы надмѣчена—
Сѣздитъ Потыку въ землю Копейщату,
Худшую силу повырубить,
Лучшую силу во полонъ взять... (и т. д. до):
...Выходитъ онъ на улицу, къ своему коню,

140. Отвезаль коня отъ дубова столба, золота кольца,
Не видно поѣздки молодецкой... (и т. д.).
...Приганиваль въ землю Копейцату,
Не спрашиваль у дверей придверничковъ,
У воротъ приворотничковъ,
145. Зачаль громѣть, шурмовать и крѣпко воевать.
Худшую силу повырубиль,
Лучшую... (и т. д. до):
...Старыхъ старухъ гнать коробицами,
Душку-Маринку лебедь бѣлую,
150. Душу полонѣну, красну дѣвицу во полонѣ взять,
Посадилъ ей на добра коня, позади себя.
Ѣдетъ съ Маринкой по чисту полю,
Самъ изъ рѣчей выговаривать:
«Ой еси, душка-Маринка, лебедь бѣлая!
155. Душа полонѣна, красна дѣвица,
Идешь-ле ты за меня възамужъ?»
Говорить Маринка таковы рѣчи:
— Положимъ мы съ тобой заповѣдь тяжелую,
нелеккую,
Который, мы съ тобой, напередъ помремъ,
160. Другому лекчи живому во гробъ.—
Ѣдетъ Потыкъ по чисту полю
И видитъ горить часть раки товъ кустъ;
Пріѣзжать къ этому пламени великому,
Кругомъ пламя люта змѣя извивается,
165. Къ Потыку ближешенько приближается,
Нижешенько Потыку поклоняется,
Говорить таковы рѣчи:
«Ой ты, Пóтыкъ сынъ Михайлычъ!
Соскакивай скоро со добра коня,
170. Сдергивай сапогъ съ ноги правыя,
Бѣги скоро на Дунай-рѣку,
Зачерпни сапогъ до полна воды
И залей, загаси часть раки товъ кустъ,—
Выводи моихъ дѣтокъ милыхъ,
175. Милыхъ дѣтокъ, глупыхъ,
Сотворю тебѣ добро великое,
Великое, хорошее».
Скоро Пóтыкъ не ослышался,

- Соскакивалъ съ коня доброго,
180. Привязывалъ коня къ дубову столбу... (и продѣлывалъ
все такъ, какъ просила змѣя).
...Вывелъ у змѣи дѣтей малыхъ.
Тогда змѣя люта ближешенько къ Потыку
приближается,
Нижешинько Потыку покланяется:
«Спасибо Потыкъ Михайло сынъ Ивановичъ».
185. Садился Потыкъ на добра коня
И ѣхалъ въ стольной Кіевъ-градъ
Ко ласкову князю Владимиру... (пріѣхалъ Пóтыкъ,
его встрѣчаетъ народу множество, князь Владимиръ и пр.,
на пиру Пóтыкъ заявляетъ, что хочетъ жениться):
«Я хочу пожениться,
Я хочу взять красну дѣвушку,
190. Душку-Маринку, лебедь бѣлую,
Душу полонену, красну дѣвицу».
У солнышка князя не пива варить, не вина курить,—
Пиво сварено, вино скурено;
Веселымъ пиркомъ и скорой свадебкой,
195. Поженили Пóтыка съ душкой-Маринкой лебедь бѣлоей.
Со той со радости со великоюй,
Завелся у князя почесенъ пиръ больше стараго.
Всѣ сидятъ пьянешиньки, всѣ веселешиньки,
Сидятъ бояра толстобрюхіе, царски подговорщики
200. И говорятъ они кнезю Владимиру;
«Всѣмъ служба явлена, Пóтыку службы нѣтъ».
На то Солнышко догадивъ былъ... и пр., до:
... «Съѣздить ему въ землю Подóбьскую,
Лучшую силу во полонъ взять,
205. Худшую силу повырубить... (и пр. Пóтыкъ ѣдетъ въ
землю Подóбьскую и пр., какъ прежде—худшую силу рубить,
лучшую во полонъ беретъ и пр.)
А послѣ того, послѣ этого,
Понеслись бояра на Пóтыка,
Что онъ ихъ оконфуживалъ,
Ихъ красныхъ дѣвушекъ не взялъ за себя възамужъ.
210. Опоили бояра на пиру молодую жену Пóтыка зельемъ
лютымъ,
Приняла его молода жена смерть чажолую.

(Когда Пóтыкъ прїѣхалъ изъ земли Подобьской, его встрѣчаютъ):

Встрѣчаетъ Пóтыка народу множество,
Князя Владимира не случилось,
Молодой его жены не пригдалосе.

215. Спрашивать Пóтыкъ Михайло:

«Гдѣ-же Солнышко Владимиръ князь,
Не встрѣчатъ меня добра молодца изъ чиста поля?
Гдѣ-же моя молода жена?
Одолело-ле ее богатство

220. Или въ соборъ ушла Богу молитися?»

Отвѣчатъ народъ Пóтыку Михайлу:
— Не одолело ее богатство великое
И не ушла она въ соборъ Богу молитися,—
Послѣ тебя былъ почесенъ пиръ,

225. Оноили ее бояра толстобрюхе;

А солнышко Владимиръ князь,
Дѣлатъ твоей молодой женѣ новъ-дубовой гробъ.—
Соскочилъ Пóтыкъ со добра коня,
Побѣжалъ ко князю Владимиру:

230. «Тебѣ Богъ помочь, солнышко Владимиръ-князь!

Дѣлатъ новъ-дубовой гробъ.
Дѣлай ты солнышко Владимиръ-князь новъ-дубовой-
гробъ,

Чтобы оба вошли мы съ молодой женой.

У насъ положена заповѣдь тяжелая, великая:

235. Которой напередъ помрѣтъ,

Другому живкомъ въ гробъ лекчи».
Тогда Пóтыкъ сынъ Михайловичъ
Походитъ къ кузнецу, ко мастеру,
Сковать себѣ три прутика:

240. Желѣзной, мѣнной и оловянной,

Сковать кiski (тиски?) желѣзныя.

Приходить ко князю Владимиру,

Ко гробу новому дубовому.

Занесли гробъ къ молодой жены,

245. Понесли молодую жену,

Идетъ за ней Пóтыкъ Михайловичъ,

Горечими слезами уливается,

Съ добрыми людьми прощается,

- Со бѣлымъ свѣтомъ разстается,
250. Со княземъ, съ княгиней на особицу.
Пожится Пóтыкъ въ новъ-дубовой-гробъ съ молодой
женой.
Спустили ихъ въ матушку во сыру-землю,
Въ могилу глубокую,
Стали ихъ хоронить во матушку во сыру-землю,
255. Въ могилу глубокую,
Зарыли желтымъ пескомъ.
Лежить Пóтыкъ съ вечера до зари утренной,
Слышитъ—ко гробу кто-то копается.
Подрылась, подкопалась змѣя лютая,
260. Взялъ Пóтыкъ кiski желѣзныя
И прищемилъ змѣю лютую,
И сталъ стегать ее прутомъ желѣзнымъ;
Желѣзный пруть Потыкъ весь повыломалъ,
Ушинки за кожу змѣи повысовалъ!
265. Ухватилъ пруть мѣнной
И сталъ стегать имъ змѣю лютую.
Мѣнной пруть Потыкъ весь повыломалъ,
Ушинки за кожу змѣи повысовалъ.
Ухватилъ пруть оловянной,
270. Оловянный пруть гнется, не ломится.
Возмолилася змѣя лютая
Словомъ ласковымъ и покорнымъ:
«Ой еси, удалой доброй молодець,
Пóтыкъ Михайло сынъ Ивановичъ!
275. Не стегай меня за напрасенно,
Выдергивай изъ моей щеки правой
Кисками желѣзными коренной зубъ».
Пóтыкъ Михайло скоро не ослышался,
Выдергивалъ у змѣи коренной зубъ
280. И мазалъ свою молодую жену,
Вставала его молода жена жива и здрава.
Тогда-же Пóтыкъ сталъ вставать изъ матушки сыры-
земли
И идетъ онъ къ князю Владимиру.
Встрѣчатъ ихъ Владимиръ-князь
285. На своемъ на крутомъ крыльцѣ:
«Ужъ ты здравствуй, Пóтыкъ Михайловичъ!

Слава Богу, судить Господь живыми глазами видатися». Сь этой радости великою
Завелся у князя почесень пирь больше старого.

Старина записана не съ голоса, со многими сокращеніями такихъ мѣстъ, которыя составляютъ дословное повтореніе мѣстъ встрѣчающихся раньше; размѣръ старины уменьшился почти вдвое, при всей полнотѣ сюжета.

58.

Вдова и Разбойники.

- ’ Питеръ, въ Москву проѣхжали,
Во деревню заѣхжали,
Ко вдовушки приставали;
Ко вдовушки приставали,
5. Подъ окошкомъ колотились:
«Пусти вдова ночевати,
Пусти вдова постоети,
Ночевати, постоети;
Насъ-то молодцовъ немножко,
10. Полтора ста пѣшехоновъ,
Полтретья ста всё на коняхъ,
Всё на коняхъ, всё во сѣдлахъ».
Вдова вышла на крылецъко,
Прижала руки къ сердцецьку,
15. Воспромолвила словецъко:
— У мня домъ-отъ не стоялой,
Фатерушка небольшая.—
Они силой въ домъ ввалились,
Они всѣ сѣли по лавкамъ,
20. Всѣ по лавкамъ, всѣ порядкомъ.
А стоитъ вдова у печки,
Прижала руки къ сердцецьку;
А большой-гость всѣхъ повыше,
А меньшей-отъ всѣхъ пониже,
25. А большой-отъ слово молвить:
«Подойди ’дова поближе,
Поклонись, ’дова пониже».

- Подошла вдова поближе,
Поклонилась она пониже,
30. Што большой-отъ гость слово молвить:
«Ты давно-ле вдова вдовеешь?
Ты давно-ле сиротуешь?»
Тутъ вдова-то слово молвить:
— Я вдовею лѣтъ семнадцать,
35. Сиротую лѣтъ двѣнадцать.—
«Ты сойми-ко съ главы шляпу,
У шляпоцъки есь платочикъ,
Во платочку юзолочикъ,
Въ узолочку злаченъ перстень.»
40. Ужъ сымала съ главы шляпу,
Юшъ брала она платочикъ,
Во платоцъкѣ юзолочикъ
Въ юзолочкѣ злаченъ перстень:
«Ужъ мы тимъ перстнемъ съ тобой вѣнчались,
45. Мы вѣнчались, обручались».
-

VI. ДЕРЕВНЯ РОЩИНСКІЙ РУЧЕЙ.

13. Игнатій Васильевичъ Тороповъ.

Очень сохранившійся старикъ 69 лѣтъ; волосы на головѣ и бородѣ совершенно безъ сѣдинъ, крѣпкій, здоровый; на видъ ему никакъ не больше 50 лѣтъ. Живетъ въ деревушкѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ Усть-цыльмы; принадлежитъ къ разряду зажиточныхъ крестьянъ, имѣетъ два дома; очень хорошій хозяинъ грамотенъ, имѣетъ кой-какіе, конечно, богослужебныя книги; почитываетъ и потому рѣчь его довольно близка къ книжной; Пѣль старины довольно охотно; кромѣ спѣтыхъ мнѣ знаетъ: первую поѣздку Ильи М., Сокольника, Бой Добрыни и Дуная, Добрыню и Маринку, Потыка, Дюка, Чурила, Ставра, Ваську Окулова, женитьбу Дуная, Луку Данилова, слыхалъ про Святогора.

59.

Добрыня и Змѣя.

- Ай да прежде Резань да свободой слыла,
Ай да нынѣ да славной городъ сталъ;
Ай да въ томъ-ле Резани славномъ городи,
А да жилъ-то Микитушка Романовичъ,
5. А да жилъ-то Микитушка не старилса,
Ай среди вѣку Микитушка преставилса;
Вотъ осталасе у его да молода жона,
Вотъ осталасе ёна право беременна,
А невножко прошло да поры времени,
10. Вотъ родила она своё да чадо милое.
Собирали тутъ поповъ, дьяковъ, причетниковъ,
Окрестили её да чадо милоё,
Нарѣкали ему баско новое имецько,
Молодыя Добрынюшка Микитицъ-бладъ.
15. А ростѣтъ тутъ-ле Добрыня лѣтъ до двѣнадцети,
Ёнъ сталъ хватать приправу богатырскую,
Онъ сперва хватилъ копейцо бурзомецкоё,—
Хорошо владетъ удалой доброй молодецъ;
Онъ еще хватилъ-ле палицу буёвую,—
20. Хорошо владетъ удалой доброй молодецъ;
Онъ еще хватилъ саблю право вѣдь вострую,—
Хорошо владетъ удалой доброй молодецъ;
Онъ вѣдь здумалъ еще ѣхать ко синю морю,
Посмотрѣтъ ему захотѣлось морё синёе,
25. Онъ и сталъ просить у матушки благословеньицо,
Онъ и падалъ ей самъ во рѣзвы ноги,—
Не давать ему благословеньица.
Кабы падалъ Добрыня во второй законъ,
Ужъ и просить у ей благословеньица;
30. Онъ и падалъ Добрыня во третей законъ:
«Ужъ ты ой еси, родимая моя матушка!
Ужъ ты дай-же мнѣ-ка благословеньицо,
Я вѣдь съѣжжу, схожу да до синя моря».
А давать она ему благословеньицо,
35. А съ буйной своей главы да до сырой земли,
Кабы стала она ему нонѣе наказывать,

- А-бы стала она ему да наговаривать:
«А дождешъ ты, дитя, да до синя моря,
Приюстанетца тебѣ, да припотеецца,
40. А захочетца покупатца да во синѣмъ мори;
Во синѣмъ-то мори есть три быстры струи,
А третья-то-ле струя да зла омманчива,
А да вынесётъ тебя да на синѣ морѣ,
А налётитъ на тебя да змѣя лютая,
45. Кабы станеть она тебя кругомъ облётывать,
А обваживать свои хоботы змѣинныи;
Не боитца она копейца бурзомецкого,
Не боитца она вѣдь палицы буёвой,
Не берётъ ее сабелька право вострая,
50. А боитца она вѣдь прутиковъ желѣзныхъ;
Ты сходи-ко наперво въ нову кузницу,
Ужъ ты скуй-ко нынѣ право три прутика,
А первой-отъ прутикъ скуй желѣзной-же,
Да второй-отъ прутикъ нынѣ мѣнной-же,
55. А третьей-отъ прутикъ оловянной-бы». Онъ пошолъ-ле Добрыня, ' нову кузницу,
Какъ сковаль первой прутикъ онъ желѣзной-же,
А второй-отъ прутикъ нынѣ мѣнной вѣдь,
А третьей-отъ прутикъ оловянной-же;
60. Ёнъ онъ бралъ свою уздичку точмянную,
Онъ пошолъ себѣ брать коня доброго,
Онъ заходитъ вѣдь Добрыня во конюшенъ дворъ,
Онъ берётъ себѣ коня право семи цѣпей,
А семи цѣпей, семи розъвезей,
65. Ёбуздаль-ёбсѣдлалъ да коня доброго,
Онъ вѣдь сталъ тутъ Добрыня снаряжатися,
А де сталъ-то Добрыня сподоблетися,
Онъ берётъ 'сю приправу да молодецкую,
А сперва берётъ копейцо да бурзомецкое,
70. А затимъ берётъ-ле палицу буёвую,
А еще берётъ саблю да право вострую,
А вѣдь взялъ эти съ собой право три прутика;
Вотъ средилса-сподобилса да доброй молодець,
А не видѣли его поѣздки да молодецкой,
75. А увидѣли въ поли курива стоитъ,
Курива-ле стоитъ да дымъ столбомъ валить.

- Онъ вѣдь здраво прогонишь да полѣ чистое,
Дожджжаетъ самъ до моря до синяго,
Енъ до тихъ крутыхъ-баскихъ да право бережковъ,
80. До жолтыхъ еще песковъ да до макарьевскихъ;
Енъ поставилъ свой шатѣрь да бѣлобархатной,
Онъ насыпалъ пшаны да бѣлояровой,
Захотѣлось ему покупатца во синѣмъ мори,
Скиновалъ съ себя-ле самъ да платьѣ чвѣтнѣе,
85. Онъ побрѣлъ тутъ Добрыня во синѣ морѣ;
Кабы стрѣтилась ему право перва струя,
Онъ вѣдь поплылъ Добрыня черезъ первую струю,
Ой да стрѣтилось ему право друга струя,
О да поплылъ Добрыня черезъ другу струю;
90. Хорошо ему право да приглянулось,
Кабы поплылъ Добрыня черезъ третью струю,
А третья-го-ле струя да зла омманчива,
А да вынесла его да на синѣ морѣ,
Да стала его носить да по синю морю;
95. Налетѣла на его да змѣя лютая,
А да стала она кругомъ его облѣтывать,
А овваживать стала хоботы змѣинныя:
«Я хочу тебя, Добрыня, нонѣ живкомъ зглону,
Я хочу тебя, Добрыня, на воды стоплю».
100. Побоялся онъ угрозы право змѣинныхъ,
Онъ нырнулъ тутъ, Добрыня, да во синѣ морѣ,
Онъ вынировалъ ко своему платью чвѣтному,
Надевать-ле своё онъ платьѣ чвѣтнѣе,
Онъ заходитъ Добрыня во бѣлой шатѣрь;
105. Не юспѣлъ тутъ Добрыня-та ёгна добыть,
Не юспѣлъ тутъ Добрыня-та котла сварить,
Налетѣла на шатѣрь да змѣя лютая,
Говорить ище ему да змѣя лютая:
«Я хочу тебя Добрыня, на огни спалю,
110. Я хочу тебя, Добрыня, во котлѣ сварю».
Ай да эти ему рѣци не по разуму,
За велику ему досаду показалось,
Онъ хватилъ тутъ змѣю да за косы (такъ!) право,
Онъ хватилъ свой право жалѣзной пруть,
115. Онъ вѣдь сталъ тутъ змѣю право постѣгивать,
Да стала тутъ змѣя да извиватисе;

- «Ты не бей-ко, юдалой доброй молодець!
Не стегай ты меня да змѣю лютую».
Онъ пуще сталъ змѣю право похвѣстывать,
120. Говорить-де ему да змѣя лютая:
«Ты не бѣй-же меня да змѣю лютую,
Ужъ я дамъ-же тебѣ да золоту казну».
Онъ и пуще сталъ змѣю право постегивать,
Изломалъ-ле онъ нынѣ право желѣзной пруть,
125. Онъ хватилъ ищѣ право да мѣнной пруть,
Ёнъ пуще сталъ стегать да змѣю лютую,
Говорить ему змѣя да право лютая:
«Ты не бей меня, удалой доброй молодець!
Я тѣ дамъ нынѣ коня ищѣ доброго».
130. Говорить-ле Добрыня змѣи лютеей:
— Ты сулишь-ле змѣя да сѣ омманывашь.—
Изломался у его да право мѣнной пруть,
Онъ хватилъ ище нынѣ право оловянной пруть,
Ёнъ пуще сталъ стегать да змѣю лютую,
135. По худому змѣя да извиваетца,
А конается удалому доброму молодцу:
«Ты не бей-же меня да змѣю лютую,
Я тѣ дамъ ище собя да красную дѣвицу».
Онъ вѣдъ пуще сталъ змѣю ище постегивать,
140. Оловянной пруть у него не ломитсе,
Говорить тутъ удалой доброй молодець:
— Ты сулишь-ле змѣя да сѣ омманывашь.—
Она выблевала сперва ему золоту казну,
Она выблевала затимъ да коня доброго,
145. Ищѣ выблевала ему да красну дѣвицу,
А говоритъ ищѣ змѣя ему конаетца:
«Ты спусти меня, удалой доброй молодець».
Онъ спустилъ тутъ змѣю да право лютую,
Собиратца сталъ юдалой доброй молодець,
150. Онъ сломалъ свой шатѣрь да бѣлобархатной,
Обсѣдлалъ онъ коней да право добрыхъ,
А садилса-сподобилса доброй молодець,
Онъ ѣтправалса-поѣхалъ съ красной дѣвицей,
Онъ нещадно повѣзъ да золотой казны,
155. Онъ поѣхалъ ко родимой своей матушкѣ.
Дождяють-ле они да до своя мѣста,

- До високаго нова да право терема,
Ювидала тутъ его да родна матушка:
«Кабы ѣдѣтъ-ле моё да чадо милое,
160. Позади его ѣдѣтъ да красна дѣвица».
Какъ выходитъ-ле его да родна матушка,
А выходитъ она да на красно крыльцо,
А стрѣцаетъ-ле Добрынюшку Микитиця,
А стрѣцаетъ-ле она да красну дѣвицу.
165. Какъ заходятъ они ноньце во высокъ теремъ,
Обручились, помѣнелись они злачны персни,
Обвѣнчались, сошлись они въ Божьей церкви;
Кабы собрали они руськихъ богатырей,
Кабы сдѣлали они право почесенъ пиръ,
170. Пировали столовали трои суточки;
Послѣ того было ищѣ послѣ пира,
Выводили, повалили во теплу лежню.

60.

Скопинъ.

- Во стольнѣмъ во городи во Кієви,
У ласкова князя у Владимера,
Заводился пиръ, право, почесенъ столъ;
Розоставили столики дубовыя,
5. Настелили тонки новобранны скатерти,
Розоставили питья-ѣства сахарныя;
Собиралися всѣ они, съѣжжались,
Да къ солнышку батюшку на почесенъ пиръ.
Они пьютъ-ле, пируютъ трои суточки,
10. Да всѣ на пиру стали пьянѣшеньки,
Да всѣ на чесномъ стали веселѣшиньки,
Да всѣ на пиру да приросхвастались:
Первой-отъ-ле хвастать золотой казной,
Другой-отъ-ле хвастать чистымъ серебромъ,
15. Юмнотъ-ле хвастать старымъ ѣтцомъ,
Старымъ-ле ѣтцомъ, старой матушкой,
Безумной-ле хвастать молодой жоной
И иной удачей молодецкой,

- А да хвасталъ Скопинъ да доброй молодець:
20. «Ужъ я много, Скопинъ, да по землямъ бывалъ,
Ужъ я много, Скопинъ, да городовъ биралъ,
Я не бравши-ле города не проѣжживалъ,
А Малюту-короля да во полонъ его взять,
У Малютныхъ дочерей, на грудяхъ лежалъ,
25. Опускалъ я руки ниже до пуповья,
А ищѣ того пониже—вѣдь до чѣрева».
Услыхала тутъ вѣдь зла дочка Малютисна,
А эти ей рѣци да не по разуму,
За велику ей досаду показалосе,
30. Какъ выходитъ на гриню на столовую,
Подходитъ ёна ' солнышку Владимиру,
Близешинько она, ' солнышку подвигается
Низешинько она солнышку поклоняется,
Тихо-смирну свою рѣчь она выговаривать:
35. «Ужъ ты ой еси, солнышко Владимиръ-князь!
Ты позволь-же мнѣ-ка да слово вымолвить,
Ты не будешь-ле меня за слово казнить,
Отсылати-ле миня въ ссылки дальнѣе?»
Говоритъ ей вѣдь солнышко Владимиръ-князь:
40. — Говори-же ты нонь да што те надобно,
Я не буду тебя да за слово казнить,
Отсылать я не стану въ ссылки дальнѣе.—
Говоритъ тутъ Малютисна таково слово:
«Ты позволь-же мнѣ отмѣрять цару зелена вина,
45. А поздравить надо нынъ да любя кресника».
Говоритъ ей вѣдь солнышко Владимиръ-князь:
— Ты мѣрай-же цару зелена вина.—
А брала ёна пашечку серебряну,
А спускаласе во погребы глубокія,
50. Да намѣрила она цару зелена вина,
Невелику, немалу полтара ведра,
Ищѣ клала коренья, да зелья лютого;
Загорѣлосе во царѣ да во серебряной,
Среди-то есь цары да есь пламѣ мецѣтъ,
55. По бокамъ-то есь цары да искры сыплютсе;
Выходитъ на гриню да на столовую,
Выносить ёна цару да зелена вина,
Выносить ёна цару правой рукой,

- Во лѣвой рукѣ выносить своё цядо милое,
60. Подходить она ко столикамъ дубовымъ,
Подходить ' Скопину сыну Михайлову,
Близешинько ёна ' ему подвигаетца,
Низешинько сама ему поклоняется:
«Ужъ ты ой есь, Скопинъ да сынъ Михайловъ!
65. Поздравить надо намъ любима кресника».
Говорить тутъ Скопинъ да сынъ Михайловичъ:
— А выпить мнѣ та цара — живому не быть,
А не выпить мнѣ цара — виновату быть.—
А глядять-ле, смотрятъ всѣ руськи богатыри,
70. Среди-то есь цары да то пламё мецётъ,
По бокамъ-то есь цяры искры сыплютсе;
Онъ понадѣлся на силу на могучую,
На свою-ле удачу да богатырскую,
Онъ пѣтъ эту цару да за единой духъ.
75. Сидить тутъ Скопинъ скоро непостарому,
Непостарому Скопинъ сидить, непопрежному,
Повеся онъ свою доржить буйну голову;
Скакаль-ле со лавки, съ дубовой доски,
Черезъ ти ищѣ столики дубовыя,
80. Онъ падалъ на середу кирпичать полъ:
Да на то были руськи-те богатыри,
Скочилъ ищѣ старъ-казакъ Илья Муромецъ,
Подхватилъ онъ Скопина да за праву руку,
А скочилъ тутъ Добрынюшка Никитичъ-бладъ,
85. А Добрыня-то хватилъ его за лѣву руку,
Поставили они его на рѣзвы ноги,
Надѣвали на его его шубу куньюю,
Они клали его право пуховъ калпакъ,
Выводили Скопина да вонъ на юлицу;
90. Его доброй-отъ конь стоитъ обузданой,
Онъ обузданной конь его, обсѣдланной,
Посадили его да на добра коня,
Отправили его да во своё мѣсто.
Поѣхалъ Скопинъ да непостарому,
95. Непостарому ѣдѣтъ, непопрежному,
Доѣзжаетъ до своего высока терема;
Увидала его матушка родимая:
«Да ѣдѣтъ дитѣ моё непостарому.

- Одва-ле онъ винно на кони сидить».
100. Мѣталасе она вонъ на улицу,
Стрѣчала она удала добра молодца,
Сымала его да со добра коня,
Ужъ стала у его она вѣдь спрашивать:
«Ужъ ты ой еси, моё дорого дитя!
105. Што-же ты пріѣхалъ непостарому?
Але пиръ-отъ тебѣ бывать непоюму?
Подносчики были бывать невѣжливы?
А винны-те цары да не доходили?
Але пивны стаканы да не доносили?»
110. Говорить ей Скопинъ да таково слово:
— Ой еси, родима моя матушка!
Поди-ко за попами, за причетниками,
Да надо мнѣ скорѣ нынче покаетца.—
Да скоро привели поповъ, причетниковъ,
115. Да покаялся Скопинъ сынъ Михайловичъ,
Повалили его на лавку на брущатую,
Повалили подъ иконы подъ святы его.
Немнѣшко прошло да тутъ времицъка,
Приставилса Скопинъ сынъ Михайловичъ,
120. Да сдѣлали ему гробъ да право вѣчной домъ,
Наверхъ обтѣнули да хрущатой камкой,
Да хоронили Скопина сына Михайловича,
Погребли, похоронили да добра молодца.
Брала мати книжоцъку волховную,
125. Посмотрѣла она книгу волховную,
Надѣвала на себя да шубу куньюю,
Отправлялась она ' солнышку Владимиру,
Доѣзжаетъ она до солнышка Владимира,
Говорить ёна солнышку Владимиру:
130. «Ужъ ты ой есь, солнышко Владимиръ-князь!
Не на пиръ зовѣшь, да не столовать право,
Зовѣшь да ле ты нѣмъце всё опаивашъ,
Опоилъ ты у миня да цядо милое,
Какъ того-ле Скопина сына Михайловича».
-

VII. ДЕРЕВНЯ УЕГЪ.

15. Анисимъ Ѳедоровичъ Вокуевъ.

Слѣпой старикъ изъ Уега, деревни въ 25 верстахъ отъ Устьцыльмы внизъ по Печорѣ. Это въ сущности замѣчательный человѣкъ. Обладая воловьимъ здоровьемъ, розовый какъ дѣвушка, несмотря на свои сѣдые волосы и 70 лѣтъ, Анисимъ громкимъ, какъ труба, голосомъ поетъ свои старины, которыя знаетъ твердо, поетъ складно, прекраснымъ напѣвомъ. Являлся Анисимъ въ мою большую, пустую, отводную квартиру убогимъ человѣкомъ, ведомый какимъ-нибудь малышомъ за палку; но придетъ, сядетъ на полъ, упершись спиной о стѣну, заговорить спокойно, нисколько не напрягая голоса и стекла зазвенятъ въ окнахъ, такъ, можно сказать, ужасенъ его голосъ. За свой удивительный голосъ, при участіи на сельскихъ сходкахъ, онъ слыветъ за „горлана“, „горлопана“ своего общества, которое, не смотря на свое убожество, онъ не дастъ ни кому въ обиду. Анисимъ очень уменъ, обладаетъ въ высшей степени здравымъ смысломъ и какой-то невѣроятной памятью: когда-то, много лѣтъ назадъ Анисимъ слышалъ въ чтеніи старообрядческія полемическія книги, впиталъ изъ нихъ существеннѣйшее и вотъ онъ защитникъ старой вѣры. Когда православный миссіонеръ устраиваетъ бесѣду со старообрядцами, Анисимъ, ведомый по улицѣ сынишкой за палку, смѣло является въ отводную избу состязаться въ вѣрѣ и часто своимъ зычнымъ голосомъ и насмѣшками гонитъ противника съ поля словесной битвы. За его умъ и острый языкъ его и уважаютъ, и побаиваются не одни однопоселенцы, гдѣ онъ положительно задаетъ тонъ; часто многіе устьцылемы обращаются къ нему за совѣтами въ тяжebныхъ дѣлахъ. Однажды, рассказывали мнѣ, мѣстный богачъ посылалъ Анисима въ качествѣ адвоката своего къ зырянамъ на Вашку, за 300 верстъ. Анисимъ хорошій семьянинъ, —

у него чуть-ли не 9 человекъ дѣтей; хорошій хозяинъ и зажиточный человекъ. Слушалъ я его въ Устьцыльмѣ, куда онъ прїѣзжалъ по какому-то таинственному дѣлу въ лодкѣ, тотчасъ послѣ того какъ вскрылась Печора. Кромѣ старинъ знаетъ и прекрасно рассказываетъ сказки, рассказываетъ также артистически, какъ поетъ и былины: безъ единой лишней строчки и слова. Поетъ Анисимъ и пѣсни, да въ большинствѣ такія, что какъ-то не вяжутся онѣ ни съ его дѣловитостью и серьезностью, ни съ тѣмъ, что онъ старообрядецъ и въ такихъ годахъ, когда его ровесники уже думаютъ о „прекрасной матери пустынь“.

61.

Святогоръ.

Ѣхалъ Светогоръ на Светыхъ горахъ; Илья Муромецъ его нагналъ, выдернулъ сырой дубъ и хватилъ по головѣ. «Ахъ, комаръ укусилъ!» сказалъ Светогоръ, оглянувшись—человекъ. Онъ схватилъ его и вмѣстѣ съ конемъ въ корманъ посадилъ и впередъ поѣхалъ, а самъ и забылъ. Конь поднимъ и проговорилъ: «Какъ я могу нести васъ—два богатыря да и лошадь?» Светогоръ спомнилъ, сунулъ руку въ корманъ, вытащилъ; Илью къ стремени привезалъ, а лошадь сзади пошла. Поѣхали. Подѣхали—два человека гробъ дѣлаютъ, тѣшутъ въ гумажной листь. Тогда спросилъ Светогоръ: «Кому этотъ гробъ дѣлаите?» — Про Светогора.— «А што, этотъ гробъ меня удѣржитъ-ле?» — Ну-ко, отвѣдай, легъ.— Светогоръ и легъ, и вдругъ гробова доска наверхъ наскочила. Светогоръ говоритъ: «Ну-ко, Илья Муромецъ, ударъ по одному-ту концу, не розсыплется-ле гробъ?» Илья ударилъ,—наскочилъ на одинъ конечъ желѣзной обручъ. И приказалъ по другому кончу ударить—наскочилъ другой. Ударилъ и по серѣдкѣ, и по серѣдкѣ обручъ наскочилъ. Сталъ Светогоръ умирать и говорить: «Илья Муромецъ! смотри: изъ меня пойдетъ пѣна жолта, ты не ворошъ; потомъ красна,—тоже не ворошъ; пойдетъ сѣра и ту не

ворошъ; а пойдетъ бѣла, возьми на перстѹ и сѣѣшъ, не-
больно много; тогда сила тибѣ прибудетъ». Илья взялъ и
попало ему вноговато, и стало его помѣтывать, побрасывать
отъ силы; и сталъ Илья темны лѣса съ кореньемъ рвать, и
цѣлу рѣку замѣталъ, ровно мостъ заставилъ. Тогда сила въ
немъ пріусѣла; тогда сѣлъ на коня и поѣхалъ.

62.

Илья Муромецъ и голи.

- А изъ далече-далече, изъ чиста поля,
Изъ того-же изъ роздолья изъ широкого,
Наѣжжала 'сѣ калика, всё убогая,
Кабы та-же сиротина да перехожая;
5. Со пути-ле, со дорожки да пріусталосе,
Захотѣлосе калики да опохмелиться,
А пошоль-то-ле калика на царевъ кабакъ,
А на то-же-ле онъ кружало да высударево;
А пришоль-то-ле онъ калика да во царевъ кабакъ,
10. А сидятъ тутъ нонъ какъ голи да всё кабацкія,
Говорить-то имъ калика таково слово:
«Ужъ вы ой есь, право, голи да всё кабацкія!
Ужъ вы сложте-тѣсь вы голи да по копеечкѣ,
А возьмите-тѣсь вы, голи, да нонъ косушечку,
15. Опохмелите-ко вы, голи, да добра молодца».
Кабы сложились всѣ голи да по копеечкѣ,
Кабы взяли право голи одну косушочку,
Опохмелили калику да добра молодца;
Кабы началъ тутъ калика, да сталъ похаживать,
20. Кабы крѣпко каблуками да полъ притаптывать:
«Ужъ вы ой есь, чумаки да чѣловальники!
Вы отмѣрейте вина мнѣ-ка на петъсотъ рублей,
Я петъсотъ-то-ле пропью, возьму на тысяччу».
А не мѣряютъ ему на одну копеечку,
25. Говорить-то имъ калика во второй законъ:
«Ужъ вы ой есь, чумаки да чѣловальники!
Вы отмѣрейте вина мнѣ на петъсотъ рублей,
Я петъсотъ-то-ле пропью, возьму на тысяччу».
А не вѣрятъ-то ему на одну копеечку,

30. Кабы снялъ-то онъ съ себя да право чуденъ кресъ,
Кабы стоитъ этотъ кресъ да во петъсотъ рублей,
Въ долину-ту этотъ кресъ право три четверти,
Въ ширину этотъ нонъ кресъ право двѣ четверти,
Въ толщину-ту этотъ кресъ право чѣла четверть;
35. Кабы бросилъ имъ за стойку да за кабацкую:
«Вы отмѣрейте вина мнѣ-ка на петъсотъ рублей,
Я петъсотъ-то пропью, возьму на тысячю».
Не берутъ-то чумаки его-ле чуденъ кресъ,
А не мѣряютъ вина ему на копеечку;
40. А то взялъ-то назадъ какъ свой чуденъ кресъ,
А схватилъ онъ чумака да за черны кудри,
Кабы вытащилъ изъ за стойки изъ за кабацкоей,
Кабы здынулъ-то его какъ выше головы,
А свиснулъ-то нонъ его да о кирпичать полъ,
45. Кабы тутъ-ле чумаку да смерть случилось.
А одна-то бѣда случилась, надо друга доспѣть,
Побѣжалъ-то онъ ко дверямъ да ко подвальніимъ,
А топнулъ-то онъ-ле двери да какъ подвальнія,
А сломилъ нонъце онъ двери-ти подвальнія,
50. А берётъ онъ сороковку во праву руку,
А другую сороковку да во лѣву руку,
А третью-ту сороковку да онъ пинкомъ пинать;
Кабы выхватилъ на площадь на широкую,
Роздубанилъ сороковки да съ зеленымъ виномъ:
55. «Ужъ вы ой еси, вы голи да всѣ кабацкія!
Кабы пейте вы вина да сколько хотите,
Сколько хотите вы пейте, сколько можете,
Поминайте вы калику да добра молодца,
А старого-де казака да Илью Муромца».

63.

Никита Романовичъ, рожденіе и дѣтство
Добрыни.

Кабы прежде Резань да слободой слыла,
Кабы нонъче Резань да славенъ городъ сталъ.
А прославилась Резань да добрымъ молодцомъ,
Кабы тѣмъ-же Микитушкой Романовымъ,

5. Кабы тотъ-же Микита сынъ Романовичъ,
Кабы умноётъ былъ, право разумной-же,
Кабы тихоётъ былъ, да онъ смирёной-же,
Кабы спóроётъ былъ, да онъ варовой-же,
А досу́жоётъ былъ и проворной-же,
10. А уда́лоётъ былъ, да онъ едрёной-же;
Онъ имѣлъ въ сибѣ силу да богатырьскую,
Онъ имѣлъ у ся палицу тяжелую,
Онъ тяжелую палицу, не лёккую,
Онъ не лёккую палицу—девеносто пудъ,
15. Онъ имѣлъ у ся, Микита, да молоду жону,
А чесну жону Офимью да Костеньтиновну.
Онъ изжилъ своё да время строчноё,
Кабы строчное время—девеносто лѣтъ,
А состарилса Микитушка—преставилса.
20. Оставалось у Микиты молода жона,
А честна вдова Офимья Костеньтиновна,
Оставалосе она право беременна;
Износила она какъ время строчноё,
Кабы строчноё время нонъ сорокъ нидѣль,
25. А исполнила она какъ деветъ мѣсецовъ,
Родила-то она какъ сына отрока.
А со той-же со радости великой,
Кабы собрали поповъ, дьяковъ духовныхъ,
А причетниковъ какъ собрали церковныхъ,
30. Нарѣкали какъ ему да лёкко имицько,
Кабы тотъ-же Добрынюшка Микитиць-бладъ.
А со той-же нонъ со радости великой,
А завелса у ихъ право почесенъ пиръ,
Пировали столовали трои суточки.
35. А ростётъ-то Добрынюшка Микитиць-бладъ,
Онъ не такъ-де ростётъ какъ у людей растутъ:
У кого-де ростётъ какъ чѣльной мѣсяць-же,
Столь Добрынюшка ростётъ въ одну недѣлюшку;
У ково-де растутъ право пóлгода,
40. А Добрынюшка ростётъ да въ одинъ мѣсець-отъ;
У кого-де растутъ да цѣльной годицокъ,
А Добрынюшка ростётъ столь право въ пóлгод ;
Кабы выросъ Добрынька годовъ нети́шта-же,
Кабы началъ Добрынюшка похóживать,

45. Онъ по улицамъ играть да по широкімъ.
Онъ какъ тихой-отъ родился да нонъ смирёной-же,
Кабы скорой-отъ родился нонъ варовой-же,
Кабы умной онъ родился, самъ разумной-же,
Отъ отца-то онъ родился какъ отъ умного,
50. Какъ отъ матушки родился отъ разумной-же,
А въ кого будетъ дитя оно неумное?

64.

Алеша Поповичъ, Екимъ и Тугаринъ.

- Ай да ѣздили богатыри по чисту полю,
По тому-же раздолью по широкому,
А одинъ-то Олѣшинька Поповиць-бладъ,
А другой-отъ Екимъ слуга паропокъ.
5. Доѣзжали до ростаней до широкіихъ,
А ёдна это дорога въ славной Кіевъ-градъ,
А другая-та дорога право въ Новой-градъ,
А третья-та дорога во Черниговъ-градъ,
Говоритъ-то нонъ Олѣшинька Поповиць-бладъ:
10. «У насъ въ Кіевѣ-де градъ было бывано,
Кабы Кіевскому князю было служено,
Во Новѣ-то-ле гради было бывано,
Новгородцькому князю было служено,
А поѣдемъ таваришъ во Черниговъ-градъ,—
15. Во Черниговѣ-то гради о насъ не бывано,
Какъ Черниговскому князю у насъ не служивано».
А поѣхали они да во Черниговъ-градъ,
А приѣхали они да во Черниговъ-градъ,
Становили-то коней среди двора,
20. Не привязанныхъ коней, да не приказанныхъ:
«А до нашихъ лошадей да штобы дѣла нѣтъ».
А зашли они во гриню княженевскую,
Кабы молятся они да Восподу Богу,
Кабы крестъ-отъ кладутъ да по писанному,
25. А поклонъ-отъ-де ведутъ да по учённому,
А молитву-ту творятъ да полну Сусову,
На вси стороны чотыре да поклоняются,
На особину князю право Черниговскому;

- А сидить за столомъ да за дубовымъ,
30. Онъ сидить-то со княгиной, съ молодой женой,
Межъ нима сидить тотаринъ-отъ поганой-же,
А по имени зовутъ его—Тугаринъ Змѣевъ,
Межъ князёмъ-то-ле онъ сидить, да межъ княгиною,
Какъ-ле дѣржитъ онъ свои-то руки бѣлыя,
35. У княгины-то онъ дѣржитъ руки въ пазухи,
Онъ пихать-то ей да руки вплоть до черева.
Говорять-то-ле эти два богатыря,
А тому-же князю они Черниговскому:
«У тя нѣту-ле намъ мѣста сѣсть порѳзного?»
40. Говорить-то имъ князь право Черниговской:
— У мня нѣту вамъ мѣста нынѣ порѳзного,
Кабы всѣ у меня мѣста право признаны.—
Говорять-то богатыри таково слово:
«Ужъ мы видимъ какъ у тя да есть три мѣста намъ,
45. А одно-то нонѣце мѣсто насопротивъ тебя,
А другое-то мѣсто возлѣ тя сидѣть,
А третьѣе-то мѣсто на печкѣ на муравленкѣ».
Говорилъ-то имъ князь право Черниговской:
— Ужъ вамъ Богъ съ вами съ печкой съ муравленной».
50. А-бы сѣли они на печку на муравленку,
Кабы смотреть на князя да со княгиною,
Кабы што-же тутъ ведѣть право Тугаринъ Змѣевъ;
Принесли ему коврижку право нерушенную,
Онъ и сунулъ сѣ въ гортань, ее чѣлкомъ зглонулъ,
55. Говорить-то тутъ Олѣшинька Поповицъ бладѣ:
«Ужъ ты ой еси, Екимъ да слуго-паропокъ!
Кабы помнишь-ле ты, да помятуешь-ле:
Какъ у нашего сударя свѣта-батюшка,
А у Ѳедора у попа у Ростовскаго,
60. А была ' его корова право старая,
Кабы старая коровищѣ, мохнатая,
По загороду корова да волочиласе,
Улавиной корова задавиласе,—
Кабы этому Тугарищу не миновать того».
65. Принесли ему лебедушку нерушану,
А заткнулъ онъ на ножикъ ей—чѣлкомъ зглонулъ;
Говорить-то тутъ Олѣша да во второй наконѣ:
«Ужъ ты ой еси, Екимъ да слуга-паропокъ!

- Уже помнишь-ле ты, да помятуешь-ле?
70. А у нашего сударя свѣта-батюшка,
А у Ѳедора попа да у Ростовскаго,
Какъ была у его нонь старая собачища,
По-подстолью собака волочилосе,
Кабы косью собака подавилосе,
75. Кабы этому Тугарину не миновать того». —
Какъ на то былъ нонь Тугаринъ-отъ догадливой,
Онъ схватилъ себѣ чинжалище булатенъ ножъ,
Кабы бросилъ онъ на печку на муравленку,
А во этихъ-то удалыхъ добрыхъ молодцовъ;
80. А на то были робята-ти увѣрточны,
А схватили-то чинжалище булатенъ ножъ;
Говорить-то тутъ Екимко слуга-поропокъ:
«Ужъ ты ой еси, Олѣшинька Поповицъ-бладь!
Ужъ ты самъ его разишь, але мнѣ-ка велишь?»
85. — Ужъ я самъ-то не ражу и тебѣ не велю,
Ковда выѣдетъ онъ на полѣ на чистое,
А кому-де Богъ дастъ Божья помочь. —
А на то былъ-де Тугаринъ-отъ догадливой,
Побѣжалъ-то Тугаринъ вонъ на улицу,
90. Кабы вынелъ онъ тутъ крыльѣ тутъ гумажноѣ,
Подвезалъ къ себѣ онъ крыльѣ-то гумажноѣ,
Полетѣлъ-то онъ, поднялся вверхъ на воздухъ-отъ.
А пошли эти богатыри во Божью церковь,
А змолились они Спасу Вседержителю,
95. Присвятой Мати Божьей Богородицѣ,
А тому-же какъ Миколы свѣтъ-Можекскому,
Штобы дали они право мокра дожджа,
А смочили штобы крыльѣ какъ гумажноѣ,
Штобы палъ-то Тугаринъ на сыру землю.
100. Поднялася-ле тутъ да темень-тѣмная,
Темень-тѣмная тутъ, да туча грозная,
Кабы съ тѣмъ-ле она со мокрымъ дождѣмъ,
Кабы палъ-то Тугаринъ на сыру землю;
А увидѣлъ тутъ Олѣшинька Поповицъ-бладь,
105. А садилса-ле скоро да на добра коня,
Погонилъ то-ле скоро да во чысто поле,
Нагонилъ онъ какъ скоро нонь Тугарина,
Кабы самъ онъ ему сталъ выговаривать:

- «Кабы ой еси ты право, Тугаринъ Змѣевъ!
110. Кабы што у тя взади-то за шумъ шумить?
Кабы што у тя взади-то за громъ гремитъ?»
Кабы сталъ Тугаринъ на лѣво да поворачиватсе,
Да смотрѣть у себя што на зади-то есь,
Подгонилъ-то Олѣшинька Поповичъ-бладъ,
115. А со правого-то боку подгонилъ къ ему,
Кабы тюкнулъ его да саблей востроей,
А срубилъ у его да буйну голову,
Онъ заткнулъ головѹ да на востро копьѣ,
А привезъ ее ко князю ко Черниговскому:
120. «Ужъ ты ой еси нонъ, князь право Черниговской!
Ужъ вамъ нате голова право тотарская,
Кабы вашего она-то непріятеля».
А скочилъ тогда-де на ноги князь Черниговской:
— Ужъ вы ой еси, удалы да добры молодцы!
125. Кабы руськіе могучіе богатыри,
Заходите-тѣось ко мнѣ да на почесенъ пиръ,
А садитесе-ко вы да куды хочите,
А одно-то вамъ мѣсто право возли меня,
А друго-то вамъ мѣсто напротивъ меня,
130. А третьѣе-то мѣсто—куды здуманте.—
Говорять-то ему какъ добры молодцы:
«Кабы Богъ съ тобой, съ мѣстами да твоима-же,
На прїѣздинахъ гостей ты не учѣствовалъ,
На поѣздинахъ гостей не учѣствовать».

65.

Василій Казимировичъ.

- А во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
А у ласково у князя у Владимира,
А у той-же княгины да мать Апраксін,
Кабы было пированье-столованье,
5. А на многи князи, всё на бояра,
А на руськихъ могучихъ сѣ богатырей,
А на тихъ поленицъ да злыхъ удалыхъ,
А на тѣхъ-же купчей, гостей торговыхъ,

- А на лучшихъ хресьянъ да православной мѣрь.
10. Кабы пиръ-отъ идѣтъ нонь о полупира,
Кабы столъ-отъ идѣтъ нонь о полустола,
Кабы день-отъ идѣтъ, братцы, ко вечеру,
Кабы солнышко катится ко западу,
У насъ всѣ-ле на пиру да напивалисе,
15. У насъ всѣ-ле на чесномъ да наѣдалисе,
Кабы всѣ-ле на пиру стали пьяны веселы,
Кабы всѣ-ле на чесномъ да приросхвастались;
Кабы воры-ти бояра какъ подмолвщыки,
Они злы-ле толстобрюхи подговорщыки,
20. А подмолвили князя они Владимира:
«У насъ всѣмъ нонѣце боярамъ служба явлена,
У насъ всѣмъ богатырямъ служба надмѣчена,
А да Васиньки да службы право долго нѣтъ;
Касимирову нонь служобка надмѣчена:
25. Кабы съѣздить ему да въ землю дальнюю,
А во дальнюю землю, да во невѣрную,
Къ Абатую царю да къ Аботуеву,
А свести ему пошлина великая:
Кабы сорокъ свести да ясныхъ соколовъ,
30. Кабы сорокъ свести да бѣлыхъ кречетовъ,
Кабы сорокъ свести да ему жеребцовъ,
Кабы тѣхъ-же жеребцовъ синегривыхъ,
Кабы сорокъ свести ему черныхъ соболѣвъ,
Кабы сорокъ свести да добрыхъ молодцовъ,
35. Кабы сорокъ дѣвицъ да блады-красныхъ,
Кабы штуку свести да чиста серебра,
Кабы кипу свести да красна золота,
Кабы мѣсу свести да скатна жамьцюга».
- А на то былъ Владимиръ-князь догадливой,
40. Наливалъ онъ скоро царю зелена вина,
А немалу невелику полтора ведра,
А припалнивалъ чашу пива пьяного,
Кабы турей-ле рогъ да мѣду сладкого,
На закуску колачикъ бѣль-крупнѣщатой;
45. А подносить Владимиръ передъ золотъ столъ:
«Ужъ ты ой еси, удалой доброй молодецъ!
Кабы руськой нашъ магучей сильнѣй богатырь,
Молодая Василей Касимировичъ!

- Ужъ ты выпей-ко нынѣ царю да отъ меня князя,
50. Послужи-тко мнѣ князю ты вѣрой-правдою,
Ты вочью-ле, позаво́чью неизмѣнною,
Кабы съѣзди-тось ты нонѣ въ землю дальнюю,
А во дальнюю землю, да во невѣрную,
Къ Абату́ю царю да Аботу́еву,
55. А свежи-ко ему пошлина великая . . . *)
А берётъ-то эту царю во праву руку,
Кабы пьётъ-то эту царю къ едину́ духу,
Запиваетъ-ле Васька пивомъ пьянымъ,
Заѣдаетъ-ле Васька мѣдомъ сладкіимъ,
60. А закусывать колачѣмъ бѣль-крупичатымъ,
Кабы самъ-же онъ за чарой выговаривать:
«Кабы сколько-ле я радъ право цѣры-то пить,
Я вдвоѣмъ-де, втроѣмъ радъ службы служить,
Я для князя-то служить, хоть головы сложить.
65. Ужъ ты солнышко батюшко Владимиръ-князь!
Ужъ ты дай-косъ ты мнѣ-ка во товарища,
А того-же нонѣ Никиту Приширокого,
Ты ищѣ-же мнѣ дай-ко во товарища,
Молодого какъ Потанюшку Вахрѣмого».
70. А на то-ле былъ Владимиръ-князь догадливой,
Наливалъ онъ скоро царю зелена вина,
Онъ немалу невелику—полтора ведра,
А приполнивалъ чашу пива пьяного . . . (и пр.)
«Ужъ вы ой еси, удалы добры молодцы!
75. Ужъ вы рускіе могучіе богатыри,
Ужъ вы выпейте по чарѣ зелена вина,
Послужите-тось мнѣ князю вѣрой правдою,
Вы вочью-ле позаво́чью неизмѣнною,
Ужъ вы съѣздите съ Васильѣмъ Касимировымъ,
80. А свезите вы пошлина великая».
А берутъ кабы богатыри во праву руку,
Кабы пьютъ эту царю къ едину духу . . . (и пр.)
Говоритъ-то имъ Василей Касимировичъ:
«Ужъ вы ой еси, дружина моя хоробая!
85. Ужъ пойдѣмте мы, робята, во Божью церковь,
Мы помолимся, робята, Господу Богу,

*) Перечисляется по старому—выпущено.

- А тому-же нонь Спасу Вседержителю,
Присвятой Матери Божьей Богородицѣ.
А тому-же какъ Миколы свѣтъ-Моженскому».
90. Говоритъ-то тутъ князю онъ Владимиру:
«Приготовте-ко вы намъ право черленъ карапъ,
Вы снесите эту пошлину великую,
Вы складите-ко всё это во черленъ карапъ.»
Кабы всё-де они склали, приготовили,
95. А пришла эта дружина изъ Божьей церкви,
А ступила какъ она да на черленъ карапъ,
Тутъ скомандовалъ Василей Касимировичъ,
Онъ обратъ эти сходенки дубовыя,
Кабы взеть якоря да карабельнія,
100. А подынуть паруса право полотнены;
Кабы далъ имъ Господь тишины пособное,
Кабы скоро перенесло ихъ за синё морё.
Забѣжали во гавани во тихія,
Опускали какъ парусы полотнены,
105. А поклали-де сходенки дубовыя,
А пошоль-то тутъ Василей Касимировичъ,
Ко Батюю царю да Аботуеву,
А съ докладомъ ему да доложитися:
«Ужъ вы ой еси, вы царско вы величесво!
110. Привезли мы вамъ пошлину великую,
Отъ того-же нонь отъ князя отъ Владимира,
Ужъ мы сорокъ привезли вамъ ясныхъ соколовъ... *)
Привезли мы вамъ пошлину великую,
Вы примите-ко отъ насъ да поскорѣ себѣ».
115. Говоритъ тутъ нонь царь да Аботуевичъ:
— Я топере отъ васъ, робята, не приму къ себѣ,
Сослужите-ткосъ мнѣ службу каку я велю:
У тя есь-ле молодцы да преучёныя,
А съ моими борьцами да поборотисе?—
120. Говоритъ ему Василей Касимировичъ:
«Кабы зналъ я науки ваши царскія,
Я привёзъ-бы молодцовъ тѣхъ преучённыхъ,
Со твоима борьцами поборотися,—
А надѣюсь какъ на Спаса Вседержителя,

*) Перечисленіе того, что привезли—выпускается.

125. На Присвѣту-ле Матерь Божью Богородицу,
На того-же Миколу на Моженского,
На своёго на брата на названого,
Молодого-ле Потанюшку Вахромѣго!»
Кабы позвалъ дружину да прихоробрую,
130. Со того-же со карабля черленаго:
«Ужъ ты ой еси, Потанюшка Вахроминькой!
Ты не можешь-ле съ борьцами да поборотисе?»
Кабы выбралъ царь борьцовъ да до шестидесятъ,
Изъ шестидесятъ борцовъ да до шести-то ихъ,
135. Изъ шести-то ихъ какъ выбрали какъ трѣхъ-то ихъ;
А пошолъ-то нонь Потанюшка Вахроминькой,
Говорить-то онъ Василью Касимирову:
«Кабы какъ мнѣ позволишь поборотисе:
Поединкѣ съ има-ле, со всима-ле вдругъ?»
140. Говорить ему Василей Касимировичъ:
— Ужъ-де какъ твоя сила нонь берѣтъ съ има,
По одинкѣ съ има, хошь и всѣхъ-ле вдругъ.»
Ево ясны-ти очи помутилисе,
Какъ горячи-ти слезы покатилисе,
145. А могучіе-то плеча расходилисе,
Молодецко ево серцо да розъярилосе,
Онъ одного-то берѣтъ какъ во праву руку,
А другого-то берѣтъ онъ во лѣву руку,
А третього-то берѣтъ сибѣ мѣжъ-руки,
150. Кабы выше своей изъ възнялъ головы,
Кабы кинулъ, свиснулъ ихъ о сыру землю,
Кабы тутъ-то-ле имъ да смерть случилося.
Говорить опеть Василей Касимировичъ
Абатю царю да Аботуеву:
155. «Вы примите у насъ пошлѣны великія».
Говорить ему нонь царь да Аботуевичъ:
— Ты привезъ-ле молодцовъ мнѣ поучѣнныхъ,
А съ моима-ле стрѣльцами пострѣлетися?—
Говорить ему Василей Касимировичъ:
160. «Кабы зналъ ваши науки право царскія,
Я привезъ-бы молодцовъ да поученныхъ,
Я надѣюсь какъ на Спаса Содержителя...
На своего затимъ брата на названого,
На того-же Микиту Приширокого».

165. Приказалъ царь принести имъ нонь тугой лукъ,
А несутъ его придворны право тугой лукъ,
Подъ однимъ концёмъ несутъ тридцеть тотариновъ,
Подъ другимъ концомъ несутъ тридцеть тотариновъ,
Подъ середоцькой несутъ тридцеть тотариновъ,
170. Кабы бросили на матушку сыру-землю,
Подрожала тутъ матушка сыра-земля;
Принесли-то какъ нонь стрѣлочку каленую,
Кабы тоже несутъ тридцеть тотариновъ,
А несутъ-то тетивочку шолковую,
175. А несутъ-то-ле ей тридцеть тотариновъ;
А пришоль-то Микита Приширокой-же,
Кабы взялъ онъ этотъ нонь тугой лучокъ,
Онъ поставилъ конечъ да на сыру землю,
Кабы прижалъ онъ, Микита, ихъ тугой лучокъ,
180. Розломилса тутъ лукъ на мелки дребезги,
Онъ убилъ дребезгами сто тотариновъ;
Кабы самъ-же онъ затѣмъ да выговариваль:
«Какъ у нашего-то князя у Владимира,
Кабы этими луками бабы шерсти бьютъ».
185. Говорить-ле тутъ Василей Казимировичъ
Абатю царю да Аботуеву:
«Ты прими-ко у насъ пошлина великая,
Отпусти-ко-ся ты насъ да добрыхъ молодцовъ».
Говорить-то ему какъ Абатуй нонь царь:
190. — Ты гораздъ-ле играть со мной во шахматы?—
«Я надѣюся на Спаса Вседоржителя...
Я надѣюся на ся, на добра молодца,
Поиграти съ тобой какъ въ мелки шахматы».
Они начали играть какъ въ мелки шахматы,
195. Они первой разъ ступили—царь не доступилъ,
Они второй разъ ступили—царь переступилъ,
Кабы третей разъ ступили, дакъ онъ съ доски упалъ,
А схватилъ его Василей за черны кудри,
Кабы здынулъ его какъ выше головы,
200. А свиснулъ-то его да о кирпичать полъ,
Какъ и тутъ-то царю да смерть случилосе.
Говорить-ле тутъ Василей Касимировичъ:
«Ужъ я што-же сижу, да на кого глежу?
Выдаваю своихъ братьёвъ я названныхъ».

205. Онъ бросилсе Василей вонъ на улицу,
Кабы взялъ свою палицу буёвую,
Кабы началъ онъ палицей помахивать,
А куды-же онъ махнётъ дакъ лежить улица,
Поворотъ куда даётъ дакъ—переулками;
210. А Микита взялъ обломки у туга лука,
Онъ-де началъ обломками помахивать,
А Потанюшка схватилъ тотарина кой больше всѣхъ,
Кабы началъ онъ тотариномъ помахивать;
Они бились тутъ, дрались да чѣлы-сучочки
215. Не пиваючись они, да не ѣдаючись,
А на малой-де часъ здоуху не имѣючись,
А прибили они всѣхъ до единого,
Ради вѣсти какъ оставили единого.
А пошли они тогда на свой черленъ карапъ,
220. Кабы далъ Богъ имъ тишины пособной-же,
Возратились они на свою сторону;
А пошли это они да во Божью церкву,
Помолилися они какъ Восподу Богу,
А тогда пошли-ко князю ко Владимиру,
225. А предложили поѣзку молодецкую,
Тогда сдали посылку всю князевскую,
Кабы всю назадъ всю пошлину великую.
А со той-же со радости великою,
Завелса тутъ у князя-то почесенъ пиръ.

66.

Лука Даниловичъ, змѣя и Настасья Салтановна.

- Ай да жилъ-то Данило сынъ Игнатъевичъ,
Онъ имѣлъ при себѣ да чадо милого,
Молодого Луку сына Данилова,
Кабы возрастомъ былъ—двенадцеть лѣтъ.
5. А пошолъ-то Данило во Божью церковь,
Во Божью-ту церковь Богу молитисе,
Розбудилъ онъ своего чада милого,
Молодого Луку сына Данилова;
Онъ ушолъ, Данило, во Божью церковь,

10. Оставался Лука, да онъ заснулъ впередъ.
Миновалосе время, право, дивно-же
Прохватилса Лука да сынъ Даниловичъ:
Онъ пошолъ за отцомъ да во Божью церковь,
Онъ пришолъ-то ко дверямъ ко церковнымъ,
15. Онъ послушалъ пѣтьё-четьё церковное,
А послѣнни салмы право читають-же;
Онъ-де думаетъ, Лука, да въ уми-въ разуми,
Кабы мыслить онъ во мысляхъ богатырскихъ:
«Ожъ я воръ-ле приду, право, разбойникъ-ле?
20. Я ночной-ле приду подорожникъ-ле?
Я пойду лучше, Лука, во зелены луга,
Погуляю я то время, до обѣдни-же».
А гуляетъ Лука во зеленыхъ лугахъ,
Подходила тутъ вода да синеморская,
25. Понимала тутъ вода всѣ зелены луга,
А стоялъ тутъ Лука да поколѣнъ воды,
А стоялъ-то Лука да до поясъ воды,
А стоялъ-то Лука да до грудей воды;
Подносило тутъ колоду водоплавную,
30. А заскакивалъ Лука да на колодину,
Относило колоду да во синё морё,
Переносило колоду да за синё морё,
Подносило ей подъ горы Сорочинскія.
А завидѣла Луку да змѣя лютая,
35. Надлетѣла надъ Луку сына Данилова,
Забрала его въ свои да она хоботы,
Во свои-ти-ле хоботы змѣинныя,
Подняла его на горы Сорочинскія,
Опускала-то его да на сыру землю,
40. Овернулась она дѣвицей млады-красной:
«Ужъ ты ой еси, Лука да сынъ Даниловичъ!
Сотворимъ-косъ мы съ тобой любовь тѣлесную,
А тѣлесну любовь со мной, прилесную,
Кабы вывѣмъ мы съ тобой, право, тепло гнѣздо,
45. Кабы выведѣмъ съ тобой да мы малыхъ дѣтей,
Кабы малыхъ-то дѣтей съ тобой змѣинныхъ.»
Говорить-то Лука да сынъ Даниловичъ:
— Ужъ ты ой еси, проклята змѣя лютая!
Не творю я нонь съ тобою любовь тѣлесную,

50. Я тѣлесну любовь съ тобой, прилесную.—
Говорить-то змѣя да таково слово:
«Ужъ ты ой еси, удалой доброй молодецъ,
Молодыя Лука да сынъ Даниловичъ!
Заберу я нонь тебя во свои хоботы,
55. Отнесу-ле я тебя да во синё морё,
Потоплю-ле я тебя да во синёмъ морѣ».
А схватилъ-то Лука на нынче сырой дубъ,
Кабы выдернулъ-ле дубъ онъ со всемъ съ коренёмъ,
Онъ одёрнулъ змѣю да право лютую,
60. Кабы тутъ-то змѣи да смерть случилось.
Онъ пошолъ-то Лука да по темнымъ лѣсамъ,
Онъ-де вышелъ на дорогу да на трахтовую,
Онъ идеть-то по дорогѣ да трахтовой,
А завидѣлъ-то Лука да стоитъ большой градъ,
65. А идеть-то онъ, Лука, право ко городу,
Кабы стрѣтилось калика перехожая,
А спрашивать Лука да сынъ Даниловичъ:
«Ужъ ты ой еси, калика да перехожая!
Это чѣё-жо стоитъ царсво привеликое?»
70. — Эта царсво всё Салтана да нонь Турецкое,
По прозванью этотъ городъ—Киселиковъ-градъ.—
«Здѣся кормятъ-ле, поятъ-ле людей добрыхъ?
Кабы добрыхъ-ле людей, да заблудящихъ?»
— У насъ кормятъ и поятъ да людей добрыхъ,
75. Кабы добрыхъ-ле людей, да заблудящихъ,
Кабы кормятъ и поятъ, да на дорогу даютъ.—
Онъ пошолъ-то Лука да въ Киселиковъ-градъ,
Онъ зашолъ-то въ сады право салтановы,
Онъ гуляеть, Лука, во зеленыхъ садахъ;
80. А завидѣла Луку да дочь Салтановна,
А послала своего слугу вѣрную,
А позвать-то къ себѣ да добра молодца;
А привёлъ-то слуга Луку Данилова,
А ко той-же Настасьи дочь Салтановны;
85. Завела его Настасья въ свои горницы,
Кабы начала его она да спрашивать:
«Ты какой? откуда? дѣтина! чей? незнаемой?
Ты незнаемой, дѣтина! чей? невѣданной?
Кабы какъ тебя, дѣтина, именёмъ зовутъ?»

90. Величаютъ-ле тебя да изъ отечества?»
— Я изъ за моря, дѣтина, да изъ за синяго.
Я того же Данила какъ Игнатѣва,
Я попалъ-то сюда право нечаемо,
Иминѣмъ зовутъ—Лука да сынъ Даниловичъ,
95. Кабы отроду-то мнѣ-ка—лѣтъ двѣнадцати.—
Говоритъ ему Настасья дочь Салтановна:
«Ужъ ты ой еси, Лука да сынъ Даниловичъ!
Ужъ мы примемъ-ко съ тобой право законной бракъ,
Ты возьми меня, Лука, да во замужество,
100. А приди-косъ ты къ намъ сыномъ восприемнымъ».
Кабы ему эти рѣчи пригленулисе,
А Настасьины-то рѣчи прилюбилисе,
Онъ сталъ ей брать да во замужество;
А пошла она къ своему да родну батюшку,
105. Ко тому-же ко Салтану да ко Турецкому:
«Ужъ ты ой есь, мой родимой право батюшко!
Ужъ ты дай-кс-ся мнѣ благословленьица,
Ужъ мнѣ взеть на себѣ да жониха нонѣце:
Пріискала я удала да добра молодца,
110. Малодого Луку сына Данилова,
Иностранного его, да заблудящего;
Онъ изъ за моря пришолъ сюда, изъ за синѣго,
А того-же Данилы всё Игнатѣва,
Онъ даваице суда намъ въ принеты съ табой».
115. Говоритъ-то Салтанъ ей таково слово:
— Ужъ ты ой еси, моя дочи любимая!
Приведи-кс-сь ты его да напоказъ ко мнѣ,
Посмотрю его самъ да я въ лицо къ себѣ.—
Привела его Луку сына Данилова,
120. Кабы та-же Настасья дочь Салтановна;
Посмотрѣлъ его Салтанъ право Турецкія,
Онъ понравился ему какъ доброй молодецъ;
Кабы спрашивать удала добра молодца:
«Тебѣ глянецца-ле Настасья дочь Салтановна?
125. Ты идѣшь-ле нонѣце къ намъ да въ принеты на ей?
Мѣсто сына-та къ намъ, да мѣсто родимого?
Кабы станешь-ле насъ ты почитать и слушати?»
Завелась у нихъ названна скоро свадебка,
А поѣхали они да во Божью церковь,

130. Кабы принели они, право, законной бракъ,
А завелса у Султана-та почесенъ пиръ,
Пировали-столовали чѣльной мѣсяць-же.
А прошло это время, чѣльной мѣсець-же,
Говорить-то тутъ Лука да сынъ Даниловичъ:
135. «Ужъ ты ой еси, моя да молода жона!
Кабы та-же нонъ Настасья дочь Салтанова!
Ты проси-ко у отца право черленъ карапъ,
Кабы збѣгать-ле намъ да за синё морё,
Ко моёму-то сударю свѣту-батюшку,
140. Ко тому-же Данилу да ко Игнатьеву».
А пошла-то Настасья да дочь Салтановна:
«Ужъ ты ой еси, родитель мой какъ батюшко!
Ужъ ты дай-ко-се-ле намъ, право, черленъ карапъ,
Кабы збѣгать-то-ле намъ да за синё морё,
145. А ко нашему сударю свѣту батюшку,
Ко тому-же нонъ Данилу ко Игнатьеву,
Показатсе нонче намъ, право, проздравитсе,
Со законнымъ-то нашимъ, право, браки-же».
А позволилъ имъ Салтанъ, право, Турецкіи,
150. Онъ-то даль-же имъ съ собой право черленъ карапъ,
Со прислугою, со всемъ да, право, съ войскимъ-же,
Говорилъ-то онъ своему, право, войскому:
«Починяйтесь вы Луки сыну Данилову,
Какъ вы слушали миня, также его слушайте;
155. Ужъ ты ой еси, моя дочи любимая!
Затимъ ой еси, Лука да сынъ Даниловичъ!
Вы побытьте, право, тамъ, да попируйте-же,
Возратитесе назадъ нонче ко мнѣ суда».
А пошли-то они да на черленъ карапъ,
160. Провожаётъ ихъ Салтанъ да со всей съ музыкой,
Со стрѣльбою, со пальбою, со всѣма-же ихъ;
Проводили какъ ихъ съ чesью, право, съ радосью.
Кабы даль имъ Богъ нонъ тишины пособной-же,
Кабы поднели-ле парусы полотнены,
165. Кабы бѣжать нонъ они да по синю морю.
А бѣжали-то они какъ тропи суточки,
Забѣжали-то во галани во тихія,
Опускали они парусы полотненны,
Помѣтали они якори карабельныя,

170. А поклали они сходенки дубовыя;
Собралися тутъ народъ, право, православной міръ,
Встрѣчаютъ-то его какъ съ чesью, съ радосью,
Молодого-то Луку сына Данилова,
А стрѣчаютъ какъ его да съ молодой женой,
175. А со той-же Настасьей дочь Салтановной.
А услышалъ какъ Данило сынъ Игнатъевичъ,
Онъ про ту-же прѣзку молодецкую,
А своего-то они какъ чада милого,
Молодого Луку сына Данилова,
180. Съ молодой его женой, братцы, съ любой семьей,
А стрѣчаютъ-то его какъ съ чesью, съ радосью.
А со той-же какъ со радости великой,
А завѣлся у Данила-та почесенъ пиръ,
Пировали-столовали чѣлу нидѣлюшку,
185. Говорить-то тутъ Лука да таково слово:
«Ужъ ты ой еси, родитель мой какъ батюшко!
Ужъ ты дай-ко-се-ле мнѣ благословеньичо,
Отъ буйной-то главы до сырой земли,
189. Я ушолъ отъ тя къ Салтану вмѣсто сына-же».

Дальше старина передана пересказомъ: «отецъ—Данило Игнатъевичъ сталъ пенять Лукѣ, что тотъ его бросаетъ, а Лука говорить: «у тебя есть другія дѣти и родственники,—помогутъ, поддержать». Отецъ далъ Лукѣ благословеніе и Лука съ женой уѣхалъ обратно въ Киселиковъ-градъ, къ Салтану».

67.

Небылица.

- А во славномъ во городѣ во туесѣ,
А за крѣпкой-ле стѣной было, за жорновомъ,
А стояла тутъ-ле льдина воеводою,
А стояла-то ледина до Петрова дни,
5. О Петровѣ дни эт' лдына-то ростаела;
А не стало-де во городи управителя,
А не стало-де во городи распорячника.
Роздралисе тутъ невѣски со золовкамъ,

- А вострыма-то щиками всё лучинами,
10. Каленыма-ти стрѣлами всё лопатами,
А тугима-ти луками да коромыслами,
А невѣска-то золовку переспилила;
Они скоро-то глядятъ да на синё морё,
Какъ бѣжитъ-ле карабѣ да по синю морю,
15. На носу-ту сидѣлъ сѣрой волкъ укащикомъ,
На середкѣ медвѣдь сидѣлъ расправщикомъ,
На кормы-то-ли быкъ сидѣлъ приправщикомъ,
Кривоногоётъ-де заецъ бичевой тащить,
Бичевой-то тащить только вода шульчить,
20. А вода-де шульчить, да бичева трещить.
-

68.

Отрывокъ.

- А да много-де во Кіеву Божьихъ церквей,
А много-то почесныхъ монастырей,
Кабы нѣту не чудные, не премудрѣ,
Кабы Свѣтлого Христова Благовѣщенья.
5. А и Волга-то рѣка да подъ Казань ушла,
А и дале-то того да мать подъ Астрахань;
А и долги-то плёса да Чивудельскія,
А глубоки-ти омуты Непровскія,
А широкъ-де перевозъ подъ Новымъ-городомъ...
-

VIII. ДЕРЕВНЯ ВЕРХНЕЕ БУГАЕВО.

16. Василій Дорофеевичъ Шишоловъ.

Лѣтъ 40—45 веселый, разухабистый мужикъ, постоянно почти навеселѣ. Съ женой онъ не живетъ, а имѣетъ „подругу“, съ которой также живетъ едва-ли хорошо — всегда жалуется на свою судьбу, говоритъ намеками про какое-то горе, которое его гложетъ. Больше знаетъ сказки, которыя прекрасно рассказы-

васть. Старину про Чурило спѣлъ онъ прекрасно, съ большимъ чувствомъ, примѣняя вѣрно содержаніе старины къ своей долѣ; при пѣніи голосъ его дрожалъ и В. Д. нѣсколько разъ всхлипывалъ.

69.

Чурило и невѣрная жена.

- Нападала пороха снѣгу бѣлого,
Невопору пороха, нынѣ невовремя,
Да середка-де лѣта: о Петрова дни.
По этой-же порохѣ снѣгу бѣлого,
5. Не бѣлой-де заюшко проскакивалъ,
Не чернохвость горносталь да тутъ пропрядывалъ,
Молоды-душа Чурило да тутъ прохаживалъ,
Да къ тому Пермьтѣ да къ молодой жонѣ.
Да заходить-бы онъ да на крылечико,
10. Кабы брякался онъ да во колечико,
Да выходитъ Настасья дочь-Колашница,
Отпирала она да двери напету,
Да брала молодца за бѣлы руки,
Чѣловала молодца въ уста сахарныи,
15. Проводила его да въ лѣжню-спальню нонѣ.
Кабы зажилъ тутъ Чурило по домашнему:
Да кушакъ-отъ-бы вѣшалъ онъ на спичечку,
А пуховъ-де колпакъ кладѣтъ на полочку,
Да софьянны сапожки кладѣтъ подъ лавочку,
20. Да ложился на кроватку да на тесовую,
Да съ тою-де Настасьей да со Колашницей,
Да на тѣ-же перины да на пуховыи.
Да была Пермьты ищѣ служаноцъка,
Говорила она да таково слово:
25. «Ужъ ты ой еси, Чурило да блады-Плѣнковичъ!
Ты не парь-же кишку да во чужомъ горшку,
Да пойду къ Пермьтѣ, да я нажалюсе».
Говорить-то Чурило да блады-Плѣнковичъ:
— Ужъ ты ой еси, дѣвушка черनावушка!
30. Не ходи къ Пермьтѣ, да ты не сказывай,
Да куплю я тибѣ да въ косу лентацъку,
Заплацю я за ленту двадцать пять рублей.—

- Да на то-де дѣвчонко да не здавайтце,
Говорить-де она да таково слово:
35. «Ужъ ты ой еси, Чурило да блады-Плѣнковичъ!
Ты не парь-же кишку да во чужомъ горшку,
А пойду къ Пермятѣ, да я нажалюсе».
Говорилъ-де Чурило да блады-Плѣнковичъ:
— Ужъ ты ой еси, дѣвушка черनावушка!
40. Не ходи къ Пермятѣ, да ты не сказывай,
Да куплю я тебѣ да нонь шубеечку,
Заплачу за шубейку да пятьдесятъ рублей.—
Да на то-же дѣвчонко да не здавайтце,
Да пошла-де дѣвчонко да вонъ на улицу,
45. Да пошла-де дѣвчонко да во Божью церковь,
Говорила она да таково слово:
«Ужъ ты ой есь, Пермята да сынъ Ивановичъ!
Да у насъ-де въ садахъ да непостарому:
Заскоцилъ-де въ сады да какъ чужой-же конь,
50. Да стоималъ-бы траву у насъ шолковую».
А на то Пермята да былъ догадливой,
А пошолъ-же бы онъ да изъ Божьей церкви,
Да заходитъ-бы онъ да въ лѣжну-спальню нонь,
Говорить-же Пермята да сынъ Ивановичъ:
55. «Ужъ ты ой еси, Настасья да дочь Колашница!
Эта цей какъ вѣсится шолковъ кушакъ?
Эта цей-де лежитъ да нонь пуховъ колпакъ?
Эта цѣи-де лежатъ да нонь сапожоцки,
Да сапожки лежатъ да нонь софьянныя?»
60. Да-бы цей-же у насъ да ноньце доброй конь?»
Говорить тутъ Настасья да дочь Колашница:
— Ужъ ты ой есь, Пермята да сынъ Ивановичъ!
Да ходила я по городу по Кіеву,
Кабы видѣла купцей людей торговыхъ,
65. Они ѣздятъ на коняхъ всё на добрыхъ,
Кабы носятъ-де шапоцки пуховыя,
Кабы носятъ кушаки да всё шолковыя,
Кабы носятъ сапожки да сафьянныя,
Да купила тебѣ да носить въ праздники,
70. Да купила коня да тебѣ доброго,
Кабы ѣздить во церковь да во Божью нонь.—
Да пошолъ Пермята да сынъ Ивановичъ,

- Да ко той ко кроваткѣ ко тесовой,
Розмахнулъ-де бы онъ да новы завѣсы,
75. Да стенуль одіало да соболиное,
Да лежить-де Чурило да безъ почтаниковъ.
Какъ-де бралъ-де Чурила за жолты кудри,
Да мѣталъ-де его да на кирпищатъ полъ,
Да вытаскивалъ его да вонъ на улицу,
80. Да везалъ-бы коню да за хвостъ ноньце,
Да спустилъ-бы коня да во чисто полѣ.
Да заходитъ назадъ да въ лёжну-спальню нонь,
Говорить Пермьята да таково слово:
«Ужъ ты гой еси, Настасья да дочь Колашника!»
85. Уже што-ле тебѣ да ноньце надобно?»
Говорила Настасья да дочь Колашница:
— Кабы гдѣ же-ле нонь да какъ есенъ соколъ,
Кабы тутъ-же-ле быть да бѣлой лебеди!—
Кабы взялъ Пермьята да молоду жону,
90. На одну-де ногу да онъ ступилъ ноньце,
Какъ другу-де ногу да у ей оторвалъ,
Да служанку-же взялъ да за себя замуужъ.

70.

Садко *).

-Да пошолъ-де Сатко да запечалился,
Повѣся-де идѣтъ да буйной головы,
Потупя-держитъ да очи ясны,
Кабы стрѣтилса старикъ какъ бѣлой куропать,
5. Говорилъ-де старикъ да таково слово:
«Ужъ ты, здравствуй Сатко, купецъ богатый!
Ужъ ты што-же идѣшь да запечалился?
Повѣся-де держишь да буйной голове?
Потупя-де держишь да очи ясны?»
10. — Ужъ ты ой есь, старикъ какъ бѣлой куропать!
Я ударилса съ попомъ отцомъ духовнымъ,
О великъ закладъ, да не тысяцяхъ,
О своихъ мы ударились буйныхъ головахъ,
Захотѣлъ-де повыкупить товары всѣ,

*) Начало Садка въ пѣніи Шишолова точно такое-же, какъ и у Игнатія Дуркина и потому не приводится.

15. Да казна-же у мня да вся истоцилась,
Да во городи товары всё не убыли.—
Говорить-то старикъ какъ бѣлой куропать:
«Ужъ ты ой есь, Сатко, купечъ богатыи!
Ты змолишь-ко-се нонь да Господу Богу,
20. Овѣщайся поставить ноньце церковь-же,
А прибудеть у те да золота казна».
Да змолился Сатко купецъ богатыи,
Овѣщаль онъ поставить церковь Божію,
Появилось ' его да золотой казны.
25. Да пошоль-де по лавкамъ по торговымъ
Кабы день торговаль да онъ до вечера,
А другой торговаль да до полуночи,
А третей торговаль да во всю ночиньку;
У Сатка купця денѣгъ не убыло,
30. Да во стольнѣмъ во городи во Кіѣви,
Да во лавкахъ товары тутъ истоцились.
Нагрузилъ-де три карабля черлѣныя,
Побѣждалъ дабы онъ по синю морю,
Дахватила его пурга-пáдера,
35. Да разбило три карабля черлѣныи,
Нарушился Сатко купечъ богатыи.
-

IX. СЕЛО СРЕДНЕЕ БУТАЕВО.

15. Марья Кузьмовна Шишолова.

Шишолова двоюродная сестра предъидущаго пѣвца; живая, крѣпкая старушка 63 лѣтъ. Пѣть согласилась послѣ долгихъ упрашиваиій, пѣла очень хорошо, не сбиваясь. Спѣла она мнѣ одну старину и рассказала четыре маленькихъ сказки. Сказки рассказывала также хорошо.

71.

Лука Даниловичъ, Змѣя и Настасья Салтановна.

Среди-то, братцы, было синя моря,
Какъ синя-де моря было, на острови,

- Какъ стояло вѣдь царсво привеликое;
Тамъ вѣдь жилъ-то удалой доброй молодецъ,
5. А Данило вѣдь жилъ да Староилевичъ, *)
А вѣдь было у его да цядо милое,
Молодой-же Лука да сынъ Даниловичъ.
По утру-то было, братцы, ранымъ-рано,
Какъ на утренной было да ранной зорюшкѣ,
10. На восходѣ-то была красна солнышка,
На зачинѣ-то была свѣтла деничка,
А пошолъ-то Данило да во Божью церкву,
Да будилъ онъ свое да цядо милое,
Молодого Луку сына Данилова.
15. Ото сну-то Лука да пробужаитца,
Ключевою водой да умываитца,
Полотенышкомъ онъ да утираитца,
Хорошешинько онъ да снаряжаитца,
Надеваетъ на себя да платьё цвѣтное,
20. Онъ вѣдь цвѣтное платье, самъ церковное.
Онъ нашолъ-то Лука да во Божью церковь,
У церковныхъ вратъ стоитъ послушивать,
А попы-ти поють да вползаутрени,
Говорить-то Лука да сынъ Даниловичъ:
25. «Мнѣ не честь вѣдь хвала да молодецкая,
Мнѣ не выслуга, братцы, богатырская,
Я пойду нынѣ Лука да въ зелены луга».
Онъ пошолъ-де Лука да въ зелены луга,
Онъ вѣдь ходитъ, гулять да въ зеленыхъ лугахъ.
30. По великому его да по несчасъицу,
Набѣжала вода скоро паморская,
А паморска вода, да нонѣ залѣнная;
А стоитъ-то лука да до колѣнъ ' воды,
А стоитъ-то Лука да до поѣсъ ' воды,
35. А стоитъ-то Лука да до грудей ' воды,
Ему некуда молодцу стало деватисе;
Тутъ несётъ-то колоду водоплавную,
Онъ бросалса Лука да на колодину,
Съ подколодины выходитъ да змѣя лютая,

*) Прозвище у Данилы сказательница конечно перепутала: вѣдмъ сказителямъ извѣстна про Данила Староилевича совѣдмъ другая старина. Н. О.

40. Змѣя лютая выходитъ, троеглавая;
А брала-то Луку да въ свои хоботы,
Понесла-то его да за синё морё,
Подносила подъ горы подъ высокіи,
Подъ пристрашные степи Сарочинскіи,
45. Принесла-то Луку да ко сухой земли;
Выходилъ-то Лука да на суху землю,
А выпалзывать за нимъ да змѣя лютая,
Овернулася змѣя да красной дѣвицей,
Говорить-то змѣя да руськимъ языкомъ:
50. «Ты удалой дороднѣй доброй молодець!
Ужъ ты русской могучѣй сильнѣй бѣгатырь,
Молодой ты Лука да сынъ Даниловичъ!
Сотворимъ-ко съ тобой любовь тѣлесную,
Мы тѣлесную любовь съ тобой, сердцецную,
55. Мы совѣмъ-ко съ тобой да тепло гнѣздышко,
Мы сведѣмъ-ко съ тобой да малыхъ дѣтоцѣкъ».
Кабы тутъ молодцу да за бѣду стало,
Его ясные очи да помутилисе,
А горячіе слёзы да покатилисе,
60. Богатырское сэрце да возъярилосе,
Онъ вѣдь сырой-отъ дубъ схватилъ изъ кореня,
Отрехнувшѣ о матушку сыру землю,
Онъ ударилъ змѣю да по буйнымъ главамъ,
А вѣдь тутъ-то змѣи пропасть случилось.
65. А пошолъ-то Лука да сынъ Даниловичъ,
Онъ пошолъ-то подъ сторону подъ сѣверну,—
Подхватили его да горы ледены;
Онъ пошолъ-то подъ сторону подъ западну,—
Подхватили его да моря синіи;
70. Онъ пошолъ-то подъ сторону подъ лѣтнюю,—
Подхватили его тутъ зелены луга.
Онъ идѣтъ-то Лука по зеленымъ лугамъ,
Тамъ завидялъ онъ царсво превеликое,
А стоятъ тутъ во царсви много на крѣпости,
75. А удалыхъ стоятъ да добрыхъ молодцовъ;
Потишешинько Лука къ имъ подвигаетца,
Понижешинько онъ имъ да поклонянтца,
А вѣдь самъ говоритъ да таково слово:
«Ужъ вы здравствуйте, удалы добры молодцы!

80. Это русько-ле царсво или невѣрное?»
Отвѣчаютъ тутъ удалы добры молодцы:
— Это царсво у насъ да здѣсь невѣрное.—
Говорить-то Лука да сынъ Даниловичъ:
«Это какъ ваше царсво по прозванью есь?»
85. — Это царсво-то нашо да Киселиговъ-градъ.—
«Это хто нынѣ у васъ въ царсви набѣльшины?»
— А Салтанъ нынѣ есь царь да Лукоперенинъ.—
А заходитъ Лука да сынъ Даниловичъ,
Онъ идѣтъ вдоль по царсву по Салтанову,
90. Тамъ стоятъ вѣдь сады да нонѣ зеленыи,
Онъ заходитъ Лука да въ зелены сады;
А заводитсе у царя да нынче чесенъ пирь,
Тамъ завидѣла Настасья дочь Салтановна:
«А родитель мой да сударь батюшко!
95. Во моихъ вонѣ садахъ да во настасьиныхъ,
Тамъ вѣдь ходитъ, гуляетъ доброй молодець,
Отъ его-то кудрей да лучи солнычны.
Его надобно позвати да добра молодца».
Привели его во грини да нынѣ во царскіи,
100. У царя у Салтана да гостей множество,
Подноситъ она гостямъ стала по рюмоцьки,
Сама заритця на удала добра молодца,
Уронила съ руки да свой злаченъ перстень;
А искати вси стали да ей злаченъ перстень,
105. Тутъ согнулсе Лука да сынъ Даниловичъ,
Обняла-то Настасья да за бѣлу шею,
А цѣлуетъ въ уста да во сахарныи,
Говорить-то Настасья да дочь Салтановна:
«А какой ты земли да какой родины?
110. Ты которого отца, да коей матушки?
Какъ тебя, молодца, да именѣмъ зовутъ?
Величаютъ тебя да изъ отечества?»
Отвѣчаетъ Лука да сынъ Даниловичъ:
— Я не помню не отца, да своей матушки,
115. Не села я не знаю и не городу,
Заблудящей я удалой доброй молодець.—

Дальше М. К. непомнила, какъ пѣтъ, а сказала только, что Лука женился на Настасѣ и у нихъ родился Олѣша Полувѣренинъ.

Б. СТАРИНЫ ПУСТОЗЕРСКОЙ ВОЛОСТИ.

Х. СЕЛО ВЕЛИКАЯ ВИСКА.

18. Николай Петровичъ Шальковъ.

Слѣпой старикъ, лѣтъ 80 слишкомъ, высокій, стройный, съ черной полусѣдой бородой. Въ молодости былъ, вѣроятно, очень хорошій старинщикъ, но теперь многое позабылъ, многое перепуталъ, да и давно уже не поетъ, съ тѣхъ поръ какъ ослѣпъ отъ старости. Послу моему, съ предложеніемъ пѣть старины—наотрѣзъ и очень рѣзко отказалъ, но явившись лично я уговорилъ его, и онъ, кромѣ напечатанныхъ здѣсь 8 №№, спѣлъ еще нѣсколько стиховъ и рассказалъ сказку. Отсюда выводъ: никогда не слѣдуетъ посылать для переговоровъ туда, гдѣ нужно приложить много просьбъ и такта,—неособенно заинтересованные въ дѣлѣ посланные, просьбу пѣть старины передаютъ въ формѣ приказанія, напр.: „иди Шальковъ старины пѣть, баринъ тамъ пріѣхалъ изъ Петербурга, зоветъ тебя“—и, конечно, получаютъ рѣзкій и иногда очень грубый отказъ. И меня Шальковъ принималъ сначала очень немилостиво и долго отпѣкивался пѣть, а когда мы познакомились поближе, мои посѣщенія были ему даже пріятны. Человѣкъ очень бѣдный Шальковъ живетъ въ самомъ концѣ села за рѣчкой, вяжетъ сѣти, а иногда ловить и рыбу.

72.

Потапъ Артамоновичъ.

Изъ того-де изъ города изъ Кіева
Выѣжжалъ-де удалой доброй молодечъ,

- Молодой-де Потапъ сынъ Артамоновичъ,
Отъ рожденья молодцу семнадцать лѣтъ.
5. Онъ конёмъ-де владѣлъ, да копьёмъ шурмовалъ,
Вывозилъ-то-ле боцки съ зеленымъ виномъ,
Вывозилъ-то-ле боцки пива пьяного,
Вывозилъ-то-ле боцки мёду сладкого,
Вывозилъ-то-ле хлѣба онъ оввозамъ;
10. Выѣзжалъ-то среди поля онъ чистого,
Становилъ-то дѣтина бѣлъ полот'нъ шатѣръ,
Становилъ-то столы да онъ дубовыя,
На столахъ-то-ле ѣствы всё сахарныя,
На столахъ-то питъя да различные.
15. Кабы пилъ-то-ле, ѣлъ, да забавлялся онъ,
Какъ попилъ-то, поѣлъ, да тутъ и спать онъ лёгъ,
Кабы спить-то, храпитъ, да какъ порогъ шумить.
Какъ стоялъ-то его конь, лошадь добрая,
Какъ стоялъ-то его конь у сыра дуба,
20. Да насыпано пшаны было бѣлояровой,
Да поставлена вода была сладка-медовая;
Да не ѣсъ-то пшаны конь бѣлояровой,
Да не пьётъ изъ соты воды медовой,
Да повѣся стоитъ конь буйну голову,
25. Потупя-то-ле оци во сыру-землю;
Да бѣтъ-де копытомъ во сыру-землю,
Вся дрожить-то-ле матушка сыра-земля,
Да сыроё-то дубѣ расшаталосе,
Да сухоё-то пенѣ поломалосе.
30. Ото сну-то дѣтина розбужаитсе,
Да выскакивалъ дѣтина вонъ на улицу,
Да въ одной-то рубашечки безъ пояса,
Да въ одныхъ-то цюлочикахъ безъ чеботу,
Да хватилъ свою палицу буёвую,
35. Какъ и бѣтъ коня да по тучнымъ ребрамъ:
«Еще волчья, конь, сытъ, да травеной мѣшокъ!
Ищэ што-же стоишь, да ты не пьешь не ѣшь?
Ле пшана-ле моя тибѣ не дѣшлая?
Ле вода-ле моя тибѣ не сладкая?
40. Не слыхалъ-ле ты граянья ворѣняго?
Не слыхалъ-ле ты крыку богатырского?
Не слыхалъ-ле ты свисту соловьиного?»

- Да провѣщылся конь да лошадь добрая
Ищэ руськимъ языкомъ человѣческимъ:
45. — Ужъ ты ой еси, хозяинъ, сударь ласковой,
Молодой ты Поталъ сынъ Артамоновичъ!
Подходилъ-де собака зла-де, Скурла царь,
Ищэ Скурла-де царь, да сынъ Смородовичъ,
Ищэ прямо идѣтъ да въ славной Кіевъ-градъ,
50. Ищэ хочеть онъ Кіевъ да во плѣнъ сплѣннить,
Да Божьи-то наши церкви на огни сожечь,
Да чудны наши иконы на полавъ рѣки,
Да почесные монастыри во грезъ стоптать,
Самого князя Владымира—голову срубить,
55. А его-де княгину за себя-то взять.—
Помутились у дѣтины оци ясныя,
Осердилось у его да ретиво сэрцо,
Кабы сталъ-то дѣтина снаряжатисе,
Кабы сталъ-то дѣтина сподоблятисе,
60. Какъ налаживалъ онъ латы рибулатныя,
Какъ накладывалъ нагруднички укладные,
Да на шею кольчужку позолочену,
На головку колпакъ да земли греческой,
Ищэ латы-ти были двадцеть-пять пудовъ,
65. А нагрудникъ-то былъ да десеть пудовъ,
Да на шею кольчуга была пять пудовъ,
На головку колпакъ да сорока пудовъ;
Да берѣтъ-то съ собой да саблю вострую,
Да берѣтъ-то-ле палицу буѣвую,
70. Да берѣтъ-то-ле лукъ со каленой стрѣлой,
Да берѣтъ-де копейцо бурзометное;
Да уздалъ-де, сѣдлалъ онъ коня доброго,
Онъ двѣнадцать кладѣтъ да подпругъ шолковыхъ,
Онъ тринадцету кладѣтъ черезъ хребѣтну косъ,
75. Да не для ради басы, да ради крѣпости,
Ищэ ради побѣжки лошадиной,
Не оставилъ штобы конь да во чистомъ полѣ,
Ищэ клалъ-то-ле войлоцьки-поджопнички,
Да на войлойчки сѣдѣлышко черкащето.
80. Да скочилъ-то дѣтина на добра коня,
Повернулъ-де конѣмъ да какъ лютымъ змѣѣмъ,
Притугаѣтъ своя да коня доброго,

- Кабы вѣхаль-то въ силу, въ прокляту Литву,
Кабы сколько-то силы онъ саблей сѣкѣтъ,
85. Ишѣ вдвое-де, втрое онъ конѣмъ топцѣтъ,
Кабы билъ-то ломилъ чѣлы суточки,
Приушали его да руки бѣлыя;
Какъ оттуль-то дѣтина поворотъ даѣтъ,
Приѣжжалъ-то дѣтина ко бѣлу шатру,
90. Да свезаль-то коня онъ ко сыру дубу,
Насыпаль-то пшану онъ бѣлоярову,
Наливаль-то соты-воды медовой,
Заходилъ-то дѣтина во бѣлой шатеръ,
Да садилса дѣтина за дубовой столъ,
95. Какъ попилъ-то, поѣлъ, да забавлялся тутъ,
Какъ попилъ-то, поѣлъ, да тутъ и спать онъ лёгъ.
Какъ и спитъ, храпитъ, да какъ порогъ шумитъ,
Какъ стоялъ его конъ да у сыра дуба,
Не зобаль-то пшену да бѣлоярову,
100. Какъ не пилъ-то воду да онъ медовую,
Кабы билъ-то копытомъ о сыру землю;
Вся дрожитъ-то-ле матушка сыра земля,
Какъ сыроѣ-то дубѣ расшаталосе,
Какъ сухоѣ-то пенѣ поломалосе,
105. Да въ озѣрахъ водыця поплескаласе,
У шатра-то тынинки всѣ повыпали;
Ото сну-то дѣтина пробужаитце,
Выходилъ-то скоренько вонъ на улицу,
Да хватилъ свою палицу бѣвую,
110. Да бы бѣтъ-то коня онъ по тучнымъ ребрамъ:
«Ишѣ волчѣ ты сытъ, конъ, травеной мѣшокъ!
Ишѣ што-же стоишь, да не пѣшь, не ѣшь?
Ле пшена-то моя тибѣ не дошлая?
Ле вода-те моя тибѣ не сладкая?»
115. А провѣщилса конъ да лошадь добрая,
Ишѣ руськимъ языкомъ человѣческимъ:
— Ужъ ты ой есь, хозяинъ, сударь ласковой,
Молодой ты Поталъ сынъ-Артамоновичъ!
Да подходитъ-де собака злая, Скурла царь.—
120. Да бросилса дѣтина на добра коня,
Повернулъ-де конѣмъ да какъ лютымъ змѣѣмъ,
Дабы вѣхаль во силу, въ прокляту Литву,

- Ищэ сколько-то силы онъ саблѣй сѣкѣтъ,
Ищэ вдвое-то силы онъ конѣмъ топчѣтъ,
125. Онъ билъ-то, ломилъ да двои суточки,
Приустановили его да руки бѣлыя,
Да оттуль молодецъ да поворотъ держитъ;
Приѣхжалъ-то дѣтина ко бѣлу шатру,
Привезалъ-то коня онъ ко сыру дубу,
130. Насыпалъ-то пшеницу онъ бѣлоярову,
Наливалъ-то соты-воды медовою,
Заходилъ-то дѣтина во бѣлой шатёръ,
Да садился дѣтина за дубовой столъ,
Какъ попилъ-то, поѣлъ, да забавлялся тутъ,
135. Какъ попилъ-то поѣлъ, да тутъ и спать онъ лёгъ,
Какъ и спитъ, храпитъ да какъ порогъ шумитъ,
Кабы спалъ-то ле онъ да двои суточки.
Какъ стоялъ его конь да у сыра дуба,
Не зобалъ-то пшеницу да бѣлоярову,
140. Какъ не пилъ-то воду да онъ медовую,
Кабы билъ-то копытомъ о сыру землю,
Вся дрожгтъ-то-ле матушка сыра земля,
Ото сну-то дѣтина пробужаитца,
Выходилъ онъ скоренько вонъ на улицу,
145. Да хватилъ свою палицу буёвую,
Да-бы бѣтъ онъ коня да по тучнымъ ребрамъ:
«Ахъ ты волчья сыть, травеной мѣшокъ!
Ище што-же стоишь, да не пьёшь, не ѣшь?
Ле вода-ле моя тибѣ не сладкая?
150. Ле пшеница-ле моя тибѣ не дошлая?»
И провѣщился конь да лошадь добрая,
Ищэ русскимъ языкомъ человѣческимъ:
— Ужъ ты ой еси, хозяинъ сударь ласковой,
Молодой ты Потапъ сынъ Артамоновичъ!
155. А поѣдешь ты во силу, прокляту Литву,
А поѣдешь ты по силы проклятой Литвы,
Накопали перекопы тамъ глубокія,
Дабы первой перекопъ я перескочу,
Дабы второй перекопъ я перенесу,
160. Дабы въ третьёмъ перекопѣ обрушусе,
Я паду-то тогда да во глубокъ погребъ;
Да наскочутъ тотаръ да много множество,

- Да намѣцють на тебя да добра молодца,
Ищэ ти-жо арканы бѣло-шолковы,
165. Поведуть-де къ царю тогда ко Скурлату». Какъ и это дѣтинѣ за бѣду стало,
За немалую досаду показалосе,
Да бросилса дѣтина на добра коня,
Повернулъ-де конѣмъ да какъ лютымъ змѣѣмъ,
170. Кабы вѣхалъ онъ въ силу, въ прокляту Литву,
Кабы сколькѣ-то силы онъ саблѣй сѣкѣтъ,
Кабы вдвое-де, втрое онъ конѣмъ топцѣтъ,
Кабы первой перекопъ конь перескочилъ,
Кабы втѣрой перекопъ конь перенѣсь нынѣ,
175. Кабы въ третѣѣмъ перекопы конь обрущылса,
Кабы палъ-то бы конь да во глубокъ погребѣ.
Наскакало тотаръ да много множество,
Намѣтали арканы бѣло-шолковы,
Сохватали юдала добра молодца,
180. Повели-то тогда да къ царю Скурлату,
Привели-то тогда да къ царю Скурлату.
Подходилъ-де собака тогда Скурла царь:
«Ужъ ты здраствуй, удалой доброй молодецъ!
Ты коѣго-жо-ле города? Коѣй земли?
185. Коѣго ты отца? да коѣй матушки?
Ищэ какъ ты, дѣтина, именѣмъ зовутъ?
Ищэ какъ величаютъ изъ отечества?
Послужи-ты-ле мнѣ да вѣрой правдою,
Да вочью-ле, позавочью неизмѣнною.
190. Я приду-ле во землю во Литовскую,
Я те дамъ-ле города да съ пригородками». Говоритъ-то дѣтина таковы слова:
— Кабы былъ я молодецъ да на своей воли,
На своей-де воли да на добромъ конѣ,
195. Я отсѣкъ у тебя-бы поплечь голову.— Говоритъ ему Скурла во второй законъ:
«Ужъ ты ой есь, удалой доброй молодецъ!
Послужи ты-ле мнѣ да вѣрой правдою,
Да воцью-ле, позавоцью неизмѣнною,
200. Я те дамъ города съ пригородками,
Я те дамъ нынѣ села со деревнями,
Я де дамъ тибѣ-ле много золотой казны».

- Говорить молодецъ да таковы слова:
— Я бы былъ молодецъ на своей воли,
205. На своей-де воли да на добромъ конѣ,
Я отсѣкъ у тебя бы поплечь голову.—
Говорить-де-бы Скурла во третей законъ:
«Послужи ты-ле мнѣ да вѣрой правдою,
Да вочью-ле, позавочью неизмѣною,
210. Я те дамъ города съ пригородками,
Я де дамъ тибѣ села всё со деревнями,
Я де дамъ тибѣ-ле много золотой казны,
У мня есь-то топере единая дочь,
Я бы дамъ-то тибѣ тогда въ супружесво».
215. Говорить-то молодецъ да таковы слова:
— Я бы былъ кабы дѣтина на своей воли,
На своей-то воли, да на добромъ конѣ,
Я отсѣкъ бы у тебя да поплечь голову.—
Волокутъ-де телѣгу троеконую,
220. Заковали молодца его въ желѣза всё,
Да на шею желѣза пятьдесятъ пудовъ,
Да на ноги желѣза пятьдесятъ пудовъ,
Да на руки желѣза пятьдесятъ пудовъ;
Потенули телѣгу троеконую,
225. Да ко той ко казни ко смѣртной,
Да ко-той де ко плахѣ ко кровавой.
Да стоялъ то-ле конь тогда въ перѣкопы,
Розсердилось у его сэрцо лошадиное,
Розмутились его оци тогда ясныя,
230. Кабы выскоцить-то конь да изъ перѣкопы,
Побѣжалъ-то по силы, проклятой Литвы,
Прибѣжалъ-то ко казни ко смѣртной,
Да ко той-жо ко плахи ко кровавой,
Испугалисе тотары всѣ поганья,
235. Какъ вси выломалъ желѣза притяжолыя;
Да скоцилъ-то удалой доброй молодецъ,
Да хватилъ-то телѣгу троеконую,
Да куды-то махнетъ, да тутъ и улица,
Да назадъ проведѣтъ—съ переулками,
240. Да билъ-де ломилъ да двои суточки,
Не оставилъ онъ нестарого, немалого.
Да садилса дѣтина на добра коня,

- Да поѣхалъ дѣтина ко бѣлу шатру,
Становилъ-то коня онъ ко сыру дубу,
245. Заходилъ-то дѣтина во бѣлой шатѣръ,
Кабы ѣлъ-то онъ, пилъ, да позабавилса.

73.

Гремитъ Манойловичъ, Идолъ Жидойловичъ и
Анна, племянница Владиміра-князя.

- Какъ во славной земли было турецкоей,
У Гремита короля, сына Манойлова,
Кабы было-де пированье, столованье,
Кабы былъ-то у ихъ, братцы, почесень пиръ,
5. Ахъ на многіихъ на князей, всё на бояровъ,
Да на тѣхъ-же турзовъ-мурзовъ удалыхъ,
Какъ на тѣхъ-же паленицъ да преудалыхъ.
А Гремитъ-король по полику погуливать,
Какъ сапогъ-де о сапогъ да поколачивать,
10. Какъ скобоцька о скобоцьку пощолкивать,
Кабы русыма кудрями самъ натряхивать,
Кабы ясныма оцями самъ розглядывать,
Да весѣлую рѣчь самъ выговаривать:
«Ой вы ой есь, мои князя-бояра!
15. Ужъ вы сильніе могуты всё богатыри!
Ужъ вы ой есь, купци гости торговые!
Ужъ вы ой есь, кресьяна православные!
Ище хто-же изъ васъ знаетъ сужону,
А по руськи назвать женой вѣнчальную?
20. По нѣмецки назвать супружницу?
Какъ статнымъ была статна, да полна возрастомъ,
Какъ лицомъ была она да акы бѣлой снѣгъ,
А глаза-ти у нее да ясна сокола,
А какъ брови у нее да чорна соболя,
25. Какъ рѣснички у ее штобы сиза бобра,
Какъ сиза-бы бобра да всё сибирского,
Какъ походецька у ней была упавная,
Кабы рѣчь-поговоря тихо-смирная».
Кабы меньши хоронятся за среднихъ,

30. Кабы средни хоронятся за большіихъ,
Какъ отъ большіихъ Гремиту всё отвѣту нѣтъ;
Какъ сидѣлъ за столомъ да за передніимъ,
Какъ на томъ-жо на стулѣ всё на золотѣ,
Молодой-де Идолъ да сынъ-Жидойловичъ,
35. Вышину былъ Идолъ да двѣ сажени нынъ,
Ширину былъ Идолъ да какъ коса сажень,
Какъ коса-же сажень да нынъ печатная;
Какъ ставаль-то Идолъ да на рѣзвы ноги,
Подходилъ-то ко Гремиту поближешенько,
40. Поклонялся онъ Гремиту понижешенько:
«Ужъ ты ой еси, Гремить да сынъ Манойловичъ!
Ты позволъ-ко Гремить да слово вымолвить,
Не позволъ-ко за слово скоро сказнить,
Нескоро ты сказнить, скоро повѣсити».
45. Говорить-то Гремить да сынъ Манойловичъ:
— Ужъ ты ой еси, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
Говори ты Идолъ да не упадывай,
Не единого слова не затаивай.—
«Я то прежде-то былъ да въ земли Руськоей,
50. Я во томъ-то во городѣ во Кіевѣ,
У того-то у князя у Владиміра,
У того-то бы есь нынѣ племянница,
Кабы та-же-ли Анна княженецька-дочь;
Какъ статнымъ она статна, да полна возрастомъ,
55. Какъ лицомъ-де она да аки бѣлой снѣгъ,
Какъ глаза-то у ее да ясна сокола,
Кабы брови у ее да чорна соболя,
Какъ рѣснички у ее аки сыза бобра,
Какъ походецька у ей будто упавная,
60. Ищѣ рѣчь-поговоря тихо-смирная».
Наливать-то Гремить сынъ Манойловичъ,
Наливать онъ чару зелена вина,
А немалу, невелику полтара ведра,
Припалнивать чашу пива пьяного,
65. На заѣдку турей рогъ да мѣду сладкого,
На закуску колачикъ бѣль-круписчатой,
Подаваль-то Идолу 'сѣ Жидойлову:
«Прими, выкушай ты чару зелена вина,
Послужи ты-ли мнѣ да вѣрой правдою,

70. Ты вочью-де, позаво́чью, не измѣною,
Ты-ле съѣзди во стольнѣй во Кіевъ градъ,
Ты посватайся на Аннѣ княженевскоей,
Ужъ ты—чесью даютъ, дакъ бери съ радосью,
Ищ'-ле честью не даютъ, дакъ бери нечесью,
75. Розгроми ихъ полаты бѣлокаменны,
Посади князя въ злодѣйку землену тюрму».
Говорить-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Ужъ ты ой еси, Гремить да сынъ Манойловичъ!
Ищэ сколько я радъ да былъ чару пить,
80. Ищэ вдвое я радъ службы служить,
Службы служить, да головы сложить.
Погрузи ты мнѣ черленыхъ тридцетъ караблей,
Ищэ дай мнѣ-ка силы тридцетъ тысячей.—
Какъ пошолъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
85. Какъ на тѣ-же черлены больши корабли,
Обирали якоря новы булатныя,
Обирали всѣ тѣ сходенки дубовыя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то по батушку синю морю;
90. Какъ одна-та сторона тамъ знаменулася,
Какъ друга-то сторона да показалася,
Подбѣгали-то во гавань карабельную,
Какъ во ту-жо во пристань во глубокую,
Опускали парусы бѣлы полотнены,
95. Выкатали якоря новы булатныя,
Кабы клали-то сходни кончѣмъ на берегъ.
Какъ пошолъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
Да идѣтъ-то во славной стольнѣй Кіевъ-градъ;
Какъ заходитъ-то во славной стольнѣй Кіевъ-градъ,
100. Какъ идѣтъ-то къ полаты княженевскоей,
Да заходитъ на крылецъко на прекрасное,
Какъ подъ имъ-то крылецико кацается,
Косяки-де, перила покосилися,
Да не спрашивалъ у дверей онъ придверниковъ,
105. У широкихъ воротъ да приворотниковъ,
Да заходитъ нынѣ въ полаты бѣлокаменны,
Да проходитъ-то въ новы нынѣ горницы,
Кабы руськимъ богамъ Богу не молитця,
Какъ Владиміру-князю онъ челомъ не бѣтъ,

110. Онъ челомъ-де не бѣтъ, да голову не гнѣтъ.
Подходилъ ' ему солнышко Владиміръ князь:
«Ужъ ты здравствуй, Идолъ да сынъ Жидайловичъ!
Ты куды-же поѣхалъ, куды правишсе,
Ты куды-же, Идолъ, да нынѣ путь держишь?»
115. Говорить-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Я бы ѣду отъ Гремита-короля сына Манойлова,
Я пріѣхалъ къ тебѣ нынѣ посвататьця,
Да на той-же на Анны княженевской;
Кабы чesью отдашь, дакъ возму съ радостью,
120. Кабы чesью не отдашь, дакъ возму нечesью,
Розгромлю твои полаты бѣлокаменны,
Засажу тебя въ злодѣйку землю тюрьму.—
И весьма-то испужался князь-Владиміръ тутъ,
Побѣжалъ Владиміръ во второй покой,
125. Какъ ко той-же ко Анны княженевской:
«Ужъ ты ой есь, племянница любимая!
Ужъ пришолъ на тибѣ да женихъ свататьця,
Отъ Гремита-короля сына Манойлова,
Да пріѣхалъ-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
130. Кабы чesью идѣшь, дакъ берѣтъ съ радостью,
Ищѣ чesью не идѣшь, дакъ берѣтъ нечesью,
Розгромить мои полаты бѣлокаменны,
Засадить меня въ злодѣйку землю тюрьму».
Говорить ему Анна княженевска дочь:
135. — Ужъ ты ой еси, Владиміръ славно Кіевской!
Ты не стой-ко за ж... ты за бабію,
Не теряй-ко свою да буйну голову.—
Кабы стала-то Анна снаряжаться,
Ищѣ стала она да сподобляйтсе,
140. Надѣвала на ся да платьѣ цвѣтной,
Какъ брала съ собой ящицѣкъ хорошинькѣй.
Какъ оттуль-то Владиміръ поворотъ доржить,
Подходилъ онъ къ Идолу ко Жидойлову,
Подносилъ ему цяру зелена вина,
145. Да немалу, невелику полтара ведра,
Говорить-то Владиміръ таковы слова:
«Ужъ ты ой еси, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
Прими выкушай ты чару зелена вина,
Ты помѣшай немножко, всё поправитце».

150. Какъ берётъ-то Идолъ да единой рукой,
Вышиваётъ Идолъ да къ едину духу.
Да поправилась Анна княженевска-доць,
Какъ пошла-то на черлены больши карабли,
Да пошолъ тамъ Идолъ да сынъ Жидойловичъ,
155. Да на тѣ-же на черлены больши карабли.
Обирали якоря новы булатныя,
Обирали они сходни вси дубовыя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то по батюшку синю морю.
160. А бѣжали-то по батюшку синю морю,
Тамъ одна-де сторона знаменулася,
А друга-де сторона тамъ показалосе,
Выходила-то Анна вонъ на улицу,
Да подале, на черлены больши карабли,
165. Увидала-то-бы тамъ да видно чадъ великъ,
Ищѣ чадъ-бы великъ, да дымъ столбомъ валить,
Заходила-то назадъ да въ черной карабель,
Подходила-то къ Идолу ко Жидойлову:
«Ужъ ты ой еси, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
170. У васъ этамъ-то-ле што-ле будто чадъ великъ?
Ищѣ чадъ великъ, да дымъ столбомъ валить?»
Говорить-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Ужъ ты ой еси, Анна княженевска дочь!
Ужъ варятъ намъ на свадьбу кобылятину,
175. Ищѣ жарятъ намъ на свадьбу жеребятину».
Говорить ему Анна княженевска дочь:
«Ужъ ты ой есь, Идолъ да сынъ Жидойловичъ!
Мнѣ нельзя идти по батюшку синю морю,
Ищѣ сѣнни-то мнѣ-ка именинной день».
180. Говорить-то Идолъ да сынъ Жидойловичъ:
— Ужъ вы ой еси, мои да слуги вѣрныя!
Опускайте паруса бѣлы полотнены,
Вы меците якоря новы булатныя,
Намъ нельзя идти по батюшку синю морю.—
185. Какъ пошолъ тогда пиръ у ихъ навеселы,
Пировали-столовали цѣлы сутоцьки;
Изъ ума-то Идолъ тутъ вышиваетця,
Одолила-бы хмелинушка великая,
Кабы заспалъ Идолъ да сынъ Жидойловичъ,

190. Кабы спить-то хранишь, да какъ порогъ шумить.
Какъ брала-то-ли Анна княженевска дочь,
Какъ брала-то свою да саблю вострую,
Какъ отсѣкла у Идола поплечь голову;
Росходилоь его тулово поганоеъ,
195. Да поганоеъ тулово, сердитоё,
Поимало мачту карабельную,
А бы вымѣло-то мачту во мелко щепьё,
Усмиряло это тулово поганоеъ,
Ищѣ пало во черной большой карабель.
200. Какъ скамандовала Анна княженевска дочь,
Какъ собирали якоря новы булатныя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали нынѣ во стольной славной Кіевъ-градъ,
Ко тому ноньце ко князю ко Владиміру;
205. Прибѣжали-то во стольной славной Кіевъ-градъ,
Опускали паруса бѣлы полотнены,
Выкатали якоря новы булатныя,
Да повыклали сходни кончѣмъ на берегъ;
Да пошла-то-ли Анна княженевска дочь,
210. Какъ во тотъ-жо во славной стольной Кіевъ-градъ,
Ко тому-же ко князю ко Владиміру,
Заходила нынѣ въ полаты бѣлокаменны,
Походила-то подалѣ въ нову горничу,
Къ самому ноньце ко князю ко Владиміру:
215. «Ужъ ты здраствуй, дядюшка Владиміръ-князь!
Убирай ты черлены больши карабли».

74.

Василій Буслаевъ.

- Кабы жилъ былъ Буславей девеносто лѣтъ,
Состарилса Буславей, самъ преставилса,
Да при смертоцѣѣ Буславьюшко наказывалъ,
Онъ своей-де жены да наговаривалъ:
5. «Ужъ ты ой еси, моя да молода жена!
Молода моя жена, да дорога семья!
Чогда будетъ-то моё чадо на возрастѣ,

- Бывъ ясень-то соколъ будётъ на возлетѣ,
Ище станеть-то Васильюшко конёмъ владать,
10. Да конёмъ-де владать, копьемъ шурмовать,
Пусть не дѣржитъ Василей всё сто рублей,
Пусть не дѣржитъ Василей цѣлой тысецы,
Пусть-ко дѣржитъ Василей у ся сто друговъ,
Ищэ сто-же друговъ, да сто пріятелей,
15. Въ Ерусалимъ-градъ ходитъ Богу молитися,
Ко Христовой гробницѣ приложитися,
Да въ Ердань-то рѣки пусть не купаетца,
Не купаетца въ рѣки, пусть оmyваетца:
Да купалса-крестилсе тамъ Ісусъ Христосъ;
20. Да свезётъ пусть положеньицо великого,
Да не мало-ле, не много—сорокъ тысецей». Да покаялса Буславей, тутъ преставилсѣ.
Когда сталъ-то нынѣ Васильюшко навозрастѣ,
Какъ ясень-то соколъ сталъ навозлетѣ,
25. Ищэ сталъ-то Васильюшко конёмъ владать,
Да конёмъ сталъ владать, копьемъ шурмовать,
Онъ пошолъ-то Василей вдоль по городу,
Онъ ходилъ-то по лавоцькамъ торговымъ,
Онъ купилъ сибѣ везиноцьку тяжелую,
30. Онъ пошолъ во царевы большу кабаки,
Откупалъ-то-ле боцьки сороковыя,
Сороковыя боцьки ' зеленымъ съ виномъ,
Онъ выкатывалъ на площади широкія,
Розсылалъ-то указы нынѣ скорыя,
35. Сбиралъ-то голей да всихъ кабацкіихъ,
Да зовётъ-то Василей на почесень пиръ,
Кабы пити имъ вино нынѣ безденежно.
Сбиралосе голей да много множество,
Какъ со всѣхъ-то сторонокъ нынѣ разныхъ,
40. Росполубилъ онъ-то боцьки сороковыя,
Онъ спустилъ-то ковши тутъ позолочены;
Кабы пьютъ-то-ле голи вси кабацкія,
Кабы пьютъ-то они всѣ зелено вино,
Какъ и пьютъ-то они, да потѣшаютца,
45. Кабы хвалятъ-то Василья всё Буславьева.
Приносилъ-то Василей свою везиноцьку,
Выбиралъ-то сибѣ да онъ въ товарищи:

- «Ищэ хто-ле изъ васъ можоть везинку знять?»
Ихъ и сталь-то везиноцькой помахивать,
50. Какъ по тимъ головамъ молодецкіимъ.
Какъ пошли-то голи, нынъ заплакали,
Да платкамъ-то-ле головы повязали,
Говорять-то-ле голи всѣ кабацкія:
«Да у вора у Васьки у Буславьева,
55. Да не ушито-ле было не уѣдено,
Баско хорошо-ле было не ухожено,
Толькѣ на вѣкъ безвѣчица залезено».
Какъ махнулъ-то удала добра молодца,
Какъ того-ли Потанюшку нынъ хромого,
60. Да стоитъ молодецъ да онъ не трехнетце,
Ищэ платье на нѣмъ да не ворохнетце;
Да махнулъ-то-ле Костю Новоторженина,
Какъ стоитъ молодецъ да не трехнетце;
Да махнулъ-то-ле Васиньку всё малого,
65. Да стоитъ молодецъ не ворохнетце.
Выбираль-то-ле онъ да три товарища,
Ходилъ-то Василей вдоль по городу,
Собираль-то Василей сибѣ плотничковъ,
Онъ-то строилъ Василей всё черновъ *) карапъ,
70. Онъ-то въ оци, нынѣ врѣзалъ два-то камешка,
Онъ-то ' брови-то-ле врѣзалъ два-то соболя,
Онъ соорилъ-то Василей-то черновъ карапъ,
Онъ спускалъ-то карапъ да тогда на воду,
Онъ грузилъ-то карапъ тогда напйтками,
75. Онъ грузилъ-то карапъ тогда припасами,
Собираль-то Василей-то товарищовъ,
Какъ итти-то ему да во синѣ морѣ.
Онъ приходитъ-то ко матушкѣ родимоей,
Онъ-то падалъ ей тогда да во рѣзвы ноги,
80. Онъ просилъ благословеньица великого.
Да даѣтъ ему матушка благословеньицо,
Да съ буйной-то главы да до сырой земли.
Да пошолъ-то Василей вонъ на улицу,
Онъ пошолъ-то ' черленой большой карабель;
85. Обирали нынѣ сходенки дубовыя,

*) Чернь-новъ?

- Подымали якоря новы булатныя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то они да въ Ерусалимъ градъ,
Да бѣжали-то по батюшку синю морю,
90. Подбѣгали-то они да въ Ерусалимъ градъ.
Какъ пошли-то ко гробу ко Христовому,
Какъ Господу Богу помолилися,
Ко Христовой гробницѣ приложилися,
Да пошли-то нынѣ тогда да на Ердань-рѣку;
95. Кабы вси-то въ рѣки да омываются,
Да Василей-то Буславьевичъ купантце,
Да пошли-то ѣттуль, да поворотъ держать.
Да пришли-то они да на черновъ карапъ,
Подымали якоря тогда булатныя,
100. Обирали-то-ле сходенки дубовыя,
Роспускали паруса бѣлы полотнены,
Побѣжали-то по батюшку синю морю,
Подбѣгали-то подъ горы Сарочинскія,
Остоялся тогда да ихъ черной карапъ;
105. Какъ вымецютъ-то щупы долгомѣрныя,
Кабы ищутъ-то-ле кошоцьки подводной,
Не находятъ-то кошки тутъ подводной.
Да вперѣтъ-то-ле шли не чо не видѣли,
Да згленули-то на гору Сарочинскую,
110. Увидали-то они тутъ значенъ-чуденъ-кресъ;
Какъ здумалось имъ тутъ да помолитисе,
А бросали нонѣце шлюпку они на воду,
Да спущалисе они да въ ету шлюпоцькую,
Выѣзжали на гору Сарочинскую,
115. Приходили ко кресту они ко чудному,
Кабы чудному кресту да помолилися.
Да лежить-то голова тутъ чоловѣческа,
Да лежить-то-ле тутъ да сѣрь-горючь-камень;
Какъ берѣтъ-то Василей свою тростоцькую,
120. Какъ колотить-то голову онъ чоловѣческу:
«Ужъ-ты ой есь, голова—чья? чоловѣческа?»
Да провѣщилась глава, косъ чоловѣческа,
Да руськимъ-то языкомъ чоловѣческимъ:
— Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буславьевичъ!
125. Я бы былъ молодець да не тебѣ вѣрста,

Я лежу-то на горахъ на Сарочинскихъ,
Да лежати-то тебѣ мою по праву руку.—
Кабы плюитце Василей нынѣ, цюрайтцѣ:
«Ты сибѣ ты спала, да сибѣ видѣла».

130. Говорить-то-ле кось глава чоловѣческа:
— Я сибѣ-то спала, да тибѣ видѣла.—
Погленули они на сѣрѣ-то камешокъ,
На камню-то-бы есь да всё подписано,
На камню-то-ли есь тогда подрѣзано:
135. «Хто впередъ-то-ле скоцить, назадъ скоцить?»
Какъ скоцилъ-то Василей сынъ Буславьевичъ,
Какъ впередъ-отъ скоцилъ, назадъ не отскочилъ,
Кабы палъ-то Василей о сѣрой камень,
Какъ тогда-то Василью смерть случилось.

75.

Садко.

Какъ прежде Казань да слободой была,
Ищѣ нынѣ Казань да Новымъ-городомъ.
Какъ во той во Казани, въ Новомъ-городѣ,
У Левонтея попа, отца Ростовскаго,

5. Кабы было-ле пированье, столованье,
Кабы былъ у его тогда почесенъ пиръ,
Какъ на многихъ купцевъ людей торговыхъ,
На почетныхъ поповъ, отцовъ духовныхъ,
Да на всихъ кресьянъ православныхъ.
10. Кабы вси-то на пиру тутъ напивалисе,
Кабы вси-то на чесномъ тутъ наѣдалисе,
Да сидѣлъ на пиру купецъ богатый,
Да по имени Садко купецъ богатый;
Изъ ума-то Садко выпиваитцѣ,
15. Изъ рѣцей-то Садко прошибаетцѣ,
Говорить-то Садко таковы слова:
«Я въ Новомъ-городѣ товары всѣ повыкуплю,
Я на черныя на карабли всѣ повыгружу,
Я на Волгу-рѣку тогда повыплавлю».
20. И не хто-жо нынѣ-бы къ тѣмъ рѣцямъ не вяжотця,

- Толькѣ вязотця Левонтей-попъ духовный.
— Въ Новомъ-городѣ товары те не выкупить,
Да на чорныя на карабли не выгрузить,
Да на Волгу-рѣку тибѣ не выплавить. —
25. Да ударились они да о великъ залогъ,
Да не ё ста рублей, не ё тысяцѣ,
О своихъ-то-ле быютца буйныхъ головахъ.
Да бы началъ Садко купецъ просыпатисе,
Охватился Садко купецъ—дѣло неладное;
30. Да берётъ три слуги съ собой вѣрныя,
Да беретъ-то три ящичка нынѣ съ деньгами,
Да бы день-то купилъ весь до вечера,
Да накладывалъ товары всё на возы нынѣ,
Кабы выдержалъ казну свою изъ ящиковъ,
35. Какъ товару привезли да больше старого.
Какъ-де день-де купилъ, да другой купилъ,
Какъ товару въ городу да худо убыло,
Какъ купилъ-то Садко да ровно три дни нынѣ,
Какъ казны-то у Садка да мало можитце,
40. Какъ товару въ городу да много множитце.
Да змолился Садко да Господу Богу,
Какъ тому-то нынѣ Миколы нынѣ свѣтителю:
«Я построю тибѣ церковь соборную,
Да на-воимѣ Миколы тутъ светителя».
45. Кабы тутъ у Садка да казны прибыло,
Въ городу-де товару мало можитця;
Розсылалъ онъ указы нынѣ скорыя,
Подводилъ-то черлены больши карабли,
Погрузилъ-то товары вси-то разныя.
50. Онъ пошолъ-то Садко-то да скоро за морѣ,
Онъ повёзъ-то товары вси-ти разныя,
Да ходилъ-то Садко да нынѣ за морѣ,
Торговалъ-то товарами заморскими,
Да забылъ тогда Миколу онъ светителя.
55. Кабы выпродалъ товары онъ заморскія,
Какъ стгуль-то Садко сталъ поворотъ дѣржать.
Какъ бѣжалъ-то Садко да по синю морю,
Среди моря карабли тутъ остоялися,
Опускали паруса бѣлы полотнены;
60. Да метали они шупы долгомѣрныя,

- Да искали они кошоцьки подводныя.
Не находятъ они кошоцьки подводной,
Кабы ходять по черленнымъ большимъ караблямъ,
Увидали они цюдо право цюдное:
65. Какъ бѣжить-то къ нимъ шлюпоцька-то лёгкая,
Кабы лёгкая шлюпоцька, тутъ огненна,
Прибѣжала-то къ черленнымъ большимъ караблямъ,
Да сидять-то во шлюпкѣ два гребца-то тутъ,
Какъ третей-то сидить да нынѣ кормиццокъ,
70. Говорить-то имъ кормщикъ таково слово:
«Ужъ вы ой есь, молодцы да карабельщики!
Ужъ вы дайте чоловѣка виноватого».
Ищѣ меньшии хоронятца за среднихъ,
Ищѣ средних хоронятца за большихъ;
75. Выходилъ-то Садко купецъ богатяя,
Да на тотъ-то черленой большой карабель,
Кабы падало на юмъ да старо прежное:
«Не исполнилъ я Миколы-то свѣтителю,
Видно будѣтъ мнѣ итти да во синѣ морѣ,
80. Видно я-жо нынѣ топере виноватой быть».
Распростилса со своими да онъ товарищами,
Какъ спускался во шлюпоцьку-то лёгкую,
Да берѣтъ-то съ собой гусли звончаты;
Какъ вернулася шлюпка тутъ ' обратное,
85. Побѣжала эта шлюпка по синю морю,
Прибѣжала эта шлюпка къ столбу огненну,
Да ввернулася эта шлюпка во синѣ морѣ.
Да очюдились-то двери тутъ хрустальнія,
Какъ зашоль-то во двери онъ хрустальнія,
90. Онъ идѣтъ, Садко, по новой тогда горницы,
Какъ лежить-то на лавкѣ царь морской-ле тутъ:
«Южъ ты здраствуѣшь, Садко купецъ богатяя!
Я прошу-то тебя да поиграть со мной,
Да во тѣ-же во пѣшки, нынѣ во шахматы,
95. Ишь-ле можъ-ле звеселить меня, морска царя?»
Кабы ходить-то Садко купецъ богатяя,
По тому ходить по дому по хрустальнѣму,
Заигралъ-то во свои да гусли звончаты,
Кабы сталъ-то нынѣ морской царь нынѣ поришкивать
100. Какъ руками-то онъ сталъ да пошевеливать.

- Кабы пушше играть Садко во свои гусли,
Какъ сядилса-то царь да на ж... нынь,
Кабы сталъ-то играть Садко попуще-же,
Кабы сталъ-то морской царь да поплясывать;
105. Сколыбалосе тогда да всё синё морё,
Заходила-то повальня тогда сильная.
Да подумалъ-то Садко купецъ богатыхъ,
Во своёмъ-то умѣ, да крѣпкомъ разумѣ:
«Я-то много потоплю караблей купеческихъ».
110. Онъ розорвалъ свои да гусли звонцаты,
Говоритъ ему топере нынь морской-отъ царь:
— Ужъ-ты ой еси, Садко купецъ богатыхъ!
Ты поцинъ-ко свои да гусли звонцаты.—
Говоритъ ему Садко купецъ богатыхъ:
115. «Я уцилса играть да въ гусли звонцаты,
Не уцилса я починить гусли звонцаты».
Кабы это царю не полюбилосе,
Онъ хватилъ-то Садка за длинну бороду,
Онъ-то бросилъ Садка да вонъ изъ терему.
120. Да очюдилса Садко купецъ богатыхъ,
Подъ своимъ-то тогда-ли Новымъ-городомъ,
Какъ лёжить у воды да онъ на берегу.
Да ставалъ-то тогда Садко-то на ноги,
Отресалъ свою длинну-большу бороду,
125. Приходилъ-то Садко да въ Новой-городъ-отъ;
Да стрѣцяютъ его купцы богатыхъ,
Да стрѣцяютъ нынь попы отцы духовные,
Да стрѣцяютъ хресьяна православные:
«Ужъ ты здравствуешь, Садко купецъ богатыхъ!
130. Кабы восемь лѣтъ тебя мы не видали нынь».
Да пошолъ-то Садко ' своему терему,
Да бы раньше-то пришли его чѣрны карабли.
Нанималъ-то Садко да тогда плотничковъ,
Какъ строилъ соборну Божью церковь нынь,
135. Какъ тому-жо онъ Миколы всё свѣтителю.
-

76.

Данилко Денисьевичъ.

Кабы Волга-рѣка да розливалосе,
Кабы тихой-де Донъ тогда повыбрызгалъ,
На Дону-де казаки zvolновалисе,
Зvolновался-де Данилко-воръ Денисьевичъ:

5. «Ужъ вы милые-де братцы, добры молодцы!
Ужъ вы стройте-ко Данилу новъ черленой стругъ,
Кабы носъ-де корма по звѣриному,
Ищѣ хоботы металъ штобы по змѣиному,
На середоцкю постройте мурамень чердакъ,
10. Во чердакъ нонѣце краватку слоновыхъ костей,
Потените кроватку дорогимъ сукномъ,
Испробейте кроватку золотымъ гвоздѣмъ».
Ищѣ тутъ молодцы всё не отслышелись,
Да построили Данилу новъ черленой стругъ.
15. Ищѣ носъ-де, корма да по-звѣриному,
Ищѣ хоботы-то мѣцѣтъ по-змѣиному,
На середоцкю построили мурамень чердакъ,
Во чердакъ нонѣце кроватку слоновыхъ костей,
Потенули кроватку дорогимъ сукномъ,
20. Испробили-то кроватку золотымъ гвоздѣмъ.
Ищѣ стали-то они да снаряжатисе,
Ищѣ стали-то ѣни да сподоблятисе,
А берутъ они веселышка дубовыя,
Говорить-то имъ Данилко-воръ Денисьевичъ:
- 25 «Ужъ вы милые-де братцы, добрые молодцы!
Вы гребите-ко робята день до вечеру,
Темну ночинькю гребите до бѣла-свѣту,
Не пиваючись гребите, не ѣдаючись,
Да бѣлымъ рукамъ отдоху не даваючись,
30. Вы гребите-ко на усьѣ славну тиху Дну,
Заставайте карабли новы купчески».
Да гребутъ нынѣце робята день до вечера,
Темну ночинькю гребутъ да до бѣла свѣту,
Выгребали-то на усьѣ славно тиху Дну,
35. Заставали карабли новы купчески,

- Обирали вси товары, вси заморскіе,
Да ёттуль-то нынь Данилко поворотъ держить.
Да змолилися купци да Господу Богу,
Подымалась тогда туця тѣмна грозная,
40. Кабы выпала изъ туци громова стрѣла,
Пострѣлила-то Данилка всё Денисьева,
Да тогда-то нынь Данилку смерть случилось.
Да пристали-то робята на крутой берегъ,
Да построили гробницу бѣлодубову,
45. Погребли-то Данила во сыру землю.
Кабы ѣдутъ-то робята день до вечера,
Да приходитъ-то тогда да ноцка темная,
Набѣжалъ-то Данилко-воръ Денисьевичъ,
Становилъ-то бы ихъ да среди рѣки,
50. Да крычить-то, громить, да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы милые братцы, добры молодцы!
Не утти-то вамъ будѣтъ, не уѣхати».
Какъ стоятъ-то они да вплоть до утра тутъ.
Кабы сталъ-то тогда да нынѣ бѣлой день,
55. Кабы палъ-то Данилко внизъ на землю тутъ,
Подѣбжали-то робята 'круту берегу,
Погребли-то Данилка во сыру землю,
Да оттуль-то робята всё поѣхали.
Кабы ѣдутъ-то-ле день да всё до ночи всё,
60. Какъ приходитъ-то-ле ноцка нынѣ тѣмная,
Набѣжалъ-то Данилко воръ Денисьевичъ,
Становилъ-то-бы ихъ да среди рѣки;
Крычить-то, громить онъ зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы милые братцы, добры молодцы!
65. Не уdtи-то вамъ будѣтъ, не уѣхати,
Несухимъ-то путѣмъ, да вамъ не водою».
Кабы былъ у его да нынь подруцникѣкъ,
Да подруцникѣкъ былъ его, постельникѣкъ,
Да слыхалъ онъ отъ Данилка таково слово:
70. «Да не дѣржитъ меня да мать сыра земля,
Тольки дѣржитъ меня да нонь осиновъ колъ».
Да бы стала-де зоря, да тогда бѣлой день,
Да бы палъ-то Данилко внизъ на землю нынь,
Подѣбжали-то робята добры молодцы,
75. Положили-то Данилку вничъ на землю всё,

Находили-то они тогда осиновъ колъ,
Какъ колотятъ-то они да проти серъча тутъ,
Да осталса тутъ Данилко сынъ Денисьевичъ.

77.

Кострюкъ.

- Грозной царь государь Иванъ Васильевичъ
Не успѣлъ воцаритисе, захотѣлъ поженитисе;
Послалъ посла, скоро сватовщика,
Старого Микиту Романовича
5. Во дальнюю землю, во орду во невѣрную,
Демрюку на дочери,
Кострюку на родной сестры, на Маріи,
На крыницы на царской,
На вельможѣ на великой.
10. Всѣ не отказываютъ, всѣ приказываютъ.
Собирались во церковь во Божію,
Примали закону Божьёго;
Пиръ-отъ пошолъ о полупира,
Столъ-отъ пошолъ о полустола,
15. Все на пиру напивались,
Все на честномъ наѣдались,
Одинъ Кострюкъ Демрюковичъ,
Онъ не ѣсъ-ле, не пѣтъ, не кушаётъ,
На тебя-ли, на царя думу думаетъ,
20. На Марью сестру судину творить:
«Я семъ городовъ побывалъ,
Семъ борцовъ поборолъ,
Есъ-ле борцовъ поборотисе?
За любовь попытатисе?»
25. — У насъ есъ нонѣ Васинька маленькѣй,
Потанюшка Хроминькой.—
Говорить-то Кострюкъ Демрюковичъ:
«Што это за гадина идѣтъ?
Уже што за перегадина идѣтъ?»
30. На одну долонь посажу, другой придавлю!»
Потанюшка присправилсѣ,

- За черны кудри заграбилсѧ,
Выздымалъ выше дерева шарѡвова,
Бросилъ Кострюка на сыру землю;
35. Не рубашка-ли порскнула,
Не кожа-ли треснула,
Побѣжалъ Кострюкъ, дыру долѡнюю захватилъ:
«Не дай Богъ на светой Руси бывать,
Въ каменной Москвы,
40. Не дѣтямъ моимъ не внучатамъ».
-

78.

Голубинная книга.

- Подымалася туця темно-грозная,
Какъ со той страны со восточной,
Да заблѣкъ-де батюшко свѣтѣль мѣсець,
Призатухло-ле вотъ красно солнышко.
5. Да изъ той изъ тучи тѣмно-грозной,
Выпадала книга голубинная,
Да на ту гору-де на Фаргорскую,
Ко тому-де кресту животворящому,
Ко распятѣицу да ко Христовому.
10. Въ долину была книга сорока локоть,
Въ толщину была книга дватцети локоть;
Да про ту про книгу голубинную,
Разселилася славушка немалая,
Да по всимъ землямъ, по всѣмъ разнымъ,
15. Да по всимъ городамъ да по уѣзднымъ.
Да на ту на славу на великую,
Собиралосѧ, да соѣжжалосѧ,
Какъ сорокъ царей, сорокъ царицей,
Да сорокъ королей, сорокъ королевичей;
20. Да изъ тихъ царей, изъ тихъ царицей,
Да изъ тихъ королей, да королевичей,
Выбиралосѧ-то равно три царя,
Равно три царя да всѣ премудрые:
Да первой-отъ царь да Волотѡмонъ-царь,
25. Волотѡмонъ-царь, сынъ Волотѡмоновичъ,

- Да второй-отъ царь Давыдъ Евсеевичъ,
Да бы трéтей царь—сударь Исай-пророкъ.
Да спрогóворилъ, да спромóлвилъ нашъ,
Да спромóлвилъ нашъ да Волотóмонъ-царь,
30. Волотóмонъ-царь, сынъ Волотомóновичъ:
«Ужъ ты ой еси, нашъ премудрой царь,
Ты премудрой царь Давыдъ Евсёевичъ,
Ты бери-ко книгу на бѣлы руки,
На рукахъ держи-ты, на ногахъ стой».
35. Какъ спроговорилъ нашъ премудрой царь,
Нашъ премудрой царь Давыдъ Евсёевичъ:
— На рукахъ держать, да мнѣ не со́держать,
На ногахъ стоять, да мнѣ не прóстоять.—
Да спрогóворилъ да нашъ премудрой царь,
40. Нашъ премудрой царь Давыдъ Евсёевичъ:
«Ужъ ты ой еси, нашъ премудрой царь,
Нашъ премудрой царь, сударь Исай-пророкъ!
Ты бери-ко книгу на бѣлы руки,
На рукахъ держи ты, на ногахъ стой,
45. Розмыкай ты книгу голубинную,
Ты читай-ко книгу голубинную,
Ты по старой памети, по грамоты,
Ты скажи-ко намъ, ты повѣдай-жо:
Отчего зачалса нашъ нынѣ вольнѣй свѣтъ?
50. Отчего зачалось нашо сонцо красное?
Отчего зачалса нашъ свѣтѣль мѣсець?
Отчего зачались зори утренны?
Отчего зачались наши звѣзды частыя?
Отчего зачались наши вѣтры буйныя?
55. Отчего зачались наши дожжи мелкіе?
Да которой Богъ да надъ богами Богъ?
Да которой царь да надъ царями царь?
Да которой звѣрь да надъ звѣрями звѣрь?
Да котора птица всимъ птицамъ мѣти?
60. Да котора рыба всимъ рыбамъ мати?
Да которо морё всимъ морямъ море?
Да которо полё всимъ полямъ полё?»
Кабы бралъ Исай книгу голубинную,
На рукахъ держалъ, да на ногахъ стоялъ,
65. Розмыкалъ онъ книгу голубинную,

- Онъ сказалъ-то имъ, да поповѣдалъ-жо,
Онъ по старой по памяти, по грамоты:
— Оттого зачалса нашъ-то вольнѣй свѣтъ:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
70. Самого Христа да отъ оцей его;
Оттого зачалось да сонцо красное:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа да ото лба его;
Оттого-то зачалса свѣтѣль мѣсець:
75. Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа да отъ тыла его,
Отъ тыла его, да отъ верхѣвища;
Оттого зачались да зори утренны:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
80. Самого Христа да отъ косиць его;
Оттого зачались да звѣзды частыя:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа да отъ ушей его;
Оттого зачались да вѣтры буйныя:
85. Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа-ли отъ здыханьица;
Оттого зачались да дожжи мелкія:
Самого Христа Царя Небѣснаго,
Самого Христа-ли отъ слезовъ его;
90. Кабы самъ Богъ-Савовъ да надъ богами Богъ,
Да бѣлой-отъ царь да надъ царями царь,
Дабы вѣруемъ вѣру самого Христа,
Самого Христа Царя Небѣснаго;
Однорогой звѣрь да надъ звѣрями звѣрь;
95. Естрепѣль-птица да всѣмъ птицамъ птица,
Естрепѣль-птица да востренещетца,
Акіенъ-морѣ всё расколыблитца;
Кабы титъ-рыба да всѣмъ рыбамъ рыба,
Да за то рыба, да мать земля стоитъ,
100. Да на трѣхъ титахъ была основана,
Да на трѣхъ титахъ, на трѣхъ подтитышахъ;
Да Ондронъ-полѣ да всмъ полямъ полѣ,
Да за то полѣ, да война первая,
На Ондронъ-полѣ будѣтъ послѣдняя;
105. Да при первой войны было первое:

- Кабы кривда съ правдой тутъ тягалосе,
Дабы кривда-то сѣрымъ заечомъ,
Кабы правда-то бѣлымъ заечомъ,
Кабы кривда правду издоляла-жо,
110. Кабы правда-то да ушла на́ небо,
Кабы кривда-то по темнымъ лѣсамъ,
По темнымъ лѣсамъ, да по добрымъ людямъ,
По добрымъ людямъ, да по людскимъ сердцамъ.
-

79.

Небылица про щуку изъ Бѣлаго озера.

- Да худому-де горѣ да не привяжетса,
Да тому-то-де горюшко нонь приважитца,
Ищо хто-жо горѣ можоть измыкати,
Послѣ матери горѣ перемыкати.
5. Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того-то почудне скажу,
Почудне-де скажу, да подиковинне:
Да медвѣдь-отъ летить да поподнебесью,
Да короткими лапами помахивать,
10. Да короткимъ хвостикомъ подправляивать.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того да почудне скажу,
Почудне-то скажу, да подиковинне:
Да корабль-отъ бѣжитъ да по сырой земли,
15. Да тѣмные лѣсы да бицовой идутъ.
Да это не чудо, да не диковина,
Да я-то того да почудне скажу,
Почудне-то скажу да подиковинне:
Да во славномъ-то было да Бѣлѣ-озерѣ,
20. Заселилася щука да приогромная,
Да робятъ-де хватать, да жоребятъ глотать,
Кабы стали-то думу да они думати:
Ищѣ какъ-то бы щуку да нынь добыть еѣ?
Да сковали-то уду нынь дѣсить пудовъ,
25. Да надѣли жеребѣнка тутъ кобыляго,
Да бросили-де во славно Бѣло-озеро.

- Да хваталася щука приогромная,
Да немала, невелика девяносто пудъ.
Потенули-то щуку нынь на вёшной лёдъ,
30. Да бы вёшной-отъ лёдъ тутъ изгибаице,
Кабы добыли-то щуку на крутой берегъ,
Да отсѣкли у щуки большу голову,
Положили-то голову на больши сани,
Повезли эту голову во-три коня,
35. Повезли-то-ли голову къ самому царю.
Привозили-то голову къ самому царю,
Собиралосе народу да много множество,
Удивилисе они да большой головы,
А отсѣкли у ей да праву ягодицу,
40. Отдавали царю ей на почесенъ пиръ,
Пировали-столовали тутъ чѣлы суточки,
Кабы вси-то тутъ ягодицей наѣдалисе.
-

18. Дитятевъ Алексѣй Ивановичъ.

Слѣпой старикъ 71 года. Живетъ очень бѣдно на самомъ краю зарѣчной стороны Виски, въ маленькой избушкѣ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ. Когда я пришелъ къ А. И. онъ на берегу рѣчки съ мальчонкомъ, своимъ племянникомъ, пилилъ на дождѣ дрова, а зрячій братъ въ избѣ вязалъ сѣти... Старины знаетъ А. И. прекрасно, поетъ твердо и сильно акаетъ при цѣнѣ, между тѣмъ при разговорѣ аканья совсѣмъ незамѣтно, да и неоткуда ему быть. А. И. прекрасный сказочникъ; и сказки онъ знаетъ твердо, рассказываетъ очень хорошо, складно. Кромѣ спѣтыхъ мнѣ старинъ знаетъ еще: Добрыня и змѣя, Потыкъ, Васька Окуловъ, Сорокъ каликъ, Агрикъ, Егорій храбрый и нѣсколько духовныхъ стиховъ.

80.

Иванъ Горденовъ.

- Во стольноёмъ во городи во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Было пирѡваньё-столѡваньё,
Да былъ у него, братцы, почесенъ пиръ,
5. Про многихъ князей, да многихъ бояровъ,
Да сильныхъ русскіихъ богатырей;
Да вси на пиру да пьяны веселы,
Да всѣ на чесномъ потѣшаютца,
Растѣшилса солнышко Владиміръ-князь,
10. Да пагуливать на гриденкѣ по свѣтлой,
Па той-же середи кирпичатой,
Рѣзвыма ногами ёнъ поступывать,
Бѣлыми руками ёнъ розмахивать,
Русыма кудрями принатраживать,
15. Ясныма оцями на всѣхъ згледывать;
Ёнъ завидѣлъ юдала добра молодца,
По имени Ивана всё Горденова:
«Ты ой есь, Иванъ да сынъ Горденовичъ!
Ты што-же сидишь ёчунъ не весело?
20. Повѣся держишь да буйну голову?
Потупя очи ясны во кирпичать полъ?
Али мѣстомъ тебя мы пріюнизили?
Али цари тибѣ да не доносили?»
— Ажъ ты ой еси, солнышко Владиміръ-князь!
25. Вы мѣстомъ меня да не юнизили,
Да цари-ти мнѣ-ко-ва доносили,—
У тя всѣ на пиру сидятъ паженены,
У тя красныя дѣвичи повыданы,
Единъ я, Иванъ, да, царь, холѡстъ хожу,
30. Я халѡстъ-отъ хажу, да не женатъ живу;
Захотелосе-бы мнѣ да поженитисе,
Да во стольнѣмъ городѣ въ Черниговѣ,
У ласкова у князя у Черниговска,
На его-же на любимой на дочери,
35. На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлой,

- На той Маривьяны на прекрасной.—
Гаварить-то нашъ солнышко Владиміръ-князь:
«Когда хочешь, Иванъ, дакъ можешь на ей».
— Ажъ ты ой еси, дядюшка родимой мой,
40. Ты солнышко батюшко Владиміръ-князь!
Одному-то мнѣ теперь не взять будѣтъ,
Мнѣ надо мнѣ тридцать всё богатырей,
Да сильнѣихъ русскихъ храбрыхъ воиновъ.—
Гаварить-то нашъ солнышко Владиміръ-князь:
45. «Ты ой еси, Добрынюшка Микитицъ бладе!
Садись-кѣ Добрыня за дубовой столъ,
За дубовой-отъ столъ, да на ремещетъ стулъ,
Пиши ерлыки да скоропищеты».
На то-де Добрыня не ёслышалсѣ,
50. Да скорѣ садитца за дубовой столъ,
За дубовой-отъ столъ, да на ремещетъ стулъ,
Писаль ерлыки да скоропищеты;
Срежаитце Добрыня во чисто полѣ,
Уздаётъ, сѣдлаетъ коня доброго,
55. Да скорѣ садитца на добра коня,
Поѣхаль Добрыня во чисто полѣ,
По тимъ по дорогамъ по широкимъ
Металь ерлыки, да скоры грамотки.
Соѣжжались богатыри во Кіевъ-градъ,
60. Да тридцать-де три ровно богатыря,
Да ко ласкову князю на почесенъ пиръ.
Да пиръ-отъ идѣтъ да о полупиру,
Да столъ-отъ идѣтъ да о полу-стола,
Да князь-отъ Владиміръ о полухмеля,
65. Да день отъ идѣтъ у насъ ко вечеру,
Да солнышко катитце ко западу,
Кнеженевская радость въ полурадости,
Гавориль-то Иванъ сударь Гарденовичъ:
«Ты солнышко батюшко Владиміръ-князь.
70. Ты откатывай боцъки сороковоцки,
А сорокъ намъ бочѣкъ зелена вина,
Двадцетъ намъ бочѣкъ да пива пьяного
Сорокъ намъ воевъ да харчу хлѣбного,
Давай мнѣ товару на сорокъ тысячей,
75. Заплачу тибѣ сударь деньги полныя».

- На то-же Владиміръ не отслышелсѧ,
Откатывалъ боцѣки сороковоцѣки,
Сорокъ-де боцѣкъ да зелена вина,
Двадцетъ намъ бочѣкъ пива пьяного,
80. Сорокъ намъ воевъ да харчу хлѣбного,
Давалъ-же товару на сорокъ тысящей.
И стали молодцы да нонѣ срежатисе,
Скаре того да сподобляютца,
Во первыхъ, старъ-казакъ Илья Муромецъ,
85. Со своимъ-же бы онъ да со десяточкѣмъ,
Во вторыхъ, Самсонъ сынъ-Колыбановичъ,
Со своимъ-же бы онъ да со десяточкѣмъ,
Во третьихъ, Борисъ сударь Горденовичъ,
Со своимъ-же бы онъ да со десяточкѣмъ;
90. Уздають, сѣдлають коней добрыхъ,
Да скоро-де скачуть на добрыхъ коней,
Не видали молодцовъ когда на конѣ сѣли,
Да видятъ тамъ во полѣ курива стоитъ,
Скопотили пески мелки сыпучіе.
95. Да скорѣ поѣтца, скорѣ скажитца,
Да много-де времени минуетца,
Подѣжжають подъ славной подъ Черниговъ-градъ,
Становилисе ѣни на зелены луга,
Розоставили шатры бѣлополотнены,
100. Отъ Чернигова-града за двенадцетъ вѣрствъ,
Да стали пировать, да столовати-же,
Да стали ѣни да думу думати:
«Кому изъ насъ итти во Черниговъ градъ?
Кому-же итти изъ насъ свататца?»
105. Послать намъ Алѣшенькю Поповица,
Второго Добрынюшку Микитица,
Умѣють они да право чesъ воздать,
Чesъ-ту воздать и слово вымолвить».
На то молодцы да не ѣтслышались,
110. Поѣхалъ Добрынюшка Микитицъ-бладъ,
Другія Ёлешинькя Поповицъ-бладъ,
Да ѣдутъ во славенъ во Черниговъ градъ,
Ка городу ѣдутъ не дорогою,
Они въ городъ заѣжжають не варотами,
115. Скачуть черезъ стѣну городовую,

- Ка тимъ-же полатамъ княженевскімъ,
Ко тому ко крыльцю ко прекрасному,
Да скацють-де скоро со добрыхъ коней,
Да вяжутъ своихъ да коней добрыхъ,
120. Ка тому-же столбу да ко дубовому,
За то-же колечико серебрено;
Заходятъ они да на красно крыльцо,
Проходятъ они да во новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней во гриню во столовую,
125. А молятце ѿни да Господу Богу,
Ѹни кресъ кладутъ да по писанному,
Паклонъ-отъ ведутъ да по ученому,
Да кланятце на всѣ четыре стороны:
«Здравствуёшь, князь Ѹедоръ Черниговской!»
130. — Приходите, удалы добры молодцы!
И куда идите, да куды правитесь?—
«Идемъ ка' ѿ доброёмъ ѿ дѣлѣ ѿ сватовсвѣ,
На твоей-же на любимой на дочери,
На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлой,
135. На той Маремьяны на прекрасной,
За того-же за Ивана за Горденова».
Гаварить-то имъ князь-Ѹедоръ Черниговской:
— Не Иванъ-то поставилъ иишо плѣночку,
Не Гордену попапа въ плѣнку уточка,
140. Поставилъ плѣнку Васинька Окуловичъ,
Да Васинькѣ попала въ плѣнку уточка;
Да Васинька Окуловичъ весьма великъ:
Промежду-де плецми его коса сажень,
Промежду-де глазми его цѣлой аршинъ,
145. Да ноги его будто кичижища,
Да руки его какъ сильни граблища,
Да очи его какъ пивны чашища,
Да уши его какъ царски блюдища,
Голова ю него бутто пивной котѣль,
150. Да тотъ-же котѣль сорока ведѣръ.—
Говорилъ-то Добрыня не юподывалъ:
«Ты ой есь, князь-Ѹедоръ Черниговской!
Ты тѣмъ-то-де насъ нынѣ не юстрашивай,
Самихъ-же насъ здѣсь триццетъ богатырей,
155. Да сильнихъ русскихъ храбрыхъ воиновъ,

- Ты чesью намъ дашь, дакъ возьмемъ съ радосью,
Ты чesью не дашь, мы возьмемъ нечesью».
Пошоль-то-де князь-Оѣдоръ Черниговской,
Ко своей онъ ко дочери любимой:
160. «Ты душка-Маринка лебедь-бѣлая!
Идѣшь-ли за Ивана за Горденова?»
— Не Иванъ-де поставилъ ище плѣноцкю,
Не Горденону попала въ плѣнку уточка,
Да поставилъ плѣнку Васинька Окуловичъ,
165. Да Васиньки попала въ плѣнку уточка.—
А и тутъ-то князь-Оѣдоръ осержаитце,
Хватилъ-то свою да саблю вострую:
«Ссѣку я тибѣ да по плечъ голову—
Нейдѣшь за Ивана за Горденова?»
170. — Ажъ ты ой еси, батюшка родимой мой!
Я не ѣду типерече на ихъ коняхъ,
Суреди-же ты мнѣ да своего коня.—
Суредили-же еѣ да ворона коня,
Выходила Маримьяна дочь прекрасная,
175. Садилась она на ворона коня,
Поѣхала она да на зелѣны луга,
Ко тимъ ко шатрамъ бѣлополотненымъ,
Стрѣчатъ-то Иванъ да сынъ Горденовичъ,
Берѣтъ-то еѣ да за бѣлы руки,
180. Сымать еѣ да со добра коня,
Чолуетъ еѣ въ уста сахарныѣ,
Заводить еѣ да во-бѣль шатѣрь.
Пировали, столовали трои сутоцки,
Атгуль молодцы да поворотъ даютъ,
185. Обирали шатры бѣлополотнены,
Да скорѣ саяцца на добрыхъ коней,
Да ѣдутъ во стольнѣй славной Кіевъ-градъ.
Да ѣдутъ ѣни да по чисту полю,
Имъ пала дорожка поперецная,
190. Поперецна дорожицъка, кровавая,
Да тутъ молодцы остановилисе,
Говорилъ-то Иванъ сударь Горденовичъ:
«Ты ой есь, Борисъ сударь Горденовичъ!
Поѣдъ со своимъ да со десяточкѣмъ,
195. Извѣдай дорожечку кровавую».

- На то-де Борисъ не ётслышалсэ,
Поѣхалъ со своимъ да со десяточкѣмъ.
Поѣхали ёни да по чисту полю,
Имъ пала дорожка поперечная,
200. Поперецна дорожечька, кровавая,
Да тутъ молодцы остановилися,
Говорилъ Иванъ сударь Горденовичъ:
«Ты ой есь, Самсонъ сынъ Калыбановичъ!
Ты поѣдь со своимъ да со десяточкѣмъ,
205. Извѣдай дорожечкю кровавую».
На то-де Самсонъ да не ётслышалсэ,
А уѣхалъ со своимъ да со десяточкѣмъ.
Поѣхали ёни да по чисту полю,
Имъ пала дорожка поперечная,
210. Поперецна дорожоцька кровавая,
Да тутъ молодцы остановилисе,
Говорилъ-то Иванъ сударь Горденовичъ:
«Ты ой есь, старой да Илья Муромецъ!
Ты поѣдь со своимъ да со десяточкѣмъ,
215. Извѣдай дорожечкю кровавую».
Говорилъ-то старой да Илья Муромецъ:
— Ты ой есь, Иванъ сударь Горденовичъ!
Ты оставъ сибѣ меньшого слугу паробка.—
Говорилъ-то Иванъ сударь Горденовичъ:
220. «Поѣзжай со своимъ со всѣмъ десяточкѣмъ».
Говорилъ-то старой да Илья Муромецъ:
— Ты оставъ сибѣ меньшого слугу паробка.—
Скрычалъ-то Иванъ сударь Горденовичъ:
«Говорять поѣзжай со всѣмъ десяточкѣмъ!»
225. На то-де старой да не ётслышелсэ,
Поѣхалъ со всимъ своимъ десяточкѣмъ;
Поѣхалъ Иванъ сударь Горденовичъ,
Со душкой-Маринкой лебедь-бѣлою.
Заѣхали они да въ лѣсы тѣмныя,
230. Да тутъ-то они остановилисе,
Раскинули шатѣрь да бѣль-полотненой,
Легли они спать, да опочинъ держать.
Какъ о ту было пору и о то времѣ,
Наѣхалъ-де Васинька Окуловичъ,
235. Крычить-то Васплей во всю голову:

- «Ты блять-ле, ворона пустопёрая!
Ты та-жо сорока огумённая!
Куда полетѣлъ по чисту полю?
Да полно те спать, право пора ставать».
240. Ото сну тутъ Иванъ пробужаитца,
Въ одной-де рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однихъ-де чулочкахъ безъ чоботовъ,
Выскакивалъ скоро вонъ на улицу,
Бѣжитъ-то ко Васиеньки на стрѣту-же.
245. Да ѣдетъ Василей на добромъ конѣ,
Махнулъ-то Василей саблей вострою,
На то-же Иванъ да былъ ювертливой,
Подвернулса подъ гриву лошадинную,
Прوماхнулса-то Васиенька Окуловицъ,
250. Хватилъ-то Иванъ да за русы кудри,
Да сдёрнулъ его да со добра коня,
На ту-же на матушку сыру землю,
Садилса ему да на бѣлы груди,
Растегивалъ пуговики тальячныя:
255. «Ай ты душка-Маринка лебедь-бѣлая!
Подай-ко синьжалищю булатенъ-ножъ,
Распороть-то бы мнѣ да груди бѣлыя,
Пасматрѣть-то бы мнѣ да ретиво сэрцо».
- У него у собаки у проклятой,
260. Да во ртѣ языкъ право ворочатце:
— Да душка-Маринка лебедь-бѣлая!
За имъ-то те быть, будётъ служанкой слыть,
За мной-то те быть, будёшь царицей слыть.—
Прибѣжала Маремьяна дочь прекрасная,
265. Попутала Ивана всё Горденова,
Да справилса Васиенька Окуловицъ,
Да скакаль-то Василей на рѣзвы ноги,
Прижимали Ивана ко сыру дубу,
Да опутали во путинки шелковыя:
270. «Да тебѣ сырой дубъ да молода жена».
- Заходили ёни да нынѣ во бѣль-шатёръ,
Да не закинули ю шатра да полу правую,
Легли ёни спать, да ёпочинъ держать.
Во ту было пору и во то время,
275. Прилетѣли изъ чиста поля два голуба,

- Садились ёни да на сыро дубьё,
На самыя ёни да на вершиночки,
Ювидѣль-то Василей ёнъ двухъ голу^бовъ,
Хватилъ ю Ивана право тугой лукъ,
280. Хваталъ его стрѣлоцъку калѣную,
Натегать-то Васильюшко нонъ тугой лукъ,
Стрѣлятъ-то Василей въ этихъ голу^бовъ,
Не дошедши стрѣла ихъ поворотъ даѣтъ,
Разлеталася Васинькѣ въ бѣлы груди,
285. Распоролла его да груди бѣлыя,
Сомѣшалась его да кровь со печѣною,
Да тутъ-то Василью смерть случилася.
Выходила Маривьяна изъ бѣла шатра,
Ёна кланяйтца Ивану въ ногу правую:
290. «Прости глупу бабу во первой вины». —
— Спростай-ко меня да отъ сыра дуба,
Прощаю тебя да во первой вины. —
Роспростала опутинки шелковыя,
Спросталса Иванъ сударь Горденовичъ,
295. Одевайтце ' своё да платье чвѣтное,
Да скорѣ саница на добра коня,
А душка-Маринка за имъ-же тутъ.
Поѣхали они да лѣсомъ темнымъ,
Доѣхали они да нонъ до рѣченьки,
300. Да тутъ-то они остановилисе,
Да слезъ-то Иванъ да со добра коня:
«Ты душка-Маринка лебедь-бѣлая!
Захотѣлосе бы мнѣ-ка-ва налитисе,
Ты подай-ко-ся мнѣ воды ключавоей».
305. Слезоваѣтъ Маривьяна со добра коня,
Берѣтъ-то Иванъ да саблю вострую,
Атсѣкъ онъ у ей да поколѣнъ ноги:
«А эти мни ноги-ти не надобно,
Со поганымъ татарин^{омъ} оплеталисе».
310. Отсѣкъ онъ у ей да полок^{отъ}ъ руки:
«Да ёти мнѣ ручишша не надобно,
Со поганымъ тотариномъ обнималисе».
Отсѣкъ онъ у ей да носъ-отъ съ губами:
«Эти мнѣ губишша не надобно,
315. Со поганымъ тотариномъ чѣловалисе».

Умываль-то Иванъ да руки бѣлыя,
Уѣхаль въ нещеры во великія,
Да началъ Иванъ Багу (такъ!) малитисе.

81.

Скопинъ.

- Во славномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра,
Родилось у его да чадо милое.
Со той-же со радости великоей,
5. Завѣлся ю князя-то почесенъ пиръ,
Пра многихъ князей да многихъ бояровъ,
Пра тихъ-же мѣщанъ 'ся городовыхъ,
Пра тихъ-же купцей людей торговыхъ,
Да всѣ на пиру пьяны-веселы,
10. Да всѣ на пиру потѣшаютце,
Ростѣшилса солнышко Владиміръ-князь,
Онъ пагуливалъ по гриденки на свѣтлоей,
По той-же по середи кирпичатой,
А рѣзвыма ногами ѣнъ поступываль,
15. Бѣлыма руками прирозмахиваль,
Изъ рѣцей-то Владиміръ выговариваль:
«Ты ой есь, княгина да мать Апраксія!
Намъ каго-же поставить въ кумушки?»
Говорить-то княгина мать Апраксія:
20. — Надъ-бы съѣздить во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Позвать удала добра молацца,
А Скопина-ли Михаила сына Ивановича,
Его-же поставить во кумушки.—
25. «Кого-же послати въ Малу Галичу?»
— Послатъ намъ Добрынюшку Микитиця,
А Добрынюшка Микитиць онъ крестовой братъ,
А послушатъ Скопинъ своего крестовушка.—
Говорить-то нашъ солнышко Владиміръ-князь:
30. «Ожъ ты ой есь, Добрынюшка Микитиць бладъ!
Ты съѣзди во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,

- Позови-ко юдала добра молоцца,
Ко князю его да всё во кумушки».
35. На то-де доброй молодець не ётслышалсэ,
Да сталъ-то Добрынюшка срежатисе,
Скоре-де того онъ сподоблеитце,
Уздаеть, сѣдлаеть коня доброго,
Ёнъ скорé садитца на добра коня,
40. Онъ поѣхалъ во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Ко тимъ-же ко теремамъ высокіемъ,
Ко тимъ-же окошечкямъ косявчатымъ,
' тому-же крылечушку прекрасному.
45. Да скоро-де слазить доброй молодець,
Да скоро-де слазить со добра коня,
Да вяжотъ своего коня доброго,
' тому-же столбу да ко дубовому,
За то-же колечушко серебрено,
50. Заходитъ Добрыня на красно крыльцо,
Проходитъ Добрыня во новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней во гриню во свѣтлую,
Да молитце Добрыня Господу Богу,
Онъ и крестъ-отъ кладѣтъ да по писанному,
55. Онъ поклонъ-отъ ведѣтъ да по учёному,
Ёнъ кланятца на всѣ четыре стороны,
Сидить-то вѣдь тутъ право служаноцька:
«Не ты-ле Скопину родна матушка?»
— Я сижу-то его вѣрна служаноцька.—
60. «Да гдѣ-же Скопинова родна матушка?»
— Проходи тамъ впередъ да во свѣтлу гриню.—
Проходитъ Добрынюшка Микитицъ бладь,
А молитца Добрыня Господу Богу,
Ёнъ крестъ-отъ кладѣтъ по писаному,
65. Поклонъ-отъ ведѣтъ по ученому,
Ёнъ кланетце на вси четыре стороны,
Сидить-то вѣдь тутъ право служаноцька:
«Не ты-ле Скопина родна матушка?»
— Проходи тамъ впередъ да во свѣтлу гриню.—
70. Проходитъ Добрынюшка Микитицъ бладь,
Да молитца Добрыня Господу Богу,
Да кланятца на всѣ четыре стороны:

- «Да здравствуй, мой названушко крестовой братъ!»
— Да здравствуй, Добрынюшка крестовой братъ!—
75. Да скоро скочилъ да на рѣзвы ноги,
Берётъ-го его да за бѣлы руки,
Да хочеть онъ дѣлать пиръ великія,
Да ради своего онъ крестовушка.
«Отъ ты ой есь, названой мой крестовушко!
80. Скопинъ-ле Михайло сынъ Ивановичъ!
Нельзя мнѣ сидѣти на чесномъ пиру,
Я посланъ тебѣ да на ускѣрую,
Ётъ ласкова князя отъ Владиміра,
Зовутъ-го тебя ёни во кумушки».
85. Приходитъ юдалой доброй молодець,
Скопинъ-ле Михайло сынъ Ивановичъ,
Ка сваей ко матушкѣ родимоей,
Ёнъ кланяетца ей да во рѣзвы ноги:
«Ой моя, маменька родимая!
90. Чесная вдова благочестивая,
Спусти мя во стольнѣй славной Кіевъ-градъ,
А мнѣ дай благословенье великое». —
Не дамъ благословенье великое,
Итти тибѣ, ѣхать въ стольнѣй Кіевъ-градъ.
95. А ты-же во хмелю да не сурадливой,
Тамъ злыя бояришка подмолвщики,
Касабрюхѣ воры, подговорщики.—
Однако-же кланятца въ рѣзвы ноги:
«Ты ой моя, матушка родимая!
100. Чесная вдова благочестивая!
Ожъ не дашъ благословенья великого,
Поѣду-же, поѣду въ стольнѣй Кіевъ-градъ». —
Ёднако-же дала благословеньцо,
Съ буйной-де главы и до сырой земли,
105. Да стали молодцы да нынѣ срезкатисе,
Скорей-же того да сподобляютце,
Уздаётъ, сѣдлаётъ коня доброго,
Онъ и скоре саница на добра коня,
Да ѣдутъ во стольнѣй славной Кіевъ-градъ,
110. Ко ласкову князю на почесенъ пиръ.
Окрестили, молитвили бладенеца,
Ставаль-то Скопинъ да ёнъ во кумушки,

- Со той-же Скурлатой со Малютиной,
Выходили ёни да изъ Божьей церкви,
115. Ко ласкову князю на почесенъ пиръ,
Да всѣ на пиру напивалисе,
Да всѣ на чесномъ да похваляютце,
Изъ ума-де Скопинъ да выпиваитце,
Во хмелю-де Скопинъ да похваляитце:
120. «Да много Скопинъ да по землямъ бывалъ,
Да много Скопинъ да городовъ биралъ,
Не боялся Скопинъ да сорока полковъ,
Сорока-де полковъ, да сорокъ тысячныхъ,
Я Малюту-царя да во полонъ биралъ,
125. Я Малютину дочь держалъ парукою,
Парукою держалъ я, полюбовницей,
На остаткахъ далъ князю во служеньицо».
И та-же Скурлата дочь Малютична,
Спускаетца она да во глубокъ погребъ,
130. Выносила-ле цару зелья лютого,
По краямъ-го-ле цары какъ ключи кипятъ,
На середка-де цары да огонь горитъ.
Онъ и пьетъ, Скопинъ, цару за единой духъ,
Скатилося съ плечъ голова какъ пуговица,
135. Сидитъ-го Скопинъ да не по прежнему.
Подхватили Скопина сына Михайловича,
Да садили его да на добра коня,
Да везли-бы его къ матушкѣ родимоей;
Да встрѣчала его матушка, горько плакала,
140. Похоронила она сына своего любимого.
Да та его матушка родимая,
Да зла паленица преудалая,
Выходила ёна да вонъ на улицу,
Суредила ёна да коня доброго,
145. Да скорѣ садица на добра коня,
Да ѣдетъ во стольней славной Кіевъ-градъ,
Ко тимъ же полатамъ княженевскимъ,
Крычитъ подъ окошечкомъ косявчатымъ:
«Подайте-тка мнѣ да виноватого!»
150. Отвѣчаютъ тамъ-де слуги вѣрныя:
— Виноватого въ домѣ не случилось,
Отлучилса виноватой во чисто полѣ.—

- Ажъ тутъ Маривьяна поворотъ даётъ,
А ѣдётъ она да во чисто полё,
155. Выѣхала на горы на высокія,
Да зрѣтъ-то, смотрѣтъ да во вси стороны,
Завидѣла во полѣ шатёръ стоитъ,
Стоитъ-то шатеръ да чернобархатной,
Она ѣдетъ ко шатру какъ чернобархатну,
160. А берётъ-то-ле стрѣлочку каленую,
Откинётъ у шатра да полу правую,
Да спитъ тутъ Скурлата дочь Малютична:
«Ставай-ко, Скурлата дочь Малютична!
Да полно те спать, право пора ставать».
165. Ото сну-то Скурлата просыпашайтца,
Выходитъ ёна да вонъ на улицу,
Берётъ Маревьяна нынѣ востро коньё,
Втыкаётъ тупымъ концемъ въ сыру землю,
Берётъ-то Скурлату дочь Малютичну,
170. Посадила ей ж. . . ѣй на востро коньё,
Да тутъ-то Скурлаты смерть случилось,
А оттуль Маривьяна поворотъ даётъ.

20. Безумовъ Степанъ Алексѣевичъ.

Черный, низкорослый, плечистый, истый типъ пустозера; ему 53 года, живетъ бѣдно, кромѣ промысла рыбы занимается еще чеботарствомъ, былъ въ солдатахъ. Знаетъ онъ, по его словамъ: Дуная, бой Добрыни и Дуная, женитьбу Алеши на добрыниной женѣ, Ваську Окулова, но мнѣ согласился пѣть только горе и то послѣ долгихъ упрашиваній; былъ сильно навеселѣ, почему старина и спѣта не особенно гладко.

82.

Горе.

Ужъ ты зла лиха свекровоцька неласкова,
Не давала снохи она не жить, не быть,
Не давала снохи она не исъ, не пить;
Какъ случилось молоцу да ' полё ѣхати,

5. Какъ во ту во дорожку во дальнюю,
Да во дальнюю дорожку незнакомую;
Какъ во то-де времѣ, во ту пору,
А какъ зла лиха свекровушка неласкова,
Овернула ей сноху теперь березонькѣй,
10. Прутья-лисся у березки серебряныя,
А вершинка у березки позолочена.
Какъ послѣ того было, послѣ этого,
Случилось молоцу да туды ѣхати:
«Какъ не горюшко-де мнѣ да показалось,
15. А несчастію-ли мнѣ да повстрѣчалось».
А во ту было пору, во то времичкѣ,
Какъ задумалъ молодецъ ѣхать къ березонькѣ,
Обнажилъ онъ свою да саблю вострую,
Во своемъ умѣ теперь парень раздумывалъ:
20. «Какъ несчасье видно мнѣ да пострѣчалось,
Какъ великое горѣ привязалось,
Отсѣку я у березоньки вершиночку».
Не успѣлъ молодецъ да слово вымолвить,
Какъ-де свиснула его да могуча рука,
25. Какъ отсѣкъ онъ со березоньки вершиночку,
Во своемъ умѣ дѣтинушка раздумывать:
«Какъ несчасье видно мнѣ да повстрѣчалось,
Видно горюшко велико привязалось».
Поворачивалъ конѣмъ да какъ лютымъ звѣрѣмъ,
30. Полетѣлъ на конѣ въ чисто въ раздольице,
Ка ' своему-де прекрасному широку двору,
Не доѣхавши ' крылечку ко прекрасному,
Крычитъ-ли, зычитъ да зычнымъ голосомъ:
«Ужъ вы ой еси, нянюшки, всѣ мамушки!
35. Всѣ придворные мои да вы служаночки!
Выходите-ко теперь да на красно крыльцо».
Услыхали-де мои няньки, мамушки,
Какъ придворные мои да всѣ служаночки,
Выбѣгали-де скоро на красно крыльцо,
40. И стрѣчали удала добра молодца,
Какъ сидитъ-то удалой на добромъ конѣ,
Говорить очунь смѣлы строковы (такъ!) слова:
«Ужъ вы всѣ-то теперь мои нянюшки
Ужъ-вы всѣ мои придворные служаночки!

45. Какъ-же всѣ-то теперь меня встрѣчаютъ,
Уже гдѣ-же нынѣ тепере дорога семья?
Дорога моя семья, да дорога жена?
Не встрѣчаетъ меня да добра молодца,
Какъ трудна-ли, больня, да во постель легла?
50. Или отошла она во ѡгробы (такъ!)?»
Выходила родимая моя маменька,
Говорила она да таково слово:
— Ужъ ты ой еси, моё чадо милое!
А да зла твоя жена да змѣя лютая,
55. Отошла она злодѣйка во чисто полѣ,
Овернулася она да тамъ березонькѣй,
Штобы прутьѣ-де, лисьѣ серебреноѣ,
А вершинка у берѣзки позолочена,
Овернулася она да тамъ березонькой,
60. Какъ безъ вѣтру-то ее штобы шататися,
Прутьѣмъ, лисьѣмъ по земли да растилатися.—
Говорить на то удалой доброй молодець:
«Ужъ ты ой еси, маминька родимая!
Зла лиха волшебница неласкова!
65. Не сама вѣдь овернулася березонькѣй,
Обернула ты-де зла лиха волшебница,
Ты родимая моя да родна матушка,
Ужъ ты бляти вѣдьма стольнѣ-Кіевска!
Я отсѣкъ на дорожечки березоньку,
70. Отсѣку я у тебя да буйну голову».
Какъ соскакивалъ удалой доброй молодець,
Со своего коня да онъ со добраго,
Забѣгаётъ удалой въ нову горницу,
Онъ садился на крутой да нынѣ ремещать стуль,
75. Онъ-де смотрить въ окошечкѣ косявчато,
Какъ во ту-же околѣнку стеклянную,
Во своемъ умѣ дѣтина прироздумался:
«Какъ-де матушку я кончилъ саблей вострою,
Ажъ отсѣкъ я у березоньки вершиночку,
80. Хоша взялъ-бы я теперь сибѣ другу жену,
Не натти и не купить мнѣ родной матери.—
А несчасье видно мнѣ-ка повстрѣчалося,
А великое видно горе привязалосе».
А умѣлъ молодець да горѣ мыкати,

90. Какъ хотѣлъ молодецъ горя избѣгнуть,
А сядилса молодецъ да на добра коня,
Полетѣлъ молодецъ да по чисту полю,
А какъ горюшко его да переди бѣжитъ,
Какъ де-лютымъ звѣришкомъ какъ-де львовишкомъ;
95. А хотѣлъ молодецъ горя избѣгнуть,
А хотѣлъ люта-звѣря онъ конёмъ стоптать,
Онъ хотѣлъ люта-звѣря онъ коньёмъ сколотъ,
А не могъ люта-звѣря всё избѣгнуть.
Овернулса молодецъ да яснымъ соколомъ,
100. Полетѣлъ молодецъ да по поднебесью,
Какъ-де горюшко лѣтитъ да переди его,
Какъ немѹдрою птицою сорокою;
Онъ хотѣлъ молодецъ горя избѣгнуть,
Онъ хотѣлъ-де молодецъ ее настигнуть,
105. Онъ хотѣлъ-де молодецъ схватить въ свой когти,
Да не могъ его, горюшка, избегнути;
Овернулса-де соколъ да рыбой щукою,
Онъ спустился молодецъ да во синѣ морѣ,
Онъ хотѣлъ молодецъ горя избѣгнуть,
110. Какъ-де горюшко бѣжитъ да переди его,
Какъ немудрою рыбинкой сорогою,
Онъ хотѣлъ эту рыбинку настигнуть,
И хотѣла эта щука всё слонуть еѣ,
Не могла-де эта щука поимать еѣ,
115. А не могъ молодецъ горя избѣгнуть.
Выходилъ молодецъ да во чисто полѣ,
Выходилъ онъ на прекрасенъ крутой бережокъ,
Овернулса молодецъ да сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ молодецъ да по чисту полю,
120. Какъ-де горюшко бѣжитъ да переди его,
Не добрымъ зверкѣмъ да заечкѣмъ;
Овернулса молодецъ да горностаљчиномъ,
Побѣжалъ молодецъ да по подзѣмелью,
Какъ-де горюшко его да переди бѣжитъ,
125. Какъ немудрыми звѣрькѣмъ бѣжитъ гусиною,
Какъ не могъ молодецъ горя избѣгнуть.
Выходилъ молодецъ да изъ подзѣмелья,
Какъ-де горюшко идѣтъ да переди его,
Оно тонко, жидко, да пережѣмисто,

130. Лыкомъ-де горё подпоясалось,
А идётъ надомной да колыхантце,
Надомною-де надъ молодцомъ подсмѣхаетце,
И велитъ молодцу да бити-грабити,
Штобы за то молодца штобы повѣсили.
135. Во ту было пору и во то время,
Случилась молодцу да скоро смерточка,
А да горюшко-то взяло топорёнышко,
Да взяло нынѣ-де горюшко гробёнушко,
Хоронило молодца да во сыру землю,
140. Стало горюшко молодчика оплакивать:
«Какъ худому-де горе не привяжитце,
Вѣрно умѣлъ молодець да горё мыкати».

21. Дитятева Парасковья Ивановна.

Сестра Алескѣя Ивановича Дитятева, также слѣпая, знаетъ старины: первую поѣздку Ильи Муромца, Фатенко, Потыкъ, Чурило и невѣрная жена, Васька Казиміровъ, 40 каликъ. Поетъ пріятнымъ голосомъ, но не твердо.

83.

Небылица.

- Старину я спою да стародавносю,
Старика я свежу и со старухою;
Ищѣ это-ли вамъ братцы, не чудишшо,
Ищѣ это-де вамъ, братцы, не диковина,
5. Юже я-то-ле вамъ да почудне скажу,
Почудне-де скажу и подиковисьне:
Какъ медвѣдь-отъ летѣлъ да по поднебесю,
Онъ вѣдь ниже летѣлъ облаковъ ходячихъ;
Ищѣ это вамъ, братцы не чудицо,
10. Ищѣ это-де вамъ, братцы, не диковина,
Уже я то-де вамъ да почудне скажу,
Почудне-де скажу, да подиковисьне:
Какъ завидѣли щуку въ Бѣломъ озерѣ,
Вотъ задумали щуку ей ловити-жо,

15. Вотъ вѣдь вытенули щуку ей на вѣшну льдину,
Какъ-де вѣшна-то льдина отъ ей ломается,
Вся осѣнна вода да сколыбалася,
Со краю-то на край да соражнялася,
Да немала-невелика щука—девеносто пудъ;
20. Ищэ это-де вамъ, братцы, не чудищо,
Ищэ это-де вамъ, братцы, не диковина,
Ищэ я то-де вамъ да почудне скажу,
Почудне-то скажу да подиковисъне:
Какъ телятъ она хватать, да жеребятъ глотать,
25. Ищэ мелкихъ робятъ мечеть за щеку.

XI. ДЕРЕВНЯ БѢДОВАЯ.

22. Марковъ Павелъ Григорьевичъ.

Это худенькій, маленький, тщедушный старичокъ 76 лѣтъ, типичный пустозерь: говоритъ теноркомъ, сладкимъ пѣвучимъ голосомъ. Онъ сирота, т. е. бѣденъ, а также и вдовъ, родомъ изъ деревни Бѣдовой, гдѣ и прожилъ всю жизнь, но я его встрѣтилъ и старины у него списалъ въ селѣ Оксинѣ, гдѣ онъ домовничалъ у родной дочери, которая со своимъ мужемъ отправилась „промышлять“ въ Печорскую губу. Зять такой-же бѣднякъ, и вотъ П. Г. живетъ на краю села въ маленькой избушкѣ, возится съ двумя внуками, присматриваетъ за коровой, которую и кормитъ и доить самъ; за это онъ получаетъ бесплатную квартиру съ дровами и, кажется, хлѣбъ отъ зятя, а на приварокъ зарабатываетъ тѣмъ, что пускаетъ и въ безъ того маленькую хибарку, гдѣ живетъ, еще квартирантовъ, плотниковъ-зырянъ, строящихъ что-то въ Оксинѣ и варить имъ пищу. Павелъ Григорьевичъ очень религіозенъ и яро настроенный старообрядецъ, Бѣдовая—единственная деревня въ Пустозерской волости, гдѣ расколъ держится открыто и извѣстенъ оффиціально; потому-то эту, единственную большую овцу въ „православномъ“ пустозерскомъ стадѣ усердно навѣщаетъ миссіонеръ, и потому-то, можетъ быть,

Пав. Григ. такъ яро настроенъ: онъ положительно не можетъ говорить равнодушно о Никонѣ, объ Аввакумѣ; послѣдняго онъ прекрасно знаетъ и называетъ не иначе какъ „Аввакумъ Петровичъ“, и много, подробно и съ жаромъ о немъ рассказываетъ. Старины П. Г. знаетъ прекрасно, и довольно легко и охотно согласился пѣть мнѣ ихъ, совершенно неожиданно найдя въ этой нетрудной для него работѣ кой какой заработокъ. Какъ и многіе изъ моихъ сказителей П. Г. во время пѣнія старинъ, что нибудъ дѣлалъ, обыкновенно или ткалъ нитки для сѣти, или вязалъ эту самую сѣть.

П. Г. знаетъ слѣдующія старины: Дунай и женьиба Владиміра; Алеша Поповичъ, Екимъ-паробокъ и Тугарище; Иванъ Горденовъ; Василій Игнатьевъ; Василій Казиміровъ; Василій Турецкій (Окуловъ) и Соломанъ; Василій Буслаевъ—двѣ старины; Садко; Иванъ Грозный и сынъ Ѳедоръ; Кострюкъ; знаетъ П. Г. и стихи: Алексѣй челоуѣкъ Божій, Агрикъ, про Святителя Николу, распятіе Христа и др. прекрасно знаетъ кромѣ того пѣсни всяческія, начиная отъ хороводныхъ, до величальныхъ (Виноградье) и дѣтскихъ (Коляда).

84.

Вольга Всеславьевичъ.

- Когда на небѣ родился свѣтѣль-мѣсецъ,
Тогда на Руси родился могучъ-богатырь,
Молодый Вольга Всеславьевичъ;
Рыба отступила во морску глубину,
5. Всѣ слышамши на Руси багатыря
Молодого-бы Вольгу Всеславьевича;
Птица солеталась по поднебесью,
Всѣ слышачи на Руси багатыря
Молодого Вольга Всеславьевича;
10. Тонки горностаи—во сыру землю,
Всѣ слышачи на Руси багатыря,

- Молодого Вольюю Всеславьевича;
Да буры лесицы по тёмнымъ лѣсамъ,
Всѣ слышачи на Руси багатыря,
15. Молодого Вольюю Всеславьевича.
Да втопоры Вольиinna матушка,
Ходила она по всимъ церквямъ,
Служила молебны почесныя,
Въ первыхъ просила нынѣ у Господа:
20. «Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому Вольиi Всеславьевичу,
Да тулово ему-бы Светогорого»;
Въ другихъ-бы просила нынѣ у Господа:
«Да сила Самсона Колыбановиця;
25. Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому Вольи Всеславьевичю,
Да конь-бы Ильи, да Ильи Муромца;
Да' Богъ моему-де чаду милому,
Молодому Вольиi Всеславьевичу
30. Кафтанъ-бы ему Дюка Стѣпановиця;
Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому-бы Вольгѣ Всеславьевичу,
Сапожки Чурила-бы Плѣнковича;
Да' Богъ моему да чаду милому,
35. Молодому-бы Вольиѣ Всеславьевичу,
Шапка Кузѣнка Сибирчаженина;
Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому-бы Вольгѣ Всеславьевичу,
Рукавичи Казарина Петровиця;
40. Да' Богъ моему-де цяду милому,
Молодому-бы Вольгѣ Всеславьевичу,
Смѣтка Олѣши нынѣ Поповича;
Да' Богъ моему да цяду милому,
Молодому-бы Вольиѣ Всеславьевичу,
45. Вѣшво Добрынюшки Микитиця.
Да втопоры Вольиa Всеславьевичъ,
Училса-бы въ вольнѣмъ морѣ щукой ходить,
Училса-бы по поднебесью птицею летать,
Училса-бы по полю лютымъ звѣремъ рыскати.
-

85.

Олеша Поповичъ, Екимъ паробокъ и Тугаринъ.

- Изъ далече-далече, изъ чиста поля,
Тутъ ѣдутъ удалы два молодца,
Ѣдутъ конь-о-конь, да сѣдло-о-сѣдло,
Уздѣ-о-узду да тосмянную,
- 5 Да сами межъ собой разговариваютъ:
«Куды намъ вѣдь, братцы, ужъ какъ ѣхать будѣтъ?
Намъ ѣхать, не ѣхать намъ въ Суздаль-градъ?
Да въ Суздаль-градѣ питья много,
Да будѣтъ добрымъ молодцамъ испропитисе,
- 10 Пройдѣтъ про насъ славушка недобрая;
Да ѣхать, не ѣхать въ Черниговъ-градъ?
Въ Черниговѣ градѣ дѣвки хороши,
Съ хорошими дѣвками спознатца будѣтъ,
Пройдѣтъ про насъ славушка недобрая;
- 15 Намъ ѣхать, не ѣхать во Кіевъ-градъ?
Да Кіеву городу на оборону,
Да намъ добрымъ молодцамъ на выхвальбу».
- Пріѣзжаютъ ко городу ко Кіеву,
Ко тому-жо ко князю ко Владимиру,
20. Ко той-жо ко гриденки ко свѣтлоей,
Ставаютъ молодцы да со добрыхъ коней,
Да мецютъ коней своихъ невязаныхъ,
Некому-то коней да неприказанныхъ,
Некому-то до коней да право дѣла нѣтъ,
25. Да лазятъ во гриденку во свѣтлую,
Да крестъ-отъ кладутъ-де по-писаному,
Поклонъ-отъ ведутъ да по-учёному,
Молитву творятъ да всё Ісусову,
Они быють челомъ на вси чотыри стороны,
30. А князю съ княгиней на особинку:
«Ты здравствуй, Владимиръ стольнокіевской!
Ты здравствуй, княгина мать Апраксія!
Говорить-то Владимиръ стольнокіевской:
— Вы здравствуй, удалы добры молодцы!
35. Вы какой-жо земли, какого города,
Какого отца, да какой матушки?

- Какъ васъ молодцовъ да именёмъ зовутъ?—
Говоритъ тутъ удалой доброй молодець:
«Миня зовутъ Олѣшой нынѣ Поповицёмъ,
40. Попа-бы Левонтѣя сынъ Ростовскаго,
Да другой-отъ Екимъ Олѣшинъ паробокъ».
Говоритъ тутъ Владымеръ стольнокіевской:
— Давно про тя вѣсточка прохаживала,
Случилосе Олѣшу въ очи видѣти;
45. Да пѣрво те мѣсто да подлѣ меня,
Друго тибѣ мѣсто супротивъ меня,
Третѣ тибѣ мѣсто—куды самъ ты хошь.—
Говоритъ-то Олѣшинька Поповицъ-отъ:
«Не сѣду я въ мѣсто подлѣ тибя,
50. Не сѣду я въ мѣсто супротивъ тибя,
Да сѣду я въ мѣсто куды самъ хоцю,
Да сѣду на пецьку на муравленку,
Подъ краснѣ хорѣшо подъ трубно окно».
Немнѣжко поры-де миновалосе,
55. Да на пету гриня отпиралосе,
Да лазать-то цюдо поганѣ,
Собака Тугаринъ былъ змѣевичъ-отъ;
Да Богу собака не молитче,
Да князю съ княгиной онъ не кланетче,
60. Князьямъ и боярамъ онъ челомъ не бѣтъ;
Вышина у собаки видъ ужъ трѣхъ сажонъ,
Ширина у собаки видъ двухъ охватъ,
Промежу ему глаза да калена стрѣла,
Промежу ему ушей да пядь бумажная;
65. Садилса собака онъ за дубовъ столъ,
По праву руку князя онъ Владымира,
По лѣву руку княгины онъ Апраксинъ;
Олѣшка на запечѣ не утерпѣлъ:
«Ты ой есь, Владымиръ стольнокіевской!
70. Али ты съ княгиной не въ любѣ живешь?
Промежу вами чудо сидитъ поганѣ,
Собака Тугаринъ-отъ Змѣевичъ-отъ».
Принесли-то на столъ да какъ бѣлу лебедь,
Вынималъ-то собака свой булатенъ ножъ,
75. Поддѣлъ-то собака онъ бѣлу лебедь,
Онъ кинулъ собака ей себѣ въ гортань,

Со щеки-то на щеку перемётывать.
Лебёжьё косё да вонъ выплюивать,
Олёша на запечё не ўтерпёль:

80. «У моего у свѣта у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского,
Быль старо собачишио дворовое,
По-подстолью собака волочиласе,
Лебежею косью задавилосе,

85. Собаки Тугарину не минутъ того,
Лежать ему во далечё въ чистомъ полѣ».
Принесли-то на столъ да пирогъ столовой,
Вымалъ-то собака свой булатенъ ножъ,
Поддѣлъ-то пирогъ да на булатенъ ножъ,

90. Онъ кинулъ, собака, себѣ въ гортанъ,
Олёшка на запечё ўтерпёль:
«У моего у свѣта у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского,
Было старо коровишио дворовое,

95. По двору-то корова волочиласе,
Дробиной корова задавиласе,
Собаки Тугарину не минутъ того,
Лежать ему во далечемъ чистомъ полѣ».
Говорить-то собака нынѣ Тугаринъ-отъ:

100. «Да што у ты на запечё за смердъ сидить,
За смердъ-отъ сидить, да за засельщина?»
Говорить-то Владиміръ стольнокіевской:
— Не смердъ-отъ сидить, да не засельщина,
Сидить руськѣй могучѣй да бѣгатырь,

105. А по имени Олёшинькя Поповичъ-отъ.—
Вымалъ-то собака свой булатенъ ножъ,
Да кинулъ собака ножъ на запечё,
Да кинулъ въ Олёшиньку Поповиця;
У Олёши Екимушко подхвдчивъ былъ,

110. Подхватилъ онъ вѣдъ ножицёкъ за черешокъ,
У ножа были припои нынѣ серебряны,
По вѣсу-то припои были двѣнадцать пудъ.
Да сами они-де похваляютца:
«Здѣсь у насъ дѣло заѣжжое,

115. А хлѣбы у насъ здѣся завозныя,
На винѣ-то пропѣмъ, хотъ на калачѣ проѣдимъ».

- Пошоль-то собака изъ за столъя вонъ,
Да самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Ты будь-кѣ, Олѣша, со мной на полѣ».
120. Говорить-то Олѣша Поповиць-отъ:
—Да я съ тобой съ собакой хотъ топере готовъ.—
Говорить-то Екимушко да парубокъ:
«Ты ой есь, Олѣшинька названой братъ!
Да самъ-ли пойдѣшь, али миня пошлѣшь?»
125. Говорить-то Олѣша нынѣ Поповиць-отъ:
—Да самъ я пойду, да не тибя пошлю,
Да силы у тя дакъ есь вѣдь съ два миня.—
Пошоль-то Олѣша пѣшъ дорогою,
Настрѣту ему идѣть названой братъ,
130. Названой-отъ братъ идетъ Гурьюшко,
На ногахъ несѣтъ поршни кабанъ-звѣря,
На главы несѣтъ шелонъ, земли греческой,
Во рукахъ несѣтъ шолыгу подорожную,
По вѣсу была шолыга девеносто пудъ,
135. Да той-же шолыгой подпиратца,
Говорить-то Олѣшинька Поповиць-отъ:
«Ты здравствуй, ты мой ты названой братъ!
Названой ты братъ да вѣдь ужъ Гурьюшко!
Ты дай мнѣ-ка поршни кабанъ звѣря,
140. Ты дай мнѣ шолонъ земли греческой,
Ты дай мнѣ шолыгу подорожную».
Наложилъ Олѣша поршни кабанъ звѣря,
Наложилъ Олѣша шолонъ земли греческой,
Въ руки взялъ шолыгу подорожную,
145. Пошоль-то Олѣша пѣшъ дорогою,
Да этой шолыгай подпиратце,
Онъ смотрѣлъ собаку во чистомъ полѣ,
Летаѣтъ собака по-поднебесью,
Да крылья у коня нонѣце бумажноѣ.
150. Онъ втапоры Олѣша сынъ Поповиць-отъ,
Онъ молитця Спасу Вседоржителю,
Чудной Мати Божей Богородици:
«Ужъ ты ой еси, Спасъ да Вседоржитель нашъ!
Чудная есть Мать да Богородица!
155. Пошли Господъ съ неба крупна дожджа,
Подмочи Господъ крыльѣ бумажноѣ,

- Опусти Господь Тугарина на сыру землю». Олёшина мольба Богу доходна была, Послалъ Господь съ неба крупна дожджа,
160. Подмочилось у Тугарина крыльё бумажное, Опустилъ Господь собаку на сыру землю; Да ѣдетъ Тугаринъ по чисту полю, Крычитъ онъ, зычитъ да во всю голову: «Да хошь-ли Олёша я конёмъ стопчу?
165. Да хошь-ли Олёша я копьемъ сколю? Да хошь-ли Олёша я живкомъ зглону?» Нато-де Олёшинька вѣдь вѣртокъ былъ, Подвернулса подъ гриву лошадиную, Да смотритъ собака по чисту полю,
170. Да гдѣ-де Олёша нынѣ стоптѣнъ лежить; Да втапоры Олёшинька Поповиць-отъ Выскакивалъ изъ подъ гривы лошадиной, Онъ машотъ шолыгой подорожною По Тугариновой-де по буйной головы,
175. Покатилась голова да ' плечъ какъ пуговця, Свалилось трупьё да на сыру землю. Да втапоры Олёша сынъ Поповиць-отъ, Имаеть Тугаринова добра коня, Лѣвой-то рукой да онъ коня дѣржитъ,
180. Правой-то рукой да онъ трупьё сѣкѣтъ, Россѣкъ-то трупьё да по мелку часью: Розметалъ-то трупьё да по чисту полю, Поддѣлъ-то Тугаринову буйну голову, Поддѣлъ-то Олёша на востро копѣ,
185. Повѣзь-то ко князю ко Владымеру, Привѣзь-то ко гриденкѣ ко свѣтлоей, Да самъ говорилъ-де таковы рѣчи: «Ты ой есь, Владымиръ стольнѣ-Кіевской! Буди нѣтъ у тя нынѣ пивна котла,
190. Да вотъ-те Тугаринова буйна голова; Буди нѣтъ у тя дакъ пивныхъ большихъ чашъ, Дакъ вотъ те Тугариновы есны оци, Буди нѣтъ у тя да большихъ блюдишшовъ, Дакъ вотъ те Тугариновы больши ушишша».

86.

Дунай *)

- ...Выходили удалы добры молодцы,
Выходили молодцы да вонъ на улицу,
Сѣдлали, уздали-бы добрыхъ коней,
Во ту-же узду да во тосмянную,
5. Во то-же сѣдѣлышко тоцѣное,
Двенадцеть кладутъ-то подпругъ шолковыхъ,
Тринадцету кладутъ черезхребѣтную,
Не ради басы, всё ради крѣпости,
Ради прытости лошадиной,
10. Не оставилъ-бы доброй конь въ чистомъ полѣ;
Не видѣли поѣздки богатырской,
Только видѣли ихъ, какъ въ стремена ступили,
Скопѣтили желты пески сыпучія:
Не видно ходеча красна солнышка.
15. Они долго-ли ѣхали, коротко-ли,
Не дошодъ было города Леховитского,
Становились молодцы да во чисто полѣ,
Говорить-то Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ты ой еси, Добрынюшка Микитицъ-бладъ!
20. Останся ты этта во чистомъ полѣ,
Оставляю я те да нынѣ промѣтоцкю:
Поставлю копья я вверхъ тупымъ кончѣмъ,
Положу на копейчо я копеечку,
Да ту-же копеечку серебряну;
25. Когда это копейчо да зашатаице,
Потемнитъ-бы копеечка серебряна,—
Я буду у казни у смертной,
Гони ты Добрыня скоро-наскоро,
Заставай меня живого добра молодца».
30. Да поѣхалъ Дунай въ городъ Леховицкія,
Ко тому-же Семѣну Леховитскому,

*) Былина записана не съ начала: описаніе пира Владиміра со всіми рѣ-
чами его и его богатырей о холостой жизни — выпущено: тоже самое читатель
можетъ найти въ «Дунаѣ» сѣтомъ мнѣ Д. К. Дуркинѣмъ.

- Пріѣзжаетъ ко городу Леховитскому,
Ко той-же ко гриденки ко свѣтлоей,
Ставаётъ Дунай да со добра коня,
35. Онъ лазить во гриденку во свѣтлую,
Да Богу молитце у ихъ некому,
Только бѣётъ челомъ на вси чотыри стороны,
Самому-то Семёну на особинку:
«Ты здраствуй, Семёнъ да Леховитскія!»
40. — Ты здраствуй, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Куды-то ты ѣдѣшь, куды путь держишь?
Кабы мнѣ-ка ты пріѣхалъ въ услуженьицо?—
Говорить-то Дунай-да сынъ Ивановичъ:
«Не тебѣ я пріѣхалъ въ услуженьицо,
45. Пріѣхалъ я къ те да нынѣ посвататце,
На той Опросенъи дочь Семёновны,
За того-же-ли князя за Владыміра».
Говорить-то Семёнъ да Леховитскія:
— Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановичъ!
50. Не стара заслуга твоя прежняя,
Отсѣкъ-бы у тя я по плечь голову.—
Говорить-то Дунай и во второй наконъ,
Говорить-то Дунай да не съ упадкою,
Онъ топнулъ-то правой ногой во кирпищатъ полъ,
55. Подрожали полаты кнеженевскія,
Да самъ говоритъ-де таковы рѣци:
«Отдашь буди чесью, возъму съ радосью,
Не отдашь буди чесью, возъму нѣчесью:
Мы всё твоё царсво подѣ мець вѣклонимъ,
60. Заморимъ мы тя въ злодѣйкѣ земляной тюрмы».
Да тутъ-бы Семёнъ да осержаитце,
Скакаль-бы Семёнъ да на рѣзвы ноги,
Выбѣгалъ-бы Семёнъ да вонъ на улечу,
Игралъ-бы Семёнъ да онъ во турей рогъ,
65. Нагонилъ силы многимъ множество,
Сохватали удала добра молодца,
Свезали во пѹтенки шелковыя,
Сажали на телѣжку двоеколючку,
Повезли-то ко казни ко смертной,
70. Ко смертной казни къ позорной,
Рѣчистой языкъ да вынетъ теменѣмъ,

- Да ясны-ти оци-ти косичами,
Ретивое сáрцо промежу плецьми;
По праву руку идѣтъ силы сорокъ тысецей,
75. По лѣву руку идѣтъ сорокъ тысецей,
Передѣ-то его да числа смѣту нѣтъ,
Позадѣ-то его да числа смѣту нѣтъ,
Кабы плацѣтъ Дунай да какъ рѣка тецѣтъ.
Немножко поры-де миновалосе,
80. Наѣзжаетъ Добрынюшка Микитиць-бладъ,
У ясна сокола да крыльѣ ѳтросло,
У добра молодца вдвоѣ силы прибыло,
Разрываль-то онъ путинки шелковыя,
Скакаль-то Дунай да на рѣзвы ноги,
85. Ухватилъ-то телѣжку двоеколочкю,
Да впередъ-де махнѣтъ, дакъ лежить улича,
Назатъ отмахнѣтъ—съ переулками,
Добирайтче Дунай-де до добра коня,
Добралса Дунай-де до добра коня,
90. Садилса Дунай-де на добра коня,
Они сѣкли, рубили до единого.
Выходилъ Семѣнъ да вонъ на уличу,
Кланетця имъ да понижешенькю:
Вы ой есь, удалы добры молодцы!
95. Вы сильни могуци руськи багатыри,
Умирите-тко серчо своѣ ретивое,
Оставьте хотъ малого, либо старого». —
Умирились удалы добры молодцы,
Приѣзжаютъ ко гриденки ко свѣтлоей,
100. Срежатча Опросенья дочь Семёновна,
Да плацѣтъ Опросенья какъ рѣка тецѣтъ:
«Кабы мая да нынѣ родна сѣстра,
Кабы та-же Настасья дочь Семёновна,
Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановичъ!
105. Кабы она-бы съ тобой да поотвѣдалась». —
Средились удалы добры молодцы,
Посадилъ Дунай да позади себя,
Посадилъ Опросинью дочь Семёновну,
Поѣхали удалы добры молодцы,
110. Поѣхали они да въ стольнѣ-Кіевъ-градъ.
Они долги-ли ѣхали, коротко-ли,

- Нашли они ископытъ конинную,
Говорить-то Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ты ой есь, Добрынюшка Микитиць-бладь!
115. Посажу я те Опросинью нынь назадъ въ сѣдло,
Ты поѣдь-то Добрыня въ стольнѣ-Кіевъ-градъ,
А назадъ то суда да не ворочайся,
Я поѣду по ископоти кониннойей».
- Онъ поѣхалъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
120. Онъ долго-ли ѣхалъ, нынь коротко-ли,
Заздрить на чистомъ поли стоитъ чѣрнъ-шатѣръ,
Пріѣхалъ ко шатру да нынь ко чѣрному,
Онъ откинулъ полу іе лѣвую,
Заходитъ Дунай да нынь во чѣрнъ-шатѣръ,
125. Да спить-то Настасья не пробудитце,
Лежилса Дунай ей на праву руку.
Разбужатча Настасья дочь Семёновна,
Схватила Настасья нынь востру саблю,
Здымала Настасья выше головы,
130. Остоялось рука, да рука правая,
Какъ будить Настасья дочь Семёновна,
Разбужаитця Дунай да сынъ Ивановичъ.
Выходили они да вонъ на улечу,
Схватилса Дунай да со Настасьюшкой,
135. Они долго-ли водилисе, коротко-ли,
Сыполнилось времѣ трои сутоцьки,
Какъ мецѣтъ Настасьюшка Дунаюшка,
Какъ метала Настасья на сыру землю,
Садилась ему дакъ на бѣлы груди.
140. Немного поры дакъ миновалосе,
Наѣжжаетъ Добрынюшка Микитиць бладъ,
Да самъ говоритъ-де таковы рѣци:
«Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Намъ не чесь-то, хвала да молодецкая,
145. Не выслуга будѣтъ богатырская:
Лѣжать-де подъ гузномъ нынь подъ бабьимъ тимъ;
Да баба-то право нынь задомъ пухла,
Треси ей за пельки, пинай подъ гузно».
- Дунай трясъ ей за пельки, пиналъ подъ гузно,
150. Слетѣла Настасья со Дунаюшка;
Скочилъ-то Дунай да на рѣзвы ноги,

- Садилса Дунай ей на бѣлы груди,
Да хоцѣтъ пороть-де груди бѣлыя,
Да хоцѣтъ смотрѣтъ да ретиво серцо;
155. Да плацѣтъ Настасья, какъ рѣка тецѣтъ,
Сама говоритъ таковы рѣци:
«Ты возьми миня, Дунай, да во супружесво,
Принесу я те два угодыя, два великія,
Два-ти-жо, два сына, два любимыя:
160. Поколѣнъ-то ноги да будутъ въ золотѣ,
Полокотъ-то вѣдъ будутъ руки въ серебрѣ,
Во лбу-то вѣдъ будѣтъ красно солнышко,
Въ тылу-то вѣдъ будѣтъ бладъ-свѣтѣль-мѣсецъ,
По косичамъ-то будутъ тутъ есны зори,
165. По верховишшу будутъ часты звѣздочки».
Говоритъ тутъ Добрынюшка Микитицъ бладъ:
— Прости еѣ бабу во первой вины.—
Ставаетъ Дунай дакъ на рѣзвы ноги,
Берѣтъ-то Дунай дакъ за бѣлы руки,
170. Чѣлуѣтъ Настасью въ сахарны уста,
Поѣхали они вси въ стольнѣй Кіевъ-градъ.
Пріѣхали они да въ стольнѣй Кіевъ-градъ,
Стрѣцяють-то ихъ да кнези-бѣяра,
Да сильны могучія багатыри,
175. Стрецяѣтъ Владиміръ стольно-кіевской,
Берѣтъ Опросинью за бѣлы руки,
Чѣлуѣтъ Опросинью въ сахарны уста.
Крещона Опросинья—миромъ не мазана,
Заводили во церквю во Божью тутъ,
180. Мазали вить миромъ православнымъ,
Ставалъ-то Владиміръ на подножекъ-отъ,
Со той Опросиньей дочъ Семёновной,
Спринималъ-то Владимиръ золоты винчи,
Со той Опросиньей дочъ Семёновной,
185. Вышивалъ-то Владиміръ чару заздравную,
Со той Опросиньей дочъ Семёновной;
Пошолъ-то Владиміръ онъ изъ церкви вонъ,
Заходили во полаты бѣлокаменны,
Да пиръ-отъ пошолъ, пиръ навѣсело.
190. Обвѣнчалса Дунай да сынъ Ивановицъ,
Обвѣнчалса Дунай да со Настасьюшкой,

- Да вси на пиру да пьяны веселы,
Да вси на пиру да прирасхвастались,
Какъ хвастать Дунай да сынъ Ивановичъ,
195. «Я гораздъ-де Дунай да во примѣтъ стрѣлетъ».
Говорить-то Настасья дочь Семёновна:
— Ты не хвастай, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Сама я, Настасья, не хилѣ тебя
Да стрѣлетъ во примѣтоцьки примѣтныя.—
200. Кабы тутъ-то Дунай да осержаитце,
Выходилъ-то Дунай да вонъ на улицу,
Да самъ говоритъ да таковы рѣци:
«Выходитко, Настасья дочь Семеновна».
Выходила Настасья вонъ на улицу,
205. Относила примѣтоцьку въ чисто полѣ,
Да ту-же примѣтоцьку—злаченъ перстень;
Натегивала Настасья свой вѣдь тугой лукъ,
Кабы стрѣлила Настасья во чисто полѣ,
Да въ ту-же примѣтоцьку злаченъ перстень,
210. Прострѣлила Настасья свой злаченъ перстень.
Осержаитце Дунай да сынъ Ивановичъ,
Поводить Настасью во чисто полѣ,
Уговаривать Солнышко Владымеръ-князь,
Уговаривать Опросинья дочь Семеновна:
215. «Ты ой есь, Дунай да сынъ Ивановичъ!
Умири свое сарцо нынѣ ретивое,
Прости еѣ бабу во первой вины».
Богатырское серцо-то заплывчиво,
Не миритче Дунай да сынъ Ивановичъ,
220. Какъ плацѣтъ Настасья какъ рѣка течѣтъ,
Сама говорила таковы рѣчи:
«Прости меня, Дунай, да во первой вины,
Не стрѣлай меня, Дунай да сынъ Ивановичъ:
Да есь два угодыя во мнѣ великія,
225. Два чада-жо, два чада, нынѣ два милыя,
Два чада-жо, два сына, два любимыя,
Поколѣнъ-то у ихъ ноги въ золотѣ,
Полокотъ-то у ихъ руки въ серебрѣ,
Во лбу-то у ихъ красно солнышко,
230. Въ тылу-то у ихъ свѣтѣль мѣсець,
По косичамъ у ихъ есны зори,

- По верховишшу частыя звѣздочки».
Неслушаётъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Онъ клалъ ей вѣдь на голову золото кольцо,
235. Онъ ей стрѣлилъ Дунай въ золото кольцо,
Прострѣлилъ Дунай ей груди бѣлыя,
Розломилъ-то у ей да грудь онъ бѣлую,
Розрубилъ-то у ей да ретиво сарцо,
Смѣшалъ-то ей да кровъ со печенью,
240. Онъ увидѣлъ у ей два угодыча,
Два-ти жо, два чада, нынѣ два милыя,
Два-ти жо, два сына, два любимыя:
Поколѣнъ-то у ихъ ноги въ золотѣ,
Полокотъ-то у ихъ руки въ серебри,
245. Во лбу-то у ихъ красно солнышко,
Въ тылу-то у ихъ светѣлъ мѣсечъ,
По косичамъ у ихъ есны зори,
По верховишшамъ частыя звѣздочки.
Богатырско серцо нынѣ заплывчиво:
250. Изуставилъ Дунай своё востро копье,
Изуставилъ Дунай да 'сѣ во бѣлу грудь,
Кабы ткнулъ копьемъ сибѣ въ бѣлу грудь,
Ищѣ поворотитця у Дуная языкъ въ головы:
«Гдѣ пала-то нынѣ бѣла лебедь,
260. Да пади-ко-сѣ тутъ да и есенъ соколъ».

87.

Василій Игнатьевъ.

(Отрывокъ).

- ...«Вы ой-ли, мои да два гнѣды тура,
Два гнѣды тура, да два милы чада,
Вы гдѣ были, туры, да цего видѣли?»
Говорятъ-то туры да златорогіе:
5. — Ты, свѣтъ государына наша матушка!
Гнѣдая туриця златорогая!
Мы были туры и во Чаховѣ,
Во чаховѣ были мы, во Ляховѣ,
Идѣмъ нынѣ изъ города изъ Кіева,

10. Да Кіевъ-отъ городъ полночь прошли,
Да такого чуда не видѣли,
Да такого дива мы не слы́хали:
Среди было города, середь Кіева,
Тутъ столбъ-де стоялъ, да столбъ-бы огненной,
15. Отъ сырой-де земли, столбъ-бы до неба;
Шли мимо церкѣвъ, мимо Божью тутъ,
Отворились ворота нынѣ церкѣвныя,
Выходила дѣвица душа-красная,
Во рукахъ выносила книгу божественну,
20. Божественну книгу евангельё,
Она столбки не чтитъ—сама вдвоё плачѣтъ.—
Говоритъ-то турица злоторогая:
«Вы глупы, туры, да дѣти малыя,
Не столбъ-де стоялъ, да столбъ не огненной,
25. Отъ сырой земли да столбъ-бы до неба:
Подымайтце светыня нынѣ изъ Кіева,
Подымайтце светыня нынѣ на небо,
Всѣ цюетъ надъ городомъ незгодушку,
Всѣ цюетъ надъ Кіевомъ великую:
30. Подыматця сабака злодѣй Скурла-царь,
Со зѣтемъ собака онъ со кыршакомъ,
Да съ сыномъ собака со кончальничкѣмъ,
Ихъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Ихъ сорокъ королей, сорокъ королевичей,
35. На всякого царя да силы по три тѣмы,
На царевичей да по три тысени,
На всякого короля да у ихъ по три тѣмы,
На всякого королевича по три тысени,
Да всей у ихъ силы нынѣ невѣрной,
40. Да всей у ихъ силы числа смѣту нѣтъ,
Да великимъ-то днѣмъ да нынѣ межоннымъ,
Да горному ворону не облетати,
Осѣнною ночью нынѣ тѣмною,
Осѣнною ночью нынѣ межонною,
45. Да сѣрому волку не обрыскати;
Да глупы туры да дѣти малыя,
Не дѣвица-та ищѣ да душа-красная,
Тутъ шла Присвята Мать Богородица,
Во рукахъ несетъ книгу божественну,

50. Она чуётъ надъ городомъ незгодушку,
Она чуётъ надъ Кіевомъ великую:
Какъ Кіевъ-отъ городъ хотять въ полонъ-бы взять,
Да церкви-ти Божіи на дымъ спустить,
Иконы-ти Божьи на полавъ рѣки,
55. Православную вѣру облатынить всю,
Да князя Владыміра во грезъ втоптать,
Княгиню Апраксию за Кончальничка взять».
Да втáропы собака злодей Скурлатъ-царь,
Садилса собака на ремещать стуль,
60. Писаль-бы ерлыкъ да скору грамоту,
Ко тому-то князю ко Владыміру,
Выбираль онъ, собака, триста пословъ,
Изъ триста пословъ да онъ тридцетъ пословъ,
Изъ тридцетъ пословъ да онъ вѣдъ трѣхъ пословъ,
65. Изъ трѣхъ-бы пословъ да одного посла,
Онъ выбралъ тотарина немилослива,
Да самъ онъ послу своему наказывать:
«Ты ой, мой посолъ, да скорыи гонечъ!
Ты полѣмъ-то ѣдъ, да не дорогою,
70. Да во городъ-отъ лазъ-ко не воротами,
Скачи черезъ стѣну городовую,
У дверей не спрашивой придверничкѣвъ,
У воротъ не спрашивой приворотничковъ».

88.

Василій Буслаевъ въ Новгородѣ. *)

- Сидѣлъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Они пили-де, ѣли потѣшались,
О полу-де пира да приразспорили;
Ударилса Василей сынъ Буслаевичъ,
5. Ударилса Василей о великъ закладъ,
Битцэ-бы, дратця съ Новымъ-городомъ,
Опричь Онтоньева монастыря,

*) Начала старины П. Г. М. не вспомнилъ.

- Задоръ возьмётъ дакъ и съ Онтоньевымъ.
Говорить ему матушка родимая:
10. «Ты ой, моё цядо нынѣе милое,
Ты бладой Василей сынъ Буслаевичъ!
Да жилъ-де Буславъ да девеносто лѣтъ,
Не имѣлъ-де Буславъ девети друзей,
Имѣлъ Буславъ дакъ онъ три друга,
15. Да три-то друга, да три названныя,
У тя, моё цядо, не единого».
Втапоры Василей сынъ Буслаевичъ,
Устроилъ-то щанъ да среди двора,
Спустилъ онъ вѣдь чашу полтора ведра;
20. Да втапоры Василей сынъ Буслаевичъ,
Садилса Василей на ремещать стулъ,
Писалъ ерлыки, да скоры грамотки,
Металъ по дорогамъ прямоѣжжѣимъ:
Да шли-бы, брели-бы къ Васькѣ на дворъ,
25. Къ молодому Васькѣ Буслаевичу,
Братчину пить-бы медовую,
Деньги платить-бы единому мнѣ-ка-ва,
Ножики доржать-то перемѣнныя. (Такъ!)
Изъ того изъ Нова-города,
30. Изъ того бою кулачного,
Идутъ-то шильники, мыльники, игольники,
Всякія люди недобрыя,
На пиръ они шли, дакъ ужъ радовались,
Съ ширу пошли, дакъ нынѣ заплакали:
35. «Да у вора у Васьки Буслаева,
Не ушито было, не уѣдено,
Красно-хорошо было не ухожено,
Только на вѣкъ увѣчья залезено».
Изъ того изъ Нова-города,
40. Изъ того бою кулацкаго,
Идѣтъ-то вѣдь Костя Новоторженинъ,
Да будѣтъ-то Костя среди двора,
Говорить Василей сынъ Буслаевичъ:
«Не признаетъ тибѣ чаша единой рукой,
45. Не вышитъ тѣ медъ да единымъ духомъ,
Не снести тибѣ удару богатырскаго».
Берѣтъ-то вѣдь Костя единой рукой,

- Выпиваетъ-то мѣдъ да единымъ духомъ;
Машотъ Василей черлёнымъ везомъ,
50. По его по буйной по головы;
Стоитъ моledечъ да не ворохнетче,
На головы кудерцы не трехнутче,
Челомъ онъ ударилъ, да вѣдъ вонъ пошолъ:
«Да будь ты мнѣ, Васинькя, назвоной братъ».
55. Говоритъ-то Василей сынъ Буслаевичъ:
— Да паче ты брата родимого.—
Изъ того-де изъ Нова-города,
Какъ изъ того бою кулачного,
Да будѣтъ тутъ нынѣ какъ Оома толстой,
60. Оома-то толстой, самъ ремесленной,
Да будѣтъ Оома и среди двора,
Берѣтъ-то вѣдъ чашу единой рукой,
Выпиваетъ-то мѣда единымъ духомъ;
Да машотъ Василей черленымъ везомъ,
65. Да по его по буйной по головы;
Стоитъ молодецъ не ворохнетче,
На головы его кудерцы не трехнутче,
Челомъ онъ ударилъ, самъ и вонъ пошолъ:
«Да будь ты мнѣ, Васинькя, названой братъ».
70. Говоритъ-то Василей сынъ Буслаевичъ:
— Да паче ты брата мнѣ родимого.—
Изъ того-де изъ Нова-города,
Какъ изъ того бою кулачного
Идѣтъ-то Потанюшка хроминькѣй,
75. На одну ножку Потанюшка припадываетъ,
На другу ножку Потанюшка прихрамываетъ,
Костылѣмъ-бы Потаня подпираетца,
Ко двору-то Потаня приближайтца,
Да будѣтъ Потаня среди двора,
80. Берѣтъ-то Потаня чашу единой рукой,
Выпиваетъ-то мѣдъ да единымъ духомъ;
Да машотъ Василей черлёнымъ везомъ,
По его по буйной по головы;
Стоитъ молодецъ не ворохнетче,
85. На головы кудерцы не трехнутче,
Челомъ онъ ударилъ да и вонъ пошолъ:
«Да будь ты мнѣ, Васинькя, названой братъ».

- Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
— Да паче ты брата мнѣ родимого.—
90. На томъ-бы пошли да вотъ во Новгородъ,
Пришли-то ко стѣны городской,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Ищѣ хто изъ насъ, братцы, на ножку легокъ?»
Да Потанюшка у насъ на ножку легокъ,
95. Скакаль черезъ стѣну городовую,
Роздоргиваль рѣшеточки желѣзныя,
Отворилъ ворота да городовыя;
Запустили свою дружинишку хоробрую,
Да Костя прошолъ да тысяцю убилъ,
100. Ома-то прошолъ, дакъ нынѣ другу-ту убилъ,
А Василей сынъ Буслаевичъ
Вперѣдъ-де махнѣтъ, дакъ лежитъ улича,
А назадъ отмахнѣтъ—съ переулками.
Кабы видятъ мужики да новгороджана,
105. Они видятъ сибѣ да неминучую,
Побѣжали къ васильевой матушки:
«Ты ой есь, васильева матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофѣевна!
Уйми своя чада нонѣ любимого,
110. Оставъ бы въ Новѣ-городѣ хотъ-бы малого,
Хотъ-бы малого, да хотъ-бы старого».
Пошла-то васильева матушка,
Пошла-то она да на побоищю,
Брала-то Василья за бѣлыя руки,
115. Поводила Василья въ тѣплу ложню-ту,
Привела-то Василья въ ложню тѣплую,
Сковала въ желѣза нынѣ тяжолыя,
Въ ножны и въ руцѣны, нынѣ въ заплечныя;
Да спить-то Василей не пробудитце.
120. Да втапоры дѣвушка чернавушка,
Пошла-то-де по воду на Волхову-рѣку,
Воротила къ Василею Буслаевичу,
Какъ замкнутъ Василей нынѣ въ три замка,
Какъ въ три-ти замка да нынѣ крѣпкія;
125. Втапоры дѣвушка чернавушка,
Она пнула-то двери правой ногой,
Отлетѣли-то двери съ ободверинками,

- Заходила-то дѣвка въ ложню тёплую,
Сама говорила таковы рѣци:
130. «Ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ты спишь-то Василей, не пробудишсе,
Какъ вся твоя дружинишка въ крови ходить,
Кушаками у ей головы приверчены».
Пробудилса Василей сынъ Буслаевичъ,
135. Скакаль-то Василей на рѣзвы ноги,
Онъ выломалъ желѣза нынь тяжолыи,
Ножны и ручны, нынь заплечныи,
Побѣжалъ-то Василей на побоищо,
На сильнѣ, грозно, на кровавоѣ;
140. На стрѣту старикъ идѣтъ Антоній-отъ,
На главы несѣтъ колоколъ девеносто пудъ,
Езыкъ въ колоколѣ петьдисять пудовъ,
Самъ говоритъ да таковы рѣци:
«Ты ой, Василей сынъ Буслаевичъ!
145. Да мѡлодо курѣ—не попáрхивай,
Не выпить те воды да изъ Волховой-рѣки,
Не выбить те людей да изъ Нова-города.
Сызмалешинькя въ единомъ училищѣ училися,
Тогды мы съ тобой боролисе,
150. Тогда я тебя частенькѣ побрасываль,
А ты меня—тогды-сегды».
То Васьки слово за бѣду стало,
За велику досаду показалосе,
Побѣжалъ-то Васька нынь за Волхову-рѣку,
155. Вырываль-то дубину онъ изъ корени,
Онъ машотъ дубиной нынь съ кокорѡю,
По его по буйной по головы,
Покатилась голова съ плечъ какъ пуговица.
Поворотитце у старика еще языкъ въ головы:
160. «Топерь нѣту, Василей, тибѣ старого вожака».
Прибѣжалъ-то Василей на побоищо,
На сильнѣ, грозно на кроволитіе,
Впередъ-то махнулъ, дакъ лежитъ улича,
Назадъ отмахнѣтъ—съ переулками.
165. Дакъ вѣдъ видятъ мужики новгороджана,
Побѣжали къ васильевой матушки:
«Ты ой есь, Васильева матушка,

- Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Уйми своя чада любимого».
170. Говорить-то Васильева матушка:
— Вы ой есь, мужики новгорожана!
Да што вы надъ чадомъ насмѣхаетесь:
У мня спить-то Василей крѣпко-накрѣпко,
Онъ скованъ въ желѣза во тяжелыи,
175. Во ножны, во ручны, во заплечныи.—
Пошла-то Васильева нынѣ матушка,
Пошла-то она да въ ложню тѣплую,
Какъ нѣту Василья Буслаевича;
Побѣжала она да на побоищо,
180. На сильно, грозно, на кроволитіе,
Пришла она да на побоищо,
На сильнѣ, грозно на кроволитіе;
Не можоть унѣть цядо родимое,
Схватила его за праву ногу,
185. Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Да што за трепича за ногой волочитче?
Да што за онуча привязаласе?»
Говорять мужики новгоражана:
— Ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
190. Уйми свое сѣрцо ретивое:
Не трепича за тобой да волочитче,
Не онуча къ тебѣ да привязаласе,
Какъ волочитче матушка родимая,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна.—
195. Умирилсѣ Василей сынъ Буслаевичъ,
Да самъ говорить-де таковы рѣчи:
«Ужъ вы ой есь, мужики да Новгорожана!
На то у насъ былъ да право уговоръ:
Обсыпать-бы мой да нынѣ черленой вязъ,
200. Обсыпать-бы мнѣ да краснымъ золотомъ».

89.

Василій Буслаевъ въ Іерусалимъ ѣздилъ.

Не бѣла березонька къ земли клонитце,
Не бумажноѣ листьѣ ростилается,

- Кабы кланялся Василей своей матушки,
Онъ-бы кланялся іе да во рѣзвы ноги,
5. Да самъ говорилъ да таковы рѣци:
« Ты свѣтъ, государына моя матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Ужъ ты дай благословенье мнѣ великое,
Мнѣ велико благословенье, вѣковѣчное,
10. Со буйной-то главы, да до сырой земли:
Мнѣ ѣхать Василью въ Ерасѣлимъ градъ,
Свести положеньицо немалое,
Мнѣ немало положеньё—сорокъ тысячей».
Говорить государына его матушка,
15. Чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
— Ты, свѣтъ моё цядо нонѣце милоё,
Ты бладои Василей сынъ Буслѣвичъ!
' Ерусалимъ-градъ дорожинька не ближнее:
Кривой ѣздой ѣхать ровно три-годы,
20. Прямой ѣздой ѣхать нынѣ три мѣсяца,
На прямоѣздой дорожкѣ есть субой быстѣрь,
Субой-отъ быстѣрь, дакъ есъ розбой великъ,
Говорить государына его матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимофеевна:
25. — Кому думно спасатца, дакъ можно здѣсь спастись,
Туда много добрыхъ молодцовъ вѣдь ужъ хаживало.
Назадъ молодцы не ворочались.—
Онъ кланелса, Василей, ей во втѣрой разъ:
«Ты, свѣтъ государына моя матушка,
30. Чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
Ужъ ты дай благословенье мнѣ великое,
Великое благословеньицо, вѣковѣчное,
Съ буйноѣй главы, да до сырой земли,
Мнѣ ѣхать, Василью, въ Ерасѣлимъ градъ,
35. Святоѣй святыни помолитисе,
Ко Господней гробничѣ приложитисе;
У мя съ молодѣ было бито-граблено,
Подъ старость-ту надо душа спасти;
Насъ тридесѣть удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
40. Субой-отъ быстѣрь дакъ мы перегребѣмъ,
Розбой-отъ великъ дакъ мы поклонимсе».
Говорить-то Васильева матушка,

- Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна:
— Кому думно спастися, можно здѣсь спастись.—
45. Онъ кланелся Василей во третей законъ:
«Ты, свѣтъ государына моя матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна!
Ужъ ты дашь, я поѣду, и не дашь, я поѣду,
Не отстать мнѣ-ка ' дружинушки хорóброей,
50. Мнѣ ' тридесять удалыхъ добрыхъ молодцовъ».
Говорить государыня его матушка,
Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна:
— Какъ будь благословенъ великоё,
На бладомъ на чадѣ на Василиѣ,
55. Тебѣ ѣхать Василью въ Еросáлимъ градъ,
Святой святыни помолитисе,
Ко Господней гробницы приложитисе,
Свести положенье не малое,
Не мало положенье—сорокъ тысячей.—
60. Да сталь-то Василей снаряжатисе,
Сынъ Буслаевичъ сталь да сподоблетисе,
Испостроилъ Василей новъ черленъ карапъ,
Да носъ-де корма да по звѣриному,
Да хоботы мѣцѣтъ по змѣиному,
65. Дерёва были у карабля кипарисныя,
Оснасточья у карабля бѣла-шóлкова,
Не здѣшняго шолку шемашинского,
Паруса были у карабля бѣлополóтнены,
Какъ флюгароцька была на карабли позолочена,
70. Какъ чѣна этой флюгароцькѣ пятьдесятъ рублей,
Якоря были у карабля булатныя,
Мѣсто оцей было у карабля положено
По тому-жо по камешку самоцвѣтному,
Мѣсто бровей было у карабля положено
75. По тому-жо по соболу по чѣрному,
Не по здѣшнему соболу, по сибирскому,
Мѣсто рѣсницъ было у карабля положено
По тому по бобру да нынѣ по сизому,
Не по здѣшнему бобру, по закаменьскому.
80. Пошолъ-то Василей на черленъ карапъ,
Со всѣй своей дружинушкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,

- Поклали-то сходенки вдоль по караблю,
Вынимали то якоря булатные,
85. Подымали тонки парусы полотнены;
Оома-то толстой тотъ на кормы стоитъ,
А Костя Микитицъ на носу стоитъ,
А Потанюшка маленькѣй околъ парусовъ,
Потому-де Потаня околъ парусовъ,
90. Гораздъ былъ Потаня по снастямъ ходить.
Они долго-ли бѣжали, нынѣ коротко-ли,
Подбѣжали подъ гору Сорочинскую,
Выходилъ-то Василей на черленъ карапъ,
Онъ здрилъ-смотрѣлъ, Вася, на круту гору,
95. Увѣдалъ Василей нынѣ чуденъ крестъ,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ,
Говорить-то Василей таковы рѣци:
«Вы ой есь, дружинушка храбрая,
Вы тридесять удалыхъ добрыхъ молодцевъ!
100. Опускайте вы парусы полотнены,
Поместите-тко вы якори булатные,
Кладите-тко сходни коньцѣмъ на берегъ,
Мы выйдемъ-ко, братцы, на круту гору,
Мы чудному кресту Богу помолимся».
105. Кабы вся его дружина не отслышалась,
Опускали-то парусы полотнены,
Пометали-то якори булатные,
Поклали-то сходни концемъ на берегъ;
Кабы вышолъ Василей на крутъ-бережокъ,
110. Пошелъ-то Василей по крутой горы
Не нашелъ-то Василей нынѣ чудна креста,
Нашелъ Василей только сухую кость,
Суху голову, косъ человѣческу,
Онъ пнулъ ей Василей правою ногой,
115. Говорить голова, косъ человѣческа:
«Не попинывай, Василей, меня, сухую косъ,
Суху голову, косъ человѣческу:
Да былъ молодечъ я не въ твою пору,
Не въ твою пору, да не въ твою ровню,
120. Какъ убила Сорочина долгополая,
Какъ та-жо-ли Чудъ да двоѣглазая;
Не бывать тибѣ, Василью, на светой Руси,

- Не видать тибѣ Василей, своей матушки,
Честной вдовы Омельфы Тимофеевны».
125. Онъ вѣдь плюнулъ-то Василей, самъ чураетца:
— Сибѣ ты спала, да сибѣ видѣла.—
Онъ пнулъ ей Василей во второй разъ:
«Ужли голова въ тибѣ врагъ мутить?
'тибѣ врагъ-отъ мутить, да въ тибѣ бѣсъ говорить?»
130. Говорить голова-то человѣческа:
— Не врагъ-отъ мутить, мнѣ не бѣсъ говорить,
Я сибѣ-то спала да тибѣ видѣла:
Лежать тибѣ, Василью, со мной въ единомъ гробу,
Во единомъ гробу, да по праву руку.—
135. Пошолъ-то Василей на черлѣнъ карапъ
Пришолъ-то Василей на черленъ карапъ,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то якоря булатныя,
Подымали-то парусы полотнены,
140. Побѣждали они да въ Еросалимъ-градъ.
Заходили-то въ галанъ карабельною,
Опушшали тонки парусы полотнены,
Пометали-то якоря булатныя,
Поклали-то сходни концемъ на землю,
145. Пошли-то они да въ Еросалимъ-градъ,
Заходили они во церковь Божію,
Да Господу Богу по молилися,
Ко Господней гробничи приложилися;
Положилъ Василей положеньичо,
150. Немало положеньѣ—сорокъ тысячей,
Пошолъ-то Василей ко Ёрданъ-рѣки,
Скинывалъ-то Василей чвѣтно платъичо,
Спускался Василей во Ёрданъ-рѣку;
Приходитъ жона да староматера,
155. Говорила сама да таковы рѣчи:
«Ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
У насъ во Ёрданъ-рѣки не купаютче,
Какъ только въ Ёрданъ-рѣки помоютче,
Купалса въ Ёрданъ-рѣки Самъ вѣдь Сусъ Христось,
160. Не бывать тибѣ, Василей, на светой Руси,
Не видать тибѣ родимой своей матушки,
Чесной вдовы Омельфы Тимофеевны».

- Онъ вѣдь плюнтче, Василей, самъ чурайтче:
— Сибѣ-же ты спала, да сибѣ видѣла. —
165. Говорить-то жона да староматера:
«Сибѣ я спала, тибѣ видѣла».
Выходилъ-то Василей изъ Ёрданъ-рѣки,
Надѣвалъ-то Василей чвѣтно платъичо,
Пошолъ-то Василей на черленъ карапъ,
170. Зашолъ-то Василей на черленъ карапъ,
Со всѣй своей дружинишкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Поклали-то сходенки вдоль по караблю,
Выздымали-то якоря булатныя,
175. Подымали тонки парусы полотнены,
Побѣжали-то они да во своё царство.
Они долго-ли бѣжали, нынѣ коротко-ли,
Подбѣгали подъ гору Сорочинскую,
Выходилъ-то Василей на черленъ карапъ,
180. Онъ здритъ, смотритъ на вси стороны,
Какъ увидѣлъ Василей нынѣ чуденъ крестъ,
Говорить-то Василей таковы рѣци:
«Вы ой есь, дружинишка хоробрая!
Ужъ мы выйдѣмъ-ко, братцы, на круту гору,
185. Ужъ мы чудному кресту Богу помолимся».
Кабы вся его дружина не ослушалась,
Опускали тонки парусы полотнены,
Метали якоря они булатныя,
Они вышли нынѣ, братцы, на круту гору;
190. Пошли-то они да по крутой горы,
Подошли-то они да ко крутой горы,
Не нашли-то они да чудна креста,
Нашли-то они да сѣръ-горючъ камень,
Въ ширину-то камень тридцетъ локотъ,
195. Въ долину-то камень да сорокъ локотъ,
Вышина его у камешка вѣдь трѣхъ локотъ,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ;
«Вы ой, моя дружинишка хоробрая!
Мы станемъ скакать черезъ камешокъ,
200. Впередъ-отъ мы скочимъ, назадъ ѳтскочимъ;
Одинъ у насъ Потанюшка есь маленькѣй,
Кабы маленькѣй Потанюшка, хроменькѣй,

- Вперёдъ ему скочить, назадъ не ѳтскочить».
Скакали они-де черезъ камешокъ,
205. Вперёдъ-то скочили, назадъ ѳтскочили,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
«Не чёсъ-то хвала да молодецкая,
Не выслуга будётъ богатырская,
Мы станёмъ скакать да вдоль по камешку,
210. Мы вперёдъ-то скочимъ, назадъ ѳтскочимъ;
Одинъ у насъ Потанюшка есь Хроминькёй,
Вперёдъ ему скочить, назадъ не ѳтскочить».
Скакали они да вдоль по камешку,
Вперёдъ-отъ скочили, назадъ ѳтскочили;
215. Скочилъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Да палъ-то Василей грудью ѳблою,
Да палъ, розломилъ-то да грудь свою ѳблую,
Поворотитце у Василья ищэ езыкъ въ головѣ:
Вы ой, моя дружинушка хороброя!
220. Ужъ вы сдѣлайте гробъ да ѳблодубовой,
Найдите суху косъ человѣческу,
Положите-тко косъ со мной въ единой гробъ,
Въ единой-отъ гробъ, да по праву руку».
Они сдѣлали гробъ да ѳблодубовой,
225. Нашли косъ-голову человѣческу,
Завертѣли во камоцьку ѳблу-хрущату,
Положили ихъ да во ѳблой гробъ,
Закрыли-то ихъ да гробовой доской,
Копали могилу имъ глубокую,
230. Спускали въ могилу во глубокую,
Засыпали желтымъ пескомъ сыпучимъ,
Поставили во рѣзвы ноги имъ чуденъ крестъ,
На крестѣ подписали подпись книжную:
«Лежатъ два удала добра молодца,
235. Два сильни могуци руськи богатыря,
Да одинъ-отъ Василей сынъ Игнатъевичъ,
Другой-отъ Василей сынъ Буслаевичъ,
Ихъ убила Сарочина долгополая
Да-та-же-ли Чудъ да двоеглазая».
240. Пошли-то дружина на черленъ карапъ,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Поклали-то сходни вдоль по караблю,

- Вынимали-то якоря булатныя,
Они снесли со дерева флюгароцьку,
245. Какъ вынесли изъ карабля есны оци,
Какъ взяли они да черны брови:
Не стало на караблѣ хозяина.
Того-же Василя Буслаевича;
Подымали тонки парусы полотнены,
250. Побѣжали они да во своё царство,
Да втаропы Васильева матушка,
Честа вдова Омельфа Тимоѳеевна,
Да ждѣтъ-то Василея Буслаевича,
Какъ смотритъ она въ трубоцьку подзорную;
255. Какъ бежитъ изъ зámоря черлень карапъ,
Непопрежнему карабликъ непостарому,
Да нѣту на караблѣ флюгароцьки,
Какъ нѣту на караблѣ есныхъ оцей,
Какъ нѣту на коробля черныхъ бровей;
260. Какъ плацѣтъ Омельфа Тимоѳеевна,
Она плацѣтъ да горюцьми слезми:
«Видно нѣту на карабликѣ хозяина,
Да блада-то Василея Буслаевича».
Пошла она Васильева матушка,
265. Чесна вдова Омельфа Тимоѳеевна,
Пошла-то она да во Божью церковь,
Служить панафиды нынѣ почесныя,
По бладомъ Васильѣ по Буслаевичѣ.

90.

Садко.

- Во славномъ-то было во Новѣ-городѣ,
У того-то у Садка купца богатого,
Да было пирóваньѣ, почесенъ пиръ.
Да пиръ-отъ идѣтъ-де о полупиру,
5. Да день-отъ идѣтъ да день ко вечеру,
Да сончѣ катитча ко западу;
Учалъ Садко купецъ богатый,

- Онъ учаль по середи пола похаживать,
Онъ бѣлыми руками прирозмахивать,
10. Изъ рѣчей-бы Садко да выговаривать:
«Ужъ кто у насъ товары изъ Нова-города,
Повывозить товары на край быстрой рѣки,
Повыгрузить товары во черлены карабли?»
Не хто-то бы тѣмъ рѣчамъ не вяжотча,
15. Говорить-то вѣдь попъ отецъ духовныя:
— Ты не хвастай Садко, купецъ богатя,
Я бьюся съ тобой объ великъ закладъ,
Не купить товары те изъ Нова-города,
Не вывозить товары на край быстрой рѣки.
20. Не выгрузить товары въ черлены карабли,
За синее морё торговать не утти. —
Ударились они съ нимъ о великъ закладъ,
Не о сто рублей, не о тысячѣ,
О своихъ о буйныя о головы.
25. Пошоль-то Садко купецъ богатя,
Да купить Садко да право день поры,
Да купить Садко да другой поры,
Да купить Садко да недѣлю всю,
Да купить Садко да мѣсець поры.
30. Да втапоры попъ, отецъ духовныя,
Садилса-бы попъ да на ремещать стуль,
Писаль ерлыки, да скоры грамотки,
Металь по дорогамъ прямоѣжжѣимъ —
Везли-бы товары во Новъ-городъ,
35. На ту-жо на зову на великую,
Того-жо товару право шолкова.
Да купить Садко да право день поры,
Да купить Садко на другой поры,
Да купить Садко всю недѣлюшку,
40. Да купить Садко и мѣсець поры;
Въ города товару прибыло,
Пошоль-то Садко въ полату денежну
У Садка-бы казны да мало можотца.
Тутъ-бы Садко да закручинилса,
45. Весьма-то Садко да запечалилса,
Пошоль-то Садко да во Божью церковь,
Онъ милитцѣ Миколы Всеможойскому:

- «Ты ой есь, Микола Всеможойскія!
Пособи мнѣ выкупить товары изъ Нова-города,
50. Повывозить товары на край быстрой рѣки,
Повыгрузить товары въ черлены карабли,
За синѣе морѣ торговать идти,
Я построю те церковь обыдѣнную,
Кресты-маковичи да золоченыя».
55. Пошоль-то Садко въ полату денежну,
У Садка-де казны да боле старого;
Да купить Садко да право день поры,
Да купить Садкой да другой поры,
Да купить Садко да и нидѣлю всю,
60. Да купить Садко да и мѣсечъ поры.
Повыкупишь товаръ весь изъ Нова-города,
Повывозить товары на край быстрой рѣки,
Повыгрузить товары въ черлены карабли,
Пошоль-то Садко да на черлены карабли,
65. Со всѣй своей дружинишкой хороброю,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то якори булатныя,
Подымали тонки парусы полотнены,
За синѣе морѣ торговать пошли.
70. Они долго-ли бѣжали, коротко-ли
Среди было моря, середь синѣго,
Остоѣлись у Садка купца богатого,
Остоѣлись у его черлены карабли,
Выходилъ-то Садко да на черленъ карашъ,
75. Да самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Вы ой-ли, мои да слуги вѣрныя!
Берите шшупы да долгомѣрныя,
Мечите шшупы да во синѣ морѣ,
Да нѣтъ-ли луды, да нѣтъ-ли каменья?
80. Да нѣтъ-ли кошки-злодѣйки ей подводной,
На чѣмъ мои карабли остоелися?»
Тутъ его слуги не отслышались,
Да брали шшупы да долгомѣрныя,
Метали шшупы да во синѣ морѣ,
85. Не нашли-то луды, нынѣ не каменья,
Не кошки-злодѣйки, ей подводной.
Удумалъ Садко да думу крѣпкую:

- «Вы ой, мои слуги нынѣ вѣрныя!
Мы сдѣлаѣмъ жеребьи таволжены,
90. Кому намъ итти да во синѣ морѣ».
Они дѣлали жеребьи таволжены,
Метали-то жеребьи въ синѣ морѣ,
Вси жеребьи лишъ по верхю плывуть,
Садковъ жеребей—тотъ каменѣмъ ко дну,
95. Поверхъ жеребью лишъ ключи кипятъ;
Говорить Садко купецъ богатый:
«Я этому жеребью не вѣрую,
Мы сдѣлаѣмъ жеребьи берѣстены».
Они дѣлали жеребьи берестены,
100. Метали-то жеребьи въ синѣ морѣ,
Да вси-то жеребьи поверхю плывуть
Садковъ жеребей—тотъ каменѣмъ ко дну;
Говорить Садко купецъ богатый:
«Я этому жеребью не вѣрую,
105. Мы сдѣлаѣмъ жеребьи нынѣ хлѣбныя».
Они дѣлали жеребьи нынѣ хлѣбныя,
Метали-то жеребьи въ синѣ морѣ,
Вси жеребьи по верхю плывуть,
Садковъ жеребей—каменѣмъ ко дну.
110. Тутъ-бы Садко да закручинилса,
Весьма-то Садко да запечалилса,
Заплакалса Садко да горючми слезми,
Самъ говорилъ-де таковы рѣчи:
«Вы ой-ли, мои да слуги вѣрныя!
115. Посадите меня да на нашѣстоцькю,
Вы дайте-ко мнѣ въ руки весѣлышко,
Не столь-бы мнѣ страшно итти въ синѣ морѣ».
Тутъ его слуги не отслышались,
Садил Садка да на нашестоцькю,
120. Да дали Садку въ руки весѣлышко;
Пришла ко Садку да и перва волна,
Розлучила Садка да со нашестоцькѣй,
Пришла ко Садку да и втора волна,
Розлучила Садка да со весѣлышкомъ,
125. Пришла ко Садку да и третья волна,
Розлучила Садка да со бѣлымъ свѣтомъ.
Подхватывать Садка царишю-Поддонишю,

- Да самъ говорилъ да таковы рѣци:
«Ты ой есь, Садко купецъ богатя!»
130. Ты вѣки, Садко, по морю хаживаль,
А мнѣ-то царю да дань не плачиваль,
Да хошъ-ли, Садко, я живкомъ зглону?
Да хошъ-ли, Садко, тибя огнёмъ сожгу?
Да хошъ-ли, Садко, да я тибя жаню?»
135. Положилъ-то Садка купца богатого,
На ту-жо кроватку на тисовую,
Да спить-то Садко купецъ богатя,
Привидѣлось Садку во сновидѣнниці—
Приходила жона да старомáтера,
140. Сама говоритъ-де таковы рѣци:
«Приведётъ тибѣ царь да перву толпу,
Перву-то толпу да красныхъ дѣвушокъ,
Да въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Говори-ты Садко купецъ богатя:
145. «Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ».
Приведётъ-то тибѣ и втору толпу,
Они въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Гавори ты Садко купецъ богатя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ».
150. Приведётъ-то тибѣ и третью толпу,
Они въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Позади идётъ дѣвушка чернавушка,
Говори ты Садко купецъ богатя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ,
155. «Позади идётъ дѣвушка чернавушка,
«Вотъ эта моя да богосужона».
Ты легешъ Садко да съ молодой женой,
На ту-то кроватку на тисовую
Не двинся Садко да къ молодой жоны».
160. Пробудилса Садко купецъ богатя,
Привёлъ ему царь и перву толпу,
Говорить Садко купецъ богатя:
«Во этой толпы да мнѣ невѣсты нѣтъ».
Привелъ ему царь и втору толпу:
165. И во этой толпы мнѣ невѣсты нѣтъ».
Привелъ ему царь и третью толпу,
Третью-ту толпу красныхъ дѣвушокъ,

- Они въ золотѣ, въ серебрѣ не согнутца,
Позаде идѣтъ дѣвушка чернавушка,
170. Говорить-то Садко купецъ богатя:
«Вотъ эта моя да Богосужена!»
Уложили Садко на кроватоцъку тисовую,
Со той-же его да съ молодой жоной,
Не двинетце Садко да къ молодой жоны.
175. Пробудилса Садко купецъ богатя,
Лежить-то Садко да на крутомъ бережку,
Лежить-то Садко на край быстрой рѣки,
Пошоль-то Садко во Новъ-городъ,
Исполнилъ онъ заповѣдь великую,
180. Построилъ-бы церковь обыдѣнную,
Тому-же Миколы Всеможейскѣму,
Кресты маковичи да золоченыя.
Тутъ его слуги нынѣ вѣрныя,
Воротилисе слуги во обратну путь;
185. Тогды-то Садко купецъ богатя
Пошоль-бы Садко да на черлены карабли,
Обирали-то сходенки дубовыя,
Вынимали-то якори булатныя,
Подымали тонки парусы полотнены,
190. Побѣжалъ-то Садко да за синѣ морѣ.

91.

Кострюкъ.

- Поизволилъ нашъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Поизволилъ онъ женитисе,
Не у насъ на светой на Руси,
5. Не у насъ въ каменной Москвы,
У короля въ проклятой Литвы,
Онъ на Марьѣ Темрюковны;
Онъ немного съ собою поѣзду берѣтъ,
Полтора ста татаринѣ берѣтъ,
10. Полтретья ста боярскихъ дѣтей,
Петьсотъ стреманныхъ стрѣльчей,

- Собиралосе поѣзду,
Околь цѣлоей тысячн.
Покатилсѧ нашъ царь государь,
15. Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
Покатилсѧ въ прокляту Литву,
Онъ по Марью Темрюковну,
Прикатилсѧ въ прокляту Литву,
Здраво сталъ онъ въ проклятой Литвы,
20. Бралъ онъ Марью Темрюковну.
Какъ втапоры отецъ Темрюкъ,
Онъ немного проважатыхъ кладѣтъ,
Полтараста татариновъ кладѣтъ,
Полтараста татарскихъ дѣтей,
25. Петъсотъ стременныхъ стрѣльцовъ,
Собиралось проважатыихъ гостей
Околь цѣлоей тысячн;
Да ищѧ онъ проважатога кладѣтъ,
Кострюка сына Темрюковиця.
30. Покатилсѧ нашъ царь государь,
Нашъ Иванъ сударь Васильевичъ,
Покатилсѧ на светую Русь,
На свету Русь, каменну Русь,
Онъ со Марьей Темрюковной.
35. Прикатилсѧ въ каменну Москву,
Заходилъ онъ во божью черкѣвъ,
Да ставалъ на подножокъ-отъ,
Онъ прималъ золотые вѣнчи
Да со Марьей Темрюковной.
40. Покатилсѧ нашъ царь государь,
Нашъ Иванъ сударь Васильевичъ,
Покатилсѧ изъ божьей церкви
Да со Марьей Темрюковной,
Онъ пошолъ въ ложню тѣплую,
45. Онъ ложилсѧ во теплу ложню.
Дакъ втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Онъ и ѹцѧлъ столы становить,
Онъ вѣдъ ѹцѧлъ гостей пѣтчивати;
50. Дакъ и хлѣбъ-отъ у царя на столѣ,
Да ѣствы-то у царя на столѣ,

- Да питъя-то у царя на столѣ,
Да и вси у насъ пьютъ и ѣдятъ,
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаютче,
55. За царя Богу молятче,
За Иванъ сударь Васильевича,
За царицу за Марью Темрюковну;
Да одинъ у насъ не пьётъ, не ѣсъ,
Онъ не пьётъ, не ѣсъ, не тешитсе,
60. За царя Богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За царицу за Марью Темрюковну;
Онъ вѣдь проситъ борца-молодца,
Поучена добра молодца,
65. Скажотъ: «семь городовъ испрошолъ,
Тридцетъ борцовъ поборолъ,
Не нашолъ по сибѣ борца,
Поучена добра молодца».
Кабы втапоры дядюшка царевъ
70. Старъ Микита Романовичъ,
Приходилъ да къ ложни тёплой,
Онъ колотитця съ молитвою,
Говоритъ таковы рѣци:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
75. Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Дакъ и хлѣбъ-отъ у миня на столѣ,
Да ѣствы-те у миня на столѣ,
Да питъя-те у миня на столѣ,
Дакъ и вси у насъ пьютъ и ѣдятъ,
80. Пьютъ-ѣдятъ потѣшаютче,
За царя Богу молятце,
За царицу за Марью Темрюковну,
Промежу собой хвастаютъ;
Да одинъ у насъ не пьётъ, не ѣсъ,
85. Онъ не пьётъ, не ѣсъ, не хвастаетъ,
За царя Богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За Марью Темрюковну,
Да по имени Кострюкъ сынъ Темрюковичъ;
90. Онъ вѣдь проситъ борца молодца,
Поучена добра молодца,

- Скажотъ: «семь городовъ испрошолъ»,
Скажотъ: «тридцетъ борцовъ поборолъ,
«Не нашолъ по сибѣ борца,
95. «Поучена добра молодца». —
Говоритъ Иванъ Васильевичъ:
— Ужъ ты ой еси, дядюшка царевъ!
Старъ Микита Романовичъ!
Выходи на крыльцо красное,
100. На прекрасно государево,
Ты крычи-зычи во всю голову,
Штобы чуть было по всѣй Москвы,
Какъ по всѣй Москвы, по Замосквы,
Съ Кострюкомъ поборотисе,
105. Съ Темрюкомъ поотвѣдатце. —
Собиралися богатыри,
Къ государеву ко двору,
Ко прекраснинкѣму ко крыльцу,
Кабы втапору дядюшка царевъ,
110. Выходилъ на крыльчо-красное,
На прекрасно государево,
Онъ крычалъ-зычалъ во всю голову,
Штобы чуть было по всей Москвы,
По всей Москвы, по Замосквы:
115. Собиралися богатыри,
Съ Кострюкомъ поборотисе,
Съ Темрюкомъ поотвѣдатце.
Какъ изъ нижняго изъ конца,
Какъ изъ маленькѣго изъ дворца
120. Выходили два богатыря:
Кабы Васинья маленькѣй,
Да Потанюшка хроминькѣй,
Кабы Вася на царевъ кабакъ пошолъ,
А Потаня ко дворцу государевому,
125. Ко крылечюшку прекраснинкѣму,
На одну ножку прихрамываётъ,
На другу ножку припадываётъ
Костылѣмъ подпирайтце,
Ко дворцу приближайтце.
130. Кабы втапору дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,

- Говорилъ таковы рѣчи:
«Ужъ ты ой еси, Потанюшка хроминькѣй,
Ужъ ты можешь-ли Кострюка побороть?»
135. Поборотъ, обезвѣчить его?»
Говорить Потаня хроминькѣй:
— Ужъ вѣдь я Кострюка поборю,
Поборю, обезвѣчу его,
Кабы я-то вчера хмелѣнъ былъ,
140. Кабы нынѣ голова-то болить,
Кабы мнѣ-то приоправитце.—
Кабы втапоры дядюшка царѣвъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Наливаетъ цару зелена вина,
145. Какъ немалу, полтара ведра,
Какъ подноситъ Потанюшкѣ хроменькѣму;
Какъ берѣтъ Потаня единой рукой,
Выпивать единымъ духомъ,
Самъ за чарой покланяйтца:
150. «Да ищѣ-то я Потаня не оправилсѣ,
Какъ болить у Потани буйна голова».
Да и втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Наливаетъ-то цару зелена вина,
155. Какъ немалу, полтара ведра,
Какъ подноситъ Потанѣ хроминькѣму;
Какъ берѣтъ Потаня цару единой рукой,
Выпиваетъ единымъ духомъ,
Самъ за чарой покланяйтца:
160. «Да ищѣ Потаня не оправилса».
Да и втапоры дядюшка царевъ,
Старъ Микита Романовичъ,
Онъ еще подноситъ зелена вина;
Какъ берѣтъ Потаня цару единой рукой,
165. Выпиваетъ единымъ духомъ,
Кабы самъ за царой покланяйтца:
«Какъ топерь я могу Кострюка побороть,
Поборотъ обезвѣчить его».
Какъ втапоры дядюшка царевъ,
170. Заходилъ во гриню свѣтлую,
Онъ вѣдь подчоватъ провожатыхъ гостей:

- «Какъ и хлѣбъ-отъ у меня на столѣ,
Да и ѣства у меня на столѣ,
Да и питья-то у меня на столѣ,
175. Да борцы-ти у меня на дворѣ».
Да и втапоры Кострюкъ сынъ Темрюковичъ,
Онъ скочилъ черезъ дубовы столы,
Онъ одной ногой за скамью задѣлъ,
Полтораста татариновъ убилъ,
180. Полтретьяста татарскихъ дѣтей,
Петъсотъ стреманныхъ стрѣльцевъ,
Онъ убилъ-пригубилъ всѣхъ провожатыхъ гостей,
Выходилъ онъ вонъ на улечу.
Да и втапоры дядюшка царевъ,
185. Старъ Микита Романовичъ,
Приходилъ онъ къ ложни теплой,
Колотилса съ молитвою,
Онъ будилъ-то Ивана Васильевича:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
190. Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Выходи на крыльцо красное,
Какъ смотрѣть борьбу богатырскую».
Дакъ и вышелъ нашъ царь государь,
Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
195. Да со Марьей Темрюковной,
На крылечушко на красное,
На прекрасно государево.
Говорить Потаня хроминькѣй:
«Ужъ ты ой еси, царь государь!
200. Царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Ужъ мы кой коего поборѣмъ,
Съ виноватого штобы платъе снетъ,
Да спустить его нага, да какъ мать родила».
Говорить Иванъ Васильевичъ:
205. — Да лишъ-бы тибѣ Богъ пособилъ.—
Говорить Марья Темрюковна:
«Кабы прежъ борцы боролисе,
Кабы прежъ стрѣльчи стрѣлелисе,
Съ виноватого платъе не сымывали».
210. Какъ не двѣ горы скаталисе,
Два богатыря сходилисе,

- Да впервы-ти Кострюкъ поборолъ,
Да въ други-ти Кострюкъ поборолъ;
Дакъ и втапоры дядюшка царёвъ
215. Старъ Микита Романовичъ,
Онъ вѣдь рвётъ сѣдую голову,
Да и щыплеть сѣдую бороду:
«Ужъ ты горькая бѣлая голова!
Ты безчасная сѣдая борода!
220. Доставалась на поруганьё,
Злу татарину проклятому;
Самому будётъ отвѣдатце,
Съ Кострюкомъ поборотисе».
Да Потанюшка справилса,
225. За рубашенькю сграбилса,
Выздымалъ выше головы,
Опускалъ о сыру землю,
О гумёнецкѣ мѣдвенно,
Не сорочиенька спархивала,
230. На Кострюкѣ кожа треснула,
Онъ спустилъ его нага, да какъ мать родила;
Поволокся Кострюкъ сынъ Темрюковичъ,
Поволокся подъ крылечушко,
Онъ долонью прикрываитце.
235. Дакъ и втапоры царь государь,
Царь сударь Иванъ Васильевичъ,
Онъ пошолъ во ложню теплую,
Онъ со Марьей Темрюковной,
Онъ ложилса въ ложню теплую,
240. На кроватоцкю тисовую.

Павелъ Марковъ разсказалъ, послѣ того, какъ спѣлъ старину, слѣдующую легенду: Марья Темрюковна осердилась на царя Ивана, что позволилъ Потанѣ посрамить ея родного брата Кострюка; она вызвала Ивана Васильевича «поединщикомъ на полѣ, битця-боротце». При царскомъ дворѣ былъ бояринъ Бѣльской, такъ-же какъ царь лицомъ и возрастомъ; Марья Темрюковна уѣхала впередъ на поле, а Бѣльскаго средили въ царское платье и послали драться съ ней. «Бѣльской выѣхалъ, разѣхались, Бѣльской царицу копьёмъ шшипъ, она съ лошади пала, а Бѣльской сѣлъ

ей на бѣлы груди, да и распоролъ груди бѣлыя, а царица говоритъ: — Не бытъ то Ивану Васильевичу, бытъ собакѣ Бѣльскому».

92.

Царь Иванъ Васильевичъ *).

«Быль въ Москвѣ человѣкъ-волшебникъ, писалъ руками и ногами; написалъ грамоту-письмо и положилъ въ церковь за икону, передъ которой государь прикатитца, дакъ стоитъ у службы. Царь Иванъ Васильевичъ прикатилса въ церковь, увидѣлъ письмо, взялъ и положилъ въ корманъ. Прочиталъ послѣ — Новгородъ отказыватца прочь отъ его, и дѣти всѣ прочь отъ его. Царь разсердился и сталъ казнить людей занапрасно. Когда царь казнилъ въ Москвѣ, Ѳедоръ царевичъ пожалѣлъ народъ и сказалъ: «Бѣжите въ уличы громлѣныя, туды царь не воротитце». Старшой братъ это услышелъ, да за столомъ на пиру и сказалъ на Ѳедора, что Ѳедоръ измѣнникъ. Когда царь ходилъ по городу и казнилъ, зашелъ въ келью ко старцу, ись попросилъ. Старецъ принѣсъ царю голову шшучью, а царю оказалась голова кобыля: «Што ты, старецъ-головузь! Не подобаеъ хрестіанину кобылятину ись, я вѣдь царь». Старецъ крестомъ оградилъ, евилась голова шшучья, и говоритъ:—лучше-бы тибѣ кобылятины найстисе, нечѣмъ неповинную кровь лить.—Изъ Москвы, изъ Нова-города въ то время много бѣжало народу, тогда и на Печору засѣлились изъ Нова-города, наша деревня Бѣдовая, Голубкова тоже и другіе».

Прикатилса нашъ царь государь,
Во свои палаты бѣлокаменны,
И доспѣлъ онъ пиръ,
Сталъ онъ ходить по полу кирпичету,

*) П. Г. Марковъ плохо зналъ эту старину и совѣмъ отказавшись сѣть ее, согласился передать словами. Началъ онъ простымъ рассказомъ, а затѣмъ перешелъ на стихи. Я счелъ за лучшее сохранить буквально ту именно форму, въ какой „Иванъ Васильевичъ“ вылился у П. Г. Маркова. Н. О.

5. Изъ рѣчей самъ выговариваль:
«Я ходилъ по матушкѣ каменной-Москвы,
Выводилъ я измѣну изъ матушки каменной-Москвы,
Вывелъ я измѣну изъ матушки каменной-Москвы».
Сидить сынъ и говорить:
10. — Хоть ходилъ ты по матушки каменной-Москвы,
Выводилъ измѣну изъ матушки каменной-Москвы,
Не могъ ты вывести измѣну изъ матушки каменной-
Москвы,
Измѣнщикъ у тебя за столомъ сидеть.—
Строго приступилъ царь къ нему:
15. «Скажи кто, а не то я казню тебя?»
— Онъ измѣнщикъ*), онъ объ измѣнщикахъ плакался,
Онъ измѣнщикамъ сноровливалъ.—
Втапору грозной царь Иванъ Васильевичъ
Выскакивалъ вонъ на улицу,
20. На прекрасно на крылечушко,
Крычалъ громкимъ голосомъ во всю голову,
Чтобы чуть было по всей Москвы:
«Ужъ вы ой еси, палачи немилостивы!
Вы идите ко дворцу государеву».
25. Все палачи приразбѣгались,
Собака Малютка Скурлатовъ сынъ,
Тотъ собака на дворъ идѣтъ,
Бралъ Оедора за бѣлы руки,
За его перени за злаченыи,
30. Повѣлъ на полѣ Куликово,
Ко той ко плахѣ ко липовой,
Казнить Оедора смертной кáзенью,
Смертной кáзенью позорною,
Рѣчистой языкъ вынетъ теменѣмъ,
35. Ретивоѣ сэрцо промежъ плечьми.
Скоро-то вѣска перепáдывала
Ко дядюшки Роману Никитевичу,
Бралъ-то дядюшка любимого конюха,
Бдѣтъ по полю по чистому,
40. Крычитъ, зычитъ во всю голову:
«Ты ой есь, собака Скурлатовъ сынъ!

*) При этомъ старшій царевичъ показаль на младшаго—Оедора.

- Не поступаи на роды на царскія,
Не казни ты Ѳедора царевича,
Ѳедора царевича Ивановича,
45. Отдамъ я тибѣ любимого конюха,
Казни ты любимого конюха».
Малюта взялъ любимого конюха,
Казнилъ смертной казенью, позорною,
Рѣчистой языкъ вынулъ теменѣмъ,
50. Ясныя очи вонъ косичами,
Ретиво сэрцо промежду плечми.
Втопоры дядюшка царѣвъ
Старъ Микита Романовичъ,
Приѣхалъ съ любимъ племенникомъ,
55. Во свои полаты бѣлокаменны,
У дядюшки Микиты Романова,
Пошолъ топере пиръ навесело;
Пошолъ-то нашъ грозной Иванъ Васильевичъ,
Пошолъ во Божью церковь,
60. Пѣтъ панифиды упокойныя,
По своему по сынѣ любимому,
По Ѳедорѣ Ивановичѣ,
Случилосе итти мимо дядюшки Романова,
Пиръ идѣтъ у дядюшки на весело,
65. Остоялся нашъ грозной царь Иванъ Васильевичъ.
«Што у тебя идѣтъ пиръ навесело?
Смѣшалася вѣра—каменна Москва,
Потухла свѣця, свѣця мѣсная,
Подпала звѣзда поднебесная,
70. Не стало у насъ на царствѣ царевича,
Царевича Ѳедора Ивановича!»
Говоритъ старъ Микита Романовичъ:
— Живой нашъ царевичъ Ѳедоръ Ивановичъ:
Я оддалъ своего любимого конюха,
75. Казнить смертною казнью позорною.—
Воротилса нашъ царь Иванъ Васильевичъ,
Пошолъ у царя пиръ навесело.
Топере пошолъ дядюшка царѣвъ въ Божью церковь,
Старъ Микита Романовичъ,
80. Пѣтъ по конюхѣ панафиды упокойныя.
-

ХІІ. ДЕРЕВНЯ ПЫЛЕМЕЦЪ.

23. Хабаровъ Степанъ Ѳедоровичъ.

Хабаровъ небольшой, коренастый, здоровый старикъ 69 лѣтъ. Обѣ старины, спѣтыя имъ, записаны на рыболовной тони, въ 6—7 верстахъ ниже родной его деревушки Пылемца; записывались старины въ невозможныхъ условіяхъ: на берегу рѣки, на пескѣ, между двумя лодками, у костра; съ Печоры дулъ сильный вѣтеръ и руки коченели отъ холода, а когда я садился у костра дымъ невыносимо ѣлъ глаза. Кругомъ сидѣли рыболовы и своими замѣчаніями все время мѣшали и мнѣ и сказателю; кромѣ того дѣло осложнялось еще тѣмъ, что староста рыболовной ватаги, родной братъ С. Ѳ. жадный мужикъ, все время ворчалъ, что С. Ѳ. не работаетъ, а занятъ пустяками; не совсѣмъ нормалень былъ и самъ С. Ѳ. пѣтъ онъ сталъ послѣ того только, какъ выпилъ водки, а выпилъ онъ лишнее и потому пѣлъ не такъ твердо, какъ бы могъ. С. Ѳ. единственный сказитель въ Пылемцѣ, но слава объ немъ въ Пустозерской волости также велика, какъ о Горенкѣ въ Устьцылемской. С. Ѳ. знаетъ: Первую поѣздку Ильи Муромца, бой Добрыни и Дуная, Ставра-боярина, Дюка, Потыка, Ваську Игнатьева, Добрыню и Маринку, Фатенка, Ивана Горденова, Чурила, двѣ старины про Василя Буслаева, Ваську Окулова, Дуная, Кострюка, Луку Игнатьева, слыхалъ про Святогора. Къ большому сожаленію, его ни за что не хотѣли отпустить въ деревню пѣтъ мнѣ старины, и я списалъ у С. Ѳ. только двѣ; во всякомъ случаѣ для меня была большая потеря, что я его не засталъ дома, въ деревнѣ.

93.

Михайло Карамышевъ.

- Ай во славномъ во городѣ Карамышовѣ,
У того-то было Петра купца богатого,
У того-то была молода жона.
Да во ту-то было пору, да во то время,
5. Ай во то-то было время нонь беременна,
Родила-то, принисла да чада милого,
Ай любимого-бы сына да одинакого;
Созывали-бы отцовъ-поповъ, причятниковъ,
А крестити-бы его, сына, молитвити,
10. Приходили-бы попы, отцы духовныи,
Нарѣкли-бы свето имѣ ему Михайлушкой.
Заводилса у Петра тогда почесѣнъ пиръ,
Какъ на тихъ-бы на радощахъ великихъ,
Пиръ-отъ у нихъ шолъ да о полушира,
15. Кабы столъ-отъ вѣлса о полустола,
А и всѣ-бы на пиру были пьяны-веселы,
Да весьма-то бы нонь вси да веселѣшиньки,
Говорить-то бы Петръ купецъ богатый:
«Ужъ ты ой еси, моя да молода жона!
20. У насъ хто будѣтъ теперь тѣшить-нѣжити?
Отдадимъ-ко мы вѣдь бабушки задворенки,
А кормити-то поить да чадо милое,
До того-бы ума, до крѣпка разума».
Посылали-то за бабушкой скоро посла,
25. Приходила тутъ-бы бабушка задворенка,
А примають тутъ старушку съ чесью, съ радосью,
Говорить тутъ его молода жона:
«Ужъ ты ой еси, бабушка задворенка!
Ты возьми-тко у насъ да чада милого,
30. Да любимого-бы сына одинакого,
Да кормити-бы, поить его до возраста,
До того-бы ума, до крѣпка разума».
А на то бы тутъ старушка да соглашантца,
Да берѣтъ-то кормить-поить до возраста,
35. До того-бы ума, до крѣпка разума.
Какъ-бы отдали старушки этой, бабушки,

- Понесла въ свою-бы келью нонь во малую,
Да кормити-бы, поить да добра молодца,
Принесла-бы его да дитя малого,
40. Она кормить кусочками всё сборныма,
Да поить молочкѣмъ сладкимъ козловымъ.
Какъ-бы сталъ Михайлушко лѣтъ пети-шести,
Какъ-бы сталъ Михайлушко лѣтъ семи-восьми,
Приучать-то стала въ грамоту всё руськую,
45. Кабы въ ти-жо науки протчи мудрыи,
А Михайлу грамота давалосе,
Хитры-мудрыя науки открывалисе;
Кабы сталъ Михайло тогда на возрастѣ,
Да во томъ-бы умѣ, во крѣпкомъ разумѣ,
50. Онъ-бы сталъ-бы Михайло лѣтъ двѣнадцати,
Говорить-то Михайло своей бабушки:
«Ужъ ты ой еси, нонь бабушка задворенка!
А не та видно мать, коя породила
А та видно мать, коя вскормила,
55. Ужъ ты ой еси, нынѣ бабушка задворенка!—
Онъ-бы падалъ-то ей да во рѣзвы ноги—
Ужъ ты дай благословеньица мнѣ сходить, сгулять
Посмотрѣть-то охвота людей добрыхъ,
Показать себя удала добра молодца,
60. Ты не знашь-ле гдѣ коня какъ лошадь добрую?
По чисту мнѣ-ка-ли полю прогулятисе».
Говорить-то тогда бабушка задворенка:
— Ужъ ты глупо ты дитя, да малолѣтнѣе,
Ты поѣдѣшь-то топерь да во чисто полѣ,
65. А бывать, найдешь удала добра молодца,
Ай бы сильнаго могучаго богатыря,
Потеряешь ты свою да буйну голову,
Заневѣдъ ты потеряешь, не за денежку.—
«Ужъ ты ой, еси нонь бабушка родимая!
70. Ты спусти-тко меня да прогулятися,
Да не знашь-ле ты мнѣ-ка лошадь добрую,
Посмотрѣть мнѣ-ка охвота людей добрыхъ,
Показать себя удала добра молодца».
Говорить-то ему бабушка родимая:
75. — Я бы знаю-то далѣко въ полѣ чистаѣмъ,
У сыра-то бы дуба да есь глубокъ погребѣ,

- А во погребѣ стоитъ-бы доброй конь,
А закрытъ-бы доской-плитой желѣзной,
Да засыпанъ-бы пескомъ-хрещомъ сыпучимъ,
80. Да закладенъ-бы онъ плитѣмъ-каменѣмъ.—
А тогда-де Михайло осержаитце,
А размѣтывалъ-бы всё да плитѣ-каменѣ,
А розрылъ-бы хрящи-пески сыпучи,
Да была-то бы плита да тутъ желѣзная,
85. Да тенула-бы плита нонь да сорокъ пудовъ,
Онъ пиналъ-бы доску-плиту своей ногой,
Улетѣла-бы доска-плита во чисто поле;
Услыхалъ-то бы тогда да теперь доброй конь,
Обрывалъ-то-бы чѣпи вси желѣзные,
90. Онъ выскакивалъ-то конь теперь изъ погреба,
Схватилъ тогда Михайло во бѣлы руки:
«Ужъ ты конь-ле мой, конь, да лошадь добрая!
Ужъ ты какъ-ле служилъ прежнему хозяину,
Ужъ ты также послужи мнѣ вѣрой-правдою,
95. Ужъ-бы правдой-ле, вѣрой, не измѣною,
Также сноси меня по чисту полю,
Да удалого дородня добра молодца».
Становилса-бы конь у добра молодца,
Онъ пошолъ-бы молодецъ да ко сыру дубу,
100. На дубу-ту-бы было всё написано,
Глубоко-то-бы было всё подрѣзано:
«Есь-то-бы тутъ да ю сыра дуба,
Тутъ положено-бы есь у добра молодца,
Да у сильняго могучаго-бы богатыря,
105. Положена-бы тутъ сѣруа лошадиная,
Тутъ-бы вся-то есь приправа богатырская».
Разрывалъ тогда матушку сыру землю,
Да нашолъ-бы нонь сѣрую лошадиную,
Какъ-бы всю нонь приправу богатырскую,
110. Надѣвалъ-бы узду на коня тосмянную,
Послѣ того-то бы клалъ да мякки войлочки,
А подъ войлочки клалъ подсѣдельничёкъ,
А на верхъ-то клалъ сѣдельшко черкасское,
Ай двенадцеть-то-бы подпругъ шолковыхъ,
115. А тринадцету кладётъ черезъ хребетну степь,
А не ради-бы басы, да ради крѣпости,

- Кабы ради-то поѣздки молодецкой;
Онъ берётъ съ собою матёръ бѣлой-полотъ-шатёръ,
Онъ берётъ съ собою лукъ тугой разрывчатой,
120. Ищѣ три берётъ стрѣлы съ собою калѣныи,
Ай калѣныи-бы стрѣлоцъки, перѣныи,
Не простымъ-то бы перыицомъ, орловымъ,
Не того-то бы орла, што россійского,
Дорогого-бы орла славна камчужского;
125. А берётъ-бы съ собою да саблю вострую,
Да берётъ съ собою палицу буѣвую,
Да берётъ-то копьѣ востроѣ проперомъ,
Да берётъ-то бы ножищю нонѣ кинжалищю,
А берётъ съ собою арканъ да бѣлошолковой,
130. Да берётъ съ собою латы всё булатныи,
Какъ которы-бы были съ крѣпкимъ панцырѣмъ,
Онъ берётъ съ собою шапоцъку булатную,
Какъ котора-бы была да съ крѣпкимъ панцырѣмъ,
Не брала-то-ее бы сабля вострая,
135. Не ломила-бы ей палица буѣвая;
Ищѣ бралъ съ собою скатерку-хлѣбосолочку,
Какъ-бы бралъ съ собою шатёръ бѣлополотненой,
Кабы падалъ-то бабушки въ рѣзвы ноги:
«Ты прости-то бы бабушка родимая!
140. Да не та-то-ли нонѣ мать, коя спорóдила,
Да та винно мать, коя воскóрмила».
Да тогда-то бы старушка приросилакалась;
А скочилъ молодецъ да на добра коня,
Толькѣ видѣла старушка какъ ' коня посѣлъ,
145. Не видала у его поѣздки молодецкой,
Прижималъ-то бы коня во строны булатныи,
Заходилъ-то подъ нимъ коницѣкъ какъ лютой звѣрь;
Онъ-бы скацѣтъ-то на кони да съ горы на горы,
Онъ-бы скацѣтъ-то съ шóломя на мѣлема окáтисты,
150. Отъ его-то поѣздки молодецкой,
Молодецкой поѣздки богатырской,
Да камышъ-то бы трава да растилаетца
А сыро-то дубѣ всё шатаетсѣ.
Выѣзжалъ тогда Михаилъ на круту гору,
155. Вынималъ-то трубоцъку подзорную,
А смотрѣлъ-то, гледѣлъ да во вси стороны,

- А во перву-то згленуль во сторону во сѣверну,
А во сѣверной сторонушкѣ есь сини моря,
Да сини-то-бы моря тутъ ледовитыя;
160. Во вторыхъ, згленуль ' стороночку во лѣтнюю,
Да во лѣтней стороны тѣмны лѣса,
А темны-то бы лѣса весьма дремучія;
Да згленуль-то бы въ стороночку во восточную,
Да во восточной сторонкѣ есь круты горы,
165. Да круты-то-бы горы, да превысокіи;
А гленуль бы ' сторонку тутъ во западну,
Да подъ позападной сторонки, подъ крутой горы,
А стояль-то-бы въ полѣ тутъ-бы чѣрнѣ шатѣрь,
Кругъ шатра-то бы ходять три добрыхъ коня,
170. А тогда то-бы Михайло нынѣ раздумался:
«А нельзя-то бы шатра протти-проѣхати,
А надъ во шатрѣ людей провѣдати,
Мнѣ не честь будѣтъ, хвала да молодецкая,
Да не выслуга будѣтъ богатырская».
175. Поворачиваль коня тутъ ко черну шатру,
Ищѣ самъ-то въ уми тутъ прироздумался:
«Я слыхаль отъ своей бабушки родимоей,
Што-бы чѣрнѣ-отъ шатѣрь будѣтъ невѣрныи,
А-бы бѣлой-отъ шатѣрь да нашъ русскіи,
180. Кабы нецѣ молодцу страшитця-боятисе».
Поворачиваль коня да ко черну шатру,
Онъ-бы гналь кабы круто по чисту полю,
Приѣзжалъ тогда Михайлушко ко черну шатру,
Во шатрѣ-то бы Михайло самъ послушивать,
185. Кабы злы-то разговоры ихъ татарскіи,
Кабы есь тутъ три тотарина поганьи,
А поганьи собаки, нечестивьи,
А четверта-то съ имѣ сидитъ красна дѣвушка;
А ограбили-они-то золоту казну,
190. Огромѣли они церкви вси соборныи,
Розорили-бы монастыри причесныи,
Да между-то-бы собой собаки дѣль дѣлятъ,
На одинъ-отъ-бы пай кладутъ собаки сорокъ тысяцей,
На другой-отъ-бы пай кладутъ собаки сорокъ тысяцей,
195. На третей-отъ пай нонѣ кладутъ красну дѣвицу.
Тутъ-бы пладѣтъ-то дѣвица, какъ рѣка текѣтъ,

- Она ронитъ-бы слезы всё горючій,
А трепитъ-то-бы, щыплётъ трубчату косу:
«Ужъ ты ой еси, моя трубчата коса!
200. Ты досталася не кнезю, не боярину,
Не удалому дородню добру молодцу,
А не сильному могущю храбру воину,
А досталася тотарамъ на поруганьё.
Акъ одинъ-отъ говоритъ да таково слово:
205. — Ты не плачь-ко, дѣвица, душа красная!
Если ты-то въ моёмъ пою достанишь,
Я возьму-то вѣдь тебя да за себя въ жены,
Я те дамъ поученьё нонь великое:
Да на каждой день по раны по кровавоей.—
210. А другой-отъ говоритъ да таково слово:
— Ты не плачь-кѣ дѣвица да душа красная!
У меня-то бы есь теперь любимой сынъ,
Да любимое-бы сынъ, да одинокой былъ,
А возьму я нонь тибя за его въ жены,
215. Ужъ ты будешь у меня въ домѣ хозяйкою,
Онъ бы, будётъ-же, дѣвица, нонь строжити те:
А на каждой день бить будётъ, стегать будётъ,
А по три раны давать тибѣ кровавыя.—
А третей-отъ говоритъ да таково слово:
220. — Ты не плачь-кѣ, дѣвица душа красная!
Ужъ въ моёмъ ты пою если достанешся,
Про тибя-то у меня есь сабля вострая,
Кабы востра, нова, некрововлена,
Я ссѣку у тя, срублю да по плечь голову.—
225. Ай бы плацётъ-то дѣвица нуще старого,
Да не видитъ она свѣту бѣлого.
А тогды-то-бы Михайлу за бѣду стало,
За большу ему досаду показалось,
Онъ скакалъ-бы тогды да со добра коня,
230. Оставлялъ-бы коня да не привязана,
Какъ-бы шоль-то тотарамъ во чернѣ-шатёръ,
Онъ не спрашивалъ не роду ихъ, не племени,
А хватилъ-то ихъ, тотаръ, тогды за черны кудри,
Да тащилъ-то ихъ, собакъ, да вонъ на улицу,
235. Какъ одного-то-бы бралъ онъ подъ праву руку,
А другого-то бы бралъ самъ подъ лѣву руку,

- А третьёго прижималъ на груди бѣлоей,
Выздымалъ-то-бы выше буйной головы,
Да хвосталь-мѣталъ о матушку сыру землю,
240. А тогда-то-бы тотарамъ смерть случилася,
Розрывалъ-то бы татаръ ихъ по мелку чесью,
Розметалъ-бы собакъ да по чисту полю.
Заходилъ тогда Михайло во чёрнѣ-шатёръ:
«Ужъ ты, здравствуйшь дѣвица душа-красная!
245. Во первыхъ, ты мнѣ невѣста обручѣнная,
Во вторыхъ, мнѣ княгина первобрачная,
А по рускѣму назватъ—жона вѣнчанная».
Не спрашивалъ у ей не роду онъ, не племени,
А ложился съ ей бы спать да ' едино мѣсто,
250. Онъ бы спалъ съ ею-же времени трои сутоцки,
На четвертыхъ сутки разбужаитце:
«Ужъ ты ой еси, дѣвица душа-красная!
Ты коёго теперь города, коей земли?
Коего видъ ты отца, да родной матушки?
255. Ищѣ какъ ты назватъ будѣтъ по имени?
Ищѣ какъ звеличать по отечеству?»
Отвѣчатъ ему дѣвица да душа красная:
— Я изъ славного города Карамышова,
Я того вѣдь нонѣ Петра купца богатого,
260. Я ему-то вѣдь буду всё любима дочь.—
А тогда-бы говорилъ Михайло таково слово:
«Ужъ ты ой есь, дѣвица да душа красная!
Ищѣ ты мнѣ не невѣста обручѣнная,
Ищѣ ты мнѣ не княгина первобрачная,
265. Ищѣ ты мнѣ не жона будѣшь вѣнчанная,
Ище будѣшь ты мнѣ, дѣвушка, родна сестра».
А тогда они съ ею да думу думали:
Роздѣлили пополамъ съ имъ золоту казну,
Какъ удумали они съ имъ Богу молитисе,
270. За свои-ти грѣхи тежки прощатисе,
Какъ пошли они въ монастыри пречесныи;
Роспростилисе тогда да со родной сестрой,
Онъ-бы бралъ половину золотой казны,
Онъ поѣхалъ къ своей бабушки родимой,
275. Да на вѣки-то проститсе съ родной бабушкой,

Онъ-бы отдалъ ей двадцеть тысяць золотой казны,
А остатки-то-бы взялъ онъ съ собой тогда.

94.

Василій Буслаевъ.

- ...А во томъ-то было во Новѣ-городѣ,
Кабы былъ, заводилса тутъ почесень пиръ,
А тогда-то бы вси весьма придумали,
Какъ позвать-то дородня добра молодца,
5. А сильнѣго могуця храбра воина,
Какъ по имени Василья сына Буслаева,
Со своей-то дружинушкой хороброей;
Какъ послали они тогда скоро посла,
А просить его со матушкой съ родимоей,
10. А просить-то во Новѣ-городѣ на почесень пиръ.]
Кабы скоро послы теперь поѣхали,
Попросили Василья сына Буслаева,
Со своей-то дружиной со хороброю;
А на то-бы Василей не ѣтслышенъ былъ,
15. Со матушкой Василей снаряжаетца,
Со своей-бы дружиной сподобляитце,
А поѣхалъ Василей въ славной Новгородѣ,
Кабы въ той-бы каретѣ золоченоей,
Кучеровъ молодцовъ очунъ хорошихъ,
20. Какъ стрѣцяють-то ихъ да съ чesью, съ радосью,
Какъ проводятъ-то ихъ да въ грини свѣтлыя;
Они всѣ на пиру да напивалисе,
Они всѣ на чесномъ да пьяны-веселы,
На пиру-бы молодцы да приросхвастались,
25. А одинъ-отъ бы хвастать золотой казной,
А иной-отъ-бы удачей молодецкоей,
А иной-отъ-бы силой богатырскоей,
А иной-отъ-бы несчатымъ скатымъ жемчугомъ,
Кабы умной-бы хвастать старой матерью,
30. А безумной похвалятца молодой женой,

- А тогда-то Василей не ётступчивъ былъ:
«Ужъ вы ой, молодцы новгороджаны!
Ищѣ хто со мной бѣтца о великъ закладъ:
Я возьму-бы, побью да славной Новгородъ,
35. Не кому со мной во городѣ не выстоять».
Мужики новгородчана не отступцивы;
Унимала-то дружина его хоробрая:
«Ужъ ты ой есь, Василей сынъ Буслаевичъ!
Не серди ты удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
40. Намъ не чесь-то, хвала будѣтъ молодецкая,
На пиру сидѣть—спорить, теперь, здѣритця».
Унимала его матушка родимая:
— Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Полно-те спорить, полно здѣрити.—
45. А Василей не на чѣ да не здавайтце,
Не уступать имъ удалой доброй молодець;
Они бились тогда да о великъ закладъ,
Они сдѣлали условье промежу собой,
Ай когда открыть войну да на чистомъ поли,
50. А въ коѣ-бы-то времѣ, въ кой часы,
Кабы вся его дружина подписалася,
Какъ подъ ту бы бумагу, подъ условье всё.
Отходилъ-бы крутѣнько тутъ почесенъ пиръ,
Со пиру-то бы всё да расходилисе,
55. По домамъ-то бы всё да разбѣжалисье;
Поѣжжать-бы Василей сынъ Буслаевичъ,
Со своей-то со матушкой родимоей,
Со своей-бы дружинушкой хороброей,
Приѣжжалъ-бы въ полаты бѣлокаменны.
60. Она тутъ-то тогда да думу думала,
Какъ-бы какъ-то скротить да сына милого?
Она удумала-бы сдѣлать почесенъ пиръ,
Напоила-бы его тутъ зеленымъ виномъ;
Онъ-бы пьетъ, гостить со матушкой родимоей,
65. А то матери-то самъ не берегайтца,
Не берегайтце-бы матери, не опасайтце;
Онъ напилса до пьяна зелена вина,
Кабы гдѣ-ка-бы палъ, да тутъ-бы спать-бы лёгъ.
То-то думала матушка родимая,
70. Созвала-бы кузнечей да крѣпкихъ мастеровъ,

- Заковала-бы вокругъ окошечка косявчаты,
Заковала у его да руки бѣлыи,
Заковала у его да ноги рѣзвыи,
Занаплецны желѣза сдѣлала десить пудъ,
75. Кабы на руки желѣза были пять пудовъ,
Повалила на кроватоцьку тисовую,
А на ту-бы перинушку пуховую,
Одевальницей закрыла чѣрныхъ соболей,
Ясны очи закрыла камкой хрущатой,
80. Какъ замкнула она тогды за три замка,
Ай за три-бы замка, крѣпки вѣсучіи,
Тутъ поставило сторожовъ да караульніихъ.
Онъ-бы спить молодець, да просыпайтце,
Ото сну время дѣтинѣ разбужатисе.
85. Какъ во ту-то бы пору, да во то время,
Тогды шла-то дѣвушка изъ Нова города,
Подбѣгали ко его высокому терему,
Ко тому-бы ко окошечку косявцету,
Ко его-то бы нонь да ложни тѣплой,
90. Говорить-бы дѣвушка таково слово:
«Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ты хорошъ былъ во славномъ Новѣ-городѣ,
Ты удалъ былъ, боѣкъ битце, ратитце,
Съ мужиками новгородскими о великъ закладъ,
95. А тепере ты, Василей, самъ запряталса.
Да твоей-то дружины мало можетца,
Не можетъ стоять да со Новымъ городомъ,
А у ихъ-то вси головы приломаны,
Кушаками ихны головы поверчены».
100. Ото сну тогда Василей пробужайтце,
Отъ великой хмелины просыпайтце,
Онъ учуюль на сѣ желѣзы злы-тежолые,
Его ясны-ти очи помутилисе,
Какъ горечи его слезы прокатилисе,
105. А могучіи плечи расходилисе:
Онъ срывалъ тогды желѣзы да со бѣлыхъ рукъ,
А спихалъ-то желѣзы да со рѣзвыхъ ногъ,
Они лопнули желѣзы, разлетѣлися,
Нотенулса-то онъ да могучьми плецьми,
110. Кабы сорвалъ желѣза занаплецныи,

- Тогда сталъ молодецъ на своей воли,
Кабы сталъ со кроватоцьки тисовойей.
Онъ бѣлешинькѣ Василей умываитце,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утираитце,
115. А накладывалъ на ся тогда кунью шубу,
Надевалъ сапоги тогда сафьянныи,
Опояску опоясывалъ онъ шолкову,
Не того видно шолку, што росіійскаго,
Дорогого славна шолку шематинскаго,
120. Приходилъ ко дверямъ нонъ ко желѣзнымъ:
«Ужъ вы ой еси, стражи каравульныя!
Отмыкайте замки скоро вѣсучія,
Выпускайте меня удала добра молодца,
Мнѣ не времѣ-то жить теперь во комнаты,
125. Мнѣ-ка времѣ-то итти на свою волю,
Какъ итти-то бѣжать во славной Новъ-городъ». —
Отъ стражей-то Василью нынѣ отвѣту нѣтъ;
Какъ тогда-то Василью за бѣду стало,
За великую досаду показалосе,
130. Его ясныи оци помутилисе,
Какъ могучи-то плечи расходилися,
Богатырско его сэрцо разъярилосе,
Онъ пиналъ-то бы двери всё желѣзныя,
Розлетелися двери на середь двора,
135. Кабы сорвалъ замки всё вѣсучія,
А стражи-то бы всё усторонилисе;
Выходилъ-то бы Василей вонъ изъ комнаты,
Да не хто-бы не смѣлъ слова вымолвить,
Говорилъ-то дѣвицѣ душѣ красной:
140. «Когда буду я, Василей, на своей воли,
Надѣлю-то тебя я золотой казной,
Я обсыплю тебя скатнымъ жемчугомъ». —
Не берѣтъ-то Василей золотой казны,
А берѣтъ толькѣ Василей свой черленой вязъ,
145. По вѣсу коя палица буѣвая,
По вѣсу она-бы тенѣтъ—девеносто пудъ;
Побѣжалъ-то Василей ' славной Новъ-городъ,
Ко своей-то дружинушкѣ хороброей,
Онъ бѣжалъ-то Василей по чисту полю,
150. Ай не есенъ-то соколъ перелѣтъ летѣль,

- Ай то бѣль-го-бы кречеть перепурхъ пустиль.
Ой не много поры да миновалосе,
Тутъ-бы стрѣтилась имъ женщина снарядная,
Говорить-то она да таково слово:
155. «Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ты гораздъ былъ гостить да во Новѣ-городѣ,
А гораздъ ты былъ битця о великъ закладъ,
А теперъ-то молодець да приюпругалсе,
Ужъ ты выдалъ дружинишку хороброю;
160. Какъ твоей-то дружинѣ мало можетца,
А не можетъ стоять да съ Новымъ городомъ,
У ихъ вси-то бы головы испроломаны,
Кушаками ихны головы поверчены».
Ай Василью это слово за бѣду стало,
165. За великую досаду показалоса,
Онъ срываль-то-бы съ женщины платьѣ цвѣтное,
Обнажилъ-то женщину всю дѣнага,
Отдаваль-то-бы платьѣ дѣвицѣ душѣ-красной:
— Ты прими-тко дѣвица душа красная!
170. Когда буду-то я да на своей воли,
Награжу я тебя да золотой казной.—
Онъ бѣжитъ-то бы Васька по чисту полю,
Ай не есенъ-то соколъ перелѣтъ летить,
Акъ бѣлой-то-бы кречеть перепурхъ пустиль,
175. Онъ-бы столь скоро бѣжитъ по чисту полю;
Повстрѣчалса ему калика перехожая
Кабы тотъ старичище Перегримищо,
Ай несѣтъ-бы колоколъ да девеносто пудъ,
На своей-то несѣтъ да буйной головы:
180. «Ужъ ты молодо курѣ не попархивай,
Молодыя Василей не похвастывай:
Я вѣдь былъ богатырь да не въ твою пору,
Не въ твою-то-бы пору, не тибѣ ровня;
Ужъ ты выдалъ всю дружину хороброю,
185. А твоей-то-бы дружины мало можотца,
Всѣ у ихъ головы проломаны,
Кушаками ихъ головы поверчены».
А Василью тогда да за бѣду стало,
За большу ему досаду показалосе,
190. Его ясны-ти оци помутилисе,

- Какъ горяци его слёзы покатилисе,
Онъ выхватываль-бы скоро свой червленой вязъ,
Онъ махнулъ старику по буйной головы,
По тому колоколу всё великому;
200. А и стоитъ старичонко не ворохнетце,
Какъ на головы-то кудри всё не тряхнутця;
А тогды-то Василью за бѣду стало,
За большу-бы досаду показалося,
Побѣжалъ-то-бы Васька къ рѣчки Волховой,
205. А стоялъ подъ горой тутъ да сырой дубъ,
О двенатцети онъ сажень былъ печатныхъ,
Вырываль-то-бы сырой дубъ изъ кореню,
Онъ хвосталь-бы о матушку сыру землю,
Розлетелси-бы дубъ да на три жеребья;
210. Онъ схватилъ-бы-то жеребей съ кокорою,
Онъ бѣжалъ-бы тогда да на круту гору,
Онъ махнулъ старика Перегрѣмища,
Какъ изъ той-бы изъ силы богатырской,
Розломилъ колоколъ да на три жеребья,
215. Онъ-бы сорвалъ-же голову съ могущихъ плечъ.
А ищѣ у старика езыкъ воротитцѣ:
«Ужъ ты ой еси, Василей сынъ Буслаевичъ!
Ай не будѣтъ тибѣ да поединщика».
А тогды шолъ-бы Васинька во Новъ-городъ.
220. Прибѣжалъ-то Василей въ славной Новъ-городъ,
А дружины-то стало да мало можитця,
Ищѣ всѣ ихъ-бы головы проломаны,
Кушаками ихъ головы всѣ поверчены,
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
225. «Ужъ вы ой, моя дружинушка хоробрая!
Вы отдальтесь-ко прочъ да во чисто полѣ,
Ужъ вы дайте-ко мнѣ-ка розгулятисе,
Съ новгородцами мнѣ-ка поотвѣдатца,
Поотвѣдатца нонь, да поправитце».
230. Отшанула вся дружинушка хоробрая,
Онъ-бы взялъ-то-бы круто свой черленой вязъ,
Онъ-бы сталъ вязомъ Васька помахивать,
Какъ не хто-то не можоть битця-ратитця;
Ай леталъ онъ по силы, силы арміи,
235. Кабы бѣгать Василей какъ-бы лютой звѣрь;

- Ай увидѣли во городи какъ стрась таку,
Они думали-бы думу промежду собой:
«Не стоять видно съ удалымъ добрымъ молодцомъ».
Посылали они теперь скоро посла,
240. Ко его-то-бы матушки родимоѣй,
Уняла штобы своего чада милого.
Кабы скоро-де послы тогды поѣхали,
Пріѣзжали они тогды къ Омельфѣ Тимоѣевны,
Кабы просятъ они тогда нижающе,
245. Какъ нижающе просятъ, со покорносью,
Уняла штобы своего чада милого,
Ай-бы милого-бы сына, всё любимого;
Отвѣчатъ-то имъ она да таково слово:
«Ужъ вы ой, нонь еси да люди добрыя!
250. Ужъ вы што надо мной да посмѣхаетесь?
У мня спитъ-то бы чадо не пробудитце,
Въ крѣпкихъ-то желѣзахъ, во тяжелыхъ».
— Ужъ ты ой еси, Омельфа Тимоѣевна!
Ты подлеги, сходи да въ гриню свѣтлую.—
255. Ай пошла-бы эна да въ гриню свѣтлую,
Его нѣту во гринѣ, не случилось,
Ай во гринѣ лежитъ всё приломоно,
Ай назадъ-бы тогды да поворотъ даѣтъ.
Отъ стражей, караульщиковъ она спрашивать:
260. «Ай куды у мня ушолъ да любимой сынъ?»
Отъ стражей-то тогда да отвѣту нѣтъ,
А слезами-то стражи да уливаютце,
А не хто-то-бы не смѣтъ да слово вымолвить;
Ай пошла тогда Омельфа Тимоѣевна,
265. Какъ пошла-то въ свои да новы комнаты,
Призывала своихъ да добрыхъ молодцовъ,
Ищѣ тѣхъ-бы нонь слугъ да придворныхъ,
Приказала запречь тогда добра коня,
Ищѣ въ ту-бы корету золочѣную,
270. Ай провѣдать своего чада милого,
Ай любимого-бы сына одинакого;
А на это слуги не отслышились,
Запрегали-бы въ карету золоченую,
Повезли-то іе да въ славной Новъ-городъ,
275. Привозили-то её да въ славной Новъ-городъ,

- Какъ на то-бы побоищо великое,
Какъ на то-бы кроволитьё непомѣрное,
Какъ крычить она, зычить да громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты ой есь, ты мой ясень соколъ!»
280. Ужъ ты ой еси, моё ты чадо милоё!
Ай любимое дитя ты одинокоё!
Умири ты свое да ретиво сѣрцо,
Опусти ты свои да руки бѣлыя».
А крычить вся дружинишка хоробая,
285. Какъ ревутъ всѣ, зычатъ да громкимъ голосомъ,
Не чому-то-бы Василей тутъ не бардуётъ;
Побѣжала она къ ему добру молодцу,
Захватилася ему да за праву ногу,
Волочилась-бы она да по чисту полю,
290. Какъ крычить-то, зычить дружинишка хоробая:
«Ужъ ты ой есь, удалой доброй молодецъ!
Умири свое сѣрцо багатырское,
Опусти ты свои да руки бѣлыя».
Говорить-то Василей сынъ Буслаевичъ:
295. — Ищѣ што это да онуча привязалосѣ?—
Говорить-то дружина всё хоробая:
«Привязаласѣ-то къ те да родна матушка».
Какъ тогды-то бы удалой доброй молодецъ,
Опустилъ свои да руки бѣлыя,
300. А поставилъ-то-бы онъ свой черленой вязъ,
Какъ во славну во матушку сыру землю.
А на то-бы мужики были догадливы,
Да таскали тогды золото со всѣхъ сторонъ,
А осыпали-бы вязъ-отъ золотой казной,
305. Нонь не видно стало палицы боѣвоей;
Покорилсѣ-то весь да славный Новъ-городъ,
Выдавали, отдавали золоты ключи.

ХШ. СЕЛО КУЯ.

24. Шевелева Парасковья Ивановна.

Шевелева, извѣстная подъ прозвищемъ Пойловчанки (родомъ изъ д. Пойловой), мать той замѣчатель-

ной старинщицы-дѣвицы 21 года, которая поетъ по словамъ матери 22 старины. П. И. совсѣмъ не поетъ старинъ и спѣла мнѣ женитьбу Олеши послѣ усиленной моей просьбы, спѣла, кажется, въ первый разъ въ жизни, и потому очень плохо. Но прекрасно знаетъ старины ея дочь Акси́ня, выучившаяся пѣть отъ деверя матери и своего дяди, еще въ то время, когда они жили въ деревнѣ Пойловой, теперь уже не существующей. Деревня стояла въ 7 верстахъ ниже Куи по Печорѣ, но каждый годъ полая вода рвала берегъ деревни такъ, что въ концѣ концовъ жители должны были выселиться изъ Пойловой. П. И. Говорила мнѣ, что знаетъ старины и сынъ ея Яковъ, 13 лѣтъ! Сама Пойловчанка съ Мезени родомъ, но съ 17 лѣтъ живетъ на Печорѣ.

95.

Алеша Поповичъ женится.

- Отправлялся Добрыня во чисто полѣ,
Не на много вѣдь поры, да на двадцеть-два года,
Оставляеть онъ свою да любиму симью,
Любиму свою симью, да молоду жону:
5. «Если сполнится мнѣ да двадцеть-два года,
Не сиди-то ты моя да молода жона,
Не сиди-то ты вдовой горькою,
Ты поди-ко-ся да за инá замужъ,
Хошь за бари́на поди, хошь за буя́рина,
10. Не ходи толькѣ за Олѣшинькю Поповица,
Олѣшинькя мнѣ будѣтъ крестовой братъ». Заводило́се у князя пированье-столованье,
Сидѣли они да на чесно́мъ пиру,
Какъ запала-то вѣдь мысль въ ретиво́ серчо,
15. Какъ задумалъ-ыть Олѣшинька женитися,
Какъ на той-то вдовы да на добрыниной:
«Ужъ ты, батюшко Влади́миръ стольноки́евской!
Ты позволъ мнѣ-ка женитися на добрыниной вдовы». Отвѣчатъ ему Влади́миръ стольне́киевской:

20. — Можоть быть Добрыня еще самъ живой.—
Говорить Олешинько Поповицъ-блатъ:
«Я давно вить-то ѣздилъ во чисто полѣ,
Сквозь Добрынюшка трава растѣтъ,
Сквозь Микитица цвѣты цвѣтутъ;
25. Ты позволъ мнѣ на ней жениться,
Ты-же самъ будѣшь мнѣ-ка батюшкомъ,
А княгина-то Апраксія мѣсто матушки,
Какъ ты, старой да Илья Муромецъ!
Ты-же мнѣ быть ты тысяцкимъ;
30. Какъ Цюрило Голошапишко,
Ты будѣшь мнѣ ходить да мѣсто дружки-то». Срежались они да со княземъ-то,
Какъ пошли-то вѣдь да со княземъ поѣздомъ,
Ише къ той-то вѣдь добрыниной родной матушкѣ;
35. Шли-то вѣдь они да ночью-то временѣмъ,
Какъ колотятся они у добрыниной у матушки,
Какъ у тѣхъ-же вѣдь воротъ да у крылецныхъ;
Выходила-то добрынина родна матушка:
«Ише хто-же тутъ колотитъ-то ночью-то временѣмъ?
40. Ише воры-то или разбойники?»
Отвѣцать на то Владиміръ стольнѣкѣвской:
— Запускай насъ, добрынина родна матушка,
Мы идѣмъ вѣдь къ Добрыни на почесенъ пиръ.—
Запускала ихъ добрынина родна матушка,
45. Не воротятъ они въ ложню теплую,
Ищѣ прямо всё идутъ да въ лѣжню спальную,
Гдѣ-то спитъ его да молода жона;
Заходилъ Владиміръ стольнѣкѣвской,
Какъ со тѣмъ-же вѣдь Олешинькой Поповицомъ,
50. Какъ со тѣмъ-же вѣдь стары да Илья Муромцомъ,
Говорятъ они добрыниной молодой жоны:
«Ты ставай-ко-се, вдова со кроватоцъки,
Ты ставай-ко-се съ постелюшки пуховой,
Со кроватоцъки ставай-ко со тисовой,
55. Надѣвайся ты во платицо во цвѣтное,
Ты поди-ко-се съ Олешой ко Божьей церкви,
Принимай-ко-ся съ Олешой золоты винчи». Тутъ не бѣлая лебедушка восклыкала,
У Добрыни молода вдова заплакала,

60. Какъ ставала вѣдь она да со кроватоцѣки,
Какъ брала она въ руки да золоты ключи,
Отмыкала она ящики окованны,
Вынимала она умываньицо румянное,
Вынимала она своё да платье цвѣтное,
65. Надѣвала она своё да платьё цвѣтное;
Еще бралъ-то ей Олѣша да праву руку,
Какъ повѣлъ-то ей Олѣша во Божью церкву,
Принимали они винчи да золотые съ имъ.
Были у Добрыни три ўтѣхи,
70. Были три ворона кормлёныи,
Полетѣли эти вороны кормлёныи,
Гдѣ вѣдь спить-то вѣдь Добрыня во чистомъ поли,
Ище спить-то вѣдь Добрыня во бѣломъ шатрѣ;
Какъ одинъ-отъ вѣдь садилса на сырой дубъ,
75. Какъ другой-отъ вѣдь садилса на бѣль-шатёръ,
Какъ третей-отъ вѣдь садилса на сыру-землю,
Какъ первой-отъ воронъ-отъ воскуркаётъ,—
Какъ удрѣгла вѣдь матушка сыра земля;
Какъ второй-отъ вѣдь воронъ-отъ воскуркаётъ,—
80. Какъ сухое-то пенъе поломалося;
Ищѣ третей-отъ вѣдь воронъ-отъ воскуркаётъ,—
Какъ нашъ-то вѣдь доброй молодецъ пробужаитце,
Отъ великою хмелинки просыпантце:
«Видно есь у насъ надъ городомъ незгодушка».
85. Какъ сряжалса вѣдь Добрынюшка Микитѣвичъ,
Какъ сбиралъ-то вѣдь Добрыня свой бѣлой шатёръ,
Поворотъ дѣржитъ Добрынюшка во свой городъ.
Пріѣжжалъ-то Добрынюшка ноцнымъ временѣмъ,
Какъ колотитце Добрыня у своихъ воротъ,
90. Выходила вѣдь Добрынюшкина родна матушка:
«Ищѣ хто-же тутъ колотитце ноцнымъ временѣмъ,
Ищѣ воры-ли вы ходите, розбойники?»
— Ётпирай-ко-ся ты матушка родимая!
Запусти-ко ты меня удала добра молодца.—
95. Какъ заходитъ вѣдь Добрыня да въ гриню свѣтлую,
Какъ заходитъ вѣдь Добрыня въ спальну ложную,
Какъ вѣдь нѣтъ-то его да молодой жоны,
Ищѣ спрашивать свою да родну матушку:
«Ищѣ гдѣ моя да любима жена?»

- «Те подай Боже, Олѣша, во совѣтѣ жить!»
140. Наливаётъ-то вѣдь чару молода жона,
Ищѣ пьетъ-то вѣдь Добрыня съ едина духу:
«Те подай Боже, молодушка, согласно жить!»
Какъ сываетъ-то Добрынюшка съ правой руки,
Какъ съ правой-то руки да злачёной перстень,
145. Роздвигала-то вѣдь она дубовы столы,
Да падала ему да во рѣзвы ноги:
— Ты прости меня, Добрыня, во первой вины:
Какъ мое-то вѣдь дѣло подневольнѣе.—
Какъ онъ бралъ свою жену да за праву руку:
150. «Проздравляю тебя Олѣша съ молодой женой!
Благодарю тебя вѣдь князь да стольнокиевской!
Ты нашто надѣлса Ильѣ Муромецъ?
Вы ужъ взяли жену да отъ жива мужа».

XIV. ДЕРЕВНЯ НАРЫГА.

25. Никоновъ Василій Артамоновичъ.

Никоновъ пустозерскій старшина, родомъ изъ Нарыги, а двѣ Нарыги большая и малая славятся на Печорѣ обиліемъ старинъ и мастерствомъ пѣть ихъ. Въ Нарыгахъ я, по случаю наступленія времени промысла, не былъ, но В. А. какъ волостного старшину встрѣтилъ въ Пустозерскѣ, гдѣ онъ въ волостномъ правленѣ и разсказалъ мнѣ, что зналъ. Это тоже типичный пустозеръ: маленькій, толстенъкій, съ тихими, немного льстивыми рѣчами. Старины свои сообщалъ мнѣ какъ-то таинственно, послѣ усиленныхъ просьбъ, точно разсказывалъ какую-то тайну, которая только-что случилась у него въ сосѣдяхъ.

96.

Потапъ Ивановичъ 12-ти лѣтъ.

- Подходилъ Шкурлакъ царь подъ Новгородъ,
Хочетъ Шкурлакъ царь взять Новгородъ,
Самолучшую-то силу повыгонить,
Худолучшую силу-то подъ пень склонить.
5. Богатырей во городѣ не лучилосе,
Былъ одинъ Потапъ сынъ Ивановичъ,
Отъ роду Потапъ двѣнадцать лѣтъ;
Приходилъ Потапъ къ отцу, къ матерѣ,
Падаетъ Потапъ въ ноги рѣзвые:
10. «Благослови меня отецъ, да нынѣ матушка,
Выѣхать мнѣ да на чисто полѣ».
Не спускаетъ его да отецъ, съ матерью:
— Ты не ѣзди ты чадо малолѣтної.—
«Дайте благословеньицо поѣду я,
15. Не дайте благословеньицо поѣду-жо».
Сталь-то Потапъ да снаряжатися,
Онъ уздалъ-то, сѣдлалъ да коня доброго,
Заскакивалъ Потапъ да на добра коня,
И не видѣли его посадку молодецеску,
20. Тольки видятъ-то ' поли курива стоитъ.
Наѣхалъ-то Потапъ на рать великую,
На ту-жо Литву, да на поганую:
Праву руку махнѣтъ, дакъ лежитъ улича,
Во лѣву отведѣтъ, дакъ переулками.
25. Отъѣхалъ тутъ Потапъ да во чисто полѣ,
Роскинулъ-то Потапъ да бѣлъ полотненъ шатѣръ,
Заснулъ Потапъ съ тяжелой работы.
Розоспалса Потапъ да тяжкимъ сномъ,
Взели собаки во полонъ Потапа,
30. Сковали Потапа въ чѣпи-оковы,
Повалили Потапа на телѣгу двоеколыщету,
Потенули Потапа ' царю Шкурлаку;
Притенули Потапа ' царю Шкурлаку,
Говорить-то Потапу Шкурлакъ царь:
35. «Склонься мнѣ, Потапъ сынъ Ивановичъ!
Дамъ-то я тибѣ да золотой казны».

- Отвѣчатъ Потапъ сынъ Ивановичъ:
— Кабы былъ-то я, жилъ да на своей воли,
Ссѣкъ-бы у тебя да поплечь голову.—
40. Говоритъ-то Потапу Скурлакъ царь:
Молодой ты, дѣтина, серцомъ заплываишся,
Мнѣ царю да въ рѣчи не даваише,
Склонься мнѣ, Потапъ да сынъ Ивановичъ,
Дамъ тебѣ дочь я въ супружесво».
45. Говоритъ-то Потапъ да сынъ Ивановичъ:
— Кабы былъ-то я, жилъ да на своей воли,
Ссѣкъ бы у тебя голову со дочерью.—
Отвѣчатъ ему нынѣ да Шкурлакъ царь:
«Молодой ты, серцемъ заплываишся,
50. Мнѣ царю да въ рѣчи не вдаваишся».
Потенули Потапа во чисто полѣ,
Ко той ко плахѣ кровавой,
Отрубить у Потапа поплечь голову;
Тутъ Потапъ и расплакался,
55. Въ умѣ-то Потапъ тутъ и взмолился:
«О, присвята мать Богородица!
Я стоялъ-то за Спаса Вседержителя,
Я стоялъ за Присвяту Мать Богородицу,
Я сталъ за чесны монастыри,
60. Я стоялъ за отца, за мать свою,
Я стоялъ за вѣру православную».
Бѣжить по чисту полю калика переходя,
Крычитъ калика громкимъ голосомъ:
«Не бейте Потапа Ивановича,
65. Дайте съ Потапомъ проститисе».
Съ рукъ-то, съ ногъ у Потапа жалѣза обвалилисе,
Съ шеи оковы да окатилисе,
Соскочилъ-то Потапъ тутъ на рѣзвы ноги;
Нечѣмъ у Потапа боронитисе,
70. Отъ рукъ отъ татарскихъ да нечестивыхъ,
Схватилъ-то Потапъ телѣгу двоеколычету,
Билъ-то, ломилъ Потапъ многочисленно;
Побѣжалъ тутъ Потапъ ко добру коню,
Заскочилъ-то Потапъ тутъ на добра коня,
75. Бросилса Потапъ къ царю Шкурлаку:
«Ужъ ты здравуй, шкурлакъ нечестивой царь!

- Не ты-ли мнѣ давалъ, царь, золотой казны?
Не ты-ли-то давалъ царь супружесво?»
Ссѣкъ онъ у сабаки по плечь голову,
80. Ссѣкъ онъ голову и у доцери.

97.

Василій Буслаевъ въ Новгородѣ.

(Отрывокъ).

- Быль жилъ Буславей девеносто лѣтъ,
Не съ кѣмъ Буславей не ссаривалса,
Не съ кѣмъ-то Буславей не здаривалса,
Ноньце Буславей представилса;
5. Оставайтце его да чадо милое,
По имени Василей сынъ Буслаевичъ,
Поступки, пошшапка не отцовскія:
Выйдетъ съ малыма робятами играть на улицу,
Коего за руку схватить, рука вырвитса,
10. Коего за ногу схватить, нога изломитце,
По середочки хватить—жизни кончаитце,
Стали къ матушки ходить, жалобу творить:
«Свое чадо уйми, либо насъ удали».
Тутъ-то Васиньки за бѣду стало,
15. За великую досаду показалоса,
По городу онъ да погуливать,
На колѣнѣ ерлыцьки-грамоты росписывать,
По дороженькамъ грамоты размѣтывать:
«Хто хоцѣтъ исъ-пить готового,
20. Носить хто хоцѣтъ припасѣного
Идите ко Васиньки ко Буслаеву».
Тѣ-же находятъ нѣтъ не пить, не исъ,
Идутъ-то, грѣдутъ ко Васинькѣ Буслаеву,
25. Васинька Буслаевичъ того вязомъ,
Кой ударъ унесѣтъ, того къ себѣ берѣтъ,
Кой ударъ не унесѣтъ того процъ пошлѣтъ.
У вора у Васьки у Буславьева,
Не ушито было не уѣдено,
30. Баско-хорошо было не ухожено,

- Великого увѣчья получено,
Собиралъ-то Буславьевъ на почесень пиръ,
Во первыхъ, на обѣдѣ былъ Оома толстой,
Оома толстой самъ ремесленной,
35. Во вторыхъ-то, былъ Костя новоторженинъ,
Во третьихъ-то, былъ Потаня хроменькѣй.

98.

Кострюкъ.

- Задумалъ грозной царь Иванъ Васильевичъ пиръ
собрать,
Собиралъ онъ многихъ князей,
Собиралъ онъ многихъ купцевъ,
Собиралъ многихъ бояръ къ себѣ,
5. Изъумильною рѣчь выговаривать:
«Я задумалъ, братцы, женитисе,
Не у насъ на Москвѣ, въ проклятой Литвѣ».
До петисотъ поѣжжанъ наметалосе,
До трехсотъ провожатыхъ собиралосе;
10. Всѣ на пиру да напивалися,
Всѣ на чесномъ да наѣдалися,
Только одинъ проважатой не пьѣтъ, не ѣсъ,
Не пьѣтъ онъ, не ѣсъ, нечѣмъ не тѣшится,
Именѣмъ его зовутъ нынѣ Кострюкъ-Мострюкъ
Степановичъ.
15. Подходилъ-то дядюшка Микита Романовичъ:
«Што-же ты, Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ,
Што-же ты не пьѣшь, не ѣшь, не тѣшишсе?
Съ хорошими людьми ты не нежишсе?»
Отвѣчатъ-то ему да Кострюкъ-Мострюкъ:
20. — Я прошолъ-то семь городовъ,
Поборолъ я семь борцовъ,
Пострѣлилъ-то я семь стрѣльцовъ,
Посрабилъ я всѣхъ стрѣльцовъ,
Я желаю-бы со рускими борцами поборотисе.—
25. Выходилъ-то дядюшка Микита Романовичъ,
На то крыльцѣ на прекрасное,
На то кружало государево,

- Зычитъ-то кричить громкимъ голосомъ:
«Нѣтъ-ли у насъ въ городѣ боротисе?»
30. Зычитъ-то дядюшка во второй разъ,
Самъ-то рвѣтъ свою сѣду броду,
Самъ-то брады приговаривать:
«Ужъ ты, сѣда моя брада!
Ты достанешся рвать видно рукамъ тотарскимъ,
35. Видно будѣтъ пріотвѣдатца самому старику».
Крычитъ-то, зычитъ Никитушка во третьей разъ.
Съ того-же славна царева кабака,
Идутъ-то два названные два брателка,
Одного именѣмъ зовутъ Васинькя маленькѣй,
40. Другого зовутъ Потанюшка хроменькѣй,
Костылѣмъ-то Потаня подпираетця,
Впередъ-то Потаня подаваетця,
Васинькя маленькѣй мастеръ стрѣлетисе,
Потанюшка хроминькѣй мастеръ боротисе.
45. Приходятъ 'ны къ тому-же кружалу государеву:
«Ужъ ты здраствуёшь, дядюшка Микита Романовичъ!
Для чѣ-то тебѣ да люди скоро надобны?»
— Желать-то провожатой съ рускими борцами
поборотисе,
Желать-то съ рускими стрѣльцами пострѣлетися,
50. Тотъ-же Кострюкъ-Мастрюкъ Степановичъ;
Онъ вѣдь по полу идѣтъ, колѣнки жмѣтъ,
На лавицу сядица куну берегѣтъ,
Это не быть, братцы, мущина, быть женщина.—
«Ужъ ты ой еси, дядюшка Микита Романовичъ!
55. Доложся-косъ Ивану Васильевичу,
Ивану Васильевичу царю грозному:
Велитъ-ли онъ мнѣ да побороть Кострюка,
Побороть его, съ его платьѣ снетъ,
Платѣ снетъ, нагого спустить».
60. Отвѣтилъ тутъ имъ Иванъ Васильевичъ,
Иванъ Васильевичъ, самъ грозной царь:
— Лишь-бы Богъ помогъ.—
Подходилъ нынѣ дядюшка къ дубову столу,
Говоритъ-то нынѣ дядюшка таково слово:
65. «Што братцы, бояра, господа!
Што братцы, господа, провожатыи!

- Што-же Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ!
Не пьёшь, ты не ѣшь, не тѣшишься?
Ты съ почётными людьми ты не нежишься?
70. А питья-то и ѣствы у насъ на столѣ,
А борцы у насъ на дворѣ».
Соскочилъ тутъ Кострюкъ-Мострюковичъ на рѣзвы ноги
У Кострюка тутъ сэрцо зрадоваласе,
Скоцилъ-то Кострюкъ черезъ дубовой столъ,
75. Стопталъ-то онъ трѣхъ Степановыхъ, трѣхъ, Юлановыхъ.
Выходили они да вонъ на улицу,
А хватилисе съ Потанюшкой боротисе;
Во первыхъ-то Потанюшку бросили,
Во вторыхъ-то Потанюшку бросили,
80. Во третьихъ-то Потанюшка справилса,
За рубашаньку Потанюшка зграбилса,
Металъ Кострюка-Мострюка сына Степановича,
Металъ его выше народа стоечего,
Бросилъ его о сыру землю,
85. Платье снялъ, да нагого спустилъ.
Соскочилъ-то Кострюкъ на рѣзвы ноги,
За углы Кострюкъ забирайтца,
Долонью пирогъ прикрываётъ;
Тутъ-то Потаня пострамилъ её.
90. Выговаривалъ имъ грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Пойте удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Зеленымъ виномъ да базденежно,
Богъ пособилъ да пострамити имъ».
Понесла-то гнѣвъ царица на царя Грозного
95. Руку накинётъ, дакъ пышитъ одва,
Ногу накинётъ, дакъ дышитъ одва;
Выходилъ Грозной царь за ворота вонъ,
Переложилъ-то платье его дядюшка Микитушка,
Снялъ онъ съ ней роту—дубьёмъ отодралъ.

Кострюкъ рассказанный Василиемъ Арт. Никоновымъ оканчивается такъ: царица Марья хотѣла задушить Ивана Васильевича за то, что тотъ позволилъ Потанѣ осрамить ея родную сестру. Узнавъ о покушеніи, дядя царя Никита Романовичъ «снялъ съ ней роту—дубьёмъ отодралъ».

Князь Гогаринъ.

- Милъ седишь возлѣ меня,
Гледишь радость на меня,
Чѣлуешь и милуешь,
Крѣпко къ сѣрцу прижимашь,
5. Разлапушкой называшь:
Разлапушка дѣвушка,
Бѣлая лебѣдушка,
Твоя русая коса
До шолкова пояса,
10. До шолкова пояса
Твои кудрявы волоса.
Понизъ воды плывутъ стружки,
На стружкахъ сидятъ дружки,
Они играютъ въ тварожки, (такъ!)
15. Хорошо дружки играютъ, выговариваютъ,
Выговариваютъ, сами Гогарина бранятъ:
«Заѣдаетъ воръ Гогаринъ нашо жалованье,
Харчево и годово, нашо денежно».
На эти воръ на деньги онъ полаты становилъ,
20. Полаты становилъ да бѣлокаменные,
Онъ и своды-те сводилъ, своды серебряные,
Онъ вѣдь трубы-те трубилъ, трубы мѣденны,
Какъ не хуже и не лучше государёва дворца,
Только тѣмъ однимъ похуже—золотого ерба нѣтъ.
25. «Еруславъ-бы городъ спобывать,
Да царя-бы увидать,
Золотой-бы ерлыкъ кунить
Да верхъ-ѣтъ вызолотить».
За тѣ-же словеса опредѣлили молодца:
30. Его на лёкку работку—на каторгу,
На вѣчно житьё-бытьё—на вѣселицу.
-

100.

14-е декабря 1825 г.

Молодой солдатъ да на чесахъ стоитъ,
Стоячись-то солдатъ да расплакался,
Зинуль ружьёмъ солдатъ въ сыру землю:
«Ты роздвинся, раздвинся мать сыра земля,
Ты откройся, откройся гробова доска,
Розорвись-кѣ, рѣзорвися рущата камка,
Ты возстань-кѣ, возстань нашъ благовѣрной царь,
Благовѣрной царь Алексантъ Павловичъ!

25. У насъ всё-то нынче не попрежнему,
Придумали, братцы, бояришка думу крѣпкую:
«Кому, братцы, изъ насъ да государёмъ быть?
«Государёмъ быть, да акитантомъ слыть?
«Государёмъ-то быть князю Вильянскому,
30. «Акитантомъ слыть князю Волхонскому».
Воспрошлышело его да ухо правое,
Разсадили ихъ по тѣмнымъ кибиточкамъ,
Розвозили-то ихъ да по тѣмнымъ тюрьмамъ.

101.

Жена разбойника *).

Изъ подъ кустышка было ракитова,
Изъ подъ камешка было сѣрого,
Протекала-то-де рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, вода холодная.
5. Во этой рѣчки быстрей, въ водѣ холодной,
Красна дѣвушка она мылася,
Бѣдна бѣлилася,
Она мылась, слезно плакала,
Красоты она своей дивилася:
10. «Красотали ты моя, красоточка!
Охъ ты счастье-ли мое, счастьяще!
Талану-участи доля горькая!
На роду-ли то да мнѣ написано,
На дѣлу-ли то да мнѣ досталосе,

*) Пѣсня эта взята изъ переданной мнѣ тетрадки, заключающей 18 пѣсень. Пѣсни записалъ съ голоса мѣстный крестьянинъ Егоръ Ивановичъ Дитятевъ, прошедшій курсъ сельской школы.

15. Въ жеребьи-ли мнѣ сповыпала:
Жениховъ-ли про меня не было?
Сватовья-ли на мнѣ не сватались?
Изъ бояръ-то-ли да сватались бояра,
Изъ купцовъ-то-ли сватались на мнѣ купцы,
20. Изъ крестьянъ-то-ли сватались молодчики;
Какъ нынѣ отдалъ меня родной батюшко,
Просватала родна матушка,
Какъ за вора, да за разбойника,
За ночного да подорожника;
25. Со вечера да онъ коня сѣдлалъ,
Со полуночи въ розбой сѣзжалъ,
Къ утру-свѣтичку домой вѣзжалъ;
Онъ кричитъ-зычитъ собачьимъ голосомъ:
«Ты ставай-ко-ся, жена немилая!
30. «Немилая жена, постылая,
«Добывай огня скорѣхонько,
«Затопляй-ко печь крутѣхонько,
«Ужъ ты грѣй-ко-ся воду ключавую,
«Ужъ ты мой-ко-ся платье кровавое,
35. «Кровавое платье, разбойническое».
Я ставала млада скорѣшинько,
Топила печку крутѣшинько,
Я нагрѣла воды ключавоей,
Я стирала платье кровавое;
40. Перву вымыла я, не раздѣрнула,
Втору вымыла, да развѣрнула,
Нашла эту рубашеньку, знакомую,
Знакомую рубашечку, примѣтную;
Закричала я громкимъ голосомъ,
45. Закричала я, сама заплакала:
«Ожъ ты гой еси, ладо немилое,
Немилый и постылый!
Ты пошто убилъ моего брата любимого?
Своего шурина постылаго?»
50. — Не я убилъ твоего брата любимого,
Своего шурина постылого,
Не я убилъ—убила темна ноченька,
Подстрѣлила калена стрѣла.—

Словарь мѣстныхъ словъ *).

Ажъ 21, 10—ужъ, уже? см. Ожъ.

А к и т а н т ъ, 100, 30—адъютантъ.

Ала́бышъ 47, 197—въ смыслѣ ты́пышъ. Первоначальное значеніе см. Алябышъ.

Алавина или Улавина 64, 63—жесткая трава, растеть у воды.

А-и ле, Але 21, 30—или.

Аля́бышъ, чаще Ала́бышъ 1, 181—особаго рода блинъ; отсюда Ала́ды, Ала́шки напр. въ Вятской губ.

Бадья́ 7, 51—деревянное ведро съ узкимъ дномъ и широкимъ верхомъ, привязанное къ веревкѣ; достаютъ воду изъ колодцевъ.

Балба́нъ 24, 99—болванъ, деревянный обрубокъ.

Банке́товать или еще Панке́товать 37, 72—пировать.

Ба́рдовать 94, 286—слушать, понимать.

Баса 1, 146—красота, прелесть.

Баско-хорошо 4, 8—прекрасно, красиво.

Безче́сьё 1, 285—несчастье.

Берша́тыя сумки 46, 9—узорчатыя.

Берщатыя скобки у сапогъ, 27, 18—м. б. отъ берча́тъ—бренча́тъ, по «олонецкому нарѣчію» Кулик.

Бладѣ́нь 40, 13—младенецъ.

Бла́дой, бла́дь 12, 33—молодой.

*) Первая цифра обозначает № былины, вторая цифра—ся стихъ, гдѣ находится слово; сокращеніе „см“, значить с м о т р и; сокращеніе „въ см.“—что приводимое слово употреблено пѣвцомъ въ данномъ мѣстѣ былины въ смыслъ такомъ-то.

- Блевать, вѣблевать 59, 143—вырвать.
Бой 1, 270—въ смыслѣ оружіе.
Бóльнѣ, больно 2, 171—въ смыслѣ очень.
Брѣтаться 1, 261 — дѣлаться брѣтьями, мѣняться крестами.
Брѣтина. 88, 26—напитокъ.
Брѣтня 12, 11—металл. сосудъ, изъ котор. пьютъ пиво и квасъ—(Подв. Архн. Кулик. Олон.).
Буѣвая палица 19, 113—боѣвая, для боя, для битвы.
Буржумѣцкое 19, 117 — Бурзомѣцкое копѣ 6, 136—мурзамецкое, мурзинское.
Бурзумѣнтъ 30, 6—извращенное слово позументъ.
Вѣровать 7, 103—слушаться; 2, 31—вѣрить.
Варово 21, 35—быстро, проворно.
Варóвой 63, 8—проворный, быстрый.
Вальѣжный 24, 180—красивый.
Взѣбыль 2, 149—на самомъ дѣлѣ, дѣйствительно.
Взрадовѣться 19, 54—обрадоваться.
Верхóвишшо, Верхóвище, 86, 165—темя.
Внóго 12, 10—много.
Водѣться при борѣбѣ 86, 135—схватившись другъ съ другомъ руками ходить, до момента когда роняютъ другъ друга.
Вóжлокъ или Вѣжлокъ 1, 66—собака.
Возгрѣивать 54, 47—см. грѣять.
Волочѣжная сѣка 21, 163—безпризорная, бездомовая см. волочиться.
Волочѣться 20, 304—бродить безъ призору, также: валяться безъ вниманья.
Ворóхнуться 88, 51—шевелиться.
Ворошѣть стр. 256—трóгать.
Воскурканье 20, 334—куркать—каркать.
Востѣрзанье 20, 335—растерзанье.
Врѣндовать, не врѣндовать 53, 114 — слушать, не слушать.
Въ любы придуть 24, 73 — будутъ въ пору, полюбятся.
Вѣжилъ 7, 118—въ см. выслужилъ, заработалъ.
Вѣзнять 1, 382—поднять высоко.
Вѣкрошить, повѣкрошить 18, 243—перебить.

- Выпнуть двери 2, 51—сломать ногами.
Вышибаться изъ рѣчей, 14, 10, шибовиту жить 14,
63—говорить то, что не слѣдуетъ, лишнее.
Вѣчихнуть 37, 222—выскочить внезапно.
Вѣшво 84, 45—вѣжливость.
Галань 27, 110—гавань.
Гни́ла, Гни́лка 24, 142—глина, глина.
Гнусина 82, 125—мышь. Гнусъ—общее наз. кома-
ровъ, мошекъ, оводовъ.
Годовъ петішта-же» 63, 43—годовъ пяти.
Гораздъ 94, 156—ловокъ.
Горазна играть 11, 157—хорошо играетъ.
Гортань 85, 76—въ см. горло.
Граять 37, 111—каркать.
Гредуть 97, 24—идутъ.
Гриня 3, 132—комната для собранія дружины.
Громить 25, 10—въ смыслѣ стучить.
Громѣть 1, 92—гремѣть, производить грохотъ, шумъ,
говорить громко.
Гру́бый ручей 51, 3—сильный, бурливый.
Грядка 25, 24—полка у стѣны въ избѣ.
Гузно́ 86, 146—сѣдалищная часть тѣла.
Гума́га 26, 47—бумага.
Даванце въ принеты 66, 114—дается, идетъ въ
принятые въ домъ.
Даръ божій 19, 20—въ см. хлѣбъ.
Де́рнуть, Оде́рнуть 66, 59—внезапно ударить.
Дице́-де всѣхъ 27, 384—дичье всѣхъ, всѣхъ глупѣе,
дураковатѣе.
Дозво́ль 17, 103—позволеніе.
Докуча́ться 49, 81—добиваться.
Доло́нь 77, 30—ладонь.
Доспѣть 20, 157—случиться, сдѣлаться, но и сдѣлать.
Дребезги 11, 130—разбить въ мелки дребезги—на
мелкія части.
Дробі́на 85, 96—гуща.
Друга́стольки 42, 31—въ другой разъ столько-же.
Другі́жды 25, 87—въ другой разъ.
Думучісь 7, 18—думая.
Дыбу́нь, дыбу́чее болото, 19, 170—зыбунъ, зыбучее

б., тряси́на; поросшее мохомъ и болотн. растеніями земля, на которой выступаетъ изъ подъ ногъ вода. «Арх. Нар. Подв.»

Дѣитце 37, 197—дѣлается.

Дѣльнѣ 2, 120—правильно, справедливо.

Е 22, 404—есть.

Ёбзадѣрюсь 20, 196—см. обзадорюсь.

Ёбѣннѣ 10, 10 обѣдня.

Едрѣной 63, 10—крѣпкій, сильный.

Ёжъ 23, 223—ожъ,

Ёкой 22; 413—экой.

Ёммѣнимсе 20, 40—обмѣнимся.

Ёрдѣ 26, 13—орда.

Ётоѣ 39, 27—эта.

Еѣицѣрь 15, 26—офицеръ.

Ёхвота 7, 130—охота.

Ёчесливой, Очесливой, 3, 47—относящійся къ кому
ниб. сообразно его чести, вѣжливый.

Ёчунь 9, 84—очень.

Жѣлится, На жѣлится 23, 81—жаловаться, На-
жаловаться.

Жѣребцы 22, 206—жеребцы.

Жѣребей 94, 209—въ см. часть.

Живѣтъ 17, 57—имущество.

Забавляться 2, 84—развлекаться.

За бѣдѣ стало 22, 200—обидно, оскорбительно пока-
залось.

Завѣдѣ у руки 1, 325—сочлененіе между кистью и пред-
плечьемъ.

Загрѣзить, Грѣзить 17, 20—шалить, проказничать,
бѣдокурить.

Зѣлѣзной 23, 350—желѣзный.

Замѣняться людьми 9, 13—см. засыпаться.

За невѣдѣ, 1, 115—не изъ за чего, изъ за пустяковъ.

Запихѣтъ 12, 66—затолкать, всунуть.

Заплывчивой родъ 24, 213—гнѣвливы́й, вспыльчи-
вый. Заплывчивое сердце—обидчивое, завистливое.

Засѣльщина 85, 101—въ см. деревенщина, необразо-
ванный.

Заспѣтъ 20, 138—заснуть; заспѣлъ—уснулъ.

Засыла́ться людьми 9, 12—посылать людей вмѣсто себя.

Захлѹпывать 37, 220—захлѹпывать, накрывать чѣмъ нибудъ.

Заю́тренья 22, 28—заутреня.

Здохъ, 26, 267—отдыхъ.

Здря, зря 2, 175—напрасно.

Звора́чивать 20, 274—поврачивается.

Згра́биться 98, 81—схватиться крѣпко, вцѣпиться.

Зеле́нѣшинѣкъ 6, 118—въ см. очень молодой.

Злачные перстни 3, 32—золотые.

Знаменѹется гора 6, 18—видится, показывается.

Зревѣть, взревѣть 20, 240—вскричать, закричать.

Зрить 81, 156—глядить.

Зрыдова́ласе 54, 103—возрадовалась.

Зрѣть 1, 43—смотре́ть.

Зы́кнуть 17, 46—въ см. ударить изъ всей силы; обыкновенно-же—крикнуть громко;

Зыча́ть—кричать; зычный голосъ 2, 192—громкій.

Извихну́лись 1, 281—вывихнулись, выскочили изъ своихъ мѣстъ.

Изгиля́ться 45, 296—издѣваться, глумиться.

Има́льникъ, има́льники 22, 397—ловцы.

Има́ть 19, 194—ловить.

Изорва́нчать 30, 5—въ см. узорчать, узорчатый.

Ись, пойсь 26, 7—ѣсть, поѣсть.

Искита́ться 45, 296—см. изгиляться.

Йскопы́ть 37, 134—слѣды отъ копытъ по дорогѣ.

Исподній 24, 132—нижній.

Ищерба́иться 1, 269—зазубриться.

Кака́ эка 4, 181—какая этакая.

Кали́ка, 20, 1—нищій, который поетъ духовные стихи.

Киски́ 57, 260—тиски.

Кичи́га, кичи́ги 4, 82—палка аршинъ двухъ величиной, на концѣ утолщенная и загнутая; кичи́гами молотятъ на Печорѣ хлѣбъ.

Клюка́ 5, 106—палка, посохъ.

Коври́га 19, 20—чистый ржаной, безъ примѣси ячменной муки хлѣбъ.

- Кокóра 88, 156—утолщеніе дерева въ корнѣ.
Кольцiюжина 23, 116—кольчуга.
Колыхáться 82, 131—смѣяться.
Конáться 59, 136—просить, упрашивать, добиваться.
Кóпотъ 1, 60—пыль.
Коры́сть 19, 162 — польза; чужá коры́сть — чужая польза.
Косiца 78, 80—високъ.
Косiвчато, косiщато 3, 102—обшитое досками.
Кóшка подводная 90, 86—песчаная или каменистая мель на взморьѣ.
Кóя 1, 330—какого.
Красно-трубно-окно 4, 148—окно въ черной, курной избѣ, куда выходитъ дымъ, когда топятъ печь.
Крестóваться 26, 342 — обмѣняться крестами, въ знакъ братскихъ отношеній; равнозначуще — брáтаться.
Крестóвушко 81, 28—крестовый братъ.
Кровáвиться 1, 267—запачкиваться кровью.
Кружáло государево 4, 136—казенный кабакъ.
Крúто, крутёнько 94, 53—скоро, скоренько.
Кунá 23, 302—въ см. женск. половыхъ органовъ.
Кури́ва, Куревá 1, 151—дымъ, пыль.
Кúропать, жен. р. 23, 361—куропатка.
Кычкó, кычки 21, 164—собака, кобель; на Печорѣ собакъ кличутъ кычó-кычó.
Лáдять 19, 192—хотятъ, намѣреваются.
Лёсни 37, 160—ясли.
Лёжня теплая, Лóжня 25, 21—спальня.
Лудá 90, 85—каменистая прибрежная мель.
Манiться 14, 40—годить, ждать.
Мáтица 26, 340—въ см. середина.
Мiса 65, 38—чаша.
Молéбна 49, 123—молельня.
Муравленка-печь 16, 26—покрытая глазурью.
Набъ 16, 2—надо; не набъ—не надо.
Надёрнуть 25, 55 — надѣть на скорую руку; надёрнулась—надѣла наскоро.
На дымъ спустить 1, 93—сжечь.
Надѣвайся 95, 55—одѣвайся.

- Накида́ть, накинывать платье 35, 28—надѣвать.
Нако́нь 1, 243—разъ; во первой зако́нь — въ первый
разъ.
На опо́рь 2, 17—на споръ.
На попла́въ воды 1, 96—бросить въ воду плыть.
Напроку́чить 14, 56—надоѣсть, разсердить, набѣдо-
курить.
Напу́скъ 1, 164—нападеніе, наѣздъ.
Нару́шить 4, 248—убить.
Наса́дка у ко́ня 1, 280—мѣсто, гдѣ желѣзный конецъ
ко́ня прикрѣпляется къ пикѣ.
Наше́сточка 90, 115—нашесть — скамейка для греб-
цовъ въ промысловомъ суднѣ.
Не ётслышенъ быль 94, 14 — не ослышался, послу-
шался.
Не поклёпной сынъ 6, 109—на самомъ дѣлѣ сынъ,
дѣйствительно.
Нела́дичка 37, 92—беспорядокъ.
Непоку́ль 50, 37—не какъ.
Непоце́ 20, 199—незачѣмъ.
Несура́дливой во хмелю 81, 95—задорный, спор-
ливый.
Не упа́дывать говорить 3, 86—не падать духомъ.
Неце́ 4, 182—ничего.
Нни 19, 11—дни.
Ноче́сь 2, 127—прошлою ночью.
Обзадо́рился на це́ 20, 52—прельстился чѣмъ.
Обѣща́ться 19, 77—въ см. дать обѣтъ.
Оболока́ть 24, 167—надѣвать.
Обрю́шиться 24, 203—обрушиться, свалиться.
Оверну́ть, оберну́ть 21, 152 — волшебное дѣйствіе,
сдѣлать, напр., изъ человѣка звѣря; Отверну́ть 21, 154—
дѣйствіе обратное,—опять изъ звѣря человѣка.
Огу́мённый 80, 236—живущій на гумнѣ.
Одва́ 1, 186—едва.
Одѣва́льница 94, 78—одѣяло.
Ожъ 22, 135—ужъ?
Окарачъ 19, 238—«паль на о́карачъ», положеніе тѣла
въ согнутомъ состояніи, когда человѣкъ стоитъ, упираясь
въ землю руками и ногами.

Окользди́лась нога 1, 287—подскользну́лась, покати́лась, осту́пилась.

Опочи́нутце 4, 255—отдохнуть, оправиться.

Отда́льтеся 94, 226—отойдите.

Отопрѹ́жилъ 2, 157—опрокинулъ.

Отъ ся 22, 52—отъ себя.

Оттѹ́ль 11, 131—оттуда.

Отшанѹ́ла 94, 230—отшатну́лась, отошла.

Отя́пышь, Тя́пышь 1, 180—шленокъ, ударъ по тѣлу, отъ слова тя́пнуть—ударить.

Оче́сливый, 1, 129—вѣжливый.

Па́губокъ, 19, 230—поддубокъ.

Пажо́ная тюрьма, 42, 5—гнилая, сгнившая.

Пай 17, 58—часть.

Па́нзырь 20, 60—панцырь.

Пѣ́льки, 86, 148—женскія груди.

Перева́рь 26, 106—напитки, сваренные на праздникъ: квасъ, пиво, брага и пр.

Переньнѣ́й 27, 54—передній.

Перепались 37, 67—испугались.

Перепа́хнула вѣ́тру полоска 1, 301 — про-неслась.

Перста́нки 24, 50—перчатки.

Пере́читься 21, 5—спорить.

Пере́щенать 24, 149—взять верхъ, превзойти.

Пилька́ть, роспи́лькивать, прироспи́льки-вать 29, 8—глядѣть, разглядывать, подслѣповатыми гла-зами, насмѣшливое выражение.

Пласта́ться 17, 83—дѣлать что-нибудь усиленно, изо всѣхъ силъ.

Племя́денка, племя́ненка 37, 65—племянница.

Плёнка 80, 138—сѣтка для ловли птицъ.

Плестъ, Наплестъ стр. 59—врать, придумывать.

Пло́тныи сонъ 1, 394—крѣпкій, восстанавливающий силы.

Пова́льня 75, 106—сильная буря на морѣ.

Поваре́почка, поваре́нка 5, 8—большая дере-вянная или жестяная разливательная ложка.

Поворо́тъ давать 8, 62—въ см. идти обратно.

Подме́тывать, 1, 86—подбрасывать.

- Подопну́лась нога, 21, 70—запнулась.
Подпасть подъ что-нибудь 26, 236—навалиться всѣмъ тѣломъ, чтобы уронить или пошевелить.
Подпина́ться 19, 258—запина́ться.
Подуто́маньё 1, 13—подъатаманъ.
Погалиться, Галиться 11, 164—смѣяться зло, издѣваться.
Поизы́ть 2, 181—выйди.
Пойсь 47, 154—поѣсть.
Полени́ца 3, 7—богатырша.
Положе́нье 89, 58—даръ по обѣту.
Покатилась съ плечъ голова 5, 49—въ см. опустилась.
Помѣшкать 73, 149—подождать.
Понафѣ́да 49—128—панихида.
Поно́сить, 27, 106—нести.
Поня́ть стр. 3,—въ см. выучить наизусть, напр., понять старины.
Пора́то 4, 180—очень, сильно.
Пори́пкивать 75, 99—помигивать, рипа́ть — часто мигать глазами.
Порозное мѣсто 64, 39—свободное мѣсто.
Поро́ть груди 1, 294—рѣзать.
По́рскнуть 77, 35—отъ слова по́рскъ,—звукъ при разрывѣ ткани; по́рскнула—разорвалась издавая звукъ.
Послать на ускору́ю 81, 82—на́скоро.
После́нни-жъ 22, 221—въ послѣдній разъ.
Поспро́вѣдать, провѣ́дать 47, 246—узнать, разузнать.
Пото́пить очи 1, 200—опустить глаза въ землю.
Потреби́ль 5, 108—въ см. извелъ, уморилъ.
По́ршни 85, 131—кожанная обувь безъ голенищъ, нѣчто вродѣ туфель, только для хожденія не дома, а на работѣ.
Потяну́ть телѣ́гу 96, 32—повезти.
Походи́ть 27, 105—идти.
Престави́лся 59, 6—умеръ.
Пригиба́ютъ съ клятвой 2, 25—наговариваютъ, лжесвидѣтельствуютъ.
Пригоди́ться 1, 399—быть гдѣ-нибудь въ извѣстное время кстати.

- Прижнѣть 1, 226—признѣть.
Прилучилось 1, 347—пришлось.
Припадѣть на ногу 11, 95—хромать.
Приразляпаться 3, 13—разболтаться.
Приправа богатырская 1, 221 — вооруженіе богатыря.
Приставиться 21, 6—преставиться, умереть.
Проклаждѣться 9, 8—проводить время пріятно.
Просвистѣла рѣка 4, 1—протекла быстро.
Простѣться 4, 257—въ см. извиниться.
Протолмѣчивать 26, 58 — говорить, переводить съ
съ одного языка на другой.
Пуинки 2, 191—привязь коня.
Пурга-падера 70, 34—снѣжный буранъ въ морѣ.
Пѣшехонъ 58, 10—пѣшеходъ.
Разрушивать залогъ 19, 174 — нарушать обѣтъ.
Раниться 1, 267 — получать раны.
Растулить 20, 172 — вынять втулку, тулку, деревян-
ный гвоздь изъ бочки, замѣняющій кранъ.
Ратиться 5, 127 — драться, воевать.
Ревѣть, заревѣть 1, 203 — въ см. кричать.
Релѣ, рѣлѣ 12, 54 — горка, холмъ, возвышенность въ
Олон. г. по Кулик.; въ былинѣ употребляет. въ смыслѣ
висѣлица.
Робить, сробить 51, 20, 21 — работать, сдѣлать.
Ровно-неровно 1, 217 — какъ будто, подобно тому,
какъ.
Рогозина 18, 130 — рогожа.
Родъ свестѣ 9, 17 — породниться.
Разсвистѣть 1, 418—разбросать.
Розволочатъ 22, 208 — розволокутъ, растащатъ въ
разныя стороны.
Роздубанить 62, 54 — раскупорить.
Размыкать книгу 78, 45 — раскрывать.
Росколыбѣться 37, 112 — расшататься.
Росполубить 74, 40 — раскупорить.
Ростанъ 19, 148 — розстанъ, перекрестокъ, пересѣченіе
дорогъ.
Ростарзанье 1, 421 — растерзанье, расхищенье.
Ростолочатъ 22, 207 — растолкутъ, растопчутъ.

- Рѹшатъ хлѣбъ 64, 53 — рѣзать.
Сѧрцо 86, 73 — сердце.
Сбрѹня 1, 220 — сбруя.
Сбѹдетсе 2, 144 — сбудется.
Свѣснулъ 1, 303 — сбросилъ, бросилъ.
Сѣдни 2, 135 — сегодня.
Сенѡтъ 15, 6 — сенать.
Сѣреда, 3, 78 — полъ въ избѣ.
Силѣменка 40, 24 — соломенка.
Скѡлькѣро 51, 47 — сколько; употр. крайне рѣдко.
Скопотѣтъ пески 80, 94 — поднять пыль.
Смердъ 85, 100 — въ см. мужикъ, человѣкъ низкаго происхожденія.
Сметѣя 20, 305 — помѡи, соръ.
Содѣлось 20, 198 — сдѣлалось.
«Спасѧли князя» 47, 99 — говорили спасибо, благодарили.
Спѣчка, спѣца 25, 25 — деревянный гвоздь, вбитый въ стѣну, на которомъ вѣшаютъ платье.
Сподоблѣться 1, 136 — приготовляться къ чемунибудь серьезному.
Способствовать 18, 96 — пособлѣть, помогать.
Состѣгъ 47, 238 — настѣгъ.
Состѡялось 20, 189 — сдѣлалось.
Срѣньней 27, 52 — среднѣй.
Степъ лошадиная, 1, 145 — спина у лошади.
Столѣшенка, столѣшница, 4, 216 — доска на столѣ.
Стрѡсь 28, 101 — трость.
Ступѧтъ 23, 241 — при игрѣ въ пѣшки, ходить.
Субѡй 11, 52 — быстрое мѣсто на рѣкѣ или въ морѣ, гдѣ вода бѣтъ.
Сугѡнъ 5, 120 — погоня.
Сурѣдѣтъ 80, 172 — снарядить.
Сыспѡлнилось 86, 136 — исполнилось.
Тѡщится казна 23, 113 — тратиться.
Трепѣтъ 93, 198 — рветъ, треплетъ.
Трупѣ 9, 101 — въ см. мертвое человѣческое тѣло.
Тылъ 78, 76 — затылокъ.
Тѹни 38, 8 — сапоги изъ оленьяго мѣха.

Тя, 22, 407—тебя.

Тя́шыпъ 47, 196—ударъ ладонью по тѣлу, отъ слова
тя́пнуть, ударить.

У дѣ́лѹ 4, 234—при дѣлежѣ.

Удро́гнуть 95, 78—дрогнуть, задрожать.

Ука́тиста, Ока́тиста гора 22, 143—крутая, обрывистая.

Ува́листа гора 22, 143—противоположная крутой.

Улива́ться слезами 49, 133 — обливаться, горько плакать.

Улыска́ться 49, 140—насмѣхаться.

Умы́лка 45, 31—улыбка; умыля́ться—улыбаться.

Умы́льная поглядочка 27, 40—умильная, веселая.

Умы́льные слезы 49, 130—умильные.

Умыля́ться 49, 134—улыбаться, усмѣхаться.

Уно́жь 11, 55—поль подъ ногами, въ данномъ случаѣ палуба; упасть подъ уно́жь—подъ палубу, въ трюмъ; на уно́жь—на палубу.

Усторонѣ́лись 94, 136—отошли въ сторону.

Уча́ль 90, 8—началь.

Учу́ль 94, 102—почувствовалъ.

Учу́ть, учу́ять 1, 133—услышать.

Ушѣ́нка 57, 268—заноза.

Флю́гарь 4, 23—флюгеръ.

Хвостать, похвóстывать 94, 208—хлестать, похлестывать.

Хилé 86, 198—хуже.

Хребѣ́тница 22, 352—хребѣтъ, спина.

Хро́мина посторóнная 19, 8—отдѣльное помѣщеніе; хоромина.

Хру́щатá камка́ 8, 43—шелковая цвѣтная ткань съ узорами.

Чеблѣ́ты 4, 42—штиблеты.

Че́рево 12, 42—въ см. женск. половыя органы.

Черка́льчето сѣ́дло 19, 129—черкасское.

Че́ или це́ 3, 104—чего, что.

Чо́боты 80—242—сапоги.

Чума́къ 16, 13—цѣловальникъ, кабатчикъ.

Чу́ять 19, 263—слышать.

Чѣлкомъ пехнулъ 20, 279—всунулъ цѣликомъ, все, безъ остатка.

Шабáшить 4, 225—кончать какое нибудь дѣло.

Шалабóлка 23, 379—неважная, незначительная вещь бесполезная вещь.

Шйшка стр. 37—передній, наиболѣе опытный бурлакъ.

Шóлонъ окатистая 24, 6—холмъ.

Шолы́га 85, 133—дубина.

Шти 1, 228—щи.

Штóфъ 30, 10—въ смыслѣ штабъ-офицеръ.

Шурмовáть 1, 93—ударять, бросать.

Щанъ 88, 18—чанъ.

Щéлья 50, 51—гора на берегу рѣки или моря.

Щикъ 41, 14—штыкъ.

Щу́палы 10, 63—шесты для опредѣленія дна.

Ыщэ 22, 167—еще.

Этамъ 2, 133—здѣсь.

Этта 22, 437—здѣсь.

Ягодица 79, 39—щека.

Ясáкъ стр. 37—напѣвъ пѣсни или былины.

Указатель именъ *).

Абатѹй Абатѹевъ царь, 264—9.

Авдотья Микулсна, жена Данила Староильевича 166—8.

Авдотья дочь Облудишна 47—8; Авдотья Блудова вдова 193—4.

Авдотья Семеновна, дочь Семена Лиховитова 186—191.

Акіѣнъ-море 310.

Алѣтырь-камешокъ 132, 136; онъ-же Латырь.

Александръ Павловичъ, царь 158, 183, 401.

Александръ II, царь 62—64.

Алѣша Полувѣреннѣ, сынъ Марьюшки Салтановны и Луки Даниловича 213, 282.

Алѣша Поповичъ, поваръ на заставѣ богатырской, 5, 8; ѣздитъ съ Ильей Муромцемъ 43; на пиру у князя Владиміра 24—6; 140, 163—8 187, 191; 201—2—ѣдетъ за каликами; 260—3; 315, 332—7, 389—393.

Анна, племянница Владиміра-князя кіевскаго 293—7.

Аннушка, дочь Марины Чусовой-вдовы 193—6.

Аннушка Путятишна, живетъ въ Литовской землѣ 46—7.

Анастасья Петровична, сестра братьевъ Долгополыхъ 23—5.

Анастасія Семеновна, дочь Лиховитого царя 186.

Андрѣнъ-поле 310.

Анисимъ Захаровъ 175.

Антоніевъ монастырь, 346—7.

Антоній старикъ, 350.

Апрѣксія-княгиня, жена князя Владиміра Кіевскаго 17—21; 29, 71, 115, 118—121; 198—200, 203, 228, 239, 263; 333—7; 346, 390—2.

Апросенья Семеновна, дочь Лиховитскаго царя 186—192; 339—341, 343.

Артемьевъ монастырь 196—7.

Архангельскъ, 157.

Астрахань 26, 45, 155 275.

*) Цифры означаютъ страницы.

Бабушка-задворенка, воспитательница Михайла Карамышева 100, 374—380.

Базыкова корова 14.

Батуишшо, онъ-же Абатуишшо царишшо 54—6.

Блудно-Блудищо, отецъ Фатенка 193.

Бобръ осистой, 26; бобръ закаменской 353.

Богъ Саваовъ 310.

Богородица 171—2, 266—8, 231—4, 336, 345, 395.

Борисъ Горденовичъ 315, 17, 318.

Бранскóй-городъ 230—3.

Брюнской-король 182.

Буславей, онъ-же Буславьюшко 297 — 8; Буславъ 347, 396.

Бутманъ Колыбановичъ 59—62; 64—5

Буянъ-островъ 6, 163—5.

Бѣдовая деревня 370.

Бѣлое озеро 311, 329.

Бѣльской, бояринъ при дворѣ Ивана Грознаго 369, 370.

Варальское море 44.

Василій Буслаевъ 5, 38, 53—6; 151—5; 204, 298—301, 346—358; 381—8; 396—7.

Васька Захаровъ 155, 175.

Василей Ивановичъ, переряженная мужчиной жена Ставра Годинова 117—123.

Василій Игнатьевичъ 5, 29—32, 62—9, 73—6.

Василій Казиміровъ 264—9.

Васинька маленькій 299, 307, 366, 398.

Василиса Микулицьна, жена Ставра Годиновича 115, 116.

Васинька Окуловъ, онъ-же Васька Прекрасной-царь 142—4, 149—150, 316—20.

Васинька Ханавовъ 175.

Визя Лазурьевичъ 163—8; онъ-же Вижя.

Вильянской-князь 401.

Владиміръ-князь, стольнокиевскій 16—25, 28; 33, 53, 68, 71—6; 80, 89, 93, 97—8; 102, 106—122; 124, 126, 129, 133—9; 166—8; 192—203; 222, 228—30; 233; 237—244; 251—4; 263—4; 268—9; 287, 293—7; 313—333—7; 342—3; 346, 389—393.

- Владиміръ-князь, Черниговскій 260—3.
Волга рѣка, матушка 26, 45, 234—5, 275, 301—2, 305.
Вольга Всеславьевичъ 331—2.
Волкъ рысучій 26.
Ворона пустоѣрая 11.
Волотѡманъ Волотомоновичъ, царь 308—9.
Волховъ рѣка 50—1, 152—4, 349—50, 386.
Волхѡнской-князь 401.
Галица Малая, Нижняя 123, 129, 321—2.
Гогáринъ-князь 400.
Голубинная книга 235—6.
Голубкова деревня 370.
Господь, Царь, Небѣсной-свѣтъ 236.
Госпожа Мать Богородица 70.
Граничники 223—4.
Гремитъ Манойловичъ, король Турецкій 292.
Греческая земля 81.
Гурьюшко, названой братъ Олеси Поповича 336.
Давыдъ Евсѣевичъ, царь 309.
Давыдъ-пророкъ 236.
Данило Борисовичъ, атаманъ казацкій 209, 213—18.
Данилко Денисьевичъ атаманъ казацкій 305—7.
Данило Игнатьевичъ 269, 272—4.
Данило Староильевичъ 162—8, 280.
Демрюкъ 307, 364.
Добрынина жена 389—393.
Добрыня Никитичъ 5, 8—10, 37, 41—5, 70, 98—101, 138—40, 191, 203, 232, 247—51, 253, 259—60, 314—16, 321—23, 338—40, 389—93.
Долгорукова княгиня 219—221.
Долгорукой-князь 57—8, 218—20.
Долгополые братья 38, 39, 232.
Донъ рѣка 156—7, 213—17, 305.
Дунай Ивановичъ, 338—5, 8, 16, 43—5, 186—192.
Дунай-рѣка 241.
Дѣвушка-черनावушка 130—1, 276—8, 383.
Дюкъ Степановичъ 5, 123—9, 332.
Егорей-князь 180—1.
Екимъ-паробокъ 260—3, 334—7.
Елесей-рѣка 132, 133, 136.

- Ерака Большебородой 175.
Ёрдáнь-рѣ́ка 154, 298, 300, 355.
Ерусáлимъ-градъ 151—4, 298, 300, 352—3, 355.
Еруславъ-городъ 184, 400.
Естрѣ́пель, птица 310.
Жена разбойника 401—2.
Женщина снарядная 385.
Жена сторомáтера 362.
Зáмосква 366.
Застава татарская 75.
Златы́горка 13, 40.
Змѣ́й Горы́цкой, любовникъ Маринки 99.
Змѣ́я лю́тая троегла́вая 281.
Иванъ Горденовъ 313—321.
Иванъ Гостиновичъ 102—112.
Иванъ Васильевичъ Грозный царь 204—9, 307, 363—8, 370—3, 397—9.
Иванъ Великій 158.
Иванъ Тимоѳеевичъ, отецъ Ильи Муромца 78, 80, 88.
Идолъ Жи́дойловичъ 293—7.
Идо́лище по́ганое 40, 89.
Илья́ Му́ромецъ 5—15, 16—21, 37—45, 124—129, 134—142, 168, 191, 221—230, 253, 256—8, 315—18, 332, 390—3.
Имба́ль, король Литовскій 330—1, 333.
Исай пророкъ 236, 309—10.
Исусъ Христосъ 236, 355.
Казаки Донскіе, Гребенскіе, Запорожные 156—7.
Казань городъ 26, 45, 155, 275.
Казаринъ Петровичъ 332.
Калика перехожая 395.
Кама-рѣ́ка 156.
Камчужскій орелъ 377.
Кандро́къ-городъ 183.
Карамышовъ-городъ 374, 380.
Карачагово село 78, 88; Карчагово жи́ло 228.
Карела пребогатая 123, 321—2.
Карчага рѣ́ка 221.
Катерина, жена Егорей-князя 180.
Кашинъ-городъ 59.
Киршакъ, племянникъ Скурлы царя 66—7, 70.

- Киршикъ, зять Кудреванка-царя 133.
Киселиковъ-градъ, въ царствѣ Салтана Турецкаго 271—4, 282.
Кіевъ 11, 14, 17, 18, 27, 31, 35—6, 42, 70—3, 82—6, 89—90, 102, 106, 113, 123—4, 133, 137, 139, 183, 185, 191—2, 197, 205, 222—5, 230—9, 242, 251, 260, 263, 275—9, 285—7, 293—7, 313—7, 321—4, 333, 340—6.
Ключникъ, приемышъ князя Долгорукова 57, 58, 218—221.
Книги старопечатныя 18.
Ковшей Безсмёртный 18—21.
Кончальникъ, 345—6.
Коньшакъ, зять Скурла царя, 70.
Копейщата-земля 240—1.
Король Литовской земли 45—46.
Костринскій городъ 182.
Кострюкъ Темрюковичъ 364—8. Кострюкъ-Мострюкъ Степановичъ 397—9. Кострюкъ Демрюковичъ 307—8.
Костя Новоторженинъ 299, 347—9, 354, 397.
Костя, братъ царя Александра, 63—4.
Кощёй Трипéтовъ 115.
Красна дѣвица, сестра Михаила Карамышева 378—81.
Красота-Касьянъ сынъ Степановичъ 199, 200, 203, 204.
Кремль-городъ 218.
Кривда 311.
Кудреванко-царь 133—7.
Кузенко Сибирчаженинъ 332.
Куликово поле 6, 70, 133, 371.
Куршакъ, свать Скурлы-царя 27, 70, 345.
Латырь-камешокъ 13, 40.
Левонтей, попъ Ростовскій 301—2, 334—5.
Леховитской-городъ, 338—9.
Лимбáль-король, Литовскій 169.
Лисица Берёзовка 45.
Лисица бурнастая 26.
Литва проклятая 288—291, 363, 397—9; Литва поганая 394; Литовская земля 45.
Лука Даниловичъ 209—213 269—273, 274 280—2.
Лука Петровичъ Долгополый 6, 8. 23—5, 141—2, 177.
Ляхово 27, 69, 87.

- Маѣво побоище 142.
Макарѣвскіе пески 20, 249.
Малюта Скурлатовъ, палачъ московскій 371 — 2
205—7.
Малюта-царь 324; Малюта-король 252; Малютинъ-
князь 33.
Малюта Скурлатьевна 33.
Малютисна, дочь Малюты короля 252—3.
Маривьяна 325, мать Скопина.
Маринка 159, 160.
Маринка-душка лебедь бѣлая 241—4.
Маринка, волшебница подруга змѣя Горыцькаго
99—101.
Маринка-душка лебедь бѣлая, дочь Черниговск. кня-
зя, она-же Маримьяна прекрасная 313, 316—321.
Маринка Чусова вдова 47—9, 193—6.
Марія, царица, сестра Кострюка 307, 363—8, 399.
Марьюшка, дочь Салтана, короля турецкаго 212—213.
Матвѣй Петровичъ Долгополый 6, 8, 23—5, 141—2, 177.
Медвѣжина рѣка 81.
Миршакъ, зять Скурлы - царя 27; Миршикъ, сынъ
Кудреванка-царя 113.
Михайло Карамышевъ, 374—381. см. Казаринецъ.
Михайлушко Казаринецъ 177—180.
Мишка Торопанишко, конюхъ на заставѣ богатыр-
ской 58.
Монастырь вселенскій, Миколы светителя 158.
Морской-царь 303—4.
Москва городъ 97, 158, 183, 205, 218, 245, 308, 370—1,
363—6, 397.
Муромъ-городъ 78, 88, 221-8.
Мыслеево озеро 196—7.
Настасья дочь Колашница, жена Пермьты Ива-
новича 276—8.
Настасья Салтановна, дочь салтана Турецкаго
271—4, 282.
Настасья Семеновна, дочь Леховитскаго царя 340—4.
Неварѣка 69.
Несѣй-рѣка 42.
Никита преширокій 5, 53—5; 265—9.

Никита Романовичъ, дядя царя Ивана Грознаго 160, 206—9, 307, 372—3, 364—8, 397—9.

Никитушка высокой 153.

Никитушка Романовичъ, отецъ Добрыни 97, 247, 258—9.

Никола святитель 52, 79, 139, 156—8, 179—80, 266—8, 302—4, 359—60, 363.

Новгородъ 50—1, 151, 260, 301—4, 346—350, 358, 360, 363, 370, 381—8, 394.

Новгороджаны-мужики 349, 351, 382—8.

Новгородскій перевозъ 275.

Новотокмяны мужики 83, 152—3; они-же станичники и коробочники.

Новые города 97.

Нѣиръ-рѣка 128; Нѣпровскіе омуты 275.

Панкó русый 175.

Перегримѣ-старичище 385—6.

Пермя Васильевичъ 5; Пермята Ивановичъ 130—2, 276—8.

Петръ Алексѣевичъ, царь. 60—2.

Петровъ день 276.

Петръ Карамышевъ, купецъ 374, 380.

Печора рѣка 370.

Питеръ городъ 183, 205, 245.

Племянники Лимбала, короля Литовскаго 169 — 175, 230—233.

Подобьская земля 242—3.

Потанюшка Хромой 5, 53—4, 153, 265—9, 299, 307—8, 348—9, 354—7, 366—8, 397—9.

Потапъ Артамоновичъ 286—292; см. Потапъ Ивановичъ.

Потапъ Ивановичъ, богатырь 394—6.

Подсúшина 29.

Пóтыкъ Михайло Ивановичъ 5, 237—245.

Почёвъ-рѣка 18, 20; Пучевъ-рѣка 27.

Правда 311.

Разбойникъ-воръ, ночной подорожникъ 402.

Резань, слобода и городъ 204, 247, 258.

Родивонъ превысокій 5.

Россія 62; Руськая земля 158, 354, 363—4.

- Россійскій орель 377.
Ростовъ, городъ 216.
Саворъ-гора 235.
Садко, купецъ новгородскій 234—5, 278—9, 301—4,
358—363. Садокъ, 50—2.
Салтанъ Лукоперенинъ, царь 282.
Салтанъ Турецкій 212, 271—4.
Самсонъ Колыбановичъ 5, 8, 315, 318, 332.
Саратовы-горы 6.
Святогоръ 256, 332.
Семень Лиховитый-царь 44, 186—191, 338—340.
Сибирскій соболь 353.
Сизокамскій орель 7. 81.
Синиморя ледовитыя 378.
Скопинъ Михайло Ивановичъ 6, 33, 191, 252—4, 321—4.
Скурла-царь, 27, 28, 32, 66—70, 75, 287—291, 345—6, 394—6.
Скурлата Малютична, кума Скопина 324—5, см. Малюта
Скурлатьевна.
Смородина-рѣка 26, 45.
Сокольникъ 12—15, 40.
Соловей Будимировичъ 45—7.
Соловей Рахматовичъ 84—88, 223, 226—230.
Соломанъ, Премудрый царь 144—151, 236.
Сорока-бѣлобокая 11.
Сорочина долгоцолая 354, 357.
Сорочинскія горы 270, 300—1, 354—6.
Сорочинское поле 6, 27, 70.
Спасъ Вседержитель 262, 266—8, 336, 395.
Ставѣрь сынъ Гоудиновичъ 114—123.
Старець-гологузъ, волшебникъ 370.
Старикъ бѣлый какъ куропать 278.
Стенька Разинъ 156, 182.
Степáновы, царскіе гости 399.
Сторона Западная, Сѣверная, Лѣтняя, Полу-
ночная 6, 378.
Студѣное море 136.
Суздаль-градъ 233.
Оглицянина, народъ 62.
Омельфа Тимоѣевна 34—6, 123—9, 349—353, 355,
358, 382—8.

- Орда проклятая и Земля поганая 61.
Офимья Константиновна, жена Никиты Романова 259.
Тараканъ Заморенинъ 144—7, 150.
Татары трое, везуть дочь Петра Карамышева 378—80.
Татаринъ 9.
Титъ-рыба 310.
Тугаринъ Змѣевъ 95—7, 134—8, 261—3, 334—7; онъ-же Угарище, Югарище, Идолище.
Туесь-городъ 181, 274.
Турецкая земля 292.
Турка, народъ 62.
Турзы-урзы 223—5.
Фатѣнко, 47—9, 193—6; онъ-же чудно-чудишшо.
Федоръ, попъ Ростовскій 261—2.
Федоръ Черниговскій, князь, 316, 317.
Холщевская земля и городъ 238—9.
Христось Царь Небесный 310.
Царевичъ, старшій сынъ Ивана Грознаго 370—1.
Царищю-Поддонищю 361—2.
Церковь Свѣтлаго Христова Благовѣщенія 275.
Чахово 344.
Черниговъ-градъ 102—3, 105, 197, 203, 260, 313, 315, 333.
Черное море 231.
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ 182—3.
Чивудельскія плёса 275.
Чудь бѣлоглазая 354—7.
Чурило Пленковичъ 5, 125—132, 276—8, 332; онъ-же голошашко 390.
Шахъ Персицкій 215.
Шахово 27, 69.
Шолкъ Россійскій и Шолкъ Шематинскій 384.
Фаргорская гора 308.
Федоръ-царевичъ, сынъ Ивана Грознаго 370—3, 205—9.
Ома толстой 348—9, 354, 397.
Ома широкой 153.
Французъ, народъ 62.
Юлановы (Улановы), царскіе гости 399.

Записки
по Отд. Этногр.
Т. XXX.

ПЕРОРОЖИЧЬИ.
